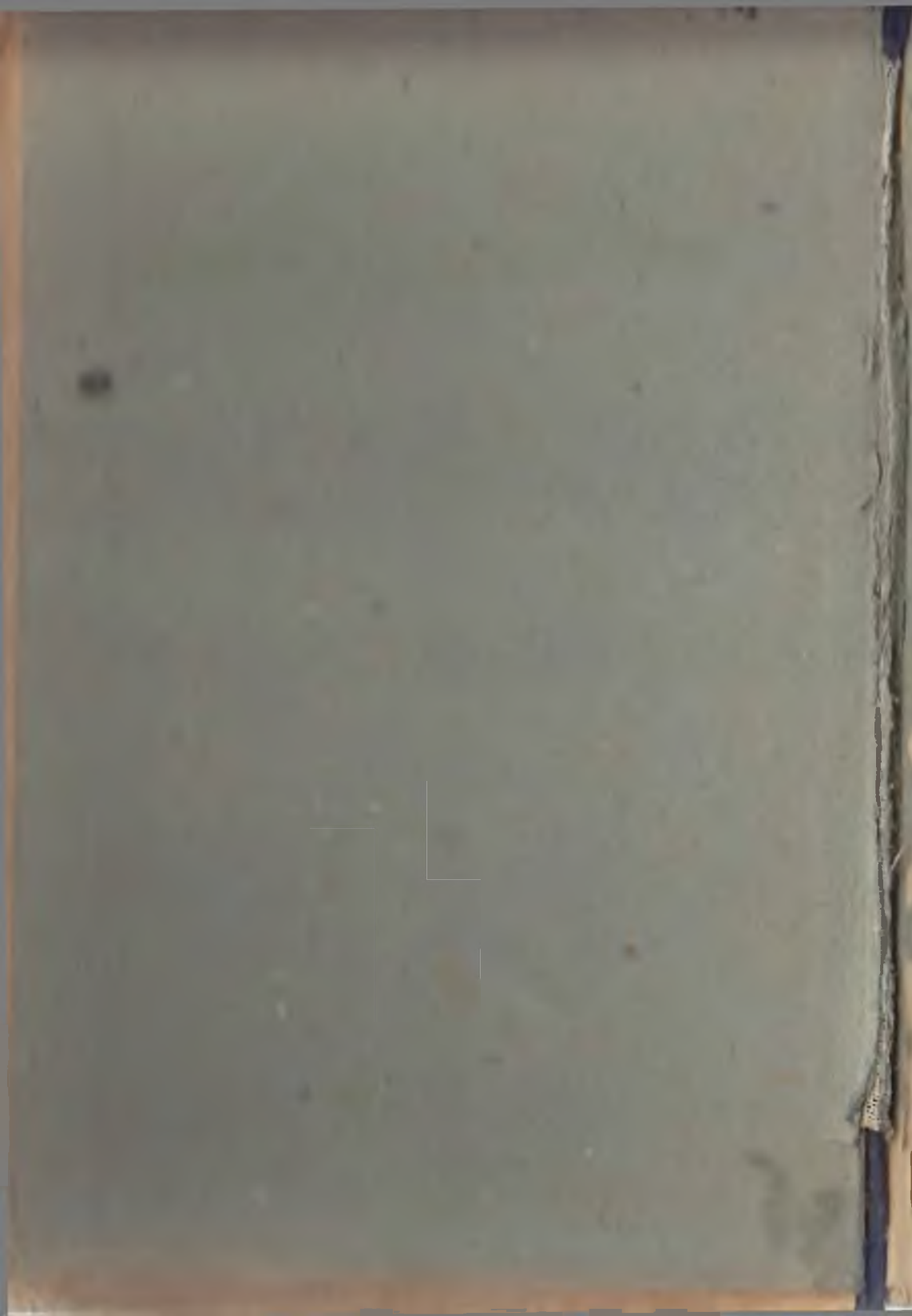

К. МАРКС

КАПИТАЛ

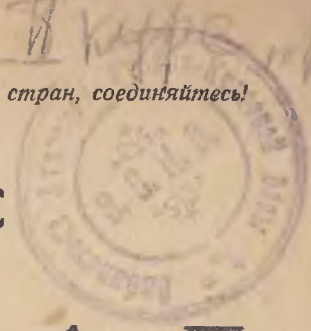
401
I

19 * ПАРТИЗДАТ * 32

Луканича И. Киф...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАРЛ МАРКС

КАПИТАЛ

Критика политической экономии

ТОМ ПЕРВЫЙ

УЧЕБНИК
№ 1836

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

11 345

Печатается с русского издания,
пересмотренного И. СТЕПАНОВЫМ

УЧЕБНИК
№ 2404

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ

12-439
5553

ВЛК *1000*
БЛЗ...
...
2891

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932

126 — 175 тысяча.

Технический редактор И. Д. Галактионов.

Книга подписана к печати с матриц 14 апреля 1932 г.

Инд. С, 60. Партиздат № 648/м. Тираж 50000.

Вышла в свет — май 1932 г.

Ленгорлит № 37984. Зак. № 718.

Формат бумаги 62 × 94 см.

41 печ. л.

(119808 тип. знак. в 1 бум. л.)

Бум. л. 204/2.

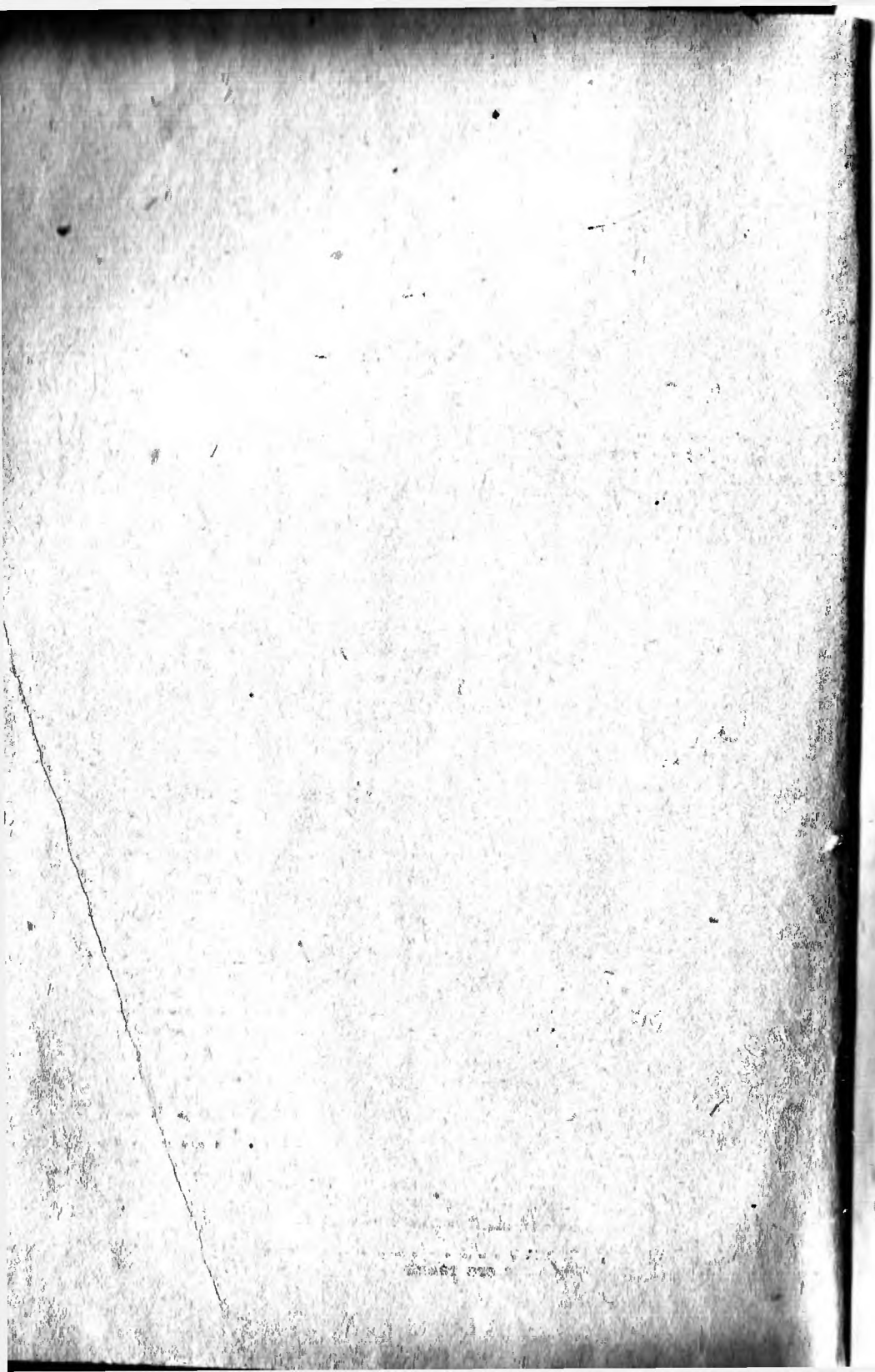
ПОСВЯЩАЕТСЯ

**МОЕМУ НЕЗАБВЕННОМУ ДРУГУ
СМЕЛОМУ, ВЕРНОМУ, БЛАГОРОДНОМУ,
ПЕРЕДОВОМУ БОРЦУ ПРОЛЕТАРИАТА**

ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ.

Родился в Тарнау 21 июня 1809 г.

Умер в изгнании в Манчестере 9 мая 1864 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
К русскому изданию. <i>И. Степанов</i>	XI
Предисловие к первому изданию	XIII
Послесловие ко второму изданию	XVII
Предисловие к третьему изданию	XXIV
Предисловие к четвертому изданию	XXVI

КНИГА ПЕРВАЯ

Процесс производства капитала.

Отдел первый.

ТОВАР И ДЕНЬГИ.

Глава первая. Товар.	1
✓ 1. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость (субстанция стоимости и величина стоимости)	—
2. Двойной характер заключающегося в товарах труда	6
3. Форма стоимости или меновая стоимость	11
А. Простая, единичная или случайная форма стоимости	12
1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма	—
2) Относительная форма стоимости	13
а) Содержание относительной формы стоимости	—
б) Количественная определенность относительной формы стоимости	16
3) Эквивалентная форма	18
4) Простая форма стоимости в целом	22
В. Полная или развернутая форма стоимости	23
1) Развернутая относительная форма стоимости	24
2) Особенная эквивалентная форма	—
3) Недостатки полной или развернутой формы стоимости	25
С. Всеобщая форма стоимости	26
1) Изаменный характер формы стоимости	—
2) Отношения между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы	27
3) Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме	29
D. Денежная форма	—
4. Товарный фетишизм и его тайна	80

	Стр.
Глава вторая. Процесс обмена	41
Глава третья. Деньги или обращение товаров	49
1. Мера стоимости	—
(Цена, Масштаб цен. Всеобщее повышение или всеобщее понижение цен. Счетные наименования денег, счетные деньги. Количественное несоответствие величины стоимости и цены. Качественное несоответствие их. Цена — лишь идеальная форма стоимости товара.)	
2. Средство обращения	57
а) Метаморфоз товаров	—
(Кругооборот Т — Д — Т. Продажа Т — Д. Купля Д — Т. Метаморфоз товара в целом. Товарное обращение. Различия между товарным обращением и обменом продуктов.)	
б) Обращение денег	65
(Метаморфоз товара и обращение денег. Двукратное перемещение денег. Количество обращающихся денег. Быстрота обращения. Ход и задержки обращения. Факторы, определяющие массу обращающихся денег.)	
в) Монета. Знак стоимости	78
(Монета и слитки, снашивание монеты. Знак стоимости. Серебряные и медные знаки. Бумажные деньги. Закон обращения бумажных денег с принудительным курсом.)	
3. Деньги	78
а) Образование сокровищ	—
б) Платежное средство	82
в) Мировые деньги	89

Отдел второй.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

Глава четвертая. Превращение денег в капитал	93
1. Общая формула капитала	—
2. Противоречия общей формулы	101
3. Купля и продажа рабочей силы	109
(«Свободный рабочий». Стоимость рабочей силы. Своеобразная природа товара «рабочая сила».)	

Отдел третий.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Глава пятая. Процесс труда и процесс увеличения стоимости	119
1. Процесс труда или производство потребительных стоимостей	—
(Процесс труда. Предмет труда, сырой материал, орудие труда. Средства производства. Производительное потребление.)	
2. Процесс увеличения стоимости, или производство прибавочной стоимости	125
(Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом. Процесс образования стоимости. Стоимость рабочей силы и количественные различия ее использования в процессе труда. Процесс увеличения стоимости, возникновение капитала.)	
Глава шестая. Постоянный капитал и переменный капитал	136
Глава седьмая. Норма прибавочной стоимости	146
1) Степень эксплуатации рабочей силы	—

	Стр.
2) Выражение стоимости продукта в относительных долях про- дукта	153
3) «Последний час» Сениора	156
4) Прибавочный продукт	160
Глава восьмая. Рабочий день	161
1) Пределы рабочего дня	—
2) Ненасытная жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин	65
3) Отрасли английской промышленности без законных границ эксплоатации . . . . . (Кружевная промышленность. Гончарное производство. Про- изводство спичек. Производство обоев. Пекарное производ- ство. Железнодорожное производство. Швейное производство. Кузнецы.)	172
4) Дневной и ночной труд. Система смен . . . . . (Металлургия и металлическая промышленность.)	183
5) Борьба за нормальный рабочий день. Принудительные законы об удлинении рабочего дня с половины XIV до конца XVII столетия . . . . . (Беспощадное отношение капитала к здоровью и жизни ра- бочих. Английские статуты о рабочих. Пределы рабочего дня в XVIII веке до эпохи крупной промышленности.)	190
6) Борьба за нормальный рабочий день. Принудительное огра- ничение рабочего времени. Английское фабричное законода- тельство 1833 — 1864 гг. . . . . (Закон 1833 года. 1844 года. 1847 года. 1850 года. Шелковые фабрики. Ситцепечатные заведения. Красильные и белиль- ные заведения.)	202
7) Борьба за нормальный рабочий день. Влияние английского фабричного законодательства на другие страны.	219
Глава девятая. Норма и масса прибавочной стоимости	223

Отдел четвертый.

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Глава десятая. Понятие относительной прибавочной стоимости.	232
Глава одиннадцатая. Кооперация . . . . . (Исходный пункт капиталистического производства, колп- чественное отличие последнего от цеховой промышленно- сти. Общественный средний труд. Экономия средств произ- водства. Общественные производительные силы кооператив- ного труда. Прежние формы кооперации. Ее капиталистиче- ская форма.)	240
Глава двенадцатая. Разделение труда и мануфактура	252
1) Двойное происхождение мануфактуры	254
2) Частичный рабочий и его орудие	—
3) Две основные формы мануфактуры: гетерогенная мануфактура и органическая мануфактура	257
4) Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обще- стве	264
5) Капиталистический характер мануфактуры	271
Глава тринадцатая. Машины и крупная промышленность	280
1) Развитие машин	—
2) Стоимость, отдаваемая машиной продукту	292
3) Ближайшие действия машинного производства на рабочего. а) Присвоение капиталом добавочных рабочих сил. Женский и детский труд.	299

	Стр.
1) Удлинение рабочего дня	306
с) Интенсификация труда	311
4) Фабрики	320
5) Борьба между рабочими и машиной	327
6) Теория компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами	336
7) Отталкивание и притяжение рабочих в связи с развитием машинного производства. Кризисы в хлопчатобумажной промышленности	344
8) Революционизирование мануфактуры, ремесла и домашнего производства крупной промышленностью	355
а) Уничтожение кооперации, основанной на ремесле и разделении труда	—
б) Обратное влияние фабрики на мануфактуру и домашнее производство	357
с) Современная мануфактура	358
д) Современный домашний труд	360
е) Переход от современной мануфактуры и домашнего труда к крупной промышленности. Ускорение этой революции распространением фабричных законов на эти способы производства	364
9) Фабричное законодательство (постанования о санитарных условиях в воспитании). Всеобщее распространение его в Англии	373
10) Крупная промышленность и земледелие	391

Отдел пятый.

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Глава четырнадцатая. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость	394
Глава пятнадцатая. Соотношение между ценой рабочей силы и величиной прибавочной стоимости.	403
1) Величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны, производительность труда изменяется	—
2) Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда изменяется	407
3) Производительная сила и интенсивность труда постоянны, рабочий день изменяется	408
4) Одновременные изменения продолжительности производительной силы и интенсивности труда	410
Глава шестнадцатая. Различные формулы нормы прибавочной стоимости	412

Отдел шестой.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Глава семнадцатая. Превращение стоимости, соответственно цене рабочей силы, в заработную плату.	417
Глава восемнадцатая. Повременная плата	423
Глава девятнадцатая. Пешлучная плата	430
Глава двадцатая. Национальные различия в заработной плате	437

Отдел седьмой.

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Введение	442
Глава двадцать первая. Простое воспроизводство	443
(Рабочий класс, как принадлежность капитала. Отношение между капиталистом и рабочим воспроизводится капиталистическим процессом производства.)	

	Стр.
Глава двадцать вторая. Превращение прибавочной стоимости в капитал.	455
1) Капиталистический процесс производства в расширенном масштабе. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения	—
2) Ошибочное понимание политической экономией воспроизводства в расширенном масштабе	463
3) Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Теория владения	465
4) Обстоятельства, определяющие размеры накопления независимо от той пропорции, в которой прибавочная стоимость распадается на капитал и доход. Степень эксплуатации рабочей силы. Производительная сила труда. Рост применяемого капитала по сравнению с потребляемым. Величина авансированного капитала	472
5) Так называемый рабочий фонд	482
Глава двадцать третья. Всеобщий закон капиталистического накопления	485
1) Увеличение спроса на рабочую силу параллельно накоплению, при неизменяющемся составе капитала	—
2) Относительное уменьшение переменной части капитала с прогрессом накопления и сопровождающей его централизации	493
3) Возрастающее производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии	500
4) Различные формы существования относительного перенаселения. Общий закон капиталистического накопления	511
5) Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления.	517
a) Англия 1846 — 1866 г.г.	517
b) Плохо оплачиваемые слои британского промышленного рабочего класса	522
(Условия питания. Состояние жилищ. Лондон. Ньюкастль на Тайне. Брэдфорд. Бристоль.)	
c) Бродячие рабочие. Горнорабочие	530
(Жилищные условия. Железнодорожные рабочие. Угленосы и другие чернорабочие.)	
d) Влияние кризисов на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса	533
(Строители железных судов в восточном Лондоне.)	
e) Британский земледельческий пролетариат	537
(Бродячие артели.)	
f) Ирландия	558
Глава двадцать четвертая. Так называемое первоначальное накопление	571
1) Тайна первоначального накопления	—
2) Экспроприация земли у сельского населения	574
(Превращение пахотной земли в пастбища в последнюю треть XV и в первые десятилетия XVI века. Реформация и расхищение церковных земель. Превращение феодальной собственности в буржуазную собственность. Реставрация и «достославная революция». Расхищение государственных имуществ. Общинная собственность и ее разграбление. Clearing of Estates, превращение пахотной земли в пастбища для овец и пастбищ для овец в охотничьи парки в горной части Шотландии.)	
3) Кровавое законодательство против экспроприированных с конца XV века. (Законы с целью понижения заработной платы)	588
4) Возникновение капиталистических фермеров	596
5) Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала	598

	<i>Стр.</i>
6) Возникновение промышленного капиталиста	602
(Колониальная система. Система государственных долгов. Со- временная система налогов и система протекционизма. Истя- вание детей в начале крупной промышленности.)	
7) Историческая тенденция капиталистического накопления	611
Глава двадцать пятая. Современная теория колонизации.	613

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Новое издание отличается от прежнего (1909 г.), выполненного по пятому немецкому изданию, больше всего вставками и дополнениями, происхождение которых объясняет Каутский в своем предисловии¹. Малочисленные и небольшие в первых главах книги, в дальнейшем они становятся все более частыми и обширными, разрастаясь по временам до $1\frac{1}{2}$ — 2 страниц. Некоторые из них настолько существенны и вносят такие перемены в известный по прежним русским переводам характер изложения, что в сущности только теперь окончательно устанавливается текст первого тома «Капитала».

По самому существу дела менее отразились на русском переводе другого рода изменения, — те, которые должны были сделать новое издание «популярным изданием» («Volksausgabe»). Все английские, французские и т. д. цитаты и в предыдущем русском издании уже были переведены на русский язык. Англицизмы не могли сохраниться в русском переводе. Термины, взятые с латинского и греческого языка, переводились на общих основаниях, поскольку кто допускало установившееся в русском литературном языке словоупотребление. Но последнее ставит русских переводчиков, пожалуй, в более узкие границы, чем немецких переводчиков. Так, напр., Каутский везде заменяет слово «эксплоатация» немецким словом «Ausbeutung». Какое бы русское слово ни намислили переводчики для выражения этого понятия, оно окажется бесспорно менее вразумительным, чем иностранное слово «эксплоатация». Здесь, как и во многих других случаях, русский переводчик, если бы он считал целесообразным далеко пойти в деле «чистки» русского языка от иностранных слов, почувствовал бы такое же бессилие, как Каутский, когда он поставил вопрос, возможно ли заменить каким-нибудь немецким словом слово градус (Grade). По нашему мнению, жалеть об этом несколько не приходится. Интернационализация научного языка — совершенно естественное, необходимое и положительное явление. И если, с одной стороны, нелепым становится наш главный язык, который без всякой нужды заимствует с иностранных языков много и новые слова, легко заменимые русскими, то, с другой стороны, прямо курьезное впечатление производил бы русский переводчик, который вздумал бы обойтись без таких слов, как капитал, рента, процент, политика, экономия и т. д. Но ведь это — только наиболее резкие примеры иностранных слов, которые давно уже сделались «русскими» словами.

Новое русское издание «Капитала» сделалось более популярным преимущественно

¹ В настоящем издании предисловие Каутского не помещается в виду малочисленности его для русского читателя. Вставки и дополнения, о которых упоминает И. Степанов, являются результатом перенесения Каутским в немецкое издание изменений, сделанных Марксом во французском издании.

щественно постольку, поскольку Каутский заменил некоторые трудные места предыдущих немецких изданий более простым изложением, взятым, главным образом, из французского перевода. Остальные же перемены, по нашему мнению, в действительности не повысили и не могли повысить популярность нового немецкого издания настолько, чтобы его можно было по справедливости назвать «популярным», в отличие от предыдущих. Важность этих перемен вытекает больше из их научной ценности, чем из того, что они делают книгу более доступной для читателей.

Изменения и дополнения, внесенные в прежний текст «Капитала», иногда настолько существенны, что новое издание представляет большой интерес даже для читателей, изучивших книгу по старым изданиям.

В так называемом популярном издании, подготовленном Каутским, отсутствуют предисловия Энгельса к третьему и четвертому немецким изданиям. Причина тому — в соображениях, посторонних литературному существу дела. В этом отношении мы, не связанные необходимостью считаться с «собственностью» прежних издателей, отступаем от последнего немецкого издания и восстанавливаем выпущенные в нем предисловия.

И. Степанов.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Произведение, первый том которого я предлагаю публике, составляет продолжение работы, выпущенной мною в 1859 г., под заглавием «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Длинный перерыв между началом и продолжением вызвал многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала мою работу.

Содержание более раннего произведения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие едва намеченные там пункты получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускала самая задача исследования, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Само собой разумеется, отделы, касающиеся исторического развития теории стоимости и денег, здесь выброшены совершенно. Однако читатель, знакомый с «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», найдет в примечаниях к первой главе настоящего сочинения новые источники по истории этих теорий.

Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее отдела, который заключает в себе анализ товара. Что касается ближайшего анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно¹. Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И тем не менее ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но

¹ Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются даже в том отделе работы Лассалья, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, «духовная квинт-эссенция» моего исследования по этому предмету. Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, впрямь, об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д. и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, само собой разумеется, об отдельных деталях его теории и ее практических приложениях, с которыми у меня нет ничего общего.

товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализа он покажется просто рыдом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, напр., микроскопический анатомист.

На исключочном отделе о форме стоимости эта книга не представит трудностей для понимания. И, разумеется, имею в виду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно.

Финкс или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* (О тебе эта история рассказывается!).

Существенна здесь не более или менее высокая ступень развития тех общественных противоположностей, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, напр., на фабриках, в собственном смысле этого слова, наши условия гораздо хуже английских, так как отсутствует противовес в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* (Мертвые тащат за собою живых!).

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных стран западно-европейского континента имеет весьма жалкий вид. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы. Положение дел у нас ужаснуло бы нас самих, если бы наши правительства и парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии для исследования экономических условий; если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспартийных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты относительно «Public Health» («общественного здоровья»), как члены английских комиссий, исследовавших условия эксплуатации жещиц и детей, жилищца, питание рабочих и т. д. Персей

ождался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы по уши влезем в шапку-невидимку, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Почему предаваться иллюзиям. Подобно тому как в XVIII столетии американская война за освобождение прозвучала набатным колоколом для среднего класса Европы, точно такую же роль по отношению к рабочему классу Европы сыграла американская гражданская война в XIX столетии. В Англии процесс переворота становится уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокую или более гуманные формы, в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, независимо от каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих классов предписывает убрить все препятствия, стесняющие развитие рабочего класса, поскольку это достижимо законодательным путем. Потому-то я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, раз оно попало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью этой работы является раскрытие закона экономического развития современного общества, — не может ни перескочить через ответственные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и землевладельца я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Так как я рассматриваю развитие экономической формации общества как естественно-исторический процесс, то отдельное лицо с моей точки зрения менее, чем с какой-либо иной, ответственно за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается во всяком случае, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Но самому характеру обрабатываемого материала политическая экономия вынуждает по отношению к себе самые яростные, самые мелочные, самые неприемлимые проявления человеческой ненависти: она пробуждает фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит пападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем пападки на $\frac{1}{30}$ ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет самый небольшой грех по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, напр., на опубликованную за последние недели Синюю книгу: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trades Unions». Иностранцы представители английской короны высказывают здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, — одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, — переворот в существующих отношениях между капиталом и трудом столь же ошутителен и столь же неустраним, как и в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана господин Wade, вице-президент Соединенных штатов Северной Америки, заявил на публичном митинге: по устранении рабства на очередь ставится переворот в отношениях капиталистической и земельной собственности! Таковы

вспомнил времени; их не скроешь от глаз ни пурпурной мантией, ни черной рясой. Это не означает, конечно, что завтра произойдет чудо. Но это означает, что уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что твердое общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращению и находящийся в постоянном процессе превращения.

Второй том этой работы будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и капиталистическому процессу в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий.

Я буду рад всякому указанию научной критики. Что же касается пред-рассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом попрежнему остаются слова великого флорентинца:

*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti*¹.

Лондон, 25 июля 1867 г.

Карл Маркс.

---

¹ Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно!

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я должен прежде всего указать читателям первого издания на изменения, произведенные во втором издании. Более отчетливое подразделение книги бросается в глаза. Дополнительные примечания везде отмечены, как примечания ко второму изданию. Что касается самого текста, важнейшее заключается в следующем:

Глава I, 1 — с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, и также прямо указана в первом издании просто намеченная связь между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно-необходимым рабочим временем. Глава I, 3 («Форма стоимости») совершенно переработана, что было необходимо уже вследствие двойного изложения в первом издании. Кстати сказать, к двойному изложению побудил меня мой друг д-р М. Кугельман из Ганновера. Я посетил его весной 1867 г., когда из Гамбурга пришли первые пробные оттиски, и он убедил меня, что для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости. — Последний отдел первой главы: «Товарный фетишизм» и т. д., в значительной части изменен. Глава III, 1 («Мера стоимости») тщательно пересмотрена, так как этот отдел в первом издании был выполнен небрежно, — читатели отсылались к изложению, уже данному в «Zur Kritik der Politischen Ökonomie, Berlin 1859». Значительно переработана глава VII, часть 2.

Было бы бесполезно указывать на все частичные изменения текста, часто чисто стилистические. Они разбросаны по всей книге. Однако, просматривая появившийся в Париже французский перевод, я нашел, что некоторые части немецкого оригинала кое-где требуют более глубокой переработки, местами большей выправки в стилистическом отношении или более тщательного устранения случайных недосмотров. Но для этого у меня не было времени, а между тем только осенью 1871 г., среди других неотложных работ я получил известие, что книга распродана, и печатание второго издания должно начаться уже в январе 1872 г.

То понимание, которое «Капитал» быстро нашел в широких кругах рабочего класса Германии, является лучшим вознаграждением за мой труд. Г. Майер, человек, экономически стоящий на буржуазной точке зрения, венский фабрикант, в одной брошюре, вышедшей во время германско-французской войны, превосходно показал, что великое тяготение к теории, считавшееся достоянием немцев, совершенно исчезло у так называемых образованных классов Германии и, напротив, возрождается в ее рабочем классе.

В Германии политическая экономия до настоящего времени остается иностранной наукой. Густав фон-Гюлих в своей книге: «Geschichtliche Darstel-

lung des Handels, der Gewerbe etc., а именно в двух первых томах этой работы, вышедших в 1830 г., уже мыслили значительную часть тех исторических условий, которые препятствовали у нас развитию капиталистического способа производства, а следовательно и формированию современного буржуазного общества. Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя ввозилась из Англии и Франции в виде готового товара; помощник профессора ее оставались учениками. Теоретическое выражение чуждой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они истолковывали в духе окружающего их мелко-буржуазного мира, т. е. произвольно перетолковывали. Не будучи в состоянии подавить в себе чувство своего научного бессилия и неприятное сознание, что приходится играть роль учителей в сфере, на самом деле им чуждой, они постарались прикрыться богатством литературно-исторической учености или же заимствованием совершенно постороннего материала из области так называемых камеральных наук, — из этой мешанины разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы.

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но по отношению к нашим профессиональным ученым судьба остается попрежнему немилостивой. В то время, когда они могли бы проявить беспристрастие при своих занятиях политической экономией, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда эти отношения создались, это произошло при таких условиях, которые уже исключают возможность беспристрастного изучения предмета в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономии, Рикардо, сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла в области политической экономии своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной экономии в лице Сисмонди.¹

Последующий период, 1820 — 1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных

¹ См. мою работу: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». 1 Auflage. Berlin 1859, стр. 39. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 90.]

брошюрах и памфлетах¹. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, хотя в исключительных случаях теория Рикардо уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазное хозяйство. С одной стороны, сама крупная промышленность в рассматриваемый период едва вышла из пеленок, как это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла борьба между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного Союза, и между руководимыми буржуазией народными массами; в экономической области ее заслоняла распря между промышленным капиталом и аристократическим землевладением, которая во Франции скрывалась за противоречием интересов мелкого и крупного землевладения, а в Англии со времен хлебных законов прорывалась открыто. Английская экономическая литература этой эпохи напоминает период бури и натиска во Франции после смерти д-ра Кенэ, — однако напоминает лишь в том смысле, в каком бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономики. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой [оправданием]. Впрочем, претенциозные трактаты, издававшиеся Anti-Cornlaw League (Лигой борьбы против хлебных законов) с фабрикантами Кэбденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времен сэра Роберта Пилля и это последнее жалко было выдернуто у вульгарной экономики фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848 — 1849 гг. отразилась и на Англии. Люди, претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов² господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которые уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм (примирительное соединение противоположных воззрений), лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономики, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономики по Миллю» великий русский ученый и критик И. Чернышевский.

Таким образом в Германии капиталистический способ производства со-

¹ Маркс обыкновенно употребляет это слово в английском смысле, в котором оно означает просто легкое сочинение или брошюру, без того добавочного значения, когда памфлет является порочащим сочинением. — К.

² На греческом языке сикофантом называется доносчик, преследующий чужие цели. Англичане называют так человека, лгящего другим из корыстных видов. Маркс обыкновенно употребляет это слово в английском смысле. — К.

зрел лишь после того, как обнаружился его антагонистический [построенный на противоположностях] характер в шумных конфликтах исторической борьбы, закипевшей в Англии и Франции, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более выработанным теоретически классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак, едва наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее вожди разделились на два лагеря. Одни, мудрые практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джон-Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое. Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались простыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом особенности исторического развития германского общества исключают возможность оригинальной разработки «буржуазной» политической экономии, но не возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь один класс: тот, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Ученые и неученые вожди германской буржуазии попытались сначала замолчать «Капитал», как это им удалось по отношению к моим более ранним работам. Но когда эта тактика уже перестала отвечать обстоятельствам времени, они, под предлогом критики моей книги, напечатали ряд советов на предмет «успокоения буржуазной совести», но встретили в рабочей прессе — см., напр., статьи Иосифа Дитгена в «Volksstaat» — превосходных противников, которые до сего дня не дождалась от них ответа¹.

Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3 000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, исследовал в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» основные положения моей теории стоимости денег и капитала, рассматривая их как необходимое дальнейшее развитие учения Смита-Рикардо.

¹ Крикливые болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее ради удовольствия и поучения этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review», безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет: «Изложение сообщает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (счасть)». «С.-Петербургские Ведомости» замечают в номере от 20 апреля 1872 г.: «Изложение, если не считать многих слишком специальных отделов, отличается общедоступностью, ясностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... совсем не похож на большинство немецких ученых... которые пишут свои книги таким темным и сухим языком, что у простого смертного голова трещит». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое.

При чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поразит последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, как это доказывается уже различными противоречиями друг другу характеристиками его.

Так, напр., парижская «Revue Positiviste» упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизической, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для лаборатории будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает: «Поскольку дело касается теории в собственном смысле этого слова, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, недостатки и преимущества которого разделяют все лучшие экономисты теоретики». Г-н М. Блок — Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Economistes, juillet et août 1872» — открывает, что мой метод — аналитический, и говорит между прочим: «Этой работой г. Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов». Немецкие рецензенты кричат, конечно, в гегелианской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427 — 436), находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет: «С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать». Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики: к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, незнакомых с русским языком.

Приведя цитату из моего предисловия к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. IV — VII, где я изложил материалистические основы моего метода, автор продолжает:

«Для Маркса важно только одно: найти закон явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не только закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него вполне достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что

критика, являющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания т. е. не идеи, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точно исследованы и действительно представляли собою различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследован порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс и не признает. Таких общих законов для него не существует. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы... но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Внимательный анализ внутреннего строя и свойств деятельного состояния явления этой (экономической) жизни неоднократно убеждал многих исследователей, уже с сороковых годов, в невозможности того последний однороден с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различия условий, среди которых органам приходится функционировать и т. д., может поэтому на разных степенях развития подчиняться совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... То, что в экономической жизни происходит, зависит от степени производительности экономических сил... При различиях в производительности и последствиях ее будут различны, а с ними и законы, ими управляющие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, — Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цель заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса.

Автор, очертив так удачно то, что он называет своим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным примерам применения этого метода, тем самым очертил диалектический метод.

Конечно способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демург [творец] действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я разрабатывал первый том «Капитала», крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как негодяя, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно — как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости даже несколько оклеветал гегелианством, употребляя там и сам характерную для него терминологию. Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой.

В своей мистифицированной форме диалектика стала модной в Германии, так как, повидимому, давала возможность набросить покрывало на существующее положение вещей. В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

Полное противоречив движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать практическому буржуа в колебаниях того периодического дилла, который пробегает современная промышленность и высшим пунктом которого является всеобщий кризис. Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своих подготовительных стадиях. Он обещает захватить настолько широкую арену, быть настолько интенсивным по своему влиянию, что, надо думать, научит диалектике даже баловней новой священной прусско-германской империи.

Лондон, 24 января 1873 г.

Карл Маркс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Марксу не суждено было самому подготовить к печати это третье издание. Мощный мыслитель, перед величием которого в настоящее время преклоняются даже его противники, умер 14 марта 1883 г.

На меня, потерявшего в лице Маркса человека, с которым меня связывала сорокалетняя теснейшая дружба, друга, которому я обязан больше, чем это может быть выражено словами, — на меня падает теперь долг выпустить в свет как это третье издание первого тома, так и второй том, оставленный Марксом в виде рукописи. О выполнении мною первой части этого долга я и даю здесь отчет читателю.

Маркс предполагал сначала переработать большую часть текста первого тома, отчетливее формулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые, дополнить исторический и статистический материал новыми данными вплоть до настоящего времени. Болезнь и необходимость заняться окончательной редакцией второго тома заставили его отказаться от этого. Лишь самое необходимое предполагалось изменить, внести лишь те дополнения, которые уже заключает в себе вышедший за это время французский перевод (*Le Capital. Par Karl Marx, Paris, Lachâtre, 1873*).

В числе оставшихся после Маркса книг отыскался немецкий экземпляр «Капитала», снабженный в отдельных местах поправками и ссылками на французское издание; равным образом нашелся французский экземпляр, в котором были точно отмечены все места, которые Маркс хотел использовать в новом издании. Эти измерения и дополнения ограничиваются за немногими исключениями последней частью книги, отделом «Процесс накопления капитала». До настоящего издания текст именно этого отдела подвергся наименьшим изменениям по сравнению с первоначальным наброском книги, в то время как текст первых глав ее был основательно переработан. Поэтому стиль был здесь более живым, более пельным, но в то же время более небрежным, чем в других частях: попадались англицизмы, отдельные неточности, развитие мысли обнаруживало там и сям пробелы, отдельные важные моменты были лишь бегло намечены.

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые подотделы, и тем самым, а также многочисленными устными указаниями дал мне мерило того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс, если бы он был жив, подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим сжатым немецким. Я вынужден был удовлетвориться простым перенесением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонизировали с основным текстом.

Таким образом в этом третьем издании я не изменял ни одного слова, раз не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы и сам автор. Мне, конечно, и в голову не приходило ввести в «Капитал» тот ходячий жаргон, на котором изъясняются немецкие экономисты, — эту тарбарщину, на авторской работодателем (Arbeitgeber) называется тот, кто за наличные деньги подкупает чужой труд, а работополучателем (Arbeitnehmer) — тот, кто отдает свой труд за плату. Французы в обыденной жизни также употребляют слово «travail» в смысле «занятие». Но, конечно, французы приняли бы за помещицкого такого экономиста, который вздумал бы назвать капиталиста *donneur de travail*, а рабочего — *receveur de travail*.

Равным образом я счел недопустимым свести употребляемые везде в книге английские единицы денег, меры и веса к их ново-германским эквивалентам. Когда появилось первое издание «Капитала», число различных единиц меры и веса, существовавших в Германии, равнялось чуть ли не числу дней в году; в тому же имелось два вида марок (имперская марка существовала тогда лишь в голове Soetbeer'a, который изобрел ее в конце 30-х годов), два вида гульденов и по крайней мере три вида талеров, из которых один составлял ровно две трети». В естествознании господствовали метрические, на мировом рынке — английские мера и вес. При таких условиях пользование английскими единицами измерения было совершенно естественным в книге, которая выпущена была брать свои фактические данные почти исключительно из области английских промышленных отношений. Эти последние соображения сохраняют свою силу и до настоящего времени, — тем более, что соответственные отношения на мировом рынке почти не изменились, и как раз в наиболее важных отраслях промышленности — железнодорожной и хлопчатобумажной — и поныне почти исключительно господствуют английские мера и вес.

В заключение несколько слов о том, какое значение имеют у Маркса цитаты, так как и в этой области имели место недоразумения. Когда дело идет о чисто фактическом изложении или описании, цитаты, напр. из английских Чинных книг, являются, само собой разумеется, простой ссылкой на документы. Но иное значение они имеют там, где цитируются теоретические взгляды других экономистов. Здесь цитата должна лишь установить, где, когда и кем была впервые ясно высказана та или другая мысль, составляющая определенную ступень в развитии экономических учений. При этом имеется в виду указать лишь одно: что данный взгляд экономиста имеет значение для истории науки, что он представляет более или менее адекватное теоретическое выражение экономических условий своего времени. Но совершенно в стороне остается вопрос, имеет ли данный взгляд какое-либо абсолютное или относительное значение с точки зрения самого автора, или же представляет для него лишь исторический интерес. Таким образом цитаты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки комментарий к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных наиболее важных успехов экономической теории. И такая работа была особенно нужна в науке, историки которой отличались до сих пор лишь тенденциозным невежеством марксистов. Это объясняет также, почему Маркс, как он и указывает в предисловии ко второму изданию, лишь очень редко считает нужным цитировать немецких экономистов.

Я надеюсь, что второй том удастся выпустить в свет в 1884 г.

Лондон, 7 ноября 1883 г.

Фридрих Энгельс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Для четвертого издания я считал необходимым установить по возможности окончательно редакцию как самого текста, так и примечаний. Я укажу в кратких словах, как я выполнил эту задачу.

Сравнив еще раз французское издание и рукописные отметки Маркса, я взял из него несколько новых добавлений к немецкому тексту. Они находятся на стр. 80 (стр. 88 третьего изд.), стр. 458 — 460 (стр. 509 — 510 третьего изд.), стр. 547 — 551 (стр. 600 третьего изд.), стр. 591 — 593 (стр. 644 третьего изд.) и на стр. 596 (стр. 648 третьего изд.), в примечании 79. Кроме того, по примеру французского и английского изданий, я внес в текст (стр. 461 — 467 четвертого изд.) длинное примечание относительно горнорабочих (стр. 509 — 515 третьего изд.). Остальные мелкие поправки носят чисто технический характер. Кроме того я внес некоторые добавочные пояснительные примечания, а именно там, где этого, как мне казалось, требовали изменившиеся исторические условия. Все эти добавочные примечания внесены в четырехугольные скобки и подписаны моими инициалами.

Полная проверка всех многочисленных цитат была необходима для вышедшего за это время английского издания. Младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все цитированные места в оригинале, чтобы английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде обратного перевода с немецкого, а в подлинном английском тексте. Я должен был таким образом в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Кое-где оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью опечатками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска, — погрешность совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты избрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы из старых тетрадей, составленных в Париже в 1843 — 1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, напр., цитат из Steuart'a, Ure'a и т. д., я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущим, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не изменил в книге ничего заслуживающего упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Richard Jones (стр. 562 четвертого издания, примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде. Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой выдвигали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием.

В берлинской «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием: «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и парчарламентских выражений, заявляет, будто Маркс искажил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата помещена в учредительном адресе международной ассоциации рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего изд.). В стенографическом (квази-официальном) отчете «Hansard'a», говорит автор упомянутой статьи, нет и намека на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и силы... коснулось только состоятельных классов». «Этой фразы вовсе нет в речи Гладстона. Это — фриз, формально и материально присочиненная Марксом».

Маркс, получив этот номер «Concordia» в мае, ответил анониму в «Volksblatt» в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого именно стенографического отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских сочинений и сослался кроме того на отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал: «That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of property»¹.

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы очень жаль, если бы это так было, но в действительности это именно так: ошеломляющее увеличение богатства и силы ограничивается всецело имущими классами; что же касается псевдо-официального «Hansard'a», то Маркс говорит далее: «Господин Гладстон обнаружил достаточно такта, чтобы в этой состряпанной впоследствии редакцией своей речи подчистить местечко, несомненно компрометирующее его как канцлера казначейства Англии; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение г. Ласкера, направленное против Вебеля». Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, пеломудренно настаивает на «обычае» цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard'a» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» также заключает в себе заявление, «прямо противоположное пресловутому месту из учредительного

¹ «Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой, почти со страхом взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и силы, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь зажиточными классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Тот рост богатства, который я описал здесь, основываясь на данных, по моему взгляду совершенно точных, ограничивается исключительно состоятельными классами».

адреса; причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим, будто бы «прямо противоположным» заявлением, стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался, и измышляет новые уловки для своего спасения. Свою статью, которая, как только что было доказано, вся пропитана «наглая ложью», он начинает самой назидательной бранью: «mala fides», «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «совершенно сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перебросить спорный вопрос в новую плоскость и обещает разъяснить в другой статье, «какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» г. аноним) содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volkstaat» (номер от 7 августа), процитировав соответственное место из «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 г. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и силы, если бы думал, что оно ограничивается только зажиточными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (entirely confined to classes possessed of property); таким образом и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Hansard'a» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро независимых друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Hansard'a», просмотренном оратором, согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом»; наконец, Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Но последний был, повидимому, по горло сыт и тем, что он уже получил, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, раз или два лицами, имевшими связи с Кембриджским университетом, распространялись таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, совершенном Марксом в «Капитале»; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо, датированное Cambridge, Trinity College и подписанное Sedley Taylor, в котором этот человек, занимающийся самыми скромными кооперативами, пользуется удобным случаем, чтобы просветить нас не только относительно сплетен Кембриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом «Concordia».

«Представляется особенно поразительным, — пишет человек из Trinity College, — что профессору Врентано, профессору тогда Бреславльского, а теперь Страсбургского университета удалось... разоблачить ту mala fides, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в адресе (Интернационала). Г-н Карл Маркс, пытаясь защищать цитату, был быстро повергнут в прах мастерскими ударами Врентано, но уже в предсмертных корчах (deadly shifts) им и смелость утверждать, что г. Гладстон состряпал отчет для «Hansard'a» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля

1884 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда же Брентано путем тщательного сравнения отчетов «Times» и «Hansard'a» доказал, что и в том и в другом абсолютно отсутствует тот смысл, который подсовывала словам Гладстона цитата Маркса, можно выдернутая из общей связи, тогда Маркс ретировался под предлогом недоставки времени!»

Так вот, значит, как обстоит дело! И какой великолепный вид приняла производительно-кооперативной фантазии Кэмбриджа анонимная кампания Брентано в «Concordia». Вот он наносит свои «мастерские удары», этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, а у ног его, «быстро поверженный в прах», извивается «в предсмертных корчах» адский дракон Маркс!

И тем не менее все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь даже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кэмбриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Ильсонора Маркс ответила Taylor'у в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказался принять ее статью. Она прежде всего точно восстановила содержание полемики: «Присочинил» Маркс инкриминируемую фразу или нет? — вот о чем шел спор. Г-н Sedley Taylor ответил на это, что по его мнению «вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль» в споре между Марксом и Брентано по сравнению с вопросом, «сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона, или исказить его». Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но остальное содержание речи, истолкованное правильно, т. е. в либерально-гладстонском смысле, показывает, что Гладстон хотел сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кэмбриджа упорно цитирует речь не из «Hansard'a», как это повелевает «обычай», установленный анонимом Брентано, а из «Times», отчет которого, согласно тому же Брентано, «несомненно небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы нет у «Hansard'a»!

Ильсонора Маркс не стоило большого труда уничтожить эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г. Taylor читал полемику 1872 г. Тогда он теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики. Тогда он не имел права раскрывать рот. Как бы то ни было, он уже не осмеливался поддерживать обвинения в адрес друга Брентано, что Маркс «присочинил» цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на стр. 5 учредительного адреса несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в бюджетной речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Биографии»; примеч. 105, стр. 672 третьего изд.) о многочисленных «вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона 1863 и 1864 гг.»! Он только не штатается à la Sedley Taylor растворять эти противоречия в либеральном преисподушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «В дей-

ствительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он кроме того восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улечься из отчета «Hansard'a». После этого упомянулся и господин Sedley Taylor. Результат всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и захватившего две великие страны, свелся к тому, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что на будущее время г. Sedley Taylor станет относиться с таким же недоверием к литературным отчетам г. Brentano о своих победах, как г. Brentano к панской непогрешимости «Hansard'a».

Лондон, 25 июня 1890 г.

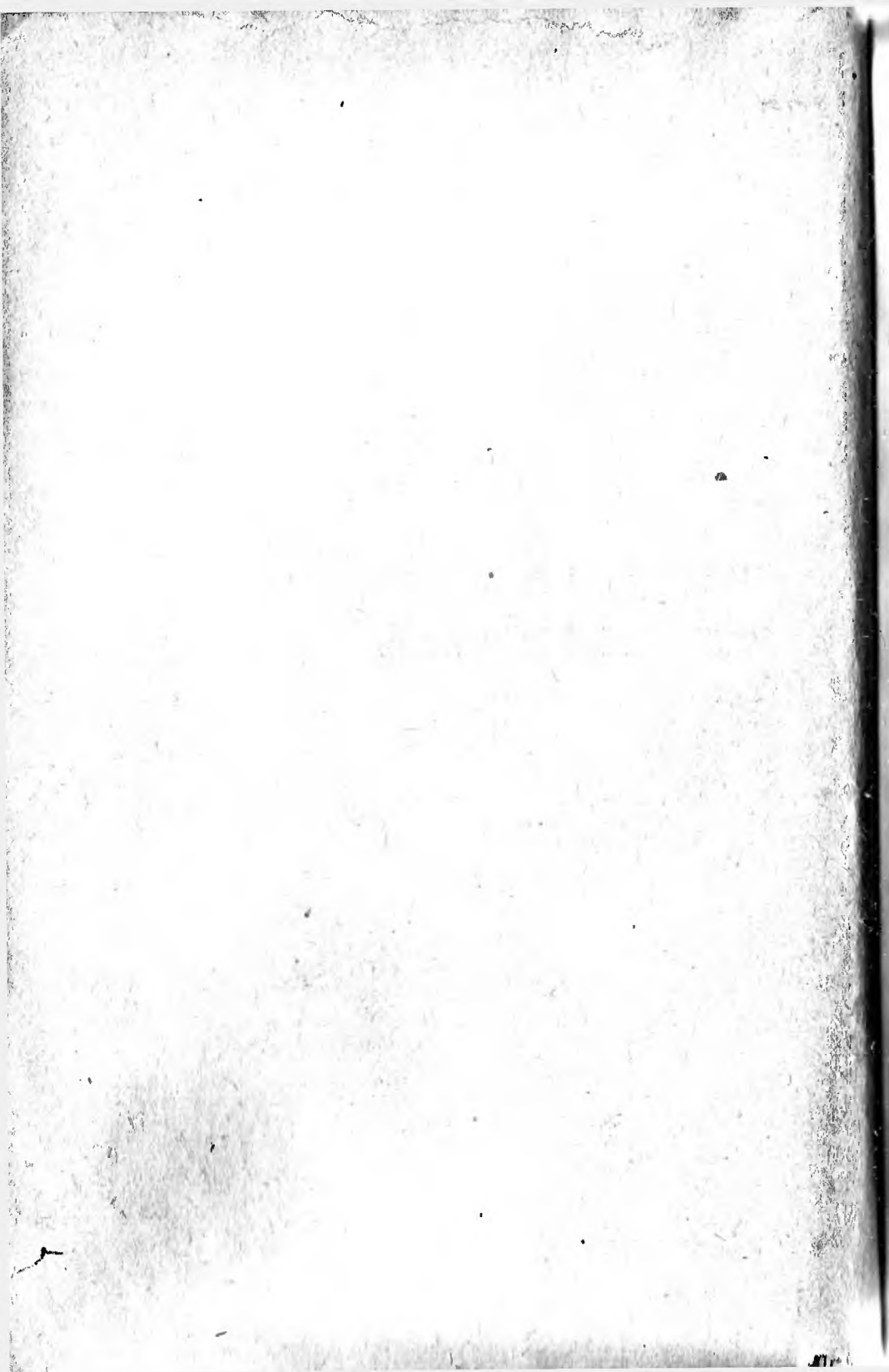
Ф. Энгельс.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА

КАПИТАЛА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ ТОВАР И ДЕНЬГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

1. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость (субстанция стоимости и величина стоимости)

Покаместо обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет «огромное скопление товаров»¹, а отдельный товар его элементарную форму [его исходную форму]. Наше исследование начинается именно с анализа товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность. Природы этой потребности, — порождается ли, например, последняя желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле². Равным образом безразлично, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно, или средство существования, т. е. как предмет потребления, или орудием, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, напр., железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: с качественной и количественной. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического различия³. То же самое следует сказать об отыскании общественной меры для

¹ Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, Berlin 1859, стр. 4. [См. Карл Маркс, К критике политической экономии, Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 59.]

² «Желание предполагает потребность; это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть (вещей) имеет стоимость, потому что удовлетворяет потребностям духа» (Nicolas Barbon, A Discourse on coining the new Money lighter, in answer to Mr. Locke's, Considerations, etc., London 1696, стр. 2, 3).

³ Вещи имеют присущее им внутреннее свойство (intrinsic virtue — только у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), которое везде остается неизменным; напр., способность магнита притягивать железо» (N. Barbon, A Discourse on coining the new Money lighter, стр. 16). Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная поляриность.

количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различною природою самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность данной вещи, то ее свойство, что она может удовлетворять человеческие потребности того или иного рода, делает ее потребительной стоимостью⁴. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, напр., железо, пшеница, алмаз и т. п., само является потребительной стоимостью, или благом. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей их количественная определенность всегда предполагается данной, напр., дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой самостоятельной дисциплины, — товароведения⁵. Потребительная стоимость реализуется лишь в процессе потребления. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая составляет предмет нашего исследования, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода⁶, — случайного соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, внутренняя для товара имманентная меновая стоимость (*value intrinsèque*) представляет, повидимому, бессмыслицу⁷. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, напр., 1 квартал пшеницы, в самых различных пропорциях обменивается на другие товары, напр. на 20 фунтов сапожной вахсы или на 2 аршина шелку, или на $\frac{1}{2}$ унции золота и т. д.; однако меновая

⁴ «Естественная стоимость (*worth*) какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» (John Locke, *Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest*, 1691, в «Works, edit. Lond. 1777», т. II, стр. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «*worth*» для обозначения потребительной стоимости и «*value*» для обозначения меновой стоимости; это совершенно в духе английского языка, который любит конкретные вещи обозначать словами германского, абстрактные — словами романского происхождения.

⁵ В буржуазном обществе господствует *fictio juris* [предположение, противоречащее действительности], что каждый человек, как покупатель товаров, обладает юридическими [всеобъемлющими] познаниями в области товароведения.

⁶ «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» (Le Trostne, *De l'intérêt social*, «Physiocrates», éd. Daire, Paris 1846, стр. 889).

⁷ «Ничто не может иметь внутренней стоимости» (N. Barbo, *A Discourse on coining the new Money lighter*, стр. 16), или, как говорит Вилтер:

The value of a thing
Is just as much as it will bring.

[Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет].

стоимость квартера пшеницы остается неизменной, выражается ли она в какой-нибудь ваке, шелке или золоте. Следовательно, меновая стоимость должна иметь какое-то содержание, отличное от этих способов выражения.

Возьмем далее два товара, напр. пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравняется известному количеству железа, напр.: 1 кварталер пшеницы = 2 центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы и в 2 центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первой, ни второй из них. Таким образом каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, может быть сведена к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того, чтобы определить и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние раскладывают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, количественные видоизменения чего они представляют.

Второй общей основой не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновая стоимость товаров отвлечается от их полезности. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость играет совершенно ту же роль, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон: «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если одинаковы их меновые стоимости. Между вещами, имеющими одинаковую меновую стоимость, не существует никакой разницы»⁸. Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости, они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не включают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но с этой точки зрения и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В данном деле, раз мы отвлечлись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлечлись также от тех его материальных составных частей и форм, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт работы столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер предшествовавших в нем работ, исчезают, следовательно, различные конкретные, определенные формы этих работ; последние не различаются более между со-

⁸ Барбон продолжает: «... количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (N. Barbon, A Discourse on settling the new Money lighter, стр. 53 и 7).

бой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактному человеческому труду, к человеческому труду вообще.

Рассмотрим тот остаток, который получается после этого сведения от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка безразличного человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они являются стоимостями, — товарными стоимостями.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость являлась нам как нечто совершенно независимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товара, и есть его стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости, как необходимому способу выражения, или необходимой форме проявления товарной стоимости; тем не менее эта последняя должна быть сначала рассмотрена как таковая, независимо от этой ее формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществляется или материализуется абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит в свою очередь меру в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так напр., в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требуется, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употребляет на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь продукт его индивидуального рабочего часа представляет лишь половину по сравне-

нию с общественным рабочим часом, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

У Итток, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для его изготовления⁹. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода¹⁰. Следовательно, товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества затраченного рабочего времени»¹¹.

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, неизменно одинаковой, пока рабочее время, необходимое для его производства, было бы неизменно. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется многими различными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, напр., в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных, и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в небольшом объеме они представляют много труда. Икоб сомневается, что золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости. С еще большим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвора и 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены 1¹/₂- годового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя первый представлял горюдо больше труда, а следовательно, и стоимости. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов, а следовательно, понизило бы стоимость последних. Если удастся с небольшой затратой труда превратить уголь в алмаз, стоимость алмаза может упасть ниже стоимости кирпича. Вообще чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше

⁹ Итток. *ко 2 изд.* «Стоимость их (предметов потребления), когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимым требуемого и обычно употребляемого для их производства» («Some thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.», London, стр. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 г.

¹⁰ «Все продукты одного и того же рода образуют, строго говоря, одну массу, цена которой определяется вообще, независимо от особых условий отдельного случая» (Le Trogne, De l'Intérêt social, стр. 893).

¹¹ К. Маркс, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 6. [См. К. Маркс, в критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз, 1929. Стр. 63.]

рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется таким образом прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе овеществленного в нем труда.

Вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью. Таково положение, когда ее полезность для человека не связана с трудом. Таковы: воздух, девственная почва, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость ^{11a}.

Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

2. Двойной характер заключающегося в товарах труда

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное, как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражается в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему, как создателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа заключающегося в товаре труда впервые критически указана мною ¹². Так как этот продукт является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, напр., один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости 10 аршин холста.

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того, чтобы создать его, необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, их предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы коротко назовем полезным трудом. Следовательно, с этой точки зрения, труд всегда должен рассматриваться в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст являются качественно различными потребительными стоимостями, точно так же качественно различны между собой обслуживающие

^{11a} Энгельс здесь делает следующее замечание: «И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка сеньеру, часть — в виде десятины попом. Ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он производился для других. Для того, чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством обмена в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости». Это замечание представлялось необходимым Энгельсу потому, что очень часто возникало недоразумение, будто по Марксу всякий продукт, потребляемый не лицом, произведшим его, является товаром. — К.

¹² Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 12, 13 и др. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. В-ка марксиста. М. Изд. 1929. Стр. 70, 71 и др.].

на существование работы портного и ткача. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительскими стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, различающихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, — одним словом, проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древне-индийской общине труд общественно разделен. Хотя продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение не осуществляется таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависящих индивидуальных работ противопоставят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная, целесообразно направленная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не заключаются качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого принимают, как общее правило, форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие между отдельными полезными работами, которые здесь становятся независимыми друг от друга операциями самостоятельных производителей, разбивается в сложную многочленную систему, — в систему общественного разделения труда.

Для сюртука, как такового, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном системы общественно разделенного труда. Там, где кто вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячи лет, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент материального богатства, не находящийся в природе в готовом виде, всегда должен был создаваться при посредстве специальной, целесообразно направленной производительной деятельности, приспособляющей данный естественный материал к человеческим потребностям. Следовательно, труд, как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд, является необходимым от всяких общественных форм условием существования людей, естественной необходимостью: без него не был бы возможен обмен между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом, товарные тела, представляют соединение двух элементов, — природного материала и труда. Если устранить сумму различных полезных работ, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., то останется только материальный субстрат, остаток, имеющийся в природе без всякого содействия человека. Человек в своем производстве может оперировать лишь так, как оперирует сама природа, т. е. мо-

10

жит лишь изменять формы различных веществ¹³. Мало того. В этом труде формирования он непрерывно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земл — его мать.

Перейдем теперь от товара, рассматриваемого как предмет потребления, к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, как один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, одно и то же существо, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество — качественно разнородные виды труда. Существуют, однако, такие состоящие общества, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткот, а следовательно, оба эти различные вида труда являются лишь видоизменениями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, — совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в нашем капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, данное количество человеческого труда предлагается попеременно то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он является затратой человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом. Это лишь две различные формы затрат человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара выражается просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому, как в буржуазном обществе генерал или банкир играют крупную роль, а просто человек очень жалкую¹⁴, точно так же обстоит здесь дело

¹³ «Все явления вселенной, создаются ли они человеком или самой природой на основании всеобщих законов физики, представляют не действительное творчество, а лишь преобразование формы материи. Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые находит ум человеческий, анализируя идею производства; так обстоит дело и в производстве стоимости (valore, потребительной стоимости, хотя Verrì в этой своей полемике с физиократами сам не знает толком, о каком виде стоимости он говорит) и богатств, когда земля, воздух и вода лугов превращаются в траву, или когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелк, или отдельные куски металла соединяются вместе и образуют часы с репетитором» (Pietro Verrì, Meditazioni sulla Economia Politica; впервые напечатано в 1773 г. в издании итальянских экономистов Custodi, Parte Moderna, t. XV, p. 22).

¹⁴ Ср. Hegel, Philosophie des Rechts, Berlin 1840, стр. 250, § 190.

не человеческим трудом. Он есть затрата простой рабочей силы, которой в среднем располагает телесный организм каждого обыкновенного человека, не обладающего никакой специальной подготовкой. Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различных культурных эпохи, тем не менее для каждого определенного общества представляет величину данную. Сравнительно сложный труд есть только в обратной степени или, скорее, помноженный простой труд так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда¹⁵. Частичные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным фактом. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости повторять в каждом частном случае операцию приведения сложного труда к простому.

Итак, рассматривая сюртук и холст как стоимости, мы тем самым отвлекаемся от различия их потребительных стоимостей; равным образом, рассматривая затраты труда, выражающиеся в этих стоимостях, мы должны отвлекаться от различия их полезных форм, как портняжества и ткачества. Потребительные стоимости сюртука и холста представляют лишь соединение целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, тогда как стоимости сюртука и холста суть просто однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, включающихся в эти стоимости, имеет значение не производительное по отношению к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, создающими потребительные стоимости сюртука и холста, портняжества и ткачества являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией, основой стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку мы отвлекаемся от их качественно различных особенностей, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст — не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: по нашему предположению сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда эта разница в величине их стоимостей? Причина состоит в том, что 10 аршин холста заключают в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного периода времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, причем последний должен быть уже приведен к человеческому труду без всякого дальнейшего качества.

¹⁵ Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате или стоимости, которую рабочий получает, напр., за один рабочий день, и о товарной стоимости, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной стадии нашего исследования.

В первом случае дело идет о том, как и какой именно труд затрачивается, во втором случае — о том, сколько работы затрачивается, об ее продолжительности. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны представлять равновеликие стоимости.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет напр., 3 рабочих дня, то 2 сюртука представляют $3 \times 2 = 6$ рабочих дней и т. д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной стоимости представляет само по себе большее количество вещественного богатства: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух людей, одним только одного и т. д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собою только степень дееспособности целесообразной производительной работы в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд является то более богатым, то более скудным источником продуктов, прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе ни сколько не затрагивает труда, поскольку он выражается в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может уже иметь никакого отношения к труду, раз мы отделились от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а следовательно, и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, как мы видим, общую величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и, в качестве такого одинакового или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные стоимости¹⁶.

¹⁶ Прим. ко 2 изд. Чтобы доказать, что один только труд есть обязательная и реальная мера, при помощи которой могут оцениваться и срав-

3. Форма стоимости, или меновая стоимость

Товары рождаются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления, и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами или имеют товарную форму лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой, — натуральной формой и формой стоимости.

Субстанция стоимости товаров тем отличается от вдовичи Квикли, по-други Фальстафа, что неизвестно, где она находится. В прямую противоположность чувственной грубой субстанции товарных тел, ни один атом природного вещества не входит в субстанцию их стоимости. Вы можете опустынить и разглядывать каждый отдельный товар, как вам угодно, — его стоимость останется для вас неуловимой. Но если мы припомним, что товары обладают субстанцией стоимости лишь постольку, поскольку они суть выражения одной и той же общественной единицы человеческого труда, что субстанция их стоимости имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет опять собою понятным, что она может проявляться лишь как общественное отношение одного товара к другому. В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывшейся в их стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Исходясь из стоимости всех товаров во все времена», А. Смит пишет: «Равные количества труда во все времена и во всех странах должны представлять одну и ту же стоимость для самого рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности и при средней степени умелости, которой он обладает, он должен отдавать всегда одну и ту же часть своего покоя, своей свободы и своего счастья» («Wealth of Nations», b. I, ch. V). С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарной стоимости, стоимостью самого труда и старается показать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, представляет лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование спокойствием, свободой и счастьем, а не как нормальную жизнедеятельность. Во всяком случае он имеет в виду современного наемного рабочего. — Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в 9 примечании анонимный предшественник А. Смита: «Некто употребил неделю на приготовление известного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, какое количество их равноценно первому предмету, если высчитает, какой предмет стоил ему того же труда (labour) и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, возмещается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи» («Some Thoughts on the Interest of Money in general etc.», стр. 39).

Дигельс в примечании к английскому переводу «Капитала», т. I, стр. 14, замечает: «Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различные слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work».

(Ср. примечание 4, стр. 2, о духе английского языка. — К.)

Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить, — именно показать возникновение этой денежной формы, т. е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее отношение стоимостей есть, очевидно, отношение между стоимостями данного товара и единичного товара другого сорта, — все равно, какого именно. Отношение между стоимостями двух товаров дает таким образом наиболее простое выражение для стоимости данного товара.

А. Простая, единичная или случайная форма стоимости

x товара $A = y$ товара B , или: x товара A стоит y товара B .

(20 арш. холста = 1 сюртуку, или 20 арш. холста стоит одного сюртука.)

1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара A и B , в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент [равно-стоимость] или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма являются соотносительными, взаимно друг друга обуславливающими, нераздельными моментами, но в то же время друг друга исключаящими или противоположными крайностями, т. е. полюсами одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, связанными данным выражением стоимости. Я не могу, напр., выразить стоимость холста в холсте. «20 арш. холста = 20 арш. холста» не есть выражение стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 арш. холста суть не что иное, как 20 арш. холста, т. е. определенное количество предмета потребления — холст. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этой иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включают в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 арш. холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится таким обра-

ном перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Эти последние, как две конечных точки одной и той же линии, исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости, или в противоположной ей эквивалентной форме, определяется исключительно тем местом, которое он занимает в данном выражении стоимости, т. е. тем, является ли он тем товаром, стоимость которого выражается, или же тем товаром, в котором выражается стоимость.

2) Относительная форма стоимости

а) Содержание относительной формы стоимости

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости товара находится в отношении между стоимостями двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в отношении стоимостей только пропорцию, в которой приравняются друг к другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что величины различных вещей могут быть количественно сравниваемы лишь после того, как они сведены к одной и той же единице измерения. Только как выражения, сведенные к одной и той же единице, они являются одноименными, а следовательно и соизмеримыми [измеряемыми одной мерой] величинами¹⁷.

Находятся ли 20 арш. холста одному сюртуку, или они = 20, или = x сюртукам, другими словами, стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как стоимости определенной величины выражены в одних и тех же единицах, являются вещами однородными. Холст = сюртуку есть основа этого уравнения.

Но эти два количественно приравненные друг к другу товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом, каким образом? Путем отношения к сюртуку, как ее «эквиваленту», на который она может быть обменена. В этом отношении сюртук является формой существования стоимости, воплощением стоимости, потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, только здесь обнаружится или получает самостоятельное выражение бытие стоимости самого холста, потому что, лишь как стоимость, холст относится к сюртуку как равной стоимости, или эквиваленту. Так, напр., масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты — различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций — углерода (С), водорода (Н) и кислорода (О) и притом в одном и том же процентном отношении, а именно: $C_4H_8O_2$.

¹⁷ То же самое заметили экономисты, которые, как, напр., S. Bailey, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату с одной стороны, потому что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому что, находясь под влиянием грубого практического буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения: «Власть над количеством... образует стоимость» («Money and its Vicissitudes», London 1837, p. 11). Автор S. Bailey.

Если бы мы приравняли масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_3H_6O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из $C_3H_6O_2$. Приравнением муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена таким образом однородность их химической субстанции в противоположность их физической форме.

Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не выражает их ни в какой форме стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в отношении одного товара к другому по стоимости. Характер товара как стоимости обнаруживается здесь, благодаря его собственному отношению к другому товару.

Когда, напр., сюртук, как воплощение стоимости, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к их общему характеру человеческого труда. Следовательно, этим косвенным путем утверждается, что и ткачество, поскольку оно создает стоимость, не отличается от портняжества, следовательно, есть абстрактный человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, создающего стоимость, так как разнородные виды труда, заключающиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к их общей основе, к человеческому труду вообще ^{17a}.

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Он становится стоимостью в застывшем виде, в овеществленной форме. Для того, чтобы выразить стоимость холста, как сгусток человеческого труда, необходимо выразить ее как особую «субстанцию», которая вещественно отлична от холста и в то же время обща ему с другим товаром. Эта задача уже решена.

В отношении стоимости сюртука сюртук является качественно равным холсту, вещью того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость, или которая в своей ослепительной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук, как тело товара «сюртук», есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собою стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего отношения по стои-

^{17a} *Прим. к 2 изд.* Один из первых экономистов, который после Вильяма Петти уяснил себе природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то самой правильной оценкой стоимости всех вещей является труд» («The Works of B. Franklin etc. edited by Sparks», Boston 1836, v. II, p. 267). Франклин не уяснил себе, что, оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми работами, — следовательно, сводит их к равному человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он непроизвольно высказывает это. Он говорит сначала об «одном труде», затем о «другом труде», в заключение о «труде» без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей.

мости к холсту сюртук значит больше, чем вне его, — подобно тому как не малое количество людей в сюртуке с золотым шитьем значит больше, чем без него.

В производстве сюртука действительно затрачена человеческая рабочая сила в форме портяжного труда. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны, сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. И в этом отношении по стоимости к холсту он выступает лишь этой своею стороной, т. е. как воплощенная стоимость, как плоть стоимости. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста иначе, как в том случае, если стоимость для последнего принимает форму сюртука. Так, индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству, без того, чтобы для *A* величество как таковое приняло телесный вид *B*, — потому-то черты лица, волосы и многое другое меняется с каждой переменной властителя страны.

Следовательно, в том отношении стоимостей, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого. Как потребительная стоимость холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его бытие как стоимости проявляется в его равенстве с сюртуком, как овечья натура христианина в уподоблении себя агнцу Божию.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, реализовывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд как абстрактное качество человеческого труда образует его собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же своего труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная сущность его стоимости отлична от его жесткого тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука, и что сам он, как воплощение стоимости, похож поэтому, как две капли воды, на сюртук. Заметим мимоходом, что товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немское «*Werthsein*» выражает, напр., менее отчетливо, чем романский глагол *valere*, *valer*, *valoir*, тот факт, что приравливание товара *B* к товару *A* есть выражение собственной стоимости товара *A*. *Paris vaut bien une messe!* (Париж, конечно, стоит мессы!).

Итак, при помощи отношения стоимостей натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*¹⁶. Товар *A*, относясь к товару *B* как к телу стоимости,

¹⁶ В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не в качестве фиктеанского философа: «Человек и», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Павл начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел, как таковой, во всей его павловской телесности, становится для Павла формой проявления рода «человек».

как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

б) Количественная определенность относительной формы стоимости

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет известное количество данного предмета потребления, напр., 15 шэффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т. д. Это, данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости должна выражать собою не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость или величину стоимости. Поэтому в отношении стоимостей товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом, как воплощение стоимости вообще, но определенному количеству холста, напр. 20 арш., приравнивается определенное количество воплощенной стоимости, или эквивалента, напр. 1 сюртук.

Уравнение: «20 арш. холста = 1 сюртуку» или «20 арш. холста стоят 1 сюртука», предполагает, что в одном сюртуке заключено ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 арш. холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 арш. холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

I. Пусть стоимость холста изменяется¹⁹, в то время как стоимость сюртука остается постоянной. Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается вследствие, напр., убывающего плодородия земли, приносящей лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения: 20 арш. холста = 1 сюртуку, мы получаем: 20 арш. холста = 2 сюртукам, так как 1 сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 арш. холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшится на половину, напр., вследствие усовершенствования ткацких станков, то в соответствии с этим и стоимость холста упадет на половину. Следовательно, теперь мы имеем: 20 арш. холста = $\frac{1}{2}$ сюртука. При неизменной стоимости товара *B*, относительная стоимость товара *A*, т. е. стоимость его, выраженная в товаре *B*, повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара

II. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом усории рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, напр., вследствие неблагоприятного сбора шерсти, то вместо: 20 арш. холста = 1 сюртуку, мы получим: 20 арш. холста = $\frac{1}{2}$ сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает на половину, то 20 арш. холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара *A* его относи-

¹⁹ Выражение «стоимость» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости, т. е. величины стоимости.

величина, выраженная в товаре B , стоимость повышается и падает в отношении обратном изменению стоимости B .

Сравнивая отдельные случаи пункта I и пункта II, мы находим, что они и то же изменение величины относительной стоимости может вызываться совершенно противоположными причинами. Так, из уравнения: 20 арш. холста = 1 сюртуку уравнение: 20 арш. холста = 2 сюртукам может получиться или потому, что стоимость холста удваивается, или потому, что стоимость сюртука падает на половину; с другой стороны, 20 арш. холста = $\frac{1}{2}$ сюртука получается из того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает на половину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

III. Пусть количества труда, необходимые для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае уравнение: 20 арш. холста = 1 сюртуку остается неизменным, как бы ни изменялась стоимость каждого из этих товаров. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если же стоимость всех товаров одновременно повысилась или упала в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемен. Реальное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и стоимость этих продуктов изменяется одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяется в противоположном направлении и т. д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением отдельных случаев I, II и III.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в их относительном выражении, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может измениться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости иногда не всегда совпадают.

Прим. ко 2 изд. Это несоответствие величин стоимости и ее относительного выражения эксплоатируется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Напр., «конкутате только, что A падает потому, что B , на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на A затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустим, что стоимость A по отношению к B повышается вследствие того, что стоимость B по отношению к A падает, мы тем самым уничтожаем ту причину, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства A изменяет не только его собственную стоимость по отношению к B , на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость B по отношению к A , хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства B , не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой

3) ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Мы видели, что, когда какой-либо товар *A* (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара *B* (сюртуке), он в то же время выплывает на этом последнем специфическую форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное бытие как стоимость тем, что он приравнивается к сюртуку, в котором не предполагается при этом никакой формы стоимости, отличной от его натуральной вещественной формы. Таким образом холст как стоимость фактически обнаруживает свое бытие в том, что сюртук может быть непосредственно обменен на него. Эквивалентная форма данного товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, напр. сюртуки, служит другому виду товара, напр. холсту, в качестве эквивалента, если таким образом сюртуки приобретают характерное свойство — находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться между собою. Она зависит, раз дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина их стоимости во всяком случае определяется рабочим временем, необходимым для их производства, следовательно, независимо от формы их стоимости. Но рав вид товара сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Она фигурирует в равенстве стоимостей скорее только как определенное количество данной вещи.

Напр.: 40 арш. холста «стоят» — чего? Двух сюртуков. Так как вид товара сюртук играет здесь роль эквивалента, то потребительная стоимость сюртука является по отношению к холсту воплощением стоимости, и достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину стоимости 40 арш. холста, но они никогда не могут выразить величину своей собственной стоимости, величину стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, — что в уравнении стоимости эквивалент имеет всегда только форму некоторого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, — ввело в заблуждение Bailey и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение. В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

издержки производства данного товара регулируют его стоимость» (J. Broadhurst, Political Economy, London 1842, p. 11, 14).

Господин Бродерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{50}$, $\frac{10}{100}$ и т. д. Число десять остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д. постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, напр. 10, «регулируется» количеством содержащихся в нем единиц.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но необходимо заметить, что для товара *B* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) что *quid pro quo*, эта перестановка осуществляется лишь в пределах уравнения стоимости, в котором любой иной товар *A* (холст и т. д.) вступает к ним в связь, — лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать формой своей собственной стоимости.

Для большей наглядности иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т. е. как потребительные стоимости. Голова сахару как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахару не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и голова сахару. Тем не менее, чтобы выразить голову сахару как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо является телом, а которым нет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или другое какое-либо тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Вросив их на чашки весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они, действительно, тождественны и потому, взяты в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железо, в качестве меры веса, представляет по отношению к голове сахару лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртук представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия [сходство]. В выражении веса салярной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть, — в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет сверхъестественное свойство обеих вещей: их стоимость, нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, напр. холста, выражает его бытие как стоимости, т. е. нечто, совершенно отличное от его тела и свойств последнего, напр., как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение намекает на то, что здесь скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем, сюртук, данная вещь, как таковая, выражает стоимость, следовательно, по самой природе своей обладает стоимостью. Правда, это справедливо лишь в пределах того уравнения стоимостей, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту²¹. Но так как свойства данной вещи не создаются ее

²¹ Такие соотносительные определения представляют вообще нечто весьма своеобразное. Напр., этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему, как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они подданные потому, что он король.

отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то возникает представление, что сюртук своей эквивалентной формой, своей способностью непосредственно обмениваться на другие товары обладает от природы, совершенно так же, как тяжестью или свойством задерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эквивалент противостоит ему в готовой денежной форме. Тогда экономист старается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 арш. холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда представляет воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом этот конкретный труд становится выражением абстрактного человеческого труда. Если сюртук, напр., играет роль простого воплощения стоимости, то и портняжный труд, который фактически воплощается в нем, играет роль простой формы воплощения абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного труда сказывается не в том, что он изготовляет платье; а следовательно, — по немецкой поговорке — и людей, а в том, что он создает тело, на котором лежит печать стоимости, которое является, следовательно, простым сгустком труда, ничем не отличающимся от труда, овегеченного в стоимости холста. Для того, чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

В форме портняжества, как и форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, напр., в производстве стоимости, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не как таковое, не своей конкретной формой создает стоимость холста, а лишь как человеческий труд, вообще, — для этой цели ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма воплощения абстрактного человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение безразличного человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, заключающимся в холсте, и является поэтому трудом в его непосредственно общественной форме, хотя в то же время носит частный характер, как и всякий другой вид труда, производящего товары. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит таким образом в том, что частный труд принимает форму своей противоположности, форму непосредственно общественного труда.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще важнее, если мы обратимся к великому исследователю, впервые приравнявшему форму стоимости наряду со столь многими формами и бытия и к естественным формам и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости данного товара в стоимости любого иного товара; в самом деле он говорит:

«5 постелей = 1 дому» («Κλίνας πέντε ἀντὶ οἰκίας»)

«не отличается» от:

«5 постелей = такому-то количеству денег»

(«Κλίνας πέντε ἀντὶ... ὄσων αἱ πέντε κλίνας»).

Он понимает, далее, что отношение стоимости, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует в свою очередь о качественном отождествлении дома и постели и что эти чувственно различные вещи без такого равенства их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости» («οὐκ ἰσότης μὴ ὄσως συμμετρίας»). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно («τῇ μὲν οὖν ἀληθεῖα ἀδύνατον»), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности»^{21а}.

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то равное, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для постелей в выражении стоимости постелей? Ничего подобного в действительности не может существовать», говорит Аристотель. Почему? Дом представляет нечто равное постели, поскольку он представляет то, что действительно обще им обоим — и постели, и дому. А это — человеческий труд.

Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товароладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства.

^{21а} Aristoteles, Ethicorum ad Nicomachum libri decem, lib. V, c. 8.—К.

Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства.

4) Простая форма стоимости в целом

Простая форма стоимости товара заключается в отношении его стоимости к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *A* качественно выражается в способности товара *B* непосредственно обмениваться на товар *A*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *B* обмениваться на данное количество товара *A*. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда товар представляется как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, следуя ходячему обозначению, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было не верно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной формы, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в отношении стоимости, или в меновом отношении к другому, не однородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма стоимости или выражение стоимости товара обуславливается природой товарной стоимости, а не наоборот, стоимость и величина стоимости обуславливаются формой ее выражения как меновой стоимости. Но именно так воображают себе дело, с одной стороны, меркантилисты и их современные поклонники вроде Феррье, Ганиля и т. д.,²² с другой стороны, их антиподы современные коммивояжеры свободной торговли вроде Вастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, т. е. на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, — современные разносчики фритрэдерекого товара, которые должны сбыть его за какую бы то ни было цену, обращают главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое она получает в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего преис-куранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большим количеством учености рутинные представления банкиров Ломбардстрита,^{22а} представляет удачный синтез между суверенными меркантилистами и просвещенными разносчиками идей свободной торговли.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *A*, содержащегося в меновом отношении его к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* является лишь воплощением

²² Прим. ко 2 изд. F. C. A. Ferrer (sous-inspecteur des douanes). Du Gouvernement considéré dans ses Rapports avec le Commerce, Paris 1806. et Charles Ganih, Des Systèmes de l'Economie Politique, 2-ème éd. Paris 1821.

^{22а} Лондонская улица, местопребывание крупных банкиров. — К.

потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой стоимости, или воплощением стоимости. Скрытое в товаре внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью выражается, таким образом, при помощи внешнего противоречия, т. е. при помощи отношения двух товаров, в котором один товар — тот, стоимостью которого выражается — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается — непосредственно играет лишь роль меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости данного товара есть простая форма проявления включающегося в нем противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью.

Продукт труда при всяких состояниях общества есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, которая труду, затраченному на производство предмета потребления, придает вид «вещественного» свойства последнего, вид его стоимости. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть и то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна недостаточность простой формы стоимости, этой зародышевой формы, которая лишь, пройдя ряд метаморфоз (превращений), созревает до формы цены.

Выражение в каком-либо товаре *B* отличает стоимость товара *A* лишь от его собственной потребительной стоимости; следовательно, здесь товар вступает в меновое отношение лишь с каким-либо отдельным товарным видом, отличным от него самого, — его качественное равенство и количественная пропорциональность со всеми другими товарами не получают выражения. Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара. Так, напр., сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или способностью непосредственно обмениваться только по отношению к этому единичному товарному виду, холсту.

Между тем единичная форма стоимости сама собой переходит в более совершенную. Хотя при помощи этой формы стоимость одного товара *A* выражается лишь в одном товаре другого вида, однако при этом остается совершенно безразличным, каков именно вид этого другого товара: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того, как один и тот же товар вступает в меновые отношения с каждым из этих других видов товара, возникают различные простые выражения его стоимости.^{22в} Число возможных выражений его стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение стоимости товара превращается таким образом в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинен произвольно.

В. Полная или развернутая форма стоимости

1 товара *A* = *n* товара *B*, или = *v* товара *C*, или = *w* товара *D*, или = *x* товара *E*, или = и т. д.

(10 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 кварту пшеницы, или = 2 унц. золота или = 1/2 тонны железа, или = и т. д.)

^{22в} Прим. ко 2 изд. Напр., у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей. — К.

1) РАЗВЕРНУТАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

Стоимость данного товара, напр. холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста²³. Таким образом и самая эта стоимость является теперь истинным сгустком безразличного человеческого труда. Поэтому что созидающий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний, и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому в силу формы своей стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не только с отдельным другим видом товара, но и со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд его выражений показывает, что товарная стоимость относится с полным безразличием ко всякой особой потребительной форме, в которой она проявляется.

В первой форме: 20 арш. холста = 1 сюртуку, может казаться простою случайностью тот факт, что эти два товара в определенном количественном соотношении способны обмениваться друг на друга. Напротив, во второй форме тотчас же просвечивает основа равенства, по существу отличная от его случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т. д., — в других бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а, наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

2) ОСОБЕННАЯ ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста играет роль эквивалента, т. е. тела стоимости. Данная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма, наряду со многими другими. Равным образом разнообразные определенные,

²³ Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т. д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т. д. проявляется не что иное, как стоимость холста. «Стоимость каждого товара дает выражение его меновому отношению... Мы можем говорить о нем... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п., в зависимости от того, с каким другим товаром он сравнивается; таким образом имеются тысячи различных видов стоимости, — ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions», London 1825, p. 39). S. Bailey, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места Рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, напр., в «Westminster Review».

конкретные виды полезного труда, заключающиеся в различных товарных формах, рассматриваются теперь лишь как особенные формы осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) Недостатки полной или развернутой формы стоимости

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незаконченным, так как ряд, выражающий стоимость, никогда не закончен. Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь представляет пеструю мозаику переплетающихся между собою, и в высшей степени разнородных выражений стоимости. Наконец, если в этой развернутой форме выражены относительные стоимости всех без исключения товаров, то относительная форма стоимости каждого товара получает бесконечный ряд выражений, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. — Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются в свою очередь и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой на ряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Таким образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно, неисчерпывающей формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости или уравнений первой формы, напр.:

$$\begin{aligned} 20 \text{ арш холста} &= 1 \text{ сюртуку,} \\ 20 \text{ арш. холста} &= 10 \text{ ф. чаю и т. д.} \end{aligned}$$

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним уравнение обратного смысла:

$$\begin{aligned} 1 \text{ сюртук} &= 20 \text{ арш холста,} \\ 10 \text{ ф. чаю} &= 20 \text{ арш. холста и т. д.} \end{aligned}$$

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно, должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. — Итак, обернем ряд: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т. д., т. е. выразим вновь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. Всеобщая форма стоимости

1 сюртук	==	} 20 арш. холста.
10 ф. чаю	==	
40 ф. кофе	==	
1 кварт. пшеницы	==	
2 унц. золота	==	
$\frac{1}{2}$ тонны железа	==	
x товара А	==	
и т. д.	==	

1) ИЗМЕНЕННЫЙ ХАРАКТЕР ФОРМЫ СТОИМОСТИ

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, т. е. в одном единичном товаре, и 2) единообразно, т. е. в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно, всеобща.

Формы А (простая) и В (развернутая форма стоимости) достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 арш. холста, 10 ф. чаю = $\frac{1}{2}$ тонны железа и т. д. Стоимость сюртука выражается как нечто, равное холсту, стоимость чая как нечто, равное железу, и т. д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения стоимости сюртука и чая столь же различны между собой, как и сами холст и железо. На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, напр., сюртука противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто, равное холсту, равное железу, равное чаю и т. д., — равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение стоимости товаров, так как в выражении стоимости каждого отдельного товара все другие товары входят лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма стоимости впервые осуществляется фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, напр. скот, уже не в виде исключения, а как общее правило обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма С выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделанном из него товарном виде, напр. в холсте, и представляет таким образом стоимости всех товаров при посредстве равенства их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собою то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношение между товарами как стоимостями, или делает их друг для друга меновыми стоимостями.

Обе прежние формы выражают стоимость каждого товара или в единичном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, част-

ным делом единичного товара, и он выполняет это дело без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль единичности. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее свойство всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одной и той же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что субстанция товарной стоимости, представляя чисто «общественное бытие» товаров, может быть выражена также лишь в их всестороннем общественном отношении, что формой товарной стоимости должна быть поэтому общественно значимая форма.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т. е. стоимостями вообще, но в то же время количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают свои стоимости в одном и том же материале, в холсте, то благодаря обратному отражению они отражают их и взаимно. Например, 10 ф. чая = 20 арш. холста, и 40 ф. кофе = 20 арш. холста. Следовательно, 10 ф. чая = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чая.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира напечатлевается на исключенном из этого мира эквивалентном товаре, холсте, характере всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится общим проявлением стоимости товарного мира, следовательно, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его относительная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной формы всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, создающий холст, находится в то же время в форме, всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и делают таким образом ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом труд, реализованный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение, как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных работ, но кроме того отчетливо выступает вперед и его положительная природа. Последняя состоит в сведении всех действительных видов труда к их общему характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде ступиков безразличного человеческого труда, самим своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она расширяет таким образом, что в пределах этого мира всеобщечеловеческий характер труда есть его специфически общественный характер.

2) Отношения между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы

Степень развития относительной формы стоимости соответствует степени развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие

эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости.

Простая или единичная относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости одного товара во всех других товарах, — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, данный особенный вид товара становится всеобщей эквивалентной формой, когда все другие товары делают его материалом для выражения своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между ее обоими полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма: 20 арш. холста = 1 сюртуку, включает эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из обоих товарных полюсов, и холст, и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно уловить полярную противоположность.

В форме В лишь один какой-нибудь вид товара может вполне развернуть свою относительную стоимость, и сам он обладает развернутой относительной формой стоимости лишь тогда и постольку, когда и поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Нельзя переставить отдельные уравнения стоимости, напр. 20 арш. холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 кварт. пшеницы и т. д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму стоимости.

Наконец, последняя форма, форма С, дает товарному миру всеобщую и общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды — за исключением одного — лишены всеобщей эквивалентной формы. Поэтому один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственно общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары лишены этой формы²⁴.

²⁴ Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому так же можно вообразить себе, что на все товары одновременно наложен штемпель непосредственной обмениваемости, как можно вообразить, что всех католиков возможно сделать папами. Да, мелкого буржуа, который в товарном производстве видит не *per plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утки и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте, не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Gray, Gray и др. Это не препятствует такой мушкетерски красоваться в известных кругах под именем «science», «наука». Ни одишкола не носилась так с словом «наука», как прудоновская, потому что

«Wo Begriffe fehlen,
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein».

(«Где нехватает понятий, там на выручку является слово»).

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, следовательно, и всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Если бы холст, или вообще какой-либо товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда: 20 арш. холста = 20 арш. холста, — тавтологию^{24а}, в которой не выражается ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, мы должны скорее перевернуть форму *C*. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой стоимости, но дает своей стоимости относительное выражение в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом развернутая относительная форма стоимости, или форма *B*, оказывается специфической [особенной] относительной формой стоимости товара-эквивалента.

II ПЕРЕХОД ОТ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ К ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, данный товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме *C*) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение становится окончательным уделом одного специфического, особенного товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщее общественное значение.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно признается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента является его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которое в форме *B* фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме *C* выражали свою относительную стоимость в холсте, завоевал в истории определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме *C* на место товара холст товар золото. Получится:

D. Денежная форма

20 арш холста	=	2 унциям золота.
1 сюртук	=	
10 ф. чая	=	
40 ф. кофе	=	
1 кварт. пшеницы	=	
1/2 тонны железа	=	
x товара A	=	

^{24а} Тавтология — предложение, в котором сказуемое представляет про себя повторение подлежащего. — К.

При переходе от формы *A* к форме *B* и от формы *B* к форме *C* имеют место существенные изменения. Напротив, форма *D* отличается от формы *C* только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме *D* играет ту же роль, как холст в форме *C*, — роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественного обычая с натуральной специфической формой товара золота.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент, — как единичный эквивалент в единичных актах обмена, и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-по-малу оно стало функционировать, как всеобщий эквивалент, в более или менее широких кругах. Как только оно завладело себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь начиная с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма *D* начинает отличаться от формы *C*, другими словами, всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, напр. холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, напр. в золоте, есть форма цены. Следовательно, «форма цены» холста такова:

20 арш. холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное имя двух унций золота,

20 арш. холста = 2 ф. ст.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы стоимости вообще, формы *C*. Форма *C* разрешается ретроспективно в форму *B*, в развернутую форму стоимости, а конституирующим, первичным элементом этой последней является форма *A*: 20 арш. холста = 1 сюртуку, или x товара *A* = y товара *B*. Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

4. Товарный фетишизм и его тайна

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной [для всех известной] вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причудливых, метафизических [сверхчувственных] тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с точки зрения тех свойств, которыми он удовлетворяет человеческие потребности, или самые эти свойства будем исследовать как продукт человеческого труда. Само собою понятно, что человек своею деятельностью изменяет формы природных материалов в известном, полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, напр., когда из него делают стол. И тем не менее стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на ногах, но становится пред лицом всех других товаров

голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать²⁵.

Мистический характер товара порождается таким образом не потребительской его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определенной стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны они во всяком случае являются функциями человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и ее форма, является по существу своему тратой человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, уже непосредственно, осязательно отличается от качества труда. При всяких условиях то рабочее время, которого стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития²⁶. Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

Откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы. Разнородность различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию стоимости; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых проявляются эти общественные определения их работ, получают форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда, как вещественный характер самих продуктов труда, как естественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к коллективности представляется им выходящим вне их общественным отношением вещей. Вследствие такого видения продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так и световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при световых восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, вещным предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей

²⁵ Напомним, что Китай и столы начали танцевать как раз в такое время, когда весь остальной Мир находился, повидимому, в полном покое, — а не процветания остальных.

²⁶ Прим. ко 2 изд. У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда названия моргена: Tagwerk (труд одного дня) или Tagwanne (journal или jurnalis, terra jurnalis, jurnalis или diornalis), Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Mannshauet и т. д. См. Georg Ludwig von Meuser, Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof- u. s. w. Verfassung, München 1859, стр. 129 и сл. В некоторых частях Франции все еще сохраняется название «journal» за известной мерой поверхности, приблизительно равной моргену.

продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отклонениями вещей. Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. Таковы же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от всякого товарного производства.

Этот фетишистический характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ. Комплекс [совокупность] этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт [соприкосновение] между собой лишь в обмене продуктами своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, отдельные частные работы фактически реализуются лишь как звенья совокупного общественного труда, — реализуются в тех отношениях, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют на самом деле, — т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц и их работ, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в пределах обмена продукты труда получают общественно равную субстанцию стоимости, обособленную от их чувственно-различных потребительных субстанций. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и вещь, воплощающую стоимость, осуществимо на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточные размеры и достаточную важность для того, чтобы полезные вещи можно было производить специально для обмена, — а потому характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные полезные работы, они должны удовлетворять определенной общественной потребности и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, естественно выросшего в систему общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особый вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особый вид полезной частной работы и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство работ, *toto coelo* [во всех отношениях] различных друг от друга, может существовать лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, абстрактно человеческого труда. Мотив частных производителей только отражает этот двойственный общественный

характер их частных работ, и притом в тех формах, какие он принимает в обычной практической жизни, в обмене продуктов: общественно-полезный характер частных работ отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных работ отражает в форме принадлежащего им материально различным вещам — продуктам труда — общего свойства быть стоимостью.

Следовательно, люди сопоставляют друг с другом продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг другу в обмене разнородные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают²⁷. Таким образом у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того, стоимость превращает каждый продукт труда в таинственный общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего общественного продукта, потому что определение предметов по треблению как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, напр., язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют лишь вещественное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не уничтожает вещной видности общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве, как человеческого труда вообще, и что он принимает форму стоимостей продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение подобно тому, как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают некоторой прочности и становятся поэтому обычными, тогда кажется, как будто они обуславливаются самой природой продуктов труда. Так, напр., равная стоимость одной тонны железа и двух унций золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих металлов. В действительности характер продуктов труда как стоимостей фиксируется лишь путем их реализации как стоимостей определенной величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения ве-

²⁷ *Прим. ко 2 изд.* Поэтому, когда Galiani говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами — *La Richezza è una ragione tra due persone*, — можно было бы прибавить: скрытое под вещной оболочкой отношение. Galiani, *Della Moneta*, p. 220, v. III сборника *Custodi: Scrittori Italiani di Economia Politica. Parte Moderna. Milano 1801*).

шей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта мог вырасти научный взгляд, согласно которому отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшей системы разделения труда, постоянно приводятся в определенных пропорциях к своей общественной мере; для этого необходимо вполне развитое товарное производство потому, что рабочее время, общественно необходимое для производства продуктов, обнаруживается как насильственно действующий закон природы лишь среди случайных и постоянно колеблющихся меновых отношений между продуктами, подобно тому как обнаруживается, например, закон тяготения, когда дом рушится на чью-нибудь голову²⁸. Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет кажущуюся случайность в определении величины стоимости продуктов труда, но отнюдь не устраняет ее вещной формы.

Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, избирают, вообще говоря, путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [потом, впоследствии], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, лежащие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками обращения товаров, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни к тому времени, когда люди делают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм — последние уже приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их содержании. Таким образом лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но та же самая законченная форма товарного мира — его денежная форма — набрасывает вещественную вуаль на общественный характер частных работ, а следовательно, и на общественные отношения частных работников вместо того, чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т. д. относится к холсту как всеобщее воплощение абстрактного человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т. п. относят эти товары к холсту, или — что не изменяет дела — к золоту и серебру, как всеобщему эквиваленту, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

К подобного рода формам и сводятся категории [основные понятия] буржуазной экономики. Это общественно значимые, следовательно, объективные формы мысли в рамках производственных отношений данного исторического определенного общественного способа производства, — товарного производства. Весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие

²⁸ «Что сказать о законе, который может проявляться лишь в периодических революциях. Это и есть закон природы, покоящийся на бессонности затрагиваемых его действием людей» (Friedrich Engels, *Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie in Deutsch-Französischen Jahrbücher* herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx, Paris 1844). [Ср. «Gesammelte Schriften von K. Marx und Friedrich Engels», 1841 — 1850, Stuttgart 1902, Bd. I. S. 449]. [См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. Т. II. Стр. 309. Изд. М. 1929.]

продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады²⁹, то пусть и на нашем острове прежде всего появится Робинзон. Как ни скромнен он в своих прищипках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготовлять мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдых от работ. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. Под давлением необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарь содержит перечисление предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, рабочих часов, которых ему в среднем стоит изготовление этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г. Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы, — крепостные и помещики, вассалы и сеньеры, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд измеряется временем точно так же, как и труд, производящий товар, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной, личной

²⁹ *Прим. ко 2 изд.* Даже Рикардо не мог обойтись без робинзонады. Первобытный рыбак и первобытный охотник у него тотчас же, как истинные товаровладельцы, обменивают рыбу на дичь в пропорции, соответствующей рабочему времени, овеществленному в этих меновых стоимостях. Он допускает при этом тот небольшой анахронизм, что первобытный охотник и первобытный рыбак для расценки своих орудий труда прибегают к рачетным таблицам, бывшим в употреблении на лондонской бирже в 1817 г. «Параллелограммы господина Оуэна» являются, повидимому, единственной известной ему формой общества, за исключением буржуазной. (Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 38, 39). [См. К. Маркс, К критике политической экономии. В-та марксиста. М. Гиз, 1929. Стр. 100.]

рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попи. Таким образом, как бы мы ни описывали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобщественного труда, нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов³⁰. Более близкий пример дает нам деревенская патриархальная промышленность крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи представляют для этой семьи различные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затраты индивидуальных рабочих сил, измеряемые их продолжительностью, уже с самого начала придают этим работам общественный характер, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, которые работают при помощи общих средств производства и сознательно затрачивают свои различные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинсона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт союза свободных производителей есть общественный продукт. Часть этого продукта в свою очередь служит средством производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется отдельными членами союза как средства существования. Следовательно, она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным про-

³⁰ Прим. ко 2 изд. «За последнее время распространился смешной предрассудок, будто первобытная общинная собственность является специфической славянской и даже исключительно русской формой. Наличие этой первичной формы мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; у индусов и теперь еще мы находим целый калейдоскоп такого рода форм, хотя уже в состоянии некоторого упадка. Ближайшее изучение азиатских, в особенности индусских, форм общинной собственности могло бы показать, как из различных форм первобытной общинной собственности получаются различные формы ее разложения. Так, напр., различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индусской общинной собственности» (Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 10). [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 67.]

ществом, мы предположим, что доля каждого производителя в средствах существования определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время складывается вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Религиозный мир есть только рефлекс реального мира. Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются друг к другу в этой единообразной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в эпоху буржуазных разновидностей, каковы протестантизм, деизм и т. д. При сравнении азиатских, античных и т. д. способов производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют совершенно иную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее уходит уклад общинного уклада жизни. Народы, торговые в собственном смысле этого слова, существуют лишь в междумировых пространствах старого мира, как боги Эпикура или как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны по своему устройству, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая степень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, созидającego их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта реальная связанность отражается идеально в древних естественных и народных религиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для такого общества необходима определенная материальная основа или ряд определенных материальных условий существования, которые в свою очередь представляют естественно выросший продукт длинного и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала — хотя и недостаточно²¹ — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержа-

²¹ Как уже указывалось на стр. 14, Бенжамен Франклин говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то самой правильной оценкой стоимости всех вещей является труд» (The Works of Benj. Franklin, etc., ed. by Sparks, Boston, 1836,

ние. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера в величине стоимости продукта труда? Формулы, на дбу которых написано, что они принадлежат такой обществен-

vol. II, p. 267). Что вещи имеют стоимость, это для Франклина так же естественно, как что тела имеют вес. С его точки зрения задача сводится просто к тому, чтобы найти способ измерить эту стоимость с возможной точностью. Но он не замечает, что, утверждая: стоимость всех вещей правднее всего оценивается трудом, он тем самым отвлекается от различий обмениваемых работ и сводит их к равному человеческому труду. Иначе он должен был бы сказать: так как обмен башмаков и сапог на столы есть не что иное, как обмен башмачного труда на столярный труд, то столярным трудом с наибольшею точностью можно было бы измерять стоимость сапогов. Употребляя слово «труд» вообще, он отвлекается от полезного характера и от конкретной формы различных работ.

Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости — а это лучший анализ ее — будет указана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он воплощается в потребительной стоимости продукта. Фактически, она, конечно, считает с этим различием, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором — с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие работ предполагает их качественное единство или равенство, следовательно, их сведение к абстрактно-человеческому труду. Рикардо, напр., заявляет, что он согласен со следующими словами Destutt de Tracy: «Так как верно, что наши физические и духовные способности составляют наше единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т. е. труд какого-либо рода, есть наше первоначальное богатство, и лишь благодаря такому применению создаются все те вещи, которые мы называем богатством.. Равным образом верно, что все такие вещи представляют только труд, который создал их, и, если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, они могут заимствовать их только от стоимости того труда, которым они порождаются» (Destutt de Tracy, *Éléments d'idéologie*, 4-ème et 5-ème partie, Paris 1826, p. 35, 36, цитир. у Ricard, *The Principles of Polit. Econ.*, 3-rd ed., London 1821, p. 334). Мы отмечаем лишь, что Рикардо приписывает Детью свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда, Детью, с одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, «представляют труд, который создал их», но, с другой стороны, он утверждает, что «две различные стоимости их (потребительная и меновая) заимствуются от «стоимости труда». Он попадает тем самым в заколдованный круг пошлости вульгарной политической экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определить стоимость других товаров. Рикардо читает его так: и в потребительной, и в меновой стоимости представлен труд (а не стоимость труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, что на протяжении целой главы: «Value and Riches. Their Distinctive Properties» («Стоимость и богатство, их отличительные особенности») вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Детью, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем.³² Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает ей характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Рикардо, она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к предмету товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости

ной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественно-производственного организма третируются ею по этому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви³³.

поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особый вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования — денежной реформы, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, единогласно признающих измерение величины стоимости рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о всеобщем эквиваленте в его законченной форме. Особенно ярко это выступает, напр., при исследовании банкового дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не удеешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантильная система (Ganilh и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, скорее, лишь ее облик, лишенный всякой самостоятельной субстанции. — Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, которая, начиная с W. Petty, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни, и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что механически систематизирует затасканные и самодвольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире — лучшим из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами.

«Экономисты рассуждают удивительным образом. Для них существует лишь два вида учреждений — искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии — естественные. Они сходятся в этом отношении с теологами, которые также устанавливают два вида религий. Всякая религия, кроме той, которую они исповедуют, есть изобретение человеческое, тогда как их собственная религия есть божественное откровение. Итак, была некогда история, но теперь ее больше нет» (Karl Marx, *Misère de la Philosophie, Réponse à la Philosophie de la Misère par M. Proudhon*, 1847, p. 113). [См. K. M. a. p. c., Ницета философии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1928. Стр. 116.] Истинные комики, напр., г. Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно иметься что-нибудь такое, что можно награбить, другими словами, предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа думает, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполнил мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то каким образом избрал бы правильный путь в своей оценке наемного труда такой карлик-экономист, как Бастиа? — И пользуясь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «Zur Kritik der Politischen Oekonomie, 1859». По мнению газеты, мой взгляд, что

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещественная видимость общественных определений труда, смущает некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе соиздания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выразить труд, потраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр., в вексельном курсе.

Так как товарная форма есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно, характерной, как в наши дни, то ее фетишистический характер еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта кажущаяся простота. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она видела в золоте и серебре, как деньгах, во выражение общественно-производственного отношения, а лишь форму природных вещей с очень странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая с таким величавым пренебрежением поглядывает на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физнократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой товарной формы. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что принадлежит нашей вещественной природе, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. Послушаем теперь, как эта душа товара вещает устами экономиста: «Стоимость (меновая стоимость) есть свойство вещей, богатство (потребительная стоимость) есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же нет»³⁴. «Богатство (потре-

определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом, «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни», — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего изумительно, как кто-либо мог бы предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не труднее обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующий рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

³⁴ «Observations on some verbal disputes in Political Economy, particularly relating to value and to supply and demand, London 1821», p. 16.

бительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг и алмаз»³⁵. До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого химического вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколя, что «счастливая наружность есть дар обстоятельств, и искусство читать и писать дается природой» (Ш е к с п и р, Много шума из ничего)³⁶.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОЦЕСС ОБМЕНА

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собою. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их³⁷. Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товарладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых обитает в этих вещах; таким образом один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, нарушен ли он законом, или нет, — есть волевое отношение, в котором отражен экономический отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением³⁸. Лица существуют

³⁵ S. Bailey, A critical Dissertation on the Nature etc. of value, p. 105.

³⁶ Автор «Observations» и S. Bailey обвиняют Рикардо за то, что он по неведению относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, напр. алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытой за этой их внешностью истинной относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы обвинили Bailey грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью.

³⁷ В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между торговцами попадались очень деликатные вещи. Так, напр., один французский поэт того времени среди товаров, находившихся на рынке в Landit, называет поряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, викуриями и т. п. также «femmes folles de leur corps» (публичных женщин).

³⁸ Прудон черпает свой идеал вечной справедливости, justice éternelle, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем

здесь один для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаро-владельцы. В дальнейшем ходе исследования мы увидим, что характерные экономические маски лиц являются вообще лишь одиозовременным экономическими отношений, в качестве носителей которых эти лица противопоставляют друг другу.

Товаровладелец отличается от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело есть лишь форма проявления его собственной стоимости. Прирожденный левеллер [уравнитель] и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем Мариторна. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся его непосредственная потребительная стоимость заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена³⁹. Поэтому владелец стремится отчуждить свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары не имеют потребительной стоимости для своих владельцев и представляют потребительную стоимость для своих невладелцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход от владельца к владельцу составляет их обмен, а обмен ставит их друг к другу в отношение стоимостей и реализует их как стоимости. Значит, товары должны реализовываться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости для того, чтобы они могли реализоваться как стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но лишь обмен может фактически показать,

дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который вместо того, чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на почве их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ согласно «вечным идеям» «naturalité» и «affinité» («особенных свойств» и «сродства»)? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «justice éternelle» («вечной справедливости»), «équité éternelle», «mutualité éternelle» («вечной правде», «вечной взаимности») и другим «vérités éternelles» («вечным истинам»), то разве мы узнаем о ростовщичество что-нибудь большее по сравнению с тем, что знали еще отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит «grâce éternelle», «foi éternelle», «volonté éternelle de Dieu» («вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божией»)?

³⁹ «Ибо двояко употребление каждого блага. — Первое присуще вещи, как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, напр., на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть ее естественный способ употребления. Ибо она существует не для обмена» (Aristoteles, De Republica, lib. I, c. 9).

оказывается ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности.

Каждый товаровладелец хочет отчуждить свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. С этой стороны обмен представляет для него чисто индивидуальный процесс. Но, кроме того, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в любом из других товаров той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. С этой точки зрения обмен представляет для него всеобщий и общественный процесс. Но один и тот же процесс не может быть для всех товаровладельцев в одно и то же время только индивидуальным и только всеобщим и общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар фактически не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как стоимости определенной величины. Таким образом они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают, как Фауст: «В начале было дело». И они уже делали дело, прежде чем начали размышлять. Законы товарной природы проявляются в виде природного инстинкта товаровладельцев. Они могут установить между своими товарами отношение стоимостей, т. е. чисто товарное отношение, только в том случае, если отнесут их к какому-либо другому товару, противопоставят ему, как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественный акт может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественный акт всех остальных товаров, за исключением одного, исторгает из их среды этот последний, в котором все они выражают свои стоимости. Таким образом натуральная форма этого товара становится общественно значимой эквивалентной формой. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией исторгнутого товара. Последний делается — деньгами. *Nil unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt. Et ne quis possit emere et vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut nomen populi eius* *.

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором различные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех

* «Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою вереву... И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет печать, или имя веревы, или число имени его» (Апокалипсис, гл. XVII, 13 и гл. XIII, 17).

пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги ⁴⁰.

Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B . Форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B ⁴¹. Вещи A и B не являются товарами до обмена, а становятся ими лишь благодаря обмену. Первая предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью сводится к тому, что данный предмет потребления утрачивает свою потребительную стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того, чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как к частным собственникам этих отчуждаемых вещей, а значит, и как к независимым друг от друга личностям. Однако такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли это патриархальная семья, древне-индийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары для внешних отношений, такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины. Их количественные меновые отношения первоначально совершенно случайны. Обмениваются они лишь актом воли владельцев, желающих взаимно отчуждить их друг другу. Между тем, потребность в чужих предметах потребления мало-по-малу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещей для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Привычная практика фиксирует такие количественные отношения как величины стоимости.

В непосредственном обмене продуктами каждый товар является непосредственным средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладеющего, — однако лишь постольку, поскольку он представляет для последнего потребительную стоимость. Следовательно, обмениваемый предмет

⁴⁰ Мы можем теперь оценить по достоинству остроумие мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоречие между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этого противоречия. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы путем сохранения католицизма. Подробнее об этом см. мою работу: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», S. 61 и сл. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 128, 129 и сл.].

⁴¹ Пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто бывает у дикарей, за один и тот же предмет предлагается в виде эквивалента хаотическая масса самых разнообразных вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше перодной.

ние не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы становится все настоятельнее по мере того, как возрастает число и разнородность товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно с средствами ее разрешения.оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные продукты на различные другие продукты и приравнивают их друг к другу, никогда не может совершаться таким способом, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую и общественную эквивалентную форму, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая эквивалентная форма появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом [соприкосновением], который вызвал ее к жизни. Попеременно выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срастается лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в денежную форму. С каким именно видом товара она срастается, это сначала случайно. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Денежная форма срастается или с наиболее важными предметами, которые получают извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости для туземных продуктов. Или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент туземного отчуждаемого имущества, каков, напр., скот. Кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, так как все на имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов. Люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный материал, но никогда землю не превращали в этот материал. Такая идея могла возникнуть только в буржуазном обществе, достигшем уже значительного развития. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка ее фактического осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время буржуазной французской революции.

По мере того, как обмен товаров разрывает свои локальные границы, и вместе с тем товарная стоимость вырастает в материализацию [воплещение] человеческого труда вообще, денежная форма переходит на товары, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно на благородные металлы.

Что «деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото и серебро по природе — не деньги»⁴², доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с их общественными функциями⁴³. Но пока мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной

⁴² Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, S. 135. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1920. Стр. 209.] («Драгоценные металлы... по природе своей деньги») (Galliani, Della Moneta, в сборнике Custodi, Parte Moderna, vol. III, p. 72).

⁴³ Подробнее об этом см. в моей только что цитированной работе, отдел «Благородные металлы».

стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адекватной [соответственной] формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, равного человеческого труда может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие стоимости по величине носит чисто количественный характер, денежный товар должен быть приспособлен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро от природы обладают всеми этими качествами.

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как данному товару, — так, напр., золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для предметов роскоши и т. д., — он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то как особенные товары они относятся к деньгам как к товару всеобщему⁴⁴.

Мы уже видели, что денежная форма есть лишь застывший на данном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром⁴⁵, может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы как предмета своего анализа. Процесс обмена даст товару, который он превращает в деньги, не стоимость, а лишь специфическую форму стоимости. Смещение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой⁴⁶. Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми

⁴⁴ «Деньги суть универсальный товар» (Veggi, Meditazioni sulla Economia Politica, p. 16).

⁴⁵ «Сами по себе золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда может быть признана наиболее высокой, когда наименьший вес его достаточен, чтобы выменять наибольшее количество земледельческого или промышленного продукта страны» и т. д. («A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchange, as they stand in relations to each other. By a Merchant, London 1695», p. 7). «Серебро и золото, как чеканенные, так и нечеканенные, хотя и потребляются как мера для всех других вещей, суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или материя» («A Discourse concerning the Trade, and that in particular of the East-Indies etc., London 1689», p. 2). «Капитал и богатство королевства (Англии) не ограничиваются только деньгами, равным образом золото и серебро нельзя исключать из числа товаров» («The East-India Trade a most profitable Trade, London 1677», p. 4).

⁴⁶ «Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами» (Galiani, Della Moneta). Локк говорит: «Всеобщее соглашение людей придает серебру ради тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую [существующую только в нашем представлении] стоимость». Ло, напротив, говорит: «Каким образом различные нации могли бы придать одной и той же вещи воображаемую стоимость?... и каким образом могла бы удержаться эта воображаемая стоимость?». Насколько плохо понимал он сам суть дела, показывают следующие его слова: «Серебро обменивалось согласно той потре-

никами денег, то отсюда возникла другая ошибка, — что деньги только инаки. С другой стороны, здесь сказывается предчувствие того, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих, простая форма проявления скрытых за ними человеческих отношений. В этом смысле каждый товар представлял бы только знак, потому что как стоимость он представляет лишь вещественную оболочку затраченного на него человеческого труда⁴⁷. Но, объявляя простыми знаками те общественные черты, которые получают вещи, и те вещные черты, которые получают общественные определения труда на основе определенного способа производства, их объявляют вместе с тем продуктом произвольных человеческих мнений и, так сказать, санкционируют всеобщим согласием человечества. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века устранять, хотя бы временно, по меньшей мере видимость удивительного в тех или иных загадочных формах человеческих отношений, процесса возникновения которых еще не сумели расшифровать. Так как еще не умели выяснить возникновение и развитие загадочных форм общественных отношений, то старались отнять у них их непонятный характер, заявляя, что они — человеческое изобретение, не свалились с неба.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не заключает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем только, что золото деньги, т. е. непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, какую стоимость представляют, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выра-

бительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (*une valeur additionnelle*). (Jean Law, *Considérations sur le numéraire et le commerce*, в изд. Daire: «*Economistes Financiers du XVIII siècle*», p. 470).

⁴⁷ «Деньги суть их (товаров) знак» (V. de Forbonnais, *Éléments du Commerce, Nouv. Ed.*, Leyde 1766, vol. II, p. 143). «Как знак они притягиваются к товарам» (I. c., p. 155). «Деньги — знак и представитель вещи» (Montesquieu, *Esprit des Lois, Oeuvres*, London 1767, vol. II, p. 2). «Деньги не простой знак, потому что они сами суть богатство; они не представляют стоимости, они сами стоимость» (Le Trosne, *De l'intérêt Social*, p. 910). «Исследуя понятие стоимости, мы должны рассматривать самую вещь только как знак, причем эта вещь имеет значение не сама по себе, а лишь как то, чего она стоит» (Hegel, *Philosophie des Rechten*, стр. 100). Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке, о лишь вообразимой стоимости благородных металлов было пушено в ход юристами, которые, выполняя лакейскую службу для королевской власти, в течение всех средних веков право королей фальсифицировать монету обосновывали традициями римской империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах. «Никто не смеет и не должен сомневаться, — говорит юрпый ученик юристов Филипп Валуа, король Франции, (под именем Филиппа VI), в одном декрете 1346 г., — что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право... чеканки денег, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение и назначать ей такой курс и такую цену, как это нам угодно и прилично нами за благо». Это — догмат римского права, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами, как с товаром. «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Верные рассуждения об этом см. G. F. Pagnini, *Saggio sopra il giusto pregio delle cose*, 1751, у Custodi, Parte Moderna, vol. II. Особенно энергично Pagnini полемизирует с господами юристами во второй части своей работы.

зить величину своей собственной стоимости лишь относительно, в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени⁴⁸. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. И если уже в последние десятилетия XVII века далеко ушедший в своих зачатках анализ денег пришел к тому, что деньги суть товар, то все же это лишь начало анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами⁴⁹.

Как мы видели, уже в самом простом выражении стоимости: x товара $A = y$ товара B , та вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает, повидимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения, обладает ею как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она достигает наивысшего развития, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товарного вида, или откристаллизовывается в денежную форму. При этом создается впечатление, что не данный товар становится деньгами потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого его содействия товары находят воплощение своей стоимости как нечто готовое, как существующее вне их и наряду с ними особое товарное тело. Данные вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. Чисто атомистические отношения между

⁴⁸ «Если кто-нибудь доставит в Лондон унцию серебра из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима ему для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых более богатых рудников две унции серебра можно будет добыть так же легко, как теперь одну, то бушель хлеба будет при прочих равных условиях стоить 10 шилл., если он раньше стоил 5 шилл.» (William Petty, A Treatise on Taxes and Contributions, London 1667, p. 31).

⁴⁹ Господин профессор Рощер поучает нас: «Ложные определения денег могут быть разделены на две главные группы: определения, считающие деньги за нечто большее, и определения, считающие деньги за нечто меньшее, чем товар». Затем идет пестрый каталог работ о деньгах, в котором нельзя уловить и намек на понимание действительной истории теорий денег. В заключение мораль: «Нельзя, впрочем, отрицать, что большинство новейших экономистов обращает недостаточное внимание на особенности, отличающие деньги от других товаров» (значит, деньги все-таки суть нечто меньшее или нечто большее, чем товар?)... «Поскольку это так, постольку полумеркантилистская реакция Ганиля и др. имеет за собой некоторые основания» (Wilhelm Roscher, Die Grundlagen der Nationalökonomie, 3 Auflage, 1858, S. 207 — 210). «Большее — меньшее — недостаточное — постольку — некоторые!» Это называется определением понятия! И подобного рода электическую профессорскую болтовню г. Рощер скромно называет «цифто-физиологическим методом» политической экономии! Впрочем, наука обязана ему одним открытием, а именно, что деньги — «приятный товар».

людьми в их общественно-производственном процессе приводят прежде всего к тому, что их собственные производственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают ищущий характер, вследствие чего все продукты их труда принимают форму товаров. Таким образом загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще; в деньгах она лишь сильнее бросается в глаза и слепит взор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕНЬГИ ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

1. Мера стоимости

В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является только золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения его стоимости, т. е. для того, чтобы выразить стоимость товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует таким образом как всеобщая мера стоимостей, и сначала только в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — делается деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары как стоимости представляют овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим [особенным] товаром, превращая таким образом этот последний в общую меру своих стоимостей т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости — лишь необходимая форма проявления имманентной [присущей] товарам меры стоимости, рабочего времени ⁵⁰.

Выражение стоимости товара в золоте: x товара $A = y$ денежного товара, есть денежная форма товара, или цена его. Теперь достаточно одного упрощения: 1 тонна железа = 2 унциям золота, чтобы представить стоимость железа в общественно-значимой форме. Этому уравнению уже нет

⁵⁰ Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, напр., банкнота не представляет двух рабочих часов, — сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар. Таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких прожектов, как «рабочие деньги» на основе товарного производства (Zur Kritik der Politischen Oekonomie, S. 61 ff.). [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 128, 129 и сл.] Здесь отмечу только, что напр., «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же много общего, как, скажем, театральные билеты. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи допеланных фокусов.

надобности маршировать плечо с плечом в ряду уравнений, выражающих стоимости всех других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду, к простой, или единичной относительно форме стоимостей. С другой стороны, развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах. Но зато деньги не имеют цены. Они приняли бы участие в этой единой относительной форме стоимости всех других товаров лишь в том случае, если бы могли относиться к самим себе, как к своему собственному эквиваленту.

Цена или денежная форма товаров, как и всякая форма их стоимости, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесности, следовательно, лишь идеальная, лишь существующая в представлении форма. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидима, в самих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, лишь предчувствуется ими. Хранителю товаров приходится поэтому отдать в их распоряжение свой язык или навесить на них бумажные билетки, чтобы поведать внешнему миру их цены⁵¹. Так как выражение товарных стоимостей в деньгах носит идеальный характер, то для этой операции применимо золото, существующее только идеально, только в представлении. Каждый товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил своих товаров в настоящее золото, если придаст их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не надо иметь в наличности ни крупицы реального золота, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Это обстоятельство породило самые нелепые теории денег⁵². Хотя для отправления своей функции как меры стоимостей служат лишь мысленно представляемые деньги, тем не менее цены товаров всецело зависят от реального денежного материала. Стоимость, т. е. количество человеческого труда, содержащегося, напр., в одной тонне железа, выражается

⁵¹ Дикарь и полудикарь употребляют при этом свой язык несколько иначе. Капитан Parry рассказывает о жителях западного берега Баффинского залива: «В этом случае (при обмене продуктами)... они лизнут ее (вещь предложенную им для обмена) два раза, после чего, повиновшись, считают сделку формально заключенной к их удовольствию». У восточных эскимосов покупатель также облизывал вещь при получении ее. Если на севере являлся, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления богатства; так, напр., кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха. Как видим, кафры очень страшные существа: в то время как санитарный отчет английского правительства за 1864 г. жалуется на недостаток у значительной части рабочего класса жиробразующих веществ, — в том же самом году некий доктор, посланный ими Гарвей, хотя он и не открыл кровообращения, сделал свою карьеру шарлатанскими рецептами, обещавшими буржуазии и аристократии избавление от избытка жира.

⁵² См. Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, «Theorie von der Mehrwert des Geldes», S. 53 ff. (См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-на марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 117 и сл.)

и мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах или представляется в виде совершенно различных количеств золота, серебра или меди.

Если два различных товара, напр золото и серебро, являются одновременно мерой стоимости, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно остаются друг рядом с другом, пока отношение между стоимостями золота и серебра не изменяется, напр. = 1 : 15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает установившиеся отношения между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции ⁵³.

Товары, цены которых определены, все принимают такую форму: a товара $A = x$ золота; b товара $B = y$ золота; c товара $C = z$ золота и т. д., где a, b, c представляют определенные массы товарных видов A, B, C , а x, y, z — определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е., несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота они сравниваются между собой и соизмеряются друг с

⁵³ Прим. ко 2 изд. «Там, где и золото и серебро на основании закона функционируют как деньги, т. е. как мера стоимости, всегда делаются попытки рассматривать их как одно и то же вещество. В самом деле, можно предполагать, что одно и то же рабочее время неизменно должно представляться в одной и той же пропорции золота и серебра, то тем самым предполагается, что серебро и золото — одно и то же вещество, что определенная масса менее драгоценного металла, серебра, составляет неизменную по стоимости часть определенной массы золота. Начиная с царствования Эдуарда III и вплоть до эпохи Георга II, история денежного обращения в Англии представляет ряд постоянных нарушений, вызываемых колебаниями между установленным законом отношением стоимости золота к стоимости серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото ценилось слишком высоко, то серебро. Металл, который оценивался слишком низко, вывозился из обращения, переплавлялся и вывозился за границу. Затем отношение стоимостей обоих металлов снова изменялось законом, но и новая номинальная стоимость скоро вступала с действительным отношением стоимости в такой же конфликт, как старая. — В наше время очень небольшое и кратковременное падение стоимости золота по сравнению с серебром, как результат индийско-китайского спроса на серебро, вызвало во Франции то же самое явление и притом в громадных размерах: вывоз серебра и влечение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. избыток вывоза золота во Францию над вывозом золота из Франции достигал 41 000 000 ф. ст., в то время как избыток вывоза серебра над ввозом равнялся 14 700 000 ф. ст. В самом деле, в странах, где оба металла являются принятой законом мерой стоимости, следовательно, оба принимаются при платежах, причем каждый может платить по произволу золотом или серебром, — в таких странах металл, повышающийся в стоимости, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном чрезвычайно высоко, так что лишь этот последний действительно служит мерой стоимости. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что везде, где закон закрепляет за двумя товарами функцию меры стоимости, фактически всегда лишь один из них удерживает за собой эту функцию» (Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, S. 52, 53). См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1920. Стр. 116.]

другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота как единице измерения. Сама эта единица измерения путем дальнейшего деления на кратные части развертывается в масштаб. Золото, серебро, медь еще до своего превращения в деньги обладают таким масштабом в виде весовых определений: так, если единицей измерения служит, напр., фунт, то, с одной стороны, он разделяется дальше на унции и т. д., с другой стороны, путем соединения фунтов получаются центнеры и т. д.⁵⁴ Поэтому при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют первоначальные названия денежного масштаба или масштаба цен.

Как мера стоимостей и как масштаб цен, деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом измерении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость единицы измерения. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда, следовательно, стоимость потенциально переменную⁵⁵.

Очевидно прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не может помешать его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже на 1000%, 12 унций золота попрежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или повышении стоимости золота вес одной унции его остается неизменным, то остаются неизменными и отдельные части унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому,

⁵⁴ *Прим. ко 2 изд.* То странное обстоятельство, что в Англии унции золота не может быть выражена в целом числе частей единицы денежного масштаба, объясняется следующим образом: «Наш монетный двор первоначально был приспособлен лишь к употреблению серебра, — поэтому унция серебра всегда может быть разделена без остатка на известное количество целых монет; а так как золото было введено лишь позднее в монетную систему, приспособленную только к серебру, то из унции золота нельзя начислить целого числа монет» (Mac laren, *History of the Currency*, London 1858, p. 16).

⁵⁵ *Прим. ко 2 изд.* В сочинениях английских авторов царствует неверное представление о понятии: «мера стоимости» (measure of value) и «масштаб цен» (standard of value). Постоянно смешиваются сами эти функции, и следовательно, и их названия.

при прочих равных условиях, не изменяет их взаимных относительных стоимостей несмотря на то, что эти последние выражаются то и более низких, то в более высоких золотых ценах, чем выражались раньше ^{55а}.

Как при выражении стоимости данного товара в потребительной стоимости какого-либо другого товара, точно так же и при оценке товаров золотом предполагается лишь одно: что в данное время производство определенного количества золота стоит данного количества труда. Что касается движения товарных цен, то к нему приложимы, вообще говоря, развитые выше законы простого относительного выражения стоимости.

При неизменной стоимости денег может произойти общее повышение товарных цен при том условии, если повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, — если понижается стоимость денег. Наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, — если повысится стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег — пропорциональное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например такие товары, стоимость которых повышается одновременно со стоимостью денег и в той же самой пропорции, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то повышение или понижение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.

Возвратимся к рассмотрению формы цены.

Мы видели, что обычные названия весового масштаба и его подразделений послужили первоначальными названиями и денежного масштаба. Но мало-помалу денежные названия веса металла отделяются от его первоначальных весовых названий. Происходит это по различным причинам, между которыми наиболее важную роль в истории играли следующие: 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на сравнительно низких ступенях развития. Так, напр., в древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих иностранных денег, конечно, отличны от названий туземных весовых единиц. 2) Сравнением богатства менее благородный металл вытесняется из своей функции меры стоимости более благородным, — медь вытесняется серебром, серебро — золотом, как ни противоречит этот порядок позитивской хронологии золотого и серебряного веков ⁵⁶. Фунт стерлингов был, напр., денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составляющему, быть может, $\frac{1}{10}$ фунта или даже меньше, в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и обычное весовое название

^{55а} «Денги могут все время понижаться в своей стоимости, и, несмотря на то, они будут столь же хорошо служить мерою стоимости, как если бы их стоимость оставалась совершенно неизменною» (Bailey, Money and its Vicissitudes, London 1837, p. 11).

⁵⁶ Впрочем и эта хронология встречается не у всех народов.

данного количества золота теперь разделились⁵⁷. 3) В течение целого ряда веков монархи занимались непрерывной фальсификацией монеты, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия⁵⁸.

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он в конце концов регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, напр., унция золота, официально разделяется на определенные части, которые ей нарекаются при этом своем легальном выражении определенными именами, напр. фунт, талер и т. д. Теперь единицу денежной меры в собственном смысле этого слова составляет уже каждая такая часть, подразделяемая в свою очередь на новые части, получающие из уста закона свой имена: шиллинг, пенни и т. д.⁵⁹. Во всяком случае определенные весовые количества металла попрежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно признанных счетных названиях денежного масштаба. Вместо того чтобы сказать, что квартал пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 ш. 10 $\frac{1}{2}$ п. Таким образом в денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги функционируют как счетные деньги каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т. е. в денежной форме⁶⁰.

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т. д. изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница понятий относительно сокровенного смысла этих кабалистических знаков тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и опреде-

⁵⁷ Прим. ко 2 изд. «Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации, и все они были некогда реальны (это последнее замечание довольно часто оказывается неправильным. — Маркс), и так как они были реальны, то служили счетными деньгами (Galvani, Della Moneta, p. 153): [В прежних немецких изданиях места примечаний 57 и 58 были обратные. — К.]

⁵⁸ Прим. ко 2 изд. Так, напр., английский фунт представляет в настоящее время менее одной трети своего первоначального веса, шотландский фунт незадолго до объединения только $\frac{1}{16}$, французский ливр $\frac{1}{72}$, испанский maravedi менее $\frac{1}{1000}$, португальский rei еще более мелкую дробь.

⁵⁹ Прим. ко 2 изд. Господин Давид Уркварт в своем «Familiar Words» называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно $\frac{1}{4}$ унции золота: «Это — фальсификация меры, — говорит он, — а не установление ее масштаба». В этом «ложном наименовании» вес золота он, как и прежде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации.

⁶⁰ Прим. ко 2 изд. «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета» (Athenaeus, Deipnosophistai. I. IV, 49, v. 2, ed. Schweighäuser, 1802).

ленную часть данного веса металла, денежного масштаба⁶¹. С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вещную и в то же время чисто общественную форму⁶².

Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет простую тавтологию, — как и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров⁶³. Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости. Пусть общественно необходимый труд равной величины выражается в 1 квартере пшеницы и в 2 ф. ст. (около $\frac{1}{2}$ унции золота). 2 ф. ст. суть денежное выражение величины стоимости квартера пшеницы, или его цена. Но если обстоятельства позволяют приравнять этот кварталер 3 ф. ст. или вынуждают обозначить его 1 ф. ст., то, очевидно, один ф. ст. слишком малое, а три ф. ст. слишком большое выражение величины стоимости пшеницы, — тем не менее, в данном случае и 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть цены пшеницы, потому что, во-первых, они являются ее денежной формой, деньгами, и, во-вторых, показателями ее менового отношения к деньгам. При неизменных условиях производства или неизменной производительности труда на воспроизводство одного квартера пшеницы должно быть затрачено прежнее количество общественного рабочего

⁶¹ *Прим. ко 2 изд.* «Так как золото, как масштаб цен, выступает с теми же свойствами счетными названиями, как и цены товаров, так как, напр., унция золота совершенно так же, как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф. ст. 17 ш. 10 $\frac{1}{2}$ п., то эти счетные названия принимают за цену самих монет. Отсюда возникло изумительное представление, что золото (или серебро) выражает свою стоимость в своем собственном материале и в отличие от всех других товаров получает фиксированную цену от государства. Фиксирование счетных названий определенных весовых количеств золота принимают за фиксирование стоимости этих количеств» (Carl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 52). [См. К. Маркс, К критике политической экономии, В-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 115.]

⁶² Ср. «Theorien von der Masseinheit des Geldes» в «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 53 и сл. Фантазии относительно повышения или понижения цены монеты все сводятся к тому, чтобы актом государственной власти перенести установленные законом денежные наименования с установленных законом весовых количеств золота или серебра на более крупные или более мелкие весовые части так, чтобы, напр., чеканить на будущее время из $\frac{1}{4}$ унции золота 40 шиллингов вместо 20. Все такие фантазии, поскольку они не являются просто грубыми финансовыми махинациями, направленными против частных и государственных кредиторов, а задаются целью отыскать всеисцеляющее экономическое лекарство, прекрасно охарактеризованы уже Petty в его «Quantulumcunqne concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax 1682». Анализ Petty настолько исчерпывает вопрос, что даже его непосредственные продолжатели, сэр Dudley North и John Locke, не говоря уже о позднейших, могли только вульгаризировать его мысли. «Если бы богатство народа, — говорит он между прочим, — могло быть удесятерено королем своим распоряжением, то было бы удивительно, каким образом такие декреты давным-давно уже не изданы нашими правительствами» (в только что цитированной работе, стр. 36).

⁶³ «Лишь придется признать, что миллион в деньгах стоит больше, чем равная стоимость в товарах» (Le Trovne, De l'Intérêt Social, p. 922), следовательно, «данная стоимость стоит больше, чем равная ей стоимость».

времени. Это обстоятельство не зависит от воли ни производителей пшеницы, ни других товаровладельцев. Величина стоимости товара выражает таким образом необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, как и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения между ценою и величиною стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И здесь нельзя видеть недостатка этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к такому способу производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения между величиною стоимости и ценой, т. е. между величиною стоимости и ее собственным денежным выражением, — она может кроме того скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, напр. совесть, честь и т. д., могут стать продажными для своих владельцев и таким образом при посредстве цены приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны мнимая форма цены, — напр. цена некультивированной земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, — может скрывать в себе действительное отношение стоимостей или некоторое производное от него отношение.

Цена, как и относительная форма стоимости вообще, выражает стоимость товара, напр. тонны железа, таким образом, что определенное количество эквивалента, напр. одна унция золота, всегда может быть непосредственно обменена на железо, откуда, однако, отнюдь не следует обратное: что железо в свою очередь может быть непосредственно обменено на золото. Итак, чтобы фактически проявить свою меновую стоимость, товар должен совлечь с себя свое натуральное тело, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него горше, чем для гегелевского «понятия» переход от необходимости к свободе, или для омара сбрасывание своей скорлупы, или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама⁶⁴. Наряду со своим реальным образом, напр. железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом. Для того чтобы дать ему цену,

⁶⁴ Если в юности Иерониму большого труда стоило смирять свою материальную плоть, как показывает его борьба в пустыне с прекрасными жепскими образами, то в зрелом возрасте столь же трудно было ему сладить со своей духовной плотью. «Я предстал мысленно, — рассказывает он, например, — пред судьей мира», «Кто ты?» — спросил голос. «Я христианин», «Лжешь, — загремел судия мира, — ты только цицеронянец».

достаточно приравнять к нему мысленно представляемое золото. Но он должен быть замещен действительным золотом, чтобы сыграть для своего владельца роль всеобщего эквивалента. Если бы, напр., владелец железа столкнулся с владельцем какого-либо веселого товара и указал последнему, что цена железа есть уже денежная форма, то встретившийся ему весельчак, конечно, ответил бы то же самое, что сказал на небесах св. Петр Данте, прочитавшему перед ним символ веры:

Assai bene é trascorsa
D'esta moneta già la lega e'l peso,
Ma dimmi se tu l'hai nella tua borsa. *

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны золото функционирует лишь как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается таким образом звонкая монета.

2. Средство обращения

а) *Метаморфоз товаров*

Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречание и исключают друг друга отношения. Развитие этого процесса, который обнаруживает двойственный характер товара, являющегося потребительной стоимостью и меновой стоимостью, и приводит к разделению товарного мира на простые товары и денежный товар, не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, напр., в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть форма движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается.

Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ. Продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, из сферы товарного обмена переходит в сферу потребления. Нас интересует здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно, лишь изменение формы, или метаморфоз товаров, обслуживающий общественный обмен веществ.

Совершенно неудовлетворительное понимание этого изменения формы обуславливается, независимо от неясности относительно самого понятия стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно, процесс, касающийся самой формы товара. Упускают из виду, что золото, рассматриваемое просто как товар, еще не есть деньги, и что другие товары при

* «Вес и состав этой монеты хорошо известны, но скажи, есть ли она у тебя в кошельке?»

помощи своих цен сами относят себя к золоту, как своему собственному денежному образу.

Сначала товары появляются в процессе обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. В этом процессе мы находим на одной стороне золото, на другой — все другие потребляемые вещи. На обеих сторонах мы находим товары, представляющие единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но на каждом из двух полюсов менового акта единство этих различий осуществляется в противоположном смысле, а потому представляется в то же время их взаимоотношением. Товар реально есть потребительная стоимость; его бытие как стоимость лишь идеально существует в цене, которая выражается в противостоящем товару золоте как реальном образе его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость лишь идеально обнаруживается в ряду относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм. Эти противоположные формы товаров представляют действительные формы их движения в процессе обмена.

Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок. Цена его товара, 20 аршин холста, есть величина определенная. Эта цена равняется 2 ф. ст. Он обменивает холст на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст есть для него только товар, только носитель стоимости; холст отчуждается в обмен на золото, воплощение его стоимости, и из этой формы воплощения снова превращается в другой товар, в библию, которая однако направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душевнеспасительном чтении. Процесс обмена товара осуществляется таким образом в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфоз [превращений] — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар⁶⁵. Моменты товарного метаморфоза представляют в то же время сделки товаровладельца, — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство обоих этих актов: продажу ради купли.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговли, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо своего первоначального товара другим товаром той же самой стоимости, но иной полезности. Анологичным путем присвоит он себе и все другие необходимые ему средства существования и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь обслуживает обмен продукта его труда на продукт чужого труда, обслуживает обмен продуктов.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде следующего превращения формы:

Товар — Деньги — Товар
T — D — T

⁶⁵ «Из огня, по словам Гераклита, возникает все и огонь из всего, подобно тому как из золота товары и из товаров золото» (F. Lassalle, Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln, Berlin 1858, B. I, стр. 222). Примечание Лассалля к этому месту, стр. 224, прим. 3, неправильно рассматривает деньги как простой знак стоимости.

Со стороны своего материального содержания это движение представляет $T - T$, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, в конечном результате которого погашается и самый процесс.

Г — Д. Первый метаморфоз товара или продажа. Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте, *salto mortale* [отчаянный прыжок] товара. Если оно не удастся, то оказывается обманутым в своих надеждах, если не сам товар, то его владелец. Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, — сколько разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт представляет для него лишь меновую стоимость. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чужом кармане. Для того чтобы извлечь их оттуда, товар должен прежде всего представлять потребительную стоимость для владельца денег, т. е. затраченный на него труд должен быть затрачен в общественно полезной форме или должен быть действительным звеном в системе общественного разделения труда. Но разделение труда есть естественный выросший из товаро-производительского организма, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, задающего целью удовлетворить вновь возникшую потребность или даже впервые за собственный страх пробудить ее. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одною из многих функций одного и того же товаро-производителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар. Общественные условия могут быть достаточно и недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров, шпр., нашего ткача, есть патентованное звено в системе общественного разделения труда, то это отнюдь еще не гарантирует, что как раз его 20 арш. холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, лишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно даровому коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подирки. Допустим однако, что продукт его фактически имеет потребительную стоимость и, следовательно, деньги притягиваются данным товаром. Спрашивается, сколько же именно денег? Правда, ответ уже предвосхищен в цене товара, в показателе величины его стоимости. Мы оставляем здесь в стороне чисто субъективные ошибки в расчетах товаровладельца, которые тотчас же объективно исправляются рынком. Пусть производитель затратил на свой продукт лишь среднее общественно необходимое рабочее время. Следовательно, цена товара есть лишь денежное название общественного в нем количества общественного труда. Но без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в процесс брожения традиционные производственные условия ткачества холста. То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными конкурентами. К его несчастию на свете много ткачей. Допустим, наконец, что каждый имено-

щийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время. Если чрево рынка не в состоянии поглотить всего количества холста по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что преувеличенно большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканья холста. Результат получается тот же, как и в том случае, если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время. Здесь имеет силу немецкая поговорка: «Вместе пойман, вместе и повешен». Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара. И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация одного и того же общественно определенного количества однородного человеческого труда.

Как мы видим, товар любит деньги, но «the course of true love never does run smooth». * Такое же стихийною случайностью, какую отличается качественный состав общественно-производственного организма, отмечен и его количественный состав, представляющий *membra disjecta* [разрозненные члены] в системе разделения труда. Наши товаровладельцы открывают таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их самих независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, так что независимость лиц друг от друга дополняется системой всеобщей взаимной зависимости.

Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случайности, удастся ли это прееуществование. Но здесь мы должны рассмотреть данное явление в его чистом виде, следовательно, должны предположить его нормальное течение. Если обмен вообще совершается, т. е. если товар не оказывается непроданным, то всегда имеет место изменение формы, хотя в случаях ненормальных в этом превращении формы может быть урезана или повышена величина стоимости, претерпевающая превращение субстанция.

Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого — товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 арш. холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга. Но на что обменивается товар? На всеобщее воплощение своей собственной стоимости. А золото? На данное особенное воплощение своей потребительной стоимости. Почему золото противостоит холсту в качестве денег? Потому что цена холста, 2 ф. ст., т. е. его денежное название, уже отнесена к золоту, как к деньгам. Отчуждение первоначальной товарной формы совершается путем отчуждения товара, следовательно, в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть с другой стороны реализация только идеальной потребительной стоимости денег, — превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является таким образом двусторон-

* «Истинная любовь никогда не протекает ровно».

ним: один его полюс составляет продажа товаровладельцем, противоположный полюс — купля владельцем денег. «Продажа есть купля», $T - D$ есть в то же время $D - T$ ⁶⁶.

До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми — отношение товаровладельцев, которое сводится лишь к присвоению чужого продукта труда путем отчуждения своего собственного. Следовательно, один товаровладелец может противостоять другому лишь в качестве владельца денег, или потому, что продукт его труда от природы обладает денежной формой, т. е. является денежным материалом, напр. золотом, или потому, что его товар уже переменял кожу, сбросив с себя свою первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится у источника его производства, — там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно занимается лишь тем, что непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров⁶⁷. Если оставить в стороне обмен золота на товар у источника производства золота, то в руках каждого товаровладельца золото есть отчужденное воплощение его отчужденного товара, продукт продажи, или первого метаморфоза товара $T - D$ ⁶⁸. Идеальными деньгами или мерою стоимости золото становится потому, что все товары измеряют в нем свои стоимости и таким образом делают его идеальной противоположностью своей потребительной формы, воплощением своей стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товарцы в процессе своего всестороннего отчуждения делают его своей действительно отчужденной и превращенной потребительной формой, а следовательно, действительным воплощением своей стоимости. Как воплощение стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его качественно особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию безразличного человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги могут представлять навоз, или навоз отнюдь не деньги. Допустим, что те два золотых, за которые наш ткач отдал свой товар, представляют превращенную форму квартала пшеницы. Продажа холста, $T - D$, есть в то же время купля его, $D - T$. Но продажа холста есть начало процесса, заканчивающегося противоположностью этого акта, куплей библии; наоборот, рассматриваемый как купля холста, тот же процесс заканчивает этим актом свое движение, начавшееся с его противоположности, с продажи пшеницы. $T - D$ (холст — деньги). Эта первая фаза процесса $T - D - T$ (холст — деньги — библия) есть в то же время $D - T$ (деньги — холст), т. е. последняя фаза другого процесса $T - D - T$ (пшеница — деньги — холст). Первый метаморфоз товара, его превращение

⁶⁶ «Вместо продажи есть в то же время купля» (Dr. Quesnay, *Manuel sur le Commerce et les Travaux des Artisans*, Physiocrates, éd. Daire, I. Partie, Paris 1846, p. 170) или, как говорит Quesnay в своих «*Maximes Générales*»: «продавать — значит покупать».

⁶⁷ «Из цену одного товара можно заплатить только ценой другого» (Mercier de la Rivière, *L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, Physiocrates, éd. Daire, II. Partie, p. 554.

⁶⁸ «Тот, кто имеет деньги, сначала надо продать» (там же, стр. 543).

из товарной формы в деньги, всегда является в то же время противоположным метаморфозом какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар⁶⁹.

$D - T$. Второй, или заключительный метаморфоз товара — купля. Как отчужденный образ всех других товаров или как продукт их всеобщего отчуждения, деньги являются абсолютно отчуждаемым товаром. Они читаются цены в обратном направлении и отражаются таким образом во всех товарных телах, как покорном материале для процесса своего собственного превращения в товар. Вместе с тем цены, эти влюбленные взоры, бросаемые товаром на деньги, указывают последней границу их способности к перевоплощению, а именно количественную границу. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно он попал в руки владельца и что именно в них превратилось. «Non olet», — «деньги не пахнут», — каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить⁷⁰.

$D - T$, т. е. купля, есть в то же время продажа, или $T - D$; следовательно, последний метаморфоз данного товара есть в то же время первый метаморфоз какого-либо другого товара. С точки зрения нашего ткача, жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил полученные им 2 ф. ст. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку. $D - T$, заключительная фаза процесса $T - D - T$ (холст — деньги — библия), есть в то же время $T - D$, первая фаза $T - D - T$ (библия — деньги — водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную пену, или вырученную денежную сумму, между многочисленными ее купками. Продажа приводит, таким образом, к многим актам купли различных товаров. Итак, заключительный метаморфоз одного товара образует сумму первых метаморфоз других товаров.

Если мы возьмем теперь в целом метаморфоз какого-либо товара, например холста, то мы увидим прежде всего, что метаморфоз этот состоит из двух противоположных и дополняющих друг друга движений: $T - D$ и $D - T$. Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических функциях этого последнего. Как агент акта продажи, он — продавец, как агент акта купли — покупатель. Но так как в каждом своем превращении товар существует одновременно в обеих своих формах — товарной и денежной, — которые лишь распределяются на противоположных полюсах, то одному и тому же товаровладельцу, поскольку он является продавцом, противостоит другой в качестве покупателя, а поскольку он является покупателем, противостоит другой в качестве продавца. Подобно тому, как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения — из товара в деньги и из денег в товар, — точно так же и товаровла-

⁶⁹ Исключение составляет, как уже было упомянуто выше, производитель золота или серебра, который обменивает свой продукт без предварительной продажи его.

⁷⁰ «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать купить, и в то время вещи, которые мы продали за эти деньги» (Morsier de la Rivière, L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, p. 586).

длеен меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, купля и продажа представляют не прочно фиксированные функции, но функции, постоянно меняющиеся в процессе товарного обращения тех индивидуумов, которыми они выполняются.

Полный метаморфоз товара, рассматриваемый в его простейшей форме, предполагает четыре противоположности и три *personae dramatis* [действующих лиц]. Сначала товар противостоит деньгам как воплощению своей стоимости, которое «по ту сторону», в чужом кармане, обладает своей вещно-осязательной реальностью. Таким образом здесь товаровладелец противостоит владельцу денег. Как только товар превратился в деньги, последние становятся его мимолетной эквивалентной формой, потребительная стоимость или содержание которой существует «по сю сторону» товарного мира, в других товарных телах. Деньги, конечный пункт первого превращения товара, представляют в то же время исходный пункт второго превращения. Следовательно, продавец в первом акте процесса является покупателем во втором акте, где ему противостоит третий товаровладелец как продавец⁷¹.

Обе противоположно направленные фазы товарного метаморфоза образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар получает здесь противоречивое определение. У исходного пункта он не является потребительной стоимостью, у конечного пункта он — потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги первоначально появляются как твердый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара.

Два метаморфоза, образующие полный кругооборот одного товара, представляют в то же время противоположно направленные частичные метаморфозы двух других товаров. Один и тот же товар (холст) открывает ряд своих собственных метаморфоз и в то же самое время окончательно завершает метаморфоз другого товара (пшеницы). Во время своего первого превращения, в акте продажи, он выступает в обеих этих ролях своею собственной особой. А превратившись в золотую куколку, в виде которой он сам проходит нуть всякой товарной плоти, он осуществляет наряду с этим первый метаморфоз некоторого третьего товара. Таким образом кругооборот, описываемый рядом метаморфоз каждого данного товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет обращение товаров.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар — на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица *B* замещает товар лица *A*, но *A* и *B* не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что *A* и *B* покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим

⁷¹ «Итак, здесь имеется четыре члена и три контрагента, из которых каждый выступает два раза» (Le Trosser, De l'Intérêt Social, Physiocrates, éd. Ballo, Paris, 1846, p. 908).

здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда вообще. С другой стороны, здесь развивается сложный клубок общественных связей, которые, однако, носят характер законов природы, так как находятся вне контроля действующих лиц. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; винокур может продать свой живительный напиток лишь потому, что другой продал напиток животного и т. д.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают только потому, что они в конце выпадают из ряда метаморфоз данного товара. Они снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Напр. в общем метаморфозе холста: холст, деньги, библия, — сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения, и деньги опять-таки заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим, к рукам третьего лица прилипает денежный товар ⁷². Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, что товарное обращение создает необходимое равновесие между покупками и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и наоборот. Если этим хотят сказать, что число действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это — бессодержательная тавтология. Однако догмат этот имеет в виду нечто большее: им хотят доказать, будто продавец приводит за собой на рынок своего покупателя. Купля и продажа представляют один и тот же акт как взаимоотношение двух полярно противоположных лиц — владельца денег и товаровладельца. Но они представляют два полярно противоположных акта, рассматриваемые как действие одного и того же лица. Таким образом тождество продажи и купли предполагает и тот случай, когда товар становится бесполезным, когда он, брошенный в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаровладельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег. Это тождество предполагает далее, что процесс обмена, если он даже удаётся, есть некоторая пауза, известный период в жизни товара, который может быть более или менее продолжительным. Так как первый метаморфоз товара есть одновременно продажа и купля, то эта часть процесса составляет в то же время самостоятельный процесс. У покупателя есть товар, у продавца есть деньги, т. е. товар, сохраняющий форму, способную к обращению независимо от того, рано или поздно он фактически снова выступит на рынке. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать, только потому, что он нечего продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением чужого разделяется им на два противо-

⁷² Прим. по 2 изд. Как ни бросается в глаза это явление, его в большинстве случаев не в состоянии заметить экономисты, особенно «фритредеры» vulgaris (средний, плоский сторонник свободной торговли).

положенные акта продажи и купли. Если процессы, являющиеся совершенно самостоятельными друг по отношению к другу, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, актов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса. Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости частного труда, который в то же время должен представлять собой непосредственно общественный труд, особенного и конкретного труда, который, однако, функционирует лишь как абстрактный и всеобщий труд, олицетворения вещей и овеществления лиц, — это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитие формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целого ряда условий, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют⁷³.

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги выполняют функцию средства обращения.

в) Обращение денег

Изменение формы, при помощи которого совершается обмен веществ между продуктами труда, $T - D - T$, предполагает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому пункту в виде товара. Таким образом это движение товаров представляет кругооборот. С другой стороны эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом ее является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к последнему. До тех пор пока товар в руках продавца сохраняется в своей превращенной форме, форме денег, товар этот находится в стадии своего первого метаморфоза, т. е. он осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс — продажа ради купли — закончен, то деньги уже удалились из рук своего первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернутся в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых

⁷³ Ср. мои замечания о Джемсе Милле, «Zur Kritik der Politischen Ökonomie», стр. 74 — 76. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Ч. II. Марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 141.] Два пункта характерны в данном случае для метода экономической апологетики [защиты и приукрашивания существующего]. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому производству; последнее достигается тем, что все отношения между капиталистическими производителями сводятся к тем простым отношениям, которые непосредственно вытекают из товарного обращения. Между тем производством товаров и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя и в различном масштабе. Мы следовательно, ровно ничего не знаем о данных способах производства, но их *differentia specifica* [об их характерных особенностях], мы не можем составить себе о них никакого понятия, раз нам известны только общие и ничем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берет за судить о принципах, зная только одно, — что товар есть продукт.

20 арш. холста, которое, напротив, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет все тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаро-владельца в руки другого, или их обращение (*circulation, cours de la monnaie*).

Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги всегда на стороне покупателя как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя эту последнюю, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Самая природа товарного обращения создает как раз противоположную внешнюю картину процесса.

Первый метаморфоз товара уже по своему внешнему виду есть не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, второй товарный метаморфоз представляется только движением денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем его потребительная плоть выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления⁷⁴. Ее место заступает плоть стоимости, или денежная куколка. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом движение является непрерывным только с точки зрения денег; то же самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса, есть один, всегда неизменный процесс, если его рассматривать как собственное движение денег, — а именно процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Результат товарного обращения, замещение одного товара другим товаром, создается поэтому не изменением его собственной формы, а функцией денег как средства обращения. Деньги приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, деньги переносят их из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они имеют потребительную стоимость, и при этом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в процессе обращения и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны обращение товаров кажется, наоборот, лишь результатом движения денег⁷⁵.

С другой стороны, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они представляют стоимость товаров, принявшую обособленную

⁷⁴ Даже в том случае, если товар все снова и снова продается, — явление, которое для нас пока еще не существует, — то все же с момента своей окончательной продажи он переходит из сферы обращения в сферу потребления, чтобы послужить здесь средством существования или средством производства.

⁷⁵ «Они (деньги) не имеют другого движения, кроме того, которое общено им продуктами» (*Le Troisième, De l'Intérêt Social, Physiocrates, éd. Daire, Paris 1846, p. 385*)

форму. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности движение, присущее только собственной форме товаров. Следовательно, оно должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, напр., холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первого метаморфоза $I - D$, т. е. денежная форма, становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза, его обратного превращения в библию. Но каждое из обоих этих изменений формы совершается путем обмена между товаром и деньгами, путем их взаимного перемещения. Одни и те же монеты притекают к продавцу как отчужденная форма товара и покидают его как абсолютно отчуждаемая форма товара. Они два раза меняются местами. Сначала с холстом, а потом с библией. Те самые 2 ф. ст., которые при продаже холста из кармана земледельца пшеницы перекочевали в карман холстоткача, уходят от него при покупке библии. Таким образом оба противоположные изменения формы данного товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении.

Напротив, если имеют место только односторонние товарные метаморфозы — простые акты купли или продажи, все равно, — то данные деньги лишь один раз меняют свое место. Их второе перемещение всегда выражает собою второй метаморфоз товара, его обратное превращение из денег. В частном повторении перемещений одних и тех же монет отражается не только ряд метаморфоз данного единичного товара, но и связь между бесчисленными метаморфозами всего товарного мира в целом. Впрочем само собою понятно, что все это относится лишь к рассматриваемой здесь форме простого товарного обращения.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера.

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами, только продажи с одной стороны, только покупки с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным идеальным количествам денег. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда вещественно противопоставляет друг другу товар и деньги — первый на полюсе продажи, второй на противоположном полюсе купли. — то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммой цен последних. В самом деле, деньги лишь представляют собою реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собою. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала): пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Правда, причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется

в обратном отношении к изменению стоимости денег, и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы, напр., не стоимость золота понизилась, а серебро заменило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило бы серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменилась бы стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимости; изменилось бы поэтому выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен.

Мы уже видели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Эта стоимость должна быть предположена как нечто данное для того, чтобы деньги могли функционировать как мера стоимости, определяющая цены. Например, если понижается стоимость самого мерила стоимости, то это прежде всего обнаруживается в изменении цены товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно у источника производства последнего. Однако значительная часть других товаров долгое время продолжает оцениваться в прежней, теперь уже устаревшей, сделавшейся иллюзорной мере стоимости, — это явление в особенности характерно для низших ступеней развития буржуазного общества. Но один товар заражает другой, соприкасаясь с ним в уравнении стоимостей, и таким образом золотые или серебряные цены товаров мало-по-малу выравниваются согласно пропорциям, определяемым самою стоимостью товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров. Поэтому поскольку среди товаров распространяются эти новые, исправленные цены, поскольку стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, постольку уже имеется в наличности добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, что товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен.

При этом предположении масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что цена каждого товарного вида, то сумма цен товаров будет, очевидно, зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 четверть пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 четвертей будут стоить 200 ф. ст., 200 четвертей 400 ф. ст. и т. д., а следовательно с массой пшеницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней.

Итак, если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями и ту и другую сторону товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом нет никакой необходимости в том, чтобы одновременно повышались или понижались цены всех товаров. Повышение цен известного числа главенствующих товаров в одном случае, понижение их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отрицает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково.

Пусть дано известное число не связанных между собою, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж, или частичных метаморфоз, напр. 1 квартера пшеницы, 20 арш. холста, 1 библия, 4 галлонов водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст., то в обращение должна вступить масса денег, равная 8 ф. ст. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфоз: 1 квартал пшеницы — 2 ф. ст. — 20 арш. холста — 2 ф. ст. — 1 библия — 2 ф. ст. — 4 галлона хлебной водки — 2 ф. ст., то одни и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены, — следовательно, эти 2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 ф. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках кабатчика. Они совершают четыре оборота. Это повторное перемещение одной и той же монеты выражает двойное изменение формы товара, это движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сличение между метаморфозами различных товаров⁷⁶. Дополняющие одна другую противоположные фазы этого процесса не могут фактически совершиться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одной и той же монеты за данное время измеряется быстрота обращения денег.

Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался, напр., один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен = 8 ф. ст., число оборотов одной и той же монеты за день = 4 и масса обращающихся денег = 2 ф. ст. за данный промежуток времени.

Таким образом за данный период процесса обращения масса денег, функционирующих в качестве средств обращения, равна сумме цен товаров, деленной на число оборотов одноименных монет. Этот закон имеет всеобщее применение.

За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны представляет, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных, параллельно совершающихся актов продажи (и купли), или частичных метаморфоз,

⁷⁶ «Лишь продукты приводят их (деньги) в движение и заставляют обращаться... Быстрота их (денег) движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобность, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту» (Le Troisième, De l'Intérêt Social, Physiocrates, ed. Daire Paris 1846, p. 915 sq.).

в которых одни и те же монеты лишь один раз меняют место, или совершают лишь один оборот, с другой стороны, тот же самый процесс совокупности многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой более или менее многочисленных рядов метаморфоз, в которых одни и те же монеты совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных монет дает, однако, среднее число оборотов отдельных монет, или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, напр., дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен тех товаров, которые обращаются одновременно друг рядом с другом. Но внутри процесса данная монета становится, так сказать, ответственной за остальные. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, причем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, дает величину, равную сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящаяся в обращении. Если уменьшается число их оборотов, то растет их масса. Так как при данной средней скорости обращения масса денег, которые могут функционировать как средство обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество билетов, напр. однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых sovereignов [монет в 1 фунт стерл.], — фокус, хорошо известный всем банкам.

Если в обращении денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот путем противоположных метаморфоз, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены товарных форм, непрерывное внедрение одного ряда метаморфоз в другой, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В быстроте денежного обращения обнаруживается таким образом текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз, превращение потребительной плоти товара в плоть стоимости и обратное превращение плоти стоимости в потребительную плоть, т. е. единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, благодаря чему возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самую наличность этого явления. Обыденное представление, замечая, что с замедлением денежного оборота деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах периферии обращения, естественно приходит к выводу, что самый этот факт объясняется недостаточным количеством средств обращения ⁷⁷.

⁷⁷ «Так как деньги... являются обычной мерой покупок и продаж, то каждый, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, силён не думать, что недостаток наличных денег в государстве или области есть причина, вследствие которой он не может сбыть свои товары; и таким образом «недостаток денег» становится предметом всеобщих жалоб; это крупное недоразумение... Действительно, чего хотят те, которые кричат, что требуют увеличения денег?.. Фермер жаждет... он думает, что, если бы в стране было больше денег, он мог бы продать свои продукты по хорошим

Таким образом общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного промежутка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны, большей или меньшей быстротой потока их противоположно направленных процессов обращения; от скорости потока зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же монеты. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного товарного вида. Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения варьируют в очень широких пределах. Здесь мы отметим лишь те из их возможных комбинаций, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает быстрота их обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег умень-

щается... Таким образом он, повидимому, нуждается не в деньгах, а в хорошей цене на свой хлеб и скот, которые он хотел бы, но не может продать... Почему же он не может получить этой цены?.. 1) Или потому, что в стране вообще имеется слишком много хлеба и скота, так что на рынке большинство лиц, как и он, нуждается в том, чтобы продать, в то время как лишь немногие хотят покупать; 2) или потому, что сократилась обычная разгрузка рынка вывозом за границу... 3) или же потому, что падает потребление, так как население, напр., вследствие обеднения не может уже затрачивать на предметы потребления столько, сколько затрачивало раньше. Таким образом не увеличение количества наличных денег способно помочь фермеру продать его продукты, но устранение одной из этих трех причин, которые действительно дают на рынок... Купец и лавочник нуждаются в деньгах в том же самом смысле, т. е. они не могут сбыть товары, которыми они торгуют, вследствие застоя на рынке... Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки, (Mr Dudley North, Discourses upon Trade, London 1691; p. 11 — 15 русск.). Все шарлатанские изобретения Герреншванда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому воплощающиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения средств обращения. Но если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатков средств обращения есть только популярная иллюзия, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток в средствах обращения вследствие, напр., официальных мероприятий в области «regulation of currency» [регулирования средств обращения] не может с своей стороны вызвать застоя.

шается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключения составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег⁷⁶, может быть выражен еще следующим образом: при данной сумме стоимости товаров и данной средней скорости их метаморфоз количество обращающихся денег, или денежного материала, зависит от собственной стоимости последнего. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется

⁷⁶ «Для торговли нации деньги требуются в известном количестве или пропорции; большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле. Совершенно так же, как в мелочной торговле, необходимо определенное количество фартингов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такие платежи, которые не могут быть выполнены даже при помощи самых маленьких серебряных монет... И подобно тому как число фартингов, потребных для торговли, определяется числом покупателей или частотой их актов купли, а кроме того — и это в первую голову — стоимостью самой мелкой серебряной монеты, точно таким же образом количество денег (золотых и серебряных), потребных для торговли, определяется частотой меновых актов и размерами платежей» (William Petty, *A Treatise on Taxes and Contributions*, London 1667, p. 17). Теорию Юма защищали против Дж. Стюарта и др. А. Юнг в его «*Political Arithmetic*, London 1774», где ей посвящена особая глава: «*Prices depend on quantity of money*», p. 122 и сл. В моей «*Zur Kritik der Politischen Oekonomie*», стр. 149. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 224.], я делаю следующее замечание: «Вопрос о количестве обращающейся монеты он (А. Смит) молчаливо устраняет, совершенно неправильно рассматривая деньги как простой товар». Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги *ex officio* [подчиняясь плану своей работы]. В некоторых отдельных случаях, напр., критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: «Количество монеты в стране регулируется стоимостью тех товаров, которые она приводит в обращение... Стоимость товаров, ежегодно покупаемых и продаваемых в какой-либо стране, требует вполне определенного количества денег для своего обращения и распределения между своими потребителями; большей сумме денег не найдется применения. Канал обращения необходимо привлекает к себе сумму, достаточную для того, чтобы его наполнить, и не вмещает никакого избытка по сравнению с этим» («*Wealth of Nations*», в. IV, ch. I). Подобным же образом А. Смит начинает свой труд *ex officio* апофеозом разделения труда; а в заключение, в последней книге об источниках государственного дохода, воспроизводит местами критику разделения труда, данную его учителем А. А. Фергюссоном.

в свою очередь массой находящегося в данной стране денежного материала⁷⁹, коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанной обменивается на соответственную часть металлической горы⁸⁰.

с) Монета. Знак стоимости

Из функции денег как средств обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, идеально существующая в цене или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь в мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней или национальной сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

⁷⁹ «Цены товаров каждой нации должны, конечно, возрастать по мере того, как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа: следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег» (Jacob Vanderlint, Money answers all Things, London 1734, p. 5). Ближайшее сопоставление работы Вандерлинга и «Essays» Юма не оставило во мне никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот — в общем весьма значительный — труд Вандерлинга. Взгляд, что масса средств обращения определяет собою цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних писателей. «Никакого неудобства, — говорит Вандерлинг, — не может возникнуть вследствие ничем не сдерживаемой торговли, а только большие преимущества... Ибо, если денежная наличность какой-либо нации будет под влиянием свободы торговли понижаться, что имеется в виду предостеречь путем таможенных пошлин и воспрещений ввоза, то у тех наций, к которым при этом сплывают деньги, неизбежно должны возрастать все цены... А предметы иного мануфактурного производства и всякие иные товары скоро настолько падут в цене, что торговый баланс оборачивается в нашу пользу, и мы таким образом получаем деньги обратно» («Money answers all Things», p. 44).

⁸⁰ Само собой очевидно, что цена каждого товарного вида есть элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять товарный мир за один единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то вся задача сводится к очень милой арифметической выкладке такого рода: совокупный товар равен такому-то весу золота, отдельный товар А равен известной части совокупного товара, поэтому равен определенной части данного веса золота. Это буквально и говорит Монтегья: «Если сравнить массу золота и серебра, имеющих в мире, с суммой товаров, которыми располагает мир, то будет совершенно ясно, что любой отдельный предмет потребления или каждый отдельный товар может быть сравниваем с некоторою частью массы благородных металлов. Предположим, что в мире существует только один единственный товар, или что только один товар продается на рынке и что этот единственный товар разделяется на части так же, как и деньги. Тогда определенная часть этого товара соответствовала бы определенной части денежной массы, — половина всего количества первого половине всего количества второй и т. д... Определение товарных цен всегда существенно зависит от со-

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, и золото постоянно может превращено из одной формы в другую⁸¹. Путь, на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его в конце концов к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержания начинают мало-по-малу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото как средство обращения отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История возникающих отсюда трений составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотую сущность монеты в золотую видимость, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самим современным законодатель-

отношения между совокупностью товаров и общей массой денежных знаков (Montesquieu, *Esprit des Loix*, Oeuvres, London 1767, vol. III, p. 12; 13). Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников Джемса Милля, лорда Оверстона и др. ср. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 140 — 146 и стр. 150 и сл. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 225 и сл.] Господин Джон Стюарт Милль со свойственной ему эклектической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца, Джемса Милля, и прямо противоположных. Если сравнить, напр., текст его руководства: «Principles of Political Economy» с предисловием (к 1 изд.), где он сам говорит о себе как о современном А. Смита, то не знаешь, чему больше удивляться — наивности ли этого человека, или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ним и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Вильямсом Карсом из Карса и герцогом Веллингтоном. Оригинальные экономические исследования г. Джона Стюарта Милля, не отличающиеся ни общирностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюровке: «Some unsettled Questions of Political Economy». Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с количественным измерением их стоимости. «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость у этих металлов есть не что иное, как количество» («Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest» 1691, Works, ed. 1777, vol. II, p. 15).

⁸¹ Само собой разумеется, в мою задачу совсем не входит рассмотрение таких подробностей, как монетная пошлина и т. п. Что касается романтического сифофанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростью» английского правительства, «даром» чеканящего монету, то ему достаточно противопоставить следующие слова сэра Дэдлел Норта: «Серебро и золото, подобно другим товарам, имеют свои приливы и отливы. После получения известного количества серебра из Испании... оно отсылается в Тоуэр и там чеканится. Вскоре после этого может обнаружиться новый спрос на золото или серебро в слитках для вывоза. Если металла в слитках не окажется, так как весь он употреблен на чеканку монеты, что тогда предпринять? Очевидно, снова переплавить монету; это не составляет затруднения, — ведь чеканка ничего не стоит владельцам металла. Только нация остается в накладе и должна бросать свои деньги на ветер. Если бы купцу (Норт сам был одним из крупнейших купцов времен Карла II) приходилось уплачивать пошлину за чеканку, он не стал бы без серьезных оснований посылать свое серебро в Тоуэр, и чеканенная монета в этом случае имела бы несомненно более высокую стоимость, чем серебро в слитках (North, Discourses upon Trade, London 1691, p. 18).

ством: последнее определяет ту ступень потери металла, при которой монета теряет курс, или демонетизируется.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества золота или серебра и, с другой стороны, тем обстоятельством, что визские металлы раньше вышших — серебро раньше золота, медь раньше серебра — служили мерою стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно наиболее быстро снашивается, т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых их обязательно принимать взамен золота. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется наряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в область этого розничного обращения и столь же постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету⁸².

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно независимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное существование золота окончательно отделяется от субстанции его стоимости. Благодаря этому, вещи относительно не имеющие никакой стоимости, напр. бумажки, получают возможность функционировать вместо него в качестве монеты. В металлических денежных знаках их часто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, труден только первый шаг.

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно

⁸² «Если серебряной монеты имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то она никогда не может быть накоплена в количествах, достаточных для более крупных платежей... Применение монеты в крупных платежах неизбежно приводит также к его применению и розничной торговле: те, у кого есть золотая монета, ею оплачивают и мелкие покупки и получают вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у розничного торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы расплатиться мелкими покупками, не прибегая к золоту, то розничный торговец получал бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накапливаться в его руках» (David Buchanan, Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain, Edinburgh 1844, p. 248, 249).

неизвестны. Только мимоходом отметим, что подобно тому, как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как платежного средства⁸³.

Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как, напр. 1 ф. ст., 5 ф. ст. и т. д., бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен опытом для каждой данной страны. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется все из новых и новых золотых монет, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на устойчивость ее функции в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения деньгами, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количество, определяемое имманентными законами товарного мира. Если, напр., данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, $\frac{1}{8}$ унции вместо прежней $\frac{1}{4}$ унции золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото потеряло

⁸³ Мандарин финансов Ван-Мао-ин позволил себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за апрель 1854 г. он получает за это надлежащую головомойку. Получил ли он соответственное количество ударов бамбуковой палкой, не сообщается. «Комитет, — говорится в заключение отчета, — внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне» («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China», aus dem russischen von Dr. K. Abol und F. A. Mecklenburg, erster Band, Berlin 1858, стр. 47 и сл.). О постоянной потере металла золотыми монетами вследствие обращения один из «governor'ов» Английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о «банковых актах») следующее: «Каждый год становится слишком легкой новая группа суверенов (имеются в виду не политические суверены, а «sovereigns» — название фунта стерлингов). Те из них, которые обращались в течение года как полноценные, успевают достаточно потерять за это время путем снашивания, чтобы в будущем году склонить чашку весов против себя» (House of Lords Committee. 1848, n. 429).

изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 ф. ст.

Бумажные деньги представляют знак золота или знак денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знак стоимости, поскольку они представляют известное количество золота, которое, как и всякая другая товарная масса, есть в то же время количество стоимости⁸⁴.

Спрашивается, наконец, почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Однако, как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты или средства обращения оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продолжают оставаться в обращении. Куски золота представляют монеты или средство обращения лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза $T - D - T$, в котором товару противопоставляется его денежная форма лишь для того, чтобы снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром. Именно потому и оказывается здесь достаточным чисто символическое существование денег, что этот процесс постоянно удаляет их из одних рук в другие. Функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование. Представляя в данном случае мимолетное объективированное отражение товарных цен, они существуют лишь как знаки самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками⁸⁵. Необходимо

⁸⁴ Прим. ко 2 изд. Насколько смутно понимают различные функции денег даже лучшие писатели по вопросу о деньгах, показывает, напр., следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это — факт, которого, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функцию мерил стоимости и цен, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы» (Fullarton, Regulation of Currencies, 2nd ed., London 1845, p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мерило стоимости, ни как масштаб цен!

⁸⁵ Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становятся знаками самих себя, Николай Барбон выводит право правительств «to raise money»

лишь, чтобы знак денег как таковой получил объективно-общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного общества, или в сфере внутреннего обращения, но зато только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения, или монеты, и, следовательно, могут получить в виде бумажных денег внешне обособленную от их металлической субстанции и чисто функциональную форму существования.

3. Деньги

До сих пор мы рассматривали благородный металл в его двойном свойстве: как меру стоимости и как средство обращения. Первую функцию он выполняет как идеальные деньги, как деньги, существующие в представлении; во второй функции он может быть замещен денежным знаком. Но существуют функции, в которых он должен выступать в своей золотой (или серебряной) плоти, следовательно, как денежный товар, значит, не просто идеально, как в случае с мерилом стоимости, и не может быть замещен своим представителем, как в случае с средством обращения. С другой стороны, существует функция, которую он может выполнять или в своем собственном лице, или посредством заместителя, где он всем остальным товарам, как просто потребительным стоимостям, противостоит только как адекватное бытие их меновой стоимости или единственный образ их стоимости. Во всех этих случаях мы говорим, что он функционирует как деньги в собственном смысле в противоположность его функциям как меры стоимости и как монеты.

а) Образование сокровищ

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфоз, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции как *perpetuum mobile* [непрерывно действующего механизма] обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из *meuble* в *immeuble* [из движимого в недвижимое благо], из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфоз, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за нею куплей.

Товарное обращение уже с самых первых зачатков своего развития вызывает к жизни необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза, — превращенную форму товара, или его денежную куколку⁸⁶. Товар продается не для того, чтобы купить другие товары,

[«сповышать стоимость монеты», т. е. назвать напр. количество серебра, именованное до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем — талером, и таким образом улаживать кредиторам гроши вместо талеров. «Монета снашивается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра»... «Авторитет правительства делает из куска металла деньги» (N. V a r b o n, A Discourse on coining the new money lighter, in answer to Mr. Lock's Considerations etc., London 1696, p. 29, 30, 45).

⁸⁶ «Богатство деньгами есть не что иное, как... богатство продуктами, превращенными в деньги» (Mercier de la Rivière, L'Ordre naturel

а для того, чтобы заместить товарную форму денсжной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает таким образом препятствия на пути своей функции как абсолютно отчуждаемой формы товара или как лишь его мимолетно денежной формы. Вместе с тем деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ укрепляется у таких народов, где традиционному, рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, напр., у азиатков, особенно у индусов. Бандеринт, который воображает, что товарные цены определяются массой имеющегося в данной стране золота и серебра, задает себе вопрос, почему индийские товары так дешевы? Ответ: потому что индусы зарывают свои деньги. С 1602 по 1734 г., — говорит он, — они завезли на 150 млн. ф. ст. серебра, которое было первоначально привезено из Америки в Европу⁸⁷. С 1856 по 1866 гг., т. е. за одно десятилетие, Англия вывезла в Индию и Китай (металл, экспортированный в Китай, в значительной своей части направляется опять-таки в Индию) на 120 млн. ф. ст. серебра, которое раньше было выменено на австралийское золото.

При дальнейшем развитии товарного производства каждый товарпроизводитель должен обеспечить себе *peñvus genim* [«нерв вещей»], известный «общественно-признанный валог»⁸⁸. Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, а во время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая. Эта операция, если представить ее себе как общее правило, повидимому, сама себе противоречит. Однако у источника своего производства благородные металлы непосредственно обмениваются на другие товары. Здесь имеет место продажа (со стороны товарладельцев) без купли (со стороны владельцев золота или серебра)⁸⁹. И позднейшие продажи без дополняющих их актов купли являются лишь средством дальнейшего распределения благородных металлов между всеми товаровладельцами. Таким образом во всех пунктах обращения накаплиются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной фор-

et essentiel des sociétés politiques, Physiocrates, éd. Daire, I. Partie, Paris 1848, p. 557). «Стоимость, выраженная в продуктах, изменила только свою форму» (ib., p. 486).

⁸⁷ «Именно благодаря этому обычаю они отдают свои товары и мануфактурные произведения по таким низким ценам» (Vanderlint, Money answers all Things, London 1734, p. 95, 96).

⁸⁸ «Деньги — залог» (John Bellet's, Essays about the Poor, Manufactures, Trade Plantations and Immorality, London 1699, p. 13).

⁸⁹ Купля в категорическом смысле этого слова предполагает, что золото и серебро представляют уже превращенную форму товара, т. е. продукт продажи.

мы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности. «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.).

Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и нетовары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее материальных ges sacrosanctae, extra commercium hominum [священные предметы, исключенные из торгового оборота людей]⁹⁰. Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они в свою очередь, как радикальный левеллер, стирают всяческие различия⁹¹. Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни⁹². Современное общество, которое

⁹⁰ Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить последние в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокейцами сокровищ из дельфийского храма. В Афинах бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были «священными банками». Финикийяне, народ торговый par excellence, считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшиеся чужестранцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине полученную в награду монету.

Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрцом,
Все старое — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?
Бессмертные! К чему? скажите. Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов...
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная...

(Шекспир, Тимон афинский. Пер. П. Вейнберга).

92

...деньги — зло
Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города

еще в детстве своим «вытащило Плутона (бога богатства) за волосы из недр земли»,⁹³ приветствует золото как блестящее воплощение своего интимнейшего жизненного принципа.

Товар как потребительная стоимость удовлетворяет определенную потребность и образует определенный элемент вещественного богатства. Но своею стоимостью товар измеряет степень своей притягательной силы по отношению ко всем элементам вещественного богатства, следовательно измеряет общественное богатство своего владельца. Для варварски примитивного товаровладельца, даже, напр., для западно-европейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в форме золота и серебра совпадает с накоплением стоимости. Между тем стоимость денег изменяется вследствие ли изменения стоимости самого денежного металла, вследствие ли изменения стоимости других товаров. При этом, однако, остаются неизменными два обстоятельства: с одной стороны, 200 унций золота во всяком случае содержат в себе большие стоимости, чем 100, 300 более, чем 200, и т. д.; с другой стороны, металлическая натуральная форма данной вещи при всяких изменениях ее стоимости остается всеобщей эквивалентной формой всех товаров, непосредственно общественным воплощением всякого человеческого труда. Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, является средством купли с ограниченной покупательной способностью. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд [до бесконечности возобновляемый труд] накопления. Он чувствует себя как великий завоеватель, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото, как деньги, т. е. как элемент созидания сокровища, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровища приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он берет всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скудость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — в этом вся его политическая экономия.⁹⁴

И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью.
(С о ф о к л, Антигона. Пер. Д. С. Мережковского).

⁹³ «Ἐπιλοισίης τῆς πλεονεξίας ἀνάγειν ἕ τῶν μυχῶν τῆς γῆς οὐτόν τὸν Πλούτωνα» (Athén. Diépnosophistai).

⁹⁴ «Увеличить возможно более число продавцов всех товаров, уменьшить возможно более число покупателей, — таков основной вопрос, к которому сводятся все меры политической экономии» (Verri, Meditazioni sulla Economia Politica, в издании итальянских экономистов Custodi, Parte Moderna, vol. XV, p. 52).

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными товарами как предметами роскоши. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. «*Soyons riches ou paraissions riches*» («будем богаты или будем казаться богатыми» — Д и р о). Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, не зависящий от денежной функции последних, с другой стороны — скрытый источник предложения денег, функционирующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции в экономии металлического обращения. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и быстроты обращения связаны с непрерывными отливами и приливами находящейся в обращении массы золота. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. Порою деньги должны притягиваться как монета и вступать в обращение, порою монета должна отталкиваться как деньги и покидать сферу обращения. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса наполняла всегда сферу обращения до надлежащей степени насыщенности, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется для фактического выполнения монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары, в которых деньги накапливаются как сокровища, служат в то же время отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения ⁹⁶.

б) Платежное средство

В рассмотренной нами непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имела вдвойне: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе. Товаровладельцы вступали поэтому в соприкосновение между собой лишь как представители имеющихся в наличии взаимных эквивалентов. Однако с развитием то-

⁹⁶ «Для того, чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма наличных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти колебания, эти приливы и отливы денег приспособляются к изменяющимся обстоятельствам сами собой, без всякого вмешательства со стороны правительства. Оба ведра работают попеременно: когда мало денег, из слитков чеканится монета, когда мало денежного металла, монета переплавляется обратно в слитки» (Sir D. North, Discourses upon Trade, London 1691, p. 22). Джон Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Остиндской компании, подтверждает, что в Индии серебряные украшения все еще функционируют непосредственно как резерв денежного обращения. «Серебряные украшения отправляются на монетный двор, когда уровень процента высок, и снова принимают свой прежний вид, когда уровень процента падает» (J. St. Mills, Evidence Reports on Bankacts 1857, n. 2084). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда, в 1863 г. импорт золота и серебра превысил экспорт на 19 367 764 ф. ст. За восемь последних лет перед 1864 г. избыток импорта благородных металлов над экспортом составил 109 652 917 ф. ст. В течение текущего столетия в Индии было выпущено монеты значительно больше, чем на 200 000 000 ф. ст.

варного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих условий. Один вид товаров требует более длительного, другой более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие, на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например, домом, может быть продано на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении этого срока покупатель данной потребительной стоимости может фактически получить ее в свое распоряжение. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, другой покупает его не на наличные деньги, а как представитель денег вообще, или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Так как метаморфоз товара, или развитие формы его стоимости, здесь принял новый характер, то и деньги приобретают иную функцию. Они становятся платежным средством⁹⁶.

Отношение между кредитором и должником возникает здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же деятелями обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако их противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации⁹⁷. Но те же самые отношения могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, напр., в античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-иудея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к сфере товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов, товара и денег, на противоположных полюсах процесса продажи прекратилось. Деньги функционируют теперь, во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собою обязательство покупателя, т. е. ту

⁹⁶ Уже Лютер различает деньги как покупательное средство и деньги как платежное средство: «Machest mir einen Zwillig aus dem Schadewacht, das ich hie nicht bezalen und dort nicht kaufen kann» (Martin Luther, An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen, Wittenberg 1540).

⁹⁷ Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII в.: «Среди людей торговли царит здесь в Англии дух жестокости, какого не встречается ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира» («An Essay on Credit and the Bankrupt Act», London 1707, p. 2).

денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа платежное средство действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался на первой фазе [форме проявления], т. е. товар в его превращенной форме был извлечен из обращения. Средство платежа вступает в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги уже не обслуживают процесс. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при помощи последних какую-либо потребность, создатель сокровищ, — чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже.

Следовательно, превращение товара в образ его стоимости, в деньги, становится теперь общественной необходимостью, вынуждаемой у товаропроизводителя независимо от его потребностей и его личных склонностей. Эта необходимость возникает из отношений самого процесса обращения.

Предположим, что крестьянин покупает у ткача 20 арш. холста ценою в 2 ф. ст., но не уплачивает этих денег. У него нет необходимых для этого 2 ф. ст., потому что он еще не продал своей пшеницы. Цена квартера пшеницы пусть будет тоже 2 ф. с. Крестьянин превращает свою пшеницу в холст, прежде чем он превратил ее в деньги, следовательно, второй товарный метаморфоз он совершает раньше первого. Затем он продает пшеницу за 2 ф. ст., которые и уплачивает ткачу в условленный срок. Действительные деньги не служат здесь для крестьянина посредником в замещении пшеницы холстом. Оно уже совершилось. Напротив, деньги для него завершают сделку, потому что они — абсолютная форма той стоимости, которую он должен доставить, всеобщий товар. Что касается ткача, то его товар находился в обращении и реализовал свою цену, но лишь в виде частноправового притязания на деньги. Он вошел в сферу потребления другого лица, превратился в потребительную стоимость, прежде чем превратился в деньги. Следовательно, первый метаморфоз холста у этого ткача отсрочен и совершается лишь впоследствии, в момент, когда наступает срок платежа для крестьянина ⁹⁸.

⁹⁸ Прим. ко 2 изд. Из следующей цитаты, заимствованной из моей работы, появившейся в 1859 г., читатель увидит, почему в тексте не принята во внимание противоположная форма: «Наоборот, в процессе $D - T$ деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство, и таким образом цена товара реализуется раньше, чем реализуется потребительная стоимость денег, или фактически отчуждается товар. Это происходит, напр., при столь распространенных подписках на что-либо с предварительной уплатой денег, а также при той форме закупок, которую практикует, напр., английское правительство, скупая опиум у индусских райотов... Однако такую функцию деньги выполняют лишь в своей уже знакомой нам форме покупательного средства... Капитал, конечно, также функционирует в форме денег. Но эта точка зрения открывается лишь за пределами горизонтов простого товарного обращения» («Zur Kritik der Politischen Ökonomie», Berlin 1859, стр. 119, 120). [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Изд. 1929. Стр. 191.]

За каждый данный период процесса обращения обязательств, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала к жизни эти обязательства. Масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит прежде всего от быстроты обращения средств платежа. Она определяется двумя обстоятельствами: взаимной связью между различными должниками и кредиторами, — возможно, напр., что *A*, получая деньги от своего должника *B*, уплачивает их своему кредитору *C* и т. д., — и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь следующих один за другим платежей или осуществляемых задним числом первых метаморфоз существенно отличается от рассмотренного нами ранее сплетения рядов метаморфоз. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями; самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, обращение платежных средств выражает собою известную общественную связь, уже раньше существовавшую в готовом виде.

Одновременность и пространственное сосуществование актов купли или продажи ограничивают возможность компенсировать массу монет посредством увеличения быстроты их обращения. Наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг для экономии на платежных средствах. Наряду с концентрацией платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и способы для их взаимного погашения. Такую роль играли, напр., *vitevements* в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования *A* к *B*, *B* к *C*, *C* к *A* и т. д., чтобы в известных пределах уничтожить их взаимно как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется лишь остающийся после этой операции баланс долгов [излишек долгов]. Чем обширнее концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся платежных средств.

Функция денег как платежного средства заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительно платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом⁹⁹. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система уравнивания их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обиденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стоимость, и стоимость товара исчезает

⁹⁹ Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой проявления — банки, биржи, финансы.

пред лицом его собственной формы стоимости. Еще вчера буржуа, ослепленный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительской философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар деньги». «Только деньги товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства¹⁰⁰. Во время кризиса противоположность между товаром и воплощением его стоимости, деньгами, возводится на степень абсолютного противоречия. Поэтому форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, напр. банкнотами.¹⁰¹

Если мы теперь обратим внимание на общую сумму денег, находящихся в обращении в течение известного промежутка времени, то окажется, что она — при данной быстроте циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно уравновешивающиеся платежи, и, наконец, минус число оборотов, в которых одна и та же монета функционирует попеременно то как средство обращения, то как платежное средство. Напр. крестьянин продает хлеб за 2 ф. ст., которые служат таким образом в качестве средства обращения. С наступлением срока платежа он отдает эти же 2 ф. ст. за холст, который доставил ему ткач. При этом все те же 2 ф. ст. теперь функционируют как платежное средство. Затем ткач покупает библию на наличные деньги, и эти же 2 ф. ст. снова функционируют как средство обращения, и т. д.

Поэтому даже в том случае, если даны цены, быстрота денежного обращения и экономия платежей, то все же масса денег, находящихся в обращении в течение известного периода, напр. одного дня, не совпадает с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары,

¹⁰⁰ «Этот внезапный переход от кредитной системы к монетарной превращает теоретический страх в практическую панику: агенты обращения содрогаются перед непроницаемой тайной своих собственных отношений» (Karl Marx, Zur Kritik der Politischen Oekonomie, Berlin 1859, стр. 126). [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 198.] «Бедняк сидит без работы, потому что богатч не в состоянии дать ему работы по недостатку денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые рабочие силы для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство нации, а отнюдь не деньги» (John Bellerz, Proposals for raising a Colledge of Industry, London 1696, p. 3).

¹⁰¹ Вот как эксплуатируют такие моменты «amis du commerce», «друзья торговли»: «Во время одного из таких случаев (в 1839 г.) один старый банкир-ростовщик (из Сити) приподнял крышку конторки, перед которой сидел, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целые 600 000 ф. ст. в билетах, которые он удерживал у себя, чтобы обострить пужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их на рынок» («The Theory of the Exchanges». The Bank Charter Act of 1844, London 1864, p. 81). Полуофициальный орган «The Observer» от 24 апреля 1864 г. замечает: «Распространяется ряд очень страшных слухов относительно тех мер, к которым прибегли для того, чтобы создать недостаток в банковых билетах... Хотя представляется сомнительным предположение, что действительно были пущены в ход меры подобного рода, тем не менее указанные слухи были настолько широко распространены, что действительно заслуживают упоминания».

денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют совершенно несоизмеримые величины¹⁰².

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как платежного средства, причем долговые расписки за проданные товары в свою очередь начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела в той же степени расширяется и функция денег как платежного средства. В этой своей функции они получают собственные формы существования, в которых находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется преимущественно в сферу мелкой торговли¹⁰³.

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как платежного средства выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся всеобщим товаром вся-

¹⁰² «Совокупность продаж или обязательств, заключаемых в продолжение данного дня, не повлияет на количество денег, обращающихся именно в этот день, но в огромном большинстве случаев выразится в целом ряде разнороднейших векселей на сумму денег, которые могут вступить в обращение лишь в последующие, более или менее отдаленные сроки... Векселя или кредитные сделки, заключенные сегодня, вовсе не должны иметь какое-либо сходство по общей сумме или продолжительности сроков с теми кредитными сделками, которые будут заключены завтра или в ближайшие дни; некоторые из заключенных сегодня кредитных сделок и выданных сегодня векселей совпадут по сроку своего платежа со многими обязательствами, заключение которых относится к ряду предшествующих совершенно неопределенных дат; векселя на 12, 6, 3 месяца и на 1 месяц часто совпадают между собою и таким образом увеличивают массу обязательств, срок которых приходится на один и тот же день» («The Currency Question Reviewed; a letter to the Scotch people. By a Banker in England», Edinburg 1845, p. 29, 30 passim.).

¹⁰³ Как пример того, какую ничтожную роль в собственно торговых операциях играют действительные деньги, мы приводим здесь данные одной из крупнейших торговых фирм Лондона (Morrison, Dillon and Co) относительно ее годовых денежных поступлений и платежей. Ее операции в 1856 г., охватывающие многие миллионы фунтов стерлингов, пропорционально уменьшены нами к масштабу 1 000 000 ф. ст.

Получения:	Выдачи:
Срочные векселя банкиров и купцов . . . 533 596 ф. ст.	Срочные векселя . . . 302 674 ф. ст.
Чеки банкиров и т. д. оплачиваемые по предъявлении . . . 357 715 » »	Чеки на лондонских банкиров . . . . . 663 672 » »
Банкноты провинциальных банков . . . 9 627 » »	Банкноты Английского банка . . . . . 22 743 » »
Банкноты Английского банка . . . . . 68 554 » »	Золото . . . . . 9 427 » »
Золото . . . . . 28 089 » »	Серебро и медь . . . 1 484 » »
Серебро и медь . . . 1 486 » »	
Почтовые переводы . . . 933 » »	
Итого . . . 1 000 000 ф. ст.	Итого . . . . . 1 000 000 ф. ст.

ких договорных обязательств¹⁰⁴, Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи. В какой степени возможность такого превращения зависит от общего характера процесса производства, показывает, напр., дважды потерпевшая крушение попытка Римской империи взимать все налоги деньгами. Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV, столь красноречиво заклеянная Буагильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные платежи.¹⁰⁵ В Азии, — где натуральная форма земельных ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения, — эта форма платежей путем обратного влияния упрочивает в свою очередь старые формы производства. Она составляет одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Узкий экономический базис этой культуры будет разложен.

В каждой стране устанавливаются известные общие сроки платежей. Они покоятся в значительной степени на тех естественных условиях производства, которые связаны со сменой времен года, не говоря уже об иных причинах, вызывающих циклический характер воспроизводства. Ими регулируются также те платежи, которые не связаны непосредственно с товарным обращением, как, напр., налоги, ренты и т. д. Потребность в значительном количестве денег, необходимом для того, чтобы реализовать в определенные дни года платежи, рассеянные по всей поверхности общества, вызывает периодические, но совершенно поверхностные пертурбации в экономии платежных средств¹⁰⁶. Из закона быстроты обращения платежных средств вытекает, что масса

¹⁰⁴ «Характер коммерческого оборота изменился таким образом, что на место обмена товаров на товары, их доставки и получения выступили продажа и платежи. Теперь все сделки... сводятся к чисто денежным операциям» («An Essay upon Public Credit» 3 ed., London 1710, p. 8).

¹⁰⁵ «Деньги сделались всеобщим палачом». Финансовое искусство — «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок» (деньги). «Деньги объявляют войну всему роду человеческому» (Boisguillebert, *Dissertation sur la nature des richesses de l'argent et des tributs*, édit. Daire, «Economistes financiers», Paris 1843», vol. I, p. 413, 417, 419).

¹⁰⁶ «В Духов день 1824 г., — рассказывает г. Круг парламентской комиссии 1826 г., — в Эдинбурге был такой громадный спрос на банкноты, что к 11 часам мы не имели в своем распоряжении ни одной банкноты. Мы по очереди обращались к различным банкам с целью занять несколько банкнот, но не могли ничего получить, и многие сделки пришлось совершить при помощи «slips of paper» [«клочки бумаги», неоформленные банковые боны]. Но уже к 3 часам пополудни все банкноты вернулись в те банки, из которых они ушли. Они только прошли через несколько рук». Хотя среднее число банкнот, действительно обращающихся в Шотландии, не достигает и 3 млн. ф. ст., тем не менее в те дни года, когда производятся различные платежи, идут в дело все имеющиеся у банкиров банкноты, т. е. на сумму — приблизительно — 7 млн. ф. ст. При этом банкноты выполняют лишь одну единственную специфическую функцию и, раз она выполнена, немедленно притекают обратно в те банки, из которых они вышли (John Fullarton, *Regulation of Currencies*, 2-nd ed., London 1845, p. 86, Note). Для пояснения прибавим, что во время появления работы Фуллартона на вклады в Шотландии выдавались не чеки, а только банкноты.

платежных средств, необходимых для периодических платежей, каков бы ни был ее источник, стоит в прямом отношении к продолжительности сроков платежа¹⁰⁷.

Развитие функции денег как платежного средства вызывает необходимость накапливать деньги перед сроками уплаты. В то время, как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда платежных средств.

с) *Мировые деньги*

Выходя за пределы внутреннего обращения, деньги стирают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы масштаба цен — формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. На арене мировой торговли товары универсально развертывают свою стоимость. Поэтому и здесь самостоятельное воплощение их стоимости противостоит им в качестве денег, мировых денег. Только на мировом рынке деньги вполне развивают свою функцию товара, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма реализации человеческого труда *in abstracto*. Способ их существования становится адекватным их понятию.

В сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно, и деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости, в золоте и в серебре¹⁰⁸.

¹⁰⁷ На вопрос: «Если бы пришлось в течение года сделать уплаты на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн. (золотом) для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?» Петти отвечает со своим обычным мастерством: «Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие циклы, как, напр., неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих плату каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы $40/_{52}$ миллиона. Если же циклы охватывали бы четверть года, как то в обычае при уплате ренты и налогов, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем сроки платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и $40/_{52}$ млн. и взять половину, которая равна $5\frac{1}{2}$ млн. Таким образом, если бы мы имели $5\frac{1}{2}$ млн., нам хватило бы денег» (William Petty, *Political Anatomy of Ireland* 1672, edit. London 1691, p. 13, 14).

¹⁰⁸ Отсюда ясна нелепость всяких законодательных мер, предписывающих национальным банкам накапливать лишь тот благородный металл, который функционирует в качестве денег внутри страны. Общеизвестны, напр., «милые препятствия», совданные таким образом самим Английским банком на пути своей собственной деятельности. О великих исторических эпохах изменения относительной стоимости золота и серебра см. Karl Marx, *Zur Kritik der Politischen Oekonomie*, стр. 136 и сл. [См. К. Маркс, К критике политической экономии. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 210 — 211.]

Добавление ко 2 изд. Сэр Роберт Пиль в своем банковом акте 1844 г. старался помочь этому горю тем, что разрешил Английскому банку выпускать банкноты под обеспечение серебром (в слитках), причем, однако, запас серебра отнюдь не должен был превышать одной четверти золотого запаса. Стоимость серебра при этом определяется по его рыночной цене (золотой) на лондонском рынке. (К 4 изданию Энгельс здесь писал: «Мы опять переживаем эпоху интенсивного относительного изменения стоимости золота и серебра. Лет 25 тому назад отношение стоимостей золота и серебра было $= 15\frac{1}{2} : 1$, теперь [1890 г.] оно приблизительно $= 22 : 1$, и

Мировые деньги функционируют как всеобщее платежное средство, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (по-английски: universal wealth). Функция платежного средства, средства, служащего для уравнивания международных балансов, преобладает. Отсюда лозунг меркантильной системы — торговый баланс¹⁰⁰.

Стоимость серебра по сравнению с золотом все еще продолжает падать. Это вызвано главным образом переменами в способе производства обоих металлов. Раньше золото добывалось почти исключительно путем промывки золотоносных аллювиальных пластов, т. е. продуктов выветривания золотоносных минералов. Теперь этот метод уже оказывается недостаточным и оттесняется на задний план непосредственной разработкой самих жил золотоносного кварца, — метод этот был извештен, правда, еще древними (Диодор, II, 12 — 14), но до сих пор практиковался лишь как побочный. С другой стороны, не только были открыты новые колоссальные залежи серебра в Скалистых горах Западной Америки, но благодаря железным дорогам был облегчен доступ к ним и к мексиканским серебряным рудникам, вследствие чего сделалось возможным непрерывно подвозить современные машины и топливо, а следовательно значительно расширить масштаб добычи серебра и понизить издержки. Кроме того оба металла встречаются в рудных жилах в чрезвычайно различной форме. Золото попадает обыкновенно в виде самородков, но зато в крайне ничтожных количествах, рассеянных в кварце: вся масса жилы должна быть поэтому измельчена, после чего золото приходится вымывать или извлекать ртутью. На 1 000 000 граммов кварца добывается при этом от 1 до 3, очень редко 30 — 60 граммов золота. Серебро редко встречается самородками, но обыкновенно в особых рудах, сравнительно легко отделяемых от остальной массы жилы и содержащих значительное количество, от 40 до 90 процентов, серебра; или же оно заключается в небольших количествах в рудах, которые уже сами по себе заслуживают разработки, напр., медных, свинцовых и т. п. Уже отсюда видно, что в то время как труд, затрачиваемый на добывание золота, скорее увеличился, труд добывания серебра значительно уменьшился, так что падение стоимости последнего объясняется совершенно естественно. Это падение стоимости выразилось бы в еще более значительном падении цены, если бы цена серебра и в настоящее время не поддерживалась на определенной высоте искусственными средствами. Но американские залежи серебра разработаны пока и доступны для разработки в самой ничтожной мере, и потому имеются все шансы, что стоимость серебра еще долгое время будет понижаться. В том же направлении влияет относительное уменьшение спроса на серебро для предметов потребления и роскоши вследствие замены массивного серебра накладным, алюминием и т. п. Отсюда ясен весь утопизм биметаллических мечтаний о том, чтобы путем принудительного интернационального курса поднять стоимость серебра до прежнего отношения к стоимости золота 1 : 15 $\frac{1}{2}$. Скорее серебру предстоит все более и более утрачивать свою денежную функцию на мировом рынке. — Это ожидание, высказанное Энгельсом в 1890 г., с того времени все более оправдывается, хотя после того и добывание золота было революционизировано вследствие применения цианистой обработки, и потому уже нельзя сказать, что «труд, затрачиваемый на добывание золота, скорее увеличивается». Отношение стоимости серебра и золота, которое Энгельс определял еще в 1 : 22,1, уже в 1902 г. составляло 1 : 39,2, к 1906 г. упало до 30,1, а в 1909 г. опять повысилось до 39,7. — К.).

¹⁰⁰ Противники меркантильной системы, которая считает целью мировой торговли погашение излишков торговых балансов золотом и серебром, в свою очередь очень плохо поняли, в чем состоит функция мировых денег. Что ложное понимание международного движения благородных металлов лишь отражает в себе ложное понимание законов, регулирующих массу средств обращения, — это я обстоятельно показал на примере Рикардо («Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 150 и сл.) [См. К. Маркс, К критике политической экономии. В-ка марксиста М. Гиз. 1929. Стр. 237 и сл.]. Его ошибочная догма («Неблагоприятный торговый баланс всегда

Международным покупательным средством золото и серебро служат главным образом тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, но о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в непосредственно товарной форме невозможно или вследствие неблагоприятных конъюнктур [изменяющихся состояний] товарного рынка, или вследствие того, что самая цель перенесения богатства требует в данном случае денежной формы¹¹⁰.

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна пуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функций денег как средства обращения и платежей на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег^{110а}. Для последней роли всегда требуется действительный денежный товар, плоть золота и серебра, вследствие чего Джеймс Стюарт характеризует золото и серебро в отличие от их локальных заместителей как money of the world [«мировые деньги»].

Золотой и серебряный поток движется в двояком направлении. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку, впитывается в различной степени различными сферами национального обращения, входит в их внутренние каналы обращения, замещает сно-

вызывается избытком средств обращения... Вывоз звонкой монеты обусловливается понижением ее стоимости и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса». (Ricardo, The high Price of Bullion etc., p. 11, 12, 14) встречается уже у Барбона: «Уравнение торгового баланса, если таковое происходит, не есть причина вывоза денег, данной нации; но последний происходит вследствие разницы в стоимости благородных металлов у различных наций» (N. Barbon, A Discourse on coining the new money lighter, London 1696, p. 59, 60). Мак Куллох в «The Literature of Political Economy, a classified catalogue, London 1845» хвалит Барбона за это предвосхищение учения Рикардо, но благоразумно избегает упомянуть хотя бы одним словом о тех абсурдных предположениях принципа «сиггенсу», которые у Барбона являются еще в самой наивной форме. Некритичность, мало того, прямая недобросовестность этого «каталога» достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак Куллох стоит на задних лапках перед лордом Оверстоном (ex-банкиром Ллойдом), сикофантом которого он является и которого он именует «facile princeps argentariorum» [«несомненный князь банкиров»].

¹¹⁰ Например при субсидиях, денежных займах на ведение войн или с целью помочь банкам возобновить платежи наличными и т. п. стоимость требуется именно в денежной форме.

^{110а} *Прим. ко 2 изд.* «В самом деле, едва ли можно желать более убедительного доказательства, что учреждение резервных фондов в странах с металлическим обращением дает возможность покрыть все необходимые интернациональные обязательства без какой-либо заметной поддержки со стороны общего фонда обращения, чем та легкость, с которою Франция, едва оправившись от удара, нанесенного опустошительным иностранным вторжением, была в состоянии выплатить в течение 27 месяцев контрибуцию приблизительно в 20 миллионов (фунтов стерлингов), вытребованных от нее союзными державами, и притом значительную часть этой контрибуции выплатила звонкой монетой, без всякого заметного сокращения или расстройства своего внутреннего денежного обращения и даже без малейших тревожных колебаний вексельного курса» (Fullarton, Regulation of Currencies, 2-nd ed., London 1845, p. 191). К 4 изданию Энгельс добавил: «Еще более поразительный пример представляет та легкость, с которою та же самая Франция в 1871—1873 гг. сумела выплатить в течение

шенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ¹¹¹. Это первое движение совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, производящих золото и серебро. Но, с другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обращения различных наций, следуя в этом своем движении за непрерывными колебаниями вексельного курса¹¹².

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами скопляющиеся в банковых резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом¹¹³. За известными исключениями чрезмерное по сравнению с средним уровнем накопление сокровищ в их резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения или о приостановке течения товарных метаморфоз¹¹⁴.

30 месяцев военное вознаграждение почти в десять раз более крупное, и опять-таки в значительной части звонкой монетой.

¹¹¹ «Деньги распределяются между различными нациями сообразно той потребности, которую последние в них имеют... везде притягиваемые товарами» (*Le Grosne, De l'Intérêt Social, Physiocrates, éd. Dnire, Paris 1846, p. 916*). «Рудники, непрерывно доставляющие золото и серебро, дают их достаточно для того, чтобы доставить такое необходимое количество каждой нации» (*J. Vanderlint, Money answers all Things, London 1734, p. 40*).

¹¹² «Вексельные курсы поднимаются и падают каждую неделю, и ежегодно в известные моменты особенно благоприятны для одной нации, в другие моменты столь же благоприятны для ее соперниц» (*N. Barbon, A Discourse on coining the money lighter, London 1696, p. 39*).

¹¹³ Эти различные функции могут вступить между собой в опасный конфликт, раз к числу их присоединяется функция служить фондом, обеспечивающим размен банкнот.

¹¹⁴ «Количество денег, превышающее то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал и не приносит никакой прибыли той стране, которая ими обладает; они просто вывозятся и опять ввозятся посредством внешней торговли» (*John Bellers, Essays about the Poor, London 1669, p. 12*). «Какая нам польза иметь слишком много монет? Мы должны в этом случае наиболее веские из них опять переплавить и превратить в роскошные блюда, сосуды или утварь из золота и серебра; или послать их в виде товаров туда, где в них нуждаются; или ссудить их под проценты, если процент высок» (*W. Petty, Quantulumcunqne concerning Money, 1682, p. 39*). «Деньги — это не более как жир политического тела, вследствие чего избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь... подобно тому как жир служит как бы смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, восполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государственном теле: они ускоряют его деятельность, питают чужестранным продуктом во время неурожая у себя дома, погашают долговые требования... и украшают целое; впрочем, — иронически заключает автор, — последнее отнюдь не главным образом к тем лицам, которые пьют деньги в изобилии» (*W. Petty, Political Anatomy of Ireland, 1672, ed. London 1691, p. 14*).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. Общая формула капитала

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Он появляется только там, где товарное производство и развитое товарное обращение, торговля, достигли известного уровня развития. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии историю жизнедеятельности современного капитала.

Если мы оставим в стороне материальное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, создаваемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

Исторически капитал везде сначала противостоит земельной собственности в форме денег, в форме денежного имущества купеческого и ростовщического капитала¹. Но нет даже надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом проявлении на сцене, т. е. на товарном, рабочем или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги как таковые и деньги как капитал первоначально отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения.

Непосредственная форма товарного обращения есть $T - D - T$, превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради

¹ Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur». — «L'argent n'a pas de maître» [«Нет земли без господина». — «У денег нет господина»]

купли. Но наряду с этой формой мы находим другую, существенно отличную от нее, форму $D - T - D$, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют капитал.

Присмотримся ближе к обращению $D - T - D$. Подобно простому товарному обращению, оно пробегает две противоположных фазы. Первая фаза — $D - T$, купля, представляет превращение денег в товар. Вторая фаза — $T - D$, или продажа, — обратное превращение товара в деньги. Обе фазы вместе образуют единый процесс, в котором деньги обмениваются на товар, и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается для продажи, или, оставляя в стороне формальные различия между куплей и продажей, — на деньги покупается товар и на товар деньги². Результат, в котором растворяется весь процесс, есть обмен денег на деньги, $D - D$: Если я на 100 ф. ст. покупаю 2 000 ф. хлопка и снова продаю эти 2 000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в результате я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Очевидно прежде всего, что процесс обращения $D - T - D$ был бы совершенно нецел и бессодержателен, если бы он представлял лишь некоторый обходный путь для того, чтобы данную денежную стоимость обменять на ту же самую денежную стоимость, напр. 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Несравненно проще и надежнее метод собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст. вместо того, чтобы доверять их опасностям обращения. С другой стороны, когда купец продает купленный им за 100 ф. ст. хлопок, то совершенно независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже только 50 ф. ст., его деньги описывают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, напр., крестьянин продает хлеб и на вырученные деньги покупает себе одежду. Итак, прежде всего мы должны охарактеризовать формальное различие между кругооборотами $D - T - D$ и $T - D - T$. Вместе с тем обнаружится и различие по существу; скрывающееся за этими формальными различиями.

Посмотрим сначала, что общего в обеих этих формах.

Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы: $T - D$, продажа, и $D - T$, купля. В каждой из обеих фаз противостоят друг другу те же самые два вещественные элемента, товар и деньги, — и два лица в одних и тех же экономических масках, покупатель и продавец. Каждый из обоих кругооборотов представляет единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает.

Но что уже с самого начала разделяет кругообороты $T - D - T$ и $D - T - D$, так это обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей. Там товар, здесь деньги образуют исходный и ко-

² «На деньги покупают товар и на товар покупают деньги» (Mercier de la Rivière, L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, Physiocrates, éd. Daire, II Partie, p. 543).

нечный пункт движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, — товар.

В обращении $T - D - T$ деньги в конце концов превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, тут деньги затрачиваются окончательно. Напротив, в противоположной форме $D - T - D$, покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы извлечь их оттуда путем продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с авансирным намерением снова овладеть ими. Таким образом деньги здесь лишь авансируются.*

В форме $T - D - T$ одна и та же монета дважды меняет свое место. Продавец получает ее от покупателя и уплачивает ее другому продавцу. Весь процесс в целом, начинающийся получением денег за товар, заканчивается отдачей денег за товар. Обратно протекает процесс в форме $D - T - D$. Не одна и та же монета, а один и тот же товар два раза меняет здесь свое место. Покупатель получает его из рук продавца и снова передает его в руки другого покупателя. Как в простом товарном обращении двойное перемещение одной и той же монеты вызывает ее окончательный переход из одних рук в другие, так здесь двойная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока совершается во всяком случае, если только купленный товар действительно снова продается, т. е. если кругооборот $D - T - D$ описывается вполне. Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег.

Кругооборот $T - D - T$ закончен вполне, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. И если обратный приток денег к исходному пункту здесь все-таки совершается, то лишь благодаря возобновлению или повторению всего процесса. Если я продаю квартал хлеба за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то с моей точки зрения эти 3 ф. ст. надержаны окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьем. Если бы я продал второй квартал пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но, очевидно, не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я довершу эту новую сделку, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении $T - D - T$ затрата денег ничем не связана с их обратным притоком. Напротив, в $D - T - D$ обратный приток денег обуславливается самым характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще не законченным, так как недостает его второй фазы — продажи, дополняющей и завершающей куплю.

* «Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то затраченная при этом сумма называется авансированными деньгами, если же вещь покупается не для перепродажи, деньги могут быть названы надержанными» (James Stewart, Works etc., edited by General Sir James Stewart, his son, London 1801, vol. I, p. 274).

Кругооборот $T - D - T$ исходит из того полюса товарного метаморфоза, на котором стоит товар, и заканчивается полюсом, на котором находится другой товар, выходящий из сферы обращения в сферу потребления. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом потребительная стоимость есть таким образом конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот $D - T - D$ берет исходным пунктом денежный полюс и в конце концов возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость.

В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, напр. хлеб и платье. Обмен продуктов, обмен различных веществ, в которых выражается общественный труд, составляет здесь содержание движения. Иначе обстоит дело в обращении $D - T - D$. На первый взгляд оно представляется бессодержательным вследствие своей тавтологичности, вследствие того, что его конечный пункт есть не что иное, как повторение его исходного пункта. Оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — деньги, следовательно, не являются качественно различными потребительными стоимостями, потому что деньги представляют как раз такую превращенную форму товаров, в которой погашаются все особенные потребительные стоимости последних. Сначала обменять 100 ф. ст. на хлопок, а затем снова обменять этот хлопок на 100 ф. ст., т. е. окольным путем деньги на деньги, то же на то же, — такая операция представляется столь же бесцельной, сколь и нелепой⁴. Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по величине. Процесс $D - T - D$ обязан поэтому своим содержанием не качественной разнице между своими крайними пунктами, — оба они деньги, — а лишь их количественному различию. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Хлопок, купленный, напр., за 100 ф. ст., снова продается за 100 + 10 ф. ст., или 110 ф. ст. Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так, $D - T - D'$, где $D' = D + \Delta D$, т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью (по-английски: surplus value). Таким образом первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или самовозрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал.

⁴ «Деньги не меняют на деньги», восклицает Мерсье де ла Ривьер по адресу меркантилистов («L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», Physiocrates, éd. Daire, p. 468). В одном сочинении, которое специально трактует о «торговле» и «спекуляции», мы читаем: «Всякая торговля заключается в обмене разнородных вещей; и выгода (для купца?) возникает именно вследствие этой разнородности. Обмен одного фунта хлеба на один фунт хлеба не принес бы ни малейшей выгоды... отсюда выгодный контраст между торговлей и игрой, которая лишь деньги меняет на деньги» (The Cobet, An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained, London, 1891 p. 5). Хэсти Корбет не замечает, что $D - D$ (обмен денег на деньги) есть форма обращения, характерная не только для торгового капитала, но и для всякого капитала вообще, он по крайней мере признает, что эта форма одного из видов торговли, а именно спекуляции, совпадает с игрой; но вот является Мак Куллох

Возможно, правда, что в форме $T - D - T$ оба крайние пункта, T и T , напр. хлеб и платье, представляют количественно различные стоимости. Крестьянин может продать хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец⁴ платьем. Но с точки зрения самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют нечто совершенно случайное. Эта форма обращения, в противоположность $D - T - D$, ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, напр. хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Наоборот, равенство их стоимостей представляет скорее условие нормального хода процесса.

Конечная цель продажи ради купли, а также цель возобновления или повторения этого процесса лежит вне его самого, в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно. Как бы то ни было, из D получилось $D + \Delta D$; из 100 ф. ст. 100 + 10 ф. ст. Но рассматриваемые с качественной стороны 110 ф. ст. представляют то же самое, что и 100 ф. ст., а именно деньги. И с количественной стороны 110 ф. ст. такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 ф. ст. Если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и тут уже ни один фартинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия. Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща в равной мере как 110 ф. ст., так и 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют ограниченное выражение меновой стоимости и, следовательно, обе имеют одно и то же призвание приближаться к воплощению богатства вообще путем увеличения своих размеров. Правда, первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отделяется на мгновение от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, выросшей на нее в процессе обращения, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не двойной результат: первоначальная стоимость в 100 ф. ст., с одной стороны, и прибавочная стоимость в 10 ф. ст. с другой стороны, а единая стоимость в 110 ф. ст. Последняя имеет форму, столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс самовозрастания, как и первоначальные 100 ф. ст. Движение заканчивается деньгами, которые образуют начало нового, такого же движения⁵. Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совер-

и находит, что всякая купля для продажи есть спекуляция, и таким образом разница между спекуляцией и торговлей совершенно исчезает. «Всякая сделка, в которой один индивидуум покупает продукт с той целью, чтобы снова продать его, фактически есть спекуляция» (Mac Culloch, A Dictionary practical etc. of Commerce, London 1847, p. 1058). Гораздо наивнее Пинто, (Пиндар амстердамской биржи: «Торговля есть игра (это положение он заимствует у Локка), и, конечно, играя с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому, если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить большую часть своего барыша, чтобы начать игру снова» (Pinto, Traité de la Circulation et du Crédit, Amsterdam 1771, p. 231).

⁵ «Капитал разделяется... на первоначальный капитал и прибыль, природою капитала..., хотя на практике прибыль тотчас же снова причисляется к капиталу и вместе с ним пускается в оборот» (F. Engels, Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie, в «Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben

шается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ⁶.

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операции, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, т. е. как одиозованный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста⁷. Равным образом не получение еди-

von Arnold Ruge und Karl Marx», Paris 1844, S. 99). [Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels, Stuttgart 1902, Bd. I, S. 445 и сл.]. [См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. Том II, стр. 306. М. Гиз. 1929.]

⁶ Аристотель противопоставляет хрематистику экономике. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства. «Истинное богатство (ἀληθινὸς πλοῦτος) состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует однако искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последнего не существует, повидимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля (ἐν κατηλικῇ) значит буквально мелочная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих (покупателей и продавцов)». Поэтому, говорит он дальше, первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться в *κατηλική*, в товарную торговлю, а эта последняя в противоречии с ее первоначальной тенденцией превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства» (κοιτικὴ χρημάτων... διὰ χρημάτων διαβολή). Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена (τὸ μὲν νόμισμα στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς ἀλλαγῆς ἐστίν). Поэтому то богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Ведь и всякое искусство, задача которого служит не средством для чего-либо, но является последней конечной целью, безгранично в своем стремлении все ближе и ближе подойти к этой цели: тогда как искусства, преследующие лишь отыскание средств для известной цели, не безграничны, ибо сама эта цель полагает им границы. Таким образом хрематистика не знает границ для своей цели, но ее цель есть абсолютное обогащение. Экономика, а не хрематистика имеет границу... первая в самих деньгах ищет нечто отличное от них, вторая ищет лишь их увеличения... Смешение обеих форм, переходящих одну в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности, как последнюю цель экономики» (Aristoteles, De Republica, edit. Bekker, lib. I, c. 8 и 9 passim.).

⁷ «Не товар (тут в смысле потребительной стоимости) имеет определенное значение для промышленного капиталиста... деньги его конечная

ничной прибыли является его целью, но ее неустойное движение⁸. Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью⁹ обща капиталисту с собирателем сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Того неудержимого возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая¹⁰ деньги от обращения, более пронырливый капиталист достигает, все снова и снова вверяя их обращению^{10а}.

Те самостоятельные формы — денежные формы, — которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, лишь обслуживают обмен товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении $D - T - D$ и товар, и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости, — деньги как всеобщий, товар как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования¹¹. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект [в существо с собственным движением]. Если фиксировать особенные формы проявления, которые самовозрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получаются такие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар¹². Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом [носителем] некоторого процесса, в котором она, постоянно изменяя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Потому что то движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно, ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она порождает живых денегшей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как субъект этого процесса стоимость постоянно преступает его границы; то принимая, то снова сбрасывая с себя денежную и товарную формы и в то

цель» (Th. Chalmers, On Political Economy etc., 2-nd edit., London 1832, p. 166).

⁸ «Купец почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, но всегда стремится к новой» (A. Genovesi, Lezioni di Economia Civile (1765). Издание итальянских экономистов Custodi, Parte Moderna, vol. VIII, p. 139).

⁹ «Неутолимая страсть к прибыли, *auri sacra fames* всегда определяет деятельность капиталистов» (Mac Culloch, The Principles of Political Economy, London 1830, p. 179). Само собой разумеется, эта точка зрения ничуть не мешает Мак Куллоху и К⁹ в минуту теоретического затруднения, напр. при изучении перепроизводства, превратить того же самого капиталиста в доброго обывателя, которому нужны только потребительские стоимости, которого мучит чисто волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и др. потребительным стоимостям, имеющим столь же непосредственное отношение к семейному очагу.

¹⁰ «Σωζειν» [«спасать»] — характерное выражение греков для обозначения накопления сокровищ. Равным образом, по-английски «to save» значит и «спасать» и «сберегать».

^{10а} «Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, достигается ими путем кругообращения» (Galiani).

¹¹ «Не данная материя составляет сама по себе капитал, а стоимость этой материи» (J. B. Say, Traité d'Économie Politique, 3-ème éd., Paris 1817, vol. I, p. 428).

¹² «Обращающиеся деньги (currency), употребленные с производительной целью, суть капитал» (MacLeod, The Theory and Practice of Banking,

же время неизменно сохраняясь и возрастая в этих превращениях, она нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой могло бы быть констатировано ее тождество с нею самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса самовозрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги имеют значение здесь лишь как одна из форм стоимости, потому что их имеется две. Не приняв на себя товарной формы, деньги не могут стать капиталом. Таким образом здесь деньги не выступают против товаров полемически [враждебно], как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы обрывшими они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, еврей внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно оказывается саморазвивающейся, самостоятельно движущейся субстанцией, для которой товары и деньги представляют лишь формы проявления. Более того. Вместо того, чтобы выражать собою отношение товаров, она теперь вступает так сказать в личное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 ф. ст.

Стоимость становится таким образом самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами и как таковая она капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот¹⁸. $D - D'$ деньги, порождающие деньги — money which begets money — таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, $D - T - D'$, представляет на первый взгляд характерную форму лишь одного вида капитала, купеческого капитала. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения между куплей и продажей, несколько не изменяют самой этой формы движения. Наконец в капитале, приносящем проценты, обращение $D - T - D'$ представлено в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена, в своем, так сказать, лапидарном стиле, как $D - D'$, — как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом $D - T - D'$ есть действительно общая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

London 1855, vol. I, c. 1). «Капитал, это — товары» (James Mill, Elements of Political Economy, London 1821, p. 74).

¹⁸ «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (Sismondi, Nouveaux Principes de l'Economie Politique, t. I, p. 90).

2. Противоречия общей формулы

Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем указанным нами раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения ее отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Но каким чудом такое чисто формальное различие может преобразовать самую природу данного процесса?

Мало того, этот обратный порядок существует лишь для одного из трех деловых друзей, вступающих между собой в сделку. Как капиталист, я покупаю товар у *A* и продаю его затем *B*; как простой товаровладелец, я продаю товар *B* и потом снова покупаю товар у *A*. Для деловых друзей *A* и *B* этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. И даже я сам противостояю им в обоих случаях, как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или продавец, и притом в обоих рядах метаморфоз являюсь для одного из контрагентов только покупателем, для другого только продавцом, для одного воплощаю только деньги, для другого только товар, и ни для кого не являюсь воплощением капитала или капиталистом, или представителем чего-то такого, что было бы больше денег или товара, могло бы расширять сферу влияния за пределы денег или товара. Для меня купля у *A* и продажа *B* есть один последовательный ряд. Но связь между этими двумя актами существует только для меня. *A* нет никакого дела до моей сделки с *B*, *B* — никакого дела до моей сделки с *A*. Если бы я постарался уяснить моим контрагентам, что обращение порядка следования сделок является с моей стороны особой заслугой перед ними, то они доказали бы, что я ошибочно констатирую самый этот порядок следования, что сделка в целом не началась куплей и не кончилась продажей, а наоборот, началась продажей и завершилась куплей. В самом деле мой первый акт, купля, есть продажа с точки зрения *A*, мой второй акт, продажа, есть купля с точки зрения *B*. Не удовлетвовавшись этим, *A* и *B* займут кроме того, что весь этот порядок следования есть совершенно излишний фокус-покус. *A* мог бы прямо продать свой товар *B*, *B* прямо купить у *A*. Вместе с тем вся сделка превращается в односторонний акт простого товарного обращения, — продажу с точки зрения *A*, куплю с точки зрения *B*. Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения; нам приходится поэтому исследовать вопрос, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости.

Возьмем процесс обращения в той его форме, в которой он представляет простой товарообмен. Эта форма имеется налицо во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств. Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их ценах, но не противостоят самим товарам вещественно. Очевидно, поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собою лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются. Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что *A*, продающий вино и покупающий хлеб, производит

в течение данного рабочего времени более вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба *B*, и обратно *B*, возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести винодел *A*. Таким образом *A* получает за ту же самую меновую стоимость больше хлеба, *B* больше вина, чем получили бы каждый из них, если бы оба они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену. Следовательно, с точки зрения потребительной стоимости можно сказать, что «обмен есть сделка, в которой выигрывают обе стороны»¹⁴. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью. «Человек, имеющий много вина, но не имеющий хлеба, вступает в сделку с человеком, у которого много хлеба, но нет вина, и между ними происходит обмен пшеницы стоимостью в 50 на ту же самую стоимость 50 в виде вина. Этот обмен не представляет увеличения меновой стоимости ни для первого, ни для второго; потому что уже до обмена оба они обладали стоимостью, равной той, которую каждый из них получает при посредстве этой операции»¹⁵. Дело насколько не изменяется от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения и что акт купли осязательно отделяется от акта продажи¹⁶. Стоимость товаров выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно, она — предпосылка обращения, а не результат его¹⁷.

Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне случайные обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения, мы найдем здесь кроме замены одной потребительной стоимости другою только товарный метаморфоз, т. е. простое изменение формы товара. Одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда находится в руках одного и того же товаровладельца, сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец опять в форме товара, в который обратно превратились деньги. Такое превращение формы не заключает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самою стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы. Сначала она существует в виде цены предлагаемого для продажи товара, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в цене, наконец в виде цены эквивалентного товара. Эта смена форм столь же мало заключает в себе изменение величины стоимости, как размен пятифунтового билета на четыре соверена, один полусоверен и десять шиллингов. Итак, поскольку обращение товара приводит лишь к изменению формы его стоимости, оно приводит, раз данное явление не осложняется другими, к обмену эквивалентов. Даже вульгарная политическая экономия, несматривая на полное непонимание того, что такое стои-

¹⁴ «Обмен есть паразитическая сделка, в которой оба контрагента выигрывают — всегда (!)» (Destutt de Tracy, *Traité de la Volonté et de ses effets*, Paris 1826, p. 68). Та же самая книга вышла впоследствии под заглавием «*Traité d'Economie Politique*».

¹⁵ Mercier de la Rivière, *L'Ordre naturel et essentiel, Physiocrates*, éd. Daire, II. Partie, p. 544.

¹⁶ «Само по себе совершенно безразлично, являются ли одной из этих стоимостей деньги, или обе они суть обыкновенные товары» (Mercier de la Rivière, l. c., p. 543).

¹⁷ «Не контрагенты определяют стоимость; последняя определена раньше, чем они вступили в сделку» (Le Trotsne, *De l'Intérêt social, Physiocrates*, éd. Daire, Paris 1816, p. 900).

мость, всякий раз, когда пытаются, поскольку это ей доступно, рассмотреть явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. влияние их вообще уничтожается. Следовательно, если с точки зрения потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды»¹⁸. Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение есть нарушение законов товарообмена¹⁹. В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не дает возможности обогатиться на счет увеличения стоимости²⁰.

За попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стоимости скрывается обыкновенно *quid pro quo*, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости. Так, напр., у Кондильяка: «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы, действительно, люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают или, по крайней мере, должны получать выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно... Нельзя же предполагать, что мы будем выставлять на продажу вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньше взамен большего... Совершенно естественно было прийти к заключению, что в обмене равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость обеих обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается, не обмениваем ли мы оба некоторый избыток на предмет, необходимый для каждого из нас»²¹. Как мы видим, Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам создает средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей²². Тем не менее аргумент Кондильяка часто повторяется

¹⁸ Galliani, *Della Moneta*, у Cistodi, *Parte Moderna*, vol. IV, p. 244.

¹⁹ «Обмен становится невыгодным для одной из сторон, когда какое-либо постороннее обстоятельство уменьшает или преувеличивает цену: тогда равенство нарушается, но вследствие этой посторонней причины, и не вследствие самого обмена» (Le Trosne, *De l'intérêt social. Physiocrates*, éd. Daire, Paris 1846, p. 904).

²⁰ «Обмен по самой своей природе есть договор равенства, предметом которого являются две равные стоимости. Следовательно, это не есть средство обогащений, так как здесь дают ровно столько, сколько получают» (Le Trosne, *l. c.*, p. 903).

²¹ Condillac, *Le Commerce et le Gouvernement* (1776), éd. Daire et Molinari в *Mélanges d'Economie Politique*, Paris 1847, p. 267.

²² Поэтому Летрон совершенно правильно отвечает другу своему Кондильяку: «В обществе, вполне сформированном, вообще нет избытка какого-либо рода». В то же время он поддразнивает его замечанием, что «если оба обменивающиеся получают одинаковый плюс по сравнению с тем, что они дают, то оба они получают поровну». Именно потому, что Кондильяк не имеет еще ни малейшего представления о природе меновой стоимости,

современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником созидания прибавочной стоимости. «Торговля, — говорят, напр., — присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимости в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна рассматриваться как акт производства в буквальном смысле этого слова (strictly)»²³. Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя. Разве он стал бы в противном случае продавать товар? Мы можем поэтому с таким же правом сказать, что покупатель совершает «акт производства» в буквальном смысле этого слова (strictly), когда он, напр., чулки купца превращает в деньги.

Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собою обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладельцы противостоят товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Материальное различие товаров есть материальный мотив обмена, оно обуславливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и владеет предметом потребления другого. За исключением этого материального различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег.

Допустим теперь, что продавец обладает необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100, т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10%. Продавец получает таким способом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того, как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и в свою очередь пользуется привилегией продавать товар на 10% дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10²⁴. В общем дело фактически свелось к тому, что

он оказывается самым подходящим руководителем для г. профессора Вильгельма Рошера при созидании последних своих собственных детских понятий. См. его: «Die Grundlagen der Nationalökonomie, dritte Auflage, 1858». [Так, в § 107 он с благоговением цитирует там следующее изречение Кондильяка: «Вещь не потому имеет стоимость, что она чего-то стоит, а потому стоит (груда или денег), что она имеет стоимость». — К.]

²³ S. P. Newman, Elements of Political Economy, Andover and New-York 1835, p. 175.

²⁴ «При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей» («The Essential Principles of the Wealth of Nations etc.» London 1797, p. 66).

все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, напр., измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, или цены, товаров возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.*

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель в свою очередь станет продавцом. Он уже был продавцом прежде, чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10%, прежде чем выиграл 10% в качестве покупателя²⁵. Все остается по-старому.

Итак, образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости²⁶.

Проблема несколько не упростится, если мы контрабандой введем в нее чуждые ей отношения, если мы, напр., скажем вместе с полковником Торренсом: «Действительный спрос состоит в способности и склонности (!) потребителей путем непосредственного или посредственного обмена давать за товары большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»²⁷. В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителя вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только маскировать следующее простое положение: товаровладелец как продавец обладает привилегией продавать товары с надбавкой к цене. Продавец сам произвел свой товар или представляет его производителя, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или представляет их производителя. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвигаемся ни на шаг далее, если товаровладелец под фирмой производителя продает свой товар выше стоимости, а под фирмой потребителя сам оплачивает товары дороже их стоимости²⁸.

Защитники иллюзии, что прибавочная стоимость создается номинальной надбавкой к цене или привилегией продавцов продавать товары слишком

²⁵ «Если бы продавцы были вынуждены уступить за 18 ливров такое количество продукта, которое стоит собственно 24 ливра, то, как только они употребили бы вырученные деньги для покупок, они в свою очередь получили бы за 18 ливров то, за что следовало бы заплатить 24 ливра» (Le Trogne, p. 897).

²⁶ «Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергаясь необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает» (Mercier de la Rivière, L'ordre naturel et essentiel, Physiocrates, éd. Daire, II. Partie, p. 555).

²⁷ R. Torrens, An Essay on the Production of Wealth, London 1821. p. 349.

²⁸ «Мысль, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такое эти потребители?» (G. Ramsay, An Essay on the Distribution of Wealth, Edinburgh 1836, p. 184).

дорого, должны допустить, если они хотят быть последовательными, существование класса, который только покупает, не продавая, следовательно, только потребляет, не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли в нашем анализе, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено. Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны очевидно постоянно притекать к нему от тех же товаропроизводителей, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо нрава или узаконенного насилия. Продавать представителям такого класса товары выше стоимости — значит только возвращать себе часть даром отданных денег²⁰. Так, например, города Малой Азии платили древнему Риму ежегодную денежную дань. На вырученные деньги Рим покупал у них товары, и покупал по вздутым ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей путем торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это очень неподходящий метод для тех, кто стремится к обогащению или созиданию прибавочной стоимости.

Будем поэтому держаться в границах товарного обмена, где продавец является покупателем и покупатель — продавцом. Бегать может мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как олицетворенные категории, а не индивидуально.

Товаровладелец *A* может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег *B* и *C*, в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством этого обмена получает пшеницу стоимостью в 50 ф. ст. *A* превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар в капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось вина на 40 ф. ст. в руках *A* и пшеницы на 50 ф. ст. в руках *B*, итого общая стоимость в 90 ф. ст. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 ф. ст. Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между *A* и *B*. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы *A*, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у *B* 10 ф. ст. Очевидно, сумму находящуюся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому, как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фаринг [полкопейки] времен королевы Анны за гинею [за золотой]. Весь класс капиталистов известной страны в целом не может наживаться на счет самого себя²⁰.

²⁰ «Если кто-либо терпит недостаток в спросе, посоветует ли ему г. Мальтус дать деньги другому лицу с тем, чтобы это последнее купило у него товары?» спрашивает негодующий рикардиец Мальтуса, который, как и его ученик, поп Чомерс, возвеличивает экономическое значение класса чистых покупателей или потребителей. См. «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.», London 1821, p. 55.

²⁰ Destutt de Tracy, несмотря на то, быть может, именно потому, что он член института (de France), придерживался противоположного взгляда.

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не эквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости³¹. Обращение или товарообмен не создает никакой стоимости³². Отсюда понятно, почему в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, которая определяет собою экономическую организацию современного общества, мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т. е. торгового капитала и ростовщического капитала.

Для собственно торгового капитала наиболее чистой формой является $D - T - D'$, купить, чтобы продать дороже. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то раз обмениваются эквиваленты, торговый капитал представляется невозможным³³, поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двойного надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними кушом. В этом смысле Франклин говорит: «Война есть грабеж, торговля есть надувательство»³⁴. Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе, чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, здесь совершенно не существующих для нас, так как единственной нашей предпосылкой является пока товарное обращение и его простые моменты.

То, что мы сказали о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, —

Промышленные капиталисты, говорит он, получают прибыль благодаря тому, что «они все товары продают дороже, чем стоит их производство. Кому же продают они их? Во-первых, друг другу» («Traité de la Volonté et de ses effets». Paris 1826, p. 239).

³¹ «Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющихся в обществе. Обмен неравных стоимостей... никоим образом не изменяет суммы общественных стоимостей, а лишь прибавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого» (J. B. Say, *Traité d'Économie Politique*. Paris 1817, vol. I, p. 434, 435). Сэй почти буквально заимствует это положение у физиократов, причем, конечно, несколько не заботится о вытекающих из него выводах. Насколько основательно эксплуатировал он для увеличения своей собственной «стоимости» сочинения физиократов в его время почти совершенно забытые, является из следующего примера. «Знаменитое» положение *monsieur Say*, I, c., vol. II, p. 438: «Продукты покупаются только на продукты», в оригинале у физиократа (Le Trosne, *De l'intérêt social, Physiocrates*, éd. Daire, Paris 1846, p. 899) гласит: «Продукты оплачиваются только продуктами».

³² «Обмен вообще не прибавляет никакой стоимости к продуктам» (W. W. W. W., *The Elements of Political Economy*, Boston 1853, p. 168).

³³ «При господстве неизменных эквивалентов торговля стала бы невозможной» (Q. O. R. O., *A Treatise on Political Economy*, New-York 1861, p. 69). «В основе различия реальной стоимости и меновой стоимости лежит определенный факт, а именно тот, что стоимость вещи отлична от получаемого за нее в торговле так называемого ее эквивалента, т. е. что этот эквивалент не есть эквивалент» (F. Engels, *Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie*, в «Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris 1844, стр. 105). [Ср. в «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels», Stuttgart 1902, Bd. I, стр. 442.] [См. В. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, Т. II, стр. 302. М. Гиз. 1928.]

³⁴ Benjamin Franklin, Works, vol II, edit. Sparks в «Positions to be examined concerning National Wealth».

деньги, бросаемые на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, — связаны по крайней мере через посредство купли и продажи, через посредство процесса обращения. В ростовщическом капитале форма $D - T - D'$ сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: $D - D'$, деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена. Поэтому Аристотель говорит: «Существует двоякого рода хрематистика, одна относится к торговле, другая к экономике, последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и не употребляются для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («*тоκος*» «процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта наиболее противная природе»³⁵.

В дальнейшем ходе нашего исследования мы увидим, что торговый и ростовщический капиталы представляют производные формы, мы увидим также, почему исторически они возникли раньше современной основной формы капитала.

Как мы видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, что в самом процессе обращения не проявляется³⁶. Но может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо иначе, кроме процесса обращения? Обращение есть сумма всех товарных [определяемых их товарами] отношений товароладельцев. Вне обращения товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. С точки зрения стоимости это отношение ограничивается тем, что товар, принадлежащий данному лицу, содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, равной, напр., 10 ф. ст. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс избыток над его собственной стоимостью, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя. Товаровладелец может создать своим трудом стоимости, но не самовозрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, напр., изготовляя из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь большую стоимость, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель вне сферы обращения не может увеличивать стоимость, не может превратить деньги

³⁵ Aristoteles, De Republica, lib. I, c. 10.

³⁶ «Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (Ramsay, An Essay on the Distribution of Wealth, Edinburgh 1836, p. 184).

или товар в капитал, не вступая при этом в соприкосновение с другими товаровладельцами.

Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили таким образом двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на почве имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов³⁷. Наш владелец денег, который представляет пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце концов из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения, и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic saltus!* (Теперь покажи, на что ты способен!).

3. Купля и продажа рабочей силы

Возрастание стоимости, благодаря которому деньги должны превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах. Если они служат покупательным средством или платежным средством, они реализуют лишь цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими. А поскольку они остаются тем, что есть, сохраняют свою собственную форму, они представляют лишь окаменелости застывших, неизменных величин стоимости³⁸.

Изменение стоимости, выражаемое формулой $D - T - D'$, формулой превращения денег в товар и обратного превращения товара в большее количество денег, должно таким образом происходить из товара. Но оно не может совершиться во втором акте обращения, в перепродаже товара, в $T - D'$, по-

³⁷ После всего вышеизложенного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, если цены товаров равны их стоимостям. Оно не может быть объяснено из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала привести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства, как совершенно случайного, чтобы получить в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и чтобы при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение этим побочным обстоятельством, затемняющим истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышения и понижения, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Эта последняя является путеводной звездой, напр., для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно длинный период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценою, т. е. в последнем счете стоимостью товара? Я говорю «в последнем счете», потому что средние цены не совпадают прямо с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т. д.

³⁸ «В форме денег... капитал не производит прибыли» (Ricardo, *Principles of Political Economy*, 3-rd ed., London 1821, p. 267).

тому что этим актом товар просто превращается из натуральной формы обратно в денежную форму. Если же мы рассмотрим первый акт, $D - T$, куплю товара, то мы найдем, что это — обмен эквивалентов; товар оплачивается по своей стоимости, он имеет не большую стоимость, чем превратившиеся в него деньги. Следовательно, остается еще только та возможность, что изменение стоимости, вытекает из потребительной стоимости товара, т. е. из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему не повезет открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, самая потребительная стоимость которого обладала бы специфическим свойством быть источником стоимости, — такой товар, фактическое потребление которого, как таковое, есть овеществление труда, а следовательно, созидание стоимости. И владелец денег действительно находит на рынке такой оригинальный товар; это — способность к труду или рабочая сила.

Под рабочей силой, или работоспособностью, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того, чтобы владелец денег мог фактически найти на рынке рабочую силу как особый товар, должны быть выполнены различные предпосылки. Товарообмен, сам по себе, не предполагает никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в виде товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается своим собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, свободной личностью³⁹. Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в сделку как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один покупает, в то время как другой продает, следовательно, как юридически равные лица. Длительное существование этого рода отношения требует, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что если бы он продал ее целиком раз навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, как к своему товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь в течение определенного срока, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее⁴⁰.

³⁹ В реальных энциклопедиях классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «пехватило только свободного рабочего и кредитных учреждений». Даже г. Моммсен в своей «Римской истории» впадает в одно *quid pro quo* за другим.

⁴⁰ Поэтому различные законодательства определяют максимальный срок рабочего договора. У народов, у которых господствует свободный труд, законодательство всегда устанавливает определенный срок предупреждения на случай прекращения договора. В некоторых странах, особенно в Мексике

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу в качестве товара, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и вместе с тем был бы вынужден продавать в виде товара самую рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того, чтобы иметь возможность продавать какие-либо отличные от рабочей силы товары, надо, конечно, обладать средствами производства, напр. сырыми материалами, орудиями труда и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы кроме того средства существования. Никто, даже мечтатель, созидающий «музыку будущего», не может жить продуктами будущего, не может жить на счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено: с первого дня появления своего на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять прежде, чем он начнет производить, и в то время, как он производит. Если продукты производятся как товары, то они должны быть проданы после того, как закончено их производство, и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется таким образом время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на рынке свободного рабочего, свободного в двойном смысле: во-первых, он должен располагать своей рабочей силой как свободная личность своим товаром, во-вторых, не должен иметь для продажи никакого другого товара, должен быть гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения рабочей силы.

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рабочий рынок в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически держимся за тот же самый факт, за который владелец денег ухватывается практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит, с одной стороны, владельцев денег и товаров, с другой стороны, владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само

(до американской гражданской войны также в территориях, отвоеванных у Мексики, а по существу дела и в дунайских провинциях до переворота Кузы), рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «репэжа» [долговое рабство баграков, *repons*. — К.]. При помощи суд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится наследственной собственностью другого лица и его семьи. Уагез отменил «репэж». Так называемый император Максимилиан снова ввел его декретом, который в вашингтонской палате представителей правильно был заклеен, как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике. «На ограниченный срок я могу отчуждить другому лицу пользование отдельными моими телесными и духовными способностями, моими способностями к различного рода деятельности, ибо после такого ограничения они лишь внешним образом относятся к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчуждил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчуждил мою производительную деятельность как целое, то я сделал бы собственностью другого самую сущность этой деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность» (Hegel, *Philosophie des Rechts*, Berlin 1840, стр. 104, § 67).

есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства.

Те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также несут на себе следы своей истории. Чтобы продукт сделался товаром, для этого необходимо осуществление определенных исторических условий. * Нока, напр., он производится для непосредственного удовлетворения потребностей производителя, он не превращается в товар. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании, если бы мы спросили себя: при каких условиях все или по крайней мере большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе вполне определенного, а именно капиталистического способа производства. Но такое исследование не связано с анализом товара как такового. Товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен меновой стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиваться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, едва начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта ступень развития встречается в исторически весьма различных общественно-экономических формациях.

Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известное развитие товарообмена. Особенные формы денег — просто товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги — указывают, в связи с относительным значением или преобладанием той или другой из этих функций, на очень различные ступени развития общественно-производственного процесса. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Совершенно иное приходится сказать о капитале. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владеец средств производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одна эта историческая предпосылка заключает в себе целый мир особого исторического развития. Таким образом капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественно-производственного процесса⁴¹.

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью⁴². Чем определяется последняя?

⁴¹ Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма становится всеобщей формой для всех продуктов труда.

⁴² «Стоимость, или ценность человека, так же, как и всех других вещей, есть его цена: т. е. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой» (Th. Hobbes, Leviathan в «Works», edit. Molesworth, London 1839 — 1844, vol. III, p. 76).

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила является стоимостью, она сама представляет лишь определенное количество овеществленного в ней общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Существование последнего есть поэтому предпосылка ее сохранения. Раз существование индивидуума дано, производство его рабочей силы состоит в его самопроизводстве или самосохранении. Для самосохранения живой индивидуум нуждается в известной сумме средств существования. Таким образом рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих средств существования, или стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего проявления и обнаруживается лишь в труде. В процессе ее проявления, в труде затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., — количество, которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата создает необходимость усиленного возмещения⁴³. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен иметь возможность повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма средств существования должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способности их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих⁴⁴. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода среднее количество необходимых для рабочего средств существования есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы при всем том постоянно имелся на рынке, — а это как раз и требуется для постоянного превращения денег в капитал, — собственники рабочей силы должны увековечить себя, «как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения»⁴⁵. Рабочие силы, удаляющиеся с рынка вследствие изнашивания и смерти индивидуумов, должны замещаться всегда по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма средств существования, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому средства существования таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем

⁴³ «Древне-римский villicus, как эконо́м, стоявший во главе сельскохозяйственных рабов, получал более скудное содержание, чем рабы, так как исполнял по сравнению с ними более легкую работу» (Th. Mommsen, Römische Geschichte, 1856, S. 810).

⁴⁴ Интересные примеры этого рода дает W. Th. Thornton в своей работе «Ober-population and its Remedy», London 1846

⁴⁵ Petty.

увеличивается на товарном рынке раса этих своеобразных товарладельцев ⁴⁶.

Для формирования общей природы человека в таком направлении, чтобы последний приобрел искусство и опытность в определенной отрасли труда, стал обладателем развитой и притом специфической рабочей силы, требуется определенное образование или воспитание, которое в свою очередь стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от большей или меньшей сложности данной рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения, совершенно ничтожные для обычной рабочей силы, входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы средств существования. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих средств существования, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

Часть средств существования, напр. пищевые продукты, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие средства существования, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, напр., года, она должна быть покрыта из обычных, средних поступающих изо дня в день поступлений. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства рабочей силы, = A , масса товаров, требуемых еженедельно, = B , требуемых каждую четверть года, = C и т. д., то ежедневное среднее количество этих товаров

$$= \frac{365 A + 52 B + 4 C + \text{и т. д.}}{365}$$

Пусть в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, сведомый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость.

⁴⁶ «Естественная цена труда... состоит в таком количестве средств существования и удобства, которое по условиям природы и климата и по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда на рынке» (Н. Торгонн, *An Essay on the external Corn Trade*, London 1815, p. 62). Слово «труд» здесь неправильно поставлено вместо «рабочая сила».

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых средств существования. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хилеющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормальной доброты.

В высшей степени дешевой сентиментальностью было бы считать слишком грубым это определение стоимости рабочей силы, вытекающее из самого существа дела, и жаловаться подобно Росси: «Рассматривать способность к труду (*puissance de travail*), отвлекаясь от средств существования, поддерживающих труд во время процесса производства, значит рассматривать свое собственное измышление (*être de raison*). Кто говорит «труд», кто говорит «способность к труду», говорит в то же время «рабочий» и средства его существования, рабочий и заработная плата»⁴⁷. «Способность к труду» еще не означает «труд», подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того, чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от средств существования, необходимых для ее поддержания, так как стоимость ее как раз и выражает собою стоимость этих средств существования. Но это обстоятельство не приносит рабочему никакой пользы, раз его рабочая сила не находит себе покупателя. Наоборот, в этом случае он воспринимает как жестокую естественную необходимость тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества средств существования для своего производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства, для своего восстановления. Он делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: «Способность к труду... есть ничто, раз она не продана»⁴⁸.

Своеобразная природа этого оригинального товара, рабочей силы, выражается между прочим в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потребительная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом отчуждение силы и ее реальное проявление, т. е. ее бытие в качестве потребительной стоимости, разделяются во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как платёжное средство⁴⁹. Во всех странах с капиталистическим способом производ-

⁴⁷ Rossi, Cours d'Economie Politique, Bruxelles 1842, p. 370.

⁴⁸ S i s m o n d i, Nouveaux Principes d'Economie Politique, vol. I, p. 112.

⁴⁹ «Всякий труд оплачивается лишь до его окончания» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», London 1821, p. 104). «Начало коммерческого кредита должно быть отнесено к тому моменту, когда рабочий — первоисточник всякого производства — получил возможность благодаря своим сбережениям ожидать платы за свой труд до

ства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором о ее купле, напр. в конце каждой недели. Таким образом везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее пену, одним словом, везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста⁵⁰, но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние⁵¹. Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, как функционируют деньги: в качестве покупательного средства или в качестве платежного средства. Цена рабочей силы, подобно наемной плате за пользование домом, установлена при самом заключении контракта, хотя будет реализована лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и выговоренную в контракте цену за свой товар.

Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Ее потребительная стоимость, которую владелец денег в свою очередь получает при обмене, обнаружится лишь в процессе фактического использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи,

конца недельного, двухнедельного, месячного, трехмесячного и т. д. срока» (Ch. Ganih, Les Systèmes de l'Economie Politique, 2-ème éd., Paris 1821, vol. II, p. 150).

⁵⁰ «Рабочий ссужает свою производительную силу», говорит Шторх, но, добавляет он лукаво, он «не рискует ничем», кроме «потери своего заработка... так как рабочий не вносит в производство ничего материального» (Storch, Cours d'Economie Politique, Pétersbourg 1815, vol. II, p. 37).

⁵¹ Вот пример. В Лондоне существуют двоякого рода булочные «full priced», продающие хлеб по его полной стоимости, и «undersellers», продающие его ниже стоимости. Последний класс булочников составляет около $\frac{3}{4}$ общего их числа (р. XXXII в «Report» правительственного комиссара Н. S. Trementheere относительно «Grievances complained of by the journeyman bakers etc.», London 1862). Эти undersellers продают почти исключительно хлеб, фальсифицированный примесью квасцов, мыла, потаща, извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными, питательными и здоровыми ингредиентами. (См. цитированную выше Синюю Книгу, а также отчет «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и сочинение доктора Нассалл'я, Adulterations detected, 2-nd edit., London 1862.) Сэр Джон Гордон заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляет два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части этого количества питательных веществ, не говоря уже о вредных последствиях фальсификации для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Trementheere (по вышеупомянутому отчету, р. XLVIII) отвечает, что рабочие «вынуждены брать в своей «chandler's shop», у своего лавочника или лекаря, такой хлеб, какой ему заблагорассудится им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то и они, с своей стороны, «могут оплатить лишь в конце недели хлеб, потребленный их семьями в течение недели», и, добавляет Trementheere, подтверждая это свидетельскими показаниями, «несомненно установлено, что хлеб, сдабриваемый такими примесями, ничтовляется именно для покупателей этого рода» («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale

сырой материал и т. п., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной цепой. Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Мы оставим поэтому эту шумливую, господствующую на поверхности общества, открытую для всех и каждого сферу, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: *No admittance except on business* («Вход разрешается только по делу»). Здесь мы знакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или товарообмена, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам^{61а}. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, напр. рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого

in this manner»). «Во многих сельскохозяйственных округах Англии (и особенно Шотландии) заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к данному лавочнику, который высасывает из него соки. Так, напр., в *Horningsham in Wilts*, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 ш. 4 п. *stone* [14 фунтов] такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 ш. 10 п. за *stone*» («*Sixth Report*» on «*Public Health*» by «*The Medical Officer of the Privy Council etc.*», 1864, p. 264). «Ручные набойщики ситца в Пэсли и Кильмарнокке (Западная Шотландия) добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока расплаты с одного месяца до 14 дней» («*Reports of the Inspectors of Factories for 31-st October 1853*», p. 34). Как дальнейшее, очень милое развитие кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углепромышленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а за это время дают ему ссуды, зачастую товарами, за которые рабочий уплачивает выше их рыночной цены [Trucksystem, система выдачи заработной платы товарами, вместо наличных денег.—К.]. «Среди углепромышленников вошло в общее обыкновение платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке (а именно в *tommy-shop*, т. е. в лавке, принадлежащей самому хозяину); рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом» (*Children's Employment Commission. III-rd Report*», London 1864, p. 38, n. 192).

^{61а} Бентам (1748 — 1832), английский философ, развивал так называемую философию полезности (утилитаризм). Личный интерес для него — движущая сила всех действий. Но все интересы, если только они правильны поныты, находятся во внутренней гармонии между собою. Правильно понятый интерес индивидуума есть в то же время и общественный интерес. Идм английским либерализмом это учение господствовало в такой же мере, как «вульгарное» фритрадерство, т. е. фритрадерство, ополщенное в соответствии с потребностями буржуазной черни. — К.

к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего providения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес.

Прощаясь с этой сферой простого обращения, или товарообмена, из которой фритрадер vulgaris черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, — расставаясь с этой сферой, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших personae dramatis [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

1. Процесс труда, или производство потребительных стоимостей

Потребление рабочей силы — это самый труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний благодаря этому становится рабочей силой, проявляющейся в действии, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь потенциально [в возможности]. Для того, чтобы воплотить свой труд в товарах, он должен прежде всего овеществить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготовить какую-либо особую потребительную стоимость, какой-либо определенный товар. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей или товаров совершается для капиталиста и под его контролем, несколько не изменяет его общей природы. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых живоотнообразных инстинктивных форм труда. По сравнению с состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, к глубинам первобытных времен отно-

сится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы. Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительное достояние человека. Паук совершает операции напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: 1) целесообразная деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует¹.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами существования^{2а}, существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остаются лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Напр. рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии, воды, дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую выламывают из жилы. Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь при том условии, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство (орудие) труда есть предмет или комплекс [сочетание] предметов, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и ко-

¹ Во французском издании к словам «процесс труда» Маркс делает следующее замечание: слово «процесс», означающее развитие, рассматриваемое в общей связи его реальных условий, уже давно во всей Европе вошло в научный язык. Во Франции сначала робко ввели его в латинской форме: *processus*. Потом оно сбросило с себя это педантичное облачение и вошло в книги по химии, физиологии и т. д., а также в некоторые метафизические работы. В конце концов оно вполне натурализовалось. В обычном языке немцы, как и французы, употребляют слово процесс в его юридическом значении. — К.

^{2а} «Представляется, — да так оно и есть на самом деле, — как будто первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы поставить его на путь деятельности и дать ему возможность устроиться» (James Stuart, Principles of Political Economy, Edit., Dublin 1770, vol. I, p. 116).

торые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их как силы действовать на другие тела². Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно, — мы оставляем в стороне захват готовых средств существования, напр. плодов, причем только органы тела рабочего и служат средствами труда, — есть не предмет труда, а средство труда. Итак, предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, напр., камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д. Сама земля становится средством труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии в свою очередь предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы³. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные⁴. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «а toolmaking animal», как животное, далеющее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда⁵. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. Что касается самих средств труда, то из них механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, представляют более характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства, чем такие

² «Разум столь же хитер, как и мощен. Хитрость заключается вообще в той посредствующей деятельности, которая, заставляя предметы в соответствии с их собственной природой воздействовать друг на друга и подвергаться взаимной обработке, причем она непосредственно не вмешивается в этот процесс, тем не менее, достигает таким способом осуществления только своей цели» (Hegel, Encyclopädie, Erster Theil: Die Logik, Berlin 1840, S. 382).

³ В жалкой вообще работе «Théorie de l'Economie Politique», Paris 1815, Гампль, полемизируя с физиократами, удачно перечисляет большой ряд процессов труда, которые составляют предпосылку собственно земледелия.

⁴ В «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766), Oeuvres, éd. Daire, vol. 1 [нем. пер. V. Dorn под заглавием: «Betrachtungen über die Bildung und die Verteilung des Reichthums», Jena 1903], Тюрго подробно выясняет важность прирученных животных для начатков культуры.

⁵ Из всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства.

средства труда, которые служат лишь хранящими предметами труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, напр., трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химической фабрикации они играют важную роль ^{5а}.

Кроме тех предметов, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые служат поэтому в той или иной мере проводниками его деятельности, к средствам процесса труда относятся, в более широком смысле, все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совершенно невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему основу, на которой он стоит (*locus standi*), а его процессу — сферу действия (*field of employment*). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергавшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда производит преднамеренное изменение в предмете труда. В продукте процесс изглаживается. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Он овеществился, а предмет подвергся обработке. То, что для рабочего представлялось в форме движения, теперь со стороны продукта является установившимся свойством в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства ⁶, а самый труд — производительным трудом ⁷.

Когда одна потребительная стоимость в виде продукта выходит из процесса труда, в него входят в качестве средств производства другие потребительные стоимости, продукты предыдущих процессов труда. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного процесса труда, служит средством производства для другого процесса труда. Поэтому продукты представляют не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

За исключением добывающей промышленности [направленной на добычу сырых материалов], которая, как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку оно воздействует в первую очередь девственную почву), находит свой предмет труда в природе, все отрасли промышленности имеют дело с такими предметами, которые пред-

^{5а} Прим. ко 2 изд. Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно, основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, тем не менее по крайней мере доисторические времена подвергаются разделению на основании естественно-научных, а не так называемых исторических выискиваний, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век.

⁶ Представляется парадоксальным рыбу, напр., которая еще не поймана, называть средством производства по отношению к рыболовству. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет.

⁷ Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства.

ставляют сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, которые сами уже являются продуктами труда: Так, напр., семена в земледелии. Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются не только продуктами труда но меньшей мере прошлого года, но, рассматриваемые в своих современных формах, и продуктами изменений, совершившихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Сырой материал может образовать главную субстанцию продукта или же принять участие в его образовании только как вспомогательный материал. Вспомогательный материал потребляется средствами труда, как, напр., уголь паровой машиной, масло колесом, сено рабочей лошадей, или он присоединяется к сырому материалу с той целью, чтобы произвести в нем материальное изменение, как, напр., хлор к небеленому холсту, уголь к железу, краска к шерсти, или же он содействует самим трудовым операциям, как, напр., материалы, употребляемые для освещения и отопления рабочего помещения. В собственно химической фабрикации различие между главным материалом и вспомогательным материалом исчезает, потому что ни один из применяемых сырых материалов не появляется вновь в качестве субстанции продукта⁸.

Так как каждый предмет обладает многочисленными свойствами и потому пригоден для различных способов использования, то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда. Напр. хлеб является сырым материалом для мельника, крахмалозаводчика, винокура, скотовода и т. д. В качестве семян он становится сырым материалом для своего собственного производства. Точно так же уголь как продукт выходит из горной промышленности и как средство производства входит в нее.

Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Напр. скот при откармливании скота является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения.

Продукт, существующий в готовой для потребления форме, может опять-таки сделаться сырым материалом для другого продукта, как, напр. виноград сырым материалом для вина. Или же труд оставляет свой продукт в таких формах, в которых последний может найти применение только как сырой материал. Сырой материал в этом состоянии называется полуфабрикатом и, быть может, точнее было бы называть его незаконченным фабрикатом, как, напр., хлопок, нитки, пряжа и т. д. Являясь уже продуктом, первоначальный сырой материал должен, однако, пройти еще целый ряд различных процессов, в которых он в постоянно изменяемой форме постоянно функционирует снова и снова как сырой материал, пока не достигнет, наконец, последнего процесса труда, который он оставляет уже как готовое средство существования или как готовое средство труда.

Итак, является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее опреде-

⁸ Шторж проводит различие между собственно сырым материалом как «matière» и вспомогательными материалами как «matériaux», Шербюлье называет вспомогательные материалы «matières instrumentales».

ленной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменной этого места изменяются и ее назначения.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Прядильщик видит в веретене только средство, которым он прядет, во льне — только предмет, который он прядет. Конечно, нельзя прядь без материала прядения и без веретена. Поэтому наличие этих продуктов предполагается при начале прядения. Но то обстоятельство, что лен и веретено суть продукты прошлого труда, так же безразлично для самого этого процесса, как для акта питания безразлично то обстоятельство, что хлеб — продукт прошлого труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер как продукты прошлого труда, то обнаруживают его лишь своими недостатками. Нож, который не режет, пряжка, которая постоянно рвется, и т. д. живо напоминают о ножовщике А и прядильщике В. В удачном продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжка, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как средства существования в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатами, но и условиями, без которых не может существовать процесс труда, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, т. е. их контакт [соприкосновение] с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и реализовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои материальные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производительное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как средства существования живого индивидуума, в первом — как средства существования труда проявляющейся в деятельности рабочей силы. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производительного потребления — продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов, или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но, подобно тому, как процесс труда первоначально совершается лишь между человеком и землей, существующей без его содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой, не представляют соединения материала природы с человеческим трудом.

Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным глазом капиталиста, совершает ли его Цинципат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя⁹.

2. Процесс увеличения стоимости, или производство прибавочной стоимости

Однако возвратимся к нашему начинающему свой путь капиталисту. Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда: материальные факторы, или средства производства, и личный фактор, или рабочую силу. Лукавым взором знатока он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, фабрики сапог и т. д. Итак, наш капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда, конечно, не изменяется от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготовляются сапоги или прячется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такую, как он находит ее на рынке, а следовательно и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже, а потому подлежит рассмотрению лишь в позднейшее время.

Процесс труда, поскольку он совершается как процесс потребления рабочей силы капиталистом, представляет две своеобразных особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершилась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следо-

⁹ На этом в высшей степени логическом основании полковник Торренс открывает начало капитала — в камне дикаря. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало капитала» (R. Torrens, *An Essay on the Production of Wealth etc.*, Edinburgh 1836, p. 70, 71). Этой первой палкой (stick), надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке stock есть синоним капитала.

вательно, чтобы сырой материал не растрчивался и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настоялко, насколько этого требует их употребление в работе.

А во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, не непосредственного производителя, не рабочего. Капиталист уплачивает, напр., дневную стоимость рабочей силы. Итак, потребление ее, как и всякого другого товара, — напр. лошади, которую он нанимает на один день, — в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе¹⁰.

Продукт — собственность капиталиста — есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, напр., некоторым образом образуют базис общественного прогресса и хотя наш капиталист — решительный прогрессист, он тем не менее фабрикует сапоги не из-за них самих. Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет вещи «*qu'on aime pour lui-même*» [которую любят ради нее самой]. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и постольку они являются материальной основой, носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двояком роде вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои кровные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость,

¹⁰ «Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал; это превращение не избавляет их от такого присвоения» (Cherbuliez, *Riche ou Pauvre*, édit., Paris 1841, p. 53, 54). «Продавая свой труд за определенное количество средств существования (аррвоизионнемент), пролетарий совершенно отказывается от какой бы то ни было доли продукта. Присвоение продуктов остается таким же, как было раньше; оно несколько не изменяется упомянутым договором. Продукт принадлежит исключительно капиталисту, который доставил сырые материалы и средства существования. Это — строгий вывод из закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого рабочего на его продукт». (Там же, стр. 58). «Раз рабочие работают за заработную плату, то капиталист есть собственник не только капитала (здесь подразумеваются средства производства), но и труда. Если в понятие капитала, как это обыкновенно делается, включают то, что выдается в виде заработной платы, то нелепо говорить о труде обособленно от капитала. Слово капитал в этом смысле охватывает и то и другое, и капитал и труд» (James Mill, *Elements of Political Economy etc.*, London 1821, p. 70, 71).

но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

В самом деле, так как речь идет здесь о товарном производстве, то, очевидно, мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса. Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса создания стоимости.

И так, рассмотрим теперь процесс производства и как процесс создания стоимости.

Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного потребительной стоимостью товара, т. е. рабочим временем, общественно-необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо прежде всего вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, напр., пряжа.

Для производства пряжи необходим прежде всего соответствующий сырой материал, напр. 10 ф. хлопка. Какова стоимость хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, напр. за 10 ш. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что веретен, которые являются для нас представителями всех применяющихся здесь средств труда, потреблено при переработке хлопка такое количество, которое имеет стоимость в 2 ш. Если количество золота в 12 ш. составляет продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою форму и что потребленная часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить нас в заблуждение. Напр. если стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость целого веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для того, чтобы произвести ту и другую часть этого уравнения, то, согласно общему закону стоимости, 10 ф. пряжи представляют эквивалент 10 ф. хлопка и $\frac{1}{4}$ веретена. В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз — в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения дают соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для того, чтобы из этого сырого материала произвести пряжу, и потому оно включается в пряжу. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без изнашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу ¹¹.

¹¹ «Не только тот труд, который предлагается непосредственно к товарам, но и тот труд, который заключается в орудиях, инструментах и зна-»

Итак, поскольку имеется в виду стоимость пряжи, рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того, чтобы произвести самый хлопок и веретенные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса труда. Весь заключающийся в пряже труд есть прошлый труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давнопрошедшему времени, между тем как труд, непосредственно потраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, напр. 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, овеществленного в доме, не изменяется от того, что 30-й день вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать таким образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения перед тем трудом, который был присоединен в конце, в форме прядения.

Итак, стоимости средств производства, хлопка и веретен, выраженные в цене 12 ш., образуют составные части стоимости пряжи, или стоимости продукта.

Но при этом должны быть осуществлены два условия. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле для производства известной потребительной стоимости. В нашем случае из них должна быть произведена пряжа. Для стоимости безразлично, в какой потребительной стоимости она заключается, но она во всяком случае должна заключаться в потребительной стоимости. Во-вторых, предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если бы необходим был только 1 ф. хлопка для того, чтобы выпрять 1 ф. пряжи, то на образование 1 ф. пряжи может быть потреблен только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришла фантазия применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы тем не менее лишь общественно-необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства, хлопок и веретена. Она равняется 12 ш. или материализации двух рабочих дней. Следовательно, теперь дело идет о той части стоимости, которую самый труд прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда. Там дело шло о целесообразной деятельности, необходимой для того, чтобы хлопок превратить в пряжу. Чем целесообразнее труд, тем, при прочих равных условиях, лучше пряжа. Труд прядильщика был специфически отличен от других видов производительного труда, и это отличие проявлялось субъективно и объективно, в особой цели прядения, в особом характере его операций, в особой природе его средств про-

дукции, необходимых для этого труда, оказывает определяющее влияние на стоимость товаров» (Richard, The Principles of Political Economy, 3-rd ed., London 1821, p. 16).

изводства, в особой потребительной стоимости его продукта. Хлопок и веретена служат средствами существования для прядильного труда, но при помощи их пельзя сделать нарезных пушек. Напротив, поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он нисколько не отличается от труда сверляльщика пушек или, что в данном случае ближе для нас, от тех работ хлопководов и производителя веретен, которые реализованы в средствах производства пряжи. Только благодаря этому тождеству возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать исключительно количественно отличающиеся одна от другой части одной и той же общей стоимости, стоимости пряжи. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение нисколько не изменяет дела.

Во время процесса труда, труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму вещи. По окончании одного часа движение прядения оказывается воплощенным в известном количестве пряжи, следовательно, определенное количество труда, один рабочий час, оказывается общественным в хлопке. Мы говорим: рабочий час, т. е. затрата рабочей силы прядильщика в течение одного часа, потому что труд прядения здесь имеет значение лишь постольку, поскольку он является затратой рабочей силы, а не потому, что он — специфический труд прядения.

И вот решающее значение имеет, чтобы во время процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, потреблялось только общественно-необходимое рабочее время. Если при нормальных, т. е. средних общественных условиях производства, $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка в течение одного рабочего часа должны быть превращены в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи¹², то значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка $\times$ 12 превращает в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи $\times$ 12. Потому что только общественно-необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь в той мере, как он впитывает определенное количество труда. Вследствие этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилом труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа выпрявлено $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка, или превращено в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они — только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его — хлопок, а продукт — пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, что самый предмет труда уже есть продукт, следовательно, сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской,

¹² Цифры здесь совершенно произвольны.

а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И тем не менее определенное количество выломанного из залежей угля, напр. один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость — 3 ш., что в последних воплощено 6 рабочих часов, и, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму средств существования рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то в 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, во время процесса прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 ш. Итак, к хлопку самым прядением присоединена стоимость в 3 ш.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта, этих 10 ф. пряжи. В них овеществлено $2\frac{1}{2}$ рабочих дня, 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, $\frac{1}{2}$ рабочего дня впитано во время процесса прядения. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 ш. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 ш., цена 1 ф. пряжи — 1 ш. 6 п.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не увеличилась, не произвела прибавочной стоимости, следовательно, деньги не превратились в капитал. Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 ш., и 15 же ш. были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 ш. на хлопок, 2 ш. на потребленное количество веретен и 3 ш. на рабочую силу. Совершившееся возрастание стоимости пряжи ничему не помогает, потому что стоимость ее представляет просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочной стоимости¹³. Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 ш., прежде чем она раздробилась вследствие купли трех товаров.

Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 ш. 6 п., и потому за 10 ф. пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 ш. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одной из этих операций деньги, затраченные на приобретение дома, не будут увеличены.

Капиталист, который кое-что смыслит в вульгарной экономии, скажет, быть может, что он авансировал свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена добрыми

¹³ Это — основное положение, на котором покоится учение физиократов о непроизводительности всякого неземледельческого труда, и оно непроверяемо для экономиста по профессии. «Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других (напр. полотно средства существования, потребленные ткачом), наслоить, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что она вздувается на соответствующую сумму... Термин сложение хорошо обрисовывает тот способ, каким образуется цена продуктов труда: эта цена есть сумма многих стоимостей, потребленных и сложенных вместе; но складывать не значит умножать» (Mercier de la Rivière, L'Ordre naturel et essentiel etc., Physiocrates, éd. Daire, II Partie, p. 599).

намерениями, и у него точно так же могло бы возникнуть намерение добывать деньги, не производя¹⁴. Он начинает грезить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми вместо того, чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья-капиталисты сделают точно так же, — где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучение. Следует принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 ш. Вместо того он потребил их производителью и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо утрызаний совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который демонстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, где ничего нет, там и император утрачивает свое право. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить его, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Пусть же он успокоится на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо того капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления: рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак Куллох как испытанное средство против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Уж не рабочий ли своими собственными руками творит миражи товаров, производит их из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голыток, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он, кроме того, снабдил еще средствами существования? И не следует ли ему поставить и счет эту услугу? Но разве рабочий, с своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах¹⁵. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости, — товара ли, труда ли¹⁶. Но здесь перед нами меновая

¹⁴ Так, напр., в 1844 — 1847 гг. он извлек из производительных предприятий часть своего капитала, чтобы промотать их в спекуляциях с железнодорожными акциями. Так же, во время американской гражданской войны, он закрыл фабрики и выбросил фабричных рабочих на мостовую, чтобы заняться игрой на ливерпульской хлопковой бирже.

¹⁵ «Хвались, наряжай и украшай... Но кто берет больше или лучше (чем он дал), тот ростовщик, и это значит, что не услуга, а вред принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Ибо предубийцей и предубодейка оказывает друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар (кавалерийский солдат) оказывает убийце и поджигателю великую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на гурш и людей. Паписты оказывают нашим великую услугу, ибо они не всех топят, сжигают, убивают, заставляют гнить в темницах, но оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них, что есть. Царь двол оказывает своим служителям великую, неизмеримую услугу... Ином, мир полон великих, превосходных, ежедневных услуг и благодеяний» (Martin Luther, An die Pfarrhern, wider den Wucher zu pre-digen etc., Wittenberg 1540).

¹⁶ По этому поводу я замечаю между прочим в «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin 1859, S. 14: «Легко понять, какую «услугу» кате-

стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 ш., Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 ш. присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш друг, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает неприятный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за придилицником? И разве этот его труд не создает в свою очередь стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свою старую физиономию. Он просто дурачил нас всеми жалобами. Все это не стоит гроша. Эти и тому подобные цусые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются. Сам же он — практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере.

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 ш., потому что в ней ошестствлена половина рабочего дня, т. е. потому, что средства существования, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключался в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата, это — две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, несколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и ее использование в процессе труда суть две различных величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги только потому было неизбежным условием, что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует его меновую стоимость и отчуждает его потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, представляет лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

гория «услуг» (service) должна оказывать экономистам такого сорта, как Ж.-Б. Сэй и Ф. Басиан». [К. Маркс, К критике политической экономии. Л-ка марксиста. М. Гиз. 1929. Стр. 72.]

Если капиталист заранее предвидел этот казус, который как раз и заставил его улыбаться. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превращаются в 20 ф. пряжи. Рассмотрим продукт удлиненного процесса труда. В этих 20 ф. пряжи теперь ошествлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком во время процесса прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней представляют 30 ш., или 1 ф. ст. 10 ш. Следовательно, такова цена этих 20 ф. пряжи. Фунт пряжи попрежнему стоит 1 ш. 6 п. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 ш. Стоимость пряжи составляет 30 ш. Стоимость продукта возросла на $\frac{1}{9}$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом 27 ш. превратились в 30 ш. Они принесли прибавочную стоимость в 3 ш. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы нашли решение, и законы товарного обмена несколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал всякий товар: хлопок, веретена, рабочую силу, по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительскую стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 ш. Теперь капиталист возвращается на рынок, на котором он раньше купил товар, и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 ш. 6 п., ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И тем не менее он извлекает из обращения 3 ш. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения, потому что обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении, потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом «tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» [«все к лучшему в этом наилучшем из миров»].

Превращая деньги в товары, которые служат материальными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвому веществу живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — пропавший, ошествленный, мертвый труд — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает «работать» как будто под влиянием охватившей его любовной страсти.

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, т. е. процесс образования прибавочной стоимости, то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс создания стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом увеличения стоимости.

Далее, если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в специфическом полезном

труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со стороны его особого характера, цели и содержания. В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операций, или только в продолжительности периода, в течение которого производителью затрачивается рабочая сила. Средства производства действуют здесь просто как средства для впитывания труда, и сами представляют лишь известное воплощенное в них количество труда. Они учитываются лишь как определенные количества вещественного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, и в том и в другом случае учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.

Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Этим сказано многое. Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормальной доброты, а не хлам, который рвется каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить более рабочего времени, чем общественно необходимо время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Однако нормальный характер вещественных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста, дальнейшее условие есть нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Но предполагается, что наш капиталист купил на рабочем рынке рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец — и в виду этого тот же самый господин имеет свое собственное уголовное уложение — не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что расточенный материал и расточенные средства труда представляют излишние затраченные количества вещественного труда, следовательно, не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта¹⁷.

¹⁷ Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* [одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренное голосом орудие] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutuum* [немое орудие]. Но само-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и с истинным сладострастием подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому считается экономическим принципом такого способа производства применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих государствах, расположенных у Мексиканского залива, до начала гражданской войны

Итак, установленное уже раньше посредством анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между различными сторонами процесса производства.

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.

Уже раньше было отмечено, что с точки зрения процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд, или более сложный труд, труд более высокого удельного веса. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению с средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и оценок стоимости. Но какова бы ни была разница в степени между трудом придирищика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. И в этом случае прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности все того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом случае — процесса ювелирного производства¹⁸.

Были в ходу плуги старо-китайской конструкции, которые взрывали землю как свинья или кролик, но не делали борозды, и не переворачивали ее. Сравн. J. C. Cairns, *The Slave Power*, London 1862, p. 46 и сл. В своем «Sea Board Slave states» Olmsted рассказывает между прочим: «Мне показывали здесь орудия, которых ни один человек, находящийся в здравом уме, не дал бы рабочему, работающему по найму, так как они тяготили бы его; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы невозможно предоставить последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва последней легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным является то соображение, что лошади не могли бы переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или мучаются от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними или переобременяют их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я увижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на севере немедленно прогнал бы рабочего».

Различие между сложным и простым трудом, между «skilled» и «unskilled labour», отчасти основывается просто на иллюзиях или по меньшей мере на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, напр. один день высшего труда к двум дням простого труда¹⁹. Если профессиональные экономисты возмущаются этим произвольным утверждением, то о них, конечно, можно сказать, что за деревьями они не видят леса. То, что представляется им теоретическим хитросплетением, в действительности представляет просто явление, которое изо дня в день повторяется во всех концах мира. Поскольку стоимость разнообразнейших товаров одинаково выражается в деньгах, т. е. в определенном количестве золота или серебра. И уже тем самым различные виды труда, представляемые этими стоимостями, в различных пропорциях сводятся к определенным количествам одного и того же вида обыкновенного труда, того труда, который производит золото и серебро. Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если мы предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой средний общественный труд.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта.

Рабочий присоединяет к предмету труда новую стоимость, присоединяя к нему определенное количество труда, каковы бы ни были конкретное со-

на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, благодаря чему они не в состоянии, как другие, вынудить оплату своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что положение одних и тех же видов труда изменяется. Там, напр., где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; напр., труд bricklayer'a [каменщика] в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter'a, стригущего манчестер, хотя он требует большого физического напряжения и кроме того нездоров, фигурирует как «простой труд». Впрочем, не следует воображать, что так называемый «skilled labour» (квалифицированный труд) занимает количественно значительное место в национальном труде. Laing вычисляет, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией и т. д., из 18 млн., составляющих цифру населения во время появления его труда, останется 4 650 000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т. д. Чтобы получить эти 4²/₃ млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучше оплачиваемых «фабричных рабочих». Даже и bricklayer'ы [каменщики] попадают в категорию «квалифицированных рабочих». После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (S. Laing, National Distress etc., London 1844). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (James Mill в статье «Colony», Supplement to the Encyclopedia Britannica, 1831).

¹⁹ Когда указывают на труд как меру стоимости, то необходимо предпологают труд известного рода... отношение его к другим родам труда

держание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, стоимости потребленных средств производства мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, напр. стоимость хлопка и веретен — в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, перепоясав на продукт. Это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?

Рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: с одной стороны, для того, чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а с другой стороны, для того, чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того, чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет просто присоединением новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может получить объяснение лишь из двойственного характера самого его труда. В одно и то же время труд, рассматриваемый со стороны одного его свойства, должен создавать стоимость, а рассматриваемый со стороны другого свойства, должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в особой форме своего производительного труда. Придильщик присоединяет рабочее время только таким способом, что он прядет, ткач только таким способом, что он тклет, кузнец только таким способом, что он кует. И только вследствие той целесообразной формы, в которой они вообще присоединяют труд, а потому и новую стоимость, вследствие прядения, ткачества,ковки, средства производства, — хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня, — становятся элементами для создания продукта, новой потребительной стоимости²⁰. Старая форма их потребительной стоимости исчезает, однако только затем, чтобы выступить в новой форме потребительной стоимости. Но уже при рассмотрении процесса образования стоимости оказалось, что, поскольку потребительная стоимость потребляется целесообразно для производства новой потребительной стоимости, рабочее время, необходимое для создания использованной потребительной стоимости, составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости потребленных средств производства или переносит их на продукт как составные части стоимости последнего не посредством присоединения своего труда вообще, а вследствие особого полезного характера, вследствие специфически производительной формы этого присоединяемого труда. Как такая целесообразная производительная деятельность — прядение, ткачество, ковка, — труд одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых, наделяет их душою факторов процесса труда и соединяется с ними в продукты.

«можно определить» («Outlines of Political Economy», London 1832, p. 22, 23).

²⁰ «Труд создает новое творение взамен уничтоженного им» («An Essay on the Political Economy of Nations», London 1821, p. 13).

Если бы специфический производительный труд рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу, следовательно, и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменил профессию и делается столяром, то он попрежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний представляет труд прядения или столярный труд, но поскольку он представляет абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определенного времени. Таким образом в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого характера присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда как следствие двойственного характера последнего обнаруживается в различных явлениях.

Предположим, что какое-либо изобретение дает возможность прядильщику выпрясть в 6 часов столько хлопка, сколько раньше выпрядалось в 36 часов. Труд его, как целесообразно-полезная производительная деятельность, ушерстил свою силу. Продукт его ушерщенный: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. хлопка теперь впитывают столько же рабочего времени, как раньше впитывали 6 ф. К ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах, а потому присоединяется лишь одна шестая доля той стоимости, которая присоединялась прежде. С другой стороны, в продукте, в 36 ф. пряжи, заключается теперь ушерщенная стоимость хлопка. В продолжение этих 6 часов прядения сохранена и перенесена на продукт в шесть раз большая стоимость сырого материала, хотя к тому же количеству сырого материала теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимости, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени входит во время операции прядения в данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте.

Предположим, наоборот, что производительность прядильного труда осталась без изменения, следовательно, для того, чтобы один фунт хлопка превратить в пряжу, прядильщику требуется такое же количество времени, как раньше. Но пусть изменилась меновая стоимость самого хлопка, пусть цена его в шесть раз увеличилась или уменьшилась. В обоих случаях прядильщик к данному количеству хлопка продолжает присоединять все то же рабочее время, следовательно, все ту же стоимость, и в обоих случаях в течение данного времени он производит все то же количество пряжи. Однако та стоимость, которую он с хлопка переносит на пряжу, на продукт, в одном

случае в шесть раз меньше, в другом случае в шесть раз больше, чем была раньше. То же самое и в том случае, если средства труда вздорожают или удешевятся, но попрежнему будут оказывать все ту же услугу в процессе труда.

Если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также не совершается никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то прядильщик в течение одинакового рабочего времени попрежнему потребляет одинаковые количества сырого материала и машин, представляющие одинаковые стоимости. Стоимость, которую он сохраняет в продукте, в таком случае прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. В течение двух недель он присоединяет вдвое больше труда, чем в одну неделю, а следовательно и вдвое большую стоимость, и в то же время потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое большую стоимость, и снашивает вдвое больше машин, представляющих вдвое большую стоимость: таким образом в продукте двух недель он сохраняет вдвое большую стоимость, чем в продукте одной недели. При данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он присоединяет; но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при неизменяющихся и независимых от его собственного труда условиях.

Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую стоимость. Вздорожает ли хлопок с 2 ш. до 3 ш. или удешевится до 1 ш., рабочий, как бы ни изменялась эта стоимость в продукте одного часа, всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость хлопка, чем в продукте двух часов. Далее, если изменяется производительность его собственного труда, если она повышается или понижается, то он, инпр., в один рабочий час выпрядает больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит большую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое большую стоимость, чем в один рабочий час.

Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение, в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, той или иной вещи. (Сам человек, рассматриваемый просто как бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть вещественное проявление этой силы.) Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость. Средства же производства не утрачивают своей стоимости одновременно с своей потребительной стоимостью, так как вследствие процесса труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только затем, чтобы в продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Но как ни важно для стоимости существовать в виде какой бы то ни было потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоз товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит с средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе с своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, кото-

рую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными вещественными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, которым отапливается машина, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами (орудиями) труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как в течение своей жизни, процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают попрежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую, и до того дня, когда его выбросят в сарай, то увидим, что его потребительная стоимость совершенно потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Напр., если прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни известного средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. С средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществу страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и с средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может просуществовать в среднем выводе известное средство труда, напр. известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $\frac{1}{6}$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $\frac{1}{6}$ своей стоимости. Таким способом исчисляется списывание всех средств труда, т. е. ежедневная утрата их потребительной стоимости, и соответственно этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Таков случай со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в руднике, деревом в первобытном лесу и т. д.

Здесь перед нами выступает другое интересное явление. Пусть стоимость машины будет, напр., 1000 ф. ст. и пусть она снашивается в 1000 дней. В этом случае $\frac{1}{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизнедеятельностью, функционировать в процессе труда. Таким образом оказывается, что один фактор процесса труда, одно средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью — в процессе увеличения стоимости. Различие между процессом труда и процессом увеличения стоимости отражается здесь на их вещественных факторах, потому что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями ²¹.

С другой стороны, средство производства может, наоборот, целиком войти в процесс образования стоимости, хотя в процесс труда оно входит только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно отпадает 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь отброс, хлопковую пыль. Однако, если этот отброс в 15% является нормальным, если он извлекаем от средней переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих элемента пряжи, совершенно так же входит в стоимость пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещество пряжи. Потребительная стоимость 15 ф. хлопка должна превратиться в пыль, чтобы произвести 100 ф. пряжи. Следовательно, гибель этого хлопка есть условие производства пряжи. Именно поэтому он и передает свою стоимость пряже. Это относится ко всем отбросам процесса труда, по крайней мере постольку, поскольку эти отбросы не образуют опять новых средств производства, а потому не являются вновь в качестве самостоятельных потребительных стоимостей. Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отбросов железа, состроганных в виде стружек циклопическими машинами: вечером они в огромных повозках переправляются из

²¹ Здесь речь идет не о починках средств труда, машин, зданий и т. д. Машин, подвергающаяся починке, функционирует не как средство труда, а как материал труда. Ею не работают, но ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости. Такие починочные работы мы, в виду вышей цели, всегда можем представлять включенными в тот труд, который требуется для производства средств труда. В тексте речь идет о таком снашивании, которого не может излечить никакой доктор и которое мало-по-малу приводит к смерти, о «такого рода снашивании, которое невозможно исправлять время от времени и которое, как в случае с ножом, в конце концов, приводит его в такое состояние, что ножевщик скажет, что он не стоит починки». В тексте мы видели, что машина, напр., целиком входит в каждый отдельный процесс труда, но лишь по частям в одноименный процесс увеличения стоимости. Поэтому мы можем надлежащим образом оценить следующее смещение понятий. «Рикардо о части машиностроительного труда, затраченного на производство чулочной машины, говорит, что она содержится, напр., в стоимости пары чулок. «Между тем весь труд, который производит каждую пару чулок... содержит весь труд машиностроителя, а не часть его; потому что, хотя одна машина делает много пар, но ни одна из этих пар не может быть сделана без помощи всех частей машины» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply», London 1821, p. 64). Автор, необыкновенно самодовольный педант, в своей путанице и вместе с тем в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист, ни до него, ни после него, не разграничили строго обеих сторон труда, а потому, как и следовало ожидать, не дали анализа их различной роли в образовании стоимости.

фабрики в железолитейный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.

Лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существовавшую в форме старых потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум той потери, которую их стоимость может претерпеть в процессе труда, очевидно, ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если он стоит 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, он никогда не присоединит более 150 ф. ст. к тому продукту, образование которого им обслуживается. Его стоимость определяется не тем процессом труда, в который он входит как средство производства, а тем процессом труда, из которого он выходит как продукт. В процессе труда он служит только как потребительная стоимость, как вещь с полезными свойствами, и потому он не передавал бы продукту никакой стоимости, если бы не обладал стоимостью до своего вступления в процесс ²².

Во время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение душ. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное тело. Но это переселение души совершается как бы за спиной действительного труда. Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно, не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей, потому что он должен присоединять труд каждый раз:

²² Легко понять поэтому всю нелепость пресного Ж.-Б. Сэя, выводящего прибавочную стоимость (процент, прибыль, ренту) из тех «services productifs» [производительных услуг], которые средства производства: земля, орудия, кожи и т. д., оказывают своими потребительными стоимостями в процессе труда. Господин Вильгельм Рошер, который никогда не преминет зарегистрировать черным по белому ловкие апологетические измышления, восклицает: «Ж.-Б. Сэй (Traité, vol. I, ch. 4) очень верно замечает: «Произведенная маслобойней стоимость за вычетом всех издержек представляет ведь нечто новое, существенно отличное от труда, которым была создана сама маслобойня» («Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3 Auflage, 1858, S. 82, Note). Очень верно! «Масло», изготовленное маслобойней, есть нечто весьма отличное от труда, которого стоила постройка маслобойни. А под «стоимостью» господин Рошер подразумевает такую вещь, как «масло», потому что «масло» имеет стоимость, а так как «в природе» встречается горное масло, хотя сравнительно и не «очень много», то он делает, несомненно, по этому поводу другое замечание: «Она (природа!) почти совсем не производит меновых стоимостей». У природы Рошера с меновой стоимостью выходит то же самое, что у глупой девицы с ребенком, который «был ведь совсем маленький». Тот же самый «ученый» («savant sérieux») замечает еще по упомянутому выше поводу: «Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал как «сбереженный труд». Это неискусно (!), потому что (!) владелец капитала (!) ведь (!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (?) производство (?) и (?) сохранение его (чего?): именно (?) воздержание от собственного наслаждения, за что он, напр. (!!), требует процента». (Там же.) Как «искусен» этот «анатомо-физиологический метод» политической экономии, который развивает «стоимость» просто-на-просто из «требования».

в определенной полезной форме, а присоединять его в полезной форме он не может, не превращая продуктов в средства производства нового продукта и не переходя тем самым их стоимости на новый продукт. Следовательно, сохранить стоимость посредством присоединения стоимости, это есть естественное свойство проявляющейся в действиях рабочей силы, живого труда, дар природы, ничего не стоящий рабочему, но много приносящий капиталисту, именно, приносящий ему сохранение наличной капитальной стоимости^{22а}. Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли для того, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перемены процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осознанности²³.

В средствах производства вообще потребляется их потребительная стоимость, потреблением которой труд создает продукты. Стоимость их в действительности не потребляется²⁴, а потому не может быть и воспроизведена. Она сохраняется, но не потому, что с нею самой совершается какая бы то ни было операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в виде которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь в другой потребительной стоимости. Поэтому стоимость средств производства опять проявляется в стоимости продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость²⁵.

^{22а} Из всех орудий фермерского производства человеческий труд... есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения своего капитала. Другие два — капитал в рабочем скоте и... телеги, плуги, лошади и т. д. — ничего не значат без соединения с известным количеством «проного» (Edmund Burke, Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Right Hon. W. Pitt in the Month of November 1795, edit., London 1800, p. 10).

²³ В «Times» от 26 ноября 1862 г. один фабрикант, на прядильне которого занято 800 рабочих и ежедневно потребляется в среднем выводе 160 кип ост-индского или почти 130 кип американского хлопка, жалуетесь публике на издержки, вызываемые ежегодной остановкой работ на фабрике. Он определяет их в 6000 ф. ст. Среди этих непроизводительных издержек встречаются многие такие статьи, которые здесь нас не интересуют, напр.: земельная рента, налоги, страховые премии, жалованье рабочим, нанятым на год, управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. д. Но затем он причисляет сюда же 150 ф. ст. на уголь, чтобы время от времени пропихивать фабрику и по временам приводить в движение паровую машину, кроме того заработную плату рабочим, которые своим временным трудом поддерживают «в готовности» весь механизм. Наконец, 1200 ф. ст. на порчу машин, так как «погода и естественные разрушительные влияния не прекращают своего действия от того, что паровые машины перестали двигаться». Он прямо замечает при этом, что сумма в 1200 ф. ст. так низка лишь потому, что машины уже находятся в состоянии большой изношенности.

²⁴ «Производительное потребление: когда потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях нет потребления стоимости» (S. P. Newman, Elements of Political Economy, Andover and New York 1835, p. 296).

²⁵ В одном северо-американском руководстве, выдержавшем, быть может, до 20 изданий, мы читаем: «Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь». После многословного перечисления всевозможных элементов производства, стоимость которых снова появляется в процессе, в заключение говорится: «Различные роды продовольственных средств, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта

Иначе обстоит дело с субъективным, с личным фактором процесса труда, с проявляющейся в действиях рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет ее, каждый момент его движения создает добавочную стоимость, новую стоимость. Предположим, что процесс производства обрывается на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей собственной рабочей силы, когда он, напр., шестичасовым трудом присоединил стоимость в 3 ш. Эта стоимость образует излишек стоимости продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства. Это — единственная новая стоимость, возникшая в этом процессе, единственная часть стоимости продукта, произведенная самим этим процессом. Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистам при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на средства существования. По отношению к этим израсходованным 3 ш. новая стоимость в 3 ш. представляет просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другою совершается здесь при посредстве создания новой стоимости.

Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается далее того пункта, когда воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, напр., 12 часов. Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится кроме того излишек стоимости. Эта прибавочная стоимость образует излишек стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Изобразив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании стоимости продукта, мы тем самым охарактеризовали функции различных составных частей капитала в процессе его собственного увеличения. Излишек всей стоимости продукта над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть излишек увеличившегося в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила — с другой, представляют лишь различные формы существования первоначаль-

человека, также претерпевают изменения. Они время от времени потребляются, и стоимость их вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить на дело производства» (F. Weyland, *The Elements of Political Economy*, Boston 1853, p. 31, 32). Не говоря уже о всех других странностях, заметим, что, напр., не цена хлеба, а его образующие кровь элементы снова появляются в возобновленной силе. А в качестве стоимости силы вновь появляются, напротив, не средства существования, а их стоимость. Те же самые средства существования, если они стоят вдвое меньше, произведут совершенно столько же мускулов, костей и т. д., коротко говоря, совершенно такую же силу, но силу не такой же, не прежней стоимости. Это превращение «стоимости» в «силу» (хотя совершенно правильно было бы говорить, наоборот, о превращении «силы» в «стоимость») и вся эта фарисейская неопределенность прикрывают фокусническую попытку — конечно, тщетную — вывести прибавочную стоимость из простого факта возвращения авансированных стоимостей.

ной капитальной стоимости, совлекшей с себя свою денежную форму и превратившейся в факторы процесса труда.

Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда; в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной, неизменяющейся частью капитала, или, короче, **п о с т о я н н ы м к а п и т а л о м**.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того излишек, прибавочную стоимость, которая в свою очередь может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, **п е р е м е н н ы м к а п и т а л о м**. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные [вещественные] и субъективные [личные] факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

Понятие постоянного капитала отнюдь не исключает революции в стоимости его составных частей. Предположим, что фунт хлопка стоит сегодня 1 ш. и что завтра вследствие недостаточного урожая хлопка цена его повысится до 2 ш. Прежний хлопок, который продолжает обрабатываться, куплен по стоимости в 1 ш., но присоединяет теперь к стоимости продукта часть в 2 ш. А уже выряденный хлопок, быть может, уже обрешенный на рынке в виде пряжи, присоединяет к продукту величину тоже вдвое большую, чем его первоначальная стоимость. Однако мы видим, что эти изменения стоимости не стоят ни в какой связи с увеличением стоимости хлопка в самом процессе прядения. Если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, его можно было бы продать теперь по 2 ш. вместо 1 ш. Наоборот: чем меньше число процессов труда он прошел, тем вернее такой результат. Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обработанной форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, который производит хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством заключающегося в нем труда, но определение самого этого количества имеет общественный характер. Если изменяется рабочее время, общественно-необходимое для производства товара, — а одно и то же количество хлопка, напр., при неблагоприятных сборах, представляет большее количество труда, чем при благоприятных, — то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельной особи своего рода²⁶, стоимость которой всегда измеряется общественно-необходимым трудом, а при этом всегда подразумевается труд, необходимый при общественных отношениях данного времени.

²⁶ «Все продукты одного и того же рода составляют, собственно говоря, одну массу, цена которой определяется в общем счете и без всякого отношения к особым обстоятельствам отдельного случая» (Le Trosne, De l'intérêt social, Physiocrates, éd. Daire, Paris 1846, p. 893).

Стоимость средств труда, машин и т. д., уже служащих в процессе производства, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту, может изменяться точно так же, как стоимость сырого материала. Если, напр., вследствие нового изобретения машины данного рода могут быть воспроизведены с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса производства, в котором машина функционирует как средство производства. Что касается этого последнего процесса, то в нем она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой она обладает независимо от этого процесса.

Как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после вступления их в процесс производства, тем не менее не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения между постоянным и переменным капиталом не затрагивает их функционального различия [различия их действий в процессе образования стоимости]. Напр. технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь 1 рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимостей применяемых средств производства, очень значительно возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, очень значительно падает. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и переменную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1. Степень эксплуатации рабочей силы

Прибавочная стоимость, произведенная в производственном процессе авансированным капиталом, который мы обозначим через K , или увеличение авансированной капитальной стоимости K выступает перед нами прежде всего как излишек стоимости продукта над суммой стоимостей элементов его производства.

Капитал K распадается на две части: денежную сумму c , израсходованную на средства производства, и другую денежную сумму v , израсходованную на рабочую силу: c представляет часть стоимости, превращенную в постоянный капитал, v — часть стоимости, превращенную в переменный капитал. Следовательно, первоначально $K = c + v$, напр. авансированный капитал в 500 ф. ст. = 410 ф. ст. постоянного капитала (c) + 90 ф. ст. переменного капитала (v). В конце процесса производства получается товар, стоимость которого = $(c + v) + m$, где m есть прибавочная стоимость, напр. 410 ф. ст. (c) + 90 ф. ст. (v) + 90 ф. ст. (m). Первоначальный капитал K превратился в K' , из 500 ф. ст. в 590 ф. ст. Разность между

обоими = m , прибавочной стоимости в 90. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то в действительности простой тавтологией является утверждение, что излишек стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту авансированного капитала, или равен произведенной прибавочной стоимости.

Однако эта тавтология требует ближайшего определения. С стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы. Предположим, что постоянный капитал $c = 410$ ф. ст. и состоит из сырого материала на 321 ф. ст., вспомогательных веществ на 44 ф. ст. и сношенных в процессе машин на 54 ф. ст.; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1054 ф. ст. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только эту стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, — как паровая машина и т. д., — то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта^{26а} и мы получили бы таким образом 1500 ф. ст. и 1590 ф. ст. Разность, или прибавочная стоимость, попрежнему составила бы 90 ф. ст. Поэтому там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы постоянно подразумеваем только стоимость потребленных в производстве средств производства.

(С такими предположениями возвращаемся к формуле $K = c + v$, которая превращается в $K' = (c + v) + m$, благодаря чему K и превращается в K' . Мы знаем, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется в продукте. Следовательно, действительно вновь произведенная в процессе стоимость отлична от полученной из процесса всей стоимости продукта, потому она равна не $(c + v) + m$, или не $410 c + 90 v + 90 m$, как кажется на первый взгляд, а $v + m$, или $90 v + 90 m$, т. е. не 590 ф. ст., а 180 ф. ст. Если бы c , постоянный капитал, был = 0, другими словами, если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталу не приходится применять никаких произведенных средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных веществ, ни орудий труда, и приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. Этот элемент стоимости продукта, для нашего примера 410 ф. ст., отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., заключаю-

^{26а} «Если мы примем в расчет стоимость основного капитала, примененного как часть всего авансированного капитала, то нам придется в конце года принять в расчет остаток стоимости такого капитала, как часть годовой выручки» (Malthus, Principles of Political Economy, 2nd ed., London 1836, p. 269).

щая в себе 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохранила бы совершенно такие же размеры, как в том случае, если бы c представляло огромнейшую сумму стоимости. У нас было бы $K = 0 + v = v$, и K' , увеличившийся капитал, $= 0 + v + m$; следовательно, $K' - K$ попрежнему было бы $= m$. Наоборот, если бы m было $\neq 0$, другими словами, если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только эквивалент, то K было бы $= c + v$, и K' (стоимость продукта) $= (c + v) + 0$, а потому $K = K'$. Авансированный капитал не увеличился бы.

В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v , с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$, причем Δv представляет превращение v . Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был $= 500$, теперь он $= 590$. Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал c приравняли нулю и таким образом применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с постоянными и переменными величинами, связывая постоянную величину с переменной только посредством сложения и вычитания.

Другое затруднение возникает из первоначальной формы переменного капитала. Так, в приведенном выше примере $K' = 410$ ф. ст. постоянного капитала + 90 ф. ст. переменного капитала + 90 ф. ст. прибавочной стоимости. Однако 90 ф. ст. суть данная, следовательно, постоянная величина, и потому представляется нелепым рассматривать их как переменную величину. Но 90 ф. ст. переменного капитала в действительности являются здесь только символом того процесса, через который проходит эта стоимость. Часть капитала, авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно, столь же постоянная величина стоимости, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого — живой труд, вместо неподвижной — текучая величина, вместо постоянной — переменная. Результатом является воспроизводство v плюс превращение. С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самопроизвольное движение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому, если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или самовозрастающая стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд производит странное впечатление. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Напр., если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.

Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того, чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того, чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, несколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти материальные формы постоянного капитала, доставляют только материю, в которой должна фиксироваться текучая сила, создающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточно для того, чтобы она могла впитать количество труда, подлежащее затрате во время процесса производства. Раз эта масса дана, — повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, — процессе создания стоимости и изменения стоимости несколько не будет этим затронут ²⁷.

Итак, прежде всего мы приравняем нулю постоянную часть капитала. Тогда авансированный капитал с $c + v$ сводится к v , а стоимость продукта $(c + v) + m$ сводится к вновь произведенной стоимости $v + m$. Если дана вновь произведенная стоимость = 180 ф. ст., в которой воплощается труд, продолжающийся на всем протяжении процесса производства, то мы должны вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст. для того, чтобы получить прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Число 90 ф. ст. = m выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой увеличился переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью $\frac{m}{v}$. Следовательно, для приведенного выше примера она выразится в $\frac{90}{90} = 100\%$. Это относительное увеличение переменного капитала, или относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормой прибавочной стоимости ²⁸.

²⁷ Прим. ко 2 изд. Самс собой разумеется, что, как говорит Лукреций, *nil posse creari de nihilo*, из ничего не получится ничего. «Созидание стоимости» есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь рабочей силой есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм.

²⁸ Точно так же, как англичане говорят «rate of profits», «rate of interest» и т. д. («норма прибыли», «норма процента»). В книге 3 мы увидим, что легко понять норму прибыли, раз известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ни того, ни другого.

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых средств своего существования. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он не прямо производит средства своего существования, а в форме известного особенного товара, напр. пряжи, производит стоимость, равную стоимости средств его существования, или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости средних ежедневных средств его существования, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Если стоимость ежедневных средств существования рабочего воцмощает в среднем выводе 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем выводе по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем выводе все такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести средства существования, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 ш., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом ^{28а}, т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, необходимым трудом ²⁹. Необходимым для рабочих потому что он независим от общественной формы их труда. Необходим для капиталиста и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Второй период процесса труда, — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей предельстью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным, избыточным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд — прибавочным трудом (*surplus labour*). Насколько решающее значение для познания стоимости вообще имеет рассматривать ее просто как затраченное рабочее время, как овеществленный труд, настолько же решаю-

^{28а} Здесь, в 3-м издании, Энгельс замечает: «Автор пользуется здесь хотящим экономическим языком. Напомним, что «авансирует» в действительности не капиталист рабочему, а рабочий капиталисту» (именно, авансирует потребительную стоимость рабочей силы. — К.).

²⁹ До сих пор мы обозначали в этой работе словами «необходимое рабочее время» то рабочее время, которое общественно-необходимо для производства известного товара. Теперь мы будем употреблять их и по отношению к тому рабочему времени, которое необходимо для производства такого специфического товара, как рабочая сила. Употребление одних и тех же *termini technici* [специальных обозначений] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке Ср., напр., высшие и низшие отделы математики.

нее значение для познания прибавочной стоимости имеет рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время; просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, напр. общество рабства от общества наемного труда³⁰.

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость в свою очередь определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$

Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текущего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом^{30а}.

Согласно нашему предположению, стоимость продукта была = 410 ф. ст. $c + 90$ ф. ст. $v + 90$ ф. ст. m , авансированный капитал был = 500 ф. ст. Так как прибавочная стоимость = 90, авансированный же капитал = 500, то по обычному способу вычисления получилось бы, что норма прибавочной стоимости (которую смешивают с нормой прибыли) = 18%: отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других гармонистов. В действительности же норма прибавочной стоимости равна не

$\frac{m}{c+v}$, или $\frac{m}{c+v}$, а $\frac{m}{v}$, следовательно, не $\frac{90}{500}$, а $\frac{90}{90} = 100\%$: более чем в пять раз больше кажущейся степени эксплуатации. Хотя в данном случае мы не знаем ни абсолютной величины рабочего дня, ни периода, в течение которого продолжается процесс труда (день, неделя и т. д.), ни, наконец, числа рабочих, которых одновременно приводит в движение переменный капитал

³⁰ Господин Вильгельм Фукидид Рошер с истинно готтшедовской genialностью открывает, что если прибавочная стоимость или прибавочный продукт и связанное с этим накопление обязаны в настоящее время своим обновлением «бережливости» капиталиста, который «требует за это, напр., процент», то «на низких ступенях культуры», напротив... «более сильно принуждают к бережливости более слабых» («Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3 Auflage, 1858, стр. 78). К сбережению труда? или несуществующего избытка продуктов? На ряду с действительным невежеством аналитический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вздур получится соблазнительно-облигоднейший с полицейской точки зрения результат, — вот что застаивает Рошера и К^о извращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в источники ее возникновения.

^{30а} Прим. ко 2 изд. Являясь точным выражением степени эксплуатации рабочей силы, норма прибавочной стоимости, тем не менее, отнюдь не может служить выражением абсолютной величины эксплуатации. Напр., если необходимый труд = 5 часам и прибавочный труд = 5 часам, то степень эксплуатации = 100%. Величина эксплуатации измерится здесь 5 часами. Если же необходимый труд = 6 часам и прибавочный труд = 6 часам, степень эксплуатации в 100% остается без изменения, между тем как величина эксплуатации возрастает на 20% с 5 до 6 часов.

в 90 ф. ст., тем не менее норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, так как она

может быть превращена в $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, точно показывает взаимное

отношение между двумя составными частями рабочего дня. Оно равно 100%. Следовательно, рабочий одну половину дня работал на себя, а другую половину на капиталиста.

Итак, метод исчисления нормы прибавочной стоимости, коротко говоря, таков: мы берем всю стоимость продукта и приравниваем нулю постоянную капитальную стоимость, которая лишь вновь появляется в стоимости продукта. Остающаяся сумма стоимости есть единственная стоимость, действительно вновь произведенная в процессе образования товара. Если прибавочная стоимость дана, то мы, чтобы найти переменный капитал, вычитаем ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал, и мы ищем прибавочную стоимость, то мы поступаем наоборот. Если даны и прибавочная стоимость и переменный капитал, то остается произвести лишь заключительную операцию, вычислить отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Как ни прост этот метод, тем не менее представляется уместным освоить читателей посредством нескольких примеров с лежащим в его основе и непривычным для них способом представления.

Прежде всего пример прядильной фабрики с 10 000 мюльных веретен, на которой прядется из американского хлопка пряжа № 32 и производится по 1 ф. пряжи на веретено в неделю. Отбросы составляют 6%. Итак, еженедельно 10 000 ф. хлопка перерабатывается в 10 000 ф. пряжи и 600 ф. отбросов. В апреле 1871 г. этот хлопок стоил $7\frac{3}{4}$ пенса за фунт, т. е. за 10 600 ф. круглым числом 342 ф. ст. Эти 10 000 веретен, включая машины для предварительной обработки хлопка и паровую машину, стоят 1 ф. ст. на веретено, следовательно, 10 000 ф. ст. Ежегодное снашивание их составляет 10% = 1000 ф. ст., или 20 ф. ст. в неделю. Наем фабричного здания — 300 ф. ст. или 6 ф. ст. в неделю. Уголь (4 ф. на час и рабочую силу, на 100 лошадиных (индикаторных) сил и 60 часов в неделю, включая в расчет и отопление здания) — 11 тонн в неделю, по 8 ш. 6 п. тонна, стоит круглым счетом $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в неделю; газ — 1 ф. ст. в неделю, масло — $4\frac{1}{2}$ ф. ст. — в неделю, следовательно, все вспомогательные вещества — 10 ф. ст. в неделю. Итак, постоянная часть стоимости дает 378 ф. ст. в неделю. Заработная плата составляет 52 ф. ст. в неделю. Следовательно, постоянный и переменный капитал вместе составляют $378 + 52 = 430$ ф. ст. в неделю.

Цена пряжи при $12\frac{1}{4}$ п. за фунт составит за 10 000 ф. 510 ф. ст. Чтобы найти прибавочную стоимость, из стоимости всего продукта, из 510 ф. ст., мы должны вычесть израсходованный постоянный и переменный капитал, 430 ф. ст. Тогда мы получаем в качестве прибавочной стоимости 80 ф. ст. Постоянную часть капитала в 378 ф. ст. мы приравниваем нулю, так как она не принимает участия в образовании стоимости за неделю. Она не создается вновь, а переносится. Остается еженедельная вновь произведенная стоимость в $132 = 52$ ф. ст. перемен-

ного капитала + 80 ф. ст. прибавочной стоимости. Таким образом норма прибавочной стоимости = $\frac{80}{152} = 153 \frac{11}{13} \%$. При десятичасовом среднем рабочем дне получается: необходимый труд = $3 \frac{31}{33}$ часа и прибавочный труд = $6 \frac{2}{33}$ часа³¹.

Jacob, предполагающая цену пшеницы в 80 ш. за квартал и средний сбор в 22 бушела с акра, так что один акр приносит 11 ф. ст., приводит для 1815 г. следующий расчет, страдающий серьезными дефектами, — так как в нем предварительно произведено взаимное покрытие различных статей, — но достаточный для нашей цели:

Производство стоимости на 1 акр

Семена (пшеница)	1 ф. ст. 9 ш.	Десятины, налоги	1 ф. ст. 1 ш.
Удобрение	2 » » 10 »	Рента	1 » » 8 »
Заработная плата	3 » » 10 »	Приб. фермера и проц.	1 » » 2 »
Итого	7 ф. ст. 9 ш.	Итого	3 ф. ст. 11 ш.

Прибавочная стоимость, при том постоянном предположении, что цена продукта = его стоимости, распределяется здесь между различными рубриками: прибыль, процент, десятина и т. д. Эти рубрики не представляют для нас интереса. Мы складываем их и получаем прибавочную стоимость в 3 ф. ст. 11 ш. Те 3 ф. ст. 19 ш., которые стоят семена и удобрение, мы приравняем, как постоянную часть капитала, нулю. Остается авансированный переменный капитал в 3 ф. ст. 10 ш., вместо которого была произведена новая стоимость в 3 ф. ст. 10 ш. + 3 ф. ст. 11 ш. Таким образом *m* составляет $\frac{3 \text{ ф. ст. } 11 \text{ ш.}}{3 \text{ ф. ст. } 10 \text{ ш.}}$, более 100%. Рабочий более полови-

ныни своего рабочего дня употребляет на производство прибавочной стоимости, которую различные лица под различными предлогами распределяют между собою^{31а}.

2. Выражение стоимости продукта в относительных долях продукта

Возвратимся теперь к тому примеру, который показал нам, как капитал из денег делает капитал. Необходимый труд его прядильщика составляет 6 часов, прибавочный труд столько же, а потому степень эксплуатации рабочего 100%.

Продукт двенадцати часового рабочего дня составляет 20 ф. пряжи стоимостью в 30 ш. Не менее $\frac{8}{10}$ стоимости этой пряжи (24 ш.) образова-

³¹ Прим. ко 2 изд. Пример прядильной фабрики, приведенный в первом издании и относящийся к 1860 г., содержал некоторые фактические ошибки. Приведенные в тексте совершенно точные данные сообщены мне одним манчестерским фабрикантом. — Следует отметить, что в Англии старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по действительной силе, которую указывает индикатор.

^{31а} Приведенные вычисления служат просто в качестве иллюстрации. Мы исходим, между прочим, из предположения, что цены = стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство не так то просто устанавливается даже для средних цен.

но лишь вновь появляющейся стоимостью потребленных средств производства (20 ф. хлопка на 20 ш., веретена и т. д. на 4 ш.), или состоит из постоянного капитала. Остальные $\frac{2}{10}$ представляют новую стоимость в 6 ш., которая возникла во время процесса прядения и из которой половина возмещает авансированную дневную стоимость рабочей силы, или переменный капитал, а другая половина образует прибавочную стоимость в 3 ш. Следовательно, вся стоимость этих 20 ф. пряжи составляет следующим образом: стоимость пряжи 30 ш. = 24 ш. постоянного капитала + 3 ш. переменного капитала + 3 ш. прибавочной стоимости.

Так как вся эта стоимость воплощается во всем продукте = 20 ф. пряжи, то и различные элементы стоимости можно было бы выразить в пропорциональных долях продукта.

Если стоимость в 30 ш. существует в виде 20 ф. пряжи, то $\frac{8}{10}$ этой стоимости, или ее постоянная часть в 24 ш., заключается в $\frac{8}{10}$ продукта, т. е. в 16 ф. пряжи. Из них $13\frac{1}{3}$ ф. представляют стоимость сырого материала — выпряденного хлопка на 20 ш., а $2\frac{2}{3}$ ф. представляют стоимость потребленных вспомогательных веществ и средств труда, веретен и т. д., на 4 ш.

Итак, $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи представляют весь хлопок, потребленный на весь продукт, на 20 ф. пряжи, представляют сырой материал совокупного продукта, и ничего больше. Хотя в них заключается всего $13\frac{1}{3}$ ф. хлопка стоимостью в $13\frac{1}{3}$ ш., но добавочная к ним стоимость в $6\frac{2}{3}$ ш. образует эквивалент хлопка, потребленного на остальные $6\frac{2}{3}$ ф. пряжи. Дело обстоит таким образом, как если бы из последних $6\frac{2}{3}$ ф. был выщипан весь хлопок и как если бы весь хлопок, потребленный на совокупный продукт, был втиснут в $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи. Но зато в этих $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи теперь не содержится ни одного атома ни стоимости потребленных вспомогательных веществ и средств труда, ни новой стоимости, созданной в процессе прядения.

Точно так же дальнейшие $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи, в которых заключается остаток постоянного капитала (= 4 ш.), не представляют ничего иного, кроме стоимости вспомогательных веществ, и средств труда, потребленных на весь продукт, на 20 ф. пряжи.

Таким образом $\frac{8}{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, рассматриваемые в их телесной форме, как потребительная стоимость, как пряжа, хотя и представляют в такой же мере создание прядильного труда, как и остальные части продукта, тем не менее, рассматриваемые в нашей связи, они не заключают в себе прядильного труда, того труда, который впитан во время самого процесса прядения. Дело обстоит таким образом, как если бы они без прядения превратились в пряжу и как если бы их форма пряжи представляла чистейший мираж. В самом деле, если капиталист продаст их за 24 ш. и на последние вновь купит свои средства производства, то становится ясным, что 16 ф. пряжи — это лишь переодетые хлопок, веретена, уголь и т. д.

Наоборот, оставшиеся $\frac{2}{10}$ продукта, или 4 ф. пряжи, теперь не представляют ничего иного, кроме новой стоимости в 6 ш., произведенной во время двенадцатичасового процесса прядения. Заключавшаяся в них стоимость потребленных сырых материалов и средств труда уже была выстроена из них и вошла в состав первых 16 ф. пряжи. Воплощенный в 20 ф. пряжи прядильный

груд сконцетрирован в $\frac{2}{10}$ продукта. Дело обстоит таким образом, как если бы прядильщик выпрял 4 ф. пряжи из воздуха, — или же из такого хлопка и такими веретенами, которые, будучи даны природой, без содействия человеческого труда, не присоединяют к продукту никакой стоимости.

Из этих 4 ф. пряжи, в которых таким образом содержится вся стоимость, вновь произведенная во время дневного процесса прядения, одна половина представляет только стоимость в возмещение потребленной рабочей силы, т. е. только переменный капитал в 3 ш., остальные же 2 ф. пряжи — только прибавочную стоимость в 3 ш.

Так как 12 рабочих часов прядильщика овеществляются в 6 ш., то в 30 ш. стоимости пряжи овеществлены 60 рабочих часов. Они существуют в 20 ф. пряжи, из которых $\frac{2}{10}$, или 16 ф., суть материализация [воплощение] истекших до начала прядения 48 рабочих часов, т. е. того труда, который овеществлен в средствах производства пряжи, а $\frac{2}{10}$, или 4 ф., суть материализация 12 рабочих часов, затраченных в самом процессе прядения.

Ранее мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части стоимости продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это разложение продукта — результата процесса производства — на количество продукта, воплощающее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, воплощающее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, воплощающее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, — это разложение просто, но в то же время и просто, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам.

Сейчас мы рассматривали зесь продукт, как готовый результат двенадцатичасового рабочего дня. Но мы могли бы проследить его и в процессе его возникновения и тем не менее представить частные продукты, как функционально различные части продукта.

Прядильщик производит в 12 часов 20 ф. пряжи, следовательно, в один час $1\frac{2}{3}$ ф., а в 8 часов $13\frac{1}{3}$ ф., т. е. частный продукт, представляющий всю стоимость хлопка, выпряденного в течение всего рабочего дня. Точно так же частный продукт следующих 1 часа 36 минут = $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи и потому представляет стоимость средств труда, потребленных в течение 12 рабочих часов. Точно так же в следующие 1 час 12 минут прядильщик производит 2 ф. пряжи = 3 ш.: стоимость продукта, равная всей новой стоимости, которую он производит в 6 часов необходимого труда. Наконец в последние $\frac{6}{5}$ часа он производит опять-таки 2 ф. пряжи, стоимость которых равна прибавочной стоимости, произведенной его прибавочным трудом, составляющим половину дня? Этот способ исчисления служит английскому фабриканту для домашнего обихода, и он скажет, напр., что в первые 4 часов, или $\frac{2}{3}$ рабочего дня, он просто вырывает свой хлопок и т. д. Мы видим, что формула верна, что в действительности это просто первая формула, переименования с пространства, где готовые части продукта лежат одна подле другой, на время, где они следуют одна за другой. Но формула может сопро-

воздаться и самыми варварскими представлениями, особенно в головах, которые практически столь же заинтересованы в процессе увеличения стоимости, сколько и в том, чтобы дать о ней превратное теоретическое представление. Так, можно вообразить, что, напр., наш прядильщик в первые 8 часов всего рабочего дня производит или возмещает стоимость хлопка, в следующие 1 час 36 минут — стоимость потребленных средств труда, в следующие 1 час 12 минут — стоимость заработной платы, и только знаменитый «последний час» посвящает фабриканту, производству прибавочной стоимости. Прядильщику приписывается таким образом двойное чудо: выходит, во-первых, что он производит хлопок, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д. в тот самый момент, когда он прядет с их помощью, и, во-вторых, что из одного рабочего дня данной степени интенсивности он делает пять таких дней. Так, напр., в нашем случае производство сырого материала и средств труда требует четыре двенадцатичасовых рабочих дня и их превращение в пряжу — нового двенадцатичасового рабочего дня. Что хищничество верит таким чудесам и что ему не приходится разыскивать доктринеров-сикофантов, которые постарались бы доказать их, — это показывает следующий пример, приобретший историческую знаменитость.

3. «Последний час» Сениора

В одно прекрасное утро 1836 г. Нассау В. Сениор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, в некотором роде Клаурен среди английских экономистов, был призван из Оксфорда в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии вместо того, чтобы поучать ей в Оксфорде. Фабриканты избрали его борцом против недавно изданного фабричного закона и против агитации за десятичасовой рабочий день, которая шла еще дальше. С обычной практической проникательностью они увидели, что господин профессор «wanted a good deal of finishing» [еще порядочно нуждается в окончателной отделке]. Поэтому они выписали его в Манчестер. Господин профессор с своей стороны украсил своим стилем уроки, полученные им в Манчестере у фабрикантов, и издал памфлет: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufactures», London 1837. Здесь можно найти, между прочим, следующие поучительные места:

«При теперешнем законе ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более $11\frac{1}{2}$ часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ (!) показывает, что в такой фабрике вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20 000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Предполагая, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, годовое оборот товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115 000 ф. ст. Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит $\frac{5}{115}$, или $\frac{1}{23}$ этих 115 000 ф. ст. Из этих $\frac{23}{23}$, образующих совокупность этих 115 000 ф. ст. (constituting the whole 115 000 ф. ст.), $\frac{20}{23}$, т. е. 100 000 из 115 000, престо возмещают капитал; $\frac{1}{23}$, или 5 000 ф. ст. из 15 000 ф. ст., составляющих валовую прибыль (!), возмещают снашивание фабрики и машин. Остаточная $\frac{2}{23}$, т. е. два последних полчаса каждого дня, производят чистую

прибыль в 10%. Поэтому, если бы при неизменных ценах фабрика могла работать 13 часов вместо $11\frac{1}{2}$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более, чем вдвое. С другой стороны, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы чистая прибыль, а если бы на $1\frac{1}{2}$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль»³².

И это господин профессор называет «анализом»! Если он действительно поверил воплю фабрикантов, что рабочие большую часть дня растрачивают на производство, а следовательно, на воспроизводство или возмещение стоимости построек, машин, хлопка, угля и т. д., то всякий анализ становится бессмысленным. Он мог просто ответить: милостивые государи! Если вы заставите работать 10 часов вместо $11\frac{1}{2}$, то при прочих равных условиях ежедневное потребление хлопка, машин и т. д. сократится на $1\frac{1}{2}$ часа. Следовательно, вы выиграете ровно столько же, сколько вы потеряли. В будущем ваши рабочие станут затрачивать на воспроизводство, или возмещение авансированной капитальной стоимости на $1\frac{1}{2}$ часа менее. А если бы Сенкор не поверил им ни слово и в качестве сведущего лица признал бы необходимым особый анализ, то он должен был бы прежде всего попросить господ фабрикантов о том, чтобы в вопросе, касающемся исключительно отношения чистой прибыли к величине рабочего дня, они не сваливали в одну пеструю кучу машины и фабричные здания, сырой материал и труд, а соблагородили бы выделяя постоянный капитал, заключающийся в фабричных зданиях, машинах, сыром материале и т. д., на одну сторону, капитал же, авансированный на заработную плату, — на другую сторону. Если бы тогда оказалось,

³² Делител, в только-что названной работе, стр. 12, 13. Мы не останавливаемся на некоторых курьезах, безразличных ввиду нашей цели, но на утверждении, будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, грязной или чистой, возмещение стоимости сношенных машин и т. д., т. е. составной части капитала. Не останавливаемся также на том, правильные или лживы числовые данные. Что они стоят так называемого «анализа», это доказал Леонард Горнер в «A Letter to Mr. Senior», London 1837. Леонард Горнер, один из членов комиссии 1833 г. для исследования состояния фабрик и фабричный инспектор, по существу своему фабрик до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее слышать «голоса фабрикантов» в Нижней Палате, чем часы «рабочих рук» в фабрике.

Дублирование к прил. 32. Он говоря уже о фальши содержания, изложение Сенкора чудовищное. Сказать он хотел собственно только вот что: фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать $11\frac{1}{2}$, или $23\frac{1}{2}$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь годовой труд состоит из $11\frac{1}{2}$, или $23\frac{1}{2}$ часа (помноженных на число рабочих дней в году). При этом предположении $23\frac{1}{2}$ рабочих часов производят годовой продукт в 115 000 ф. ст.; $1\frac{1}{2}$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{1}{23}$; $20\frac{1}{2}$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{1}{23} = 100 000$ ф. ст., т. е. они только возмещают авансированный капитал. Остаются $\frac{3}{2}$ рабочих часа, которые производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{3}{23} = 15 000$, т. е. валовую прибыль. Из этих $\frac{3}{2}$ рабочего часа $\frac{1}{2}$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{1}{23} = 5 000$ ф. ст., т. е. производят возмещение снашивания фабрики и машин. Последние две $\frac{1}{2}$ рабочего часа производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{2}{23} = 10 000$ ф. ст., т. е. чистую прибыль. В работе Сенкор превращает последние $\frac{2}{23}$ продукта в части самого рабочего дня.

напр., что по вычислениям фабрикантов рабочий воспроизводит или возмещает заработную плату в $\frac{2}{2}$ рабочих часа, или в один час, то наш аналитик должен был бы продолжить:

Согласно вашим данным, рабочий, в предпоследний час производит свою заработную плату, а в последний — вашу прибавочную стоимость или чистую прибыль. Так как в равные промежутки времени он производит равные стоимости, то продукт предпоследнего часа имеет такую же стоимость, как и продукт последнего. Далее, рабочий производит стоимость лишь при том условии, если он затрачивает труд, и количество его труда измеряется его рабочим временем. Последнее, согласно вашим данным, составляет $11\frac{1}{2}$ часов в день. Одну часть этих $11\frac{1}{2}$ часов он употребляет на производство или на возмещение своей заработной платы, другую часть — на производство вашей чистой прибыли. Ничего больше он не делает в продолжение рабочего дня. А так как, согласно вашему утверждению, его заработная плата и доставляемая им прибавочная стоимость суть равновеликие стоимости, то он, очевидно, производит свою заработную плату в $5\frac{3}{4}$ часа и вашу чистую прибыль в остальные $5\frac{3}{4}$ часа. Так как, далее, стоимость продукта, произведенного в два часа прядения, равна сумме стоимости его заработной платы плюс ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измеряться $11\frac{1}{2}$ рабочими часами: продукт предпоследнего часа $5\frac{3}{4}$ рабочих часа, продукт последнего часа — тоже. Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак, внимание! Предпоследний рабочий час — такой же обыкновенный рабочий час, как и первый. Не более и не менее. А потому каким бы это образом прядильщик мог в один рабочий час произвести стоимость пряжи, представляющую $5\frac{3}{4}$ рабочих часа? В действительности он и не совершает такого чуда. Та потребительная стоимость, которую он производит в один рабочий час, представляет определенное количество пряжи. Стоимость этой пряжи измеряется $5\frac{3}{4}$ рабочих часа, из которых $4\frac{3}{4}$ уже заключаются, помимо себя, в средствах производства, в хлопке, машинах и т. д., потребленных в течение часа, а $\frac{1}{4}$, или один час, присоединены им самим. Таким образом, так как его заработная плата производится в $5\frac{3}{4}$ часа, а продукт, произведенный в один час прядения, точно так же содержит $5\frac{3}{4}$ рабочего часа, то нет репичательно никакого волшебства в том, что новая стоимость, произведенная им в продолжение $5\frac{3}{4}$ часов прядения, равна стоимости продукта одного часа прядения. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, будто он затрачивает хотя бы один атом своего рабочего дня на воспроизводство, или «возмещение» стоимостей хлопка, машин и т. д. Благодаря тому, что его труд делает из хлопка и веретен пряжу, благодаря тому, что он прядет, стоимость хлопка и веретен сама собою переходит на пряжу. Это — следствие качества, его труда, а не количества. Конечно, в один час он перенесет на пряжу большую стоимость хлопка и т. д., чем в $\frac{1}{2}$ часа, но лишь по той причине, что в 1 час он выпрядет хлопка больше, чем в $\frac{1}{2}$ часа. Итак, поймите же, ваше утверждение, будто рабочий в предпоследний час производит стоимость своей заработной платы, а в последний час — чистую прибыль, означает только, что в пряже, представляющей продукт двух часов его рабочего дня, будут ли те первые или последние часы, воплощено $11\frac{1}{2}$ рабочих часов, — ровно столько же, сколько насчитывается во всем его рабочем дне. А утверждение, что он в первые $5\frac{3}{4}$ часа производит свою заработную плату, а в последние $5\frac{3}{4}$ часа — вашу чистую прибыль, означает только, что первые $5\frac{3}{4}$ часа вы оплачиваете, а последние $5\frac{3}{4}$ часа не оплачиваете. 1

шорю об оплате труда, а не рабочей силы, чтобы говорить на вашей фабрицине. Теперь, милостивые государи, если вы сравните отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100%, что, несомненно, очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать свои «руки» 13 часов вместо 11½ и, что совершенно так же похоже на нас, как одно яйцо на другое, излишние 1½ часа просто присоедините к прибавочному труду, то последний возрастет с 5¾ часа до 7¼ часа, а потому норма прибавочной стоимости — с 100% до 126²/₂₃%. Но вы слишком безумные англичанки, если вы надеетесь, что вследствие присоединения 1½ часов она увеличится с 100 до 200% и даже более чем до 200%, т. е. что она «более чем удвоится». С другой стороны, сердце человека — удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке, — вы слишком мрачные пессимисты, если вы опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с 11½ до 10¼ часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль. Отнюдь нет. При прочих равных условиях, прибавочный труд понизится с 5¾ до 4¼ часа, что все еще дает очень почтенную норму прибавочной стоимости, именно 82¼¹⁴/₂₃%. Но ваш роковой «последний час», о котором вы рассказываете сказок больше, чем хилиасты о светопреставлении, это — совершенный вздор. Потеря его не отнимет у вас «чистой прибыли» и не отнимет у обрабатываемых вами детей обоего пола «чистоты душевной» 32а.

Если Сениор доказал, что от «последнего рабочего часа» зависит чистая прибыль фабрикантов, существование английской хлопчатобумажной промышленности и положение Англии на мировом рынке, то д-р Andrew Ugo в придачу к этому доказал, в свою очередь, что если фабричных детей и подростков моложе 18 лет не запирают на полные 12 часов в теплой и чистой нравственной атмосфере фабричного помещения, а «одним часом» рьяно выталкивают их в неуютный и распушенный внешний мир, то праздность и порок отнимут у них все их душевное здравие. С 1848 г. фабричный инспектор в своих полугодовых «Reports» [отчетах] неустанно подкрепляет фабрикантов «последним», «роковым часом». Так, г. Howell в своем фабричном отчете от 31 мая 1855 г. говорит: «Если бы следующее вычисление (он цитирует Сениора) было правильно, то оказалось бы, что всякая хлопчатобумажная фабрика в Соединенном Королевстве с 1850 г. работала себе в убыток» («Reports of the Inspection of Factories for the half year, ending 30-th April 1855», p. 19, 20). В 1848 г., когда десятичасовая билль прошел через парламент, фабриканты сельских департаментов, рассеянных между графствами Dorset и Somerset, вынудили у инспектора рабочих контрпетицию, в которой, между прочим, говорится: «Мы, просители — родители, полагаем, что добавочный час праздности не может иметь никакого иного результата, кроме деморализации наших детей, обоюдно — мать и всех пороков». По этому поводу фабричный отчет от 31 октября 1848 г. замечает: «Атмосфера льнопрядилен, в которых работают дети этих добродетельно-нежных родителей, до такой степени переполнена пылью и волокнами сырого материала, что до чрезвычайности неприятно пробывать в прядильне хотя бы только 10 минут, так как вы не можете сделать этого, не получив самого мучительного ощущения. Прошвы глаза, уши, ноздри и рот быстро наполняются облаками льняной пыли, от которой нет никакого спасения. Самый труд, вследствие лихорадочной быстроты машин, требует неуспынной ловкости и движения, под контролем неослабкого внимания, и представляется несколько жестоким для родителей употреблять слово «леность» по адресу собственных детей, которые, за вычетом времени на еду, 10 полных часов прикованы к такой работе, в такой атмосфере и... Эти дети работают дольше, чем обыкновенные батраки в соседних деревнях. Такие безжалостные

Когда действительно пробьет ваш «последний часочек», вспомните оксфордского профессора. А пока до приятного свидания в лучшем мире. Ad-dio!..³³ Сигнал «последнего часа», открытого Сениором в 1836 г., был снова подан 15 апреля 1848 г. в «London Economist» Джемсом Вильсоном, одним из главных экономических мандаринов, в его полемике против закона о десятичасовом рабочем дне.

4. Прибавочный продукт

Ту часть продукта ($\frac{1}{10}$ часть 20 ф. пряжи, или два фунта пряжи в примере § 2), в которой воплощается прибавочная стоимость, мы называем *прибавочным продуктом* (Mehrprodukt, surplus produce, produit net). Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой воплощается необходимый труд. Как производство прибавочной

обвинения в «праздности и пороке» следует заклеить как чистейшее ханжество и самое бесстыдное лицемерие... Та часть общества, которая приблизительно двенадцать лет тому назад возмущалась той самоуверенностью, с которой публично и совершенно серьезно возвещали, опираясь на санкцию высокого авторитета, будто вся «чистая прибыль» фабриканта происходит из «последнего часа» труда и потому сокращение рабочего дня на один час уничтожит всю чистую прибыль, — эта часть общества, говорим мы, едва ли поверит своим глазам, когда она увидит, что оригинальное открытие относительно благодетелей «последнего часа» с того времени усовершенствовано настолько, что оно теперь равномерно охватывает и «мораль», и «прибыль», так что если продолжительность детского труда будет сокращена до 10 полных часов, то вместе с чистой прибылью хозяев улетучится и нравственность детей, так как и то и другое зависит от этого последнего, этого «фатального часа» («Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1848», p. 101). Этот же фабричный отчет приводит потом образцы «морали» и «добродетели» этих господ фабрикантов, тех каверз, уловок, приманок, угроз, подделок и т. д., которые они пускали в ход для того, чтобы заставить немногих совершенно безответных рабочих подписывать петиции такого рода, а потом выдавать эти петиции перед парламентом, как петиции целой отрасли промышленности, целых графств. — В высшей степени характерным для современного состояния, так называемой экономической «науки» остается тот факт, что ни сам Сениор, — который к своей чести впоследствии энергично выступил за фабричное законодательство, — ни его первоначальные и позднейшие противники не сумели разобраться в софизмах «оригинального открытия». Они просто апеллировали к фактам и опыту. Как и почему — осталось для них тайной.

³³ Однако господин профессор все же извлек некоторую пользу из своей манчестерской прогулки. В «Letters on the Factory Act» вся чистая прибыль «барыш» и «процент» и даже «something more» (нечто большее), зависит от одного неоплаченного рабочего часа рабочего! Годом раньше, в своих «Outlines of Political Economy», сочиненных на пользу оксфордских студентов и образованных филлистов, Сениор, полемизируя против рикардовского определения стоимости рабочим временем, «открыл», что прибыль возникает из труда капиталиста, а процент из его «воздержания». Выдумка была старая, но слово Abstinenz, «воздержание», было новое. Господин Рошер верно перевел его на немецкий язык словом «Enthaltung». Но его compatriotes, менее знакомые с латынью, Вирты, Шульцы и другие Михелы, переделали его в монашеское одеяние, превратив «воздержание» в «Entsagung», «самоотречение».

стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта ³⁴.

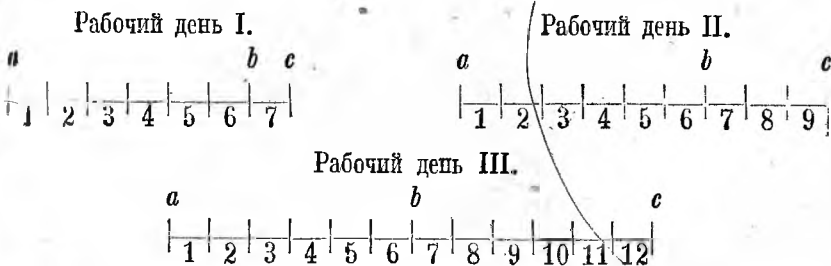
Сумма необходимого труда и прибавочного труда, периодов времени, в которые рабочий производит стоимость в возмещение своей рабочей силы и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени — рабочий день (working day).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

1. Пределы рабочего дня

Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продается по ее стоимости. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства средств существования рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже. Необходимая часть его рабочего дня составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих равных условиях, величиной данной. Но этим еще не определяется величина самого рабочего дня.

Предположим, что линия $\overline{1|2|3|4|5|6}$ изображает продолжительность или длину необходимого рабочего времени, равную, скажем, 6 часам. Смотри по тому, будет ли продолжен труд за пределы ab на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим 3 различных линии:

³⁴ «Для человека, обладающего капиталом в 20 000 ф. ст., прибыль которого составляет 2000 ф. ст. в год, было бы совершенно безразлично, прибавит ли его капитал 100 или 1000 рабочих, продаются ли произведенные товары за 10 000 или за 20 000 ф. ст., раз предполагается, что его прибыль во всех этих случаях не падает ниже 2000 ф. ст. Но важен ли и реальный интерес нации? Если предположить, что реальный чистый доход нации, ее ренты и прибыли останутся без изменения, то не имеет решительно никакого значения, состоит ли нация из 10 или 10 миллионов жителей» (Ricardo, The principles of Political Economy, 3rd ed., London 1821, p. 416). Задолго до Рикардо Arthur Young, фанатик прибавочного продукта, вообще болтливый, лишенный критического духа

изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Продолжение линий *bc* изображает длину прибавочного труда. Так как рабочий день $= ab + bc$, или ac , то он изменяется вместе с переменной величиной *bc*. Так как *ab* есть величина данная, то отношение *bc* и *ab* всегда может быть измерено. Оно составляет в рабочем дне I — $\frac{1}{6}$, в рабочем дне II — $\frac{2}{6}$ и в рабочем дне III — $\frac{6}{6} ab$. Так как далее, отношение $\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$

определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, раз известно отношение этих линий. Она составляет в трех приведенных выше рабочих днях соответственно 16 $\frac{2}{3}$ %, 50 и 100%. Наоборот, одна норма прибавочной стоимости не дала бы нам величины рабочего дня. Если бы, например, она равнялась 100%, то рабочий день мог бы продолжаться 8, 10, 12 часов и т. д. Она указывала бы на то, что две составные части рабочего дня, необходимый труд и прибавочный труд, равны по своей величине, но не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его обычная величина изменится вместе с длиной, или продолжительностью прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он неопределенная величина³⁵.

Хотя таким образом рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия продолжения *bc*, или прибавочный труд = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, а потому рабочий день никогда не может сократиться до размеров этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Максимальный предел этот определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение известной части дня сила должна отдыхать, спать,

писатель, репутация которого стоит в обратном отношении к его заслугам, писал, между прочим: «Какую пользу получило бы современное государство от целой провинции, почва которой возделывалась бы по древне-римскому образцу, мелкими независимыми крестьянами, притом наилучшим способом? Какой цели достигало бы это, кроме той единственной, что здесь производились бы люди («the mere purpose of breeding men»), что само по себе не имеет никакой цели («is a most useless purpose») (Arthur Young, Political Arithmetic etc., London 1774, p. 47).

Добавление к прим. 34. Гопкинс правильно замечает: «странной представляется сильная склонность изобразить чистый доход выгодным для рабочего класса... между тем как ясно, что выгодным он может быть не по причине его чистоты» (Th. Hopkins, On Rent of Land etc., London 1823, p. 126).

³⁵ «Рабочий день — величина неопределенная: он может быть длинным или коротким» («An Essay on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc.», London 1770, p. 73).

В продолжение другой части дня человек должен удовлетворить другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Эти физические границы удлинение рабочего дня наталкиваются на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения, которым подвержен рабочий день, колеблются между физическими и социальными границами. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самый широкий простор. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. рабочий день самой различной длины.

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в течение одного рабочего дня. Он получает таким образом право заставить рабочего работать на себя в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день? Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный предел не эту *ultima Thule* [крайний предел], на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала. Но у капитала одно единственное фирменное стремление, — стремление увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда³⁷. Капитал это мертвый труд, который, подобно вампиру, оживает лишь вследствие всаждения живого труда и живет тем дольше, чем больше поглощает живого труда. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу³⁸. Если рабочий потребляет находящееся в распоряжении капиталиста время на своего себя, то он обкрадывает капиталиста³⁹.

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается выручить возможно большую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, которого до сих пор заглушал шум и грохот процесса производства:

³⁷ Вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пилля, предложенный им бирмингемской торговой палате: «Что такое труд (сторлинггов)», вопрос, который мог быть поставлен только потому, что Пилль так же плохо понимал природу денег, как *little shilling men* [маленькие по шиллингу] из Бирмингама.

³⁸ «Иногда капиталиста соблазняет в том, чтобы посредством затраченного капитала получить возможно большую сумму труда» (J. G. Courbeville-Sonsuill, *Traité théorique et pratique des entreprises industrielles*, 2e éd., Paris 1857, p. 63).

³⁹ «Потеря одного часа труда в день наносит громадный ущерб торговому государству». «Наблюдается чрезвычайно значительное потребление предметов роскоши рабочей беднотой этого королевства, в особенности мануфактурной чернью; при этом они потребляют и свое время — самый драгоценный из всех видов расточения» («An Essay on Trade and Commerce», London 1770, p. 47, 153).

⁴⁰ «Если рабочий, освободившись от работы, предается минутному веселью, вливая экономя, с беспокойством следящая за ним, начинает откровенно, что он ее обкрадывает» (N. Linguet, *Théorie des Lois Civiles etc.*, London 1767, vol. II, p. 466).

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что потребление его создает стоимость, притом большую стоимость, чем сколько стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является увеличением стоимости капитала, для меня есть излишнее расходование рабочей силы. Мы с тобою знаем на рынке лишь один закон: закон товарообмена. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю ее, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова ее продать. Не говоря уже о естественном снашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра, при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо: Я хочу подобно разумному, бережливому хозяину сохранить свое единственное достояние — рабочую силу, и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текущее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расход ее — совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может существовать при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь из дня в день =

$$= \frac{1}{365 \times 30}, \text{ или } \frac{1}{10950} \text{ всей ее стоимости.}$$
 Если же ты потребляешь ее и

10 лет, то ты уплачиваешь мне ежедневно $\frac{1}{10950}$ вместо $\frac{1}{3650}$ всей ее

стоимости, т. е. лишь $\frac{1}{3}$ дневной ее стоимости, и таким образом крадешь у меня ежедневно $\frac{2}{3}$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне «однодневную рабочую силу», хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах конец всякому благодушию. Ты можешь быть образцовым гражданином, быть может, членом общества покровительства животных и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара ⁴⁰.

Мы видим, что, оставляя в стороне самые эластические границы, сама природа товарного обмена не дает никаких пределов для рабочего дня, и

⁴⁰ Во время большой стачки лондонских строительных рабочих (1860 — 61 г.), требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из строительных предпринимателей, некий Sir M. Peto, пользуется «репутацией святости». (Добавление ко 2 изд. Этот самый Peto позже получил известность по своему громадному банкротству.)

...тому низким пределов и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфически природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия [противоречие законов], право противостоит праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух прав решение принадлежит тому, чья сила. Таким образом в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между собирательным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и собирательным рабочим, т. е. рабочим классом.

2. Непасытная жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин.

Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или полусвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для поддержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства⁴¹, причем безразлично, будет ли этот собственник афинский *καλὸς κἀγαθὸς* [аристократ], этрусский теократ [жрец, которому принадлежит господство], *civis romanus* [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд [земледелец] или капиталист⁴². Впрочем, само собою понятно, что, если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме, — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского⁴³. Однако это исключения для древнего мира. Но как только на-

⁴¹ «То, кто работает... действительно кормят и пенсионеров, называемых богатыми, и самих себя» (Edmund Burke, *Thoughts and Details of Scarcity*, London 1800, p. 2).

⁴² В своей «*Römische Geschichte*» Нибур делает очень наивное замечание: «Нечего скрывать, что произведения, подобные этрусским, поразительно даже в обломках, заставляют предполагать существование в мелкой (1) государствах господ и рабов». Гораздо глубже Сисмонди отметил, что «арисокральские кружева» предполагают существование хозяев и наемных рабочих.

⁴³ «Попыли без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных (работников на золотых приисках между Египтом, Эфиопией и Аравией), но имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощадке по отношению к больным, хворым, старикам, к женской слабости.

роды, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства, и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах американского союза носил сравнительно мягкий и патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было, главным образом, непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того, как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходивший в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы вышибить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например в дунайских княжествах.

Сравнение неутолимой жажды прибавочного труда в дунайских княжествах с такой же жаждой на английских фабриках представляет особенный интерес, потому что прибавочный труд при барщинном труде обладает самостоятельной, чувственно-воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 6×6 , или 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить и в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д. Иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, напр., валахский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Эта разница в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не образует эквивалента для самого рабочего, будет ли он называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же прощ: в непосредственной погоне за барщинными днями⁴⁴.

Барщинный труд, соединявшийся в дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, составляет крупную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где существовал бар-

Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде» (Diodorus Siculus, *Historische Bibliothek*, Buch 3, Kap. 13).

⁴⁴ Последующее относится к положению румынских провинций, как оно сложилось до переворота, совершившегося после Крымской войны.

винный труд, он редко возникал из крепостного состояния, наоборот, преимущественно крепостное состояние возникало из барщинного труда ^{44а}. Так было в румынских провинциях. Их первоначальный способ производства был характерен не общинной собственностью, но на общинной собственности, отличной от славянской и в особенности от индийской формы. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* [общинные поля] — обрабатывались ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, с религиозными целями и других общественных расходов. С течением времени военные и духовные сановники узурпировали вместо с общинной собственностью и повинности, приуроченные к этой собственности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на расхитителей общинной земли. Одновременно с этим изменились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной освободительницей России под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, изданный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, пропитан самими боярами. Таким образом Россия одним ударом завоевала восточную дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукописания *сифилисных* кретинов всей Европы.

Но «*Réglement organique*», как называется этот кодекс барщинных работ, возложил на малый крестьянин, помимо массы перечисленных до мелочей натуральных повинностей, обязан был еще по отношению к так называемому помещику: 1) двенадцать рабочими днями вообще; 2) одним днем полевой работы, и 3) одним днем возки дров. Итого 14 дней в году. Однако в глубоком проникновением в политическую экономию рабочий день взят не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт искусственно определен таким образом, что ни один циклон не справился бы с ним в сутки. Поэтому сам «регламент» в сухих выражениях с истинно-русской прозой разъясняет, что под 12 рабочими днями следует разуметь продукт 30 дней ручного труда; день полевой работы означает три дня, а день возки дров также три дня. Всего 42 барщинных дня. Но сюда присоеди-

^{44а} В 3 изд. мы находим здесь следующее примечание Энгельса: это относится также и к Германии, в особенности к Пруссии на восток от Эльбы. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был почти повсюду, по крайней мере, фактически, свободный человек. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне южной Германии снова оказались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Бранденбургской Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейн были низведены до положения крепостных (Maurer, Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland, Erlangen 1862 — 63, Bd. IV. — Meitzen, Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates nach dem Gebirgszuge von 1866. Berlin 1873. — Hansen, Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein). — Упомянув последнюю работу, Энгельс несомненно имел в виду G. Hansen, Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich bäuerlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein, Petersburg 1861. — К.

няется так называемая «Jobagie», т. е. помощь, оказываемая землевладельцу в чрезвычайных случаях, выдвигаемых потребностями производства. Каждая деревня ежегодно должна доставлять для «Jobagie» определенный контингент рабочих сил, соответствующий величине населения. Этот добавочный барщинный труд определяется в 14 дней для каждого валахского крестьянина. Таким образом обязательный барщинный труд составляет 56 рабочих дней ежегодно. Земледельческий же год в Валахии, вследствие плохого климата, состоит всего из 210 дней, из которых 40 дней выпадает на воскресные и праздничные дни, 30 дней в среднем на непогоду, итого 70 дней. Таким образом, остается 140 рабочих дней. Отношение барщинного труда к необходимому труду — $\frac{56}{84}$, или $\frac{66\frac{2}{3}}{3}$ процента, выражает гораздо меньшую норму прибавочной стоимости, чем та, которая определяет труд английского земледельческого или фабричного рабочего. Однако это лишь законом установленный барщинный труд. А «Règlement organique» с еще большим «либерализмом», чем английское фабричное законодательство, сумел облегчить возможность своего собственного обхода. Сделав из 12 дней 54, он опять-таки определяет номинальный ежедневный труд каждого из 54 барщинных дней таким образом, что на последующие дни неизбежно придется некоторый добавок. Например, в один день должен быть очищен от сорных трав земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требуется в действительности вдвое больше времени. Установленный законом дневной труд для некоторых земледельческих работ можно истолковать таким образом, как будто он начинается в мае, а кончается в октябре. Для Молдавии постановления еще суровее. «Двенадцать барщинных дней по «Règlement organique», — восклицает один упоенный победой боярин, — составляют 365 дней в году!»⁴⁵.

Если «Règlement organique» дунайских княжеств был положительным выражением жадности прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские Factory Acts [фабричные законы] являются отрицательным выражением все той же жадности. Эти законы стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы обуздывают посредством принудительного ограничения рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лэндлорд. Не говоря уж о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничения фабричного труда было продиктовано тою же самою необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же вразумительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции⁴⁶.

⁴⁵ Дальнейшие подробности можно найти у E. Regnault, Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes, Paris 1855.

⁴⁶ «В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание органического существа. Размер тела человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями. Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост тела взрослого мужчины и в общем его пригодность к военной службе уменьшились. До революции (1789 г.) мишимум для пехотинца во Франции был равен 165 см.; в 1818 г. (закон 10 марта) — 157, по закону 21 марта 1832 г. — 156 см. Во Франции в общем болсе половины призывающихся признаются негод-

Действующий теперь [с 1867 и до 1878 г.] фабричный закон 1850 г. устанавливает средний недельный день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра до 6 часов вечера, — причем на этого промежутка времени $\frac{1}{2}$ часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается $10\frac{1}{2}$ рабочих часов, — и в субботу 8 часов, с 6 часов утра до 2 часов пополудни, причем $\frac{1}{2}$ часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по $10\frac{1}{2}$ для первых пяти дней недели, $7\frac{1}{2}$ — для последнего дня недели⁴⁷. Созданы особые контролеры, наблюдающие за исполнением закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых должны опубликовываться парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официально статистические данные относительно капиталистической **взаимности** фабричного труда.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов⁴⁹.

Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца полуночи, определенного на завтрак, и утягивает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше двух часов пополудни. Таким образом он выигрывает:

До 6 часов утра	15 минут.
После 6 часов вечера	15 »
На времени завтрака	10 »
На обеденном времени	20 »

60 минут.

Итого за 5 дней . . . . . 300 минут.

Весь недельный выигрыш: 340 минут.

По субботам.

До 6 часов утра	15 минут.
До времени завтрака	10 »
После 2 часов пополудни	15 »

вследствие недостаточного роста и физических недостатков. В Саксонии носившая мера в 1780 г. была 178 см, теперь 155 см. В Пруссии теперь 147 см. По данным доктора Мейера, напечатанным в «Bayerische Zeitung» от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1000 рекрутов 716 признаны негодными к военной службе: 317 из-за недостаточного роста и 399 из-за физических недостатков... В 1853 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов: не хватило 156 человек». (J. v. Liebig, Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie, 7 Aufl., 1862, Band I, S. 117, 118).

⁴⁷ История фабричного закона 1850 г. изложена в продолжении этой главы.

⁴⁹ Период от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1846 г. и касалось лишь в некоторых местах и для ознакомления с ним необходимо обратиться к книге: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», von Friedrich Engels, Leipzig 1845. [Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Изд. 1928. Институт К. Маркса и Энгельса.] Насколько возможно вошли Энгельс дух капиталистического способа производства, и включаются отчеты фабричных инспекторов, горных инспекторов и т. д.,

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней»⁴⁹.

«Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут за пределы нормальной продолжительности, то это составит $2\frac{1}{2}$ рабочих дня в год»⁵⁰. «Лишний час в день, добываемый таким способом, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13»⁵¹.

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь «неполное время», лишь по несколько дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее время. Вот что сообщают фабричные инспектора в периоде кризиса 1857 — 1858 гг.

«Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подстрекает беззастенчивых людей к излишества; они обеспечивают себе таким образом экстраординарную прибыль...» «В то самое время, — говорит Леонард Горнер, — когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, попрежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени»⁵².

«Хотя, — говорит г. Howell, — большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно утягивается (snatched) у рабочих $\frac{1}{4}$ или $\frac{3}{4}$ часа, средством для чего служат посягательства на время, определенное законом для еды и отдыха»⁵³.

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопчатобумажного кризиса с 1861 по 1865 г.⁵⁴.

которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое поверхностное сравнение его работы с официальными отчетами «Children's Employment Commission», 1863 — 67 (комиссии для изучения труда детей), появившимися на 18 — 20 лет позже. Они говорят о тех отраслях промышленности, в которых фабричное законодательство еще не было введено до 1862 года, отчасти не введено и теперь. Таким образом в то положение, которое изображено Энгельсом, не внесены сколько-нибудь существенные изменения воздействием внешних сил. Свои примеры я заимствую главным образом из периода свободной торговли после 1848 г., из того райского периода, о котором так баснословно много наезжаны немцы от столь же хвастливых, сколь и убогих в научном отношении равносчиков свободной торговли. — Впрочем, Англия фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она — классическая предстательница капиталистического производства, и что только она и обладает непрерывной официальной статистикой по обсуждаемым предметам.

⁴⁹ «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factories», в «Factories Regulation Act. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859», p. 4, 5.

⁵⁰ «Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending October 1856», p. 35.

⁵¹ «Reports etc. 30-th April 1858», p. 9.

⁵² Там же, стр. 43.

⁵³ Там же, стр. 25.

⁵⁴ «Reports etc. for the half year ending 30-th April 1861». См. прибавление № 2: «Reports etc. 31-st. October 1862», p. 7, 52, 53. Нарушения уч-

«Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое выключенное время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти из фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу (чистку машин и т. д.), особенно вечером в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь благодаря тому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не уделяется времени для исполнения таких работ»⁵⁵.

«Исключительная прибыль, получаемая от чрезмерного труда, продолжается сверх указанного времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн для того, чтобы они могли ему противостать. Они полагаются на то, что их не поймут, и рассчитывают, что даже в случае обнаружения незначительность денежных штрафов и судебных издержек все-таки обеспечивает им в конечном итоге барыш»⁵⁶. В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг к другу мелких покраж («a multiplication of small thefts»), совершаемых в течение дня, инспектора наталкиваются на трудности почти непреодолимого свойства, когда они хотят получить доказательства нарушения закона»⁵⁷. Эти «маленькие кражи», совершаемые капиталом за счет обеденного времени и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют «pretty pilferings of minutes», кража минут⁵⁸, «snatching a few minutes», урывание минут⁵⁹, или, по техническому выражению рабочих, «nibbling

происходит здесь в последней половине 1863 г. Ср. «Reports etc. ending 31-st October 1863», p. 7.

«Reports etc. 31-st October 1860», p. 23. С каким фанатизмом, по повелению фабрикантов на суде, противятся их фабричные руки всякому вмешательству фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. судье полиции в Dewsbury (Йоркшир) сообщили в том, что собственниками 8 больших фабрик близ Batley нарушается фабричный закон. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли работать пять мальчиков в возрасте 12 — 15 лет с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни следующей субботы, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в половине ночи. И эти дети принуждены были заниматься непрерывной 30-часовой работой в «windy hole», как называется дыра, в которой раздвигаются шерстяные спицы и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, очережками и т. д., что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, — как квакеры, они были особенно щебетливо-религиозными людьми для того, чтоб давать присягу, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов; но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа.

Драйден предвидел этих квакеров:

«Fox full fraught in seeming sanctity
That feared an oath, but like the devil would lie,
That look'd like Lent, and had the holy leer,
And durst not sin! before he said his prayer!»

(Женщина, порожденная внешнею святостью, которая страшится Божбы, но старается лгать, как дьявол, которая выглядит постом и набожно смотрит, но потворит греху, пока не прочтает молитвы!)

«Reports etc. for 31-st October 1856», p. 34.

⁵⁵ Там же, стр. 35.

⁵⁶ Там же, стр. 48.

⁵⁷ Там же.

and scribbling at meal times» [выдиранье и выскребание из времени, предназначенного для еды] ⁶⁰.

Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны. «Если бы вы мне разрешили, — сказал мне как-то один весьма уважаемый фабрикант, — заставлять работать ежедневно всего 10 минутами больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1000 ф. ст. в год» ⁶¹. «Атомы времени суть элементы прибыли» ⁶².

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «full timers» («полный рабочий») рабочих, работающих полное время, и «half timers» («полурабочий») — детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов ⁶³. Рабочий здесь не что иное, как персонафицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeitler» и «Halbzeitler», «рабочим» и «полурабочим».

3. Отрасли английской промышленности без законных границ эксплуатации

До сих пор мы наблюдали стремление к удлинению рабочего дня, поистине волью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский экономист, жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки ⁶⁴, вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал цепи законодательного регулирования. Приглядимся теперь к некоторым отраслям производства, в которых высасывание рабочей силы или и сейчас еще ничем не стеснено, или не было ничем стеснено еще совершенно недавно.

«Господин Broughton, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингамском городском помеении 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царствует такая степень нищеты и лишений, которая совершенно неизвестна всему остальному цивилизованному миру... В 2, 3, 4 часа утра 9 — 10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, благодаря чему члены их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивляемся тому,

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² «Moments are the elements of profit» («Reports of the Insp. etc. 30-th April 1860», p. 56).

⁶³ Выражение пользуется официальным правом гражданства как на фабрике, так и в фабричных отчетах.

⁶⁴ Жадность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью такие жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом (John Wade, History of the Middle and Working Classes, 3-rd ed., London 1835, p. 114). Теоретическая часть этой книги, своего рода очерк политической экономии, содержит кое-что оригинальное для своего времени, например, взгляд на торговые кризисы. Что касается исторической части, то она представляет бесспорный плагиат из Sir M. Eden, History of the Poor, London 1799.

что господин Mallett и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал distinguished г. Montagu Valpy, это — система безграничного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы напомнимся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческого мисом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались пуговицы и воротнички?»⁶⁵

Глиняное производство (pottery) Стаффордшира в течение последних 22 лет послужило предметом трех парламентских исследований. Результаты этих исследований изложены в отчете г. Scriven'a, представленном в 1841 г. «Children's Employment Commissioners», в отчете д-ра Greenhow'a за 1860 г., опубликованном по распоряжению медицинского чиновника Privy Council (тайного советника) (Public Health, 3-rd Report, I, 102 — 113), и, наконец, в отчете г. Longe за 1863 г., в «First Report of the Children's Employment Commission» от 13 июня 1863 г. Для моей задачи достаточно извлечь из отчетов 1860 и 1863 гг. некоторые свидетельские показания о тех, подвергавшихся эксплуатации детей. По положению детей можно сделать заключение о положении взрослых, особенно девушек и женщин, да еще в такой отрасли промышленности, в сравнении с которой бумагопрядение и т. п. могут показаться весьма приятным и легким занятием⁶⁶.

Wilhelm Wood, девяти лет, «начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев». Сначала он «tap moulds» (относил в сушильню изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в продолжение всей недели в 6 часов утра и кончает приблизительно в 9 часов вечера. «Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, например, в продолжение последних 7 — 8 недель». Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! J. Murray, двенадцатилетний мальчик, рассказывает: «I run moulds and turn jigger» («я отношу формы и верчу колесо»). «Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работаю всю последнюю ночь до 8 часов сегодняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 ш. 6 п. в неделю. Мне ничего не прибавляют, когда я работаю всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи». Fernyburgh, десятилетний мальчик: «Я не всегда получаю полный час на обед, иногда всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу»⁶⁷.

По мнению доктора Greenhow'a продолжительность жизни в гончарных округах Stoke-upon-Trent и Woolstanton чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста

⁶⁵ «London Daily Telegraph» от 17 января 1860 г.

⁶⁶ См. Engels, Lage der arbeitenden Klasse in England, Leipzig 1845, стр. 211 — 251. [См. Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Основные моменты по истории пролетариата и его классовой борьбы. М. Гиз. 1924 г. стр. 228 — 230.]

⁶⁷ «Children's Employment Commission. First Report etc. 1863». Appendix, p. 16, 18, 19.

в округе Stoke всего 30,6%, а в Woolstanton всего 30,4% занято гончарным производством, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около $\frac{2}{5}$ общего числа смертных случаев от грудных болезней между мужчинами данного возраста. Доктор Boothroyd, врач, практикующий в Hanley, заявляет: «Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым сложением, чем предыдущее». Точно так же другой врач, г. Mac-Bean, говорит: «С того времени, как я начал практиковать среди гончаров, бросающихся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в ускоряющемся уменьшении роста и веса». Показания эти взяты из отчета доктора Greenhow'a от 1860 г.⁶⁸

Мы заимствуем из отчета членов комиссии 1863 г. следующее. Доктор J. T. Arledge, главный врач больницы северного Стаффордшира, говорит: «Как класс, гончары, мужчины и женщины... представляют вырождающееся население как в физическом, так и моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, отличаются плохим сложением и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолговечны; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями в деятельности печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, чахотке, бронхиту и астме. Одна форма этой последней специально свойственна им и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотуха, поражающая железы, кости и другие части тела, это — болезнь более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних деревенских округов и браками с более здоровым населением». Г. Charles Pearson, незадолго перед тем врач той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Longe, между прочим, следующее: «Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипело негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей. Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и, переходя к самой главной из них, заканчивает «long hours» («длинным рабочим днем»). Отчет комиссии выражает надежду, что «мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, многообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты»⁶⁹. Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии⁷⁰.

Мануфактура зажигательных спичек ведет свое начало с 1833 г., со времени изобретения способа прикреплять фосфор к спичке. С 1845 г. она стала быстро развиваться в Англии и из густонаселенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингам, Бристоль, Норвич, Нью-

⁶⁸ «Public Health. 3-rd Report etc.», p. 102, 104, 105.

⁶⁹ «Children's Employment Commission», 1863, p. 22, 24, XI.

⁷⁰ Там же, стр. XLVII.

векстль, Глазго, всюду равняется с собою и судорожное сжатие челюстей, которые один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном производстве. Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отрицательными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса — полуголодные вдовы и т. д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, безответных, лишенных всякого воспитания детей»⁷¹. Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии White (1843 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 50 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12—14 и 15 часами, ночной труд, отсутствие определенного времени для еды, причем приходится есть по большей части в мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие — ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В продолжение этого периода работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

J. Leach показывает: «Прошлой зимой (1862 г.) из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, и должен постоянно кричать на них». W. Duffy: «Часто от усталости дети не могли держать глаза открытыми; в сущности частенько и нам самим это ставило удивление». J. Lightbourne: «Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых образовались язвы». G. Appleby: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Чего я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от нее, ни остановить ее». Smith, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: «Мы (он разумеет те «руки», которые на «нас» работают) работаем без перерыва для еды, и таким образом 10½-часовой рабочий день заканчивается, собственно, в 4½ часа вечера, а все дальнейшее представляет сверхурочные работы»⁷². (Интересно было бы знать, неужели же и господин Смит ни разу не ест в продолжение 10½ часов?) «Мы (все тот же Смит) редко оканчиваем ранее 8 часов вечера (он разумеет: оканчиваем потребление «наших» живых

⁷¹ Там же, стр. LIV.

⁷² Этого не следует считать прибавочным рабочим временем в нашем понимании слова. Эти господа рассматривают 10½-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается несколько лучше. Впоследствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня отличается ниже стоимости, так что «добавочное время» есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше «прибавочного труда»; впрочем, это осваивается без перерыва даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение «нормального дня», оплачивается действительно полностью.

машин, представляющих рабочую силу), так что мы (опять Сигринус) в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые (152 детей и подростков ниже 18-летнего возраста и 140 взрослых) одинаково работали в продолжение 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по 78½ часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года (1863 г.), средний вывод был выше 8 дней, или 84 час. в неделю!» И все-таки этот самый господин Смит, чувствующий такую симпатию к pluralis majestatis [говорящий о себе, подобно величеству, «мы»], с улыбкой прибавляет: «машинный труд легче». А фабриканты, применяющие block printing (ручную набойку), говорят: «Ручной труд здоровее машинного». В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: «останавливать машины, по крайней мере, во время еды». Вот что говорит по этому поводу господин Ootley, директор фабрики обоев в Borough^{72а}: «Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы нам (!) весьма по нутру, но рабочий день, который предписывает фабричный закон, продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера, нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда (какое великодушье!). Правда, эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери на бумаге и краске». «Но, — с большим пониманием прибавляет он, — я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия». Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «руководящих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишились пищи» в продолжение 12 — 16 часов, или чтобы они снабжались пищей, как средства труда снабжаются вспомогательными веществами: машина водой и углем, шерсть мылом, колеса салом и т. д., т. е. во время самого процесса производства⁷³.

Ни в одной отрасли промышленности Англии — мы оставляем в стороне машинное производство хлеба, только что начинающее прокладывать себе дорогу, — не сохранилось такого древнего и даже, в чем могли бы убедить поэты Римской империи, дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он берет его сначала таким, каким застает.

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне, была впервые разоблачена комитетом нижней палаты по вопросу «о фальсификации пищевых веществ» (1855 — 1856 гг.) и работой д-ра Hassal'a «Adulteration detected»⁷⁴. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [для предотвращения фальсификации предметов пищи и напитков], за-

^{72а} Часть Лондона, расположенная на правом берегу Темзы, Southwark. — К.

⁷³ «Children's Employment Commission», 1863, Evidence, p. 123, 124, 125, 140 и LIV.

⁷⁴ Квасцы, истертые в мелкий порошок или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название «baker's stuff» (порошок пекарей).

ной, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высокую степень деликатности по отношению к каждому фритредеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honest penny» [добыть копейку честным трудом]⁷⁶. Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистичированными продуктами». И в самом деле такого рода «софистика» умеет лучше Протестанты делать из белого черное и из черного белое и лучше элевоты фальсифицировать *ad oculos* [ясно] полную иллюзорность всего реального⁷⁷.

Во всяком случае комитет обратил внимание публики на ее «хлебный вопрос», а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г. Н. S. Trevelyan, бывший также членом недавно открыто упоминавшейся комиссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет⁷⁷ в связи с свидетельскими показаниями порадовал публику, не ее сердце, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он действительно божьей не капиталист, не лэндлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съесть в своем хлебе некоторое количество человеческого пота, смешанного с гноем, паутины, мертвых тараканов и гнилыми помесками дрожжей, не говоря уже о квасцах, песке и других не менее вредных минеральных примесях. Поэтому, игнорируя его святейшее «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство было подвергнуто надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые томы, говорит о чрез-

⁷⁶ Гривел, как известно, представляет весьма энергичную форму углекислого газа и образует удобрительное вещество, которое капиталистические трубочники продают английским фермерам. В 1862 г. в одном судебном процессе британскому «Juguman» (присяжным) приходилось решить, будет ли такая смесь, к которой без ведома покупателя примешано 90% пыли и гноя, «настоящей» сажкой в «коммерческом» смысле слова, или «фальсифицированной» сажкой в «законном» смысле. «Amis du commerce» [«друзья торговли»] решили, что это настоящая «коммерческая» сажка, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.

⁷⁷ Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» (фальсификациях) товаров насчитывает для некоторых из 600 с чем-то продуктов, употребляемых им, до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он приближает, что не знает всех способов, и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для французского масла 9, для коровьего масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господу богу не удалось избежать этой участи. См. *Ronald de Card, De la falsification des substances alimentaires*, Paris 1856.

⁷⁸ «Reports etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc. London 1862» и «2-nd Report etc. London 1863».

мерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патр архальностью.

«Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, — чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ часа, смотря по величине и качеству выпечки. Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и крышкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два подложив один мучной мешок под голову и покрывшись другим. Затем следует спешная и непрерывная четырехчасовая работа: надо месить тесто, вымешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75 и 90 градусами [Фаренгейта] или 24 — 32 градуса Цельсия, или 19 — 26 Реомюра], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булочки и т. д. готовы, начинается распределение хлеба, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня заносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне. Смотри по времени года и размеру предприятия, работа заканчивается между часом и шестью пополудни, тогда как другая часть рабочих занята в пекарне до позднего вечера»⁷⁸. «Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготовляющих «полющенный» хлеб в Вест-энде, начинают работу регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами заняты выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются разноской хлеба, а иногда и печением бисквитов в пекарне в продолжение 4, 5, 6, а то и 7 часов. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, напр., в 10 часов вечера и длится без перерыва, заключаясь то в приготовлении, то в разноске хлеба, до 8 час. вечера следующей субботы, в большинстве же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. По воскресеньям рабочие должны проходить два-три раза в день на 1 — 2 часа, чтобы выполнить подготовительные работы к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у «underselling masters» [продающих хлеб ниже полной цены], а таковые составляют, как было замечено выше, более $\frac{3}{4}$ лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарнею, так как их хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели, т. е. начиная с четверга, работа начинается здесь в 10 часов и продолжается только с незначительным перерывом до позднего вечера субботы»⁷⁹.

Что касается «underselling masters» то даже буржуазная точка зрения признает, что «неоплаченный труд рабочих (the unpaid labour of the men) составляет основу их конкуренции»⁸⁰. «Full priced baker» [продающие хлеб по полной цене] изобличает перед следственной комиссией своих «underselling» [продающих по пониженной цене] конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов. «Они преуспевают только благодаря

⁷⁸ Там же, First Report etc., p. VI.

⁷⁹ Там же, p. LXXI.

⁸⁰ George Read, The History of Baking. London 1848, p. 16.

вред пидурательству публики и тому, что выколачивают из своих раз-
вочных 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд»⁸¹.

Фальсификация хлеба и возникновение класса булочников, продающих
хлеб ниже полной цены, — оба эти явления развиваются в Англии с начала
XVIII столетия, т. е. с того времени, когда цеховой характер промысла разло-
мился и на спящей номинального мастера-пекаря выдвинулся капиталист в
образе мукомола или торговца мукой⁸². Этим была положена основа
капиталистическому производству, безмерному удлинению рабочего дня и
ночным работам, хотя даже в Лондоне последние получили серьезное
пропорционные лишь с 1824 г.⁸³.

Почему всего предыдущего будет понятно, почему в отчете комиссии под-
мастеря-хлебопеки относятся к категории рабочих с короткой продолжи-
тельностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей
ранней смертности, являющейся нормальным явлением для всех категорий
рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекар-
ный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых
Лондон черпает эти «рабочие силы», являются Шотландия, западные земле-
дельческие округа Англии и Германия.

В 1848 — 1860 гг. пекаря-подмастерья в Ирландии организовали на
освоение средства ряд больших митингов для агитации против ночного
и воскресного труда. Публика с чисто ирландским жаром приняла их сторону,
и это было, например, в 1860 г. на майском митинге в Дублине. Резуль-
татом этого движения явилось успешное проведение исключительно дневного
труда в Wexford'e, Kilkenny, Clonmel'e, Waterford'e и т. д. «В Lime-
rick'e, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую
меру, движение это развилось с сопротивлением хозяев пекарен, особенно же
хозяев мельников. Пример Limerick'a вызвал понятное движение в Ennis
Terrington. В Cork'e, где общественное негодование проявилось наиболее
свое, комиссия разбила движение, воспользовавшись своей властью выбросить
рабочих на улицу. В Дублине хозяева оказали самый решительный отпор и
вследствием подмастерьев, стоявших во главе агитации, принудили осталь-
ных уступить и согласиться на ночной и воскресный труд»⁸⁴. Комиссия
иришского правительства, вооруженного в Ирландии с ног до головы,
обращалась с жалобными представлениями к неумолимым хозяевам пе-
карен Дублина, Лимерика, Корка и т. д. «Комитет полагает, что рабочие
не ограничены естественными законами, которых нельзя нарушать без-
различно. Держа своих рабочих под угрозой расчета, хозяева вынуждают

⁸¹ That Report etc. Evidence. Показание «full priced baker», Cheese-
man, p. 108.

⁸² George Read, The History of Baking. London 1848. В конце
XVII и в начале XVIII века агенты (посредники), проникавшие во всевоз-
можные промыслы, официально квалифицировались как «public nuisances»
[«общественное бедствие»]. Так, например, «Grand Jury» во время четвертой
сессии мировых судей в графстве Somerset вошло в нижнюю палату с пред-
ложением, в котором, между прочим, говорится: «that these factors of
Blackwell Hall are a Public Nuisances and Prejudice to the Clothing Trade
and ought to be put down as a Nuisance». [«Эти агенты Blackwell Hall пред-
ставляют общественное бедствие и вред для торговли платьем и, как бед-
ствие, подлежат искоренению»]. («The Case of our English Wool etc. Lon-
don 1780», p. 6, 7).

⁸³ That Report etc., p. VIII.

⁸⁴ Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861.

у них нарушение религиозных убеждений, неповиновение законам страны, оскорбление общественного мнения (все это относится к воскресному труду), сея таким образом семена вражды между капиталом и трудом, и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к губительным моральным результатам вмешательством в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, у которых отнимаются (are deprived) попечение и опора главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо»⁸⁵.

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону канала, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий, человек плуга, возмущенно указывает на свой 13 — 14-часовой труд, в суровейшем климате, при четырех-часовом сверхурочном труде по воскресным дням (это в стране святителей субботы!)⁸⁶; в то же самое время перед лондонским Grand Jury^{86a} предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирских поездов, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа транспортировала сотни пассажиров на тот свет. Причиной крушения поезда послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных заседателей, что 10 — 12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5 — 6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40 — 50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, мозг их перестает работать, глаза — видеть. В высокой степени «respectable British Jurymen» отвечает на эти показания приговором, предающим их дальнейшему суду за manslaughter (убийство), и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа магнаты от железнодорожного капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого

⁸⁵ Там же

⁸⁶ Публичный митинг сельскохозяйственных рабочих в Lasswade близ Glasgow 5 января 1866 г. (См. «Workman's Advocate» от 13 января 1866 г.). Образование в конце 1865 г. трэд-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии в Buckinghamshire, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9 — 10 до 12 шилл. (Из предыдущего видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его энергичных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в шестидесятых годах, пока, наконец, в 1872 г. не открывает новую эпоху. Во II книге я возвращаюсь к этому предмету, равно как к появившимся после 1867 г. Синим Книгам о положении английского сельскохозяйственного рабочего. *Прибавл. ко 2 изд.*)

^{86a} «Большое Жюри», суд присяжных из 24 присяжных, должен решать, правильно ли возбуждение преследования и должен ли обвиняемый быть предан суду (или, как говорится ниже, «дальнейшему суду»). — К.

количества «рабочих сил» и обнаруживали большее «воздержание» или «саморезервы», или «бережливость» при высасывании покупаемой рабочей силы⁸⁷.

И вот пестрая толпа рабочих всех профессий, возрастов и полов. С большей настойчивостью преследуют они нас, чем тени убитых преследовали Одиссея. Чтобы судить об изнуряющем их чрезмерном труде, достаточно мельком взглянуть на них, не спрашивая даже с Синими Книгами, которые они держат подмышкой. Возьмем две фигуры из этой пестрой толпы: модистку и кузнеца; резкий контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом действительности все люди равны.

В последнюю неделю 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под «сенсационным» заглавием: «Death from simple Overwork» [Смерть исключительно от чрезмерной работы]. Дело шло о смерти 20-летней модистки Mary Anne Walkley, работавшей в весьма почтенной придворной модной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Анна. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторяющаяся история⁸⁸ о том, как эти девушки работают в среднем по 16½ часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющаяся им «рабочая сила» поддерживается время от времени приемами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло приготовить благородным дамам роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльской. Mary Anne Walkley проработала без перерыва 36½ часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, едва ли имевшей 1/3 необходимого кубического содержания воздуха, причем спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых и сейчас отражается посредством досчатых переборок⁸⁹. И это была

«Reynold's Newspaper», 20 января 1866 г. Та же самая еженедельная газета в каждом номере сообщает о целом ряде новых железнодорожных катастроф под «сенсационными заголовками»: «Ужасная и роковая случайность», «Потрясающая трагедия» и т. д. Это вызвало следующий ответ бывшего рабочего с северо-стаффордширской железнодорожной линии: «Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном увеличении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем следующий пример, повторяющийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее по истечении 14 часов 50 минут. Не успел он вынуть чай, как его снова позвали на работу... На этот раз она продолжалась 14 часов 25 минут. Таким образом он проработал без перерыва 29 часов 15 минут. Следующие дни недели были у него заняты таким образом: среда — 15 часов; четверг — 15 часов 35 минут; пятница — 14½ часов; суббота — 14 часов 10 минут, итого 88 часов 40 минут в неделю. После этого не трудно представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что значит жить под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 40 минут? После долгих переговоров ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов» (около 40 коп.). («Reynold's Newspaper», 4 февраля 1866 г.)

⁸⁷ См. F. Engels, Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig 1845, стр. 253, 254. [См. русск. перевод, стр. 231, 232.]

⁸⁸ Доктор Letheby, врач Board of Health (санитарного управления), писал в то время: «Спальня взрослого должна содержать минимум 300 кубических футов воздуха, а жилая комната — минимум 500 кубических футов». Вот что говорит доктор Richardson, главный врач одной лондонской

одна из лучших модных мастерских Лондона. Mary Anne Walkley заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не потрудившись даже, к великому изумлению госпожи Элизы, закончить последнее бальное платье. Врач, господин Кеус, призванный слишком поздно к ее смертному одру, в следующих сухих выражениях давал показания перед «Coroner's Jury» [судом по осмотру трупов]: «Mary Anne Walkley умерла вследствие чрезмерного продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесной, плохо вентилированной спальне». Чтобы дать врачу урок хорошего обращения, «Coroner's Jury» в ответ на его показания заявил: «Скончавшаяся умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д.». Наши «белые рабы», воскликнул по этому случаю «Morning Star», орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, «наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума»⁹⁰. «Зарабатываться до смерти» — вот что стоит в порядке дня не только в модных мастерских, но в тысяче мест, вернее во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он встает на заре и еще до восхода солнца выбивает искры; нет другого человека, который так ел бы, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то, при условии умеренного труда, положение кузнеца действительно одно из самых благоприятных. Но последующая за ним в город и взглядом на то бремя труда, которое везалено на его сильные плечи, — взглядом на то место, которое он занимает в таблицах смертности нашей страны. В Marylebone (один из самых больших городских кварталов Лондона) смертность кузнецов составляет 31 на 1000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безупречное

больницы: «Различные швей: модистки, портнихи, белошвейки, осуждают на тройного рода бедствия: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания, расстройство пищеварения. В общем этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26-ю капиталистами, которые, пользуясь всеми ресурсами силы, даваемой им капиталом (that spring from capital), выжимают из труда экономии (force economy out of labour); он разумет: экономии на издержках, расточая рабочую силу). Их власть чувствует на себе весь этот класс рабочих. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшую круг заказчиц, то конкуренция принуждает ее убиваться дома на работе, чтобы сохранить этих заказчиц, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она умирает с голода дома в маленькой комнатенке или близка к голодной, то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается нищей, которая, если бы она была хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чухотка, которая есть, что иное, как болезнь веледствие плохого воздуха» (Dr. Richardson, Work and Overwork, в «Social Science Review», 18 июля 1863 г.).
⁹⁰ «Morning Star», 23 июня 1863 г. «Times» воспользовался случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. «См.

но, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает его жизненную задачу на одну четверть. Он делает попытку в этом направлении и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода он действительно увеличивает производительную им работу на одну четверть и умирает в 37 лет вместо 50⁰¹.

4. Дневной и ночной труд. Система смен

С точки зрения процесса увеличения стоимости, постоянный капитал, средства производства существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и в каждой капле труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Раз они этого не делают, уже самое существование их представляет для капиталиста отрицательную величину, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они являются бесполезно авансированным капиталом; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает необходимыми дополнительные затраты. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно возобновить днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется смена рабочих сил, пожираемых днем и ночью, — смена, допускающая различные методы, напр., организационная таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю несет дневную работу, другую неделю — ночную и т. д. Как известно, такая система смен,

многие на нас полагают, — говорит «Times», — что до тех пор, пока мы будем мучиваем до смерти работой наших собственных молодых эланий, стращивая их ударами голода вместо свиста кнута, едва ли мы имеем право вознестись громко и молнии против тех семей, члены которых родились рабочими и которые, по крайней мере, хероно кормят своих рабов и требуют от них лишь умеренного труда» («Times», 2 июля 1863 г.). Газета «Standard» разосила в том же духе его преподобие Newman Hall'я: «Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с поразочными словами, которые вставляют работать за собачью плату лондонских кучеров и кондукторов omnibusов и т. д. всего по 16 часов в сутки». Наконец, раздаётся голос оракула, г. Томаса Карлейля, о котором я уже в 1850 г. писал: «В культе гения... гений улетучился, культ остался». В короткой заметке он сводит единственное великое событие современной истории, американскую гражданскую войну, к тому обстоятельству, что Петр с севером и югом сил стремится пробить череп Павлу с юга, так как Петр в северной половине своего рабочего «поденца», а Павел с юга «позитивно» («The American Magazine», The American in Paris, Август 1863 г.). Так допнул, наконец, шальная пузырь торийских симпатий к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Ядро этих симпатий называется

Dr. Richardson. Work and Overwork в «Social Science Review», июль 1863 г.

такое переменное хозяйство господствовало в эпоху пышащего здоровьем; юношеского периода английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовой процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим, при доменных печах, в кузницах, на железорокатных заводах и других металлургических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Трудовой процесс кроме 24 часов шести рабочих дней захватывает здесь по большей части и воскресные сутки. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоого пола. Возраст детей и подростков охватывает все переходные ступени от 8 (в шпых случаях от 6) до 18 лет⁹². В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом.⁹³

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда⁹⁴, непрерывный, длящийся в течение суток процесс производства дает в высшей степени удобный случай для того, чтобы переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет по

⁹² «Children's Employment Commission». Third Report. London 1864. p. IV. V. VI.

⁹³ «В Стаффордшире и в южном Уэльсе молодые девушки и женщины работают в каменноугольных копях и коксовальнях не только днем, но и ночью. В отчетах, представляемых парламенту, это явление не редко отмечалось как причина серьезного и общеизвестного зла. Женщины, работающие вместе с мужчинами и едва отличающиеся от них своей одеждой, покрытые грязью и копотью, подвергаются опасности утратить свой нравственный характер вследствие потери самоуважения, что неизбежно обуславливается несвойственным женщине занятием» (там же, 194, p. XXVI. Сравн. Fourth Report (1865), 61, p. XIII). То же и на стеклянных заводах.

⁹⁴ «Конечно, представляется естественным, — замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей, — что подростки, работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь следующий день слоняться без отдыха» («Children's Employment Commission. Fourth Rep.», 63, p. XIII). Вот что говорит один врач относительно важного влияния солнечного света на сохранение и развитие организма: «Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждающих стимулов утрачивает свой тон, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую кровь и укрепляет новообразовавшиеся фибры. Он влияет так же, как возбуждатель на зрительные органы и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций». Г-н W. Strange, главный врач «General Hospital'a в Worcester'e, из сочинения которого «О здоровье» (1864 г.) мы заимствуем этот отрывок, сообщает в письме к члену следственной комиссии г. White: «Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и вопреки обычному уверению некоторых работодателей я решительно утверждаю, что этот труд скверно наносит ущерб здоровью детей» («Children's Employment Commission. 4-th Report», 284, 55). Одно то обстоятельство, что подобные вещи могут вообще служить предметом серьезного обсуждения, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на «мозговые функции» капиталистов и их приспешников.

большиней части 12 часов ночных или дневных. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета, «поистине ужасен» (truly fearful)⁹⁵. «Никакой человеческий ум, — говорится в отчете, — не может представить себе той меры труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9 — 12 лет, и не прийти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть долее терпимо»⁹⁶.

«Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Неизбежно случается время от времени, что по той или иной причине не явится кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общеизвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: «Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне», — и без всяких колебаний признал отмеченный факт»⁹⁷.

«На одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжается с 11 часов утра до 5½ часов вечера, один мальчик работал четыре ночи подряд по меньшей мере до 8½ часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев». «Другой, в девятилетнем возрасте, работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте — два дня и две ночи подряд». «Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжение остальных ночей». «Четвертый, которому теперь 13 лет, работал целую неделю с 6 часов вечера до 12 часов следующего дня, и иногда три смены одну за другой, например, с утра понедельника до ночи вторника». «Пятый, которому теперь 12 лет, работал на чугунолитейном заводе Staveley с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение двух недель; он уже не способен продолжать такую работу». George Ashworth, девяти лет: «Я пришел сюда в прошлую пятницу. Мы должны были начать работу на следующий день в три часа утра. Поэтому я оставался здесь всю ночь. Я живу в 5 милях отсюда. Спал на полу, подостлав кожаный футрук и прикрывшись короткой курткой. Следующие два дня я приходил в 9 часов утра. Да! Теплое местечко! До моего поступления сюда я целый год работал при доменной печи. Это был очень большой завод в деревне. Моя работа тоже начиналась в субботу с 3 часов утра, но я мог по крайней мере идти спать домой, так как жил недалеко. В другие дни я начинал работу с 6 часов утра, а оканчивал в 6 или 7 часов вечера» и т. д.⁹⁸.

⁹⁵ Там же, 57, р. XII.

⁹⁶ Там же (4-th Report, 1865), 58, р. XII.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, стр. XIII. Уровень развития этих «рабочих сил» неизбежно должен быть таков, как он представляется в следующем диалоге с одним из членов следственной комиссии: «Jeremias Haynes 12 лет... четырежды в день (шести), но четыре четыре (4 fours) шестнадцать... Король для него... У него все деньги и все золото. У нас король; говорят, что он королева,

Посудушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием эксцессы этой системы, злоупотребления ею в целях «жестокого и невероятного» удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее «нормальной» форме.

Вот, что говорят господа Naylor и Vickers, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10% не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работает в ночной смене: «Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 30 — 32 градусов Цельсия... В кузнечной и про-

се называют принцессой Александрой. Говорят, что она вышла замуж за сына королевы. Принцесса, это — мужчина». Wm. Turner, двенадцати лет: «Я живу не в Англии. Полагаю, что такая страна существует, но ничего не знал о ней до сих пор». John Morris, четырнадцать лет: «Я слышал, что бог сотворил мир, и что весь народ утонул, кроме одного человека; я слышал, что этот человек был маленькая птичка». William Smith, пятнадцать лет: «Бог сотворил мужчину; мужчина сделал женщину». Edward Taylor, пятнадцать лет: «Ничего не знаю о Лондоне». Henry Matthewman, семнадцать лет: «Несколько раз бывал в церкви... Одно имя, о котором мне проповедают, это некий Иисус Христос, но других имен я назвать не могу, да и о нем ничего не могу сказать. Он не был убит, а умер, как умирают все люди. Он отличался в некотором роде от других людей, так как в некотором роде был религиозен, а другие не религиозны» (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others is n't). (Там же, 74, стр. XV) «Дьявол — хорошая особа. Я не знаю, где он живет. Христос был злой человек» («The devil is a good person. I dont know where he lives». «Christ was a wicked man»). «Эта девочка (10 лет) вместо God (бог) складывает Dog (собака) и не знала имени королевы» («Children's Employment Commission. 5-th Report», 1866, p. 55, n. 279). Такая же система, как на упомянутых металлургических мануфактурах, господствует на стекольных и бумажных фабриках. На писчебумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует как общее правило для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночную работу, благодаря сменам, безостановочно продолжают всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной смене, работает еженедельно пять дней по 12 часов и один день — 18 часов, а находящийся в ночной смене — 5 ночей по 12 часов и одну ночь — 6 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой попеременно. Одна смена работает 6 часов в понедельник и 18 в субботу, чтобы пополнить 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, занятые на бумагоделательных машинах, работают каждый день недели по 15 — 16 часов. «Эта система, — говорит член следственной комиссии Lord, — как соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда, при двенадцатичасовой системе, им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания обнаруживают, что сверхурочная работа мальчиков и девочек очень часто непрерывно продолжается по 24 и даже по 36 часов. В непрерывном и беспеременном процессе глазирования мозков встретить двенадцатилетних девочек, которые работают целый месяц по 14 часов в сутки «без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех полу часовых перерывов для принятия пищи». На некоторых фабриках, где совсем оставлена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и «это часто в самых грязных, совершающихся при раскаленной температуре и самых монотонных процессах» («Children's Employment Commission. 4-th Report, 1865», p. XXXVIII and XXXIX).

матвей мастерских руки заняты посменно днем и ночью, напротив, во всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часов утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рук работает постоянно ночью, без смены дневного и ночного труда... Мы не находим, чтобы дневной и ночной труд оказывали различное влияние на здоровье (господ Naylor'a и Vickers'a?), и вероятно люди спят лучше, когда отдых наступают в одно и то же время, чем когда оно изменяется... Около двадцати мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... Мы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение — увеличение издержек производства. Искать руки и руководителей отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения»⁹⁹.

Господин J. Ellis, от фирмы господ John Brown and Co, стале- и железодобывательных заводов, на которых занято 3 000 мужчин и подростков, частью часть тяжелых работ по выделке стали и железа производится «сменами днем и ночью», заявляет, что в трудных сталепрокатных отделениях на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 600 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около 1/3, моложе 13 лет. Относительно проектированного изменения в законе господин Ellis говорит: «Я не думаю, что было бы очень предосудительно (very objectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрепятствующий вообще применению труда детей, не достигших 13 или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы дневной труд подростков, уже работающих у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как фабричные рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд в промежутком в неделю не приносит вреда. (Господа Naylor и Vickers, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не непрерывный, а как раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред.) Мы видим, что люди, занятые ночным трудом попеременно с дневным, все же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрещения ночного труда подростков моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание. (Какой бессмысленный цинизм!) Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, что было бы позволительно требовать от промышленности (the trade) при должном внимании к ее успехам. (As the trade with due regard to its being successfully carried out could fairly bear! Какая клеветническая физиология!) Труд здесь редок, а при таком регулировании он не мог бы сделаться недостаточным» (т. е. Ellis, Brown and Co могли бы обойтись в фатальное положение: полностью уплачивать стоимость рабочей силы».

⁹⁹ Fourth Report etc., 1865, 79, p. XVI.

¹⁰⁰ Там же, 80, p. XVI.

«Сталелитейные и железодельные заводы «Циклоп» господ Sammel and Co ведутся в таком же крупном масштабе, как предприятие у вышеупомянутых John Brown and Co. Заведующий делами директор вручил правительственному комиссару White свои письменные свидетельские показания, но потом нашел целесообразным утаить рукопись, возвращенную ему для пересмотра. Однако господин White обладает хорошей памятью. Он очень хорошо помнит, что для этих господ циклопов воспрещение ночного труда детей и подростков является «невозможной вещью; это было бы равносильно прекращению их заводов», и при всем том в их предприятии насчитывается немало более 6% подростков до 18 лет и лишь 1% моложе 13 лет!¹⁰¹

Господин E. F. Sanderson, от фирмы Sanderson, Bros and Co, сталелитейных, железопрокатных и кузнечных заводов в Attercliffe, следующим образом высказывается по тому же вопросу: «Большие затруднения повлекло бы за собою воспрещение ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не сумел бы сказать, во что обошлось бы это, но вероятно увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно убыток пал бы на него, так как рабочие (что за упрямый народ!), конечно, отказались бы его нести». Господин Sanderson не знает, сколько он платит детям, но, «вероятно», это составляет от 4 до 5 шилл. на думу в неделю... Труд детей таков, что для него вообще («generally», конечно, не всегда «в частности») совершенно достаточно силы подростков, а потому большая сила взрослых рабочих не дала бы никакой выгоды, которая могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень тяжелым металлом. Взрослым рабочим в свою очередь не улыбалось бы, если бы они не имели в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того, мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели». Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего «ремесла» днем? Ваши основания? «Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую неделю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из них извлечь. А именно, то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешево получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли. Другими словами, господа Sanderson'ы должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана, вместо того чтобы уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Sanderson'ов при этом несколько пополнилась бы, и это служит для Sanderson'ов достаточным основанием, почему подростки не должны изучать свое ремесло днем!¹⁰² Кроме того это

¹⁰¹ Там же, 82, р. XVII.

¹⁰² «В наше время, склонное к рефлексии и резонированию, не должно пойти тот, кто не сумеет привести достаточного основания для чего бы ни было, хотя бы для самого дурного и извращенного. Все, что на свете

стало бы регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые сменятся подростками, и они не выдержали бы этого. Коротко говоря, нарушения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. «Что касается собственно производства стали, — говорит E. F. Sanderson, — то это не составило бы никакой разницы, но!» Но господам Sanderson'ам есть о чем побеспокоиться кроме производства стали. Производство стали это — только предлог для производства прибыли. У плавильных печей, прокатных мастерских и т. д., у строений, машин, железа, угля и т. д. есть дело поважнее, чем превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы впитывать прибавочный труд, а впитают они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание печи даст Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют чистый убыток для Сандерсонов, если только их функция впитывания труда прерывается. «Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки». Но почему так раз эти Сандерсоны заявляют притязание на привилегию по сравнению с другими капиталистами, которым позволено работать только днем и у которых строения, машины, сырой материал ночью «бездействуют»? «Это правда, — отвечает E. F. Sanderson от лица всех Сандерсонов, — это правда, что потому, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на всю мануфактуру, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их поддерживать в ходу, растрачивается топливо (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), если же их не поддерживать в ходу, теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру (тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигранным рабочим временем для всей сандерсоновской братии), да и сами печи пострадали бы от перемен температуры» (тогда как те же печи несколько не страдают от дневной и ночной смены труда)¹⁰³.

подробно, спорчено на достаточных основаниях» (Hegel, Enzyklopädie. Dritter Teil: Die Logik, Berlin 1840, стр. 249).

«Children's Employment Commission. 4-th Report etc.», 1865, стр. 85. Подобным же образом господин фабрикант стекла выразил нежное сомнение по поводу того, чтобы определение «регулярного времени для обеда» детей было возможно, так как это повело бы к «чистой потере» и «расточению» определенного количества теплоты, излучаемой печами. На это член следственной комиссии White, совершенно не похожий на Ure, Senior'a и т. д. не только немецкие подголоски в роде Рошера и других, расторопных, «благородных», «самоотречением» и «бережливостью» капиталистов в расходе своих денег и их тимур-тамерлановской «расточительностью» в растратывании человеческой жизни, дает такой ответ: «Если и будет растратываться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теплотой вследствие того, что будет обеспечено регулярное обеденное время, то такая растрата, даже выраженная в денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы («the waste of animal heat»), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, занятые на стеклянных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют сво-

5. Борьба за нормальный рабочий день. Припудительные законы об удлинении рабочего дня с половины XIV до конца XVII столетия

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? До каких пределов может быть удлинён рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собою разумеется, что рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и, следовательно, должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого для образования человека, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране святителей субботы,¹⁰⁴ — все это один пустой вздор! Но при своем безграничном сле-

бодного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу» (там же, стр. XLV). И это в «год прогресса», 1865! Мы не говорим уже о том; какая затрата силы требуется на то, чтобы поднимать и переносить тяжести на заводах, выделывающих бутылки и флинт-глас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен сделать в продолжение 6 часов 15 — 16 (английских) миль! А работа продолжается часто 14 — 15 часов! На многих из таких стеклянных заводов господствует, как на московских прядильнях, система шестичасовых смен. «В продолжение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых продолжается 6 часов. Но этому следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом в действительности остается лишь самое непродолжительное время для отдыха. Если не урывать времени у сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо детям, занятым таким напряженным трудом в столь горячей атмосфере... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем — доходящим извне шумом». Г-н White приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до двух часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа!), чтобы затем снова приняться за дневную работу! «Количество работы, — говорят редакторы общего отчета Trevesheere и Tufnell, — выполняется мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или трудовой смены (spell of labour), прямо баснословно» (там же, стр. XLIII и XLIV). А между тем «преисполненный самоотречения» капитал отенло промышленности, кошатываясь от португяна, возвращается поедно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never shall be slaves!» (Нет, никогда не будут британцы рабами!)

¹⁰⁴ В различных местах Англии, напр., до сих пор еще нет-нет да и приговаривают какого-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что работая в садике перед своим домом, он оскорбляет святость субботы. Тот же самый рабочий накаивывается за нарушение контракта, если не пойдет в воскресенье, хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, писчебумажную или стеклянную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости субботы, если такое совершается в «процессе увеличения стоимости» капитала. В одной записке

ном стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он урезывает обеденное время и по необходимости включает его в самый процесс производства, так что ницца рабочему как простому средству производства, подобно тому, как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить вконец истощенный организм. Таким образом не первостепенное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы естественно насильственна и мучительна ни была она, ставит границы для отдачи рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели в ограниченном жизни рабочей силы, как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к разрушению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы¹⁰⁵. Оно удлиняет время производства для рабочего в течение определенного срока, приводя таким образом к сокращению продолжительности его жизни.

Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого домогается капитал в своем безграничном стремлении к монополизации, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становление необходимым более быстрое возмещение сношенных рабочих сил, т. е. воспроизводство рабочей силы должны входить более крупные издержки производства: совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно амортизируемая воспроизводству, тем больше, чем быстрее снашивается ма-

сина (1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле и итн., требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье 8 — 10 часов. Из той же записки видно, что этот «воскресный труд» воспринимается как раз изысканной гастрономией аристократического общества из Exeter Hall'я [место собраний ханжеской Лондона. — И.]. «Самые ревностные в «cute curanda» [в заботах о своем физическом благополучии], просят свою христианскую душу в том смысле, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих» [«Omnium ventri istis (рабочим) perniciosius est [разгул для них (рабочих) много губнее)].

В предыдущих отчетах мы дали отзывы различных опытных фабрикантов относительно того, что чрезмерный труд... несомненно ведет к преждевременному истощению человеческой рабочей силы» (там же, 64, стр. 111).

пина: Таким образом собственный интерес капитала как будто указывает ему на установление нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Вместе с рабом он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке. Но «какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Георгии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных рассадников негров в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, по введению торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как раз его можно возместить новым рабом, привезенным из чужих рассадников негров, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как раз в странах тропической культуры, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантации, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы считаются миллионами, и плантаторы выглядят, как князья, значительная часть рабов ежегодно прямо истребляется вследствие не только крайней грубости пищи и непрерывного изнурительного мучительства, но и вследствие медленного истязания чрезмерным трудом и недостатком сна и отдыха»¹⁰⁶.

Mutato nomine de te fabula narratur! [Под другим именем о тебе рассказывается здесь эта история!] Заменяем торговлю невольниками — рабочим рынком, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией! Мы видели, как опустошает чрезмерный труд ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рабочий рынок всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, как мы видели, одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли недостаток в гончарах? Josiah Wedgwood, изобретатель современной гончарной промышленности, сам по происхождению обыкновенный рабочий, заявил в 1785 г. перед палатой общин, что вся мануфактура занимает от 15 до 20 тысяч человек¹⁰⁷. В 1861 г. население одних горючих центров этой промышленности в Великобритании составляло 101 000 человека. «Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет. В период времени, соответствующий трем поколениям английской расы, она поглотила девять поколений хлопчатобумажных рабочих»¹⁰⁸. Приведем в отдельные эпохи лихорадочного подъема рабочий рынок обнаружил серьезные пробелы. Так было, например, в 1834 г. Но тут господа фабри-

¹⁰⁶ J. C. Cairns, *The Slave Power*. London 1862, p. 110, 111.

¹⁰⁷ John Ward, *History of the Borough of Stoke-upon-Trent*. London 1843, p. 42.

¹⁰⁸ Речь Ферранда в палате общин 27 апреля 1863 г.

гитты предложили Poor Law Commissioners [учреждениям о бедных] направлять «избыток населения» земледельческих округов на север, заявив, «что оно будет поглощено и потреблено фабрикантами»¹⁰⁹. Таковы были их подлинные слова. «С согласия Poor Law Commissioners были посланы агенты в Манчестер. Были изготовлены и вручены этим агентам списки земледельческих рабочих. Фабриканты бросились в бюро и после того, как они выбрали себе то, что им требовалось, целые семьи были отправлены с юга Англии. Эти человеческие грузы были доставлены с ярлыками, подобно таким товаров, по каналам и в фурах; некоторые прибыли пешком, многие свалились с пути и полуголодные бродили по мануфактурным округам. Это привело размеры настоящей отрасли торговли. Палата общин сочтет это почти невероятным. Такая регулярная торговля, такое барышничество человеческим мясом продолжались непрерывно, и люди/покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерским фабрикантам с той же правильностью, как негры продаются плантаторам хлопка в южных штатах... 1860 год является кульминационным пунктом хлопчатобумажной промышленности... Глобна недоставало рабочих рук. Фабриканты снова обратились к агентам по продаже человеческого мяса, как их называли, и последние обшарили все дюны Devon'a, холмы Devon'a, равнины Wilts'a, но избыток населения был уже по-прежнему». «*Вигу Guardian*» горько жаловался, что по заключении англо-французского торгового договора могло бы быть поглощено 10 000 добавочных рук, а вскоре их потребовалось бы еще 30 — 40 тысяч. После того, как агенты и субагенты, занятые торговлей человеческим мясом, довольны-таки безуспешно обшарили в 1860 г. земледельческие округа, депутация фабрикантов обратилась к господину Villiers, председателю Poor Law Board (высшего учреждения по делам о бедных), с просьбой снова разрешить им брать на фабрики сирот и детей бедняков из работных домов¹¹⁰.

В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый

¹⁰⁹ «Буквально так звучало заявление хлопчатобумажных фабрикантов (там же).

¹¹⁰ Там же. Несмотря на всю свою предупредительность по отношению к фабрикантам, Villiers был поставлен «законом» в необходимость отказать их домогательствам. Однако эти господа достигли своей цели благодаря услужливости местных попечительств о бедных. Фабричный инспектор господин А. Redgrave уверяет, что на этот раз «не было допущено прежних злоупотреблений» — об этих «злоупотреблениях» см. у Engels'a, «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», Leipzig 1845 [См. Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата в его классовой борьбе. М. Гиз. 1928.] — в «системе», при которой сироты в свои науперов [бедных] «по закону» считаются учениками (apprentices). Конечно, конечно, в одном случае «злоупотребление системой было допущено по отношению к девочкам и молодым женщинам, доставленным из земледельческих округов Шотландии в Ланкашир и Чешир». «Система» состоит в том, что фабрикант заключает с администрацией домов для призрения рабочих контракт на определенный срок. Он обязан доставлять детям пищу, одежду и жилище и давать им небольшую приплату деньгами. Странно звучит следующее замечание г. Redgrave'a, особенно если принять во внимание, что дело среди годов процветания английской хлопчатобумажной промышленности 1860 г. стоит особняком, и что заработная плата достигла необычно высокого уровня, так как чрезвычайный спрос на рабочих столкнулся с уменьшением населения Ирландии, беспримерной эмиграцией из английских и ирландских земледельческих округов в Австралию и Америку, с положительным уменьшением населения в некоторых английских земледельческих

данный момент потребностью капитала в увеличении своей стоимости, хотя перенаселение это и составляется из захилевших, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений¹¹¹. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, возникшее, выражаясь исторически, всего лишь со вчерашнего дня, уже успело в самый корень подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением примитивно-крепких жизненных элементов деревни, и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и безграничное господство среди них принципа естественного отбора, благодаря которому выживают лишь наиболее сильные индивидуумы¹¹². Если капитал имеет столь «достаточные основания» отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспектива будущего вырождения человечества, т. е. в конце концов, неизбежного его вымирания, так же мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что

округах, что было отчасти следствием успешно достигнутого подрыва жизненной силы, отчасти же следствием того, что торговцы человеческим мясом уже использовали все избыточное население. И, несмотря на все это, г. Redgrave говорит:

«Тем не менее труд этого рода (труд детей из домов для призрения бедных) применяется лишь тогда, когда нельзя найти никакого другого, так как он дорог (high-priced labour). Обычная заработная плата подростка от 13 лет равняется приблизительно 4 ш. в неделю; но дать пищу, одежду и жилище 50 или 100 таким подросткам, обеспечить им врачебную помощь и надлежащий надзор, да сверх того давать им маленькую приплату деньгами, — для этого 4 ш. на человека в неделю недостаточно» («Reports of the Insp. of Factories for 30-th April 1860», p. 27). Господин Redgrave забывает сказать, каким образом сам рабочий может доставить все это своим детям на их заработную плату в 4 ш., раз фабрикант не в состоянии этого делать для 50 или 100 мальчиков, которые живут вместе и пользуются общим содержанием и надзором. Во избежание ложных заключений, которые могут быть сделаны на основании текста, я должен еще заметить, что со времени подчинения английской хлопчатобумажной промышленности фабричному закону 1850 г., который урегулировал рабочий день и т. д., ее следует рассматривать как образцовую промышленность Англии. Английский хлопчатобумажный рабочий стоит во всех отношениях выше своего континентального сотоварища по судьбе. «Прусский фабричный рабочий работает по меньшей мере на 10 часов в неделю больше, чем его английский соперник, а если он работает у себя на дому на своем собственном ткацком станке, то отпадает и эта граница добавочных рабочих часов» («Reports of Insp. of Fact. 31-st Oct. 1855», p. 103). Упомянутый выше фабричный инспектор Redgrave после промышленной выставки 1851 г. отправился на континент, в частности во Францию и Пруссию, чтобы исследовать фабричные порядки этих стран. Вот что говорит он о прусском фабричном рабочем: «Он получает заработную плату, достаточную для приобретения той простой пищи и того крошечного комфорта, к которым он привык и которыми довольствуется... Живет он хуже и работает больше, чем его английский брат» («Reports of Insp. of Fact. 31-st Oct. 1855», p. viii).

¹¹¹ «От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой на места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена людей не производит никакого изменения на сцене» («England and America», London 1833, vol. I, 55 — автор — E. G. Wakefield).

¹¹² См. «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council. 1863». Опубликовано в Лондоне в 1864 г. Этот отчет трактуется как раз о сельскохозяйственных рабочих. «Графство Sutherland изображает

иногда когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать непогоду дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le déluge!* [После нас хоть потоп] вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению¹¹³. На жалобы относительно физического и духовного искажения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. Свободная конкуренция дает знать отдельному капиталисту об имманентных законах капиталистического производства, как о принудительном внешнем законе¹¹⁴.

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, напр., англий-

ский типос, в котором сделаны серьезные улучшения, однако недавнее исследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотой мужчин и храбростью солдат, население вырождено в физическую и захлившуюся расу. В наиболее здоровых приморских местностях, расположенных по склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как могли бы они быть только в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского «искоулка» (Thornton, *Overpopulation and its Remedy*. London 1844, p. 74, 75). Они в сущности похожи на те 30 000 «gallant Highlanders» [гордых горцев], которых Глазго сбивает в одну кучу вместе с проститутками и ворами в своих wunds и closes [трусобах и вертепах].

¹¹³ «Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, мы боимся, что, как приходится признавать, капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Бережное отношение к здоровью рабочих было вынуждено у фабрикантов» («Times», 11 ноября 1861 г.). «Мужчины West Riding'a превратились в сукошников для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не наступила реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.» (Report of the Registrar General for Oktober 1861).

¹¹⁴ Поэтому мы видим, например, что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарными в Staffordshire'e, в том числе и J. Wedgwood с партнерами, ходатайствует о «властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произвести каких-либо бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т. д. «Сколько бы мы ни советовали поэтому на упомянутое выше зло, невозможно было бы устранить посредством своего рода соглашения фабрикантов между собою... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходимо принудительный закон» («Children's Employment Commission. 1-st Report 1863», p. 322).

Добавление 2-го изд. к прим. 114. Еще более поразительный пример берет нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка, в период аномального хода дел, побудили владельцев бумаготкацких фабрик в Westlinton'e по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на известный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых приращение соединялось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того чтобы расширить свое собственное дело и извлечь таким образом большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться отстаиванием за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!

ское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами [statutes of labourers], начиная с XIV и до половины XVIII века¹¹⁵. В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Но и то сказать, притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он находится лишь в процессе образования и обеспечивает свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда, опираясь не просто на силу экономических отношений, но и на содействие государственной власти, — эти притязания представляются до чрезвычайности скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы «свободный рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями предоставлять за цену средств привычного существования все активное время своей жизни, даже самую работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки. Поэтому весьма естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с половины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, в штате Миссиссиппи, до недавнего времени самом свободном штате северо-американской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в половине XVII века было нормальным рабочим днем цветущих здоровьем ремесленников, дюжих сельскохозяйственных батраков и богатей-кузнецов¹¹⁶.

Непосредственным поводом к изданию первого «Statute of Labourers» (23, Edward III, 1349)^{116a} (не причиной, потому что законодательство такого рода

¹¹⁵ Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, в Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими отношениями производства.

¹¹⁶ «Ни одно дитя моложе 12-летнего возраста не должно работать в каком бы то ни было мануфактурном учреждении более 10 часов в сутки («General Statutes of Massachusetts», 63, ch. 12. — Постановления эти были изданы в 1836 — 1858 гг.). «Труд в продолжение десяти часов в сутки во всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, писчебумажных, стекольных, полотняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного малолетнего, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю, и чтобы отныне ни один малолетний, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата» («State of New Jersey. An act to limit the hours of labour etc. 61 и 62». — Закон 11 марта 1855 г.). «Воспрещается заставлять работать в каком бы то ни было промышленном предприятии малолетних 12 — 15-летнего возраста более 11 часов в сутки, притом ранее 5 часов утра и позже 7½ часов вечера» («Rhode Island Statutes of the State of Rhode Island etc. Ch. 39, § 23, 1-st July 1857»).

^{116a} Статутом, или актом, в Англии называется закон, изданный парламентом. Законопроект называется биллем. Законы, принятые в известную парламентскую сессию, обозначаются последовательными номерами, с присоединением имени короля и года его управления. Таким образом 23, Edward III значит, что закон издан в 23-й год управления Эдуарда III. — П.

продолжает существовать целые столетия после того, как повод исчезнет) послужила великая чума, настолько уменьшившая население, что, по словам одного писателя-тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) поистине стала невыносима»¹¹⁷. Поэтому закон начал принудительно диктовать разумную заработную плату, равно как и пределы рабочего дня. Последний пункт, который только нас здесь и интересует, принудительное установление рабочего дня, повторен в статуте 1496 г. (при Генрихе VII). Рабочий день всех ремесленников (*artificers*) и сельскохозяйственных рабочих с марта до сентября должен был продолжаться — чего, однако, так и не удалось провести на практике — с 5 часов утра до 7—8 часов вечера, но при этом время, назначенное на еду, составляло 1 час на завтрак, $1\frac{1}{2}$ часа на обед и $\frac{1}{2}$ на полдник, т. е. как раз вдвое больше того, что назначает действующий в настоящее время фабричный закон¹¹⁸. Зимой работа должна была продолжаться с теми же перерывами от 5 часов утра до сумерек. Статут Елизаветы от 1562 г. для всех рабочих, «наймных как подорожно, так и понеделью», не изменяет продолжительности рабочего дня, но старается ограничить время перерывов $2\frac{1}{2}$ часами для лета и двумя часами для зимы. Обед должен продолжаться только один час, а «получасовой позволительный сон» разрешается лишь с половины мая и до половины августа. За каждый час отлучки вычитается из заработной платы 1 пенни (около 1 копейки). Однако на практике обстоятельства были много благоприятнее для рабочих, чем по статутам. Вильям Петти, отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики, говорит в одном сочинении, опубликованном им в последнюю треть XVII века: «Рабочие (*labouring class*, в то время собственно сельскохозяйственные рабочие) работают по 10 часов в сутки и едят 20 раз в неделю, а именно три раза в день по будням и два по воскресеньям; отсюда ясно, что, если бы они захотели поспешить и пятницу вечером и употребляют на обед $1\frac{1}{2}$ часа, тогда как теперь они употребляют на него 2 часа, от 11 до 1 часа, т. е. если бы они на $\frac{1}{20}$ времени больше работали и на столько же меньше потребляли, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть $\frac{1}{10}$ часть упомянутого выше налога»¹¹⁹. Не прав ли был доктор Andrew Ure, когда он кричал, что двенадцатичасовой билль 1833 г. представляет возврат к мраку прошлого? Конечно, постано-

¹¹⁷ «*Sophisms of Free Trade*» 7-th edit. London 1850, p. 205. Тот же тори, moreover, добавляет: «Парламентские акты, регулировавшие заработную плату и ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода в 464 года. Население возросло. Законы эти стали теперь излишними и обременительными» (там же, стр. 206).

¹¹⁸ По поводу этого статута J. Wade справедливо замечает: «Из статута 1496 г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным $\frac{1}{3}$ дохода ремесленника и $\frac{1}{2}$ дохода сельскохозяйственного рабочего, а это показывает, что в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища сельскохозяйственных и мануфактурных рабочих составляет более важную часть их заработной платы» (J. Wade, *History of the Middle and Working Classes*. 3-rd ed. London 1835, p. 24, 25, 577). Что касается времени, будто бы эта разница объясняется разницей между ценою пищи в разные годы и тогда, то оно опровергается самым поверхностным знанием с «*Chronicon Pretiosum etc.* By Bishop Flewood 1-st edit. London 1707. 2-nd edit. London 1745».

¹¹⁹ W. Petty, *Political Anatomy of Ireland*, *Verbum Sapienti*, 1672. Ed. 1691, p. 10.

вления статуты и те, о которых упоминает Петти, распространяются и на «apprentices» (учеников). Но как именно обстояло дело с детским трудом еще в конце XVII века, об этом можно судить по следующей жалобе: «Наши юноши в Англии ничего не делают до самого того времени, когда поступают в ученики; вследствие этого им требуется, конечно, много времени — семь лет — для того, чтобы сделаться хорошими ремесленниками». Германия, напротив, расхваливается за то, что там дети с колыбели «приучаются немного хотя бы к какой-нибудь работе»¹²⁰.

Еще в продолжение большей части XVIII века, до эпохи крупной промышленности, английскому капиталу не удавалось, уплачивая недельную стоимость рабочей силы, захватить всю неделю рабочего, — исключение составляют, впрочем, сельскохозяйственные рабочие. То обстоятельство, что рабочие могли просуществовать целую неделю на четырехдневную заработную плату, не представлялось им достаточным основанием для того, чтобы работать на капиталиста и остальные два дня. Английские экономисты одного направления, состоявшие на службе у капитала, самым неистовым образом нападали на рабочих за такое своекорыстие; экономисты другого направления защищали рабочих. Послушаем, напр., полемику, между Postlethwayt'ом, торговый словарь которого пользовался в то время такою же славой, как и настоящее время аналогичные сочинения Мак Куллоха и Мак Грегора, и цитированным выше автором «Essay on Trade and Commerce»¹²¹.

¹²⁰ «A Discourse on the Necessity of Encouraging Mechanic Industry. London 1689», p. 13. Маколей, подделавший английскую историю в интересах выгов и буржуазии, пускается в следующие декламации: «Обычай преждевременно засаживать детей за работу господствовал в XVII веке в почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности степени. В Norwich'e, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные писатели того времени — между ними многие почитались в высшей степени благомыслящими — с exultation (восторгом) упоминают о том, что в этом городе трудом одних мальчиков и девочек создается богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает наш век чреватым новыми социальными бедствиями. Что такое, так это интеллигенция, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исповедующая их» («History of England», vol. I, p. 419). Маколей мог бы только порассказать о том, что «в высшей степени благомыслящие» amis du commerce [друзья торговли] XVII века с «exultation» повествуют о том, как в одном доме для призора бедных в Голландии заставляли работать 4-летнего ребенка, причем этот пример «vertu mise en pratique» [практической добродетели] фигурирует во всех сочинениях представителей гуманизма à la Mascalau до времени А. Смита. Правда, с возникновением мануфактуры в отличие от ремесла появляются признаки эксплуатации детей, которая до известной степени существовала у крестьян и получала тем большее развитие, чем тяжелее был гнет, тяготеющий над земледельцем. Тенденция капитала ясна, но сами факты носят еще такой же исключительный характер, как появление на свет двухголовых детей. Поэтому то истинные предчувствия будущего «amis du commerce» с «exultation» обрисовывали эти факты в назидание современников и потомства, как нечто особенно замечательное и достойное удивления, и рекомендовали их для подражания. Тот же самый шотландский сикофант и красноречивый Маколей говорит: «В настоящее время мы слышим только о регрессе, видим же мы только «прогресс». Что за глаза, а главное что за уши!»

¹²¹ Наиболее злостным из всех обвинителей рабочих является упомянутый в тексте анонимный автор «An Essay on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc». London 1770. Еще раньше он выступил

Postlethwayt говорит между прочим: «В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую приходится слышать от слишком многих, будто бы рабочий [industrious poor], или он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходят к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые средства существования, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ломают копыта за вечное рабство рабочего населения этого королевства (the perpetual slavery of the working people); они выхваляют поговорку об «all work and no play» [makes Jack a dull boy, — работа, не чередуясь с игрой, притупляет]. Не гордятся ли англичане гениальностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщий кредит и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы они были принуждены работать сплошь целый год, все шесть дней в неделю, исполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко вымученных животных (hard driven animals)?.. Многие из них выполняют в 4 дни такое количество работы, какое француз выполнит лишь в 5 — 6 дней. Но если англичане должны обратиться к рабочим, подавленным вечным трудом, то можно опасаться, что они вырождаются (degenerate) еще больше, чем французы. Если народ наш славит своей военной доблестью, то разве мы не скажем, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы большая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий существования, из которых одинаково происходят как их искусство в работе, так и их муже-

ство 123

На это автор «Essay on Trade and Commerce» дал следующий ответ:

Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим предполагается, что остальные дни недели принадле-

жат в своем сочинении «Considerations on Taxes», London 1765. Сюда же относится отчасти и Артура Юнга, невыразимого болтуна, Полония в статистике. Среди защитников рабочих выделяются: Jacob Vanderlint в «Money answers all things», London 1734, Reverend Nathaniel Forster D. D. в «An Enquiry into the Causes of the Present Price of Provisions», London 1767, в «Price» и особенно Postlethwayt, как в одном прибавлении к его «Universal History of Trade and Commerce», так и в «Great Britain's Commercial Interests explained and improved. 2-nd edit.», London 1775. Самые факты констатирует многие другие писатели того времени, между прочим Josiah Tucker.

Postlethwayt. Там же, First Preliminary Discourse, p. 14.

жат труду (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу) и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, нельзя называть жестокостью... Что человечество в общем от природы питает склонность к спокойствию и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работает в среднем не более 4 дней в неделю за исключением случаев вздорования средств существования... Предположим, что бушель пшеницы представляет все средства существования рабочего, что он стоит 5 ш., и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю; и всего 4 дня, если бушель стоит 4 ш. Но так как в этом королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой средств существования, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы выяснить, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши земледельческие рабочие работают как раз 6 дней в неделю, и по всем признакам это — счастливейшие из рабочих (labouring poor)¹²³, голландцы постольку же дней работают в мануфактурах, и повидимому очень счастливый народ. Французы поступают так же, поскольку этому не препятствуют многочисленные праздники, которыми прерываются рабочие дни...¹²⁴ Но наша чернь крепко вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам по праву рождения, принадлежит привилегия пользоваться большею свободой и независимостью, чем [рабочему народу] в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя независимыми от своих начальников («independent of their superiors»)... Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленном государстве, как наше, в котором, быть может, $\frac{7}{8}$ всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем ее не имеют...¹²⁵ Полного излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная беднота не подчинится необходимости работать в продолжение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в 4 дня¹²⁶. В этих целях, равно как и для искоренения лениости, распутства и романтических бредней о свободе», а также, для уменьшения расходов на бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах», наш верный Эккарт капитала предлагает испытанное средство, заключающееся в том, чтобы запира́ть рабочих, обращающихся к обще-

¹²³ «An Essay etc.». Он сам на стр. 96 рассказывает, в чем заключалась уже в 1770 г. «счастье» английских земледельческих рабочих. «Их рабочая сила («their working powers») всегда напряжена до крайности («on the stretch»); они не могли бы ни жить хуже, чем живут («they cannot live cheaper than they do»), ни работать больше» («nor work harder»).

¹²⁴ Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни.

¹²⁵ «An Essay etc.», p. 15, 41, 55, 57, 69, 96, 97.

¹²⁶ Там же, p. 69. Еще в 1734 г. Jacob Vanderlint разъярил, что тайна всех жалоб капиталистов на лень рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо 4.

строшной благотворительности, т. е. пауперов, в «идеальный рабочий дом» (или *ideal workhouse*). «Такой дом должен быть сделан домом ужаса» (*house of terror*).¹²⁷ В этом «доме ужаса», в этом «идеальном *workhouse*» работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время для еды, так что остается целых 12 часов труда»¹²⁸.

Двенадцатичасовой рабочий день в «*ideal workhouse*», в доме ужаса 1770 г.! Шестидесять три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех отраслях фабрик уменьшил до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, можно было подумать, что пробил последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Л. Бонапарт, чтобы упрочиться в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: «Закон, ограничивающий рабочий день 12 часами, — это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!»¹²⁹. В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12-ю часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была уменьшена с 12½ до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена тоже до 12 часов¹³⁰. Какой «прогресс с 1770 года», в «*exhibition*» воскликнул бы Маколей!

«Дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., осуществился несколько лет спустя в виде исполинского «рабочего дома» для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал поблдедел пред действительностью...

¹²⁷ Там же, стр. 242: «Такой идеальный рабочий дом следует сделать «домом ужаса», а не пристом для бедных, где они получали бы обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают».

¹²⁸ «In this ideal workhouse the poor shall work 14 hours in a day, allowing proper time for meals, in such manner that there shall remain 12 hours of neat labour» (там же). «Французы, — говорит он, — смеются над нашими вообразившими идеями о свободе» (там же, стр. 78).

¹²⁹ «Они возражали, главным образом, против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики» (*Reports of Insp. of Fact. 31-st Octob. 1856, p. 80*). Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, написанное в интересах буржуазии издание декрета 2 марта 1848 г., изданного временным правительством, распространяет свое действие на все исторические без различий. До этого закона рабочий день во Франции был ограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам. См. «*Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Par M. Blanc*». Господину Бланки, — экономисту, а не революционеру, — было поручено правительством произвести анкету о положении рабочих.

¹³⁰ II в деле регулирования рабочего дня Бельгия оказывается образцом буржуазным государством. Лорд Howard de Welden, английский представитель в Брюсселе, сообщает английскому Foreign Office [министерству иностранных дел] от 12 мая 1862 г.: «Министр Rogier заявил мне, что детский труд не ограничивается каким бы то ни было образом ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет каждую сессию носилось с мыслью внести в палату законопроект по этому предмету, но всегда встречало непреодолимое препятствие в истинном страхе, с которым относятся ко всякому законодательству, противоречащему принципу полной свободы труда!»

6. Борьба за нормальный рабочий день. Принудительное ограничение рабочего времени. Английское фабричное законодательство 1833 — 1864 гг.

После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня,¹³¹ со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающую все преграды, движение в этой области. Всякие пределы, которые ставятся правами и природой, возрастом и полом, сменной днн и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить в порядке судебного решения, что такое день и что такое ночь.¹³² Капитал справлял свои оргии.

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, оставались чисто номинальными. Парламент издал 5 законов о труде за время 1802 — 1833 гг., но был настолько лукав, что не вотировал ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый персонал чиновников и т. д.¹³³ Они остались мертвой буквой. «Факт тот, что до закона 1833 г. дети и подростки вынуждали

¹³¹ «Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться над работой по 12 часов ежедневно. Если выключить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и обратно, то это составляет в действительности 14 из 24 часов в сутки... Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся, начиная с раннего 13-летнего возраста, а в «свободных» отраслях промышленности и с еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного пользования жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга» (Leonhard Horner в «Reports of Insp. of Fact. for 31-st December 1841»).

¹³² См.: «Judgment of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860».

¹³³ Весьма характерным для режима Людовика Филиппа, этого короля буржуазии [«король-буржуа»], является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8 — 12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12 — 16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допуская даже ночной труд даже для восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению было предоставлено доброй воле «amis de commerce» [«друзей торговли»], — это в стране-то, где каждая мышь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном единственном департаменте, Département du Nord, учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является на-

работать («were worked») всю ночь, весь день или же и день и ночь ad libitum» [по произволу]¹³⁴.

Только со времени фабричного закона 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!

Закон 1833 г. объявляет, что обыкновенный рабочий день на фабрике должен начинаться в 5½ часов утра и оканчиваться в 8½ часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешает пользоваться трудом подростков (т. е. лиц в возрасте от 13 до 18 лет) в какое бы то ни было время дня, однако при том непременном условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Отдел 6-й акта постановляет, «что в течение каждого дня каждому лицу, рабочее время которого ограничено, должно быть предоставляемо, по крайней мере, 1½ часа на еду». Воспрещалось применять труд детей до 9-летнего возраста за единственным исключением, о котором будет упомянуто ниже; труд детей 9 — 13-летнего возраста ограничен 8 часами в день. Ночной труд, т. е. по этому закону труд между 8½ часами вечера и 5½ часами утра, был воспрещен для всех лиц между 9- и 18-летним возрастом.

Законодатели были так далеки от желания посягнуть на свободное выемывание капиталом рабочей силы взрослых или, как они это называли, на «гибоду труда», что измыслили особую систему в целях предотвращения столь ужасного последствия фабричного закона.

«Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время, — говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 26 июня 1833 г., — заключается в том, что она создает необходимость удлиннять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не прибегающим к ограничению труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое предполагается устранить, — этим единственным средством представляется план почти двойные смены детей». «План» этот и был осуществлен под названием *Relaisystem* («System of Relays»; Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях); при этом одна смена детей от 9 до 13 лет запрягается в работу, например, от 6½ часов утра до 1½ часов полудни, другая смена — от 1½ часов полудни до 8½ часов вечера и т. д.

В воздаяние за то, что господа фабриканты самым наглým образом игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, шиллоя, которую им приходилось проглотить, и на этот раз была позволена. Парламент постановил, что с 1 марта 1834 г. ни одно дитя моложе 11 лет, с 1 марта 1835 г. ни одно дитя моложе 12 лет и с 1 марта 1836 г. ни одно дитя моложе 13 лет не должны работать на фабрике более 8 часов! Этот либерализм, столь сострадательный по отношению к капиталу, заслуживал тем больше признательности, что д-р Farre, Sir A. Carlisle, Sir B. Brodie, Sir C. Bell, Mr. Guthrie

иногда то обстоятельство, что закон Людовика Филиппа до революции 1848 г. считался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своею сетью все стороны жизни.

¹³⁴ «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1860», p. 51.

и т. д., коротко говоря, самые выдающиеся physicians и surgeons (врачи) Лондона в своих свидетельских показаниях заявили пред лицом нижней палаты, что «*periculum in mora*» [опасность в промедлении!]. Д-р Farrer высказался по этому вопросу даже еще резче: «Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ (фабричный способ) следует признать одним из самых жестоких способов ее причинения». Тот самый «реформированный» парламент, который из нежного чувства к господам фабрикантам еще на целые годы заключил детей моложе 13 лет в ад 72-часового фабричного труда в неделю, воспротивился плантаторам эмансипационным указом, который давал свободу¹³⁵ тоже по каплям, принуждать впредь негров-невольников к работе более 45 часов в неделю!

Но несколько не удовлетворенный, капитал повел теперь шумную агитацию, продолжавшуюся несколько лет. Она вращалась главным образом вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и для которых вводилось в известном смысле обязательное обучение. Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или же, коли на то пошло, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного закона, роковой 1836 г., тем яростнее происывовала фабрикантская чернь. Ей действительно удалось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предельный детский возраст с 13 до 12 лет. Между тем грозно росло давление извне. Мужество изменило нижней палате. Она отказалась бросать 13-летних детей под колесницу Джаггернаута-капитала¹³⁵ более чем на 8 часов в день, и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он оставался без изменения до июня 1844 г.

В течение того десятилетия, когда он регулировал фабричный труд сначала отчасти, а затем в полной своей мере, официальные отчеты фабричных инспекторов полны жалобами на невозможность его проведения. Так как закон 1833 г. предоставлял усмотрению господ капиталистов назначать в пределах пятнадцатичасового периода от 5½ утра до 8½ вечера тот час, когда каждый «подросток» и каждое «дитя» должны начинать свой двенадцатичасовой или восьмичасовой труд, прерывать и оканчивать его; предоставлял также их усмотрению назначать для разных лиц различные часы для еды, то эти господа скоро изобрели новую «Relaissystem», при которой рабочие лошади не сменяются на определенных почтовых станциях, а снова и снова запрягаются на переменных станциях. Мы не останавливаемся подробнее на прелестях этой системы, так как должны возвратиться к ней позже. Но и с первого взгляда ясно, что эта система уничтожала не только дух, но и самую букву всего фабричного закона. Как могли бы фабричные инспектора при такой сложной бухгалтерии, применяемой к каждому отдельному ребенку и каждому подростку, принудить фабрикантов к соблюдению установленного законом рабочего времени и к назначению законных перерывов для еды? Препятствие жестокое безобразное вскоре опять безнаказанно стало процветать в большинстве фабрик. На совещании при участии мини-

¹³⁵ Джаггернаут, индийский идол, которого по временам возят на громадной колеснице, под колеса которой бросаются благочестивые индусы, желая быть раздавленными. — К.

три внутренних дел (1844) г. фабричные инспектора доказали всю невозможность какого-либо контроля при вновь измышленной Relaissystem¹³⁶. Между тем обстоятельства сильно изменились. Фабричные рабочие, особенно с 1838 г., сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом подобно тому, как хартия^{136а} сделалась их политическим лозунгом. Даже часть фабрикантов, урегулировавшая фабричное производство согласно закону 1833 г., забросала парламент записками относительно безнравственной «конкуренции» «криводушных братьев», которым их большая наглость или более счастливые местные условия позволяют нарушать закон. К тому же, как бы ни хотелось отдельным фабрикантам дать полную волю своей жадности, представители и политические вожди класса фабрикантов рекомендовали иное поведение и иной язык по отношению к рабочим. Они открыли кампанию в пользу отмены хлебных законов и для победы нуждались в помощи рабочих! Поэтому они обещали не только удвоение веса ковриги хлеба, но и принятие десятичасового билля под сенью тысячелетнего царства свободной торговли¹³⁷. Следовательно, уже совсем не входило в их расчет бороться против меры, которая должна была лишь провести в жизнь закон 1833 г. Наконец, торги, священнойшему интересу которых, земельной ренте, угрожала опасность, разразились негодующе-филантропическими филиппиками против «шкурного поведения»¹³⁸ своих врагов.

Так появился добавочный фабричный закон 7 июня 1844 г. Он вступил в силу с 10 сентября 1844 г. Он ставит под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин от 18 лет. Они были во всех отношениях сроднены с подростками; их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844/45 г. говорится с иронией: «До нашего сведения не дошло ни одного случая, когда взрослые женщины выражали бы жалобу на это вторжение в их права»¹³⁹. Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до 6¹/₂, а при известных условиях до 7 часов в день¹⁴⁰.

Чтобы устранить злоупотребления ложной Relaissystem'ой, закон установил, между прочим, следующие важные детальные правила: «Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда какой-либо ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике». Таким образом, напр., А начинает работу в 8 часов утра, а В в 10 часов, то рабочий день должен оканчиваться для В в тот же час, как и для А. Начало рабочего дня должно определяться по каким-нибудь общественным часам, напр. по

¹³⁶ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1849», p. 6.

^{136а} The peoples charter, народная хартия, — так называлось политическая программа чартистского движения, главным пунктом которого было всеобщее, тайное и равное избирательное право. См. М. Веер, Geschichte des Sozialismus in England, Stuttgart 1913, стр. 226. — К.

¹³⁷ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1848», p. 98.

¹³⁸ Впрочем, Leonhard Horner официально употребляет выражение «obnoxious practices» (гнусное поведение) («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1859», p. 7).

¹³⁹ «Reports etc. for 30-th Sept. 1844», p. 15.

¹⁴⁰ Инспектор разрешает пользоваться трудом детей по 10 часов в сутки в тех случаях, когда они работают не ежедневно, а лишь через день. В общем, эта оговорка осталась без применения.

ближайшим железнодорожным часам, с которыми сообразуется и фабричный колокол. Фабрикант обязан повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением часов начала, окончания и перерывов рабочего дня. Дети, начинающие свою работу до 12 часов утра, не должны уходить на работу после часа пополудни. Таким образом послеобеденная смена должна состоять из других детей, чем утренняя. Те $1\frac{1}{2}$ часа, которые даются на обед, должны предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, притом по крайней мере 1 час должен предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки, работающие до 1 часа, не должны работать более 5 часов, если им не предоставляется, по крайней мере, полчаса для еды. Дети, подростки или женщины не должны оставаться во время какого бы то ни было перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда и т. д.

Мы видели, что эти мелочные постановления, которые регулируют время, пределы, перерывы работы с таким военным однообразием, по звону колокола, отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений, как естественные законы временного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчинила и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем в период 1844—47 гг. двенадцатичасовой рабочий день распространял свое общее и единоеобразное действие на все отрасли промышленности, подчиненные фабричному заводоуправлению.

Однако фабриканты допустили такого рода «прогресс» не без компенсации в виде «регресса». По их настояниям нижняя палата сократила минимальный возраст подлежащих обработке детей с 9 до 8^{ми} лет, с целью обеспечить для капитала «добавочное предложение фабричных детей»¹⁴¹, подобающее ему по всем законам божеским и человеческим.

1846 — 47 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших мезью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление во главе с лондонской армией свободной торговли с Врайтом и Кобденом во главе, благодаря десятичасовому рабочему дню, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный закон 8 июня 1847 года постановлял, что с 1 июля 1847 вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для «подростков» (от 13 до 18 лет) и для всех работниц, а с 1 июля 1848 года — окончательное ограничение рабочего дня тех же категорий.

¹⁴¹ «Так как сокращение часов их рабочего времени поведет к увеличению детей, требующихся для работы, то было решено, что добавочное предложение детей в возрасте от 8 до 9 лет могло бы покрыть увеличившийся спрос». (Там же, стр. 13.)

бочих 10 часами. Во всем остальном этот закон был исправленным дополнением к законам 1833 и 1844 гг.

Капитал предпринял предварительный поход с той целью, чтобы воспрепятствовать полному осуществлению закона 1 мая 1848 г. И притом сами рабочие, будто бы проученные опытом, должны были помочь разрушению своего собственного дела. Момент был выбран удачно. «Необходимо напомнить, что вследствие ужасного кризиса 1846—47 гг. среди фабричных рабочих пришла большая нужда, так как многие фабрики работали только неполное время, другие совсем остановились. Значительное число рабочих находилось поэтому в самом стесненном положении, многие были в долгах. Поэтому можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что они предпочтут более продолжительный рабочий день, чтобы возместить убытки, понесенные в прошлом, может быть, уплатить долги или выкупить свою свободу из ссудной кассы, или заменить новыми проданные позитики, или приобрести новое платье для себя и семьи»¹⁴². Господа фабриканты попытались усилить естественное действие этих обстоятельств общим понижением заработной платы на 10%. Это имело вид, так сказать, праздника освящения новой эры свободной торговли. Затем, как только рабочий день был сокращен до 11 часов, последовало дальнейшее понижение заработной платы на $8\frac{1}{3}\%$, и потом вдвое большее понижение, как только рабочий день был окончательно сокращен до 10 часов. Поэтому всюду, где только позволяли обстоятельства, произошло понижение заработной платы по крайней мере на 25%¹⁴³. При таких-то удачно подготовленных обстоятельствах началась агитация среди рабочих за отмену закона 1847 г. Обман, соблазн, угрозы — ни одно из этих средств не было оставлено в пренебрежении, но все было тщетно. Если и удалось собрать полдюжины петиций, в которых рабочие жаловались на «угнетение их этим законом», то сами же петиционеры при устном допросе заявляли, что подписи их были вынуждены. «Они угнетены, это правда, но кем-то другим, а не фабричным законом»¹⁴⁴. Но раз фабрикантам не удалось заставить рабочих говорить в желательном для них духе, тем громче они сами причили от имени рабочих в прессе и в парламенте. Они выставляли фабричных инспекторов чем-то вроде комиссаров конвента, которые безжалостно приносят несчастных рабочих в жертву своей химере об улучшении мира. Но и этот маневр не удался. Фабричный инспектор Леопольд Ногер лично и через своих помощников собрал многочисленные показания на фабриках Ланкашира. Около 70% опрошенных рабочих высказались за 10-часовой рабочий день, гораздо менее значительное число за 11-часовой и совсем незначительное меньшинство за старый 12-часовой день¹⁴⁵.

¹⁴² «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1848», p. 16.

¹⁴³ «Я убедился, что у людей, получавших 10 ш. в неделю, произвели сокращения на 1 ш., ссылаясь на общее понижение заработной платы на 10%, и затем еще на 1 ш. 6 п., ссылаясь на сокращение рабочего времени. — итого на 2 ш. 6 п.; — и несмотря на то большинство твердо стояло на десятичасовой билль». (Там же.)

¹⁴⁴ «Подписывая петицию, я в то же время заявил, что совершаю что-то дурное. — Но почему же в таком случае вы ее подписали? — Потому, что в случае отказа меня выбросили бы на мостовую. — Петиционер в самом деле чувствовал себя «угнетенным», но вовсе не фабричным законом». (Там же, стр. 102.)

¹⁴⁵ Там же, стр. 17. В округе г- Ногер'a были таким образом опрошены 10 770 взрослых рабочих мужчин на 181 фабрике. Их показания можно

Другой «благожелательный» маневр заключался в том, чтобы заставить взрослых рабочих мужчин работать 12—15 часов, а затем объявить этот факт вернейшим выражением подлижных пролетарских желаний. Но «благосклонный» фабричный инспектор Leonhard Horner опять оказался тут как тут. Большинство рабочих, занятых сверхурочное время, заявили, что «они решительно предпочли бы работать по 10 часов за меньшую заработную плату, но у них не было выбора; среди них так много безработных, так много предильщики вынуждены работать как простые рисерс (присучальщики) что если бы они отказались от удлинения рабочего дня, их места тотчас были бы заняты другими, так что для них вопрос сводился к следующему: или работать более долгое время — или оказаться на мостовой»¹⁴⁶.

Предварительный поход капитала окончился неудачей, и закон о десяти часовом рабочем дне 1 мая 1848 г. вступил в силу. Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало доверие рабочего класса Англии к своим силам. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как на европейском континенте, так и в Англии одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: землевладельцев и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старух монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, поставлен под действие «loi des suspects» [закона против подозрительных]. Таким образом господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытое восстание не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это была «Proslavery Rebellion» [бунт в защиту рабства] в миниатюре, который более двух лет продолжался с цинической бесперемонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.

Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные законы 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другие; что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих-мужчин стране 18 лет, и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от 5½ часов утра до 8½ часов вечера отсчитывался законным «днем», в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.

Фабриканты в некоторых местах начали с того, что уволили часть, в некоторых случаях половину занятых у них подростков и работниц и поставили взамен почти забытый ночной труд взрослых рабочих мужчин.

найти в прибавлении к отчету фабричной инспекции за полугодие, кончающееся октябрём 1848 г. Эти свидетельские показания и в других отношениях дают драгоценный материал.

¹⁴⁶ В неоднократно упоминавшемся отчете см. собранные самим Leonhard'ом Horner'ом показания №№ 69, 70, 71, 72, 92, 93, а также собранные помощником инспектора А. показания №№ 51, 52, 58, 59, 62, 70 в «приложении». Даже один фабрикант высказался напрямик. См. № 14 и № 208 отчета.

Закон о десятичасовом рабочем дне, уверяли они, не дает им иного выхода!¹⁴⁷

Второй шаг касался узаконенных перерывов для еды. Послушаем, что говорят фабричные инспектора: «Со времени ограничения рабочего дня десятию часами фабриканты утверждают, хотя на практике они еще и не делают крайних выводов из своего мнения, что они в достаточной мере исполняют предписание закона, если во время работы, продолжающейся, напр. от 9 часов утра до 7 часов вечера, они дают на еду один час до 9 часов утра и $\frac{1}{2}$ часа после 7 часов вечера, предоставляя таким образом рабочим $1\frac{1}{2}$ часа на принятие пищи. В некоторых случаях они предоставляют теперь полчаса или целый час на обед, но в то же время настаивают на том, что они вовсе не обязаны включать какую бы то ни было часть этих $1\frac{1}{2}$ часов в десятичасовой рабочий день»¹⁴⁸. Таким образом господа фабриканты утверждали, будто педантично точные постановления закона 1844 г. относительно времени, предназначенного для еды, дают рабочим только разрешение есть и пить до своего прихода на фабрику и после ухода с нее, т. е. у себя дома! Да почему бы такое рабочим и не обедать до 9 часов утра? Однако коронные юристы решили, что предписанное законом время еды «должно даваться в перерывы действительного рабочего дня и что противозаконноставлять работать без перерыва 10 часов подряд, с 9 часов утра до 7 часов вечера»¹⁴⁹.

После этих благодушных демонстраций капитал в виде подготовки к бунту сделал шаг, который соответствовал букве закона 1844 г. и, следовательно, был легален.

Конечно, закон 1844 г. воспрещал для детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня, возобновлять работу после 1 часа дня. Но он несколько не регулировал $6\frac{1}{2}$ -часового труда детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могут употребиться на работу от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до $8\frac{1}{2}$ часов вечера, что составляет $3\frac{1}{2}$ часа, итого установленные законом $6\frac{1}{2}$ часов! Или еще лучше. Чтобы прнурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих-мужчин, работавших до $8\frac{1}{2}$ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до $8\frac{1}{2}$ часов вечера! И теперь уже прямо признаются, что в последнее время, вследствие личного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов и сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до $8\frac{1}{2}$ часов вечера»¹⁵⁰. Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал [словами Шейлока]:

«На голову мою мои пошлости
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По вексялям».

¹⁴⁷ «Reports etc. for 31-st October 1848», p. 133, 134.

¹⁴⁸ «Reports etc. for 33-th April 1848», p. 47.

¹⁴⁹ «Reports etc. for 31-st October 1848», p. 130.

¹⁵⁰ Там же, стр. 142.

В самом деле, по статистическим данным, представленным в нижнюю палату 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3742 ребенка на 275 фабриках несмотря на все протесты подвергались этой «практике»¹⁵¹. Но и этого мало! Русский глаз капитала открыл, что закон 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился счастья заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 8½ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»¹⁵²

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была однако просто подготовить открытый бунт против того же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин». Необходимо напомнить, что уничтожение «неправильной *Relaissystem*'ы» составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты закона 1844 г., воспрепятствующие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, оказывались «сравнительно безвредными (*comparatively harmless*) до тех пор, пока рабочее время было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью» (*hardship*)¹⁵³. Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не желают обращать внимания на букву закона и намерены ввести старую систему собственной властью¹⁵⁴. Это будет в интересах самих же рабочих, совращенных дурными советами, так как «даст возможность платить им более высокую заработную плату». «Это — единственное средство сохранить при десятичасовом законе промышленное преобладание Великобритании».¹⁵⁵ «Возможно, что при системе смел несколько затруднительно обнаруживать нарушения закона, но что ж из того? (*what of that?*) Неужели великие промышленные интересы этой страны позволительно рассматривать как вещь второстепенную, лишь бы

¹⁵¹ «Reports etc. for 31-st October 1850», p. 5, 6.

¹⁵² Природа капитала остается неизменной как в неразвитых, так и в развитых формах. В своде законов, продиктованном незадолго до начала американской гражданской войны господством рабовладельцев на территории Новой Мексики, говорится: рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги («The labourer is his [the capitalist's] money»). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, суженные ими должнику-плебею, превращаются при помощи средств существования в мясо и кровь должника. Следовательно, это «мясо и кровь» было их «деньгами». Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц! Гипотеза Linguet на тот счет, будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же сомнительной, как гипотеза Daumer'a о христианском причащении.

¹⁵³ «Reports etc. for 30-th April 1848», p. 28.

¹⁵⁴ Так, между прочим, заявил филантроп Ashworth в квакерски-отправительном письме к Leonhard Horner'у («Reports etc. April 1849», p. 4).

¹⁵⁵ «Reports etc. for 30-th April 1848», p. 134.

избавить фабричных инспекторов и их помощников от некоторого увеличения забот?» (some little trouble).¹⁵⁶

Все эти уловки, конечно, нисколько не помогли. Фабричные инспектора начали возбуждать судебные преследования. Но вскоре на министра внутренних дел сэра Джорджа Грея обрушилась такая туча петиций фабрикантов, что в циркуляре от 5 августа 1848 г. он рекомендовал инспекторам «не преследовать в общем нарушении буквы закона, пока не будет доказано, что Relaisssystem'ой злоупотребляют таким образом, что заставляют подростков и женщин работать более 10 часов». После этого фабричный инспектор J. Stuart разрешил так называемую систему смен в течение пятнадцатичасового периода фабричного дня для всей Шотландии, где она вскоре расцвела попрежнему. Английские фабричные инспектора, напротив заявили, что министру не принадлежит диктаторская власть приостанавливать действие законов, и продолжали судебные преследования против proslavery rebels.

Но что пользы в привлечении к суду, раз суды, county magistrates¹⁵⁷, выносили оправдательные приговоры? В этих судах заседали господа фабриканты, чтобы судить самих же себя. Приведем пример. Некий Eskrigge, от бумагопрядильной фирмы Kershaw, Leese and Co, представил фабричному инспектору своего округа схему Relaisssystem'ы, предназначенную для его фабрики. Получив отказ, он сначала не предпринимал никаких дальнейших шагов. Несколькими месяцами спустя некий индивидум по имени Робинзон, тоже бумагопрядильщик и, если не Пятница, то во всяком случае родственник Eskrigge'a, предстал перед мировым судьей в Стокпорте, обвиняемый в том, что ввел у себя систему смен, тождественную той, которую придумал Eskrigge. Заседало четверо судей, в том числе 3 бумагопрядильщика, все с тем же неизбежным Eskrigge'ем во главе. Eskrigge оправдал Робинзона и заявил, что законное для Робинзона является справедливым и для Eskrigge'a. Опираясь на свое собственное решение, вошедшее в законную силу, он тотчас же ввел эту систему и на своей собственной фабрике¹⁵⁸. Конечно, уже самый состав этих судов являлся открытым нарушением закона¹⁵⁹. «Такого рода судебные фарсы, — восклицает инспектор Howell, — вопиют о необходимости положить этому конец... одно из двух: или приписать закон к этим приговорам, или же предоставьте выносить решения менее порочному трибуналу, который свои решения соотносит с законом... во всех таких случаях. Приходится страстно стремиться к тому, чтобы должность судьи была платная!»¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Там же, p. 140.

¹⁵⁷ Эти «county magistrates», «great unpaid» («великие неоплачиваемые»), как их называет W. Cobbett, представляют что то вроде бесплатных мировых судей, которых набирают из почетных лиц графств. В действительности они образуют поместные суды господствующих классов.

¹⁵⁸ «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 21, 22. Ср. подобные же примеры, там же, стр. 4, 5.

¹⁵⁹ Законом 1 и 2 Вильгельма IV, с. 24, S. 10, известным под названием фабричного закона Sir John Hobhouse'a, воспрещается какому бы то ни было владельцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, равно как отцу, сыну или брату такого владельца, отправлять обязанности мирового судьи в тех случаях, когда вопрос касается фабричного закона.

¹⁶⁰ «Reports etc. for 30-th April 1849».

Коронные юристы объявляли фабрикантское истолкование закона 1848 г. нелепым, но спасители общества не позволили сбить себя с толку. «После того, как я попытался принудить к исполнению закона, возбудив 10 преследований в 7 различных судебных округах, — сообщает Leonhard Horner, — и только в одном случае получил поддержку судей... я нахожу бесполезными дальнейшие преследования за обходы закона. Та часть закона, которая составлена с целью внести единообразие в рабочие часы... уже не существует для Ланкашира. Притом ни у меня, ни у моих помощников нет решительно никаких средств для того, чтобы убедиться, действительно ли на фабриках, на которых господствует так называемая Relaisssystem, не заставляют подростков и женщин работать более 10 часов... В конце апреля 1849 г. уже 114 фабрик в моем округе работали по этому методу, и число их в последнее время стремительно возрастает. В общем они работают теперь 13½ часов, с 6 часов утра до 7½ часов вечера; в некоторых случаях они работают 15 часов, с 5½ часов утра до 8½ часов вечера»¹⁶¹. Уже в декабре 1848 г. у Leonhard Horner'a был список 65 фабрикантов и 29 фабричных надзирателей, которые единогласно утверждали, что никакая система контроля не может воспрепятствовать самому широкому распространению чрезмерного труда при этой системе смен¹⁶². То одни и те же дети и подростки переводятся из придильной мастерской в ткацкую и т. д., то в течение 15 часов они переводятся (shifted) из одной фабрики в другую¹⁶³. Как прикажете контролировать такую систему, «которая злоупотребляет словом смена, чтобы с бесконечным многообразием перетасовывать рабочих как карты, и чтобы ежедневно так передвигать часы труда и отдыха различных лиц, что одна и та же полная группа рабочих никогда не действует на прежнем месте в прежнее время!»¹⁶⁴.

Но даже совершенно оставляя в стороне действительный чрезмерный труд, эта так называемая система смен (Relaisssystem) явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках «courtes séances» [коротких заседаний], с той только разницей, что притяжение (attraction) труда здесь превратилось в притяжение капитала. Посмотрим на эти схемы, созданные фабрикантами и прославленные благонамеренной прессой как образец того, «что может быть сделано при разумной степени заботливости и методичности» (what a reasonable degree of care and method can accomplish). Рабочий персонал разделялся иногда на 12 — 15 категорий, составные части которых в свою очередь постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового периода фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоняя его то туда, то сюда за разрозненными и разорванными клочками времени, но не выпуская его из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Как на театральной сцене, одни и те же лица должны были попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всей драмы, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на проход в фабрику и обратно. Таким

¹⁶¹ Там же, p. 5.

¹⁶² «Reports etc. for 31-st October 1849», p. 6.

¹⁶³ «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 21.

¹⁶⁴ «Reports etc. for 1-st December 1848», p. 95.

образом часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабаки, а молодых работниц в публичный дом. Каждая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свой обед то и один, то в другой обрывок времени. Во время агитации за десятичасовый рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за двенадцати- и пятнадцатичасовое распоряжение рабочими силами¹⁶⁵. В этом и заключалась вся суть дела; это было фабрикантское издание десятичасового закона! Это были все те же мироточивые, сочащиеся гуманностью фритредеры, которые во время агитации против хлебных пошлин целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно десятичасового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов¹⁶⁶.

Двухгодичный бунт капитала увенчался, наконец, решением одного из четырех высших судебных учреждений Англии, Court of Exchequer [суд князячества], который по одному из дошедших до него случаев 8 февраля 1850 г. вынес решение, что, хотя фабриканты и поступали против смысла закона 1844 г., но самый этот закон содержит некоторые слова, делающие его бессмысленным. «Этим решением уничтожился десятичасовой закон»¹⁶⁷. Масса фабрикантов, которые до сих пор опасались применять систему смен (Relaisssystem) к подросткам и работницам, теперь ухватились за нее обеими руками¹⁶⁸.

Но за этой, повидимому, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневное возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Ланкашире и Йоркшире. Значит, мнимый десятичасовой закон — простое мошенничество, парламентское надувательство, он никогда не существовал! Фабричные инспектора настоятельно предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг неслыханной степени напряжения. Роптали даже часть фабрикантов: «Противоречивые решения судов привели к совершенно ненормальному и анархическому положению. Один закон в Йоркшире, другой закон в Ланкашире, третий закон в каком-нибудь приходе Ланкашира, четвертый в его непосредственном соседстве. Фабрикант больших городов имеет возможность обойти

¹⁶⁵ См. «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 6, и пространное объяснение «relieving system» (системы перебросок), которое фабричные инспектора Howell и Saunders дают в «Reports etc. for 31-st October 1848». См. также петицию против shift system'ы, поданную королеве духовенством Ashton'a и остроумностей весной 1849 года.

¹⁶⁶ Ср., напр., R. H. Greg, The Factory Question and the Ten Hours Bill, London 1837.

¹⁶⁷ F. Engels, Die englische Zehnstundenbill (в издававшейся мною Neue Rheinische Zeitung». Politisch-ökonomische Revue. Aprilheft 1850, p. 13) [«Gesammelte Schriften von Karl Marx und Fr. Engels». Stuttgart 1902, Bd III, S. 384]. Тот же «высокий» суд открыл во время американской гражданской войны словесную зацепку, которая превращала в прямую противозаконность закон против вооружения кораблей пиратов.

¹⁶⁸ «Reports etc. for 30-th April 1850».

закон, фабрикант сельских местечек не находит персонала, необходимого для системы смен (Relaissystem) и в особенности для перемещения рабочих с одной фабрики на другую и т. д.». А равенство в эксплуатации рабочей силы — это первое право человека для капитала.

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном законе 5 августа 1850 г. Рабочий день «подростков и женщин» был увеличен в первые 5 дней недели с 10 до 10½ часов и ограничен 7½ часами в субботу. Работа должна совершаться в пределах периода от 6 часов утра до 6 вечера¹⁶⁹ с 1½-часовыми перерывами для еды, которые должны предоставляться рабочим в одно и то же время и согласно постановлению 1844 г. и т. д. Этим раз навсегда уничтожилось Relaissystem¹⁷⁰. Для детского труда сохранил свою силу закон 1844 г.

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз, как и раньше, особые сенсориальные права на пролетарских детей. Это были шелковые фабриканты. В 1833 г. они угрожающе вопили, что, «если отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим останут их фабрики» (if the liberty of working children of any age for 10 hours a day was taken away, it would stop their works). Для них невозможно купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желательной привилегии. Предлог при позднейшем исследовании оказался сплошной ложью¹⁷¹, что однако не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения их работы приходилось ставить на стулья.¹⁷² Хотя закон 1844 г. «похитил» у них «свободу» обрабатывать детей моложе 11 лет более 6½ часов в день, но он обеспечил им зато привилегию обрабатывать детей 11 — 13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог: «Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику¹⁷³. Из-за пезных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют из-за кожи и сала. Наконец в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была оставлена только за отделениями сучения и размотки шелка; но чтобы возместить убытки лишенного своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11 — 13 лет было увеличено с 10 до 10½ часов. Предлог: «Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и ни в каком случае не приносит такого вреда для здоровья»¹⁷⁴. Официальное медицинское исследование впоследствии показало, что, наоборот, «средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатого»

¹⁶⁹ Зимой этот период разрешалось заменять периодом от 7 часов утра до 7 часов вечера.

¹⁷⁰ «Настоящий закон (1850 г.) был результатом компромисса, в силу которого рабочие отказались от выгоды десятичасового закона в обмен на преимущество единообразного времени начала и окончания работы тех, чей труд вообще был ограничен». («Reports etc. for 30-th April 1852», p. 14).

¹⁷¹ «Reports etc. for 30-th Sept. 1844», p. 13.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же, стр. 20.

¹⁷⁴ «Reports etc. for 31-st October 1861», p. 26.

бумажного производства Ланкашира»¹⁷⁵. Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени [написано в 1866 г. — К.]¹⁷⁶.

Закон 1850 г. превратил только для «подростков и женщин» пятнадцатичасовой период с 5½ часов утра до 8½ часов вечера в двенадцатичасовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Таким образом это не относилось к детям, которых все еще можно было эксплуатировать ½ часа до начала и ½ часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать 6½ часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых

¹⁷⁵ Там же, стр. 27. В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей единогласны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меня в этом. Несмотря на то и оставляя в стороне невероятно высокую смертность детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Greenhow'a указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с «земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья». В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 г.:

Названия округов	Процентное отношение взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Процентное отношение взрослых женщ., зан. в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на кажд. 100 000 женщин	Род занятий женщин
Wigan	14,9	598	18,0	644	Хлопок
Blackburn	42,6	708	34,9	734	То же
Hullfax	37,8	547	20,4	564	Шерсть
Bradford	41,9	611	30,0	608	То же
Mandlesfield	31,0	691	26,0	804	Шелк
Lack	14,9	588	17,2	705	То же
Stoke-upon-Trent	36,6	721	19,3	665	Гонч. товары
Woolstanton	30,4	726	13,9	727	То же
Поселъ здоровых земледельческих округов	—	305	—	340	—

¹⁷⁶ Известно, с какими колебаниями английские «фритредеры» отказали шелковой мануфактуре в охранительных пошлинах. Защита против французского ввоза заменяется теперь беззащитностью фабричных детей Англии. [Закон 37 и 38, Виктория, с. 44, изданный в 1874 г., уничтожил исключительные постановления для шелковых фабрик, установив переходный период в два года. — К.]

рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка разбилась бы о сопротивление взрослых рабочих-мужчин¹⁷⁷. Поэтому закон 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени, фабричный закон 1850 г., за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих¹⁷⁸. С обнаружения первого фабричного закона к этому времени протекло столетие¹⁷⁹.

В «Printwork's Act» (закон о ситцепечатных фабриках и т. д.), изданном в 1845 г., законодательство впервые вышло за первоначально захваченную им сферу. Неудовольствие, с которым капитал допустил это новое «сумасбродство», сквозит из каждой строки закона! Он ограничивает рабочий день детей 8 — 13 лет и женщин 16 часами, от 6 часов утра до 10 часов вечера, не устанавливая никакого узаконенного перерыва для еды. Он разрешает изнурять работой мальчиков от 13 лет по благоусмотрению день и ночь напролет¹⁸⁰. Это парламентский выкидыш¹⁸¹.

Все же принцип одержал решительную победу, победив в крупных отраслях промышленности, являющихся специфическим порождением современного способа производства. Их поразительное развитие в период 1853 — 1860 гг., совершившееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, заставило прозреть и самых слепых. Сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и урегулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими отраслями промышленности и теми областями эксплуатации, которые еще оставались «свободными»¹⁸².

¹⁷⁷ «Reports etc. for 30-th April 1853», p. 31.

¹⁷⁸ В годы наивысшего расцвета английской хлопчатобумажной промышленности, в 1859 и 1860 гг., некоторые фабриканты приманкой высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных станках и на селфакторах, положили конец этому эксперименту запиской, которую они подали своим хозяевам и в которой, между прочим, говорится: «Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти на два дня в неделю (на 20 часов) больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в страхе илотами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтиительно доводим сим до вашего сведения, что, начиная с первого дня нового года, мы не будем работать ни одной минуты больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в 1½ часа» («Reports etc. for 30-th April 1860», p. 30).

¹⁷⁹ Относительно средств нарушения этого закона, предоставляемых его редакцией, см. парламентский отчет: «Factory Regulations Acts» (3 августа 1859 г.). И там же Leonhard Horner, Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent».

¹⁸⁰ «В последнее полугодие (1857 г.) в моем округе детей 8 лет и старше фактически истязают с 6 часов утра до 9 часов вечера» («Reports etc. for 31-st October 1857», p. 39).

¹⁸¹ «Printwork's Act» (закон о ситцепечатных заведениях) признан неудовлетворительным в отношении постановлений, касающихся как обучения, так и охраны труда» («Reports etc. for 31-st October 1862», p. 10).

¹⁸² Так высказывается, напр., E. Potter в письме в «Times» 24 марта 1863 г. «Times» напоминает ему о бунте фабрикантов против десятичасового закона.

Фарисеи «политической экономии» поспешили провозгласить убеждение в необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки». ¹⁸³ Легко понять, что после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и помириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же наступления рабочего класса, напротив, возрастала по мере того, как возрастало число его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 г.

Красильные и белильные заведения ¹⁸⁴ были подчинены фабричному закону 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики и чулочные заведения — в 1861 г. Следствием первого отчета «комиссии о детском труде» (1863 г.) было то, что та же судьба постигла [благодаря акту 1864 г. о распространении фабричных законов — К.] все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), фабрикацию спичек, пистонов, патронов, обойные фабрики, резку плица (fustian cutting) и многочисленные процессы, объединяемые под названием «finishing» (окончательная аппретура). В 1863 г. «белильни на открытом воздухе» ¹⁸⁵ и пекарни были под-

¹⁸³ Так высказывался, между прочим, господин W. Newmarch, сотрудник и издатель Тооке'а: «History of Prices». Неужели это научный прогресс: делить трусливые уступки общественному мнению?

¹⁸⁴ Изданный в 1860 г. закон о красильных и белильных заведениях упоминает, что рабочий день 1 августа 1861 г. будет предварительно сокращен до 12, а 1 августа 1862 г. окончательно сокращен до 10 часов, т. е. до 10½ часов в будни и 7½ в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 г., повторился старый фарс. Господа фабриканты обратились к парламенту с петицией потерпеть еще один единственный год двенадцатичасовой труд подростков и женщин... «При современном состоянии промышленности (во время хлопкового голода) весьма выгодно для рабочих, если им разрешат работать по 12 часов в сутки и получать возможно большую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль [законопроект] в нижнюю палату. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильных заведениях Шотландии» («Reports etc. for 31-st October 1862», p. 14, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он по его уверениям говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что закон 1860 г., подобно всем парламентским актам для «охраны труда», составленный в затемняющих смысл выражениях, дает предлог не распространять его действия на категории рабочих «wash-unders» [прессовальщиков] и «finishers» [аппретурщиков]. Английская юриспруденция в лице учреждения, называемого «Common Pleas» [гражданское отделение суда], всегда верный холоп капитала, санкционировала это прищипотворство. «Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приносится весьма покаятель о том, что ясные намерения законодательства уничтожаются под предлогом неудовлетворительного определения слов». (Там же, стр. 18.)

¹⁸⁵ «Белильни на открытом воздухе» освободились из-под действия закона 1860 г. о белильных заведениях посредством ложного заявления, будто у них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, но в то же время петиции рабочих поколебали идилические представления парламента относительно «белилен на открытом воздухе», на «душистых прохладных лугах». В этих воздушных белильных сушилльнях сушильни с температурой в 90 — 100 градусов Фаренгейта [т. е. — 38 градусов Цельсия], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение «Cooling» (прохлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушилльни на свежий воздух. Тринадцать девушек в сушилльне, 80 — 90 градусов [27 — 32 градуса Цель-

чинены особым законам, из которых первый воспрещает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй — пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к позднейшим предложениям упомянутой комиссии, которые угрожали отнять «свободу» у всех важных отраслей английской промышленности за исключением земледелия, шахт и транспортной промышленности 183а.

сия] жары для полотна, 100 [38 градусов Цельсия] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист) в маленькой комнате приблизительно в 10 футов в квадрате, с плотно закупоренной печкой посредине. Девушки замкнутым кольцом окружают печь, которая пыхтит ужасающим жаром и быстро высушивают батист, поступающий к гладильщикам. Число часов для этих «жук» не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней под ряд» («Reports etc. for 31-st October 1862», p. 56). Один врач заявляет: «Особых часов для освежения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешается отлучиться на несколько минут... Мой опыт в лечении болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровых бумагопрядильщиц (а капитал в своих петициях парламенту расписал их в стиле Рубенса, пылушими здоровьем!). Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чахотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все они прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха их мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от сырой и холодной атмосферы в зимние месяцы». (Там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., вырванного у жизнерадостных владельцев «белилен на открытом воздухе»: «Этот закон не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет... он и формулирован таким образом, что охрана труда начинается лишь с того момента, когда дети и женщины захвачены за работой после 8 часов вечера, но даже и в этом случае устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким кривоверством, что едва ли может воспоследовать наказание виновных в его нарушении». (Там же, стр. 52). «В смысле достижения гуманных и воспитательных целей закон этот никуда не годится. Вряд ли можно назвать гуманным позволять женщинам и детям или, что сводится к тому же, заставлять их работать по 14 часов в день, а, может быть, и долее, с перерывами для еды или без них, как придется, не делая ограничений по отношению к возрасту, без различия пола и не обращая внимания на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими» («Reports etc. for 30-th April 1863», p. 40).

^{183а} Прим. ко 2 изд. С 1866 г., когда я написал то, что находится в тексте, опять наступила реакция. (Капиталисты тех отраслей промышленности, которым угрожало подчинение фабричному законодательству, пустили в ход свое влияние на парламент, чтобы оградить свое «право гражданина» на неограниченную эксплуатацию рабочей силы. Конечно, либеральном министерстве Гладстона они нашли послушного лакея. [Предложения, заключенные в скобки, Маркс написал во французском издании 1873 г. Но упоминаемая им реакция была лишь переходным высказанное выше ожидание и «лишил свободы все важные отрасли английской промышленности», по крайней мере поскольку в них работали женщины и дети. Правда, это произошло не при министерстве Гладстона, а при консервативном министерстве Дизраэли, существовавшем с 1874 по 1880 год. С того времени консерваторы коренным образом изменили. О законе 1878 г. Энгельс ниже говорит в примечании 322. глава тринадцатая. — К.]

7. Борьба за нормальный рабочий день. Влияние английского фабричного законодательства на другие страны

Читатель помнит, что производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства, совершенно независимо от тех изменений в самом строе капиталистического производства, которые обуславливаются подчинением труда капиталу. Он помнит, что с той точки зрения, которую мы до сих пор развивали, только самостоятельный и, следовательно, юридически совершеннолетний рабочий как продавец товара заключает сделку с капиталистом. Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой — труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особенная сфера высасывания труда, второй — только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, даже не забегая вперед, мы просто на основании общей связи исторических фактов приходим к следующим заключениям:

1. В отраслях промышленности, прежде всего революционизированных паромом, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильных и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменился материальный способ производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей¹⁸⁶ создают сначала безграничное нарушение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века установление этого контроля имеет характер исключительного законодательства¹⁸⁷. Но как только последнее вводило первоначальную область нового способа производства, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее старинными методами производства, как, напр., гончарные заведения, столярные заводы и т. д. и старозаветные ремесла, как, напр., пекарное и, наконец, даже рассеянное, так называемое домашнее производство, как, напр., гвоздарное и т. д.¹⁸⁸, уже давно настолько же подпали действию капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же — там, где оно с римской казуистикой идет от случая к случаю, как

¹⁸⁶ «Поведение каждого из этих двух классов (капиталистов и рабочих) явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены» («Reports etc. for 31-st October 1864», p. 113).

¹⁸⁷ «Предприятия, подчиненные ограничениям, стояли в той или иной связи с производством текстильных товаров, к которому применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы известная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна» («Reports etc. for 31-st October 1864», p. 8).

¹⁸⁸ () положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты «Children's Employment Commission».

в Англии — произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают¹⁸⁹.

2. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на ее родине, в Англии¹⁹⁰. Английские фабричные рабочие были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса; точно так же, как их теоретики первые бросили вызов теории капитала¹⁹¹. Философ фабрики Уре клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов», противопоставив этот лозунг капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда»¹⁹².

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась Февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон¹⁹³, ко-

¹⁸⁹ «Акты последней сессии (1864 г.)... касаются различных производств, производственные методы в которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие называлось законом считалось фабрикой» («Reports etc. for 31-st October 1864», p. 8).

¹⁹⁰ Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копаниях и металлических рудниках рабочие обоего пола и всякого возраста потребляются с полной «свободой» во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 738 мужчин, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; в доменных печах и т. д. на каждую тысячу мужчин приходится 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 ш. 8 п. в день для мужчин, 1 ш. 8 п. для женщин и 1 ш. 2½ п. для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

¹⁹¹ Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Лэнарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные учреждения рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая — фигурирует в виде официальной фразы в каждом «Factory Act» (фабричном законе), а третья даже играет роль личности, прикрывающей реакционное шарлатанство.

¹⁹² Ure (франц. перевод), Philosophie des Manufactures, Paris 1830, vol. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

¹⁹³ В Compte Rendu (отчете) «Интернационального статистического конгресса в Париже, 1855 г.», говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность дневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не назначает для этого труда определенных постоянных часов (периодов времени), потому что только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому

торый много более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на то, французский революционный метод обнаруживает свои особые достоинства. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство, топорщась, уступает давлению обстоятельства то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений¹⁹⁴. С другой стороны, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь во имя детей, несовершеннолетних и женщин, и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право¹⁹⁵.

В Северо-американских соединенных штатах всякое самостоятельное рабочее движение парализовалось, пока часть республики обезображивалась рабством. Белокожий труд не может освободиться там, где труд черных рук носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, перешагнувшая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий конгресс в Балтиморе (16 августа 1866 г.) заявляет: «Первым и великим требованием современности является требование освобождения труда этой страны от капиталистического рабства посредством издания закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решились напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата»¹⁹⁶. Одно-

чество фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того, чтобы заставлять работать без перерывов всю ночь в день, может быть, за исключением воскресений. Они употребляют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но производство в предприятии продолжается и днем и ночью. Требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли требования гуманности? Помимо разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм отмечается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

¹⁹⁴ «Так, напр., в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен «закону о белильщиках и красильщиках», как ситцепечатник — «Printwork's Act'y», и как Finisher (ашпрегурщик) — «Fabrikact'y»... (Report of Mr. Baker in «Reports etc. for 31-st October 1861», p. 20.) Перечислив различные постановления этих законов и вытекающие отсюда осложнения, господин Baker говорит: «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

¹⁹⁶ Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возмущения (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и его время становится его собственностью даже в том случае, если нет еще вопроса об источении» («Reports etc. for 31-st October 1862», p. 54).

¹⁹⁶ «Мы, рабочие Dunkirk'a, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, а, напротив, принижает его до состояния порабощения, которое немногим лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery»). Поэтому мы решили, что для рабочего дня достаточно восьми часов, и что закон должен признать его достаточным; мы призываем к содействию нам печать, этот мощный

временно (начало сентября 1866 г.) «Конгресс интернациональной ассоциации рабочих» в Женеве согласно предложению Лондонского генерального совета постановил: «Мы объявляем ограничение рабочего дня предварительным условием, без которого все другие стремления к эмансипации неизбежно потерпят крушение... Мы предлагаем признать 8 часов труда законным пределом рабочего дня».

Таким образом рабочее движение, инстинктивно выросшее из самых отношений производства по обеим сторонам Атлантического океана, оправдывает заявление английского фабричного инспектора R. J. Saunders'a: «Невозможно предпринять дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ»¹⁹⁷.

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец товар-владельцам. Договор, по которому он продавал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому демонстрировал, что он свободно распоряжается самим собою. По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое он свободно продает свою рабочую силу, является временем, на которое ему приходится ее продавать¹⁹⁸, что в действительности пиявка не выпускает его до тех пор, пока еще «остается для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крови»¹⁹⁹. Чтобы защитить себя от «змей их мучений» [Генрих Гейне], рабочие должны объединиться и, как класс, вынудить государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство²⁰⁰. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta [основные права] ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, выясняет, когда

рычаг... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав». (Постановления рабочих в Dunkirk'e, штат Нью-Йорк, 1866 г.)

¹⁹⁷ «Reports etc. for 31-st October 1848», p. 112.

¹⁹⁸ «Эти действия (маневры капитала, напр., в 1848 — 50 гг.) дали, кроме того, неопровержимое доказательство неправильности столь часто выдвигаемого утверждения, будто рабочие не нуждаются в покровительстве и должны рассматриваться как агенты, совершенно свободно располагающие единственной своей собственностью, т. е. трудом рук своих и потом лица своего» («Reports etc. for 30-th April 1850», p. 45). «Свободный труд, если вообще его можно так назвать, даже и в свободной стране требует для своей защиты сильной руки закона» («Reports etc. for 31-st October 1864», p. 34). «Разрешить или, что равносильно, принудить... работать по 14 часов в сутки с перерывами для еды или без них etc.» («Reports etc. for 30-th April 1863», p. 40).

¹⁹⁹ Friedrich Engels, Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig 1845. [См. Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы. М. Гиз. 1928.]

²⁰⁰ Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности «спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье» («Reports etc. for 31-st October 1859», p. 47). «Капитал (на фабриках) не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятых им рабочих, а они не в состоянии защитить себя сами». (Там же, стр. 8).

оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому»²⁰¹. *Quantum mutatus ab illo!* [Какая огромная дистанция!]

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно, та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та ее масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Если, напр., необходимый труд составляет 6 часов и день, что выраженное в количестве золота дает 3 ш., или 1 талер, то 1 талер представляет дневную стоимость рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку рабочей силы. Сколько прибавочной стоимости доставит капиталисту этот талер? Это зависит от нормы прибавочной стоимости. Если она равна 50%, то прибавочная стоимость составит $\frac{1}{2}$ талера; если норма прибавочной стоимости = 100%, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно массу прибавочной стоимости в 6 часов. Следовательно, если рабочая сила представляет величину данную, то норма прибавочной стоимости определяет ту сумму, или массу прибавочной стоимости, которую производит отдельный рабочий.

Но переменный капитал есть денежное выражение общей стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, стоимость авансированного переменного капитала равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы = 1 талеру, то необходимо авансировать капитал в 100 талеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в n талеров, чтобы ежедневно эксплуатировать n рабочих сил.

²⁰¹ «Еще большее благо заключается в том, что по крайней мере проясняется ясная граница между собственным временем рабочего и временем его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собственное время, и, заранее точно зная свое время, он в состоянии наиболее целесообразно распределить свои собственные минуты». (Там же, стр. 52.) «Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они (фабричные законы) дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью». (Там же, стр. 47.) Со сдержанной иронией и в весьма осторожных выражениях фабричные инспектора намекают на то, что теперешний закон о десятичасовом рабочем дне до некоторой степени освободил и капиталиста от первобытной грубости, присущей ему как простому воплощению капитала, и дал ему премию для некоторого «образования». Раньше «хозяин не имел времени ни на что другое, кроме наживы денег, а служащий не имел времени ни на что другое, кроме труда». (Там же, стр. 48.)

Точно так же, если переменный капитал в 1 талер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер, то переменный капитал в 100 талеров производит ежедневную прибавочную стоимость в 100, а капитал в n талеров ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер $\times n$. Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна прибавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих. Но, далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, иными словами, отношением прибавочного труда рабочего к его необходимому труду, то из этого вытекает следующий первый закон: масса прибавочной стоимости, производимой переменным капиталом, равна величине этого авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости; или она равна стоимости рабочей силы, помноженной на степень ее эксплуатации, помноженной на число одновременно применяемых рабочих сил.

Мы постоянно предполагаем, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная и что, кроме того, рабочий, применяемый капиталом, сведен к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость не возрастает пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остается величиной постоянной.

Итак, если массу прибавочной стоимости мы обозначим через M , прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем выводе за день, через m , переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через v , общую сумму переменного капитала через V , стоимость средней рабочей силы через k , степень ее эксплуатации через $\frac{a'}{a}$ (прибавочный труд) и число применяемых рабочих через n , то мы получим:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{cases}$$

[Для иллюстрации этих формул пусть послужит следующее: предположим, что прибавочная стоимость, в среднем выводе ежедневно доставляемая отдельным рабочим, составляет 2 ш., переменный капитал, ежедневно расходуемый на покупку отдельной рабочей силы, равняется 3 ш., общая сумма переменного капитала при 100 рабочих — 300 ш. в день; тогда формула

$$M = \frac{m}{v} \times V \text{ принимает вид: } M = \frac{2}{3} \times 300. \text{ Таким образом масса при-}$$

бавочной стоимости составляет в день 200 ш. Предположим, с другой стороны, что k , стоимость одной рабочей силы, равна 3 ш., прибавочный труд a' (при десятичасовом рабочем времени) составляет 4 часа, необходимое рабочее время 6 часов; далее, n , число применяемых рабочих, пусть со-

ставляет 100; в таком случае формула $M = k \times \frac{a'}{a} \times n$ примет следующий вид:

$$M = 3 \times \frac{4}{6} \times 100 = 1200 : 6 = 200.$$

И здесь масса прибавочной стоимости составляет 200 ш. в день, — К.]

Числовая величина произведения не изменяется, если множители одновременно изменяются в обратном направлении.

Поэтому при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого. Уменьшение нормы прибавочной стоимости не изменяет ее массы, если в то же время применяемый переменный капитал, или число занятых рабочих, возрастает. Переменный капитал в 100 талеров, который применяет 100 рабочих с нормой прибавочной стоимости 100%, производит массу прибавочной стоимости в 100 талеров. Норму прибавочной стоимости можно сократить вдвое, и все же масса прибавочной стоимости останется прежняя, если в то же время переменный капитал и число занятых рабочих удвоится. И наоборот. Если переменный капитал уменьшается и одновременно в той же пропорции увеличивается норма прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости остается без изменения. Предположим, что капиталисту приходится авансировать 100 талеров с той целью, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих, рабочий день составляет 9 часов, из которых 6 часов необходимый труд и 3 часа прибавочный труд, и норма прибавочной стоимости равна 50%; в таком случае этот переменный капитал в 100 талеров доставляет прибавочную стоимость в 50 талеров, или в 3×100 рабочих часов. Если капиталист уменьшает свой переменный капитал вдвое, с 100 до 50 талеров, и применяет уже только 50 рабочих, но если ему удастся одновременно удвоить норму прибавочной стоимости, или, что то же самое, удлинить время прибавочного труда с 3 до 6 часов, весь рабочий день с 9 до 12 часов, то он будет получать прежнюю массу прибавочной стоимости, так как $50 \text{ талеров} \times \frac{100}{100} = 100 \text{ талеров} \times \frac{50}{100} = 50 \text{ талеров}$. И

50 рабочих часов $\times$ 50 доставляют столько же прибавочной стоимости, как 100 рабочих часов $\times$ 100. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом предложение труда, которое может быть вынуждено капиталом, в известных границах независимо от предложения рабочих²⁰².

Однако компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, уменьшением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, встречает границы, которые она не в состоянии переступить. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли рабочее время, необходимое

²⁰² Этот элементарный закон, повидимому, неизвестен господам вульгарным экономистам, которые, как Архимеды навыворот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением они нашли точку опоры, — не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы установить его.

для поддержания рабочего, 2 или 10 часов, общая стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, во всяком случае меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 ш., или 4 талеров, если рабочий в час производит стоимость в $\frac{1}{6}$ талера. Еще в более узкие пределы заключена прибавочная стоимость. Если та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства заработной платы за один день, составляет 6 часов, то от естественного дня остается 18 часов. Часть из них, согласно биологическим законам необходима в качестве отдыха на восстановление рабочей силы. Если мы предположим, что минимальной величиной является здесь 6 часов, и если мы удлиним рабочий день до максимума в 18 часов, то прибавочный труд не может превысить 12 часов, не может произвести стоимость более 4х талеров.

При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести самую рабочую силу или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100% или при 12-часовом рабочем дне, ежедневно производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6×500 рабочих часов. Капитал в 100 талеров, ежедневно применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200%, или при 18-часовом рабочем дне, производит массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12×100 рабочих часов. И вся вновь созданная для него стоимость, эквивалент авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, никогда, ни в какой день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или в 24×100 рабочих часов. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть возмещено повышением нормы прибавочной стоимости, или, что то же самое, уменьшение числа занятых рабочих может быть возмещено увеличением степени их эксплуатации лишь в рамках физиологических границ рабочего дня, а следовательно, и того прибавочного труда, который заключается в этом дне.

Этот до осязательности ясный второй закон важен для объяснения многих сложных явлений. Мы уже знаем, что капитал стремится производить возможно большую массу прибавочной стоимости. Впоследствии мы увидим, что он постоянно стремится в то же время по возможности сокращать свою переменную часть или число занятых им рабочих по сравнению с размерами своего предприятия. Эти тенденции вступают во взаимное противоречие, раз становится невозможным уравнивать уменьшение одного из двух факторов, определяющих массу прибавочной стоимости, увеличением другого фактора.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами, нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Так как стоимость есть не что иное, как реализованный труд, то масса стоимости, которую капиталист может заставить производить, очевидно, зависит исключительно от массы труда, которую он приводит в движение. При одном и том же количестве рабочих он может привести в движение больше или меньше труда в зависимости от большей или меньшей продолжительности рабочего дня. Но если стоимость рабочей силы и норма прибавочной стоимости, другими словами, продолжительность рабочего дня и его разделение на необходимый труд и прибавочный труд, суть величины данные, то общая масса стоимости, включая и прибавочную стоимость, реализуемая капиталистом, определена

исключительно числом эксплуатируемых им рабочих, а это количество в свою очередь зависит от величины авансированного им переменного капитала.

Если даны норма прибавочной стоимости и стоимость рабочей силы, то массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов. Но мы уже знаем, что капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Это — постоянная часть его капитала. Другую часть он определяет в живую рабочую силу. Эта часть образует его переменный капитал. На базисе одного и того же способа производства в различных отраслях производства находит себе место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. В одной и той же отрасли производства это отношение изменяется с изменением технической основы и общественных условий процесса производства. Но каким бы образом данный капитал ни распадался на постоянную и переменную составную часть, будет ли последняя относиться к первой как 1 : 2, или 1 : 10, или 1 : x , это нисколько не затрагивает только что установленного закона, так как согласно прежнему анализу стоимость постоянного капитала хотя и появляется вновь в стоимости продукта, но не принимает участия в образовании новой стоимости. Чтобы произвести 1000 прядаильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того, чтобы произвести 100 прядаильщиков. Но пусть стоимость этих добавочных средств производства повышается, падает или остается неизменной, пусть она будет велика или мала, — она во всяком случае не оказывает никакого влияния на процесс увеличения стоимости, производимой теми рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.

Этот закон, видимо, противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что бумагопрядаильщик, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли или прибавочной стоимости, чем пекарь, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуются еще многие промежуточные звенья, как в элементарной алгебре требуются многие промежуточные звенья для того, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять действительную величину. Хотя классическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно держится за него, потому что он представляет необходимое следствие закона стоимости. Она старается шепельственной абстракцией спасти его от противоречий, которыми сопровождается его проявление. Позже ²⁰³ мы увидим, как школа Рикардо

²⁰³ Подробнее об этом в «четвертой книге» [сравн. том III «Теории прибавочной стоимости» Маркса. — К.].

споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная экономия, которая «действительно так ничему и не научилась», здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание».

Труд, изо дня в день приводимый в движение всем капиталом известного общества, можно рассматривать как один единственный рабочий день. Если, напр., число рабочих — один миллион, а средний рабочий день отдельного рабочего составляет 10 часов, то общественный рабочий день состоит из 10 миллионов часов. При данной продолжительности этого рабочего дня определяются ли его границы физическими или социальными условиями — масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной величине населения эта граница определяется возможным удлинением рабочего дня. В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для рассмотренной до сих пор формы прибавочной стоимости.

Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег, или меновых стоимостей, в руках отдельного владельца денег или товаров. Минимум переменного капитала представляют издержки производства одной рабочей силы, употребляемой изо дня в день в течение целого года на добывание прибавочной стоимости. Если бы у рабочего были свои собственные средства производства и если бы он довольствовался жизнью рабочего, то для него было бы достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства средств его существования, скажем, 8 часов в день. Следовательно, и средств производства ему требовалось бы только на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который кроме этих 8 часов заставляет его выполнять еще, скажем, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме для приобретения добавочных средств производства. Однако при нашем предположении ему пришлось бы припомнить стоимость вести жизнь рабочего, т. е. иметь возможность удовлетворять своим необходимым потребностям. В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Для того, чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать свою долю в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «хозяином», «мастерком»,

²⁰⁴ «Труд общества, т. е. время, употребляемое в хозяйстве, есть величина данная, скажем, 10 часов в день на каждого из миллиона населения, или десять миллионов часов... Капитал имеет свой предел возрастания. Предел этот во всякий данный период может быть достигнут посредством использования всего времени, которое имеется в распоряжении для производительного употребления» («An Essay on the Political Economy of Nations». London 1821, p. 47, 49).

Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним, и на продажу продуктов этого труда²⁰⁵. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия^{205a}.

Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства, в зависимости от их особых технических условий. Известные отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время еще не встречается в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии отдельным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой сто-

²⁰⁵ «Фермер не может рассчитывать на свой собственный труд, а если он это делает, то я покажу, что он проигрывает от этого. Его занятием должно быть общее наблюдение за целым: следует наблюдать за молотильником, иначе плата последнему будет потеряна, потому что хлеб не будет обмолачиваться; ему следует наблюдать за своими косцами, жнецами и т. д.; он должен постоянно обходить свои загороди; он должен смотреть, чтобы не было никаких упущений; это случится, если он будет прикован к какому-нибудь одному месту» («An Enquiry into the Connection between the Price of Provisions and the Size of Farms etc. By a Farmer», London 1773, p. 12). Эта работа очень интересна. По ней можно изучать возникновение «фермера-капиталиста» или «фермера-купца» («capitalist farmer» или «merchant farmer»), как он прямо назван здесь, и слушать его самовозвеличение по отношению к средствам пропитания. «Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости ручного труда» (Richard Jones, Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations. Herdford 1852, Lecture III, p. 39).

^{205a} Молекулярная теория, нашедшая себе применение в современной химии и впервые научно развитая Лораном и Жераром, основывается именно на этом законе. — В 3-м издании Энгельс отмечает, что это указание — довольно темное для лиц, незнакомых с химией, и поясняет его, указывая, что «автор говорит здесь об углеводистых соединениях, сначала простых в 1843 г. Жераром «гомологическими рядами», из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу. Напр., ряд нормальных: $C_n H_{2n+2}$; ряд нормальных алкоholes: $C_n H_{2n} + O_2$; нормальных жирных кислот: $C_n H_{2n} O_2$ и мн. др. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления CH_2 к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело». Относительно «преувеличенного» Марксом участия Лорана и Жерара в установлении этого закона Энгельс ссылается на Корр, Entwicklung der Chemie, München 1873, S. 709 и 716, и Schorlemmer, Rise and Progress of Organic Chemistry, London. 1879, p. 54.

роны — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли²⁰⁶ — предшественники современных акционерных обществ.

Мы не останавливаемся на деталях тех изменений, которые претерпело отношение между капиталистом и наемным рабочим в течение процесса производства, не останавливаемся, следовательно, на дальнейшем развёртывании определений самого капитала. Отметим только немногие главные пункты.

В процессе производства капитал развился в господство над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Олицетворенный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий исполнял свое дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует тесный круг его собственных жизненных потребностей. И как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по энергии, ненасытности и активности превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он дан ему исторически. Поэтому непосредственно он не изменяет способа производства. Поэтому производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне это было не менее действительным, чем в современной бумагопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, напр., он обращается с кожей как с предметом своего труда. Он дубит кожу не капиталисту. Иное положение, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства впитывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не рабочий потребляет их как материальные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент [возбудитель] собственного жизненного процесса, а жизненный процесс капитала заключается лишь в его развитии как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и мастерские, которые ночью отдыхают и не впитывают живого труда, представляют «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому плавильные печи и мастерские обосновывают известное «притязание на ночной труд» рабочих сил. Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул, в принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд. Один пример в конце концов покажет нам, как сознание капиталистических отношений отражает эту свойственную капиталистическому производству и характеру

²⁰⁶ Учреждения этого рода Мартин Лютер называет «Die Gesellschaften Monopolia», монопольными обществами.

зующую его перетасовку, даже извращение соотношения между мертвым и живым трудом, между стоимостью и той силой, которая создает стоимость. Во время бунта английских фабрикантов 1848 — 50 гг. «глава льно- и бумагопрядильной фабрики в Paisley, одной из старейших и почтеннейших фирм западной Шотландии, компании Carlile, сыновья и К^о, которая существует с 1752 г. и из поколения в поколение ведется одной и той же фамилией», — итак, этот чрезвычайно интеллигентный джентльмен написал в «Glasgow Daily Mail» от 25 апреля 1849 г. письмо²⁰⁷ под заглавием «Система смен», где встречается, между прочим, следующее невероятно наивное место: «Рассмотрим же те бедствия, которые произтекут от сокращения рабочего времени с 12 до 10 часов... Они «сводятся» к самому серьезному преду для перспектив и собственности фабриканта. Если он (т. е. его «руки») работал 12 часов и будет ограничен 10 часами, то каждые 12 машин или веретен его заведения сокращаются до 10 («then every 12 machines or spindles in his establishment shrink to 10»), и если бы он захотел продать свою фабрику, то они оценивались бы только за 10, так что каждая фабрика во всей стране утратила бы одну шестую часть своей стоимости»²⁰⁸.

Для этого унаследованного капиталистического мозга из западной Шотландии стоимость средств производства, веретен и т. д. до такой степени неразрывно сливается с их капиталистическим свойством самовозрастать или ежедневно поглощать определенное количество чужого дарового труда, что глава фирмы Carlile и К^о действительно воображает, что при продаже фабрики, ему оплачивают не только стоимость веретен, но, кроме того, и увеличение их стоимости, не только труд, заключающийся в них и необходимый для производства веретен того же самого рода, но и прибавочный труд, который при их помощи ежедневно высасывается из бравых западных шотландцев Paisley'я; и как раз по этой причине, думает он, с сокращением рабочего дня на два часа продажная цена каждых 12 прядильных машин сократится до размеров цены 10 машин!

²⁰⁷ «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1849», p. 59.

²⁰⁸ Там же, стр. 60. Фабричный инспектор Stuart, сам шотландец и, в противоположность английским фабричным инспекторам, совершенно замкнутый капиталистическим образом мышления, прямо заявляет, что это письмо, приложенное им к своему отчету, «представляет наимолезнейшее заявление, какое только было сделано кем-либо из фабрикантов, применяющих систему смен, и рассчитано в особенности на то, чтобы устранить предрассудки и возражения против этой системы».

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент стоимости рабочей силы, уплаченной капиталом, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства и данной ступени экономического развития общества. Мы предполагали, что сверх такого необходимого рабочего времени рабочий может работать 2, 3, 4, 6 и т. д. часов. От размеров этого удлинения зависит норма прибавочной стоимости и величина рабочего дня. Если необходимое рабочее время является таким образом постоянным, то совокупный рабочий день представляет величину переменную. Предположим теперь, что нам дана как общая продолжительность рабочего дня, так и его разделение на необходимый и прибавочный труд. Пусть, напр., линия ac представляет

двенадцатичасовой рабочий день, отрезок ab — десять часов необходимого труда, отрезок bc — два часа прибавочного труда. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами, каким образом может быть удлинен прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения или независимо от всякого дальнейшего удлинения ac ?

Несмотря на то, что границы рабочего дня, ac , даны, bc может быть, к видимому, удлинено, если не путем расширения за предельный пункт c , который является в то же время конечным пунктом рабочего дня, то путем перемещения начального пункта b в противоположном направлении, в сто-

рону a . Пусть в линии ac отрезок $b'b$ равен половине bc , т. е. равен одному рабочему часу. Если мы предположим теперь, что при двенадцатичасовом ра-

бочем дне ac пункт b отодвигается до b' , то bc расширяется в $b's$, прибавочный труд увеличивается на половину, с 2 часов до 3, хотя рабочий день попрежнему остается двенадцатичасовой. Но это расширение прибавочного труда с bc до $b's$, с 2 часов до 3, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с ab до ab' , с 10 до 9 часов. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употребил на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое в пользу капиталиста. Изменению подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой последний распадается на необходимый и прибавочный труд.

С другой стороны, очевидно, что самая величина прибавочного труда дана, раз дана продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собою рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 п., и если дневная стоимость рабочей силы составляет 5 ш., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом, чтобы произвести эквивалент стоимости необходимых средств своего дневного существования. Стоимость этих средств существования определяет стоимость его рабочей силы¹, стоимость его рабочей силы определяет в свою очередь величину его необходимого рабочего времени. Но величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из совокупного рабочего дня. По вычитании десяти часов из двенадцати остается два, и при данных условиях нет, по видимому, никакой возможности увеличить прибавочный труд за пределы этих двух часов. Конечно, капиталист может уплатить рабочему вместо 5 ш. только 4 ш. 6 п. или даже еще меньше. Для воспроизводства этой стоимости в 4 ш. 6 п. достаточно было бы 9 рабочих часов, и таким образом на долю прибавочного труда теперь пришлось бы из 12-часового рабочего дня вместо двух три часа, вследствие чего сама прибавочная стоимость повышается с 1 ш. до 1 ш. 6 п. Однако такого результата можно было бы достигнуть лишь путем понижения платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы. Имея всего 4 ш. 6 п., производимые им в течение 9 часов, он располагает на

¹ Стоимость средней подневной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, «чтобы жить, трудиться и размножаться» (William Petty, *Political Anatomy of Ireland*, 1672, p. 64). «Цена труда всегда составляет из цены необходимых средств существования». Рабочий не получает надлежащей платы, «если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности поддерживать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую является уделом многих из них» (J. Van der lint, *Money answers all Things*, London 1734, p. 15). «Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и знания ремесла, получает лишь столько, за сколько ему удается продать свой труд другим... Но всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработок рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (Turgot, *Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses. Oeuvres*, éd. Daire, vol. I, p. 10). «Цена средств, необходимых для жизни, есть в действительности стоимость производства труда» (Malthus, *Inquiry into etc., Rent.*, London 1815, p. 48, Note).

¹ 10 меньшим количеством средств существования, чем раньше, и благодаря этому может совершаться лишь урезанное воспроизводство его рабочей силы. В данном случае прибавочный труд может быть удлинён лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпаторских захватов в области необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как по нашему предположению все товары, — а следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда должно возникать вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот, — не сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $\frac{1}{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $\frac{1}{10}$.

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество средств существования, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Пусть, например, при данных средствах производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня одну пару сапог. Чтобы он мог в тот же срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не может удвоиться без изменения средств или методов его труда или того и другого одновременно. Должна, следовательно, произойти революция в производственных условиях его труда, т. е. в данном способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно-необходимое для производства данного товара; таким образом вследствие повышения производительности меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости². Если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства мог быть предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически-унаследованной, существующей форме и увеличивает лишь его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных усло-

² «Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов, благодаря которым данная работа может быть произведена с меньшим количеством людей или (что то же самое) в более короткое время, чем раньше» (Galiani, Della Moneta, vol. III в собрании Custodi «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica», Parte Moderna, Milano 1801, p. 159). «Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство» (Sismondì, Etudes etc., vol. I, p. 22).

виях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

✓ Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответственного изменения относительных величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных средств существования, или могут заменить последние. Но стоимость товара определяется не только количеством того труда, который сообщает товару окончательную форму, но также количеством труда, содержащегося в средствах производства этого товара. Напр., стоимость сапога определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д. Следовательно, стоимость рабочей силы падает также вследствие повышения производительной силы труда и соответственного удешевления товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, т. е. средства труда и материал труда, для изготовления необходимых средств существования. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют им необходимых средств существования, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без перемены.

Удешевление товаров понижает, конечно, стоимость рабочей силы лишь постольку, насколько товар этот принимает участие в воспроизводстве рабочей силы. Так, напр., рубашка есть необходимое средство существования, но лишь одно из многих. Удешевление этого товара уменьшает только затраты рабочего на рубашки. Но общая сумма необходимых средств существования состоит из различных товаров, из разнороднейших продуктов особых отраслей промышленности, и стоимость каждого такого товара образует всегда соответственную часть стоимости рабочей силы. Эта последняя стоимость уменьшается вместе с необходимым для ее воспроизводства рабочим временем, общее сокращение которого равно сумме его сокращений в упомянутых выше особых отраслях производства. Мы рассматриваем здесь этот общий результат так, как будто бы он был непосредственным результатом и непосредственной целью в каждом частном случае. Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, напр. рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью соответственно понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако лишь постольку, поскольку он в конце концов содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости³. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от формы их проявления.

³ «Когда фабрикант путем усовершенствования машин удваивает количество получаемого им продукта... он выигрывает (в конце концов) лишь постольку, поскольку он, благодаря этому, получает возможность

Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства обнаруживаются во внешнем движении капиталов, осуществляются как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала совершенно так же, как кажущееся движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но не воспринимаемое непосредственно движение. Для понимания производства относительной прибавочной стоимости нам остается лишь, оставаясь на почве уже достигнутых нашим анализом результатов, отметить следующее.

Если один рабочий час выражается в количестве золота, равном 6 п., или $\frac{1}{2}$ ш., то в течение 12-часового рабочего дня будет произведена стоимость в 6 ш. Пусть при данном уровне производительной силы труда в течение этих 12 рабочих часов приготавливаются 12 единиц товара. Стоимость средств производства, сырого материала и т. п., употребленных на каждую штуку товара, пусть будет 6 п. При этих обстоятельствах каждый отдельный товар стоит один шиллинг, а именно 6 п. представляют стоимость средств производства, и 6 п. равняется вновь присоединенная к ним при обработке стоимость. Допустим теперь, что какому-нибудь капиталисту удастся удвоить производительную силу труда, так что в 12-часовой рабочий день он производит не 12, а уже 24 штуки товара этого рода. Если стоимость средств производства осталась без изменения, то стоимость отдельной штуки товара понижается теперь до 9 п., именно, 6 п. в возмещение стоимости средств производства и 3 п. — стоимость, вновь присоединенная последним трудом. Несмотря на удвоение производительной силы труда, рабочий день создает и теперь, как раньше, новую стоимость в 6 ш., но только эта последняя распределяется на вдвое большее количество товаров. На каждый отдельный продукт падает поэтому лишь $\frac{1}{24}$ вместо $\frac{1}{12}$ этой общей стоимости, 3 п. вместо 6 п., или, — что то же самое, — к средствам производства при их превращении в готовый продукт присоединяется теперь полчаса труда на каждую штуку товара, а не целый час, как это было раньше. Индивидуальная стоимость этого товара теперь ниже его общественной стоимости, т. е. товар стоит меньше рабочего времени, чем огромная масса продуктов того же рода, произведенных при средних общественных условиях. Штука товара стоит в среднем 1 ш. или представляет собою 2 часа общественного труда; при изменившемся способе производства она стоит лишь 9 п., т. е. содержит в себе лишь $\frac{1}{2}$ часа труда.

Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. стоимость эта измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном отдельном случае, а рабочим временем, общественно-необходимым для производства товара. Следовательно, если капиталист, применивший новый метод, продает свой товар по его общественной стоимости в 1 ш., он продает его на три пенса выше его индивидуальной стоимости и таким образом реализует избыточную прибавочную стоимость в 3 п. С другой стороны, дешевле одеть рабочего... поскольку, следовательно, на долю рабочего падает теперь меньшая часть всего продукта» (Ramsay, An Essay on the Distribution of Wealth, London 1821, p. 168, 169).

надцатичасовой рабочий день выражается теперь для него в 24 штуках товара вместо прежних 12. Следовательно, чтобы продать продукт одного рабочего дня, ему необходимо теперь вдвое увеличить сбыт или рынок для своего товара. При прочих равных условиях его товары могут завоевать себе больший рынок лишь путем понижения своих цен. Поэтому капиталист будет продавать их выше их индивидуальной, но ниже их общественной стоимости, напр. по 10 п. за штуку. Таким образом из каждой штуки он все-таки выжмет избыточную прибавочную стоимость в 1 п. Это повышение прибавочной стоимости он получит независимо от того, принадлежит или нет его товар к числу необходимых средств существования, входит или не входит он как определяющий момент в общую стоимость рабочей силы. Следовательно, независимо от этого последнего обстоятельства каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда.

Но даже и в рассматриваемом случае увеличенное производство прибавочной стоимости возникает из сокращения необходимого рабочего времени и соответственного удлинения прибавочного труда^{3а}. Пусть необходимое рабочее время равняется 10 часам, т. е. дневная стоимость рабочей силы 5 ш., прибавочный труд — 2 часам, а производимая ежедневно прибавочная стоимость — 1 ш. Но наш капиталист производит теперь 24 штуки товара, которые он продает по 10 п. за штуку, т. е. всего за 20 ш. Так как стоимость средств производства равна 12 ш., то $14\frac{2}{5}$ штуки товара лишь возмещают авансированный постоянный капитал. Двенадцатичасовой рабочий день выражается в остальных $9\frac{3}{5}$ штуках. Так как цена рабочей силы = 5 ш., то в 6 штуках товара выражается необходимое рабочее время и в $3\frac{3}{5}$ штуках — прибавочный труд. Отношение необходимого труда к прибавочному труду, составлявшее при средних общественных условиях 5 : 1, составляет теперь только 5 : 3.

Тот же самый результат можно получить еще следующим образом. Стоимость продукта двенадцатичасового рабочего дня = 20 ш. Из них 12 ш. приходятся на стоимость средств производства, лишь вновь появляющуюся в стоимости продукта. Следовательно, остаются 8 ш. как денежное выражение стоимости, в которой воплощен рабочий день. Это денежное выражение больше, чем денежное выражение общественно-среднего труда того же самого вида, потому что 12 часов последнего выражаются лишь в 6 ш. Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Но наш капиталист теперь, как и раньше, уплачивает лишь 5 ш. за дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, рабочему вместо прежних десяти требуется теперь только $7\frac{1}{5}$ часов для воспроизводства этой стоимости. Его прибавочный труд возрастает поэтому на $2\frac{4}{5}$ часа, произведенная им прибавочная стои-

^{3а} «Прибыль, получаемая человеком, зависит не от того, что он господствует над продуктом труда других людей, а от того, что он господствует над самым этим трудом. Если он может продать свои продукты по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, он, очевидно, получит выгоду... Тогда меньшей части того, что он произвел, достаточно, чтобы привести в движение этот труд и, следовательно, большая часть остается в его собственную пользу» («Outlines of Political Economy», London 1832, p. 49, 50).

ность — с 1 ш. до 3 ш. Таким образом капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает большую часть рабочего дня в качестве прибавочного труда, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. Он в отдельном случае делает то же самое, что в общем и целом совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта избыточная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение, и вместе с тем устраняется разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью. Тот же самый закон определения стоимости рабочим временем, который дает себя почувствовать введшему новый способ производства капиталисту, как необходимости продавать товар ниже его общественной стоимости, — этот самый закон в форме принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый способ производства⁴. Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда повышение производительной силы труда распространится на такие отрасли производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых средств существования и потому образуют элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда. Средний общественный рабочий день в 12 часов, при неизменной стоимости денег, производит всегда одну и ту же стоимость в 6 ш., в каком бы отношении эта сумма стоимости ни распалась на эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Но если вследствие повышения производительной силы труда стоимость средств дневного существования, а следовательно, и дневная стоимость рабочей силы понижается с 5 до 3 ш., то прибавочная стоимость возрастает с 1 до 3 ш. Для того чтобы воспроизвести стоимость рабочей силы, прежде было необходимо 10 часов труда, а теперь требуется только 6 рабочих часов. Четыре часа освободились и могут быть присоединены к области прибавочного труда. Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и при помощи удешевления товаров удешевить самого рабочего⁵.

⁴ «Если мой сосед, производя больше с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он. Так что всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает в других, так сказать, необходимость соревнования или путем использования того самого метода, инструмента или машины, или же путем изобретения чего-либо подобного им, так чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England», London 1720, p. 67).

⁵ «В той самой пропорции, в какой понижаются издержки рабочего, понижается и его заработная плата, если наряду с этим промышленность освобождается от всяких стеснений» («Considerations concerning taking of the Bounty on Corn exported etc.», London 1752, p. 7). Интересы промышленности и торговли требуют, чтобы хлеб и всякие вообще предметы питания

Для капиталиста, производящего товар, абсолютная стоимость последнего сама по себе безразлична. Капиталиста интересует лишь заключающаяся в товаре и реализуемая при его продаже прибавочная стоимость. Реализация прибавочной стоимости предполагает, само собою разумеется, возмещение авансированной стоимости. Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном отношении к этому последнему, — другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим самым разъясняется загадочный смысл того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров, — противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников, и по поводу которого они так и не дали ему ответа. «Вы допускаете, — говорит Кенэ, — что чем больше удастся сберечь, без вреда для производства, издержек или дорогих работ при фабрикации промышленных продуктов, тем выгоднее это сбережение, так как оно уменьшает цену продукта. И, несмотря на то, вы полагаете, что производство богатства, возникающего из труда промышленников, состоит в увеличении меновой стоимости их произведений»⁶.

Таким образом при капиталистическом производстве экономия на труде⁷, получающаяся вследствие развития производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров. Если рабочий вследствие повышения производительности своего труда начинает производить в течение часа товара, скажем, в 10 раз больше, чем раньше, и, следовательно, на каждую штуку товаров употребляет в десять раз меньше рабочего времени, то это нисколько не мешает тому, что его и теперь заставляют работать прежние 12 часов в день и производить в 12 часов 1200 штук товара вместо 120. Его рабочий день может даже удлиниться, так что он будет теперь в течение 14 часов производить 1400 штук и т. д. Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак Куллох, Уге, Сениор

стали возможно более дешевы; ибо то, что удорожает их, удорожает также и труд... Во всех странах, где промышленность свободна от ограничений, цена предметов питания должна отражаться на цене труда. Эта последняя всегда понижается, когда становятся дешевле необходимые средства существования». (Там же, стр. 3.) «Заработная плата уменьшается в той самой пропорции, в какой возрастает силы производства. Правда, машины удешевляют средства существования, но они/удешевляют также и рабочих» («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation», London 1834, p. 27).

⁶ *Qu'es n'a y, Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans, éd. Daire, Paris 1846, p. 188, 189.*

⁷ «Эти спекулянты, которые так экономят на труде рабочих, раз им приходится его оплачивать» (J. N. Bidault, *Du Monopole qui s'établit dans les arts industriels et le commerce*, Paris 1828, p. 13). «Предприниматель всегда будет употреблять усилия, чтобы экономизировать время и труд» (Dugald Stewart, *Works*, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, vol. III, «Lectures on Political Economy», p. 318). «Их (капиталистов) интерес требует, чтобы производительная сила применяемых ими рабочих была возможно более велика. Поэтому на увеличение этой силы направлено, и притом почти исключительно, их внимание» (R. Jones, *Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations*, Hertford 1852, Lecture III).

и как они еще там называются, вы на одной странице читаете, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил, сокращающее необходимое рабочее время, а на следующей странице, — что рабочий должен проявить эти свои благодарные чувства, работая на будущее время 15 часов в день вместо 10. При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и как раз для того, чтобы удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста. В какой степени этот результат достижим без удешевления товаров, обнаружится при детальном рассмотрении методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КООПЕРАЦИЯ

Как мы видели, капиталистическое производство начинается фактически лишь там, где данный индивидуальный капитал дает занятие значительному числу рабочих одновременно, и, следовательно, процесс труда расширяет свои размеры и доставляет количественно значительные массы продукта. Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства. Так, напр., с точки зрения самого способа производства мануфактура в начале ее развития едва ли отличается от цеховой ремесленной промышленности чем-либо иным, кроме большего количества рабочих, одновременно занятых одним и тем же капиталом. Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры.

Итак, сначала разница чисто количественная. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженный на число всех занятых одновременно рабочих. Число это само по себе несколько не влияет на норму прибавочной стоимости или степень эксплуатации рабочей силы; что же касается качественных изменений в процессе труда, то они, повидимому, безразличны для производства всякой товарной стоимости вообще. Это вытекает из природы стоимости. Если один двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 ш., то 1200 таких рабочих дней в 6 ш. $\times$ 1200, в 7200 ш. В одном случае 12×1200 , или 14 400 рабочих часов, в другом случае только 12 рабочих часов воплотились в продукте. В производстве стоимости крупное число имеет значение только как сумма многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно, или же они объединены вместе под управлением одного и того же капитала.

Впрочем, здесь в известных границах устанавливается некоторая модификация [изменение]. Труд, объективированный в стоимости, есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей силы. Но

средняя величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. Данный индивидуальный рабочий любой отрасли промышленности, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков «погрешностями», взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Известный софист и сикофант Эдмунд Бёрк утверждает даже, на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде сгираются уже для «такого ничтожного отряда», как 5 сельскохозяйственных батраков, — следовательно, пять первых попавшихся английских батраков рабочего возраста выполняют, согласно Бёрку, в течение данного промежутка времени совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков⁸. Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день значительного числа одновременно занятых рабочих, разделенный на число рабочих, уже дает нам день среднего общественного труда. Пусть рабочий день одного человека продолжается, напр., двенадцать часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа, и, хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда, хотя каждый отдельный рабочий употребляет на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени по сравнению с общественной средней, тем не менее рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством. Но для капиталиста, который занимает дюжину рабочих, рабочий день существует лишь как совокупный рабочий день всей дюжины. Рабочий день каждого отдельного рабочего существует лишь как соответственная часть совокупного рабочего дня, совершенно независимо от того, трудятся ли эти 12 человек совместно, или же вся связь между их работами состоит в том, что они работают на одного и того же капиталиста. Если же из этих 12 рабочих каждая пара получит занятие у мелкого мастера, то лишь случайно каждый из этих мастеров может произвести одинаковую сумму стоимости, а следовательно, и реализовать общую норму прибавочной стоимости. Неизбежно обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени чем это общественно необходимо, если индивидуально-необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно-необходимого или среднего рабочего времени, то его труд не может считаться средним трудом, а его рабочая сила не может считаться средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не может быть продана, или будет продана ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом

⁸ «Бесспорно, существует большая разница между стоимостью труда различных людей в зависимости от различий в силе, умении и добросовестности. Но я совершенно уверен, на основании моих тщательных наблюдений, что первые попавшиеся 5 человек, в целом, доставят количество труда, равное труду всяких других пяти человек, находящихся в указанном мною возрасте; это значит, что из этой пятерки один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой — плохим работником, остальные три — посредственными, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом уже в таком отряде, как 5 человек, вы найдете полный комплект всего того, что вообще могут дать пять человек» (E. Burke, Thoughts and Details of Scarcity, London 1800, p. 16). Ср⁹, кроме того, Кэтлэ о среднем индивидууме.

определенный минимум работоспособности предполагается всегда, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости. Поэтому из шести предположенных нами мастеров одни выручат меньше, другие больше прибавочной стоимости, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравниваются для всего общества, но не для отдельного мастера. Следовательно, закон возрастания стоимости вполне реализуется для отдельного производителя лишь в том случае, если он производит как капиталист, употребляет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд⁹.

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в вещественных условиях процесса труда. Постройки, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, — одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а следовательно и средств производства ничуть не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой стороны, масштаб средств производства, потребляемых сообща, должен возрасти. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть поместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит дешевле, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость средств массового и концентрированного совместного производства растет медленнее, чем размеры этих средств производства и их полезный эффект. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта, частью потому, что вся та стоимость, которую они отдают, распределяется одновременно на большую массу продуктов, частью потому, что они вносят в процесс производства хотя и большую по своей абсолютной величине, но, если рассматривать сферу их действия, относительно меньшую стоимость. Вместе с тем понижается стоимость части постоянного капитала, а следовательно, понижается пропорционально ее величине и совокупная стоимость товара. Результат получится тот же, как и в том случае, если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта экономия [сбережение] в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. И средства производства приобретают этот характер лишь как общественные условия труда или условия общественного труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких мастеров, — они приобретают этот характер даже в том случае, если многие рабочие объединены лишь пространственно, а не совместностью самого труда. Часть средств производства усваи-

⁹ Г. профессор Рошер сообщает нам о своем открытии, что швея, работающая на госпожу профессоршу в течение двух дней, доставляет больше труда, чем две швеи, совместно работающие один день. Господину профессору следовало бы понимать, что процесс капиталистического производства не наблюдают в детской, в обстановке, где нет главного действующего лица — капиталиста.

вает этот общественный характер даже раньше, чем он усваивается самым процессом труда.

Экономия на средствах производства представляет вообще интерес с двойной точки зрения. С одной стороны, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. С другой стороны, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянного и переменного составных частей. Последний пункт будет рассмотрен лишь в первом отделе третьей книги этой работы, куда в интересах внутренней связности изложения придется отнести и многое другое, принадлежащее к затронутой здесь теме. Ход анализа требует такого рассеяния предмета, да оно соответствует и духу капиталистического производства. А именно, так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется к о о п е р а ц и е й ¹⁰.

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, напр., требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие ¹¹. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение много более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила ^{11а}.

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и всеобразное повышение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного сов-

¹⁰ «Concours de forces» («соединение сил») (Destutt de Tracy, *Traité de la Volonté et de ses effets*, Paris 1826, p. 78).

¹¹ «Существуют многочисленные операции, настолько простые, что их нельзя разделить на подразделения, но которые могут выполняться кооперацией многочисленных рабочих рук. Таково, напр., поднятие большой балки на телегу... и вообще всякое дело, которое может быть выполнено только большим количеством рук, одновременно помогающих друг другу в одной и той же операции» (E. G. Wakefield, *A View of the Art of Colonization*, London 1849, p. 168).

^{11а} «Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с величайшим напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем» (John Bellers, *Proposals for raising a college of industry*, London 1696, p. 21).

местного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение двенадцати последовательных дней труда¹². Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель¹³, то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно или совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного лица как часть совокупного труда может представлять различные фазы известного процесса труда, через которые обрабатываемый предмет, вследствие кооперации, пробегает быстрее. Так, напр., если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от оснований строящегося здания до его вершины, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы ее, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда, и благодаря которым кирпич, пройдя через две дюжины рук коллективного рабочего, скорее доставляется на место, чем в том случае, если бы его перенесли две руки единичного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них¹⁴. Предмет труда пробегает то же самое пространство в более короткое время. С другой стороны, комбинированный труд осуществляется и в том случае, если, напр., к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующие работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или коллективный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, обладает в известной мере вездесущим. При этом совокупный продукт подвигается к своему

¹² «В этом (т. е. когда один фермер употребляет на 300 акрах то же самое число рабочих, какое 10 мелких фермеров употребляют на 30 акрах каждый) заключается также преимущество значительного числа совместно действующих работников, которое нелегко уразуметь людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, как 3 относится к 12; однако на практике это положение не верно: во время жатвы и при некоторых других спешных работах дело идет лучше и успешнее, если соединить значительное число рук вместе; так, напр., 2 возчика, 2 нагружника, 2 подавальщика, 2 загребальщика и несколько человек на скирдах или на гумне сделают вдвое больше труда, чем то же самое количество рабочих рук, разделенных мелкими группами по отдельным фермам» («An Enquiry into the Connection between the present price of provisions and the size of farms. By a Farmer», London 1773, p. 7, 8).

¹³ Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий.

¹⁴ «Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Каменщики, напр., передающие кирпичи из рук в руки на высокие леса, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на известном протяжении, и что все вместе доставляют его на место много быстрее, чем было бы в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на высокие леса» (F. S k a r b e k *Théorie des richesses sociales*, 2-me éd., Paris 1840, vol. I, p. 97, 98).

окончанию быстрее, чем в двенадцать двенадцатичасовых рабочих дней более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Мы подчеркиваем, что многие дополняющие друг друга рабочие совершают одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет крупную роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно, совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта¹⁵.

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. известные, определяемые самой природою рабочего процесса периоды времени, в течение которых необходимо должен быть достигнут определенный трудовой результат. Если требуется, напр., остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависит от того, будет ли данная операция начата и закончена в известный момент времени. Промежутком времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, напр., при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация из 100 человек расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, вмещающий в себе 1200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решительный момент на арену труда¹⁶. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта — от числа рабочих; последнее однако всегда менее числа тех рабочих, которые, работая изолированно, смогли бы в течение того же самого времени произвести ту же самую работу. Недостаток в такого рода кооперации является причиной, почему на западе Соединенных штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, масса хлопка¹⁷.

¹⁵ «Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой — другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или берет рыбу гарпунном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения усилий» (*Destutt de Tracy, Traité de la Volonté et de ses effets, Paris 1826, p. 78*).

¹⁶ «Выполнение их (земледельческих работ) в решительный момент имеет огромную важность» («*An Enquiry into the Connection between the present price etc.*», p. 9). «В земледелии нет более важного фактора, чем фактор времени» (*Liebig, Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft, 1856, S. 23*).

¹⁷ «Дальнейшее зло такого рода, что его едва ли кто-либо мог бы ожидать в стране, которая вывозит труда более, чем всякая иная страна мира, за исключением, быть может, Китая и Англии, — а именно, невозможность найти достаточное количество рабочих рук для собирания хлопка. Результатом этого является тот факт, что значительная часть урожая остается несобранной, а другую часть его собирают с земли, после того как хлопок уже осыпался и вследствие этого потерял надлежащий цвет

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширить пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, напр., она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при проведении каналов, грунтовых, железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить область производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, позволяющее сберечь значительную часть непроизводительных издержек производства (*faux frais*), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства¹⁸.

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней, комбинированный рабочий день производит больше массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения известного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их *animal spirit* [жизненная энергия], или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции начинают выполняться одновременно, или средства производства экономизируются благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочими стирает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции¹⁹.

и отчасти сгнил, так что вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время плантатор фактически вынужден лишиться большой доли того урожая, на который с такою жадностью устремлены взоры Англии» (*Bengal Hurkaru, Bi-Monthly Overland Summary of News, 22-nd July, 1861*).

¹⁸ «Благодаря прогрессу земледелия все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда для поверхностной обработки 500 акров, сосредоточивается теперь для более основательного возделывания 100 акров». Хотя «по отношению к количеству применяемого капитала и труда пространство и сократилось, сфера производства расширилась по сравнению с той сферой производства, рамками которой ограничивалась прежде деятельность каждого отдельного самостоятельного деятеля производства» (*R. Jones, An Essay on the Distribution of Wealth. Part I. On Rent, London 1831, p. 191, 199*).

¹⁹ «Сила каждого человека ничтожна, но соединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем сумма этих частичных сил, так что силы самым своим объединением могут уменьшить время и увеличить сферу своего действия» (*G. R. Carli, прим. к P. Verri, Meditazioni sulla Economia Politica*) (впервые издана в 1773 г.), в издании итальянских экономистов (*Custodi, Parte Moderna, vol. XV, p. 196*).

Добавление к французскому изданию: «Общий труд достигает результатов, которых никогда не мог бы дать труд отдельного рабочего. По мере того,

Если рабочие не могут вообще вступить в процесс непосредственного сотрудничества, раз они не находятся вместе, если поэтому их скопление в определенном пункте есть условие их кооперации, то, с другой стороны, наемные рабочие могут кооперировать лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д. должна уже находиться в кармане капиталиста раньше, чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того, чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется большая затрата капитала, чем для того, чтобы оплачивать неделя за неделей труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом число кооперирующихся рабочих, или масштаб кооперации, зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает средствами существования многих рабочих.

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Стоимость и масса того материала, из которого состоят совместно применяемые средства труда, растут, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако они растут все же весьма значительно. Таким образом концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала была необходима для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости, были достаточны для освобождения самого эксплуататора от ручного труда, для превращения мелкого мастера в капиталиста, для того, чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, независимых друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально господство капитала над трудом было лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста, и, следовательно, под надзором капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих господство капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, действительным условием про-

---

как увеличивается численность человечества, продукты объединяемых работ начинают на много превосходить ту сумму, которая получилась бы посредством простого сложения в итоге этого увеличения... В сфере механических искусств и научных работ человек может фактически сделать в один день больше, чем отдельный индивидуум в течение всей своей жизни. Положение математиков, что целое равно сумме его частей, в применении к нашему предмету неправильно. По отношению к труду, этому великому устойчивому существованию человечества, можно сказать, что продукт объединенных усилий значительно превосходит все, чего могли бы когда-либо достигнуть усилия разъединенных индивидуумов» (Th. Sadler, *The Law of Population*, London 1850).

изводства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или общий труд нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными деятельностями и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного тела в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собою, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, наблюдения и гармонизации делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает известные характерные особенности.

Прежде всего, движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание стоимости капитала²⁰, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а следовательно, неизбежно растет и давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, оно есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустрашимым антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Далее, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением²¹. Кроме того, кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций, их единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом по своему содержанию капиталистическое руководство носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны — процесс самовозрастания капитальной стоимости. По форме

²⁰ «Прибыль... единственная цель производства» (J. Vanderlint, Money answers all Things, London 1734, p. 11).

²¹ Газета английских филистеров, «Spectator», сообщает в номере от 3 июня 1866 г., что после учреждения между капиталистами и рабочими своего рода товарищества в манчестерской компании для производства проволоки «первым результатом было внезапное уменьшение расточения материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незначит портить свое собственное имущество, а после легкомысленных долгов расточение материала является, быть может, величайшим источником потерь в промышленности». Та же самая газета открывает следующий коренной недостаток в рочдзельских кооперативных опытах: «Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно заведывать лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они чрезвычайно улучшили положение самих рабочих, но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста». Какой ужас!

своей капиталистическое руководство деспотично. По мере развития кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает своеобразные, присущие ему формы. Как мы уже видели, капиталист освобождается от ручного труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой становится возможным капиталистическое производство в собственном смысле этого слова. Подобным же образом и функция непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих переходит затем к особой категории наемных работников. Как армия нуждается в иерархии военных командиров, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (мастера, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве, экономист причисляет эту работу надзора к *faux frais* [нехозяйственным издержкам] производства^{21a}. Напротив, рассматривая капиталистический способ производства, он отождествляет функцию руководства, вытекающую из самой природы общественного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического [основанного на противоречиях] характера этого процесса²². Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности^{22a}.

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, единичную рабочую силу. Это обстоятельство ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней независимых друг от друга рабочих. Капиталист может употреблять эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые

^{21a} Профессор Кэрнс, указав на «superintendence of labour» («надзор за трудом») как на характерную черту рабского труда в южных штатах Северной Америки, продолжает: «Крестьянин-собственник (севера), присваивающий себе весь продукт своей земли, не нуждается в иных стимулах для труда. Всякая надобность в надзоре здесь совершенно устранена» (Cairnes, *The Slave Power*, London 1862, p. 48, 49).

²² Сэр Джемс Стюарт, который вообще прекрасно разбирается в характерных общественных особенностях различных способов производства, замечает: «Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают частные предприятия, как не потому, что они ближе подходят к упрощенности рабства?» («Principles of Political Economy», London 1767, vol. I, p. 167, 168).

^{22a} Отгуст Конт и его школа могли бы поэтому доказывать вечную необходимость существования феодального господства с таким же основанием, с каким они делали это по отношению к господству капиталистическому.

личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область, они сделались частью капитала. Как кооперирующие между собой рабочие, как члены одного развивающегося деятельности организма, они представляют лишь особые способы существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе значение простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д. «В старые времена случалось, что эти азиатские государства за погашением расходов на свои гражданские и военные надобности оказывались обладателями некоторого избытка средств существования, который они могли употреблять на сооружение великолепных или общепользных зданий. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего земледельческого населения, и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанными избытками принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они наполнили страну... При постановке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, передвижение которых вызывает изумление, применялся почти исключительно человеческий труд самым расточительным образом. Для этого достаточно было большого числа рабочих и сосредоточения их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depository) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Земледельческие рабочие азиатской монархии могли внести в дело почти исключительно одни только свои физические индивидуальные силы, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами положила начало вышеупомянутым гигантским сооружениям. Только благодаря концентрации в руках одного или немногих лиц тех доходов, на счет которых жили рабочие, были возможны такого рода предприятия»²³. Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту, причем безразлично, выступает ли этот последний как отдельный капиталист или как капиталист концентрированный, как в акционерных обществах.

Те формы кооперации, господство которых в процессе труда мы находим на первых ступенях человеческой культуры, напр. у охотничьих народов²⁴

²³ R. Jones, Textbook of Lectures etc., Hertford 1852, p. 77, 78. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и др. европейских столицах делают нас свидетелями этих кооперативных процессов труда.

²⁴ Linguet в своей «Théorie des Lois civiles», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — первой формой охоты.

или в земледельческих общинах Индии, покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем. То и другое отличает эти формы кооперации от кооперации капиталистической. Спорадическое [в единичных случаях] применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средних веках и современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Однако исторически она развивается, как противоположность крестьянскому хозяйству и самостоятельному ремесленному производству, независимо от того, обладает ли это последнее цеховой формой или нет²⁴. По отношению к этим формам капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, но самый принцип кооперации противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Подобно тому, как общественная производительная сила труда, развиваемая кооперацией, принимает вид производительной силы капитала, точно так же и сама кооперация противостоит процессу производства отдельных самостоятельных работников или мелких мастеров и как специфическая форма капиталистического процесса производства. Таково первое изменение, претерпеваемое действительным процессом труда при его подчинении капиталу. Изменение это совершается совершенно стихийно. Его предпосылка — одновременное применение значительного числа наемных рабочих в одном и том же процессе труда — образует исходный пункт капиталистического производства. Без этого условия невозможно самое существование капитала. Итак, если, с одной стороны, капиталистический способ производства исторически необходим для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляется методом, который применяется капиталом с целью выгоднее эксплуатировать труд путем повышения его производительной силы.

В рассмотренном нами до сих пор простом своем виде кооперация совпадает с производством в расширенном масштабе, но не образует еще прочной формы, характеризующей особую эпоху в развитии капиталистического способа производства. В лучшем случае приблизительно такое значение ей может быть приписано лишь в организованных по ремесленному типу первых зачатках мануфактуры²⁵ и в том виде крупного земледелия, который по

²⁴ Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.

²⁵ «Разве соединение искусства, трудолюбия и соревнования многих на одной и той же работе не есть способ усовершенствовать эту работу? И разве Англия могла бы каким-либо иным способом довести свою шерстяную мануфактуру до столь высокого совершенства?» (Berkeley, The Querist, London 1750, p. 56, § 521).

своему типу соответствует мануфактурному периоду, существенно отличался от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в широком масштабе, а разделение труда и машины не играют еще заметной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. Двойное происхождение мануфактуры

Кооперация, основанная на разделении труда, создает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двойным способом.

В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнообразных самостоятельных ремесел, в пределах которых протекает весь процесс выработки продукта вплоть до его окончательной зрелости. Так, напр., карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: каретника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они совместно совершают свою работу. Конечно карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Но если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть пробегает более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаемся еще на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и т. д., раз он занимается только каретным делом, теряет мало-по-малу привычку, а вместо с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла комбинацию самостоятельных ремесел. Постепенно производство карет разделяется на различные частичные операции, каждая из которых кристаллизуется в виде исключительной функции рабочего-специалиста, и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих. Подобным же образом суковная мануфактура и целый ряд других мануфактур возникли путем комбинации различных ремесел под управлением одного и того же капитала²⁶.

²⁶ Чтобы указать более современный пример этого способа образования мануфактуры, приведем следующую цитату. Шелкопрядение и шелко-

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, напр. делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это — кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготавливает весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Так, напр., принимаются меры к тому, чтобы в течение данного времени было доставлено большее количество готового товара. Труд поэтому разделяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причем каждая из них поручается отдельному ремесленнику и все вместе одновременно выполняются кооперирующими работниками. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свои специфические преимущества и мало-по-малу острее становится в виде систематического разделения труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию. Те же самые операции, которые сливались между собой в ряд последовательных работ, выполняемых немецким цеховым мастером бумажного производства, в голландской бумажной мануфактуре становятся самостоятельными и протекают здесь одновременно как частичные операции многих кооперирующих рабочих. Нюрнбергский цеховой мастер, изготавливающий иголки, образует основной элемент английской игольной мануфактуры. Но в то время, как нюрнбергский ремесленник последовательно производит одну за другой, быть может, 20 операций, в английской мануфактуре работают одновременно 20 ремесленников, выполняя каждый лишь одну из 20 операций, причем сообразно указаниям опыта операции эти еще более расщепляются, изолируются и обособляются как исключительные функции отдельных рабочих.

Итак, мануфактура двояким путем возникает, образуется из ремесла. С одной стороны, она исходит из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, которые утрачивают свою самостоятельность, делаются односторон-

---

ткачество в Лионе и Ниме «носят совершенно патриархальный характер; эти отрасли промышленности занимают много женщин и детей, но не надрывают их сил и не вредят их здоровью; работники остаются в своих прекрасных долинах Дромы, Вара, Изеры, Воклюзы, разводя червей и разматывая их коконы; никогда производство это не принимает характер настоящей фабрики. При ближайшем рассмотрении... принцип разделения труда обнаруживает здесь своеобразные особенности. Существуют специалисты мотальщицы, сучильщики, красильщики, шлихтовальщицы и, наконец, ткачи; но они не соединены в одном и том же здании и не зависят от одного и того же хозяина; все они работают самостоятельно» (A. B l a n c h e, Cours d'Économie industrielle. Recueilli par A. Blaise, Paris 1838—39, p. 79). С того времени, как Бланки написал это, произошли перемены, и часть рабочих, некогда независимых, уже объединена теперь на фабриках. [«А с тех пор, как Маркс написал это, — отмечает здесь Энгельс в 4-м издании, — на этих фабриках утвердился механический ткацкий станок и быстро вытесняет ручной. Крефельдской шелковой промышленности предстоит та же участь».]

ними в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы они могли стать дополняющими друг друга частичными операциями в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура исходит из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы каждая из них могла стать исключительной функцией особого рабочего. Поэтому, с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его далее, с другой стороны, она комбинирует ремесла, бывшие раньше самостоятельными. Но, каков бы ни был ее исходный пункт в том или другом частном случае, ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди.

Для правильного понимания разделения труда в мануфактуре существенно обратить внимание на следующие пункты. Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли такая операция сложной или простой, она во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло. Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа. Именно потому, что ремесленное искусство остается таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспособляется исключительно к управлению одной частичной функцией, и рабочая сила его на всю его жизнь остается органом этой частичной функции. Наконец разделение труда уже само по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общего существа кооперации вообще, а не из данной ее особенной формы.

2. Частичный рабочий и его орудие

Приступая к ближайшему анализу, мы должны прежде всего констатировать тот очевидный факт, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает все свое тело в ее автоматически односторонний орган и потому употребляет на нее меньше времени, чем ремесленник, совершающий попеременно целый ряд операций. Но комбинированный коллективный работник, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Таким образом по сравнению с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, т. е. производительная сила труда повышается²⁷. Самый метод данной частичной работы совершенствуется вследствие того, что она становится самостоятельной, исключительной функцией определенного рабочего. Постоянное повторение одной и той же несложной операции и сосредоточение внимания в этой узкой области научают

²⁷ «Чем больше труд сложной мануфактуры разделен между различными частичными работниками, тем лучше он выполняется, тем больше его напряженность и тем меньше потеря времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade», London 1720, p. 71).

опытным путем достигать искомого полезного результата с наименьшей затратой силы. А так как все время различные поколения рабочих сталкиваются между собой на почве совместного труда в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные указанным путем приемы технического искусства быстро укрепляются, накапливаются и передаются новым поколениям ²⁸.

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов то естественное разделение промышленного труда, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность [мастерство] частных рабочих. С другой стороны, совершенное ею превращение частичной работы в жизненное призвание одного человека соответствует стремлению прежних общественных формаций сделать ремесло наследственным, окостенить его в виде каст или в виде цехов, раз определенные исторические условия создают изменчивость индивидуумов, не допускающую образования каст. Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует, напр., распадение животных и растений на виды и разновидности, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируется, кроме того, в качестве общественного закона ²⁹.

«Муслин из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие материи из Короманделя по своему великолению и прочности красок никогда еще не были превзойдены. И тем не менее они производятся без капитала, без машины, без разделения труда в их производстве не применяется ни один из тех методов, которые доставляют такие преимущества европейской фабрикации. Ткачеством занимается ремесленник-одиночка, изготавливающий ткань по заказу потребителей и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине производителя, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды» ³⁰.

²⁸ «Легкий труд есть унаследованное искусство» (Th. Hodgskin Popular Political Economy, London 1827, p. 48).

²⁹ «Искусства... достигли в Египте также значительной степени совершенства. Ибо только в одной этой стране ремесленникам огонь не разрешалось братья за занятия, свойственные другим классам граждан, но они должны были заниматься исключительно той профессией, которую закон наследственно закреплял за их родом... У других народов мы находим, что ремесленники разделяют свое внимание между слишком разнородными предметами... То они пытаются обрабатывать землю, то берутся за торговые дела, то занимаются двумя или тремя искусствами сразу. В свободных государствах они обыкновенно бегают на народные собрания... Напротив, в Египте каждый ремесленник, вмещающийся в государственные дела или занимающийся одновременно несколькими искусствами, подвергается тяжелым наказаниям. Таким образом ничто не может помешать ему сосредоточиться на своей профессии... К тому же, унаследовав многие правила от предков, они ревностно стараются изобретать новые улучшения» (Diodorus Siculus, Historische Bibliothek, Bd. I, Kap. 74).

³⁰ «Historical and descriptive Account of British India etc.» by Hugh Murray, James Wilson etc., Edinburgh 1832, vol. II, p. 449. Индийский ткацкий станок очень высок, так как основа натягивается на нем вертикально

Лишь унаследованная, накопленная из поколения в поколение, специальная шноровка сообщает индусу, как и пауку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индусский ткач совершает очень сложный труд.

Ремесленник, совершающий один за другим различные частичные процессы, из которых складывается производство продукта, должен то переходить с места на место, то переменять инструменты. Переходы от одной операции к другой прерывают течение его труда и образуют, так сказать, поры [промежутки] в его рабочем дне. Эти поры спадают, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается изменчивость его операции. Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей силы в течение данного промежутка времени, т. е. растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы. А именно, избыточная затрата сил, вызываемая каждым переходом от покоя к движению, компенсируется большею продолжительностью труда раз достигнутой нормальной быстроты. С другой стороны, непрерывная монотонность работы ослабляет напряженность внимания и подъем энергии, так как лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самым фактом перемены деятельности.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, напр. инструменты режущие, сверлящие, толкающие, ударяющие и т. д., употребляются в различных процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных операций. Но с того момента, когда различные операции данного процесса труда обособились друг от друга, причем каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла возможно более совершенную, а следовательно, и исключительную форму, — с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Направление этого изменения формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их неизменившейся форме. Дифференцирование [разделение на различные виды] рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения, и их специализация, благодаря которой каждый такой обособленный инструмент в полной мере проявляет свою дееспособность лишь в руках специфического частичного работника, — таковы характерные особенности мануфактуры. В одном Бирмингеме изготовляется до 500 разновидностей молотков, причем не только каждый из них служит для особого производственного процесса, но зачастую данная совокупность разновидностей служит лишь для отдельных операций одного и того же процесса. Мануфактурный период упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным обособленным функциям частичных рабочих³¹. Тем

³¹ Относительно естественных органов растений и животных Дарвин в своей сделавшей эпоху работе: «Происхождение видов», говорит: «Причина изменчивости органов в тех случаях, когда один и тот же орган выполняет различные работы, заключается, быть может, в том, что здесь естественный подбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое отклонение формы, чем в тех случаях, когда один орган предназна-

самым он создает материальные предпосылки машины, которая представляет комбинацию многих простых инструментов.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в ее целом.

3. Две основные формы мануфактуры: гетерогенная мануфактура и органическая мануфактура

По своему внутреннему строю мануфактуры разделяются на две основные формы, которые, хотя и встречаются иногда в смешанном виде, представляют однако два существенно различные рода и при позднейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот двойной характер мануфактуры определяется самой природой продукта. Последний получается или путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, или же своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций.

Так, напр., локомотив состоит более чем из 5000 самостоятельных частей. Он не может однако послужить примером собственно мануфактуры первого рода, так как является продуктом крупной промышленности. Но прекрасный пример дают нам часы, которые уже Вильям Петти берет для иллюстрации мануфактурного разделения труда. Из индивидуального продукта юрибергского ремесленника часы превратились в общественный продукт целой массы частичных рабочих. Таковы: Rohwerkmacher, изготовитель часовых пружин, изготовитель циферблатов, изготовитель спиральных пружин, рабочий, вставляющий рубины, изготовитель стрелок, изготовитель часовой коробки, рабочий, нарезающий винты, золотильщик со многими подразделениями, напр., рабочий, обрабатывающий колеса (причем опять-таки разделяется обработка латунных и стальных колес), Triebmacher, Zeigerwerkmacher, acheveur de pignon (укрепляет колеса в надлежащих частях механизма, полируют facettes и т. д.), Zapfenmacher, planteur de finissage (вставляет в механизм различные колеса и пружины), finisseur de barillet (вырезывает зубцы, расширяет отверстие до надлежащей величины, укрепляет установку), Hemmungtmacher и, как подразделение этой отрасли в некоторых случаях, изготовитель цилиндров, изготовитель встречных колес, изготовитель маятников, изготовитель raquette (механизма, регулирующего часы), planteur d'échappement; далее: repasseur de barillet, полировщик стали, полировщик колес, полировщик винтов, рисовальщик цифр, Blattmacher (рабочий, покрывающий медь эмалью), fabricant de pendants (делает лишь кольца к часовой коробке), finisseur de charnière (вставляет латунный штифт в середину коробки и т. д.), faiseur de secret (вставляет пружину, открывающую крышку), гравер, ciseleur, полировщик часовой коробки и т. д., и т. д., наконец, repasseur, окончательно собирающий готовые часы и пускающий их в ход. Лишь немногие части часов проходят через

чен лишь для определенной обособленной задачи. Так, напр., ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем сохранять более или менее одинаковую форму; но раз инструмент предназначен для одного какого-либо употребления, он при переходе к другому употреблению должен изменить и свою форму».

различные руки и в конце концов все эти *membra disjecta* [разрозненные члены] собираются в одних руках, которые и сплачивают их в одно механическое целое.

Благодаря чисто внешнему отношению готового продукта к его разнородным составным частям в данном производстве, как и в других подобных ему, соединение многих частичных рабочих в одной мастерской наблюдается лишь случайно. Частичные работы в свою очередь могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесел, что и имеет место в кантонах Ваадт и Невшатель, тогда как в Женеве, напр., существуют крупные часовые мануфактуры, т. е. осуществляется непосредственная кооперация частичных рабочих под управлением одного капитала. Но и в этом последнем случае циферблаты, пружины и коробки редко изготавливаются в самой мануфактуре. Комбинированный мануфактурный способ фабрикации выгоден здесь лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, наибольшая, а раздробление производства на массу разнородных процессов почти исключает возможность совместного применения орудий труда; между тем при рассеянной в пространстве фабрикации капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и т. п.³² Надо заметить, однако, что положение и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста (*Fabricant établisneur*), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков³³.

Другой род мануфактуры, ее совершенная форма, производит продукты, которые пробегают связанные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, напр., мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих.

Поскольку такая мануфактура комбинирует первоначально разрозненные ремесла, она уменьшает пространственное расстояние между отдельными фазами производства продукта. Вместе с тем сокращается время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, а следовательно, и труд, затрачиваемый на эти переходы³⁴. Этим путем достигается большая произво-

³² Женеве в 1854 г. произвела 80 000 часов, что составляет менее одной пятой часового производства кантона Невшатель. *Chaux-de-Fonds*, который можно рассматривать как одну часовую мануфактуру, производит в год вдвое больше, чем Женеве. С 1850 по 1861 г. Женеве изготовила 750 000 часов. См. «Report from Geneva of the Watch Trade» в «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc.», № 6, 1863. Если независимость отдельных процессов, на которые распадается производство сложного продукта, уже сама по себе крайне затрудняет превращение таких мануфактур в машинное производство крупной промышленности, то в производстве часов сюда присоединяются еще два специальные препятствия: мелкость и деликатность составных элементов и то обстоятельство, что часы как предмет роскоши характеризуются чрезвычайным разнообразием форм. Лучшие лондонские фирмы в течение целого года едва ли производят хотя бы дюжину вполне сходных часов. Часовая фабрика *Vacheron et Constantin*, с успехом применяющая машины, дает самое большее 3 — 4 вариации часов по величине и форме.

³³ В производстве часов, этом классическом образчике гетерогенной мануфактуры (объединяющей неоднородные процессы), особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию [т. е. различия, вытекающие из разделения труда] и специализацию рабочих инструментов.

³⁴ «При таком тесном сожительстве людей труд перевозки должен быть наименьший» («The Advantages of the East-India Trade», p. 106).

длительность труда по сравнению с ремеслом, причем в данном случае рост производительности вытекает из кооперативного характера мануфактуры вообще. С другой стороны, присущий мануфактуре принцип разделения труда приводит к изолированию различных фаз производства, которые обособляются в виде соответственного количества самостоятельных частичных работ ремесленного характера. Установление и поддержание связи между изолированными функциями вызывает необходимость постоянных перемещений продукта из одних рук в другие, из одного процесса в другой. С точки зрения крупной промышленности это обстоятельство, связанное с повышением издержек, представляет характерную для мануфактуры, вытекающую из самого принципа ее ограниченность³⁵.

Если мы рассматриваем определенное количество сырого материала, напр., тряпок на бумажной мануфактуре, проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно пробегает в руках различных частичных рабочих последовательную лестницу фаз производства, пока, наконец, продукт не примет своей заключительной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую в целом как совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одною частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара³⁶. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создает их сама, разлагая ремесленную деятельность. С другой стороны, она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая данного рабочего к одной и той же детали.

Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является в то же время определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или одна группа другой их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда другого. Таким образом здесь один рабочий непосредственно дает занятия другим. Рабочее время, необходимое для достижения искомого полезного эффекта в каждом частичном процессе, устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфакту-

³⁵ «Изолирование различных стадий производства, через которые продукт проходит в мануфактуре, неизбежное при употреблении ручного труда, чрезвычайно увеличивает издержки производства, причем потеря происходит, главным образом, вследствие большого отдаления отдельных производительных процессов один от другого» («The Industry of Nations», London 1855, Part II, p. 200).

³⁶ «Оно (разделение труда) создает также экономию времени, разделяя труд на различные операции, каждая из которых может выполняться одновременно... Путем выполнения сразу всех различных процессов труда, которые один человек должен совершать один после другого, создается, напр., возможность произвести множество совершенно законченных булавок в течение такого времени, какое в противном случае необходимо лишь для того, чтобы обрезать или заострить одну булавку» (Dugald Stewart, Works, edited by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, vol. III, «Lectures on Political Economy», p. 319).

ры покоится на предположении, что в данное рабочее время достигается данный результат. Лишь при этом условии различные, дополняющие друг друга процессы труда могут непрерывно совершаться один рядом и одновременно с другим в пространстве и времени. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих, вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создается гораздо более высокая степень непрерывности, согласованности, правильности, порядка ³⁷ и особенно интенсивности труда, чем это имеет место в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации. Закон, согласно которому на производство продукта должно быть затрачено лишь общественно-необходимое рабочее время, при товарном производстве проявляется, вообще говоря, только в виде принудительного внешнего давления конкуренции, реализуется благодаря тому, что, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене. Между тем в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени представляет технический закон самого процесса производства ³⁸.

Однако различные операции требуют неодинакового времени для своего совершения и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, раз каждый рабочий должен изо дня в день совершать одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, напр. в словолитне на 4 литейщиков требуется 2 отбивальщика и один полировщик, так как литейщик выливает в час 2000 букв, отбивальщик отбивает 4000 букв, а полировщик полирует 8000. Здесь принцип кооперации возвращается к своей простейшей форме: к одновременному применению труда многих людей, выполняющих однородную работу, но теперь принцип этот выражает собою известное органическое отношение. Таким образом мануфактурное разделение труда не только упрощает и умножает качественно различные органы общественного собирательного рабочего, но и создает прочные математические отношения между количественными размерами этих органов, т. е. относительным количеством рабочих и относительной величиной рабочих групп в каждой из этих специальных функций. Наряду с качественным расчленением оно устанавливает количественные нормы и пропорции в общественном процессе труда.

Раз для определенных размеров производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих в каждой из этих отдельных групп ³⁹. К этому

³⁷ «Чем больше разнообразия среди работников мануфактуры... тем больше порядок и регулярность каждой работы, тем меньше количество затрачиваемого на нее времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade», London 1720, p. 68).

³⁸ Впрочем, предприятиями мануфактурного типа во многих отраслях производства этот результат достигается лишь несовершенно, так как мануфактура не в состоянии контролировать с полной отчетливостью общие химические и физические условия производственного процесса.

³⁹ «Раз опыт, согласно особой природе продукта каждой данной мануфактуры, показал, каков должен быть наиболее выгодный способ разделения производства на частичные операции, и какое число рабочих требуется для каждой операции, то все те предприятия, которые не придержи-

присоединяется еще то обстоятельство, что известные работы один и тот же индивидуум может исполнять одинаково легко, совершаются ли они в больших или в малых размерах; таковы, напр., труд высшего надзора, перемещение частичных продуктов из одной фазы производства в другую и т. д. Выделение этих работ в самостоятельные функции, выполняемые специальными рабочими, выгодно поэтому лишь при увеличении числа занятых в производстве рабочих; то такое увеличение должно одновременно затронуть все группы в той же самой пропорции.

Каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит из однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма. Однако в некоторых мануфактурах каждая отдельная группа есть уже расчлененное рабочее тело, тогда как совокупный механизм образуется путем повторения и умножения этих элементарных производительных организмов. Возьмем для примера мануфактуру бутылок. Она распадается на три существенно различных фазы. Во-первых, подготовительная фаза: приготовление смеси из песка, извести и т. д., из которой получается стекло, и сплавление этой смеси в жидкую стеклянную массу⁴⁰. В этой первой, равно как и в заключительной фазе — удаление бутылок из печи, их сортировка, упаковка и т. п., — заняты различные частичные рабочие. Между этими двумя фазами находится производство бутылок в собственном смысле этого слова, т. е. переработка в бутылки жидкой стеклянной массы. У отверстия одной и той же печи работает целая группа, называемая в Англии «hole» (дыра) и состоящая из одного bottle maker (делателя бутылок) или finisher (приправщика), одного blower (выдувальщика), одного gatherer (сборщика), одного putter up (собиральщика) или whetter off (полировщика) и одного taker (установщика). Эти пять частичных рабочих образуют пять особых органов единого рабочего тела, которое может функционировать лишь в целом, т. е. лишь как непосредственная кооперация пяти человек. Все тело парализовано, раз не хватает одной из его пяти составных частей. Но одна и та же плавильная печь имеет несколько отверстий, — в Англии, напр., от 4 до 6, — при каждом из них имеется глиняный плавильный тигель с жидким стеклом, при каждом тигле занята группа из тех же самых пяти рабочих специалистов. Расчленение каждой отдельной группы покоится непосредственно на разделении труда, тогда как союз между различными однородными группами представляет простую кооперацию, предназначенную для того, чтобы с большей экономией использовать одно из средств производства, в данном случае плавильную печь. Каждая такая печь с ее 4 — 6 группами образует как бы самостоятельную мастерскую для выделки стекла, и стеклянная мануфактура охватывает несколько мастерских подобного рода вместе с приспособлениями и рабочими для начальных и заключительных фаз производства.

Наконец мануфактура, возникая в некоторых случаях сама из комбинации различных ремесел, может в свою очередь развиваться в комбинацию раз-

---

ваются вполне точно кратных этих установленных опытом чисел, будут производить с большими издержками... Такова одна из причин колоссального расширения промышленных предприятий» (Ch. Babbage, *On the Economy of Machinery*, London 1832, ch. XXI, p. 172, 173).

⁴⁰ В Англии плавильная печь отделяется от печи, служащей для выработки стеклянных предметов, но, напр., в Бельгии одна и та же печь служит для обоих процессов.

дичных мануфактур. Так, напр., в Англии крупные стекольные предприятия сами готовят для себя глиняные плавильные тигли, так как от достоинства последних существенно зависит, удастся или нет получение продукта. Мануфактура известного средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура известного продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой, — последняя служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае комбинированные мануфактуры образуют более или менее обособленные в пространстве отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время независимые друг от друга процессы производства, — каждый с своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества, представляемые комбинированной мануфактурой, последняя как таковая не достигает действительного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство.

Мануфактурный период, быстро делающий уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом⁴¹, развивает в отдельных случаях употребление машин, особенно при некоторых элементарных подготовительных процессах, требующих для своего выполнения большого количества людей и большой затраты силы. Так, напр., в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перемалывания тряпок, а при выплавке металлов — машинные толчеи для раздробления руды⁴². Машина в ее самой элементарной форме заимствована была еще римской империей в виде водяной мельницы⁴³. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические [приводимые в движение механизмом] часы. Но и после этого машина все же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда⁴⁴. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим

⁴¹ Это явствует, между прочим, из работ W. Petty, John Bellers, Andrew Yarranton, автора «The Advantages of the East-India Trade» и J. Vanderlint.

⁴² Еще в конце XVI столетия во Франции для размельчения и промывания руды употреблялись ступка и решето.

⁴³ Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика еще до сих пор называется mill (мельница). В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX века мы также встречаем слово «мельница» (Mühle), обозначающее не только машины, приводимые в движение силами природы, но и всякую вообще мануфактуру, применяющую механические аппараты.

⁴⁴ Как увидит читатель из четвертой книги этой работы, А. Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделения труда. Что характеризует его как обобщающего экономиста мануфактурного периода, так это — то ударение, которое он ставит на разделении труда. С развитием крупной промышленности подчиненная роль, которую он отводил машинам, вызвала возражение со стороны Lauderdale'я, а в позднейшую эпоху со стороны Уге'а. А. Смит смешивает, кроме того, дифференцирование инструментов, в котором крупную роль играли сами частичные рабочие, с изобретением машин. В этой последней области сыграли роль не мануфактурные рабочие, а ученые, ремесленники, даже крестьяне (Brindley) и так далее.

математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать большие силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если таким образом природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Собирательный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаково высокой степени и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет лишь для отправления своей специфической функции⁴⁵. Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинство, если мы будем рассматривать его как часть совокупного рабочего⁴⁶. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины⁴⁷.

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, грубее и тоньше, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в очень различных степенях образования и обладают поэтому очень различною стоимостью. Таким образом мануфактура развивает иерархию [систему ступеней] рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей⁴⁸.

⁴⁵ Так как мануфактура разделяет процесс производства на несколько различных операций, требующих различных степеней искусства и силы, то владелец мануфактуры в состоянии снабдить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изготовления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (С. Н. Вагбэге, *On the Economy of Machinery*, London 1832, ch. XIX).

⁴⁶ Напр. одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

⁴⁷ Г-н В. Маршалл, главный управляющий одной мануфактуры стекла, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда среди рабочих-подростков. «Они не могут пренебречь своим делом, — сказал он, — раз они начали, они должны продолжать; они представляют как бы части одной и той же машины» («*Children's Employment Commission. Fourth Report 1865*», p. 247).

⁴⁸ Доктор Уре в своем апофеозе крупной промышленности тоньше схватывает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, чуждые его полемической задаче, и даже чем его современники, напр.

Между тем каждый производственный процесс требует известных простых движений, одинаково доступных каждому человеку. И такие движения порывают теперь свою непостоянную связь с более содержательными моментами производственной деятельности и окостеневают в виде особых исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которое она охватывает, класс так называемых необученных рабочих [неквалифицированных, таких, которые не приобрели какой-либо специфической ловкости], которых строго исключала ремесленная организация производства. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность на счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность самый недостаток всякого развития. Наряду с иерархическими степенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы⁴⁹. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Сравнительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, знаменует собою непосредственное увеличение самовозрастания капитала, потому что все, сокращающее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

4. Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе

Мы рассмотрели сначала происхождение мануфактуры, затем ее простые элементы — частичного рабочего и его орудие, — наконец, ее механизм в целом. Мы коснемся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общую основу всякого товарного производства.

Если иметь в виду лишь самый труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим (im Allgemeinen) разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным (im Besonderen) разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным (im Einzelnen) разделением труда⁵⁰.

превосходящий его в качестве математика и механика Babbage, который рассматривает, строго говоря, крупную промышленность с мануфактурной точки зрения. Уге замечает: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градации в степени искусства», как «разделение труда по различным степеням искусства» и т. д. (U r e, *Philosophy of Manufacture*, p. 19 — 23, *passim*).

⁴⁹ «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» (U r e, *Philosophy of Manufacture*, p. 19).

⁵⁰ Разделение труда, начинаясь обособлением разнообразнейших профессий, идет вплоть до разделения на особые группы рабочих, занятых

Разделение труда в обществе и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода ^{50a} — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношение как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются повтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно вырощие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь естественное разделение труда возникает путем обмена между первоначально различными, но независимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого разъединяются, разлагаются, — причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами путем обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное.

изготовлением одного и того же продукта, что имеет место, напр., в мануфактуре» (Storch, Cours d'Economie Politique. Парижское издание, т. I, р. 173). «У народов, достигших известной ступени цивилизации, мы находим три рода разделения труда: первый, который мы назовем общим, сводится к разделению производителей на земледельцев, промышленников и торговцев, — эти три главнейшие ветви национального производства; второй, который можно было бы назвать специальным, есть разделение каждого рода производства на виды... наконец, третий род разделения производства, который следовало бы назвать разделением операции или труда в собственном смысле этого слова, имеет место в пределах отдельных ремесл или профессий... наблюдается в большинстве мануфактур и мастерских» (Skarbick, Théorie des richesses sociales, 2-ème éd., Paris 1840, vol. I, р. 84, 85).

^{50a} В примечании к 3 изданию Энгельс указывает здесь на позднейшие основательные исследования первобытного состояния человечества, предпринятые им и породившие в нем, как указывает Энгельс в другом месте, в предисловии к его книге «Происхождение семьи», желание изложить результаты исследований Моргана. В существенном именно эти исследования, как отмечает дальше Энгельс в упомянутом примечании, привели к выводу, «что первоначально не семьи развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественной формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из продуктов разложения родовых союзов». — К.

Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни⁵¹. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

Материальной предпосылкой разделения труда внутри мануфактуры является, как мы видели, определенная численность одновременно занятых рабочими; при разделении труда внутри общества такую же роль играет величина населения и его плотность, которая здесь выступает место скопления людей в одной и той же мастерской⁵². Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, напр., Индия⁵³.

Так как производство и обращение товаров являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигнутого известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда в свою очередь оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчлняя его дальше. По мере дифференцирования инструментов труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти инструменты изготавливаются⁵⁴. Когда производство, построенное по мануфактурному типу, распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих пор была связана с другими как главная или побочная и выполнялась теми же самыми производителями, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Выше уже было указано, что там, где готовый продукт представляет чисто механическое соединение частичных продуктов, частичные работы могут в свою очередь приобрести самостоятельность в виде отдельных ремесл. Для того, чтобы полнее провести разделение

⁵¹ Sir James Steuart лучше других осветил этот пункт. Насколько мало известен в настоящее время его труд, появившийся десятью годами раньше «Wealth of Nations» Адама Смита, видно из того, что почитатели Мальтуса не знают даже, что первое издание работы последнего о «закоме населения», если оставить в стороне ее чисто декламаторскую часть, почти целиком списано со Steuart'a, а также сочинений попов Wallace и Townsend.

⁵² «Требуется известная плотность населения как для того, чтобы могли равняться социальные сношения, так и для того, чтобы создалась такая комбинация сил, при которой возрастает производительность труда» (James Mill, Elements of Political Economy, London 1821, p. 50). «Когда возрастает количество рабочих, производительная сила общества увеличивается в сложной пропорции, полученной путем умножения возрастания числа рабочих на результат разделения труда между ними» (Th. Hodgskin, Popular Political Economy, p. 120).

⁵³ С 1861 г. вследствие большого спроса на хлопок в некоторых сильно населенных округах Ост-Индии расширилось производство хлопка за счет производства риса. Во многих местах возник голод, так как за недостатком путей сообщения, т. е. за отсутствием физической связи, недопроизводство риса в одном округе не могло быть пополнено подвозом его из других округов.

⁵⁴ Так, напр., в Голландии фабрикация ткацких челноков уже в XVII столетии составляла особую отрасль промышленности.

труда внутри мануфактуры, данная отрасль производства должна быть раздроблена — в зависимости от различия ее сырых материалов и различных форм, которые может принимать один и тот же сырой материал, — на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры. Так, напр., в одной Франции уже в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 разнородных шелковых материй, и в Авиньоне существовал закон, согласно которому «каждый ученик должен всецело посвящать себя изучению одного вида фабрикации и не изучать одновременно способов изготовления нескольких продуктов». Территориальное разделение труда, прикрепляющее определенные отрасли производства к определенным областям страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности⁵⁵. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, — причем и то и другое входит в круг общих предположков общественного разделения труда. Здесь не место исследовать, каким образом разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюссон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!»⁵⁶.

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связующие звенья между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу. Всего ярче эта аналогия выступает, без сомнения, там, где внутренняя связь охватывает собою различные отрасли производства. Так, напр., скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательная, готовая форма последнего есть комбинированный результат этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Между тем А. Смит хочет уверить нас, что такое общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, лишь для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли⁵⁷. Но что устанавливает связь между независи-

⁵⁵ «Разве английская шерстяная промышленность не разделена на различные части или отрасли, укоренившиеся в определенных местах, где все производство сводится целиком или преимущественно к этим отраслям: тонкие сукна производятся в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Эксетере, креп — в Норвиче, полушерстяные материи — в Кендале, одеяла — в Уитнее и т. д.» (Berkeley, The Querist, 1750, § 520).

⁵⁶ A. Ferguson, History of Civil Society, Edinburgh 1767, Part IV, sect. II, p. 285.

⁵⁷ В собственно мануфактурах, говорит он, разделение труда кажется более значительным, так как «здесь рабочие, занятые в каждой из различных отраслей труда, зачастую могут быть соединены в одной и той же мастерской и таким образом все сразу охватываются взглядом наблюдателя. Наоборот, в таких больших мануфактурах (!), которые имеют своим назначением удовлетворять обширные потребности многочисленного

мыми работами скотовода, кожевника и сапожника? То обстоятельство, что их продукты существуют как товары. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит вообще самостоятельного товара⁵⁸. Лишь совокупный продукт многих частичных рабочих превращается в товар^{59а}. Разделение труда внутри общества обслуживается куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь между частичными работами мануфактуры устанавливается при помощи продажи различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию [сосредоточение] средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого данного товарного вида. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда внутри мастерской с самого начала и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь впоследствии, как внутренняя, слепая сила природы, которая подчиняет себе беспорядочный

населения, каждая отдельная отрасль труда занимает столь значительное число рабочих, что невозможно объединить их всех в одной и той же мастерской... разделение труда далеко не так резко бросается в глаза» (A. Smith, *Wealth of Nations*, b. I, ch. 1). Знаменитое место той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните на жизненные удобства, выпадающие на долю простого ремесленника или поденщика цивилизованной и цветущей страны»... и в котором расписывается затем, сколь многочисленные отрасли производства соединяют свои усилия для удовлетворения потребностей простого рабочего, — место это почти буквально списано из примечаний В. de Mandeville к его *Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits*. (Первое издание без примечаний в 1706 г., с примечаниями в 1714 г.).

⁵⁸ «Здесь уже нет более ничего, что можно было бы назвать естественным вознаграждением за труд индивидуума. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, что рабочий мог бы взять и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя» («Labour defended against the claim of capital», London 1825, p. 25). Автором этой превосходной работы является цитированная выше Th. Hodgskin [сравн. *Thomas Hodgskin, Verteidigung der Arbeit gegen die Ansprüche des Kapitals*, übersetzt von Dr. Friedr. Raffel. Hauptwerke des Socialismus und der Socialpolitik, 10 Heft. Leipzig 1909, S. 61 etc.].

^{59а} *Прим. ко 2 изд.* Янки практически иллюстрировали эту разницу между общественным и мануфактурным разделением труда. Одним из по-

произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простые члены принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому, как в мире животных *Bellum omnium contra omnes* [борьба всех против всех] есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому то же самое буржуазное сознание, которое прославляет, как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то более ранние формы общества, в которых разделение промышленных отраслей развивается естественно, затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом, представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны, совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно ⁵⁹.

Их палатов, измышленных в Вашингтоне во время гражданской войны, был акциз 6% на «все промышленные продукты». Но вот вопрос: что такое промышленный продукт? Законодатель отвечает: «Всякая вещь есть продукт, раз она сделана (when it is made), а она сделана, раз она готова для продажи». Вот один из многих примеров: «Мануфактуры Нью-Йорка и Филадельфии в старое время «делали» зонтики со всеми их принадлежностями. Но так как зонтик есть *mixtum compositum* [соединение] совершенно разнородных составных частей, то мало-по-малу изготовление этих последних стало предметом особых отраслей производства, независимых друг от друга и расположенных в различных местах. Их частичные продукты входили в качестве самостоятельных товаров в мануфактуру зонтика, которая лишь соединяет вместе эти различные составные части. Иници окрестили такого рода продукты «собранными продуктами» (*assembled articles*), — имя, которое последние действительно заслужили, как «собиратели» налогов. Так зонтик «собирает» 6% накидки на цену каждого из своих элементов и новые 6% на цену готового продукта».

«Можно установить как общее правило, что чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской, и тем сильнее это последнее подчинено авторитету одного руководителя. Таким образом, по отношению к разделению труда, авторитет в мастерской и в обществе обратно пропорционален» (*Karl Marx, Misère de la Philosophie, Paris 1847, p. 130. 131.*) [*K. M a r x, Пилота философии. Б-ка марксиста. Изд. 1928, стр. 130.*] [*Сравн. «Das Blend der Philosophie». 2 Auflage, Stuttgart 1892, стр. 120.*]

Так, напр., первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившихся нормах разделения труда; которые при основании каждой новой общины дают готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому самое производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое осуществляется при посредстве обмена товаров. Только избыток продукта превращается в товар, и притом в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно, как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей; бухгалтера, ведущего счет земледельческим операциям, кадастрирующего и регистрирующего все, сюда относящееся; третьего чиновника, преследующего преступников и сопровождающего иностранных путешественников от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надзирателя за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, обучающего детей общины читать и писать на песке; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цырюльника; прачечника, моющего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает собою серебряных дел мастера, в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. По мере роста населения новоселы основывают на неводеланной земле новые общины по образцу старых. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немислимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.⁶⁰ Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной властью закона природы: каждый отдельный ремесленник, напр. кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции строго установленным традиционным способом, и, однако, совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакого авторитета в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно

⁶⁰ Lieut. Col. Mirk Wilks, 'Historical Sketches of the South of India, London 1810 — 1817, vol. I, p. 118 — 20. Хорошее сопоставление различных форм индийских общин можно найти у George Campbell, *Modern India*, London 1852.

воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем⁶¹, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было упомянуто, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов. Равным образом мастер мог держать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формой капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды, или же наряду с существующими основывались новых цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом хотя обособление, изолирование и развитие отдельных отраслей труда цеховыми организациями послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сами цеховые организации исключали возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой предпосылки мануфактуры: обособления средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала.

В то время как разделение труда в целом обществе — совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от него — принадлежит самым различным социально-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.

5. Капиталистический характер мануфактуры

Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт и кооперации вообще и, в частности, мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост употребляемых в дело рабочих технической необходимостью. Теперь минимум рабочих, которых должен применять единич-

⁶¹ «В этих простых формах... течет жизнь обитателей страны с незапамятных времен. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя эти деревни порою разорялись и даже окончательно опустошались войною, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь, и под тем же самым именем, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже с теми же самыми семьями продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиняться; их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной» (Th. Stamford Raffles, late Ment. Gov. of Java, The History of Java, London 1817, vol. II, p. 285).

ный капиталист, предписывается наличным разделением труда. С другой стороны, выгоды дальнейшего разделения труда связаны с новым увеличением числа рабочих, которое осуществимо лишь таким способом, что разом принимается в определенных пропорциях увеличение всех различных производственных групп. Но вместе с перемежной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, не только размеры общих условий производства — строений, печей и т. д., — но в особенности и количество сырого материала, которое растет притом гораздо быстрее числа рабочих. Масса сырых материалов, потребляемых в течение данного промежутка времени данным количеством рабочих, увеличивается пропорционально росту производительной силы труда вследствие его разделения. Таким образом рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных средств существования и производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры⁶².

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественно-производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из сочетания различных работ, является производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле этого слова не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего власти и дисциплине, исходящим от капитала, но создает кроме того иерархическую лестницу среди самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ производства отдельных лиц, вообще говоря, неизменным, мануфактура в корне революционизирует его и всецело подчиняет себе индивидуальную рабочую силу. Она превращает рабочего в урод, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований; она утилизирует рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животное только для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы⁶³, и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде частицы его собственного тела [рабочих в виде членов, эк-

⁶² «Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелся капитал (следовало сказать: средства существования и производства), необходимый для данного подразделения ремесл; необходимо, кроме того, чтобы капитал этот скопился в руках предпринимателей в достаточно значительных массах, позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число занятых рабочих требует все более и более значительных затрат капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д.» (Storch, Cours d'Economie Politique парижское издание, т. I, p. 250, 251). «Концентрация средств производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как — в политическом строе — концентрация общественной власти и разделение частных интересов» (Karl Marx, Misère de la Philosophie, Paris 1847, p. 134. [К. Маркс, Нищета философии. Б-ка марксиста. Гиз. 1928, стр. 132.] [Сравн. «Das Elend der Philosophie». 2 Auflage, Stuttgart 1892, S. 123, 124.]

⁶³ Dugald Stewart называет мануфактурных рабочих «живыми автоматами [самодвижущимися машинами без собственной воли]... употребляемыми для детальных операций производства» (Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, vol. III, «Lectures on Political Economy», p. 318).

плататоров в виде желудка] ⁶⁴. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь самая его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не продана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Неспособный по своим естественным дарованиям делать что-либо самостоятельно, мануфактурный рабочий развертывает производительную деятельность уже только как придаток мастерской капиталиста ⁶⁵. Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

Все те познания, понимание и воля, которые развивают в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе — подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости, — все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции [движущие силы] производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале ⁶⁶. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабащивающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, выводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу ⁶⁷.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения

⁶⁴ У кораллов каждый отдельный индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

⁶⁵ «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может позже заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй (мануфактурный рабочий) предстает только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью, и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (S t o r c h, Cours d'Economie Politique, Edit. Pétisbonnig 1815, vol. I, p. 204).

⁶⁶ A. Ferguson, History of Civil Society, Edinburgh 1767, Part IV, sect. I, p. 281: «Первый (мастер на фабрике, правящий госуларственный деятель, генерал), возможно, выигрывает то, что потерял другой» (рабочий, милитный чиновник, солдат).

⁶⁷ «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством или усилением его собственной производительной силы, почти везде противостоит себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» (W. T h o m p s o n, An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, London 1824, p. 274).

подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди»⁶⁸. И в самом деле, в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну⁶⁹.

«Духовное развитие значительного большинства людей, — говорит А. Смит, — неизбежно определяется их повседневными занятиями. Человек, затративший всю свою жизнь на отправление немногих простых операций... не имел случая упражнять свой разум... Он бывает обыкновенно настолько тупым и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа». Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает: «Монотонность его жизни, в которой нет никаких перемен, подрывает, конечно, силы его духа... Она разрушает даже эвергию его тела и делает его неспособным к напряженному и продолжительному труду во всех областях, кроме той, которая составляет его специальность. Таким образом его искусство в специальном ремесле приобретает, повидимому, на счет его интеллектуальных, социальных и военных способностей. Но в каждой промышленной и цивилизованной стране в такое состояние неизбежно должны впасть все трудящиеся бедняки (*the labouring poor*), т. е. большая масса населения»⁷⁰. Чтобы предотвратить полнейшее искажение народной массы, являющееся результатом разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Вполне последовательно возражает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, первому закону разделения труда; организацией народного образования мы «обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного»⁷¹, — говорит он, — как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным по мере того, как богатеет общество (он правильно обозначает этим словом капитал, землевладение и их государство). Это разделение труда, подобно

⁶⁸ A. Ferguson, *History of Civil Society*, Edinburgh 1767, Part IV, sect. I, p. 280.

⁶⁹ J. D. Tuckett, *A History of the Past and Present State of the Labouring Population*, London 1846, vol. I, p. 149.

⁷⁰ A. Smith, *Wealth of Nations*, b. V, ch. I, art. II. Как ученик Фергюсона, который разобрал вредные последствия разделения труда; А. Смит совершенно ясно представлял себе этот пункт. В начале своего труда, где он согласно плану своей работы прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественных неравенств. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В «*Misère de la Philosophie*» я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А. Смитом, Лемонтеем и Сэем в критике разделения труда; там же я впервые представил мануфактурное разделение труда как специфическую форму капиталистического способа производства (стр. 122 и след.). [К. Маркс, Ницета философии. Б-ка марксиста. Гиз, 1928. Стр. 124 и след.] [Сравни. «*Elend der Philosophie*», Stuttgart 1892, стр. 112 и след.]

⁷¹ Фергюсон уже в «*History of Civil Society*», Part IV, sect. I, p. 281, говорит: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

другим его видам, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?»⁷²

Некоторое духовное и телесное искажение неизбежно даже при разделении труда в рамках всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда, и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда затрагивает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии [учение о болезнях промышленных рабочих] дается впервые лишь мануфактурным периодом⁷³.

«Расщепление человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Расщепление труда есть убийство народа»⁷⁴.

Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет стихийное, естественно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства. История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесообразные формы, сначала чисто эмпирически, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится закрепить раз найденные формы в виде традиции и, в отдельных случаях, упрочить их на целые века. Если эти формы изменяются, то, если исключить совершенно второстепенные перемены, всегда лишь под влиянием революции в орудиях труда. Современная мануфактура, — я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, — или находит свои элементы уже в готовом виде, хотя бы и рассеянными, напр. мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, и ей приходится

⁷² G. Garnier, том V его перевода, р. 2 — 5.

⁷³ Ramazzini, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1713 г. свой труд: «De morbis artificum», переведенный затем в 1781 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-ème Discours: Auteurs Classiques». Период крупной промышленности, разумеется, лишь увеличил его каталог профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. L. Fonterel. Paris 1858», и «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigen-thümlich sind. 6 Bände. Ulm 1860». В 1854 г. Society of Arts назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, читатель найдет в каталоге «Twickenham Economic Museum». Очень важный материал дают официальные «Reports on Public Health». См. также Edward Reich, M. D., Ueber die Entartung des Menschen, Erlangen 1868.

⁷⁴ D. Urquhart, Familiar Words, London 1855, p. 119. Гегель приписывался очень еретических взглядов относительно разделения труда, «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», говорит он в своей «Философии права».

только собрать эти рассеянные члены, или же принцип разделения бро-сается в глаза сам собою, требуя просто передачи отдельных операций ремеслен-ного производства (напр. в переплетном деле) особым частичным рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую про-порцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции⁷⁵.

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной дея-тельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает каче-ственное расчленение и количественную пропорциональность между отдель-ными процессами общественного производства, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, обществен-ную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить за счет рабочего относи-тельную прибавочную стоимость или усилить самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством, «Wealth of Nations» и т. д. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для ка-питалиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем изуродования индиви-дуального рабочего. Оно создает новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрес-сом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

Политическая экономия, которая становится настоящей наукой лишь в мануфактурный период, рассматривает, вообще говоря, общественное раз-деление труда лишь с точки зрения мануфактурного разделения труда⁷⁶, т. е. как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следо-вательно, удешевить товары и ускорить накопление капитала. В противопо-ложность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стои-мости, писатели классической древности обращают внимание исключительно на качественную сторону и потребительную стоимость⁷⁷. Вследствие раз-

⁷⁵ Наивная вера в изобретательский гений, с самого начала проявляе-мый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще, повидимому, только у немецких профессоров. Так, напр., господин Рошер назначает капиталисту «различные заработные платы» («diverse Arbeitslöhne») в благодарность за то, что из юпитерской головы последнего выскакивает в совершенно законченном виде разделение труда. Больше или меньшее разделение труда зависит от величины кошелька, а не от раз-меров гения.

⁷⁶ Старые писатели, как, напр., Petty, анонимный автор «Advantages of the East-India Trade» и т. д., определеннее указывают на капиталистиче-ский характер мануфактурного разделения труда, чем А. Смит.

⁷⁷ Среди авторов нового времени исключение составляют лишь некото-рые писатели XVIII столетия, которые в вопросе о разделении труда огра-ничиваются почти исключительно повторением древних. Таковы Бенкариа и Джеймс Гаррис. Бенкариа пишет: «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к из-готовлению одних и тех же продуктов, он достигнет с большей легкостью более значительных и лучших результатов... чем в том случае, если бы каждый сам изготовлял для себя необходимые вещи... Таким образом в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различ-ные классы и состояния» (Cesare Beccaria, Elementi di Economia Publica, ed. Custodi, Parte Moderna, vol. XI, p. 28). Джеймс Гаррис, впоследствии граф Мальмсберийский, известный своими «Diaries» («днев-

деления общественных отраслей производства товары изготавливаются лучше, различные склонности и таланты людей получают возможность найти себе надлежащую сферу проявления⁷⁸, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего замечательного⁷⁹. И продукт и его производитель совершенствуются путем разделения труда. Если классические авторы и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона⁸⁰, который видит в разделении труда основу распадаения общества на сословия, так и у Ксено-

никами») о пребывании в Петербурге в качестве посла, сам говорит в одном из примечаний к своему «Dialogue concerning Happiness», London 1741 (впоследствии переиздано в «Three Treatises etc.», 3-rd ed., London 1772): «Все доказательства естественности общества (а именно доказательства, основанные на принципе «разделения занятий») взяты мною из второй книги «Республики Платона»».

⁷⁸ Так, напр., мы читаем в Одиссее, песнь XIV, стих 228: «Люди не сходят: те любят одно, а другие другое» [пер. Жуковского], а Архилох у Секста Эмпирика говорит: «Одно дело радует сердце одного, другое — другого».

⁷⁹ «Много знал он дел, но плохо знал их все» (так говорится об одном комически-бестолковом человеке в стихотворении, приписываемом Гомеру). Афинянин — как товаропроизводитель чувствовал свое превосходство над спартапцами, так как последние располагали для войны лишь людьми, а не деньгами, — что Фукидид и заставляет высказать Перикла в речи, призывающей афинян к пелопонесской войне: *Σφρασι τε ἐπιτιθετοῖσι αἰτιοῦσι τῶν ἀδρότων ἢ χρημάτων πολυτέρην* («Люди, производящие для собственного потребления, скорее отдадут войне свои тела, нежели деньги». Фукидид, «История пелопонесской войны», кн. 1, отдел 141). Тем не менее их идеалом, даже в области материального производства, была *αὐτάρκεια* [самодовлеющее, работающее для собственного потребления производство], противоречащая разделению труда: «Откуда возникает благо, оттуда и самостоятельность». Необходимо при этом принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов не насчитывалось и 5000 афинян без земельной собственности.

⁸⁰ Платон выводит разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности дарований индивидуума. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к рабочему, — но последнее неизбежно, раз работник занимается несколькими профессиями сразу, т. е. выполняет одну из них как побочное занятие. «Ибо дело не должно ожидать досуга производителя, но необходимо, чтобы производитель совершал свое дело прилежно, а не между прочим. — Необходимо. — Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям, и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий» («Республика», кн. 2, с. 12). Подобные мысли мы находим и у Фукидида, «История пелопонесской войны», кн. 1, отдел 142: «Морское дело есть такое же искусство, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием: скорее наоборот, оно не терпит рядом с собою никакого иного побочного занятия». Если дело будет дождаться работника, говорит Платон, то зачастую критический момент производства будет упущен и продукт испорчен. Эту же платоновскую мысль мы встречаем в протесте английских владельцев белилен против того параграфа фабричного акта, которым устанавливается определенный час для обеда рабочих. Их производство не может сообразоваться с рабочими, ибо «в различных операциях обжигания, промывания, боления, катанья, лощения и окрашивания приостановка в заранее назначенный момент невозможна без риска порчи... установить для всех рабочих один

фонта⁸¹, который с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской. Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом государственного строения, оно представляет лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет и для других писателей, современников Платона, напр. Исократ⁸², был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен римской империи⁸³.

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура была господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным по сравнению с преобладающим значением первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция, вообще говоря, терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятель-

и тот же обязательный обеденный перерыв — значило бы подвергнуть ценные продукты риску порчи вследствие незаконченных операций». Куда еще только попадет платонизм?

⁸¹ Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большая честь, но и потому, что кушания эти вкуснее других. «И это неудивительно, ибо, подобно тому как все прочие искусства особенно усовершенствованы в крупных городах, точно так же и царские кушания несравненны по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает постели, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет достаточное количество подобного рода заказов, необходимых для поддержания его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо. Но в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом; но бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит платье, другой лишь соединяет вместе куски материи. Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наиболее совершенно. То же самое относится и к коварскому искусству» (Xenophon, Cyropaedie, lib. VIII с. 2). Внимание обращено здесь исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка.

⁸² «Он (Бузирис) разделял всех на особые касты... повелел, чтобы одни и те же люди всегда занимались одним и тем же делом, ибо он знал, что те, которые часто меняют свои занятия, ни одно из них не усваивают себе основательно; те же, которые постоянно занимаются одним и тем же делом, выполняют его наиболее совершенно. И действительно, мы видим, что в области искусства и ремесл египтяне превзошли своих соперников больше, чем мастер превосходит необученного работника, и создали столь совершенные учреждения для охраны царской власти и государственного строя, что знаменитейшие философы, касавшиеся этого вопроса, восхваляют государственное устройство Египта более, чем какое-либо другое» (Isocrates, Busiris, с. 8).

⁸³ Cp. Diodorus Siculus.

ности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее, для более трудных детальных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, напр., что в Англии законы об ученичестве (*laws of apprenticeship*) с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и уничтожаются лишь под натиском крупной промышленности. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен объективного скелета, независимого от рабочих, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих. «Такова слабость человеческой природы, — восклицает наш милейший Уге, — что, чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму»⁸⁴. Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих⁸⁵. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей этой эпохи, для нас достаточно было бы того простого факта, что начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что мануфактуры не долговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки. «Порядок должен быть установлен тем или иным способом, — взывает в 1770 г. неоднократно цитированный нами автор «*Essay on Trade and Commerce*». «Порядок», — подхватывает 66 лет спустя доктор Andrew Uge, — «порядок» отсутствовал в мануфактуре, основанной «на схоластической догме разделения труда», и «Аркрайт создал порядок».

Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самою созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время. «Такая мастерская, — говорит Уге, — представляла картину разделения труда со всеми его многочисленными ступенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства». Этот продукт мануфактурного разделения труда в свою очередь производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Итим, с одной стороны, устраняется техническая необходимость пожизненно привлекать рабочего в данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип еще ставил господству капитала.

⁸⁴ Уге, *Philosophy of Manufacture*, p. 20.

⁸⁵ Скажано в тексте гораздо более применимо к Англии, чем к Франции, и к Франции более, чем к Голландии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Развитие машин

Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа»⁸⁶. Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлиняет другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, дело сводится здесь для нас лишь к крупным, общим, характерным чертам, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам в истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно-строгими разграничительными линиями.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простые механические средства, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами⁸⁷. Действительно, каждая машина состоит из таких простых средств, каковы бы ни были их изменения и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что исторический элемент в нем отсутствует. С другой стороны, различие между орудием и машиной хотя бы открыт в том, что при орудии движущей силой служит человек, напротив, движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, напр. животное, вода, ветер и т. д.⁸⁸. Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной, а Claussens circular loom (круговой ткацкий станок Клауссена), который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того, один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и машиной, если приводится в движение паром. Так как

⁸⁶ Миллю следовало бы сказать: «хотя бы одного человеческого существа, не живущего чужим трудом», потому что машины, несомненно, сильно увеличили число знатных бездельников.

⁸⁷ См., напр., Hutton, Course of Mathematics.

⁸⁸ «С этой точки зрения можно также провести резкую границу между орудием и машиной: заступ, молот, долото и т. д., системы рычагов и винтов, для которых, как бы искусно ни были сделаны, движущей силой служит человек... все это подходит под понятие орудия; между тем плуг с движущей его животной силой, ветряные и т. д. мельницы следует причислить к машинам» (W i l h e l m S c h u l z, Die Bewegung der Produktion, Zürich 1843, S. 38). Работа, в некоторых отношениях достойная похвалы.

применение животной силы представляет одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству. Когда John Wyalт в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине, а вместе с нею — о промышленной революции XVIII века, он ни звуком не упомянул о том, что осел, а не человек приводит эту машину в движение, и тем не менее эта роль действительно досталась ослу. Машина для того, «чтобы прясть без помощи пальцев», гласила его программа⁸⁶.

Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии [передаточного механизма], наконец, исполнительного механизма, или собственно рабочей машины. Двигательный механизм действует как движущая сила всей машины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как, напр., паровая машина, kalorическая машина [действующая нагретым воздухом], электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряной мельницы от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лесит, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, напр. превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на исполнительные механизмы. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходила как раз от этой части машины, от исполнительного механизма. И теперь он снова и снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное.

Если мы присмотримся ближе к исполнительному механизму, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто

⁸⁶ Уже до него применялись прядильные машины, хотя очень несовершенные, по всей вероятности раньше всего в Италии. Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни; а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующее им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, научный метод. Недостатки абстрактного естественно-научного материализма, исключаящего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности.

а в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работает ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия. Мы увидим, что или вся машина представляет лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком⁹⁰, или прилаженные к корпусу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочно-вязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у револьверной машины и т. д. Отличие этих орудий от собственно тела рабочей машины простирается так далеко, что обнаруживается даже в производстве тех и других. А именно, эти орудия производятся по большей части все еще ремесленным или мануфактурным способом и затем укрепляются на корпусе рабочей машины, произведенном машинным способом⁹¹. Итак, исполнительный механизм — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же в свою очередь от машины, это ничего не меняет в существе дела. После того как орудие в собственном смысле слова перешло от человека к механику, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первым мотором [движущей силой] все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которым человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных орудий производства, количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели прялку с двумя веретенами, приводимую в движение приводом, но такие прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прядь две нитки, встречались почти так же редко, как двуголовые люди. Напротив, теперь уже с самого своего появления прядет 12 — 18 веретенами; чулочно-вязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала замаскируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего.

Во многих ручных орудиях различие между человеком как простой двигательной силой и как рабочим, выполняющим собственно ручной труд, приобретает чувственно воспринимаемую форму. Напр., при работе на прялке нога действует только как двигательная сила, между тем как рука, работающая при веретене, шплет и вращает, т. е. выполняет собственно операцию прядения. Как раз эта последняя часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революцией, которая производит такие изменения, что человеку наряду с новой функцией, наблюдать за машиной

⁹⁰ В особенности в первоначальной форме механического ткацкого станка здесь с первого же взгляда можно узнать старинный ткацкий станок. В своей современной форме он является существенно измененным.

⁹¹ Только приблизительно с 1850 г. все большая и большая доля орудий для рабочих машин начинает изготовляться в Англии машинным способом, хотя и не теми фабрикантами, которые производят самые машины. Машинами для фабрикации таких механических орудий служат, напр., *automatic bobbin making engine*, *card-setting engine* — машины для производства берд, для изготовления веретен к моткам и тростильным машинам.

и исправлять своими руками ее ошибки, на первое время предоставляется еще и чисто механическая роль двигательной силы. Напротив, орудия, на которые человек с самого начала действовал только как простая двигательная сила, — как, напр., при вращении вала мельницы⁹², при насосах, при подьмаши и опускании рукоятки раздувального меха, при толчении в ступе и т. д., — эти орудия прежде всего вызывают применение животных, воды, ветра⁹³ как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способ производства. Что они даже в своей ремесленной форме уже являются машинами, это обнаруживается в период крупной промышленности. Насосы, напр., посредством которых голландцы выкачали в 1836 — 1837 гг. Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенных насосов с той только разницей, что их пошши приводились в движение не человеческими руками, а циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный и очень несовершенный кузнечный мех еще и теперь иногда превращается в Англии в механический раздувальный мех посредством простого соединения его рукоятки с паровой машиной. И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века⁹⁴, не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин и выдвинуло необходимость революционизирующей паровой машины. С того времени, как человек вместо того, чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину, облачение этой двигательной силы в человеческие мускулы представляется уже случайным обстоятельством, они могут быть заменены ветром, водой, паром и т. д. Конечно при этом вполне возможно, что такая замена потребует больших технических изменений в механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. В настоящее время все машины, которым еще приходится прокладывать себе дорогу, как, напр., швейные машины, машины для приготовления хлеба и т. д., если их назначением не исключается с самого начала малый масштаб, изготовляются таким образом, что для них одинаково пригодна и человеческая и чисто механическая двигательная сила.

⁹² Моисей-египтянин говорит: «Не завязывай волю рта, когда он молотит». Напротив, христианско-германские филантропы накладывали своим крепостным, которыми они пользовались как двигательной силой при размолке, большие деревянные круги на шею, чтобы крепостные не могли подпосить рукой муку ко рту.

⁹³ Частью недостаток естественных водопадов, частью борьба с избытком воды в других формах заставили голландцев применять ветер в качестве двигательной силы. Самые ветряные мельницы голландцы заимствовали из Германии, где это изобретение вызвало серьезную борьбу между лютеринством, папами и императором из-за того, кому же из них троих «принадлежит» ветер. В Германии говорили, что воздух делает человека чуждой собственностью (*Luft macht eigen*), между тем как именно ветер возободил Голландию. Здесь он делал собственностью не голландцев; а немлю для голландцев. Еще в 1836 г. в Голландии было в ходу 12 000 ветряных мельниц в 6000 лошадиных сил, которые предохраняли две трети страны от обратного превращения в болото.

⁹⁴ Правда, она была уже значительно усовершенствована Уатом в его первой, так называемой, паровой машине простого действия, но в этой форме оставалась простой подъемной машиной для воды и соляного раствора.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней⁹⁵. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Раз мы предположили, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заняла рабочая машина, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, завещанных мануфактурным периодом, сила лошади была наихудшей отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах⁹⁶. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выразить величину механической силы в лошадиных силах. Что касается ветра, то он слишком непостоянен и не поддается контролю; применение водяной силы в Англии, на родине крупной промышленности, уже в мануфактурный период имело преобладающее значение. Уже в XVII веке была сделана попытка приводить в движение два бегуна [подвижных жернова] и два же

⁹⁵ «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» (B a b b a g e, On the Economy of Machinery, London 1832).

⁹⁶ В январе 1861 г. John C. Morton прочел в Society of Arts доклад о «силах, применяемых в земледелии». В нем говорится между прочим следующее: «Всякое улучшение, повышающее разнообразие почвы, делает паровую машину применимой к получению чисто механической силы... Сила лошади требуется там, где кривые изгороди и другие препятствия делают невозможными однообразные движения. Такие препятствия с каждым днем все больше устраняются. В таких операциях, которые требуют сравнительно больше проявлений воли и меньше физической силы, единственно применимой является человеческая сила, как во всякий момент направляемая человеческим умом». Затем г. Мортон сводит паровую силу, силу лошади и человеческую силу к единице измерения, принятой для паровых машин, т. е. к силе, способной поднять 33 000 фунтов на высоту одного фута в минуту, и исчисляет издержки на одну паровую лошадиную силу: при паровой машине в 3 п., при применении лошади в 5½ п., за час. Далее, для того, чтобы лошадь оставалась здоровой, она не должна работать более 8 часов в день. Применяя силу пара к возделыванию земли, каждую семерку лошадей можно уменьшить по меньшей мере на 3 головы, причем издержки на паровую машину будут не больше, чем издержки на этих устраненных лошадей в течение тех 3 или 4 месяцев, когда они только и находят себе действительное применение. Наконец в тех земледельческих операциях, где можно применять паровую силу, получается продукт лучшего качества, чем при пользовании силой лошади. Чтобы выполнить работу паровой машины, пришлось бы применить 66 рабочих с общей суммой заработной платы в 15 ш. за час, а чтобы выполнить работу лошади, пришлось бы применить 32 рабочих с общей суммой платы в 8 ш. за час.

поставка посредством одного водяного колеса. Но увеличение размеров передаточного механизма вступило в конфликт с недостаточной силой воды, и это было одним из тех обстоятельств, которые побудили к более точному исследованию законов трения. Точно также нерегулярность действия двигательной силы при мельницах, которые приводились в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привели к теории и практическому применению махового колеса⁹⁷, которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности. Таким образом мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности. Тростильная прядильня Аркрайта с самого начала приводилась в движение водой. Между тем и употребление водяной силы, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруднениями. Ее нельзя было повышать до произвольного уровня, ее недостаток нельзя было восполнить; иногда она истощалась и всегда имела чисто локальный характер⁹⁸. Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первый мотор, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу, и действия которого находятся всецело под контролем человека. Двигатель и сам средство передвижения; он позволяет концентрировать производство в городах вместо того, чтобы рассеивать его в деревне⁹⁹. Наконец он универсален по своему техническому применению и сравнительно мало зависит в своем местопребывании от тех или иных локальных условий. Великий гений Уатта обнаруживается в том, что патент, взятый им в апреле 1784 г., давая описание паровой машины, изображает ее не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности. Он упоминает здесь о применениях, из которых некоторые, как, напр., паровой молот, введены лишь более чем через полвека. Однако он сомневался в применимости паровой машины к морскому судоходству. Его преемники, Больтон и Уатт, выставили на лондонской промышленной выставке 1851 г. колоссальнейшую паровую машину для океанических пароходов.

Только после того, как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата, — машины, работающей орудиями, — только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые сопряжены с человеческой силой. С этого времени та отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Один двигательный механизм может теперь при-

⁹⁷ Gaulhaber, 1625. De Caus 1618.

⁹⁸ Новейшее изобретение турбин освобождает промышленную эксплуатацию водяной силы от многих прежних ограничений.

⁹⁹ «В первое время существования текстильных мануфактур местонахождение производства зависело от существования потока с настолько достаточным падением, что он мог бы вращать водяное колесо; и хотя устройство водяных фабрик было первым ударом для домашней системы мануфактуры, однако эти фабрики, по необходимости расположенные около потоков и зачастую на значительных расстояниях одна от другой, представляли элемент скорее деревенской, чем городской системы; и только по введении силы пара взамен силы воды фабрики получают возможность сосредоточиваться в городах и в местностях, где можно найти в достаточном количестве воду и уголь, необходимые для производства пара. Паровая машина — мать промышленных городов» (A. Redgrave, в «Reports of the Insp. of Fact. for 30-th April 1866», p. 36).

водить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и двигательный механизм, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в сложный аппарат.

Теперь мы должны провести различие между двоякого рода вещами; кооперацией многих однородных машин и системой машин.

В одном случае весь продукт производится одной и той же рабочей машиной. Она выполняет все те различные операции, которые ремесленник исполнял своим орудием, напр. ткач за своим ткацким станком, или которые ремесленники последовательно исполняли при помощи различных орудий, причем безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры¹⁰⁰. Напр., в новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцовкой фальцовал бумагу, другой смазывал клеем, третий отгибал клапан, на котором отпечатывается монограмма, четвертый наклеивал ее и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Одна единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и приготовляет 3 000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных картузов, выставленная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, разделенный в мануфактуре и выполняемый в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий.

На фабрике, т. е. в мастерской, построенной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего, если рабочего мы оставим здесь в стороне, — как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин. Это — исключительная форма кооперации в тех случаях, когда продукт выходит готовым из каждой рабочей машины, причем безразлично, представляет ли последняя лишь механическое воспроизведение сложного ремесленного орудия или же комбинацию разнородных простых инструментов, из которых каждый выполняет свою особую функцию. Так, напр., ткацкая фабрика образуется сосуществованием многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — сосуществованием многих швейных машин в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку эти многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают свое движение от движений общего центрального первоначального мотора, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него ответвляются лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины.

¹⁰⁰ С точки зрения мануфактурного разделения труда ткачество было отнюдь не простым, а, напротив, сложным ремесленным трудом, и потому механический ткацкий станок есть машина, исполняющая очень многосложные операции. Вообще ошибочно то представление, будто современные машины первоначально овладели такими операциями, которые были упрощены мануфактурным разделением труда. Пряление и ткачество были разделены в мануфактурный период на новые виды, соответствующие орудия подверглись усовершенствованиям и видоизменениям, но самый процесс труда, несколько не разделенный, оставался ремесленным. Своей исходной точкой машина берет не труд, а средство труда.

Подобно тому, как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но система машин в собственном смысле этого слова заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но взаимно дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь перед нами вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет уже сочетание частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — напр. для шерстяной мануфактуры орудия шерстобитов, шерсточесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д. — теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе координированного исполнительного механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом составляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства¹⁰¹. Однако с самого начала выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приурочивается здесь к процессу, то и процесс в свою очередь уже раньше приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического приложения механики, химии и т. д.¹⁰², причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, накоплением обширного практического опыта. Каждая частичная машина составляет для непо-

¹⁰¹ До эпохи крупной промышленности шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англии. Поэтому в ней была сделана большая часть экспериментов в первую половину XVIII столетия. Опыт, приобретенный по отношению к шерсти, пошел на пользу хлопку, механическая обработка которого требует менее трудных подготовительных работ; точно так же и в позднейшее время, наоборот, механическая шерстяная промышленность развилась на основе механического бумагопрядения и бумаготкачества. Отдельные элементы шерстяной мануфактуры, напр. чесание шерсти, сокращены фабричной системой лишь в последние десятилетия. «Применение механической силы к чесанию шерсти... широко распространенное со времени изобретения «чесальной машины», особенно машины Листера... несомненно имело своим последствием то, что очень большое число людей лишено работы. Раньше шерсть расчесывалась руками, по большей части по дому у чесальщика. Теперь ее обыкновенно расчесывают на фабрике, и ручной труд устранен, за исключением некоторых особых родов работы, в которых все еще предпочитается шерсть, расчесанная рукой. Многие из ручных чесальщиков нашли работу на фабриках, но продукт ручного чесальщика так мал по сравнению с продуктом машины, что очень большое число чесальщиков так и осталось без работы» («Reports of Insp. of Fact. for Great October 1856», p. 16).

¹⁰² «Следовательно, принцип фабричной системы состоит в замене... разделения или разложения труда между ремесленниками разложением процесса на его существенные составные элементы» (Ure, Philosophy of Machinery, p. 20).

средственно следующей за него сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчленившейся системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп последних, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно, чем в большей мере передвигается он от одной фазы производства к другой не рукою человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует иной принцип: непрерывная связь отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первый мотор, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, напр. паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, напр., до введения самодействующих муляй (selfacting mule) оно требовалось при работе на муляях, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны подобно орудию направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения slide rest (токарного аппарата) в самодействующий механизм (selfactor). Когда рабочая машина без содействия человека выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая однако сохраняет способность к постоянной повышающейся выработанности в частности. Так, напр., аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нитка, и self-acting stop, останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только на ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются совсем современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить современная писчебумажная фабрика. На писчебумажном производстве можно было бы вообще изучить до деталей как различные между различными способами производства, построенными на базисе различных средств производства, так и связь общественно-производственных отношений с различными способами производства: старинное германское писчебумажное дело дает образец ремесленного производства, Голландия XVII и Франция XVIII века — образец мануфактуры в собственном смысле слова, а современная Англия — образец автоматической фабрикации в этой отрасли производства, между тем как в Китае и Индии до сих пор существуют две различных древне-азиатских формы этой же промышленности.

В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточного механизма лишь от одного центрального автомата, машинное производство приобретает наиболее развитую форму. На место отдельной машины выступает здесь механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания, и демоническая сила которого, сначала почти замаскированная торжественно-размеренным движением его исполинских членов, прорывается в лихорадочно бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле этого слова.

Механические станки, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, механических станков и т. д.: точно так же, как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения *Vaucanson'a*, *Agkwright'a*, *Watt'a* и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была сосредоточена в мануфактурах, где, как упомянуто раньше, разделение труда господствовало с особенной строгостью. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивается, с одной стороны, распадение фабрикации машин на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом мы открываем здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Она производила машины, при помощи которых крупная промышленность положила конец ремесленному и мануфактурному производству в тех отраслях производства, которыми они прежде всего овладели. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на несоответствующем ему материальном базисе. На известной ступени развития оно должно произвести переворот в этой основе, которую оно нашло готовой и вырабатывало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остается карликовой машиной, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока за место уже применявшихся двигательных сил — животные, ветер и даже вода — не выступила паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока ее характерное средство производства — сама машина, была обязана своим существованием индивидуальной силе, индивидуальному искусству, т. е. пока она зависела от тех мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий мануфактуры или ремесленник оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря о дороговизне машин, как следствие такого способа их происхождения, — обстоятельство, которое как сознательный мотив оказывает определяющее влияние на капитал, — дальнейшее расширение промышленности, которая приобрела уже машинный характер, и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели благодаря этому от такого условия, как возрастание этой категории рабочих, которая вследствие полупартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность падает и в техническое противоречие со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размера двигательных машин, передаточного меха-

низма и рабочих машин, увеличение сложности и многообразия, более строгая правильность составных частей рабочей машины, возрастающие по мере того, как последняя порывает с своим ремесленным образцом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей, развитие автоматической системы и все более неизбежное и растущее применение материала, труднее поддающегося обработке, напр. железа, вместо дерева¹⁰³, вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обуславливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, напр., современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собою как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, напр., машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механическо-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в бумагопрядильном производстве вызвала изобретение gin'a, машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе¹⁰⁴. А революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта. Средства сношений и транспорта такого общества, средоточием которого, употребляя выражение Фурье^{104а}, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промыш-

¹⁰³ Механический ткацкий станок в своей первоначальной форме состоит преимущественно из дерева, усовершенствованный, современный — из железа. До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных раздувальных приспособлений на чугуноплавильных заводах с первоначальным беспомощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха, и, быть может, убедительнее, чем все остальное, — первая попытка построить локомотив, сделанная до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно эмансипируется от старинной формы того орудия, которое теперь развивается в машину.

¹⁰⁴ Изобретенный одним янки, Eli Whitney'ем, cottongin [машина для выделения семян из волокон] до последнего времени претерпел менее существенных изменений, чем какая бы то ни было другая машина XVIII века. Только в пятидесятых годах другой американец, г. Eperu из Албани в Нью-Йорке, вывел из употребления машину Whitney'я при помощи очень простого и целесообразного усовершенствования.

^{104а} Существенный признак каждого периода в истории человечества Фурье называл его pivot, его стержнем, вокруг которого вращается все. — К.

ленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих, из одной сферы производства в другую и с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершилось потому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупно-промышленному способу производства. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самою машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. В той мере, как в первые десятилетия XIX века росло машинное производство, машина и на самом деле постепенно овладевала фабрикацией рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие [период 1867 г.] колоссальное железнодорожное строительство и океаническое пароходство вывзвали к жизни те циклопические [исполинские] машины, которые применяются при постройке первых моторов.

Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации машин был двигатель, способный развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющийся контролю. Он уже существовал в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Henry Maudsley разрешил эту проблему изобретением «slide rest», который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, приближал, прилагая острие режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, напр. на железо. Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных частей машин «с такой степенью легкости, точности и быстроты, к которой никакая оштыность не могла бы доставить руку искуснейшего рабочего»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ «The Industry of Nations», London 1855, Part II, p. 239. Здесь же говорится: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот прирост к станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как вызвавшее усовершенствования Уатта в самой паровой машине. Видение его разом повело к усовершенствованию и удешевлению многих машин и дало толчок новым изобретениям и усовершенствованиям».

Если в машине, применяемой к машиностроению, мы рассмотрим собственно рабочую машину, то мы опять увидим перед собою ремесленный инструмент, только в циклопических размерах. Напр. исполнительный механизм сверлильной машины, это — огромный буров, который приводится в движение паровой машиной и без которого в свою очередь не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, как плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет железо на пластины, — это гигантская бритва; орудие машины, которая режет железо, как ножницы портного режут сукно, это — чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор¹⁰⁶. Например, один из таких паровых молотов, которые являются изобретением Nasmyth'a, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты в 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он, играючи, превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов¹⁰⁷.

Выступая в виде машины, средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда чисто субъективно, представляет просто комбинацию частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочему приходится взять как готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего коллективным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машина же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционирует только в руках непосредственно общественного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда.

2. Стоимость, отдаваемая машиной продукту

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к процессам производства, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять эти естественные силы.

¹⁰⁶ В Лондоне одна из таких машин дляковки paddle-wheel shafts [валов для гребных колес пароходов] носит название «Тор». [Тор — божество древних германцев, бог грома, вооруженный страшным молниеносным молотом. — К.]. Она выковывает вал весом в 16½ тонн с такой же легкостью, как кузнец подкову.

¹⁰⁷ Те обрабатывающие дерево машины, которые допускают применение в малом масштабе, изобретены, по большей части американцами.

Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки и сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа действием электрического тока, обтекающего вокруг железа, открыты, они уже не стоят ни гроша¹⁰⁸. Но для эксплуатации этих законов в телеграфии и т. д. требуется очень дорогой и сложный аппарат. Орудие, как мы видели, не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма. Капитал заставляет теперь рабочего работать не ручным орудием, а машиной, которая сама оперирует своими орудиями. Но если таким образом с первого же взгляда ясно, что крупная промышленность, шагавшая для процесса производства колоссальными силами природы и естественными силами, должна была чрезвычайно повысить производительность труда, то далеко не так ясно, не покупается ли это повышение производительной силы более значительным увеличением затраты труда в другой области. Подобно всякой другой составной части постоянного капитала, машина не создает никакой стоимости, но переносит свою собственную стоимость на продукт, для производства которого она служит. Поскольку она имеет стоимость и несколько поэтому переносит стоимость на продукт, она образует существенную часть стоимости последнего. Вместо того чтобы удешевлять его, она удорожает его соответственно своей собственной стоимости. Несомненно ведь, что машина и система машин, характерное средство труда крупной промышленности, представляют несравненно большую стоимость, чем средства труда в ремесленном и мануфактурном производствах.

Следует прежде всего отметить, что машина всегда целиком принимает участие в процессе труда и всегда только частью в процессе образования стоимости. Она никогда не присоединяет стоимости больше, чем утрачивает в среднем выводе вследствие своего снашивания. Таким образом существует большая разница между стоимостью машины и той частью стоимости, которая периодически переносится с нее на продукт. Существует большая разница между машиной как элементом образования стоимости и машиной как элементом образования продукта. Чем больше период, в течение которого одна и та же машина снова и снова служит в одном и том же процессе труда, тем больше эта разница. Правда, мы видели, что всякое средство труда, в собственном смысле или орудие производства всегда целиком принимает участие в процессе труда и всегда лишь частями, пропорционально его среднему ежедневному снашиванию, в процессе образования стоимости. Однако эта разница между пользой от использования и снашиванием много больше у машины, чем у орудия, потому что машина, построенная из более прочного материала, живет дольше, а ее применение, регулируемое строго научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании ее составных

¹⁰⁸ Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что несколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал захватывает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение в «ничто» присвоение науки ли, материального ли богатства, это — совершенно различные вещи. Сам Dr. Ure жаловался на грубое незнание в механической сфере дорогих фабрикантов, эксплуатирующих машины, а Ливингстон рассказывает об ужасающем невежестве английских химических фабрикантов в области химии.

частей и потребляемых ею средств, и, наконец, arena производства у нее несравненно шире, чем у орудия. Если мы отбросим от машины и орудия средние ежедневные издержки на них, или ту составную часть стоимости, которую они присоединяют к продукту ежедневным средним снашиванием и потреблением вспомогательных веществ, напр. масла, угля и т. д., то окажется, что они действуют даром, как силы природы, существующие без содействия человеческого труда. Чем больше размеры производительной деятельности машины по сравнению с производительной деятельностью орудия, тем больше размеры ее безвозмездной службы по сравнению с такой же службой орудия. Только в крупной промышленности человек научается вставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда, действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы ¹⁰⁹.

При изучении кооперации и мануфактуры мы видели, что известные общие условия производства, напр. постройки и т. д., экономизируются при совместном потреблении по сравнению с потреблением раздробленных условий производства изолированными рабочими, следовательно, относительно менее удорожают продукты. При машинном производстве не только корпус рабочей машины совместно потребляется ее многочисленными орудиями, но и одна и та же двигательная машина вместе с частью передаточного механизма совместно потребляется многими рабочими машинами.

При данной разнице между стоимостью машины и той частью стоимости, которую она ежедневно переносит на свой продукт, та степень, в которой эта часть стоимости удорожает продукт, зависит прежде всего от размеров продукта, как бы от его поверхности. В одной лекции, опубликованной в 1858 г., Ваупес из Влэбёрна вычисляет, что «каждая реальная механическая лошадиная сила ^{109a} приводит в движение 450 веретен мюли

¹⁰⁹ Рикардо обращает иногда до такой степени исключительное внимание на это действие машин, — впрочем, так же мало выясненное им, как и общее различие между процессом труда и процессом образования стоимости, — что он при случае забывает ту составную часть стоимости, которая переносится на продукт машинами, и совершенно отождествляет ее с силами природы. Так, напр., «Адам Смит нигде не оценивает слишком низко услуг, оказываемых нам силами природы и машинами, но очень точно различает природу стоимости, присоединяемой ими к продукту... Так как они исполняют свою работу даром, то помощь, которую они нам оказывают, ничего не присоединяет к меновой стоимости» (Ricardo, Principles of Political Economy, 3-rd ed., London 1821, p. 336, 337). Разумеется, замечание Рикардо справедливо; поскольку он имеет в виду Ж. Б. Сэя, который болтает, будто машины оказывают ту «услугу», что они создают стоимость, составляющую часть «прибыли».

^{109a} К словам «реальная лошадиная сила» Энгельс в примечании к 3-му изданию дает следующее пояснение: «Одна лошадиная сила равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33 000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33 000 футов. Это и есть та лошадиная сила, о которой выше идет речь. Но в обычном коммерческом языке, а также кое-где и в цитатах этой книги различаются «воинственные» и «коммерческие» или «индикаторные» лошадиные силы одной и той же машины. Старинная, или номинальная лошадиная сила исчисляется исключительно по движению поршня и диаметру цилиндра и совершенно не учитывает давление пара и скорости поршня. Т. е. фактически это означает следующее: в машине считается, напр., 50 лошадиных сил, если она приводится в движение с таким же слабым давлением пара и такой же незначительной скоростью поршня, как в эпоху Больтона и Уатта. Но два последних фактора с того времени возросли в огромной степени. Для измерения той механической силы, которую теперь в действительности

с принадлежностями, или 200 тростильных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе с сновальными, шлихтовальными и т. д. приспособлениями». Дневные издержки одной паровой лошадиной силы и сшивальные машины, приводимых ею в движение, в первом случае распределяются на дневной продукт 450 веретен-мюли, во втором — 200 веретен (threads), в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, так что благодаря этому на унцию пряжи или на аршин ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости. То же самое в приведенном выше примере и паровым молотом. Так как его дневное снашивание, потребление угля и т. д. распределяются на чудовищные массы ежедневно выковываемого им железа, то на каждый центнер железа приходится лишь очень небольшая часть стоимости; но она была бы очень велика, если бы этим циклопическим инструментом вколачивали мелкие гвозди.

При данной сфере деятельности рабочей машины, т. е. при данном количестве ее орудий, или, если дело идет о силе, при данном их объеме масса продукта зависит от скорости, с которой она оперирует, т. е., напр., от скорости вращения веретен или от числа ударов, производимых молотом в течение одной минуты. Некоторые из этих колоссальных молотов делают 70 ударов в минуту, патентованная машина Ryder'a, которая при ковке перетеп оперирует паровым молотом малых размеров, делает 700 ударов в минуту.

Если дана та пропорция, в которой стоимость машины переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самой машины¹¹⁰. Чем меньше труда она сама содержит, тем меньше стоимости она присоединяет к продукту. Чем меньше стоимости она передает продукту, тем она производительнее и тем более приближается она по своей

доставляет машина, был изобретен индикатор, который показывает давление пара. Скорость же движения поршня установить не трудно. Таким образом единица измерения, которой служит «индикаторная» или «коммерческая» лошадиная сила, представляет математическую формулу, в которой соответственно приняты во внимание диаметр цилиндра, высота подъема поршня, скорость поршня и давление пара, и которая показывает, сколько раз по 33 000 футо-фунтов действительно развивает данная машина в минуту. Поэтому одна номинальная лошадиная сила может в действительности доставить три, четыре и даже пять индикаторных или действительных лошадиных сил. Это примечание — для объяснения различных позднейших цитат. — Энгельс применяет здесь английский способ исчисления. В странах, где введена метрическая система, лошадиной силой считается сила, которая в одну секунду поднимает 75 кг на 1 м. Индикаторная лошадиная сила отличается не только от номинальной, но и от действительной, эффективной. Индикаторная сила, — это, как указывает Энгельс, исчисляемое действие машины, напротив, эффективная — фактическое действие машины по преодолении внутренних трений и других препятствий. — К.

¹¹⁰ Читатель, находящийся во власти капиталистических представлений, сможет, конечно, что здесь ничего нет о «проценте», который машина, пропорционально своей капитальной стоимости, присоединяет к продукту. Очень легко убедиться, что машина, подобно всякой другой составной части постоянного капитала, не производя новой стоимости, не может и присоединить таковой под названием «процента». Ясно далее, что здесь, где речь идет о производстве прибавочной стоимости, нельзя ни одной части ее предположить a priori под названием «процента». В третьей книге работы найдут себе объяснение капиталистический способ исчисления, который на первый взгляд представляется нелепым и противоречащим всяким образцам стоимости.

службе к силам природы. Производство же машин машинами уменьшает их стоимость по сравнению с их размерами и их действием.

Сравнительный анализ цен товаров, производимых ремесленным или мануфактурным способом, и цен тех же товаров как машинных продуктов приводит в общем к тому выводу, что при машинном продукте составная часть стоимости, передаваемая средством труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается. Это значит, что ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина по отношению к общей стоимости продукта, напр. одного фунта пряжи, увеличивается¹¹¹.

Ясно, что, если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда, т. е. общая сумма труда, необходимого для производства товара, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает. Однако разница между трудом, которого стоит машина, и трудом, который она сберегает, или степень ее производительности, очевидно, не зависит от разницы между ее собственной стоимостью и стоимостью того орудия, которое она замещает. Первая разница продолжает существовать до тех пор, пока трудовые издержки на машину, а потому и та часть стоимости, которая переносится от нее на продукт, остаются меньше той стоимости, которую рабочий со своим орудием присоединил бы к предмету труда. Поэтому производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу. Согласно г. Baupes'у на 450 веретен мюли с машинами для предварительных операций, приводимыми в движение одной паровой лошадиной силой, приходится $2\frac{1}{2}$ рабочих¹¹²; при этом каждое автоматически действующее веретено (selfacting mule spindle) при десятичасовом рабочем дне выпрядает 12 унций пряжи (средних номеров), что на $2\frac{1}{2}$ ра-

¹¹¹ Эта составная часть стоимости, присоединяемая машиной, понижается абсолютно и относительно в тех случаях, когда машина вытесняет лошадей, вообще рабочий скот, который употребляется исключительно как двигательная сила, а не как машина для обмена веществ. Кстати сказать, Декарт, с его определением животных как простых машин, смотрит на дело глазами мануфактурного периода в отличие от средних веков, которым животное представлялось помощником человека, как позже и г. фон-Галлеру в его «Restauration der Staatswissenschaften». Что Декарт, как и Бэкон, в изменении способа производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления, показывает его «Discours de la Méthode, где между прочим говорится: «Можно (при помощи метода, введенного им в философию) пойти до знаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд и всех других окружающих нас тел, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы», а вместе с тем «содействовать усовершенствованию человеческой жизни». В предисловии к «Discourses upon Trade» (1691) сэра Dudley North'a говорится, что метод Декарта, примененный к политической экономии, начал освобождать ее от старинных сказок и суеверных представлений о деньгах, торговле и т. д. В общем ранние английские экономисты примыкают к философии Бэкона и Гоббса, между тем как впоследствии «философом» политической экономии для Англии, Франции и Италии стал Локк.

¹¹² Согласно годовому отчету торговой палаты в Эссене (октябрь 1863 г.) сталелитейная фабрика Круппа при помощи 161 плавильной, калильной и цементной печи, 32 паровых машин (в 1800 г. приблизительно таково было общее количество паровых машин, применявшихся

бочих составит $365\frac{5}{8}$ ф. пряжи в неделю. Следовательно при своем превращении в пряжу приблизительно 366 ф. хлопка (для упрощения мы оставим отбросы в стороне) поглощают всего 150 рабочих часов, или 15 десятичасовых рабочих дней, между тем как при ручной прялке, когда прядильщик производит в 60 часов 13 унций пряжи, то же самое количество хлопка поглотило бы 2 700 десятичасовых рабочих дней или 27 000 рабочих часов¹¹³. Там, где старый метод *blockprinting*, или ручной набивки ситца, заменен машинным печатанием, одна машина при содействии одного взрослого рабочего или подростка печатает в 1 час столько же четырехцветного ситца, сколько раньше набивали 200 взрослых рабочих¹¹⁴. Пока *Eli Whitney* не изобрел в 1793 г. *cottongin*, отделение одного фунта хлопка от семян стоило в среднем одного рабочего дня. Благодаря его изобретению одна негрятка может отделять 100. ф. хлопка в день, а с того времени производительность *cottongin* еще значительно увеличена. Фунт хлопчатобумажных волокон, производство которого стоило раньше 50 центов, впоследствии продавался по 10 центов, с большою прибылью, т. е. со включением большего количества неоплаченного труда. В Индии для отделения шелков от семян употребляется полумашинобразный инструмент, *churka*. При помощи которого один мужчина и одна женщина очищают 28 ф. в день. При помощи инструмента *churka*, несколько лет тому назад изобретенного доктором *Forbes*'ом, 1 мужчина и 1 подросток очищают в день 250 ф.; если же в качестве двигательной силы применяются волю, пар или вода, то требуется лишь несколько подростков и девочек, исполняющих роль *feeders* (т. е. подкладывальщиков материала в машину). Шестнадцать таких машин, приводимых в движение волами, выполняют ежедневно работу, которая раньше требовала в общем 750 человек¹¹⁵.

Как уже упомянуто, паровая машина при паровом плуге совершает в 1 час ш 3 п. или за $\frac{1}{4}$ ш. столько работы, сколько 66 человек за 15 ш. и час. И возвращаясь к этому примеру во избежание ошибочного представления. А именно эти 15 ш. отнюдь не являются выражением труда, присоединенного в 1 час 66 рабочими. Если отношение прибавочного труда к необходимому труду составляло 100%, то эти 66 рабочих производили в час стоимость в 30 ш., хотя в получаемом ими эквиваленте, т. е. в 15 ш. их заработной платы, воплощено только 33 из общего количества 66 часов. Итак, если мы предположим, что машина стоит ровно столько, сколько составляет годовая плата вытесненных ею 150 рабочих, скажем 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. представляют денежное выражение отнюдь не всего, труда, выполненного и присоединенного к пред-

в Манчестере) и 14 паровых молотов, — представлявших в общей сложности 1200 лошадиных сил, — 49 кузнечных горнов, 203 рабочих машин и приблизительно 2400 рабочих, производила в 1862 г. 13 млн фунтов литой стали. На одну лошадиную силу здесь приходится меньше 2 рабочих.

¹¹³ Набивку вычисляет, что на *Lane* одним только трудом прядения стоимость хлопса увеличивается на 117%. В то же самое время (1832 г.) в Англии обычная стоимость, присоединяемая при тонкопрядении машинами и трудом к хлопку, составляла около 33% стоимости сырого материала (*On the Economy of Machinery*, London 1832, p. 214).

¹¹⁴ Кроме того при машинном печатании делается экономия на краске.
¹¹⁵ *Cotton. Paper and by Dr. Watson, Reporter on Products to the Government of India, before the Society of Arts, 17 April 1860.*

мету труда этими 150 рабочими, а только той части их годового труда, которая для них выражается в заработной плате. Напротив, денежная стоимость машины, 3000 ф. ст., служит выражением всего труда, затраченного на ее производство, в каком бы отношении ни образовал этот труд заработную плату рабочего и прибавочную стоимость капиталиста. Следовательно, хотя бы машина и стоила столько же, сколько замещаемая ею рабочая сила, тем не менее овеществленный в ней труд всегда много меньше замещаемого ею живого труда ¹¹⁶.

Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако для капитала эта граница ссрчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах равенства между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимый труд, прибавочный труд в различных странах различно, равно как и в одной и той же стране оно тоже различно в различные периоды или в один и тот же период в различных отраслях производства; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы, то и эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания, хотя бы разница между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда и оставалась без изменения ^{116а}. Но только первая разница и определяет для самого капиталиста издержки производства товара и оказывает на него влияние при посредстве принудительных законов конкуренции. Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Северной Америке, как Германия XVI и XVII веков изобрела машины, которые применялись только в Голландии, и как некоторые французские изобретения XVIII века были использованы только в Англии. Сама машина в странах, более старых по развитию, своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда (*redundancy of labour*, говорит Рикардо) в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, для которого барыш вытекает ведь из сокращения не применяемого труда вообще, а лишь оплачиваемого труда. В некоторых отраслях английской шерстяной мануфактуры детский труд за последние годы сильно сократился, местами почти совершенно вытеснен. Почему? Фабричный закон заставил ввести две смены детей, из которых одна попеременно работает 6 часов, другая 4 часа, или каждая только по 5 часов. Но родители не хотели продавать *half-times* [полурабочих] дешевле, чем раньше продавали *full-times* [полных рабочих]. Отсюда замена *half-times*,

¹¹⁶ «Эти немые деятели (машины) всегда представляют продукт значительно меньшего труда, чем тот, который они замещают, хотя бы они имели совершенно одинаковую денежную стоимость» (Ricardo, Principles of Political Economy, 3-rd ed., London 1821, p. 40).

^{116а} *Прим. ко 2 изд.* Поэтому в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно иную арену, чем в буржуазном обществе.

полурабочих, машинами¹¹⁷. До запрещения в рудниках труда женщин и малолетних (моложе 10 лет) капитал находил столь согласным со своим моральным кодексом, а особенно со своим грессбухом, заставлять голых женщин и доушск, часто вместе с мужчинами, работать в угольных и других копах, что он лишь после этого воссрещения обратился к машинам. Янки изобрели машины для разбивания камня. Англичане их не применяют, потому что «несчастны» («wretch» — техническое название английской политической экономии для земледельческих рабочих), выполняющие эту работу, получают оплату за такую ничтожную часть своего труда, что машины удорожили бы производство для капиталистов¹¹⁸. В Англии для тяги и т. д. барок по каменным иногда вместо лошадей все еще применяются женщины¹¹⁹, потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин из избыточного населения, ниже всякого расчета. Поэтому нигде нет более бесстыдного расточения человеческой силы на всякие бессмысленные пустяки, чем именно в Англии, в стране машин.

3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего

Исходным пунктом крупной промышленности послужила, как мы видели, революция в средстве труда, средство же труда, претерпевшее переворот, получает свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин на фабрике. Прежде чем рассматривать, как к этому объективному организму присоединяется человеческий материал, познакомимся с некоторыми общими действиями этой революции на самого рабочего.

а) Присвоение капиталом добавочных рабочих сил. Женский и детский труд

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, под-

¹¹⁷ «Предприниматели без необходимости не станут сохранять две смены детей до 13-летнего возраста... Действительно, часть фабрикантов, прилагавших шерсти, теперь редко применяют труд детей моложе 13 лет, т. е. полурабочих. Они ввели усовершенствованные новые машины разного рода, которые почти устраняют труд детей (т. е. детей до 13 лет). Для иллюстрации такого уменьшения числа детей я сошлюсь на один процесс труда, в котором благодаря присоединению к существующим машинам нового аппарата, так называемой piecing machine (присучальной машины), труд шести или четырех полурабочих, сообразно особенностям каждой машины, может быть выполнен одним подростком (старше 13 лет)... Система сокращенного времени» послужила стимулом «к изобретению piecing machine» (Reports of Com. of Fact. for 31-st October 1858).

¹¹⁸ «Машины... часто не могут найти применения до тех пор, пока труд (он имеет в виду заработную плату) не повысится» (Ricardo, Principles of Political Economy, 3-rd ed., London 1821, p. 579).

¹¹⁹ См. «Report of the Social Science Congress at Edinburgh». October 1863.

чиная непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных правами пределах, для нужд для самой семьи¹²⁰.

Стоимость рабочей силы определена у нас рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается в той пропорции, в которой прибавочный труд четырех дает избыток над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей аренной капиталистической эксплуатации¹²¹, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарного обмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий простиоят друг другу как свободные личности, как неза-

¹²⁰ Во время хлопчатобумажного кризиса, сопровождавшего американскую гражданскую войну, д-р Edward Smith был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д., чтобы изучить гигиеническое положение хлопчатобумажных рабочих. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, не говоря уже о вытеснении им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие выгодные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того, чтобы отравлять их cordial'em Годфрея (опийный препарат). У них нашлось теперь время научиться стряпне. К несчастью, это умение стряпать пришло в такое время, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Потребовалась американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые прядут для всего мира, научились шить!

¹²¹ «Количественное возрастание рабочих было велико благодаря усилившейся замене труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 ш. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 ш.» (Th. de Quinsey, The Logic of Political Economy, London 1845, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций семьи, напр. присматривания за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится так или иначе нанимать заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, напр. шитье, починку и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Следовательно, уменьшение затрат домашнего труда соответствует увеличению денежных затрат. Поэтому издержки производства рабочей семьи возрастают и уравниваются увеличению дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в использовании средств существования и в их приговлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в «Reports» фабричных инспекторов, в отчетах «Children's Employment Commission», а в особенности в «Reports on Public Health».

важные товаровладельцы: один как владелец денег и средств производства, другой как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает незрелых или полунзрелых. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально-свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работорговцем¹²². Спрос на детский труд часто и по форме приближается к тому спросу на негров-рабов, образчики которого мы привыкли встречать в объявлениях американских газет. «Мое внимание, — рассказывает, папр., один английский фабричный инспектор, — обратили на объявление в местной газете одного из значительнейших мануфактурных городов моего округа. Объявление гласит: «Требуется 12 — 20 мальчиков, не моложе того, как необходимо чтобы они могли сойти за 13-летних. Плата 4 ш. в неделю. Спросить» и т. д.¹²³. Фраза: «чтобы они могли сойти за 13-летних» объясняется тем, что по фабричному закону дети моложе 13 лет могут работать только 6 часов. Официально признанный врач (certifying surgeon) должен удостоверить возраст. Поэтому фабрикант требует таких мальчиков, которые выглядят так, как будто им уже минуло 13 лет. Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике последних 20 лет, по словам самих фабричных инспекторов, было в большой мере делом этих certifying surgeons, изменяющих возраст детей согласно эксплуататорской жажде капиталистов и продавщической потребности родителей. В Bethnal Green, печальной известности округе Лондона, каждый понедельник и вторник утром устраивается открытый рынок, на котором дети обоего пола с 9-летнего возраста сами отдают себя в наем на лондонские шелковые мануфактуры. «Обыкновенные условия — 1 ш. 8 п. в неделю (это отдается родителям) и 2 п. для меня самого и чай». Договоры заключаются только на неделю. Сцены и язык на этом рынке поистине возмутительны¹²⁴. В Англии до сих пор еще случается, что женщины «борут мальчиков из рабочего дома и отдают их внаем какому угодно покупателю по 2 ш. 6 п. в неделю»¹²⁵. Вопреки законодательству

¹²² И противоположность тому великому факту, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было завоевано у капитала паразитами рабочими-мужчинами, еще самые недавние отчеты «Children's Employment Commission» отмечают поистине возмутительные и совершенно работорговческие черты в отношении рабочих-родителей к барышничеству детьми. А капиталистические фарисеи, как можно видеть из тех же «Reports», называют это ими же самими созданное, увековечиваемое и эксплуатируемое явление, которое в других случаях они называют «свободой труда». «Детский труд был призван на помощь... даже для того, чтобы зарабатывать себе собственный хлеб насущный. Без сил, необходимых для того, чтобы выдержать такой непомерный труд, без подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были брошены в положение, разрывающее физически и нравственно. Еврейский историк по поводу разорения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что при разрушении он подвергся такому необыкновенному опустошению, что один бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мучений ужасного голода» («Public Economy Concentrated», London 1833, p. 56).

¹²³ A. Rodgrave в «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1858», p. 40, 41.

¹²⁴ «Children's Employment Commission. 5-th Report. London 1866», p. 81, p. 81. [Как сообщает Энгельс в 4-м издании, шелковая промышленность в Bethnal Green в настоящее время почти совсем уничтожена].

¹²⁵ «Child. Employ. Comm. III Report. Lond. 1864», p. 53, p. 15.

все еще по меньшей мере до 2000 мальчиков продается в Великобритании своими родителями как живые трубочистые машины (хотя для Америки их существуют действительные машины)¹²⁶. Вызванная машинная революция в юридическом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишняя вся эту сделку даже видимости договора между свободными лицами, впоследствии дала английскому парламенту юридическое обоснование, оправдывающее государственное вмешательство в фабричное дело. Каждый раз, когда фабричный закон ограничивает 6 часами детский труд в невзвешенных до того времени отраслях промышленности, все снова и снова раздается вопли фабрикантов: некоторые родители, — говорят они, — берут своих детей из постигнутой законом промышленности только затем, чтобы продать их в такие отрасли, в которых все еще господствует «свобода труда», т. е. в которых дети моложе 13 лет вынуждены работать наравне с взрослыми и в которые, следовательно, их можно продать подороже. Но так как капитал по своей природе левеллер, т. е. требует как прирожденного права человека равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли.

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих, которых машина подчиняет эксплуатации капитала сначала прямо, — на фабриках, возникающих на ее базе, — а потом косвенно, — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии существует 16 регистрационных округов, в которых на 100 000 родившихся живыми детей до одного года приходится в среднем выводе только 9000 смертных случаев в год (в одном округе всего 7047); в 24 округах больше 10 000, но меньше 11 000; в 39 округах более 11 000, но менее 12 000; в 48 округах более 12 000, но менее 13 000; в 22 округах более 20 000; в 25 округах более 21 000; в 17 свыше 22 000; в 11 больше 23 000; в Нью-Вolverhampton, Ashton-under-Lyne и Preston больше 24 000; в Nottingham, Stockport и Bradford больше 25 000; в Wisbeach 26 000 и в Манчестере 26 125¹²⁷. Как показало официальное санитарное исследование в 1861 г., причиной таких высоких норм смертности являются, оставляя в стороне местные условия, главным образом занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда недостатки попечения о детях, плохое обращение с ними, между прочим несоответствующее питание, недостаток питания, кормление препаратами опиия и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокормливание и отравление¹²⁸. Напротив, в таких земледельческих округах, «где женщины наименее заняты, и процент смертности наименьший»¹²⁹.

¹²⁶ 1. с. 5-th Report, p. XXIII, n. 137.

¹²⁷ «Sixth Report on Public Health», London 1864, p. 34.

¹²⁸ «Оно (исследование 1861 г.)... показало сверх того, что при официальных обстоятельствах дети умирают от недостаточного попечения и плохого ухода, обусловливаемого фабричным трудом их матерей, и что матери до такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

¹²⁹ Там же, p. 454.

Одним следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по Немонскому морю, смертность детей до одного года почти достигает нормы смертности фабричных округов, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Julian Hunter'у было предложено исследовать это явление на месте. Его отчет приложен к «Sixth Report on Public Health»¹³⁰. До того времени предполагали, что детей косит малярия и другие болезни, свойственные низким и болотистым местам. Исследование привело к прямо противоположному выводу, а именно, «что та самая причина, которая уничтожила малярию, т. е. превращение в плодородную пахотную землю земли, представлявшей болото зимой и скучное пастбище летом, создала необыкновенно высокую норму смертности трудных детей»¹³¹. 70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Hunter, были «замечательно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией и земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе. «Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, на известную сумму целыми партиями предоставляются арендатору особым лицом, который называется «gangmaster» (староста партии) и нанимает всю партию. Эти партии часто перекочевывают за многие мили от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда и штаны, очень сильны и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не выоятся от тех вредных последствий, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнувших дома»¹³². Все явления фабричных округов воспроизводятся здесь, притом в усиленной степени: замаскированное детоубийство и кормление детей опиатами¹³³. «Мое знакомство с злом, которое порождает всякой продолжительной промышленной работой взрослых женщин, должно послужить оправданием моего отвращения к ней», — говорит д-р Simon, член английского Privy Council [Тайного Совета] и главный редактор отчетов о «Public Health» [народном здравии]¹³⁴. «Действительно, — восклицает фабричный инспектор R. Baker в одном официальном отчете, — будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике»¹³⁵.

Моральное искажение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано

¹³⁰ Там же, р. 454 — 463. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the comparative mortality of infants in some rural districts of England».

¹³¹ Там же, р. 35, 455, 456.

¹³² Там же, р. 456.

¹³³ Как и в фабричных округах Англии, так и в земледельческих потребностям опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается. «Развитие этой опиума... составляет главную цель некоторых предпринимательских кругов торговцев. Дрогисты признают опиум самым ходким товаром» (там же, р. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «сморщиваются в малярийных старичков или съеживаются в обезьянок» (там же, р. 460). Вот как Шванн и Кутан метят Англию!

¹³⁴ Там же, р. 37.

¹³⁵ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1862», р. 59. Этот фабричный инспектор раньше был врачом.

Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими писателями, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости, — его легко отличить от того первобытного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию, его естественному плодородию, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных законах так называемых пунктов о воспитании, в отсутствии того административного наблюдения, без которого это обязательное обучение в большинстве случаев становится иллюзорным, в опознании фабрикантов даже против такого закона об обучении и в их увертках и уловках, которые служат для обхода его на практике. «Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала фиктивный закон (*delusive law*), который, заботясь для виду о воспитании детей, не содержит ни одного постановления, обеспечивающего достижение этой цели. Он ничего не постановляет, кроме того, что дети на определенное число часов (3 часа) в день должны быть заперты в четырех стенах помещения, именуемого школой, и что хозяин детей еженедельно должен получать удостоверение в исполнении этого от лица, которое подписывается учителем или учительницей»¹³⁶. До издания в 1844 г. исправленного фабричного закона нередко встречались удостоверения о посещении школы, которые учитель или учительница подписывали крестом, потому что сами они не умели писать. «При моем посещении одной школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Скажите, пожалуйста; умеете ли вы читать?» — «В общем да», — был его ответ. В свое оправдание он добавил: «Во всяком случае я наблюдаю за своими учениками». Во время подготовки закона 1844 г. фабричные инспектора жаловались на позорное состояние учреждений, именуемых школами, удостоверения которых они по закону должны были признавать вполне действительными. Но все, чего они добились, заключалось в том, что с 1844 г. «учитель должен был вносить своей рукой цифры в школьное удостоверение и собственноручно же подписывать свое имя и фамилию»¹³⁷. Сэр John Kincaid, шотландский фабричный инспектор, рассказывает о том же на основании своего служебного опыта. «Первая школа, которую мы посетили, содержалась некоей Mrs. Ann Killin. Когда я предложил ей написать ее фамилию, она разом сделала ошибку, начав ее буквой С, но тотчас поправилась, заявив, что ее фамилия начинается с К. Однако при просмотре ее подписи в книге школьных удостоверений я заметил, что она подписывается различно, между тем как почерк не оставляет никакого сомнения на тот счет, что она неспособна учить. Да и сама она призналась, что она не может вести журнал... Во второй школе я увидел школьную комнату в 15 футов длины и 10 футов ширины и насчитал в этом помещении 75 детей, которые бормотали что-то непо-

¹³⁶ Leonhard Horner в «Reports of Insp. of Fact. for 30-th June 1857», p. 17.

¹³⁷ Он же в «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1855», p. 18, 19.

питие»¹³⁹. «Однако не только в таких жалких вертепах дети получают школьное удостоверение, хотя никакого обучения здесь нет: существует много школ с достаточно подготовленными учителями, но почти все труды последних разбиваются об убогое смешение детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Доход учителя, в лучшем случае нищенский, всецело зависит от числа пенсов, а их получается тем больше, чем больше удастся набить детей в комнату. К этому присоединяется скудная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие мертвого и отвратительного воздуха на самих бедных детей. Я бывал во многих таких школах, причем я видел целые ряды детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получившие образование (educated)»¹³⁹. В Шотландии фабриканты стараются по возможности уволить детей, обязанных посещать школу. «Этого достаточно, чтобы иллюстрировать сильное нерасположение фабрикантов к постановлениям об обучении детей»¹⁴⁰. В уродливо-отвратительных формах обнаруживается это в штифтовых и т. п. заведениях, подчиненных особому фабричному закону. Согласно постановлениям последнего, «каждый ребенок перед поступлением в такое печатное заведение должен посещать школу по меньшей мере 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествующих его поступлению. Во время своей работы в печатном заведении он также должен посещать школу в течение 30 дней или 150 часов через одно полугодие в продолжение другого... Посещение школы должно проходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Никакое посещение, продолжавшееся менее 2½ часов, или излишек над 5 часами в день не должны считаться в счет упомянутых 150 часов. При обыкновенных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, достигнув узаконенной суммы в 150 часов, покончив со своей книгой, как выражаются они сами, они опять возвращаются в заведение, опять остаются в нем 6 месяцев, пока не наступит новый срок платежа, — срок посещения школы, — и опять остаются в школе до тех пор, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу узаконенные 150 часов, при возвращении в нее после шестимесячного пребывания в печатном заведении должны все начинать с начала... Они, конечно, вынимают все, что приобрели в предыдущее посещение школы. В других штифтовых заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов за каждый полугодичный период разом пополняется присчитыванием 2—5 часовых посещений, которые распределяются на время, быть может, более полугодия. Напр., в один день школа посещается с 8 до 11 часов утра, и другой день с 1 до 4 часов вечера, и после того, как ребенок несколько дней не являлся, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 часов вечера; затем он, быть может, приходит 3 или 4 дня или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в брисовые дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается;

¹³⁹ Mr John Kincaid в «Reports of Insp. of Fact. for 31-st Octo-ber 1856», p. 31, 32.

¹⁴⁰ David Board Horner в «Reports etc. for 31-st October 1857», p. 17, 18.

¹⁴¹ Mr J. Kincaid в «Reports of Insp. etc. for 31-st October 1856», p. 66.

таким-то образом ребенка, так сказать, швыряют (buffet) то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу; пока не наберется сумма в 150 часов»¹⁴¹. Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое мужчина-рабочий в мануфактуре еще оказывал капиталу¹⁴².

в) Удлинение рабочего дня

Если машина является наиболее могущественным средством для того, чтобы увеличить производительность труда, т. е. сократить рабочее время, необходимое для производства товаров, то как носительница капитала она становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, наиболее могущественным средством для того, чтобы удлинять рабочий день дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создает новые мотивы, обостряющие его неутолимую жажду чужого труда.

Прежде всего движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным *perpetuum mobile* [постоянно движущимся предметом], которое производило бы непрерывно, если бы оно не наталкивалось на известные естественные границы в своих помощниках-людях, на слабость их тела и на их своволие. Капитал, — а в качестве такового автомат, — имеет в капиталисте свое сознание и волю, — средство труда одушевлено стремлением свести до минимальных размеров это противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природе¹⁴³.

¹⁴¹ A. Redgrave в «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1857», p. 41, 42. В тех отраслях английской промышленности, которые уже давно подчинены фабричному закону (the Printwork's Act), о котором сейчас говорилось в тексте), помехи постановлениям об обучении в последние годы до известной степени устранены. В тех же отраслях промышленности, которые не подчинены фабричному закону, до сих пор еще сильно распространены воззрения, высказанные стекляннм заводчиком J. Geddes'ом, который так поучал члена Следственной комиссии White: «Насколько я понимаю, большее образование, получаемое за последние годы известной частью рабочего класса, представляет зло. Оно опасно, делая рабочих слишком независимыми» («Children's Employment Commission. 4-th Report London 1865», p. 253).

¹⁴² «Господин Е., фабрикант, сообщил мне, что при своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, существование которой зависит от них; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, они вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства существования. Таким образом добродетели, — добродетели, специфически характеризующие женщин! — обращаются во вред им, таким образом правдивая и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hour's Factory Bill». The Speech of Lord Ashley, 15-th March. London 1844, p. 20).

¹⁴³ «С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать свыше его средних сил» (Robert Owen, Observations on the effects of the manufacturing system, 2-nd ed., London 1817).

Да и без того оно ослаблено кажущейся легкостью труда при машине и податливостью, покорностью женщин и детей ¹⁴⁴.

Производительность машин, как мы видели, обратно пропорциональна величине той составной доли стоимости, которая переносится ими на продукт. Чем длиннее период, в продолжении которого функционирует машина, тем больше масса продукта, на которую распределяется присоединяемая машинной стоимостью, и тем меньше та часть стоимости, которую она присоединяет к единице товара. А период жизнедеятельности машины определяется, очевидно, длиной рабочего дня или продолжительностью дневного процесса труда, помноженной на число дней, в течение которых этот процесс повторяется.

Сниживание машин отнюдь не с математической точностью соответствует времени пользования ею ^{144a}. Но даже при том предположении, что это соответствие существует, машина, которая служит ежедневно по 16 часов в течение $7\frac{1}{2}$ лет, охватывает столь же большой период производства и присоединяет к общему продукту такую же стоимость, как та же самая машина, если она служит 15 лет всего по 8 часов ежедневно. Но в первом случае стоимость машины была бы воспроизведена вдвое быстрее, чем во втором, и капиталист поглотил бы в первом случае при помощи этой машины столько же прибавочного труда в $7\frac{1}{2}$ лет, сколько во втором случае — в 15 лет.

Материальное изнашивание машины бывает двоякого рода. Одно возникает из ее употребления, — как монеты изнашиваются от обращения, — другое из неупотребления, — как меч от бездействия ржавеет в ножнах. В последнем случае она делается добычей стихий. Изнашивание первого рода в большей или меньшей мере прямо пропорционально употреблению машины, изнашивание второго рода — обратно пропорционально употреблению ¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Англичане, которые склонны принимать первую внешнюю форму промышленности за причину, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное расхищение детей, которое капитал при зарождении фабричной системы производил, как Ирод, в приютах для бедных и сирот и при производстве которого он приобрел совершенно безработный человеческий материал. Так, напр., Fielden, сам английский фабрикант, говорит: «Несколько удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что множество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны, было настолько велико, что хозяева пользовались независимостью от рабочих и, установив обычный продолжительного труда при помощи жалкого материала, полученного таким способом, они очень легко могли навязать его своим соседям» (J. Fielden, The Curse of the Factory System, London 1830, p. 11). Относительно женского труда фабричный инспектор Финчхем говорит в фабричном отчете за 1844 г.: «Среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь некоторых дней, работают с 6 часов утра до 12 часов ночи, с перерывом только 2 часа на обед, так что в течение 5 дней в неделю у них остается только время всего по 6 часов на проход домой и обратно и на отдых в выходные».

^{144a} На полях собственного экземпляра Маркса (1-е издание) здесь имеется следующее замечание: это относится между прочим и к расходам, которые требуют машины. Например: «Каждому фабриканту известно, что ему приходится растопить паровую машину, это обходится одинаково, независимо от пар на 3 или на 4 часа... Отсюда вытекает (для железных дорог) малочисленная экономия на горючем материале, если требуется пробег только на расстоянии» (Royal Commission on Railways, London 1867. Evidence, p. 176). — К.

¹⁴⁵ «Приращение... вреда тонким подвижным частям металлического машинным бездействием последнего» (Ure, Philosophy of Manufacture, p. 28).

Но кроме материального снашивания, машина подвергается, так сказать, и моральному снашиванию. Она утрачивает меновую стоимость по мере того, как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле, или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию¹⁴⁶. В обоих случаях, как бы нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для ее воспроизводства или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость. Чем короче период, в течение которого воспроизводится вся ее стоимость, тем меньше опасность морального снашивания, а чем длиннее рабочий день, тем короче этот период. Если машины впервые вводятся в какую-либо отрасль производства, то один за другим следуют все новые и новые методы удешевленного их воспроизводства¹⁴⁷ и новые усовершенствования, охватывающие не только отдельные части или аппараты, но весь механизм в целом. Поэтому в первый период жизни машины этот особенный мотив к удлинению рабочего дня действует с наибольшей силой¹⁴⁸.

При прочих равных условиях и при данной величине рабочего дня эксплуатация удвоенного числа рабочих требует удвоения и той части постоянного капитала, которая затрачивается на машины и здания, равно как на сырой материал, вспомогательные вещества и т. д. С удлинением рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и постройки, остается без изменения¹⁴⁹. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты, необходимые для ее получения. Конечно, это явление в большей или меньшей мере наблюдается вообще при всяком удлинении рабочего дня, но в данном случае оно имеет решающее значение, потому что часть капитала, превращаемая в средства труда, вообще играет наибольшую роль¹⁵⁰. В самом

¹⁴⁶ Уже упомянутый раньше «Manchester Spinner» («Times», 26 November 1862 г.) относит к издержкам машины: «то (говорится о списывании на снашивание машин), что предназначено на покрытие потерь, которые постоянно возникают вследствие замены одних машин другими, новыми и лучшей конструкции, прежде чем первые окупят себя».

¹⁴⁷ В общем считают, что построить первый экземпляр вновь изобретенной машины стоит почти в пять раз дороже, чем построить второй (Babbage, On the Economy of Machinery, London 1832, p. 211).

¹⁴⁸ «В течение немногих лет в фабрикации толя были сделаны настолько серьезные и многочисленные усовершенствования, что хорошо сохранившаяся машина, стоившая первоначально 1200 ф. ст., через несколько лет продавалась за 60 ф. ст... Усовершенствования следовали одно за другим с такой быстротой, что машины оставались у машиностроителей незаконченными, потому что вследствие удачных изобретений они уже успевали устареть». В этот период бури и натиска фабриканты толя увеличили первоначальный 8-часовой рабочий день при двойной смене рабочих до 24 часов (там же, стр. 233).

¹⁴⁹ «Само собою очевидно, что при приливах и отливах на рынке и при сменяющемся расширении и сокращении спроса постоянно могут встретиться случаи, когда фабрикант может найти применение добавочному оборотному капиталу, не увеличивая находящегося в деле основного капитала... если добавочное количество сырого материала может быть обработано, не требуя дополнительных затрат на постройки и машин» (R. Toggens, On Wages and Combination, London 1834, p. 63).

¹⁵⁰ Упомянутое в тексте обстоятельство приводится здесь только ради полноты, так как норму прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, я рассматриваю лишь в третьей книге.

дело, развитие машинного производства постоянно возрастающую составную часть капитала связывает в такой форме, в которой ее можно, с одной стороны, в течение долгого времени использовать для процесса образования стоимости, но в которой она, с другой стороны, утрачивает потребительную стоимость и меновую стоимость, как только прерывается ее контакт с живым трудом. «Когда земледelec, — поучал г. Ashworth, английский хлопчатобумажный магнат, профессора Нассау В. Сениора, — когда земледelec бросает свой заступ, он делает бесполезным на это время капитал в 18 п. Когда один из наших людей (т. е. из фабричных рабочих) оставляет фабрику, он делает бесполезным капитал, который стоил 100 000 ф. ст.»¹⁵¹. Подумайте только! Сделать «бесполезным», хотя бы только на одно мгновение, капитал, который стоил 100 000 ф. ст.! Да это — вопиющее дело, если кто-либо из наших людей вообще когда-нибудь покидает фабрику! Постоянно возрастающие размеры машин делают «желательным», — полагает наученный Ashworth'ом Сениор, — постоянно прогрессирующее удлинение рабочего дня¹⁵².

Машина производит относительную прибавочную стоимость не только тем, что она прямо понижает стоимость рабочей силы и удешевляет ее по поводу, удешевляя товары, необходимые для ее воспроизводства, но и тем, что при своем первом введении, имеющем еще спорадический характер, она превращает труд, применяемый владельцем машины, в потенцированный труд [труд повышенной степени], поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости и таким образом дает капиталисту возможность возмещать дневную стоимость рабочей силы сравнительно меньшей частью стоимости дневного продукта. Поэтому в течение такого переходного периода, пока машинное производство сохраняет своего рода монопольное положение, прибыли достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать этот «медовый месяц» посредством невозможного удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша.

Но море того, как машина приобретает в известной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда начинает обнаруживать свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих сил, которые капиталист заместил посредством машины, а, наоборот, от тех рабочих сил, которые он при ней применяет. Прибавочная стоимость происходит только от переменной части капитала, а мы уже видели, что масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: нормой прибавочной стоимости и числом одновременно занятых рабочих. При данной

¹⁵¹ Senior, Letters on the Factory Act., London 1837, p. 13, 14.

¹⁵² «Пробитие основного капитала над оборотным... делает желательным продолжительный рабочий день». С возрастанием размера машины и т. д. «мотивы к удлинению рабочего времени усиливаются, так как это — единственное средство для того, чтобы извлечь прибыль из относительного увеличения основного капитала» (там же, p. 11 — 13). На всякой фабрике существуют различные расходы, которые остаются постоянными независимо от того, длиннее или короче рабочее время на фабрике, напр. плата за строение, местные и государственные налоги, страхование от огня, заработная плата различным постоянным рабочим, порча машин и ряд других расходов, отношение которых к прибыли тем более увеличивается, чем больше увеличивается размер производства» («Reports of the Insp. of Fact. for 31-st. October 1862», p. 19).

длине рабочего дня норма прибавочной стоимости определяется тем отношением, в котором рабочий день распадается на необходимый труд и прибавочный труд. Число же одновременно занятых рабочих в свою очередь определяется отношением переменной части капитала к его постоянной части. Теперь ясно, что, как бы ни расширяло машинное производство, пользуясь повышением производительной силы труда, прибавочный труд на счет необходимого труда, оно достигает этого результата только таким способом, что уменьшает число рабочих, применяемых капиталом данной величины. Оно превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, не производящий никакой прибавочной стоимости, некоторую часть капитала, который раньше был переменным, т. е. превращался в живую рабочую силу. Из двух, напр., рабочих невозможно выжать столько прибавочной стоимости, сколько из 24. Если каждый из 24 рабочих в каждом двенадцати часах труда доставляет всего один час прибавочного труда, то вместе они доставляют 24 часа прибавочного труда, между тем как весь труд двух рабочих составляет всего 24 часа. Таким образом в применении машин к производству прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих. Это имманентное противоречие находит себе проявление, когда по мере всеобщего распространения машины в известной отрасли промышленности стоимость производимого машинами товара становится регулирующей общественной стоимостью всех товаров этого рода; это противоречие в свою очередь является обстоятельством, которое, не доходя до сознания капиталиста¹⁵³, тем не менее побуждает его опять-таки к величайшему удлинению рабочего дня, чтобы компенсировать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Так капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и строй общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население¹⁵⁴, вынужденное подчиняться законам, которые диктуют ему капитал. Отсюда то замечательное явление в истории современной промышленности, что машина ниспровергает все моральные и естественные границы рабочего дня. Отсюда тот эконоический парадокс [несообразность] что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в надежнейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости. «Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель

¹⁵³ Почему это имманентное противоречие не сознается отдельным капиталистом, а потому и политической экономией, находящейся во власти его представлений, это мы увидим из первых отделов третьей книги.

¹⁵⁴ Одна из великих заслуг Рикардо и Сисмонди заключается в том, что они видели в машинах не только средства производства товаров, но и средства производства «*redundant population*» [избыточного населения].

древности, — если бы каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнить подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою, или как треножки Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»¹⁵⁵. И Антипарос, греческий поэт эпохи Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабства и восстановительницы золотого века!¹⁵⁶ «Язычники, — да, язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак Куллох, ничего ни понимали в политической экономии и христианству. Они между прочим не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для превращения немногих грубых и полубразованных выскочек в «eminent spinners», «extensive sausage makers», «influential shoe black dealers» [в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников», «влиятельных торговцев ваксой»], — для этого им недоставало специфических христианских чувств.

с) Интенсификация труда^{156а}.

Безграпичное удлинение рабочего дня, которое производят машины, малооднородно во власти капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням которого угрожает такая опасность, а вместе с тем и к законодательному установлению ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность одно явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине [т. е. о расширении]

¹⁵⁵ F. Wille, Die Philosophie des Aristoteles, Berlin 1842, Bd. II, S. 408.

¹⁵⁶ Приложу здесь эти стихи в переводе Штольберга, потому что они, подобно приподнесенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противуположность между античными и современными воззрениями:

«Hohonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafet
Haufl er verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Ihn hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und jetzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Denn die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasset uns leben das Leben der Väter, und lasst uns der Gaber
Arbeitslos uns freun, welche die Göttin uns schenkt».

(Geflehte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg. Hamburg 1782).

(«Дайте отдых своим рукам, о работницы, и спите безмятежно! Напрасно будет негуч возвещать вам о наступлении утра! Дао поручило работу девицам нимфам, и они легко теперь прыгают по колесам, так что потрепанное ими вертятся вместе со своими спицами и заставляют вращаться тяжелый зернов. Будем же жить жизнью отцов и без труда наслаждаться дарами, которыми нас наделила богиня»).

^{156а} Во французском издании Маркс делает здесь следующее замечание: «Под словом интенсификация труда я понимаю способ достигнуть максимальной напряженности рабочей силы». — К.

труда, степень же его интенсивности [напряженности] предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта в специальном классе машинных рабочих естественно увеличиваются скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полувека удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, которая не имеет характера врывающихся пароксизмов лихорадочной деятельности, а совершается изо дня в день с повторяющимся регулярным однообразием, неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенное нарастание возмущения рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего на фабрике в собственном смысле продиктовать нормальный рабочий день, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. Вместе с тем совершается изменение в характере относительной прибавочной стоимости.

Метод производства относительной прибавочной стоимости заключается, вообще говоря, в том, что рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет к общему продукту все такую же стоимость, как и раньше; хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость воплощается теперь в большем количестве меновых стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается. Совершенно иное наблюдается в том случае, когда принудительное сокращение рабочего дня, дающее мощный толчок развитию производительной силы и экономизации условий производства, заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее наполнять поры [промежутки] рабочего времени, т. е. конденсировать [уплотнять] труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня. Эта сжатая в пределы данного периода времени большая масса труда учитывается теперь как большее количество труда, чем она и является в действительности. Наряду с мерой рабочего времени как «экстенсивной величины» теперь выступает измерение степени его уплотнения¹⁵⁷. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцатичасового рабочего дня. Поэтому его продукт имеет такую же или большую стоимость,

¹⁵⁷ Разумеется, в различных отраслях производства вообще наблюдаются различия в интенсивности труда. Они, как показал уже А. Смит, отчасти уравниваются побочными обстоятельствами, сопряженными с каждым особым родом труда. Но и эти различия оказывают влияние на рабочее время как меру стоимости лишь постольку, поскольку интенсивные и экстенсивные величины являются противоположными и взаимно исключают друг друга выражениями одного и того же количества труда.

чем продукт более пористых $1\frac{1}{5}$ часа. Не говоря уже об увеличении относительной прибавочной стоимости вследствие увеличения производительной силы труда, теперь, напр., $3\frac{1}{3}$ часа прибавочного труда на $6\frac{2}{3}$ часа необходимого труда дают капиталисту такую же массу стоимости, как раньше 4 часа прибавочного труда на 8 часов необходимого труда.

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, согласно которому дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому в известных границах то, что теряется на продолжительности труда, выигрывается на его интенсивности. К тому же, чтобы рабочий действительно расходовал больше рабочей силы, капитал прилагает особые меры в виде метода оплаты¹⁵⁸. В мануфактурах, напр. в гончарных заведениях, в которых машины не играют почти никакой роли или играют лишь незначительную роль, проведение фабричного закона с полной убедительностью показало, что простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает правильность, однородность, порядок, непрерывность и энергию труда¹⁵⁹. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создавала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что «их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы руки не теряли ни минуты времени», что степень бдительности и внимательности рабочих («the extent of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли может быть повыше-нее и что, предполагая равенство всех прочих условий, напр. быстроты машин, было бы бессмысленно в благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.»¹⁶⁰. Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н R. Gardner в 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового. По истечении почти года обнаружился тот результат, что «при прежних издержках было получено прежнее количество продукта и что все рабочие в 11 часов зарабатывали ровно столько же, сколько раньше в 12 часов»¹⁶¹. Я не касаюсь здесь экспериментов с увеличением скорости машин (на 2%). Напротив, в ткацком отделении, где притом производились крайне различные сорта легких узорчатых материй, не произошло никаких перемен в объективных условиях производства. Результат был таков: «С 6 января до 20 апреля 1844 г. при 12-часовом рабочем дне средняя заработная плата для всех рабочих составляла 10 ш. $1\frac{1}{2}$ п. в неделю, с 20 апреля по 29 июня 1844 г. при 11-часовом рабочем дне средняя заработная плата — 10 ш. $3\frac{1}{2}$ п. в неделю»¹⁶².

¹⁵⁸ И особенности в виде сдельной платы, формы, которая рассматривается в этом отделе.

¹⁵⁹ См. «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865».

¹⁶⁰ «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30-th April 1845», p. 20, 21.

¹⁶¹ Там же, p. 19. Так как сдельная плата осталась без изменения, то заработки сдельного заработка зависели от количества продукта.

¹⁶² Там же, p. 22.

В этом случае в 11 часов производилось больше, чем раньше в 12 часов; исключительно вследствие большей и равномернее распределявшейся работоспособности рабочих и вследствие сбережения их времени. В то время как они получали ту же самую заработную плату и выигрывали час досуга, капиталист получал прежнюю массу продуктов и сберегал издержки на уголь, газ и т. д. за один час. Такие же эксперименты и с таким же результатом были произведены на фабриках господ Ноггрокс и Jасон¹⁶³.

Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в распоряжении капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машины и увеличением размера механизма, который находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства. Усовершенствование паровой машины увеличивает число ударов ее поршня в минуту и в то же время, благодаря большому сбережению силы, дает возможность приводить в движение мотором прежних размеров более обширный механизм, причем потребление угля остается без изменения или даже понижается. Усовершенствование передаточного механизма уменьшает трение и, — что так поразительно отличает современные машины от старых, — ниводит поперечник и вес больших и малых валов к постоянно уменьшающемуся минимуму. Наконец усовершенствования рабочей машины, увеличивая ее скорость и расширяя деятельность, уменьшают ее объем, — как наблюдается в примере с современным паровым ткацким станком, — или увеличивают вместе с корпусом объем и число его орудий, — как в прядильной машине, — или посредством незаметных частичных изменений увеличивают подвижность этих орудий, — как напр., в середине пятидесятых годов скорость веретен в selfacting mule была увеличена таким образом на $\frac{1}{5}$.

Сокращение рабочего дня до 12 часов относится в Англии к 1833 г. Уже в 1836 г. один английский фабрикант заявлял: «По сравнению с прежним временем труд на фабриках сильно возрос вследствие того, что значительно возросшая скорость машин требует от рабочего усиленного внимания и деятельности»¹⁶⁴. В 1844 г. лорд Ashley, в настоящее время граф Shaftesbury, привел в палате общин следующие документально обоснованные данные:

«Труд лиц, занятых в фабричных процессах, в настоящее время втрое больше, чем был при введении этих операций. Несомненно, машины выполнили работу, которая заменила жилы и мускулы миллионов людей, но они

¹⁶³ Там же, р. 21. Моральный элемент играл значительную роль в упомянутых выше экспериментах. «Мы, — заявили рабочие фабричному инспектору, — мы работаем с большим одушевлением, мы постоянно имеем в виду награду: возможность раньше уйти на ночь; бодрый и деятельный дух проникает всю фабрику, от самого юного помощника до самого старого рабочего, и мы теперь больше помогаем друг другу» (там же).

¹⁶⁴ John Fielden, The Curse of the Factory System, London 1836, p. 32.

неумительно (*prodigiously*) увеличили труд людей, которых они подчинили своему ужасному движению... Труд, заключающийся в том, чтобы в течение 12 часов следовать за двумя мюлями взад и вперед, при прядении пряжи № 40, давал в 1815 г. 8 миль ходьбы. В 1832 г. дистанция, которую в течение 12 часов приходилось пройти за двумя мюлями при прядении того же номера, составляла 20 миль, а часто и больше. В 1815 г. прядильщику приходилось сделать на каждой мюле 820 вытягиваний в 12 часов, что составляет общую сумму в 1640 вытягиваний за 12 часов. В 1832 г. прядильщик должен был сделать в течение своего двенадцатичасового рабочего дня 2000 вытягиваний на каждой мюле, итого 4400; в 1844 г. на каждой мюле 2400, итого 4800; а в некоторых случаях требуется еще большая масса труда (*amount of labour*)... Здесь у меня в руках другой документ 1842 г., подтверждающий, что труд прогрессивно увеличивается не только потому, что приходится проходить большее расстояние, но и потому, что количество производимых товаров увеличивается, между тем как число рук соответственно уменьшается; и, далее, потому, что теперь часто прядется худший хлопок, который требует большего труда... В чесальном отделении тоже произошло большое возрастание работы. Теперь одно лицо выполняет такую работу, которая раньше распределялась между двумя... В ткацком отделении, в котором было огромное число лиц, по большей части женского пола, работа пошла за последние годы, вследствие увеличения скорости машин, на полтора 10%. В 1838 г. в неделю выпрядалось 18 000 hanks (стренд), а в 1843 г. это число повысилось до 21 000. В 1819 г. число picks (ударов челнока) при паровом ткацком станке составляло 60 в минуту, в 1842 г. оно составляло 140, что знаменует огромное возрастание труда¹⁶⁵.

Ввиду этой удивительной интенсивности, которой труд достиг уже в 1844 г. при господстве закона о 12-часовом рабочем дне, представлялось, что английские фабриканты имеют основания утверждать, что дальнейший прогресс в этом направлении невозможен и что всякое дальнейшее сокращение рабочего времени равнозначуще с уменьшением производства. Что их рассуждения были справедливы лишь по видимости, это лучше всего доказывает повиившимся в это самое время заявлением неумолимого цензора фабрикантов, фабричного инспектора Леонарда Горнера:

«Так как количество производимых продуктов регулируется преимущественно скоростью машин, то фабрикант необходимо заинтересован в том, чтобы довести их до крайней степени скорости, поскольку она совместима со следующими условиями: сохранение машин от слишком быстрой порчи, сохранение добросовестности фабрикуемых товаров, способность рабочего не отставать от машины, причем напряжение не должно превышать той степени, которую он может развивать непрерывно. Часто бывает так, что фабрикант по своей торопливости слишком ускорит движение. Тогда поломки и плохое качество продукта более чем уравновесят выгоды скорости, и фабриканту придется умерить ход машин. Так как деятельный и внимательный фабрикант намерное найдет максимум достижимого, то я полагаю, что невозможно было бы в 11 часов производить столько же, сколько в 12. Я предполагаю кроме того, что сдельно оплачиваемый рабочий напрягает свои силы до той крайней степени, за которой он уже не мог бы постоянно сохранять

¹⁶⁵ Lord Ashley, The Ten Hours Factory Bill. Speech of the 15-th March. London 1844, p. c — 9 passim.

одну и ту же степень интенсивности»¹⁶⁶. Поэтому Горнер, вопреки опытам Гарднера и т. д., пришел к тому заключению, что дальнейшее сокращение 12-часового рабочего дня необходимо уменьшит количество продукта¹⁶⁷. Он сам 10 лет спустя цитирует сомнения, высказанные им в 1845 г., в доказательство того, насколько он тогда не понимал эластичности машин и человеческой рабочей силы, которые в равной мере напрягаются до крайней степени вследствие принудительного сокращения рабочего дня.

Обратимся теперь к периоду после 1847 г., со времени введения в законодательном порядке 10-часового рабочего дня в английских хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и льняных фабриках.

«Скорость веретен на *throstles* возрасла на 500, на *mules* на 1000 оборотов в минуту, т. е. скорость веретен *throstles*, достигавшая в 1839 г. 4500 оборотов в минуту, составляет теперь (1862 г.) 5000, а скорость веретен *mules*, достигавшая 5000, составляет теперь 6000 в минуту; это даст в первом случае возрастание скорости на $\frac{1}{10}$, а во втором на $\frac{1}{5}$ »¹⁶⁸. *James Nasmyth*, знаменитый гражданский инженер из *Patricroft's* близ Манчестера, в одном письме к Леонарду Горнеру так говорил в 1852 г. об усовершенствованиях, произведенных в паровой машине между 1848 и 1852 гг. Отметив, что паровая лошадиная сила, которая в официальной фабричной статистике все еще определяется в соответствии с ее действием в 1828 г.¹⁶⁹, является чисто номинальной и может служить лишь показателем действительной силы, он между прочим пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что паровые машины прежнего веса (часто даже именно те же самые машины, с той только разницей, что в них сделаны современные усовершенствования) в среднем выполняют на 50% больше работы, чем было прежде, и что во многих случаях те же самые машины, которые во времена предельной скорости 220 футов в минуту развивали 50 лошадиных сил, в настоящее время при меньшем потреблении угля развивают более 100 лошадиных сил... Современная паровая машина при прежнем числе номинальных лошадиных сил, вследствие усовершенствований в ее конструкции, уменьшения объема и изменений устройства парового котла и т. д. действует с большей силой, чем прежде... Поэтому, хотя теперь по отношению к номинальной лошадиной силе занято прежнее количество рук, число рук по отношению к рабочим машинам в настоящее время уменьшилось»¹⁷⁰. В 1850 г. на фабриках Соединенного королевства применялось 134 217 номинальных лошадиных сил, приводивших в движение 25 638 716 веретен и 301 495 ткацких станков. В 1856 г. число веретен и ткацких станков составляло соответственно 33 503 580 и 369 205. Если бы требуемая лошадиная сила осталась такая, как в 1850 г., то

¹⁶⁶ «Reports of Insp. of Fact. for quarter ending 30-th September 1844, and from 1-st October 1844 to 30-th April 1845», p. 20.

¹⁶⁷ Там же, p. 22

¹⁶⁸ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1862», p. 62.

¹⁶⁹ Это изменилось со времени «Parliamentary Return» 1862 г. Здесь выступает уже действительная паровая лошадиная сила современных паровых машин и водяных колес на место номинальной паровой лошадиной силы [см. прим. 109а, стр. 294]. Точно так же и двойные веретена уже не смешиваются с собственно прядильными веретенами (как было в «Return» 1839, 1850 и 1856 гг.); далее, для шерстяных фабрик приведено число «gigs» [ворсовальных машин], введено различие между джутовыми и пеньковыми фабриками, с одной стороны, и льняными — с другой; наконец, в первый раз введено в отчет чудочно-вязальное производство.

¹⁷⁰ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1856», p. 11.

В 1856 г. было бы необходимо 175 000 лошадиных сил. Но по официальным данным число их составляло всего 161 435, т. е. слишком на 10 000 лошадиных сил меньше, чем сколько потребовалось бы на основе расчетов 1851 г.¹⁷¹ «Последние официальные статистические данные за 1856 г. устанавливают тот факт, что фабричная система распространяется с стремительной быстротой, число рук по отношению к машинам сократилось, паровые машины вследствие экономии в силе и других усовершенствований привели к движению машины большего веса, и что увеличение количества произведенных достигнута вследствие усовершенствования рабочих машин, изменения методов фабрикации, увеличения скорости машин и многих других причин.¹⁷² «Крупные усовершенствования, сделанные в машинах всякого рода, значительно повысили их производительную силу. Вне всякого сомнения, сокращению рабочего дня послужило... побуждением для этих усовершенствований. Эти усовершенствования и более интенсивное напряжение рабочего повели к тому, что в течение сокращенного (на 2 часа, или на $\frac{1}{6}$) рабочего дня производилось столько же продукта, как производилось раньше в течение бывшего долгого дня»¹⁷³.

Как возросло обогащение фабрикантов вследствие более интенсивной эксплуатации рабочей силы, показывает уже одно то обстоятельство, что средний относительный рост английских хлопчатобумажных и т. д. фабрик составил с 1838 по 1850 г. 32%, а с 1850 по 1856 г. 86%^{173a}.

Как ни велик был прогресс английской промышленности в 8-летие (1848—1856) гг., при господстве 10-часового рабочего дня, в следующий десятилетний период 1856—1862 гг. он был далеко оставлен позади. Напр. в хлопковых фабриках в 1856 г. веретен — 1 093 799, в 1862 г. — 1 388 544; ткацких станков в 1856 г. — 9260, в 1862 г. — 10 709. Напротив, число рабочих в 1856 г. — 56 131, в 1862 г. — 52 429. Таким образом увеличение числа веретен составило 26,9% и ткацких станков — 15,6% при одновременном уменьшении числа рабочих на 7%. В 1850 г. на фабриках сушеной шерсти было в ходу 875 830 веретен, в 1856 г. — 1 324 549 (увеличе-

¹⁷¹ Там же, р. 14, 15.

¹⁷² Там же, р. 20.

¹⁷³ «Reports etc. for 31-st October 1858», р. 9, 10. Сравн. «Reports etc. for 31-st April 1860», р. 30 sqq.

^{173a} Приведенные здесь процентные отношения несомненно ошибочны в значительном числе невозможны. Вероятно, здесь какая-нибудь опечатка. По отчету фабричных инспекторов за 1862 г. абсолютное число тех текстильных фабрик, о которых идет речь, составляло:

Год	Хлопок	Шерсть	Сученая шерсть	Лен	Шелк	Итого
1850	1 911	1 399	456	403	285	4 454
1856	1 932	1 497	501	393	277	4 600
1860	2 210	1 505	525	417	460	5 117

Число веретен, увеличенное с 1839 по 1850 г. составило 3,2%, с 1850 по 1860 г. 11,2%. — К.

ние на 51,2%) и в 1862 г. — 1 289 172 (уменьшение на 2,7%). Но если принять во внимание, что двойные веретена входят в счет 1856 г., но не входят в счет 1862 г., то окажется, что число веретен с 1856 г. оставалось почти неизменным. Напротив, скорость веретен и ткацких станков с 1850 г. во многих случаях удвоилась. Число паровых ткацких станков на фабриках сученой шерсти составляло в 1850 г. 92 617, в 1856 г. — 38 956 и в 1862 г. — 43 048. При них было занято в 1850 г. 79 737 человек, в 1856 г. — 87 794 и в 1862 г. — 86 063, но в этом числе детей до 14-летнего возраста было в 1850 г. 9956, в 1856 г. — 11 228 и в 1862 г. — 13 178. Итак, несмотря на значительное увеличение числа ткацких станков в 1862 г. по сравнению с 1856 г., общее число занятых рабочих уменьшилось, число же эксплуатируемых детей увеличилось¹⁷⁴.

27 апреля 1863 г. член парламента Ferrand выступил в нижней палате со следующим заявлением: «Деlegates рабочих от 16 округов Ланкашира и Чешира, по поручению которых я говорю, сообщили мне, что вследствие усовершенствования машин труд на фабриках все возрастает. Раньше один рабочий с помощником обслуживал два ткацких станка, теперь один рабочий без помощников обслуживает три станка и очень нередко даже четыре и т. д. Как видно из сообщенных фактов, двенадцать часов труда втиснуто теперь менее чем в 10 рабочих часов. Поэтому само собою понятно, до каких огромных размеров увеличился за последние годы труд фабричных рабочих»¹⁷⁵.

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты законов 1844 и 1850 гг., однако они признают, что сокращение рабочего дня уже вызвало такую интенсивность труда, которая угрожает здоровью рабочих и, следовательно, разрушительно действует на самую рабочую силу. «В большинстве хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых фабрик истощающая возбужденность, необходимая для работы при машинах, движение которых за последние годы ускорилося до такой чрезвычайной степени, была, повидимому, одной из причин того увеличения смертности от легочных болезней, которое раскрыл д-р Greenhow в своем последнем замечательном отчете»¹⁷⁶.

Не подлежит никакому сомнению, что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим «повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного

¹⁷⁴ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1862», 100 и 300.

¹⁷⁵ При современном паровом ткацком станке один ткач на 2 станках производит теперь в 60 часов в неделю 26 кусков известного сорта ткани определенной длины и ширины, а раньше при старом паровом ткацком станке мог производить только 4. Ткацкие издержки на один такой кусок уже в начале 1850 г. понизились с 2 ш. 9 п. до 5¹/₂ п.

Прибавление ко 2-му изд. «30 лет тому назад (в 1841 г.) от бумагопрядильщика с 3 помощниками требовалось наблюдение только за одной парой шмоль с 300 — 324 веретенами, Теперь (конец 1871 г.) с 5 помощниками он должен наблюдать за шмольями, число веретен которых составляет 2200, и производит при меньшей мере в семь раз больше пряжи, чем производил в 1841 г.» (Alexander Redgrave, фабричный инспектор, в «Journal of Arts», 5 Januar 1872).

¹⁷⁶ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1861», p. 25, 26.

высокой рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, на котором становится неизбежным новое сокращение рабочего времени¹⁷⁷. С другой стороны, бурное развитие английской промышленности в 1848 г. до настоящего времени (1866 г.), т. е. в период десятичасового рабочего дня, еще дальше оставляет за собою эпоху 1838 — 1847 гг., в период двенадцатичасового рабочего дня, чем развитие промышленности в этот последний период превосходит по быстроте развитие ее в первое полугодие по введению фабричной системы, т. е. в период неограниченного рабочего дня¹⁷⁸.

¹⁷⁷ В настоящее время (1867 г.) в Ланкашире среди фабричных рабочих господствует агитация за восьмичасовой рабочий день.

¹⁷⁸ Следующие немногие цифры характеризуют прогресс «фабрик» в общепринятом смысле в Великобритании и Ирландии с 1848 г.:

В Е Л И Ч И Н А В Ы В О З А

	1848	1851	1860	1865
Ланкашир- Фабрики				
Продажи, фунтов.	135 831 162 фун.	143 966 106 фун.	197 343 655 фун.	103 751 455 фун.
Собрано, штиль	3 728 909 >	4 302 176 >	6 297 554 >	4 648 611 >
Продажи, тысяч.	1 006 751 823 ярд.	1 543 161 789 ярд.	2 776 218 427 ярд.	2 015 237 851 ярд.
Ланкашир и Йоркширские Фабрики				
Продажи	11 722 182 фун.	18 841 326 фун.	31 210 612 фун.	36 777 334 фун.
Собрано	89 002 431 ярд.	129 106 753 ярд.	143 096 773 ярд.	247 012 529 ярд.
Шотландские Фабрики				
Продажи	104 815 фун.	462 513 фун.	897 402 фун.	812 589 фун.
Собрано	411 147 ярд.	1 181 455 ярд.	1 060 466 ярд.	2 869 837 ярд.
Шотландские Фабрики				
Продажи	8 429 152 фун.	14 670 880 фун.	27 533 968 фун.	31 669 267 фун.
Собрано	84 791 846 ярд.	141 120 973 ярд.	190 381 537 ярд.	278 837 438 ярд.

4. Фабрика

В начале этой главы мы рассматривали тело фабрики, сочетание системы машин. Потом мы видели, как машины, присваивая женский и детский труд, увеличивают человеческий материал для эксплуатации капитала, как они, безмерно удлиняя рабочий день, захватывают всю жизнь рабочего и как, наконец, их развитие, позволяющее производить чудовищно-возрастающие массы продукта все в более и более короткое время, служат систематическим средством для того, чтобы в данный период времени привести в движение больше труда, т. е. чтобы все более интенсивно эксплуатировать рабочую силу. Теперь мы обращаемся к фабрике в ее целом, притом в ее наиболее развитой форме.

Д-р Уге, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как «кооперацию» различных классов рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с опытностью и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в движение централь-

	ЦЕННОСТЬ ВЫВОЗА			
	1848 Фунт. стерл.	1851 Фунт. стерл.	1860 Фунт. стерл.	1865 Фунт. стора
Хлопчатобумажные фабрики				
Бумажная пряжа	5 927 831	6 634 026	9 870 875	10 351 040
Бумажные ткани	16 753 369	23 454 810	42 141 505	46 903 790
Льняные и пеньковые фабрики				
Пряжа	493.449	951 426	1 801 272	2 505 497
Ткани	2 802 789	4 107 396	4 804 803	9 155 315
Шелковые фабрики				
Пряжа	77 780	195 380	918 342	768 097
Ткани	410 328	1 130 398	1 587 303	1 409 221
Шерстяные фабрики				
Пряжа	776 975	1 484 544	3 843 450	5 424 017
Ткани	5 733 828	8 377 183	12 156 993	20 102 260

(См. Синие книги, «Statistical Abstract for the United Kingdom», № 8 и № 13, London 1861 и 1866).

В Ланкашире число фабрик увеличилось между 1839 и 1850 гг. всего на 4%, между 1850 и 1856 на 19%, между 1856 и 1862 на 33%, между тем как число занятых лиц в оба одиннадцатилетних периода абсолютно уве-

ной силой (первым двигателем); с другой стороны — как «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». Эти два определения отнюдь не тождественны. В первом комбинированный коллективный рабочий, или общественный трудовой организм, является развивающим деятельность субъектом, а механический автомат — объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Отсюда вытекающая манера Уге'а изображать центральную машину, от которой исходит движение, не только автоматом, но и автократом [самодержцем]. «В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мириады своих подданных»¹⁷⁹.

Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от тех ограничений, которые накладываются на нее связью человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре. Поэтому вместо характерной ее иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравниванию или нивелированию тех работ, которые должны выполняться помощниками машин¹⁸⁰, вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола.

Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих по специализированным машинам и распределением масс рабочих, — не образующих однако внутренне организованных групп, — по различным отделениям фабрик, где они работают при расположенных одна возле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией. Расчлененная группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками. Существенное различие наблюдается между рабочими, которые работают действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за двигательной машиной или ее питанием), и между простыми чернорабочими или помощниками (почти исключи-

ельно исключительность, относительно же понизилось. См. «Reports of Insp. of Fact. for Great Brit. 1862», p. 63. В Ланкашире преобладание принадлежит хлопчатобумажным фабрикам. А какую огромную относительную роль играют они в хлопчатобумажной и фабрикации пряжи и тканей, видно из того, что из общего числа фабрик этого рода в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии на их долю приходится 45,2%, из общего числа веретен — 83,3%, из общего числа паровых ткацких станков — 81,4%, из общего числа паровых лошадиных сил, приводящих текстильные фабрики в движение — 72,6%, из общего числа занятых лиц — 58,2% (там же, p. 62, 63).

¹⁷⁹ Uge, Philosophy of Manufacture, p. 18.

¹⁸⁰ Там же, p. 31. Сравн. Karl Marx, Misère de la Philosophie, Paris 1847, 140, 141 [К. Маркс, Нищета философии. Б-ка марксиста. Москва 1928. Стр. 137.] [Сравн. «Das Elend der Philosophie», 2 Auflage, Stuttgart 1892, S. 127, 128.]

тельно дети) этих машинных рабочих. К чернорабочим же в большей или меньшей степени относятся и все *feeders* (которые просто подкладывают под машину материал труда). Наряду с этими главными классами выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдением за всеми машинами и постоянной их починкой, напр. инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно-образованный, частью ремесленного характера класс рабочих, стоящих вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему¹⁸¹. Это разделение труда носит чисто технический характер.

Всякая работа при машине требует заблаговременной подготовки рабочего. Будучи еще ребенком, он легче всего научается сообразовать свои собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совкупные машины фабрики сами образуют систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и кооперация, в основе которой лежит эта система машин, требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, овладевая одними и теми же рабочими неизменно для одних и тех же функций¹⁸². Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает система смен (*Relaissystem*), нашедшая применение во время фабрикантского бунта 1848 — 1850 гг. Наконец та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость выработки особого класса рабочих в исключительно машинных рабочих¹⁸³. Работа же простого чернорабочего на фабрике отчасти

¹⁸¹ Характерно для преднамеренного статистического обмана, — раскрыть его можно было бы включительно до мелочей, — что английское фабричное законодательство категорически исключает из сферы своего действия упомянутых в конце текста рабочих, не признавая их фабричными рабочими; с другой стороны, отчеты, публикуемые парламентом, столь же решительно включают в категорию фабричных рабочих не только инженеров, механиков и т. д., но и управляющих фабриками, приказчиков, рассыльных, надсмотрщиков за складами, упаковщиков и т. д., — короче, всех, за исключением самого владельца фабрики.

¹⁸² Уге признает это. Он говорит, что рабочие «в случае необходимости» могут быть перемещены волею управляющего от одной машины к другой, и торжествующе восклицает: «Такого рода перемещение стоит в открытом противоречии с старой рутинной (старинными, традиционными методами), которая разделяет труд и возлагает на одного изготовление головки булавкам, на другого — заострение ее конца». Он должен был бы скорее поставить вопрос, почему эта «старая рутинная» покидается на автоматической фабрике только «в случае необходимости».

¹⁸³ В случаях нужды, как, напр., во время американской гражданской войны, буржуа употребляет фабричных рабочих исключительно на самые грубые работы, как мощение улиц и т. д. Английские «*ateliers nationaux*» [национальные мастерские] 1802 и следующих годов для безработных хлопчатобумажных рабочих тем отличались от французских национальных мастерских 1848 г., что в последних рабочих приходилось выполнять на счет государства непроизводительные работы, в первых же — производились городские работы к выгоде буржуа, причем они производились дешевле, чем при посредстве регулярных рабочих, с которыми принудила конкурировать безработного. «Вид рабочих с хлопчатобумажных фабрик в физическом отношении несомненно улучшился. Это я приписываю... постольку дело идет о мужчинах, занятым общественными работами на откры-

может имещаться машинами¹⁸⁴, отчасти вследствие своей крайней элементарности допускает быструю и постоянную смену занятых ею лиц.

Хотя машина технически опрокидывает таким образом старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает влечь свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более совершенной форме как средство эксплуатации рабочей силы. Пожизненная специализация: управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность: служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины¹⁸⁵. Таким образом не только значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого развития.

И мануфактуре и ремесле рабочих заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки. «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняемого один и тот же механический процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих»¹⁸⁶. Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему,

там «мучает». — Здесь говорится о престонских фабричных рабочих, которые вели работу при осушении «престонского болота» («Reports of Insp. of Fact. for October 1865», p. 59).

¹⁸⁴ Пример: различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 г. для замещения детского труда. Когда детям самих господ фабрикантов придется проходить «школу» пролетарских помощников на фабрике, тогда эта почти еще невзвешанная область техники быстро сделает замечательные шаги вперед. «Едва ли найдется какая-либо другая столь же опасная машина, как selfacting mules. Большая часть несчастий случается с маленькими детьми вследствие того, что они в метельный полз подползают под моли во время движения последних. Многие «findets» (рабочие при молях) привлекались (фабричными инспекторами) к судобной ответственности и были присуждены к денежным штрафам за проступки этого рода, но без каких бы то ни было заметных общих результатов. Если бы машиностроители изобрели машину для подметания, которая устранила бы для этих малюток необходимость ползать под моли, то это послужило бы счастливым дополнением к нашим охранительным мерам» («Reports of Insp. of Factories for 31-st October 1866», p. 63).

¹⁸⁵ Поэтому можно оценить невероятную выдумку Прудона, который представляет машины не как синтез средств труда, а как синтез частичных работ для самих рабочих. Кроме того, он делает столь же историческое, как и вымышленное открытие, что «период машин отличается особенным признаком, а именно, наемным трудом».

¹⁸⁶ F. Engels, Lage der arbeitenden Klasse in England, Leipzig 1845, стр. 117 (по Виттгенштартскому изданию стр. 180). [Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата и его политической борьбы. Гиз. 1928. Стр. 206.] Даже совершенно ординарный, эмпирический фритредер, господин Молилари, замечает: «Человек, обыкновенно наблюдая по 15 часов за однообразным ходом машины, исто-

подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности¹⁸⁷. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условия труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически-осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее.

Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как мы указывали уже раньше, в крупной промышленности, воздвигающейся на базисе машин. Частичное искусство отдельного машинного, подвергшегося опустошению рабочего, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и созданными вместе с последней власть «хозяина» (Meister, master). А потому этот хозяин, в мозгу которого машины неразрывно срались с его монополией на них, в случаях столкновений с «руками» презрительно восклицает по их адресу: «Пусть фабричные рабочие не забываются на тот счет, что их труд представляет в действительности очень низкий сорт обученного труда; что никакой другой не усваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше: что никакого другого труда нельзя достать посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машин хозяина фактически играют более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которому можно научиться в 6 месяцев и которому может научиться всякий деревенский батрак»¹⁸⁸.

Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и разных различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на рабочих ручного труда и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров. «Главная трудность на автоматической фабрике заключалась в дисциплине, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и привести их к уподоблению неизменной регулярности крупного автомата. Но изобрести и с успехом применить дисциплинарный кодекс, соответствующий

щается много скорее, чем если он в течение такого же времени напрягает свою физическую силу. Этот труд наблюдения, который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжителен, разрушает в конце концов своей чрезмерностью и ум и самое тело» (G. de Molinari, Etudes Economiques, Paris 1846).

¹⁸⁷ F. Engels, Lage и т. д., S. 216 (по штуртгартскому изданию стр. 179). [Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата и его классовый борьбы. Гив. 1928. Стр. 205.]

¹⁸⁸ «The Master Spinners' and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee», Manchester 1854, p. 17. Позже мы увидим, что «хозяева» начинают петь совсем по-другому, когда им угрожает потеря их «живых» автоматов.

ной потребностям и быстро автоматической системы, — это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта! Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте, почти невозможно между рабочими, уже достигшими возмужалого возраста, найти полезных помощников для автоматической системы»¹⁸⁹. Фабричный кодекс, в котором капитал в частно-правовом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования производства, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Лигургов формулирование их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Уго, *Philosophy of Manufacture*, p. 15. Кто знаком с биографией Аркрайта, тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «патриархальной». Из всех великих изобретателей XVIII века это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект.

¹⁹⁰ «Рабство, которым буржуазия сковала пролетариат, ни в чем не отличается с такой ясностью, как в фабричной системе. Здесь юридически и фактически конец всякой свободе. Утром в 5½-часов рабочий должен быть на фабрике; если он опаздывает на несколько минут, его штрафуют, если он опаздывает на 10 минут, его не пропускают до конца завтрака, и плата за четверть дня у него потеряна. Он должен есть, пить и спать по команде... Почасовой звонок зовет его с постели, зовет от завтрака и обеда. А что сказать о самой фабрике? Фабрикант здесь — самодержавный законодатель. Он выдает фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и дополняет добавления к своему кодексу, как ему вздумается, и хотя бы даже в кодексе полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: так как вы добровольно согласились на этот договор, то вам необходимо теперь исполнять его... Этим рабочим суждено с девятилетнего возраста и до самой смерти жить под нравственной и физической палкой». (F. Engels, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*, Leipzig 1845, S. 217 ff.) [См. Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы. Стр. 206.] Что «говорят суды», я приведу (на шире примеров. Один случай имел место в Шеффилде в конце XVII в. Тим один рабочий на два года нанялся на металлическую фабрику. Вследствие ссоры с фабрикантом он оставил фабрику и заявил, что не намерен больше работать у этого фабриканта. Признанный виновным в нарушении договора, он присужден к 2-месячному тюремному заключению. (Если фабрикант нарушает договор, то он может быть привлечен к ответственности лишь в гражданском порядке и рискует только денежным штрафом.) После того, как он отсидел эти два месяца, тот же самый фабрикант приглашает его согласно старому контракту возвратиться на фабрику. Рабочий отвечает отказом. Он уже понес кару за нарушение контракта. Фабрикант снова привлекает его к ответственности, суд снова присуждает его, хотя один из судей, Mr. Shee, открыто признал юридически чудовищным тот порядок, когда человека всю его жизнь можно юридически все снова и снова подвергать наказанию за один и тот же проступок или преступление. Этот приговор был вынесен не каким-нибудь «большим Уришид» [великими неоплачиваемыми, — сельскими мировыми судьями. — К.], провинциальными Dogberts, а в Лондоне, одним из высших судебных учреждений. [Теперь это, как отмечает Энгельс, отменено. В настоящее время в Англии, за исключением некоторых случаев, — напр. в отношении газовых заводов, — рабочий в отношении нарушения договора с предпринимателем и может подвергаться преследованию лишь в гражданском порядке. — К.]. — Второй случай имел место в Wiltshire'e

Мы отмечаем здесь только материальные условия, при которых совершается фабричный труд. Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, наполненного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни между тесно поставленными машинами, которые с правильностью времен года доставляют свои промышленные бюллетени убитых и раненых ^{190а}. Сбережение общественных средств производства, достигающее впер-

в конце ноября 1863 г. Около 30 работниц при паровых ткацких станках, занятые у некоего Hatturr'a, суконного фабриканат в Leower's Mill, West-bury Leigh, устроили стачку, потому что у этого Hatturr'a было милое обыкновение делать у них вычеты из заработной платы за опоздание утром: 6 п. за 2 минуты, 1 ш. за 3 минуты и 1 ш. 9 п. за 10 минут. При 9 ш. в час это составляет 4 ф. ст. 10 ш. в день, между тем как их плата в среднем выводе за год никогда не превышает 10 — 12 ш. в неделю. Кроме того Hatturr поручил одному подростку возвещать трубой фабричные часы, что тот делал иногда раньше 6 час. утра, и если руки уже не были на месте к тому времени, как он кончал, ворота запирались, и оставшиеся снаружи подвергались штрафу; а так как на фабрике не было часов, то несчастные руки оказывались в полной власти молодого часового, которого инспирировал Hatturr. Начавшие «забастовку» руки, матери семейств и девушки заявили, что они тотчас станут на работу, если часового заменят часами и введут более разумный тариф штрафов. Hatturr привлек к суду 19 женщин и девушек за нарушение договора. Они, при громких выражениях негодования публики, были присуждены каждая к 6 п. штрафа и 2 ш. 6 п. судебных издержек. Толпа народа проводила Hatturr'a из суда шиканьем. — Один из излюбленных фабрикантских приемов заключается в том, что они вычетами из заработной платы наказывают рабочих за плохое качество выдаваемого им материала. Этот метод в 1866 г. вызвал всеобщую стачку в английских гончарных округах. Отчеты «Children's Employment Commission» (1863 — 1866) приводят случаи, когда рабочие вместо того, чтобы получать заработную плату, делались благодаря своему труду и при посредстве расписаний штрафов должниками своих славных «хозяев». Поучительные черты изобретательности фабричных самодержцев по части вычетов из заработной платы открыл также последний хлопковый кризис. «Мне самому, — говорит фабричный инспектор R. Baker, — недавно пришлось привлечь к судебной ответственности одного хлопчатобумажного фабриканта, который в эти тяжкие и мучительные времена вычитал у некоторых работающих у него «подростков» (т. е. от 13-летнего возраста) по 10 п. за врачебное свидетельство о возрасте, которое стоит ему только 6 п. и за которое закон допускает вычет лишь в 3 п., а обычай — никаких вычетов... Другой фабрикант, чтобы достигнуть той же цели без столкновения с законом, облагает пощиной в 1 ш. каждого из бедных работающих у него детей за обучение — искусству и тайнам прядения; пощина взымается немедленно после того, как врачебное свидетельство удостоверяет их достаточную зрелость для этого занятия. Следовательно, в глубине существующего явления, без знакомства с которыми невозможно понять таких чрезвычайных явлений, как стачки во времена, подобные теперешнему» (речь идет о стачке механических ткачей на фабрике в Darven, в июне 1863 г.) («Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1863», p. 50, 51. Фабричные отчеты все еще заходят дальше их официальной даты).

^{190а} Законы для охраны от опасных машин оказали благотворное действие. «Но... в настоящее время появились новые причины несчастных случаев, не существовавшие 20 лет тому назад, а именно, возросшая скорость машин. Колеса, валы, веретена и ткацкие станки приводятся теперь в движение с возросшей и постоянно возрастающей силой; пальцы должны быстрее и увереннее захватывать порванную нить, потому что медлительность и неуверенность принесут для них гибель... Большое число несчастных случаев вызвано стремлением рабочих быстрее закончить свою работу. Необходимо напомнить, что для фабрикантов в высшей степени важны

на фабричной системе тепличной зрелости, в руках капитала превращая в систематический грабег у рабочего, занятого процессом труда, всех условий, необходимых для жизни: пространства, воздуха, света, а также всех средств, необходимых рабочему от опасных для жизни или антигигиенических условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства рабочего почему и говорить? Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой»? 192.

Б. Борьба между рабочими и машиной

Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она свирепствует в течение

всю жизнь своей машины в непрерывном ходу, т. е. непрерывно производить шерсть и ткани. Всякая остановка на одну минуту есть потеря не только материальной силы, но и продукта. Поэтому надсмотрщики, заинтересованные в количестве продукта, подгоняют рабочих, чтобы машины не останавливались; да это не менее важно и для рабочих, если они оплачиваются по весу или поштучно. Поэтому, хотя на большинстве фабрик формально воспроизводится чистка машин во время их хода, это на практике не так делается. Одна эта причина за последние 6 месяцев вызвала 10 несчастных случаев... Хотя чистка производится ежедневно, однако по традиции обыкновенно назначается основательная чистка машин, и она производится по большей части во время хода машин... Эта операция не безопасна, и потому рабочие стараются как можно быстрее покончить с ней. Поэтому число несчастных случаев в пятницу, в особенности же в субботу, много больше, чем в остальные рабочие дни. Для пятницы излишек несчастных случаев по сравнению с средним числом за первые 4 дня недели составляет около 12%, для субботы излишек несчастных случаев составляет в величине за предыдущие 5 дней — 25%; а если принять во внимание, что фабричный день по субботам составляет всего 7½ часов, а в остальные рабочие дни 10½ часов, то излишек выразится в цифре более 100% (Reports of Insp. of Factories for 31-st October 1866. London 1867).

В первом отделе третьей книги я расскажу об относящемся к тому же времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного Акта, которые имеют целью оградить члены «рук» от опасных для жизни машин. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Горнера: «Я слышал, с какой удивительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; напр., утрата пальца, это — пустяк. В действительности же и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальца, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Когда такую бессмысленную болтовню, я обращался с вопросом: «Представьте, вам требуется добавочный рабочий, и к вам пришли два рабочих, во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь? Они на фабричном колебании высказывались за того, у которого все пальцы хороши». У этих господ фабрикантов ложные предубеждения против того, что называется псевдо-филантропическим законодательством» (Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1855). Эти господа — «рассудительные» и поэтому они симпатизировали рабовладельческому мятежу.

На фабриках, которые уже давно подчинены фабричному закону и принудительным ограничением рабочего времени и другими постановлениями, печалью некоторые из прежних вол. Самое усовершенствование машин дошло до известного пункта, требует «усовершенствования устройств фабричных владий», что идет на пользу рабочим (сравни. «Reports etc. for 31-st October 1863», p. 109).

всего мануфактурного периода¹⁹³. Но только с введения машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы средства производства, как материальной основы капиталистического способа производства.

Почти вся Европа пережила в XVII веке возмущения рабочих против так называемой *Bandmühle* (ленточной мельницы, называвшейся также *Schnurmühle* или *Mühlenstuhl*), машины для тканья лент и галунов. *Bandmühle* была изобретена в Германии. Итальянский аббат *Lancellotti* в работе, появившейся в Венеции в 1636 г., рассказывает: «Антон Мюллер из Данцига почти 50 лет тому назад (*Lancellotti* писал в 1579 г.) видел в Данциге очень искусную машину, которая разом изготовляла 4—6 тканей; но так как городской совет опасался, что это изобретение массу рабочих может превратить в нищих, то он запретил применение машины, а ее изобретателя приказал тайно задушить или утопить». В Лейдене такая же машина впервые нашла применение в 1629 г. Бунты позументщиков заставили магистрат сначала воспретить ее; Генеральные штаты постановлением 1623, 1639 гг. и т. д. должны были ограничить ее применение; наконец, она была допущена на известных условиях постановлением от 15 декабря 1661 г. «В этом городе, — говорит *Voehorn* о введении ленточного станка в Лейдене, — около 20 лет тому назад был изобретен ткацкий станок, на котором один работник мог производить ткани в большем количестве и легче, чем несколько человек могли бы без станка произвести в равное время. Но это вызвало жалобу и неудовольствие ткачей, и магистрат в конце концов воспретил употребление станка»¹⁹⁴. Та же машина в 1676 г. воспрещена в Кельне, а одновременное введение ее в Англии вызвало волнение рабочих. Императорским указом от 19 февраля 1685 г. употребление ее было воспрещено во всей Германии. В Гамбурге она по приказанию магистрата была подвергнута публичному сожжению. 9 февраля 1719 г. Карл VI возобновил указ 1685 г., а в курфюршестве саксонском она была разрешена для общего применения лишь в 1765 г. Эта машина, которая наделала столько шума, действительно была предшественницей прядильных и ткацких машин, а следовательно, и промышленной революции XVIII века. Пользуясь ею, совершенно неопытный в качестве подросток, двигая взад и вперед стержнем, мог приводить в движение весь станок со всеми его принадлежностями, в своей усовершенствованной форме эта машина производила одновременно 40—50 штук.

¹⁹³ См., между прочим, *John Houghton, Husbandry and Trade improved, London 1727. The Advantages of the East-India Trade, 1720* и *John Bellers, Proposals for raising a Colledge of Industry, London 1696*. «Хозяева и рабочие, к сожалению, находятся в постоянной войне между собою. Неизменная цель первых — получать труд для себя по возможности дешевле; и они не стесняются пускать в ход всякие ухищрения с этой целью, между тем как последние с равной настойчивостью пользуются всяким случаем, чтобы прельзывать своим хозяевам повышенные требования» («*An Inquiry into the causes of the Present High Prices of Provisions, 1767*», p. 61, 62. — Автор — *Nathaniel Forster* — всецело стоит на стороне рабочих).

¹⁹⁴ «*In hac urbe ante hos viginti circiter annos instrumentum quidam inventum textorium, quo solus quis plus panni et facilius conficere poterat quam plures aequali tempore. Hinc turbae ortae et querulae textorum, tandemque usus hujus instrumenti a magistratu prohibitus est*» (*Voehorn, Institutiones politicae, Leyden 1663*).

В конце первой трети XVII века ветряная лесопильня, построенная одним шотландцем близ Лондона, пала жертвой бунта черни. Еще в начале XVIII века лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление народа, встречавшее поддержку парламента. В 1768 г., когда Everet построил первую машину для стрижки овец, приводимую в движение водой, ее сожгли 100 000 человек, оставшихся без работы. Против scribbling mills [кардовальных машин] и чесальных машин Акрифта 50 000 рабочих, которые до того времени жили расческою шерсти, обратились с петицией к парламенту. Массовое разрушение машин в английских мануфактурах округах в течение первых 15 лет XIX века, направленное в особенности против парового ткацкого станка и известное под названием движения луддитов, послужило анти-якобинскому правительству Colquhoun, Castlereagh и т. д. предложением для самых реакционных насильственных мер. Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму эксплуатации¹⁹⁵.

Борьба, которая велась в мануфактуре из-за размеров заработной платы, принимает мануфактуру как факт и во всяком случае не направлена против ее существования. Поскольку же борьба направлена против образования мануфактур, ее ведут не наемные рабочие, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому писатели мануфактурного периода в разделении труда видят преимущественно средство, которое дает возможность заместить [деятельность] [недостающих] рабочих, а не вытесняет действительных рабочих. Различное это очевидно. Если, напр., говорят, что в Англии потребовалось бы 100 миллионов человек для того, чтобы при помощи старой прялки выпрядать тот хлопок, который теперь при помощи машины выпрядают 500 000 человек, то это, разумеется, вовсе не означает, что машина заняла место этих миллионов, которые на самом деле и не существовали. Это означает только, что для вытеснения прядильных машин потребовались бы многие миллионы рабочих. Напротив, если говорят, что паровой ткацкий станок выбросил в Англию 500 000 ткачей на мостовую, то речь идет не о замещении существующих машин определенным числом рабочих, а, наоборот, о существовании известного числа рабочих, которые фактически были замещены или вытеснены, машинами. Ремесленное производство, хотя и подвергнувшееся разложению, тем не менее осталось основной формой в мануфактурный период. При относительно малом количестве городских рабочих, завещанных средними веками, потребности новых колониальных рынков не могли быть удовлетворены, и мануфактуры в собственном смысле слова открыли тогда новые области производства сельского населения, которое по мере разложения феодализма прогонялось с земли. Поэтому разделение труда и кооперация в мастерской больше обнаруживали тогда свою положительную сторону, — повышение производительности занятых рабочих¹⁹⁶. Правда, кооперация и комбинация

¹⁹⁵ В старомодных мануфактурах еще и в настоящее время иногда встречаются грубые формы возмущения рабочих против машин. Так, напр., в шотландском производстве Шеффилда в 1865 г.

¹⁹⁶ Сэр James Steuart даже и действие машин оценивает еще совершенно в этом направлении. «В машинах я вижу как бы средство увеличить число рабочих, которых же приходится кормить... Чем действие машины отличается от действия, вызываемого появлением новых жителей?» («Prin-

средств труда в руках немногих, примененные в земледелии, вызвали, — во многих странах задолго до периода крупной промышленности, — крупные, внезапные и насильственные революции в способе производства, а потому и в условиях жизни и в средствах заработка сельского населения. — Но эта борьба первоначально разыгрывается более между крупными и мелкими земельными собственниками, чем между капиталом и наемным трудом; с другой стороны, поскольку рабочие вытесняются средствами труда — овцами, лошадьми и т. д., — акты непосредственного насилия создают здесь первую предпосылку промышленной революции. Сначала рабочие прогоняются с земли, а потом приходят овцы. И только расхищение земли в крупном масштабе, как, напр., в Англии, создает арену для крупного сельского хозяйства^{186а}. Поэтому при своем начале этот переворот в земледелии имел внешнюю видимость революции скорее политического характера.

Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего¹⁸⁷. Самовозрастание стоимости капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих, у которых они разрушают условия существования. Вся система капиталистического производства основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар. Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы погашается и ее меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателей, как вышедшие из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает, таким образом, в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет все более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости. Говорят, будто большим утешением для науперизованных [принижженных до нищеского положения] рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные» («a temporary inconveniences»), а с другой стороны — машина ведь лишь мало-помалу овладевает всем целым

principles of Political Economy», французский перевод, т. I, кн. 1-я, глава XIX. Много наивнее Петти, который говорит, что она заменяет «политанию». Эта точка зрения применима самое большое для некоторых частей Соединенных штатов. Напротив: «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного рабочего; ее построению потребовала бы больше времени, чем будет сэкономлено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помочь труду тысяч. Соответственно этому они находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего безработных людей. Применение их вызывается не недостатком в людях, а легкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» (Piercy Ravenstone. Thoughts on the Funding System and its Effects, London 1824, p. 15).

^{186а} Энгельс отмечает здесь в примечании к 4-му изданию: «Это относится и к Германии. Там, где у нас существует крупное земледелие, т. е. в особенности на востоке, оно сделалось возможным лишь вследствие «Bauernlegen», сноса крестьянских дворов, разразившегося начиная с XVI в., в особенности же после 1648 г.»

¹⁸⁷ «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (Ricardo, Principles of Political Economy, 3-rd ed. London 1821, p. 476).

производства, благодаря чему уменьшаются размах и интенсивность ее разрушительного действия. Одно утешение побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хронологическую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершится быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго владели существование с своими семьями на $2\frac{1}{2}$ п. в день¹⁹⁸. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор который констатировал в 1834—1836 гг.: «Ведствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Рафинированная Индия белеет костями хлопко-ткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». Впрочем, «временное» действие машин оказывается постоянным, потому что они завоевывают все новые и новые сферы производства. Таким образом тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машины развивается в совершеннейшую противоположность между рабочим, с одной стороны, и условиями труда и продуктом труда — с другой¹⁹⁹. Поэтому вместе с машинами впервые появляется суровое возмущение рабочего против средств труда.

¹⁹⁸ До проведения закона 1833 г. о бедных конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии благодаря тому, что воспомоществованиями от приходов пополняли заработную плату, унававшую далеко ниже минимума. «В 1827 г. высокопочтенный Турнер был настоятелем Wilmslow, в Чeshire, фабричном округе. Вопросы комитета для исследования эмиграции и ответы Turner'a показывают, на каком образом поддерживалась конкуренция ручного труда против машин. Вопрос: «Не вытеснено ли применение ручных станков применением механических станков?» Ответ: «Несомненно; оно было бы вытеснено в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». Вопрос: «Но, соглашаясь на это, не нанимаются ли они за плату, недостаточную для их существования, и не рассчитывают ли на поддержку при этом, чтобы покрыть дефицит в средствах существования?» Ответ: «Да, конкуренция между ручным станком и механическим станком фактически поддерживается налогом для бедных». Итак, униженный пауперизм или эмиграция — вот благодетель, которым трудящиеся обязаны введению машины. Они заключаются в том, что из уважаемых и до некоторой степени независимых ремесленников их низводят до положения раблепных босагов, мнущих унижающим хлебоблаготворительности. Вот что они называют промышленным затруднением» («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation», London 1834, p. 29).

¹⁹⁹ «Та самая причина, которая может увеличить чистый доход страны (т. е., как здесь же поясняет Рикардо, доход землевладельцев и капиталистов. Wealth, богатству которых, с экономической точки зрения = Wealth of the Nation, богатству нации вообще), в то же время может создать излишек населения и ухудшить положение рабочего» (Ricardo, Principles of Political Economy. 3rd ed. London 1821, p. 469). «Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования механизма фактически заключаются в том, чтобы совершенно отделаться от труда человека или уменьшить его цену посредством замены труда взрослых рабочих-мужчин женским и детским трудом или труда обученных рабочих — трудом черно-рабочих» (Ure, Philosophy of Manufacture, p. 25).

Средство труда убивает рабочего. Конечно, всего осязательнее проявляется этот прямой антагонизм в тех случаях, когда вновь вводимая машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в пределах самой крупной промышленности постоянно усовершенствование машин и развитие автоматической системы действует аналогичным образом. «Постоянная цель усовершенствования машин заключается в том, чтобы сократить ручной труд или усовершенствовать производственный процесс на фабрике, заменяя человеческий аппарат железным»²⁰⁰. «Применение силы пара или воды к машинам, которые до того времени приводились в движение рукой, случается каждый день... Постоянно приводятся все новые и новые сравнительно мелкие усовершенствования в машинах, имеющие своей целью экономию двигательной силы, улучшение продукта, увеличение производства при неизменности времени или вытеснение ребенка, женщины или мужчины, и хотя на первый взгляд они не имеют большого значения, тем не менее они дают важные результаты»²⁰¹. «Во всех случаях, когда известная операция требует большой ловкости и уверенной руки, ее стараются по возможности быстрее взять из рук слишком искусного и часто склонного ко всяческой беспорядочности рабочего и передать особому механизму, который действует с такой регулярностью, что наблюдать за ним может ребенок»²⁰². «При автоматической системе квалифицированный рабочий все более вытесняется»²⁰³. «Усовершенствование машин позволит не только уменьшить число занятых взрослых рабочих, необходимых для достижения определенного результата, но и заменяет один класс человеческого труда другим классом: более искусных менее искусными, взрослых детьми, мужчин женщинами. Все эти перемены вызывают постоянные колебания в уровне заработной платы»²⁰⁴. «Машина непрерывно выбрасывает взрослых из фабрики»²⁰⁵.

Чрезвычайная эластичность машинной системы как результат накопления практического опыта, результат уже достигнутой степени в применении механических средств и постоянного прогресса техники, уже обнаружилась перед нами в своем бурном развитии, вынужденном сокращением рабочего дня. Но кто мог бы в 1860 г., когда английская хлопчатобумажная при-

²⁰⁰ «Reports of Insp. of Fact. 31-st October 1858», p. 43.

²⁰¹ «Reports etc. for 31-st October 1856», p. 15.

²⁰² Ure, Philosophy of Manufacture, p. 19. «Огромная выгода машин, применяемых на кирпичных заводах, заключается в том, что они дают хозяину полную независимость по отношению к искусным рабочим» («Children's Employment Commission. 5-th Report. London 1866», p. 180, n. 40).

Добавление ко 2 изд. Г-н А. Sturrock, главный заведующий машинного отделения «Great Northern Railway», заявляет относительно постройки машин (локомотивов и т. д.): «Дорогие (expensive) английские рабочие требуются с каждым днем все в меньшем и меньшем количестве. Производство усиливается посредством применения усовершенствованных инструментов, а этими инструментами управляет в свою очередь более низкий класс рабочих (a low class of labour)... Раньше все части паровой машины по необходимости производились квалифицированным трудом. Те же части в настоящее время производятся менее квалифицированным трудом, и при помощи хороших инструментов... Под инструментами я разумею машины, употребляемые при машиностроении» («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence. n. 17 862 и 17 863. London 1867»).

²⁰³ Ure, Philosophy of Manufacture, p. 20.

²⁰⁴ Там же, p. 321.

²⁰⁵ Там же, p. 23.

миллепность достигла зенита, предвидеть те стремительно сменявшие друг друга усовершенствования в машинах и соответствующее им вытеснение ручного труда, которые были вызваны в следующие три года таким стимулом, как американская гражданская война? Здесь достаточно будет пары примеров из официальных данных английских фабричных инспекторов относительно этого пункта. Один манчестерский фабрикант заявляет: «Вместо 75 чесальных машин нам теперь требуется только 12, при которых мы получаем прежнее количество такого же, если не лучшего, качества... Экономия на заработной плате составляет 10 ф. ст. в неделю, экономия на хлопковом обороте 10%». В одной манчестерской тонкопрядильне «ускорением движения и введением различных автоматических (selfacting) процессов в одном отделении устранена четверть, в другом свыше половины кардного персонала, между тем как чесальная машина, заменившая вторую кардную машину, сильно уменьшила число рук, занятых раньше в чесальном отделении». Другая прядильная фабрика определяет свою общую экономию на «руках» в 10%. Господа Gilmore, прядильники в Манчестере, заявляют: «В нашем отделении для очистки хлопка сбережение на руках и заработной плате, сделанное благодаря новым машинам, мы определяем в целую треть». В двух других подготовительных процессах «сбережения составляют около трети на издержках и руках; в прядильном отделении — сбережение на издержках около трети. Но и это не все: наша пряжа, направляемая к ткачу, настолько улучшилась, благодаря применению новых машин, что он получает более ткани и лучшего качества, чем производилось при прежней машинной пряже»²⁰⁶. Фабричный инспектор A. Redgrave замечает по этому поводу: «Уменьшение числа рабочих при увеличении производства быстро прогрессирует; на шерстяных фабриках недавно началось новое сокращение числа рук, и оно все продолжается, несколько дней тому назад один школьный учитель, живущий близ Годолди, сказал мне, что огромное уменьшение числа учащихся девочек в школах объясняется не только давлением кризиса, но и переменами в машинах шерстяных фабрик, вследствие чего рассчитано круглым числом 70 процентов рабочих»²⁰⁷.

Следующая таблица показывает общий результат механических усовершенствований в английской хлопчатобумажной промышленности, обязанных своим появлением американской гражданской войне.

Число фабрик.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	2046	2715	2405
Шотландия	152	163	131
Ирландия	12	9	13
Соединенное королевство	2210	2887	2549

²⁰⁶ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1863», p. 108 и сл.
²⁰⁷ Там же, p. 109. Быстрое усовершенствование машин во время хлопчатобумажного кризиса позволило английским фабрикантам тотчас по окончании американской гражданской войны быстро вновь переполнить мировой рынок. Это в последние 6 месяцев 1866 г. ткани почти невозможно было продать. Тогда начинается отправка товаров в Китай и Индию, что, разумеется, сделало переполнение («glut») рынка еще интенсивнее. В начале 1867 г. фабриканты прибегли к своему обычному средству, к понижению

Число паровых ткацких станков.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	275 590	368 125	344 719
Шотландия	21 624	80 110	31 864
Ирландия	1 638	1 757	2 746
Соединенное королевство	298 847	399 992	379 329

Число веретен.

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	25 818 576	28 352 152	30 478 228
Шотландия	2 041 129	1 915 398	1 397 546
Ирландия	150 512	119 944	124 240
Соединенное королевство	28 010 217	30 387 494	32 000 014

Число занятых рабочих

	1858 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	341 170	407 598	357 052
Шотландия	34 698	41 237	39 809
Ирландия	3 345	2 734	4 202
Соединенное королевство	379 213	451 569	401 064

Итак, с 1861 по 1868 г. исчезло 338 хлопчатобумажных фабрик, т. е. машины, которые сделались производительнее и крупнее, сосредоточились в руках меньшего числа капиталистов. Число паровых ткацких станков уменьшилось на 20 663; но продукт их в то же время увеличился, так что усовершенствованный ткацкий станок дает теперь больше, чем старый. Наконец, число веретен возросло на 1 612 541, между тем как число занятых рабочих уменьшилось на 50 505. Следовательно, та «временная» нужда, которую хлопковый кризис подавлял рабочих, была усилена и закреплена быстрым и безостановочным усовершенствованием машин.

Однако машина действует не только как непреодолимый конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «излишним». Капитал громко и с обдуманном намерением возвещает о ней, как о силе, вредной рабочему, и пользуется ею как таковой. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала²⁰⁸. По Гаскелю, на

заработной платы на 5%. Рабочие оказали сопротивление и заявили — теоретически это было совершенно правильно, — что единственное средство помощи — работать сокращенное время, 4 дня в неделю. После продолжительного сопротивления господа, которые сами называют себя капитанами промышленности, должны были согласиться на это; причем в некоторых местах плата была понижена на 5%, в других же осталась без изменения.

²⁰⁸ «Отношения между хозяевами и руками на стекольных и бутылочных заводах, это — хроническая стачка». Отсюда быстрое развитие производства пресованного стекла, при котором главные операции выполняются машинами. Одна фирма в Ньюкэстле, которая раньше производи-

равила машина с самого начала сделалась антагонистом «человеческой силы» и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системы²⁰⁹. Можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1800 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих. Прежде всего мы напомним «Flying mule», потому что она открывает новую эпоху автоматической системы²¹⁰.

В своих показаниях перед комиссией, на которую было возложено обследование тред-юнионов, Nasmyth, изобретатель парового молота, делает следующее сообщение о тех усовершенствованиях в машинах, которые он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1861 г.: «Характерная черта наших современных механических усовершенствований — введение самодействующих рабочих машин. Теперь механическому рабочему приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранен весь класс рабочих, которые зависят исключительно от своего искусства. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим вспомогательным средствам я сократил число взрослых мужчин с 1 500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли».

Об одной машине для печатания красками в ситцепечатных заведениях Уге говорит: «Наконед, капиталисты постарались освободиться от этого невыносимого рабства (т. е. от тягостных для них условий договоров с рабочими), применив им помощь ресурсы науки, и скоро они были восстановлены в своих гражданских правах, — правах головы над другими частями тела». Об одном изобретении для шпихтования основ, непосредственно вызванном стачкой, он говорит: «Орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, увидела, что ее захватили фланговым нападением и уничтожили ее оборонительные средства современной механической тактики. Им пришлось сдаться на милость и гнев победителей». Об изобретении «Flying mule» он говорит: «Она была призвана вновь восстановить порядок между промышленными классами... Это изобретение подтверждает развитую уже нами доктрину, что капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает милые руки труда к покорности»²¹¹.

Хотя работа Уге появилась в 1835 г., следовательно, в эпоху, когда фабричная система была развита еще сравнительно слабо, она до сих пор остается классическим выражением духа фабрики не только по своему открытому шипу, но и по той наивности, с которой она выбалтывает противоречия капиталистического мозга, над которыми мышление последнего ни на минуту не останавливается. Например, развил ту «доктрину», что капитал при помощи науки, взятой им на жалованье, «постоянно принуждает

²⁰⁹ Это стоило 350 000 ф. в год, теперь вместо того производит 3 000 500 ф. «Children's Employment Commission». 4-th Report 1865, p. 262, 263).

²¹⁰ Оувкелл, The Manufacturing Population of England, London 1833, p. 4.

²¹¹ К некоторым очень существенным применениям машин при машиностроении пришел г. Fairbairn под влиянием стачки на его собственной машиностроительной фабрике.

²¹² Уге, Philosophy of Manufacture, p. 368 — 70.

мятежные руки труда к покорности», он выражает затем негодование по тому поводу, «что с известной стороны механико-физическую науку обвиняют в том, будто она идет на службу деспотизму богатых капиталистов и принижается до роли орудия угнетения бедных классов». После широкошательной проповеди на ту тему, как выгодно для рабочих быстрое развитие машин, он предостерегает их, что своей непокорностью, стачками и т. д. они ускоряют развитие машин. «Также насилия и возмущения, — говорит он, — обнаруживают самый презренный вид человеческой близорукости, ту близорукость, которая делает человека своим собственным палачом». Наоборот, несколькими строками раньше говорится: «Без этих сильных столкновений и перерывов, вызываемых ложными воззрениями рабочих, фабричная система развилась бы много быстрее и с еще большей пользой для всех заинтересованных сторон». Потом он опять восклицает: «К счастью для населения фабричных округов Великобритании, усовершенствования в механике совершаются лишь постепенно. Их (усовершенствования в машинах) привлекают к ответственности за то, будто они ведут к уменьшению заработной платы взрослых, так как они вытесняют известную часть последних, благодаря чему их число начинает превышать потребность в труде. Но они ведь увеличивают спрос на детский труд и таким образом повышают заработки последнего».

Но, с другой стороны, этот же утешитель защищает низкую заработную плату детей тем, «что это удерживает родителей от того, чтобы посылать своих детей на фабрики в слишком раннем возрасте». Вся его книга представляет прославление неограниченного рабочего дня, и если законодательство воспрещает истязать детей 13 лет больше 12 часов в сутки, то это напоминает его либеральной душе о самых мрачных временах средневековья. Это не мешает ему приглашать фабричных рабочих к благодарственной молитве провидению за то, что оно посредством машин «создало им досуг для размышлений о своих неумирных интересах»²¹².

6. Теория компенсации относительно рабочих. вытесняемых машинами

Целый ряд буржуазных экономистов, как Джеймс Милль, Мак Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль и т. д., утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо освобождают в то же время соответствующий капитал, который дает работу этим самым вытесненным рабочим²¹³.

Предположим, что капиталист применяет, напр., в обойной фабрике капитал в 6000 ф. ст., из которых половина расходуется на сырой материал. Постройки, уголь и т. д. мы оставляем здесь в стороне. Пусть он применяет 100 рабочих, по 30 ф. ст. на человека в год. Следовательно, ежегодно затрачиваемый капиталистом переменный капитал составляет 3000 ф. ст. Допустим, что 50 рабочим он даст расчет, а остальных 50 запи-

²¹² Уге, *Philosophy of Manufacture*, p. 368, 7, 370, 280, 321, 281, 476.

²¹³ Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине, отделился от него. См. *David Ricardo, Principles of Political Economy*, глава XXXI «On Machinery».

мает при помощи машин, которые стоят ему 1500 ф. ст. Предположим далее, что ежегодно потребляемый сырой материал стоит попрежнему 1500 ф. ст. ^{21а}.

«Освободился» ли благодаря этой перемене какой-нибудь капитал? При старом способе ведения дела вся затраченная сумма в 6000 ф. ст. состояла на половину из постоянного и на половину из переменного капитала. Теперь она состоит из 4500 ф. ст. (3000 ф. ст. в сыром материале и 1500 ф. ст. в машинах) постоянного и 1500 ф. ст. переменного капитала. Переменная или превращенная в живую рабочую силу часть капитала составляет уже не половину, а лишь $\frac{1}{4}$ всего капитала. Вместо освобождения здесь происходит связывание капитала в такой форме, в которой он перестает обмениваться на рабочую силу, т. е. происходит превращение переменного капитала в постоянный. Теперь капитал в 6000 ф. ст. при прочих равных условиях не может занимать более 50 рабочих. С каждым усовершенствованием машины он занимает все меньше и меньше рабочих.

Чтобы пойти навстречу теоретикам компенсации, предположим, что вновь введенные машины стоят дешевле, чем сумма вытесненных ими рабочей силы и орудий труда, следовательно, напр., не 1500, а лишь 1000 ф. ст.

При таком предположении переменный капитал в 1000 ф. ст. превратился бы в постоянный, т. е. был бы связан, а капитал в 500 ф. ст. освободился бы. Он стал бы излишним для фабрики обоев и мог бы функционировать как новый капитал. Предполагая, что годовая заработная плата остается прежняя, этот капитал образовал бы фонд для занятия почти 16 рабочих, — между тем как получили расчет 50, — и даже менее чем 16 рабочих, так как для превращения этих 500 ф. ст. в капитал часть их придется превратить в постоянный капитал и, следовательно, только остальную часть можно будет превратить в рабочую силу.

Во всяком случае производство новых машин даст работу большему числу механиков; может ли это послужить компенсацией для выброшенных на мостовую обойщиков? В лучшем случае приготовление машин потребует работы менее, чем вытесняется применением машин. Сумма в 1500 ф. ст., которая раньше представляла только заработную плату уволенных обойщиков, теперь, в форме машин, представляет: 1) стоимость средств производства, необходимых для изготовления машин; 2) заработную плату изготовляющих их механиков; 3) достигающую «хозяину» последних прибавочную стоимость. Далее: раз машина готова, ее не приходится возобновлять до самой ее смерти. Следовательно, для того, чтобы добавочное число механиков могло получить постоянные занятия, придется предполагать, что один фабрикант за другим снова и снова вытесняет рабочих машинами.

Но впрочем запиттчики капитала и не имеют в виду такого рода освобождения капитала. Они имеют в виду средства существования освобожденных рабочих. Нельзя отрицать, напр., что в приведенном выше случае машины не только освобождают 50 рабочих и тем самым делают их «свободными», но одновременно и превращают их связь с средствами существования в 1500 ф. ст. и таким образом «освобождают» эти средства существования. Итак, тот простой и отнюдь не новый факт, что машины осво-

²¹ Н. П. М. прибавку иллюстрацию совершенно во вкусе названных выше экономистов.

бождает рабочего от средств существования, на языке экономистов означает, что машины освобождают средства существования для рабочего, или превращают их в капитал, который применяет рабочего. Как видим, все зависит от способа выражения. *Nominibus mollire licet mala* (от прикрашивающих слов зло покажется меньше).

По этой теории средства существования стоимостью в 1500 ф. ст. были капиталом, который увеличивал свою стоимость посредством труда пятидесяти уволенных обойщиков. Следовательно, этот капитал утрачивает свои занятия, раз пятьдесят человек увольняются, и не может успокоиться на тех пор, пока не найдет нового «приложения», при котором эти пятьдесят рабочих снова получают возможность производительно потреблять его. Итак, выходит, что раньше или позже капитал и рабочие снова соединятся, и тогда компенсация готова. Следовательно, страдания рабочих, вытесняемых машинами, столь же преходящи, как и богатства этого мира.

Средства существования в сумме на 1500 ф. ст. никогда не противостояли уволенным рабочим как капитал. Как капитал противостояли на 1500 ф. ст., превращенные теперь в машины. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти 1500 ф. ст. представляют только ту часть обоев, ежегодно производившихся 50 уволенными рабочими, которую они получали от своего предпринимателя как заработную плату — не *in natura* [в продуктах], а в денежной форме. На эти обои, превращенные в 1500 ф. ст., они покупали средств существования на ту же сумму. Поэтому последние существовали для них не как капитал, а как товары, и сами они были по отношению к этим товарам не наемными рабочими, а покупателями. То обстоятельство, что машины «освободили» их от покупательных средств, превращает их из покупателей в непокупателей. Отсюда уменьшение спроса на соответствующие товары. *Voilà tout* [это все].

Если это уменьшение спроса не компенсируется увеличением его еще откуда-нибудь, то понижается рыночная цена товаров, спрос на которые упал. Может быть, это служит основанием для того, чтобы побудить капитал, применявшийся в производстве этих средств существования, дать работу обойщикам, сделавшимся безработными? Напротив, если понижение цен продолжается сравнительно долго, то перейдут к понижению заработной платы рабочих, занятых в производстве указанных товаров. Если недостаток в сбыте необходимых средств существования окажется продолжительным, то часть капитала, прилагаемого к их производству, отойдет отсюда и будет искать приложения в другой области. Во время падения рыночных цен и перемещения капитала рабочие, занятые в производстве необходимых средств существования, тоже «освобождаются» от некоторой части своей заработной платы. Таким образом, вместо того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочих от средств существования, в то же время превращает последние в капитал, применяющий этих рабочих, господин апологет [господин защитник капитала] со своим никогда не изменяющим законом доказывает, наоборот, что машина не только в той отрасли производства, в которой она введена, но и в тех отраслях производства, в которых она не введена, выбрасывает рабочих на мостовую.

Действительные факты, вывернутые экономическим оптимизмом названку, таковы: вытесняемые машиной рабочие выбрасываются из мастерской на рабочий рынок и увеличивают там число рабочих сил, которыми уже располагает капиталистическая эксплуатация. В седьмом отделе мы увидим,

это это действие машин, которое изображают нам здесь как компенсацию для рабочего класса, в действительности является самым ужасным бичом для него. В настоящее же время отметим только следующее: конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать нанятий в какой-либо другой. Если они находят таковые, и если таким образом вновь устанавливается связь между ними и средствами существования, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового, дополнительного капитала, ищущего применения, а не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращен в машины.

Но если бы даже и так, — как мало надежды у них найти новые занятия! Исключенные разделением труда, эти бедняги имеют столь малую стоимость своей старой сферы деятельности, что они могут найти доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные вследствие своей простоты и плохо оплачиваемые отрасли труда²¹⁵.

Далее, каждая отрасль промышленности, напр. фабрикация обуви, ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для правильного возмещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент кандидатов в заместители отходит от той отрасли промышленности, для которой был предназначен, и постепенно поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные шарты по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за те страдания, которые они приносят с собою. Не их вина, если они при современных отношениях «освобождают» рабочего и отделяют его от средств существования. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменения массу средств существования, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно, после введения машин, как и до него, общество владеет все таким же или большим количеством средств существования для освобожденных рабочих, не говоря уже о той огромной части годового продукта, которая расточается неработниками. В изложении этого факта с наибольшим блеском и яркостью сказывается разукрашивающий дух экономистов. Противоречий и антагонизмов, неотделимых от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения! А так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность: так как сама по себе

²¹⁵ Один рикардианец в полемике с глупостями Ж. Б. Сэя замечает по этому поводу: «При развитом разделении труда искусство рабочего может найти себе применение только в той особой сфере, в которой он получил технику; сам рабочий является своего рода машиной. Поэтому абсолютно никому не поможет, если станут болтать как попугай, что всем вещам свойственна тенденция отыскать свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они в течение долгого времени не могут найти своего уровня; и что, если они находят его, то он оказывается ниже, чем был при начале процесса» («An Inquiry into those Principles respecting the Law of Demand etc.», London, 1821, p. 72).

она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость пошлой действительности, сами же по себе, а потому и в теории, они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и, кроме того, приписывает своему противнику такую глупость, как будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получают и временные неприятности: но ведь у всякой медали существует своя обратная сторона! Для него невозможно иное, кроме капиталистического использования машины. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса!²¹⁶ Совершенно во вкусе знаменитого голловореза Билль Сайкса [в «Оливере Твисте» Диккенса:] «Господа присяжные, конечно, этим комми-воажерам горло было перерезано. Но это — моя вина, а вина позка. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление позка? Подумайте, однако! Что было бы с земледелием и ремеслами без позка? Не приносит ли он спасение в хирургии, не научает ли в анатомии? А потом — не желанный ли это помощник в веселых пирах? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад, к глубочайшему варварству»^{216а}.

Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятий в других отраслях труда. Но это действие не имеет ничего общего с так называемой теорией компенсации.

Так как всякий машинный продукт, напр. один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный продукт ручного труда, то получается следующий абсолютный закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству вытесненных ими товаров, произведенных ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обуславливается производством самих средств труда, —

²¹⁶ Один из виртуозов в этом запосчивом кретинизме является между прочим Мак Куллох. «Если выгодно, — говорит он, напр., с аффектированным наивностью 8-летнего ребенка, — все более и более развивать искусство рабочего, так чтобы он приобрел способность производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то должно быть не менее выгодно, чтобы он пользовался содействием таких машин, которые наиболее действительным образом помогают ему в достижении этого результата» (Mac Culloch, Principles of Political Economy, London 1830, p. 166).

^{216а} «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (A. Thiers, De la Propriété, Paris 1848). Великий государственный человек смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта. Однако общая масса товаров, производимых при помощи машин сократившимся количеством рабочих, не только не остается без изменения, но, напротив, вырастает до размеров, далеко превышающих обычную массу вытесненных ремесленных товаров. Предположим, что 400 000 прил. машинной ткани производятся меньшим количеством рабочих, чем (10 000) арш. ручной ткани. В учетверенном продукте заключается и учетверенное количество сырого материала. Следовательно, производство сырого материала должно учетвериться. Что касается потребленных средств труда, напр., земли, угля, машин и т. д., то пределы, в которых может возрасти дополнительный труд, необходимый для их производства, изменяются сообразно разности между теми массами продукта, которые при одном и том же числе рабочих могут быть произведены машинным способом, с одной стороны, и ручным способом — с другой.

Поэтому с расширением машинного производства в одной отрасли промышленности увеличивается производство прежде всего и в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства. Насколько благоприятно этому возрастает масса занятых рабочих, зависит при данной продолжительности рабочего дня и интенсивности труда от состава употребляемых капиталов, т. е. от отношения между их постоянными и переменными составными частями. Это отношение в свою очередь значительно варьирует в зависимости от того, в какой мере машины уже овладели или овладевают данной отраслью промышленности. Число рабочих, осужденных на работы в угольных копях и рудниках, колоссально возросло с развитием применения машин в Англии, хотя это возрастание в последние десятилетия замедляется применением к горному делу новых машин²¹⁷. Вместе с машиной вступает в жизнь новый вид рабочих — производителей машин. Мы уже знаем, что машинное производство все в большей мере овладевает и этой отраслью производства²¹⁸. Далее, что касается сырого материала²¹⁹, то не подлежит, напр., никакому сомнению, что бурное развитие бумагопрядения не только с оранжерейной быстротой двинуло возделывание хлопка в Соединенных штатах, а вместе с тем и африканскую работоторговлю, но и сделало воспитание негров главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697 000, а в 1861 г.

²¹⁷ По переписи 1861 г. (London 1863, т. II) число рабочих, занятых в угольных копях Англии и Уэльса, составляло 246 613, в том числе 73 546 до 20-летнего и 173 067 старше 20-летнего возраста. К первой рубрике принадлежит 835 малолетних, 5 — 10 лет, 30 701 — 10 — 15 лет, 42 010 — 15 — 20 лет. Число занятых в железных, медных, свинцовых, оловянных и других рудниках — 319 222.

²¹⁸ В Англии и Уэльсе в 1861 г. производством машин было занято 60 807 чел., считая в том числе и фабрикантов вместе с их приказчиками и т. д., а также всех агентов и торговцев этой отрасли. Напротив, исключены производители более мелких машин, как, напр., швейные и т. д., а также производители инструментов для рабочих машин, как, напр., веретено и т. д. Число всех гражданских инженеров составляло 3329.

²¹⁹ Так как железо — один из важнейших сырых материалов, то здесь стоит отметить, что в 1861 г. в Англии и Уэльсе было 125 771 железолитейщиков, в том числе 123 430 мужчин, 2341 женщин. В числе первых 30 810 до 20 лет и 92 620 старше 20 лет.

уже почти четыре миллиона. С другой стороны, не менее верно, что расцвет механических шерстяных фабрик вместе с прогрессивным превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание земледельческих рабочих и превращение их в «избыточных». В Ирландии еще в настоящее время совершается этот процесс, который сводится к тому, что ее население, уменьшившееся после 1845 г. почти наполовину, выводится до размеров, точно соответствующих потребностям ее лэндлордов и господ английских шерстяных фабрикантов.

Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат. Напр. машинное прядение доставляло пряжу так дешево и в таком изобилии, что ручные ткачи, без всякого увеличения затрат, сначала могли работать полное время. Таким образом их доход увеличился ²²⁰. Отсюда наплыв рабочих в бумаготкацкое дело, пока, наконец, 800 000 бумаготкачей, вызванных в Англию к жизни машинами Jenny, Throstle и Mule, не были убиты паровым ткацким станком. Таким же образом вместе с изобилием материй для одежды, производимых машинным способом, возрастает число портных, портних, швей и т. д., пока не появляется швейная машина.

Соответственно увеличению массы сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. д., доставляемых при машинном производстве относительно сокращающимся числом рабочих, обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов подразделяется на многочисленные подвиды, потому разнообразие отраслей общественного производства растет. Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно в несравненно большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности.

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем ту массу продуктов, которой она воплощается; следовательно, в том, что вместе с той общественной станцией, которую потребляет класс капиталистов и его клика, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастающее богатство последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых средств существования, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все большая часть общественного продукта превращается в добавочный продукт, и все большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает ²²¹. Возрастающие утонченность

²²⁰ «Семья из 4 взрослых лиц (бумаготкачей) с двумя детьми в начале столетия *winders* [шпульников] добывала в конце прошлого и начале текущего столетия 4 ф. ст. в неделю при 10-часовом рабочем дне; если работа была очень спешная, они могли заработать больше... Раньше они постоянно страдали от недостаточного предложения пряжи» (Gaskell, *The Manufacturing Population of England*, London 1833, p. 25 — 27).

²²¹ F. Engels, «Lage der arbeitenden Klasse in England» [См. Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы. М. Гиз. 1929.] указывает на жалкое

Аналогичные продукты вытекают также из новых отношений мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью. Дело не только в том, что большее количество заграничных средств потребления выменивается на туземный продукт, но и в том, что в туземную промышленность входит все большая масса заграничных сырых материалов, составных веществ, полуфабрикатов и т. д., которые служат средствами производства. Параллельно этим отношениям мирового рынка увеличивается спрос на труд в транспортной промышленности, и последняя распадается на многочисленные новые подвиды ²²².

Увеличение средств производства и средств существования при относительном уменьшении числа рабочих дает толчок расширению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, напр., каналы, доки, туннели, мосты и т. д., приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем. Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потому и новые сферы труда. Однако их относительную роль в общем производстве нельзя признать значительной даже в наиболее развитых странах. Число занятых в них рабочих увеличивается в соответствии с тем, насколько воспроизводится потребность в самом грубом ручном труде. Главными отраслями промышленности этого рода в настоящее время можно считать газовые заводы, телеграфию, фотографию, пароходное и железнодорожное дело. Перепись 1861 г. (для Англии и Уэльса) дает для газовой промышленности (газовые заводы, производство механических аппаратов, агенты газовых компаний и т. д.) 15 211 человек, для телеграфии 2399, фотографии 2366, службы на пароходах 3570 и для железных дорог 70 599, в том числе около 28 000 более или менее постоянно занятых «необученных» землекопов, кроме всего административного и коммерческого персонала. Следовательно, общее число лиц, занятых в этих пяти новых отраслях промышленности, составляет 94 145.

Никогда чрезвычайно повысившаяся производительная сила в областях крупной промышленности, сопровождаемая, как это обыкновенно наблюдается, интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех остальных отраслях производства, дает возможность неприводимо употребить все увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить все большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как напр., слуг, горничных, лакеев и т. д. По переписи 1861 г. все население Англии и Уэльса составило 20 066 244 человека, в том числе 9 776 259 мужчин и 10 289 965 женщин. Если вычесть из этого числа всех неспособных к труду по дряхлости или молодости, всех «непроизводительных» женщин, подростков и детей, затем «идеологические» сословия, как правительство, попы, юристы, войско и т. д., потом всех, у кого исключительное занятие составляет потребление чужого труда в форме земельной ренты, процентов и т. д., наконец пауперов, бродяг, преступников и т. д., то крутым счетом останется 8 миллионов лиц обоего пола и различных возрастов, включая и всех капиталистов, так или иначе функ-

ционированию большей части именно этих производителей предметов роскоши. Многочисленные новые подтверждения этого см. в отчетах «Children's Employment Commission».

В 1861 г. в Англии и Уэльсе в торговом флоте было занято 94 665 человек.

ционирующих в производстве, торговле, финансах и т. д. Из этих 8 миллионов приходится на:

Сельскохозяйственных рабочих (включая пастухов и живущих у фермеров батраков и батрачек).	1 098 261 человек
Всех лиц, занятых на хлопчатобумажных, шерстяных, полушерстяных, льняных, пеньковых, шелковых, джутовых фабриках, а также механически-вязальной и кружевной фабрикации.	642 607 ²²³ »
Всех лиц, занятых в угольных копях и рудниках.	565 835 »
Занятых на всех металлургических заводах (доменные печи, прокатные заведения и т. д.) и металлических мануфактурах разного рода . . .	396 998 ²²⁴ »
Класс прислуги	1 208 648 ²²⁵ »

Если мы сложим всех занятых на текстильных фабриках с персоналом угольных копей и металлических рудников, то мы получим 1 208 442: если же число первых мы сложим с персоналом всех металлургических заводов и мануфактур, то получим в итоге 1 039 605, — в обоих случаях меньше числа современных домашних рабов. Что за возвышающий душу результат капиталистической эксплуатации машин!

7. Оттапливание и притяжение рабочих в связи с развитием машинного производства. Кризисы в хлопчатобумажной промышленности

Все находящиеся в здравом уме представители политической экономии признают, что, когда вводится вновь машина, это действует как чума на рабочих тех традиционных ремесел и мануфактур, с которыми она прежде всего вступает в конкуренцию. Почти все они оплакивают рабство фабричного рабочего. Но каков тот главный козырь, который все они пускают в ход? Это — соображение, что после всех ужасов, относящихся к периоду введения и развития машин, они в конечном счете не уменьшают, а увеличивают число рабов труда! Да, политическая экономия упивается отвратительной

²²³ В том числе мужчин от 13 лет только 177 596.

²²⁴ В том числе женщин 30 501.

²²⁵ В том числе мужчин 137 447. Из этого числа — 1 208 648 — исключая весь персонал служащих не у частных лиц.

Добавление ко 2 изд. С 1861 по 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось. Оно возросло до 267 671. В 1847 г. сторожей дичи было (в аристократических охотничьих парках) 2694, напротив, в 1869 г. — 4921. — Молодые девушки, служащие у лондонских мелких буржуа, на народном языке называются «little slaveys», маленькие рабыни. [В собственном экземпляре Маркса — 1-е издание — имеется следующая цитата из «Evening Star» 11 сентября 1868 г.: «Как подавлены чрезмерным трудом молодые служанки, это — позор для их хозяек. Случайно я знаком со многими из этих рабынь, как некоторые их называют, и от всего сердца почувствую им. Они должны раньше вставать и оставаться до самой ночи. Они спят в чуланах с паразитами или в холодных чердачных помещениях с крысами. Они живут отбросами. Их бранят и ругают, их преследуют грубые сыновья хозяина, их мучают четыре-пять ребятишек; в дождь их гоняют за пивом, рассерженная хозяйка иногда бьет их. Неделями им не

теоремой, — отвратительной для всякого «филантропа», который верит в вечность и естественную необходимость капиталистического способа производства, — теоремой, согласно которой даже фабрика, уже основанная на машинном производстве, после известного периода роста, по окончании более или менее продолжительного «переходного времени», начинает терзать большее число рабочих, чем то, которое первоначально она выбросила на мостовую!

Ганшль представляет исключение. Окончательным результатом машинного производства он признает абсолютное уменьшение числа рабов труда, из счет которых кормится потом возрастающее число «gens honnêtes» [приличных людей], развивающих свою известную «perfectibilité perfectible» [способную к усовершенствованию способность к усовершенствованию], столь жестоко высмеянную Фурье. Как ни плохо понимает Ганшль движение производства, он чувствует по крайней мере, что машины — очень фатальное учреждение, раз введение их превращает занятых рабочих в пауперов, а развитие их вызывает к жизни больше рабов труда, чем они первоначально убавили. Кретинизм его, собственной точки зрения можно выразить только его собственными словами: «Классы, осужденные на производство и потребление, уменьшаются, а классы, управляющие трудом, дающие помощь, утешение и просвещение всему народу, увеличиваются... и присваивают все блага, истекающие из уменьшения издержек труда, изобилия продуктов и удешевления предметов потребления. В этом направлении род человеческий поднимается до высших творений гения, проникает в таинственные глубины религии, создает спасительные принципы морали (которые заключаются в том, чтобы «присваивать все блага» и т. д.), законы для защиты свободы (свободы для «классов, осужденных на производство»?) и власти, послушания и справедливости, долга и гуманности»²²⁶.

Правда, некоторые примеры, — как английских шерстяных и шелковых фабрик, — показывают, что на известной ступени развития чрезвычайное расширение фабричных отраслей может сопровождаться не только относительным, но и абсолютным уменьшением числа занятых рабочих. В 1860 г., когда по распоряжению парламента была предпринята специальная перепись всех фабрик Соединенного королевства, в той части фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира, которая была поручена фабричному инспектору Р. Воклеру, насчитывалось 652 фабрики; из них в 570 было: паровых ткацких станков 85 622, веретен (за исключением двойных) 6 819 146, лошадиных сил в паровых машинах 27 439, в водяных колесах 1390, занято лиц на этих фабриках 94 119. Напротив, в 1865 г. на этих же фабриках было: ткацких станков 95 163, веретен 7 025 031, лошадиных сил в паровых машинах

иногда сходят в церковь; их по-нищенски оплачивают, а если они заболеют, их отправляют к их родне, если таковая имеется, или же в больницу или приют для бедных. Неудивительно, что они получают прямо вознаграждение и страх к приличному труду и готовы «пойти к чорту», что и делают, этими бедными маленькими рабынями, обычно и делается. Я видал, как они плачут, рассказывая о своих страданиях, побоях, голоде, холоде, о том, как прогнали их с «места», когда они заболели, как перебивались они продолжением своей одежды, и как, наконец, когда все было прожито, они погружались в грязь и с того времени опускались все глубже. И, к сожалению, многие немногие относятся к ним с состраданием. — К.]

²²⁶ Эта табарбарщина находится в M. C. h. G a n i l h. Des Systèmes d'Économie Politique etc. 2-ème éd. Paris 1821, vol. II, p. 224. Сравн. там же, стр. 212.

28 925, в водяных колесах 1445, занято лиц 88 913. Следовательно, с 1860 по 1865 г. рост этих фабрик составил: паровых ткацких станков 11%, веретен 3%, паровых лошадиных сил 5%, между тем как за тот же период число занятых лиц уменьшилось на 5,5%²²⁷. Между 1852 и 1862 гг. произошло значительное увеличение английской шерстяной фабрикации, между тем как число занятых рабочих осталось почти без изменения. «Это показывает, в какой большой мере вновь введенные машины вытеснили труд предыдущих периодов»²²⁸. Во многих случаях, увеличение числа занятых фабричных рабочих только кажущееся, т. е. оно вызвано не расширением фабрик, в основе которых уже лежит машинное производство, а постепенным вовлечением в их сферу побочных отраслей. Напр. «увеличение числа механических ткацких станков и занятых при них фабричных рабочих в период 1838 — 1858 гг. было вызвано в (английской) хлопчатобумажной фабрикации просто расширением этой отрасли предприятий; напротив, на других фабриках оно вызвано тем, что началось применение паровой силы к ткацким станкам, на которых вырабатываются ковры, ленты, холст и т. д. и которые до того времени приводились в движение мускульной силой человека»²²⁹. Итак, увеличение числа этих фабричных рабочих было просто выражением уменьшения общего числа занятых рабочих. Наконец, мы здесь уже совершенно не останавливаемся на том, что повсюду, за исключением металлических фабрик, подростки (до 18 лет), женщины и дети составляют решительно преобладающую часть фабричного персонала.

Тем не менее понятно, что, несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит себе выражение в увеличении числа однородных фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, — может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных рабочих или ремесленников. Предположим, что еженедельно затрачиваемый капитал, напр. в 500 ф. ст. составлялся при старом способе производства на $\frac{2}{5}$ из постоянной и на $\frac{3}{5}$ из переменной составной части, т. е. 200 ф. ст. затрачиваются на средства производства, 300 ф. ст. — на рабочую или, скажем, по 1 ф. ст. на рабочего. С возникновением машинного производства состав всего капитала изменится. Теперь он распадается, напр., на $\frac{4}{5}$ постоянного и $\frac{1}{5}$ переменного капитала, другими словами, на рабочую силу расходуется всего лишь

²²⁷ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 58 sq. Но в то же время был создан материальный базис и для занятия возрастающего числа рабочих: основано 110 новых фабрик с 11 625 паровыми ткацкими станками, 628 756 веретенами, 2695 паровыми и водяными лошадиными силами (там же).

²²⁸ «Reports etc. for 31-st October 1862», p. 79.

Добавление ко 2 изд. В конце декабря 1871 г. фабричный инспектор А. Redgrave в одном докладе, прочитанном в Брадфорде, в «New Mechanic's Institution», заявил: «С некоторого времени стало поражать то обстоятельство, до какой степени изменился внешний вид шерстяным фабрикам. Раньше они были переполнены женщинами и детьми, теперь кажется, как будто машина выполняет все работы. На мой вопрос один фабрикант дал мне такое объяснение: при старой системе я давал работу 63 лицам; по введению усовершенствованных машин я сократил число своих рук до 33, а недавно, вследствие новых крупных усовершенствований, у меня оказалась возможность сократить их с 33 до 13».

²²⁹ «Reports etc. for 31-st October 1856», p. 16.

100 ф. ст. Следовательно, две трети прежде занятых рабочих увольняются. Если данное фабричное производство расширяется, и весь вложенный капитал при прочих равных производственных условиях увеличивается с 100 до 1500 ф. ст., то теперь будут заняты 300 рабочих, — как раз столько же, сколько и до промышленной революции. Если применяемый капитал возрастает еще больше, до 2000 ф. ст., то занято будет 400 рабочих, т. е. на $\frac{1}{3}$ больше, чем при старом способе ведения дела. Число занятых рабочих абсолютно увеличилось на 100, относительно же, т. е. по сравнению с величиной всего авансированного капитала, оно уменьшилось на 800, потому что при старом способе ведения дела капитал в 2000 ф. ст. применял бы не 400, а 1200 рабочих. Следовательно, относительное уменьшение числа занятых рабочих совместимо с его абсолютным увеличением.

Выше мы предполагали, что при возрастании всего капитала состав его остается без изменения, потому что условия производства не изменяются. Но мы уже знаем, что в действительности с каждым шагом в развитии машинного производства постоянная часть капитала, состоящая из машин, сырого материала и т. д., возрастает, между тем как переменная, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается, и мы знаем в то же время, что ни при каком другом способе производство усовершенствования не представляют такого постоянного явления, а потому состав всего капитала не изменчив в такой мере, как при машинном производстве. Но эти постоянные изменения не с меньшим постоянством прерываются паузами и чисто количественным расширением на данном техническом базисе. Поэтому число занятых рабочих возрастает. Так, напр., число всех рабочих на хлопчатобумажных, шерстяных, полушерстяных, льняных и шелковых фабриках Соединенного королевства составляло в 1835 г. только 354 684, между тем как в 1861 г. число одних ткачей (обоего пола и самых различных возрастов от 8-летнего) при паровых станках оставляло 230 654. Конечно, этот рост окажется менее значительным, если принять во внимание, что еще в 1838 г. в Англии насчитывалось 800 000 ручных хлопкоткачей, считая и членов семейств, занятых вместе с ними²³⁰; мы уже совсем не говорим о тех ручных ткачах, которые были вытеснены в Азии и на континенте Европы.

В немногих замечаниях, которые нам еще остается сделать об этом пункте, мы отчасти коснемся тех фактических отношений, которые в действительности складываются на практике и к которым наше теоретическое изложение еще не привело нас.

Пока машинное производство расширяется в известной отрасли промышленности на счет традиционного ремесла или мануфактуры, успех его настолько же верен, как, напр., успех армии, вооруженной игольчатыми ружьями, против армии, вооруженной луками. Этот первый период, когда

²³⁰ «Страдания ручных ткачей (хлопкоткачей и ткачей материй с приращенной бумагой) были предметом исследования королевской комиссии, но хотя их бедствия были признаны и о них сожалели, тем не менее, улучшение их положения предоставили случаю и времени, и можно надеяться, что эти страдания теперь (через 20 лет!) почти (nearly) исчезли, чему, по всей вероятности, способствовало современное громадное распространение паровых ткацких станков» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1860», p. 15).

машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет решающее значение в виду той чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машины. Эта прибыль не только уже сама по себе является источником ускоренного накопления капитала, но и привлекает к данной отрасли производства, оказавшейся в особо благоприятном положении, значительную часть добавочного общественного капитала, который постоянно образуется вновь и ищет новых сфер применения. Особые выгоды, сопряженные с первым периодом бури и натиска, постоянно снова и снова повторяются в тех отраслях производства, в которых машины вводятся впервые. Но когда фабрика достигнет достаточного распространения и определенной степени зрелости, в особенности когда ее собственная техническая основа, машины, начнет в свою очередь производиться машинами же, когда совершится революция как в добывании угля и железа, так и в обработке металлов и транспортном деле, короче говоря, когда сложатся общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, тогда рассматриваемый способ производства приобретает такую эластичность и способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся лишь сырым материалом и рынком для сбыта. Но машины, с одной стороны, прямо содействуют увеличению сырого материала, как, напр., cottongin увеличил производство хлопка²³¹. С другой стороны, дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство приводит эти рынки к принудительному превращению в области производства соответствующего сырого материала, так, напр., Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго и т. д.²³². Постоянное превращение рабочих в «избыточных» вызывает в странах крупной промышленности вынужденную эмиграцию и ведет к колонизации новых стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, напр., превратилась в место производства шерсти²³³. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земледельческого производства по преимуществу, а другие — в области промышленного производства по преимуществу. Эта революция стоит в тесной связи с переворотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее²³⁴.

²³¹ Другие методы, посредством которых машины влияют на производство сырого материала, будут упомянуты в третьей книге.

²³² Вывоз хлопка из Ост-Индии в Великобританию: 1846 г. — 34 540 143 ф., 1860 г. — 204 141 168 ф., 1865 г. — 445 947 600 ф.

Вывоз шерсти из Ост-Индии в Великобританию: 1846 г. — 4 570 581 ф., 1860 г. — 20 214 173 ф., 1865 г. — 20 679 111 ф.

²³³ Вывоз шерсти с мыса Доброй Надежды в Великобританию: 1846 г. — 2 958 457 ф., 1860 г. — 16 574 345 ф., 1865 г. — 29 920 623 ф.

Вывоз шерсти из Австралии в Великобританию: 1846 г. — 21 789 340 ф., 1860 г. — 59 166 616 ф., 1865 г. — 109 734 261 ф.

²³⁴ Самое экономическое развитие Соединенных штатов есть продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности. Соединенные штаты в их современном виде (1867 г.) все еще следует рассматривать как колонию Европы. [К 4-му изданию Энгельс замечает: «С того времени они развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер». — И это приме

По инициативе г. Гладстона, палата общин 17 февраля 1867 г. ввела статистику относительно ввоза и вывоза в Соединенное королевство всевозможных зерновых хлебов, в зерне и муке, за период 1831 — 1866 гг. Ниже я привожу выводку этих статистических данных. Мука переведена на кварталы хлеба в зерне (см. таблицу на стр. 350).

Колоссальная, скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Промышленная жизнь превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает заработок, а следовательно, и существование рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла (кругооборота). За исключением периодов процветания между капиталистами свирепствует ожесточенная борьба за их индивидуальное место на рынке. Их доля на рынке прямо пропорциональна дешевизне продуктов. Кроме вызываемого этим соперничества в употреблении усовершенствованных машин, замещающих рабочую силу, и новых методов производства, на известном пункте снова и снова обнаруживается стремление достигнуть удешевления товаров посредством насильственного понижения заработной платы, опускающего ее ниже стоимости рабочей силы ²³⁵.

Всего уже устарело. Соединенные штаты сделали первой промышленной страной в мире и до такой степени утратили свой колониальный характер, что ими ведут политику колониального расширения. — К.]

Вывоз хлопка из Соединенных штатов в Великобританию (в фунтах):

1846 г.	401 949 398	1859 г.	961 707 264
1852 г.	765 630 544	1860 г.	1 115 890 608

Вывоз хлеба и т. д. из Соединенных штатов в Великобританию (в 1850 и 1862 гг.) (в английских центнерах):

	1850 г.	1862 г.		1850 г.	1862 г.
Пшеница	16 202 312	41 033 508	Манис	5 473 161	11 694 818
Ячмень	3 669 653	6 624 800	Бере или Bigg		
Овес	3 174 801	4 426 994	(особый род		
Рожь	388 749	7 108	ячменя)	2 039	7 675
Пшеничная мука.	3 819 440	7 207 113	Горох	811 620	1 024 722
Рожь	1 054	19 571	Бобы	1 822 972	2 037 137

Общий вывоз . 34 365 801 74 083 351

В воззвании рабочих к «Trade Societies of England», выброшенных на мостовую локаутом сапожных фабрикантов в Лейстере (июль 1866 г.), между прочим, говорится: «Лет 20 тому назад в сапожном деле Лейстера совершился переворот вследствие того, что вместо шитья введено скрепление машинными. Тогда можно было получать хорошие заработки. Скоро это новое дело сильно расширилось. Между различными фирмами, которые производят наиболее изящный товар, началась сильная конкуренция. Но вскоре изменила, вслед за тем конкуренция худшего рода, — стремление побить друг друга на рынке дешевой ценой (undersell). Вредные последствия скоро обнаружались в понижении заработной платы, и понижение цены труда совершилось с такой стремительной быстротой, что многие фирмы платят

Пятилетние периоды и 1866 год.

	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866
В среднем выводе за год.								
Ввоз (в квартарах)	1 096 373	2 389 729	2 843 885	8 776 552	8 345 237	10 912 612	15 009 871	16 457 840
В среднем выводе за год.								
Вывоз (в квартарах)	225 363	251 770	139 036	155 461	307 491	341 150	302 754	216 318
Перевес ввоза над вывозом в среднем выводе за год	871 010	2 137 959	2 704 809	8 621 091	8 037 746	10 572 462	14 707 117	16 241 022
Население.								
В среднем выводе за год для каждого периода.	24 621 107	25 929 507	27 262 569	27 797 598	27 572 923	28 391 544	29 381 460	29 935 404
Среднее количество хлеба и т. д. в квартарах, ежегодно потребляемое каждым жителем, при равномерном распределении между всем населением, и представляющее добавление к туземному производству.	0,036	0,032	0,039	0,310	0,291	0,372	0,543	0,543

Следовательно, возрастание числа фабричных рабочих обуславливается много более быстрым относительным возрастанием всего капитала, вложенного в фабрики. Но этот процесс совершается лишь в связи с периодами прилива и отлива промышленного цикла. Кроме того, он постоянно прерывается техническим прогрессом, который то замещает рабочих потенциально, то вытесняет их фактически. Такие качественные изменения в машинном производстве постоянно удаляют рабочих из фабрики или забирают фабричные джери перед новым потоком рекрутов, между тем как просто количественное расширение фабрик поглощает кроме выброшенных и новый контингент рабочих. Таким образом рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются из створы в сторону, и это сопровождается постоянными изменениями в поле, возрасте и искусстве вербуемых рабочих.

Судьбы фабричного рабочего выступают с наибольшей наглядностью, если мы бросим беглый взгляд на судьбы английской хлопчатобумажной промышленности.

С 1770 по 1815 г. 5 лет угнетенного состояния или застоя в хлопчатобумажной промышленности. В течение этого первого 45-летнего периода английским фабрикантам принадлежала монополия в применении машин и на мировом рынке. С 1815 по 1821 г. угнетенное состояние. В 1822 и 1823 гг. процветание. 1824 г. отмена закона против коалиций, всеобщее крупное расширение фабрик. 1825 г. кризис. 1826 г. огромная нужда и волнение хлопчатобумажных рабочих. 1827 г. легкое улучшение. 1828 г. большой рост количества паровых ткацких станков и вывоза. В 1829 г. вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы. 1830 г. перемирие рынков, огромная нужда. 1831—1833 гг. непрекращающееся угнетенное положение; у Ост-Индской компании отнята монополия торговли с Восточной Азией (Индией и Китаем). 1834 г. крупный рост фабрик и распространение машинного производства, недостаток рабочих рук; новый закон о бедных покровительствует выселению сельских рабочих в фабричные округа; из сельских графств дети массами выгоняются в промышленность; торговля белыми рабами. 1835 г. сильное процветание; в то же время вымирание ручных бумаготкачей от голода. 1836 г. сильное процветание. 1837 и 1838 гг. угнетенное состояние и кризис. 1839 г.

верно всего половину первоначальной заработной платы. И, однако, хотя заработная плата падает все ниже и ниже, прибыль при каждом изменении соотношения труда, повидимому, возрастает». — Даже неблагоприятными перемещениями промышленности фабриканты пользуются таким образом, что посредством преувеличенного понижения заработной платы, т. е. прямой кражей необходимых средств существования рабочего, достигают чрезвычайной прибыли. Вот пример. Дело идет о кризисе шелкоткачества в Coventry: «Из указаний, полученных мною как от фабрикантов, так и от рабочих, несомненно следует, что заработная плата понижена в большей мере, чем это вынуждалось конкуренцией иностранных производителей и другими обстоятельствами. Большинство ткачей работает за плату, пониженную на 30 — 40%. Кусок ленты, за который ткач пять лет тому назад получал 6 — 7 ш., теперь дает ему только 3 ш. 3 п., или 3 ш. 6 п.; другая работа, за которую раньше платили 4 ш. и 4 ш. 3 п., теперь дает только 2 ш. и 2 ш. 3 п. Заработная плата понижена больше, чем необходимо было для удовлетворения спроса. В действительности для многих сортов лент понижение заработной платы не сопровождалось даже таким бы то ни было снижением цены товаров» («Отчет члена комиссии F. D. Long в Children's Employment Commission. 5-th Report 1866», p. 114, n. 1).

оживление. 1840 г. сильно стесненное положение, волнение, вмешательство войска. 1841 и 1842 гг. ужасающие страдания фабричных рабочих. В 1842 г. фабриканты увольняют рабочих с фабрик, чтобы вынудить отмену хлебных законов; рабочие многотысячными толпами устремляются в Йоркшир, откуда войска прогоняют их обратно, а их вожди преданы в Ланкастере суду. 1843 г. большая нужда. 1844 г. снова оживление. 1845 г. сильное процветание. 1846 г. сначала продолжается подъем, потом симптомы реакции; отмена хлебных законов. 1847 г. кризис; общее понижение заработной платы на 10 и более процентов во славу «big loaf» («Вольшой ковриги»). Фритредеры во время агитации против хлебных законов демонстрировали рабочим, насколько увеличится хлеб после отмены этих законов — К.] 1848 г. стесненное положение продолжается; Манчестер под военной охраной. 1849 г. опять оживление. 1850 г. процветание. 1851 г. падение товарных цен, низкая заработная плата, частые стачки. 1852 г. начинается улучшение, стачки продолжают, фабриканты угрожают ввозом иностранных рабочих. 1853 г. повышающийся вывоз; восьмимесячная стачка и большая нужда в Престоне. 1854 г. процветание, переполнение рынков. 1855 г. из Соединенных штатов, Канады, с восточно-азиатских рынков приходят известия о банкротствах. 1856 г. сильное процветание. 1857 г. кризис. 1858 г. улучшение. 1859 г. сильное процветание, рост фабрик. 1860 г. английская хлопчатобумажная промышленность достигла апогея; индийские, австралийские и другие рынки переполнены до такой степени, что до 1863 г. они едва поглотили залежи; торговый договор с Францией; огромный рост фабрик и машинного производства. 1861 г. подъем некоторое время продолжается, потом реакция, американская гражданская война, хлопковый голод. 1862—1863 гг. полное крушение.

История хлопкового голода слишком характерна для того, чтобы несколько не остановиться на ней. Из кратких указаний на положение мирового рынка 1860—1861 гг. видно, что хлопковый голод пришел кстати для фабрикантов и отчасти был выгоден для них: факт, признанный в отчетах манчестерской торговой палаты, возведенный в парламент Пальмерстоном и Дерби, подтвержденный правительством²³⁶. Конечно, в 1861 г. из 2887 хлопчатобумажных фабрик Соединенного королевства многие были мелкие фабрики. По отчету фабричного инспектора А. Redgrave'a, к округу которого из этих 2887 фабрик принадлежало 2109, из последнего числа 392, или 19%, применяют каждая меньше 10 паровых лошадиных сил, 345, или 16%, — от 10 до 20 сил и 1378 фабрики 20 и более лошадиных сил²³⁷. Большинство мелких фабрик были ткацкие, основанные в период процветания после 1858 г., по большей части спекулянтами, из которых один доставлял пряжу, другой машинный, третий здание: дела велись на них бывшими фабричными мастерами и другими малосостоятельными людьми. Большинство этих мелких фабрикантов разорилось. Ту же судьбу уготовал бы им и торговый кризис, наступление которого волепрепятствовал хлопковый голод. Хотя они составляли 1/3 общего числа фабрикантов, однако на их фабриках нашла себе применение несравненно меньшая доля всего капитала, вложенного в хлопчатобумажную промышленность. Что касается размеров сокращения, то по достоверной оценке

²³⁶ Сравн. «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1862», p. 30.

²³⁷ Там же p. 19.

в октябре 1862 г. бездействовало 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Эти цифры относятся ко всей данной отрасли промышленности и, разумеется, сильно варьируют по отдельным округам. Только очень немногие фабрики работали полное время (60 часов в неделю), остальные фабрики работали с перерывами. Даже для тех немногих рабочих, которые работали полное время вследствие замены лучших сортов хлопка худшими, хлопком Sea Island египетским (в тонкопрядении), американского и египетского — суратом (ост-индским) и чистого хлопком — смесями из хлопковых отбросов и сурата. Более короткое волокно суратского хлопком, его загрязненность, большая ломкость нитей, замена муки при шлихтовании основы более тяжелыми ингредиентами разного рода и т. д., — все это заставляло уменьшать мощность машин или число ткацких станков, которыми управлял один ткач, и вместе с количеством продукта понижало и сделанный заработок. При употреблении сурата и при работе полным временем потерян рабочего достигали 20, 30 и больше процентов. Но большинство фабрикантов и норму сделанной платы понизило на 5, 7 1/2 и 10 процентов. Можно представить поэтому положение тех, кто работал 3, 3 1/2, 4 дня в неделю или только по 6 часов в день. В 1863 г., после того, как уже наступило относительное улучшение, заработная плата ткачей, прядильщиков и т. д. составляла 3 ш. 4 п., 3 ш. 10 п., 4 ш. 6 п., 5 ш. 1 п., и т. д. в неделю²³⁸. Даже при таком положении страданий положение изобретательность фабрикантов по части вычетов из заработной платы не замирала. Они представляли отчасти штраф за недостаток продукта, которые обуславливались плохим хлопком, неудовлетворительными машинами и т. д. Когда же фабрикант был и собственником коттэджей [домиков] рабочих, он сам уплачивал себе квартирную плату, производя вычеты из номинальной заработной платы. Фабричный инспектор А. Redgrave рассказывает о selfacting minders (они управляли двумя автоматическими мюльями каждый), которые открывали, что «к концу 14-дневной полной работы они заработали 8 ш. 11 п.; из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант однако возвращал в виде премии, так что мюльщики приносили домой целых 6 ш. 11 п. Недельная плата selfacting minders во многих местах колебалась между 9 ш. и 9 ш., а недельная плата ткачей в последние месяцы 1862 г. составляла с 2 ш. 6 п.»²³⁹. Квартирная плата нередко вычиталась из заработной платы даже в тех случаях, когда руки работали лишь короткое время²⁴⁰. Неудивительно, что в некоторых частях Ланкашира разразилось нечто в роде голодного тифа! Но характернее всего этого было обстоятельство, что революционизирование процесса производства совершалось на счет рабочего. Это были настоящие experiments in corpore [опыты на живых телах, не имеющих ценности], как эксперименты восточными на лягушках. «Хотя я, — говорит фабричный инспектор Redgrave, — не могу думать, что они еженедельно получают эту сумму. Положение рабочих характеризуется величайшим колебанием вследствие постоянного экспериментиро-

²³⁸ «Report etc. for 31-st October 1865», p. 41—45.

²³⁹ «Report etc. for 31-st October 1863», p. 41, 42.

²⁴⁰ Там же, p. 51.

вания («experimentalizing») фабрикантов... их заработки повышаются и понижаются в зависимости от качества смеси хлопка: то они на 15% уступают их прежним заработкам, то — в следующую или во вторую неделю падают на 50 — 60%»²⁴¹. Эти эксперименты производились не только на счет средств существования рабочих. Рабочие должны были расплачиваться всеми своими пятью чувствами.

«Люди, занятые переработкой суратского хлопка, обращаются со многими жалобами. Они сообщали мне, что при вскрытии хлопка распространяется невыносимый запах, который доводит их до обморочного состояния... Запахом при смешивании хлопка и в чесальных отделениях вылетающая пыль и грязь раздражает дыхательные пути, вызывает кашель и одышку... Вследствие короткости волокна к пряже при шпиктовании присоединяется большое количество клейстера, притом это — всевозможные животные и растительные суррогаты муки, применявшейся раньше. Отсюда тошнота и болезни пищеварительных органов у ткачей. Бронхит — распространенная болезнь вследствие пыли, равно как и воспаление горла; далее, болезни кожи вследствие раздражения ее от грязи, заключающейся в сурате».

С другой стороны суррогаты, заменяющие муку, представляли превосходный источник для наживы господ фабрикантов, потому что они увеличивали вес пряжи. Они приводили к тому, что 15 ф. сырого материала, превращенные в пряжу, весили 26 ф.²⁴²

В отчете фабричных инспекторов от 30 апреля 1864 г. мы читаем: «Промышленность пользуется теперь этим вспомогательным ресурсом почти в неприличных размерах. От авторитетного лица я знаю, что 8-фунтовая ткань готовится из 5 1/4 ф. хлопка и 2 3/4 ф. шпикта. В другой 5 1/4-фунтовой ткани заключается два фунта шпикта. Это — обыкновенные шерстинги для экспорта. В другие сорта иногда прибавляется 50% шпикта, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно похваляются, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоить заключающаяся в них пряжа»²⁴³. Но рабочим приходилось страдать не только от экспериментов фабрикантов на фабриках и муниципалитетов вне фабрик, не только от понижения заработной платы и от безработицы, от нищеты и беднячек, от хвалебных речей лордов и коммюнеров. «Несчастные женщины, с самого начала лишившиеся работы вследствие хлопкового голода, сделались отбросом общества и остались таковыми... Теперь дела опять оживились, и работа имчети в изобилии, но они остались членами этого злополучного класса и по всей вероятности и впредь останутся в нем. Число молодых проституток в городе увеличилось теперь больше, чем когда-либо наблюдалось за последние 25 лет»²⁴⁴.

Итак, в первые 45 лет английской хлопчатобумажной промышленности, с 1770 по 1815 г., мы видим только 5 лет кризиса и застоя, но это был период ее мировой монополии. Второй 48-летний период, с 1815 по 1863 г., насчитывает только 20 лет оживления и процветания на 28 лет угнетенного положения и застоя. В 1815—1830 гг. начинается конкуренция с континентальной Европой и Соединенными штатами. С 1833 г. созданы

²⁴¹ Там же, р. 50, 51.

²⁴² Там же, р. 62, 63.

²⁴³ «Reports etc. for 30-th April 1864», р. 27.

²⁴⁴ Из письма Chief Constable Harris в Больтоне, в «Reports of Insp. Fact. for 31-st October 1865», р. 61, 62.

...плотное расширение азиатских рынков посредством «разрушения человеческого рода» [массовое уничтожение индийских ручных ткачей]. С помощью хлебных законов, с 1846 по 1863 г., на восемь лет посредством жизни и процветания приходится 9 лет угнетенного состояния и востоя. О положении взрослых хлопчатобумажных рабочих-мужчин, даже в период процветания, можно судить на основании примечания, приводимого

М. Революционизирование мануфактуры, ремесла и домашнего производства крупной промышленностью

Уничтожение кооперации, основанной на ремесле и разделении труда

Мы видели, как машины уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер. Примером первого рода может служить жатвенная машина, которая замещает кооперацию жнецов. Поразительным примером второго рода является машина для фабрикации швейных иглол. По Адаму в одну минуту 10 человек, пользуясь разделением труда, в его время приготавливали 100 000 иглол в день. Напротив, одна машина в 11-часовой рабочий день дает 450 000 иглол. Одна женщина или девушка наблюдает в среднем за 4 такими машинами и, следовательно, производит, пользуясь ими, до 600 000 иглол в день, или более 3 000 000 в неделю²⁴⁶. Когда отдельная рабочая

В одном воззвании хлопчатобумажных рабочих, весной 1863 г. обращенном к образованию эмиграционного общества, между прочим говорится: «Лишь немногие станут отрицать, что в настоящее время абсолютно необходима эмиграция большого числа фабричных рабочих. А следующие факты доказывают, что во все времена был необходим постоянный отток эмиграции, и что без него нам невозможно при обычных обстоятельствах поддерживать наше положение: в 1814 г. официальная стоимость (исчисленная просто показателем количества) вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 17 665 378 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — 20 070 824 ф. ст. В 1858 г. официальная стоимость вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 182 221 681 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — только 43 001 312 ф. ст., так что удешевление количества вызвало лишь немного больше, чем удвоение цены. Этот результат, столь вопиющий для страны вообще и для фабричных рабочих в особенности, обусловлен стечением различных обстоятельств. Одно из наиболее бросающихся в глаза заключается в постоянном удешевлении труда, необходимом для данной отрасли промышленности, которая, в результате уничтожения, требует постоянного расширения рынка. Следовательно, что наши хлопчатобумажные фабрики прекращают работу вследствие одного из тех периодических застоев в торговле, которые, при современном строе, столь же неизбежны, как сама смерть. Но это не останавливает человеческой изобретательности. Хотя, по самой низкой оценке, в течение за последние 25 лет оставило 6 миллионов, однако даже в эпохи настоящего процветания огромный процент взрослых мужчин не в состоянии найти на фабриках какую бы то ни было работу и на каких бы то ни было условиях; это — следствие постоянного вытеснения труда с целью удешевления продукта» («Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1863», p. 11, 62). В одной из следующих глав мы увидим, как во время хлопчатобумажной катастрофы господа фабриканты старались всевозможными методами, даже при содействии государственной власти, воспрепятствовать оттоку фабричных рабочих.

«Children's Employment Commission. 4-th Report 1864», p. 108, n. 447.

машина замещает кооперацию или мануфактуру, она в свою очередь может сделаться базисом нового ремесленного производства. Однако это возрождение ремесленного производства на базисе машины является лишь переходом к фабричному производству, которое и на самом деле обыкновенно появляется с того момента, когда человеческие мускулы при движении машины заменяются какой-либо механической двигательной силой, — паром или водой. Спорадически, и во всяком случае лишь на короткое время, мелкое производство может связать себя с механической двигательной силой посредством найма пара, как наблюдается на некоторых мануфактурах в Бирмингеме, посредством применения мелких калорических машин, как в некоторых отраслях ткацкого дела и т. д.²⁴⁷ В шелкоткачестве Ковентри стихийно сложился эксперимент с «cottage-» фабриками, фабриками-коттэджами [фабриками в жилых домиках, — по-английски коттэджах. — К.]. В центре рядов коттэджей, образующих квадрат, строится так называемый engine house [здание для машин] для паровой машины, которая посредством валов соединяется с ткацкими станками в коттэджах. Все они нанимали пар, шпир по 2½ ш. на ткацкий станок. Эта рента за пар увеличивалась каждую неделю независимо от того, работали станки или нет. В каждом коттэдже помещалось 2—6 ткацких станков, принадлежащих рабочим, на купленных в кредит, или нанятых на время. Борьба между коттэджом-фабрикой и собственно фабрикой продолжалась более 12 лет. Она окончилась полным разорением этих 300 коттэджей-фабрик²⁴⁸.

В тех случаях, когда природа процесса не обуславливает с самого начала производства в крупном масштабе, как, напр., производство конвертов, стальных перьев и т. д., эти отрасли промышленности, поднявшиеся в последние десятилетия, обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство как короткие переходные фазы к фабричному производству. С наибольшими затруднениями протекает этот метаморфоз в тех случаях, когда мануфактурное производство продукта представляет не последовательный ряд преемственно связанных между собою процессов, а множество неоднородных процессов. Это является, напр., крупным препятствием для развития фабрики стальных перьев. Однако уже почти полтора десятка лет тому назад [перед 1867 г., следовательно, в начале пятидесяти годов. — К.] был изобретен автомат, который разом выполняет 6 разнообразных процессов. В 1820 г. первые стальные перья производились ремесленно по 7 ф. ст. 4 ш. за гросс [двенадцать дюжин], мануфактура производила их в 1830 г. по 8 ш., а фабрика в настоящее время представляет их оптовым торговцам по 2—6 п.²⁴⁹

²⁴⁷ В Соединенных штатах подобное воспроизведение ремесла на фабричном базисе встречается нередко. И как раз по этой причине концентрация, сопряженная с неизбежным переходом к фабричному производству совершается там семимильными шагами по сравнению с Европой и даже Англией.

²⁴⁸ Сравни. «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 64.

²⁴⁹ Г-н Gillot основал в Бирмингеме первую мануфактуру стальных перьев в крупном масштабе. Уже в 1851 г. она производила больше 10 миллионов перьев и потребляла в год 120 тонн стальных листов. Бирмингем, монополизировавший эту отрасль промышленности в Соединенном королевстве, производит в настоящее время миллиарды стальных перьев в год. Число занятых лиц по переписи 1861 г. составляло 1428, в том числе 1268 работниц, начиная с 5-летнего возраста.

В) Обратное влияние фабрики на мануфактуру и домашнее производство

С развитием фабрики и сопровождающего его переворота в земледелии не только расширяются размеры производства во всех остальных отраслях промышленности, но вместе с тем изменяется и их характер. Принцип машинного производства, заключающийся в том, чтобы разлагать процесс производства на его составные фазы [отдельные частичные процессы, из которых он складывается] и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. д., коротко говоря, при посредстве естественных наук, повсюду приобретает решающее значение. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Таким образом прочный, откristаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого разделения труда, разлагается и подвергается непрекращающимся переменам. Да и помимо того в составе совокупного рабочего или комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, коротко говоря, «cheap labour», дешевого труда по характерному английскому выражению. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой современной домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая современная домашняя промышленность, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она претерпела во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он посредством невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Пример: фабрика сорочек гг. Tille в Лондондерри, в Ирландии, с 1000 фабричных рабочих и 9000 домашних рабочих, рассеянных в деревне ²⁵⁰.

Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемом домашнем труде эксплуатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разделением, и потому что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или по крайней мере мануфактурным производством той же самой отрасли, бедность ухудшает у рабочего необходимейшие условия труда, — просторное поме-

²⁵⁰ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. LXVIII, n. 44b.

щенце, свет, вентиляцию и т. д., — нерегулярность занятий растет и, наконец, потому что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума.

Первые систематически выработанное машинным производством экономизирование [бережливое расхождение] средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда

с) Современная мануфактура

На нескольких примерах я поясню приведенные выше положения. В сущности читатель уже знает многочисленные иллюстрации из отдела о рабочем дне. Металлургические мануфактуры в Бирмингеме и окрестностях на работы, по большей части очень трудные, применяют 30 000 детей и подростков и 10 000 женщин. Мы встречаем их здесь в антигигиенических меднолитейных заведениях, фабриках пуговиц, глазировальных, гальванико-пластических и лакировочных заведениях²⁵¹. Чрезмерный труд для взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям почетное прозвище «бойни»^{251a}. В книжных брошюровочных такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних в канатных заведениях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах, в шелкоткацких заведениях, которые не пользуются механической двигательной силой, убийственное применение детского труда для вращения ткацких станков²⁵². Одна из наиболее отвратительных, грязных и плохо оплачиваемых работ, для которых преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит средоточием тряпичной торговли всего мира. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию, — Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье служит для удобрения, фабрикации кнопа (для набивки постелей), Shoddy (искусственной шерсти) и как сырой материал для производства бумаги. Эти женщины, сортировщицы тряпья, служат посредницами по распространению оспы и других заразных болезней, нервными жертвами которых являются они сами. Классическим примером чрезмерного труда, тяжелого и неподходящего труда, и связанного с ним огрубения рабочих, которые потребляют

²⁵¹ И даже в шлифовании напильков в Шеффилде заняты дети!

^{251a} «Children's Employment Commission. 5-th Report 1866», p. 3, n. 24, p. 6, n. 55, 56, p. 7, n. 59, 60.

²⁵² Там же, p. 114, 115, n. 6, 7. Член комиссии справедливо замечает, что если машина вообще замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

²⁵³ См. отчет о торговле тряпьем и многочисленные иллюстрации в «Public Health, 8-th Report». London 1866. Appendix, p. 196 — 208.

самого юного возраста, могут служить кроме рудников и угольных копей кирпичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1867 г.) лишь в единичных случаях. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если кирпич производится на вольном воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6 и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как взрослые, часто больше взрослых. Труд суровый, а летний зной еще увеличивает истощение. Напр. на кирпичном заводе в Mosley одна 23-летняя девушка выделывала 2000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким краям ямы, с глубины в 30 футов, и переносили ее на расстояние 210 футов. «Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им приходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на последующее время в беспутных, отверженных, распутных людей... Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик, собственно искусный рабочий и глава группы рабочих) дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттедже. В этой хижине спят мужчины, подростки и девушки независимо от того, принадлежат они к семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 комнат, все на одном уровне с землей, с недостаточной вентиляцией. Тело настолько истощено суровым трудом в течение дня, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работы этого рода, заключается в том, что они обыкновенно с самого детства на всю свою жизнь привязываются ею к самым отверженным отребьям. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек (rough, foul-mouthed boys). Одетые в скудное грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат растянувшись на лугах или подсматривают за подростками, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый дневной труд, они одевают платки полущие и сопровождают мужчин в кабаки и пивные». Что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство, это вполне естественно. Хуже всего, что кирпичники отчаиваются в самих себя. «Вы, сэр, — сказал один из лучших между ними каплану в Southallfield, — с одинаковым успехом могли бы попытаться поднять и исправить дьявола, как и кирпичника!» («You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!»)²⁵⁴.

Относительно капиталистического экономизирования условий труда в современной мануфактуре (под которой здесь следует подразумевать все крупные

²⁵⁴ «Children's Employment Commission. 5-th Report 1866», p. XVI, n. 40, 07, p. 130, n. 30, 61. Сравни также там же, 3-rd Report 1864, p. 48, 56.

мастерские, за исключением собственно фабрик) богатейший официальный материал можно найти в четвертом (1861 г.) и шестом (1864 г.) «Public Health Report». Описание workshops (мастерских), особенно у лондонских типографчиков и портных, превосходит по отвратительности все, что могла дать фантазия наших романистов. Влияние на здоровье рабочих понятно само собою. Д-р Simon, старший медицинский чиновник Privy Council и официальный редактор «Public Health Report», говорит между прочим: «В моем четвертом отчете (1863 г.) я указывал, до какой степени практически невозможно для рабочих отстоять свое первое право, — право на здоровье, — стоять на том, чтобы, для каких бы работ ни собрал их хозяин, работа, поскольку это зависит от него, была освобождена от всех устранимых антигигиенических обстоятельств. Я показал, что в то время как рабочие практически не в состоянии добиться своими силами осуществления этого права на здоровье, они не могут достигнуть действительной помощи и со стороны центральных чинов санитарной полиции... Жизнь десятков тысяч рабочих и работниц в настоящее время без нужды калечится и сокращается бесконечными физическими страданиями, которые порождаются тем простым фактом, что они работают»²⁵⁵. Для иллюстрации влияния мастерских на состояние здоровья рабочих д-р Simon дает следующую таблицу смертности²⁵⁶:

Отрасли промышленности в их отношении к здоровью	Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Норма смертности на 100 000 человек в соответствующих отраслях промышленности (по возрастам)		
		25—35 л.	35—45 л.	45—55 л.
Земледельцы в Англии и Уэльсе . . .	958 265	743	805	1 145
Лондонские портные . . .	{ 22 301 мужчины } { 12 379 женщины }	958	1 262	2 098
Лондонские печатники .	13 803	894	1 747	2 367

д) Современный домашний труд

Теперь я обращаюсь к так называемому домашнему труду. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации для капитала, идущей сзади крупной промышленности, и об ее чудовищности,

²⁵⁵ «Public Health. 6-th Report. London 1864», p. 31.

²⁵⁶ Там же, p. 30. Д-р Simon отмечает, что смертность лондонских портных и печатников 25 — 35-летнего возраста в действительности много выше, так как лондонские предприниматели получают из деревни большое количество молодых людей до 30-летнего возраста в качестве «учеников» и «improvers» (желающих усовершенствоваться в своем ремесле). Фигурируя по переписям в качестве лондонцев, они раздувают то число душ, и

можно было бы рассмотреть, напр., повидимому, совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии ²⁵⁷. Здесь достаточно будет остановиться на нескольких примерах таких отраслей кружевного и соломоплетного производства, в которых еще вовсе не применяются машины, или которые конкурируют с машинами и мануфактурным производством.

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, почти на 10 000 распространяется действие фабричного закона 1861 г. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоих пола, причем, впрочем, мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей сводки д-ра Trueman'a, врача при General Dispensary в Ноттингеме ^{257а}. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17 — 24 лет, чахоточных было ²⁵⁸:

1852 г. 1 на 45	1856 г. 1 на 15	1859 г. 1 на 9
1853 » 1 » 28	1857 » 1 » 13	1860 » 1 » 8
1854 » 1 » 17	1858 » 1 » 15	1861 » 1 » 8
1855 » 1 » 18		

Этот прогресс цифры чахоточных должен удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный закон 1861 г. регулирует собственно плетение кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь вкратце остановимся — и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д. — распадутся: 1) на *finishing* (последняя отделка кружев, фабрикуемых машинным способом; эта категория в свою очередь охватывает многочисленные подразделения), и иллотские кружева.

Finishing производится как домашний труд в так называемых «*mistresses houses*» [дома хозяек, мастериц] или в частных квартирах женщин, которые работают в одиночку или со своими детьми. Женщины, которые содержат «*mistresses houses*», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев фабрик и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, 6 лет, однако некоторые начинают работать раньше 6 лет. Рабочее время обыкновенно продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера, с 1½-часовым перерывом для принятия пищи; последнее нерегу-

лярно исчисляется смертность в Лондоне, хотя дают сравнительно меньшее число смертных случаев в Лондоне. Значительная часть из них, особенно в случае тяжелых заболеваний, возвращается в деревню (там же).

Здесь речь идет о кованых гвоздях в отличие от резаных гвоздей, фабрикуемых машинным способом. См. «*Children's Employment Commission Report*», р. XI, XIX, п. 125—130, р. 53, п. 11, р. 114, п. 487, р. 137, п. 674. Полликлиника, бесplatно предоставляющая для бедных врачебную помощь и лекарства. — К.

«*Children's Employment Commission. 2-nd Report*», р. XXII, п. 166.

лярно, часто приходится есть в этих же вонючих рабочих вертепах. При рошем положении дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи.

В английских казармах предписываемая емкость составляет 500 — кубических футов на каждого солдата, в военных лазаретах — 1200. А в этих дырах для труда приходится 67 — 100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает кислород воздуха. Чуть держат кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки, даже зимой, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича. «Для Ноттингема ничего необычного в том, что 14 — 20 детей запрягают в одну маленькую комнату, быть может, не более 12 футов в квадрате, и заставляют их по 15 часов в сутки проводить за работой, которая и сама по себе истощает тоскливостью и монотонностью, да и ведется при таких антисанитарных условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и быстротой, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не поднимают глаз от работы, опасаясь потерять хотя бы один момент». «Длинная палка» служит для «mistresses» средством подгонять детей тем более, чем больше удлиняется рабочее время. «Дети мало-по-малу утомляются и становятся беспомощными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела. Это — настоящий рабский труд» («Their work like slavery») ²⁵⁹. Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле этого слова — в нанятой комнате, положение еще хуже, если это только возможно. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок-работавший в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, по дороге ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Клановый лирический фарисей, в лице одного из своих наемных холопов, конечно, сопровождает это умилильной фразой: «это для матери», хотя очевидно хорошо знает, что бедному ребенку тоже придется усесться и поминать мать ²⁶⁰.

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии, в кружевном округе Noniton'a, на протяжении 20 — 30 миль вдоль южного берега Девоншира, включая сюда и многие места Северного Девона, и в другом округе, который охватывает значительную часть графства Букингэма, Bedford'a, Нортгэмитона и соседние части Оксфордшира и Гентингдоншира. Коттэджи земледельческих батраков являются в общем в то же время и мастерскими. Некоторые мануфактурные предприятия применяют более 3000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова встречаются условия, описанные в связи с lace finishing. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» выступают так называемые «lace schools» (школы кружев), которые содержат бедные женщины в своих хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12 — 15-летнего работают дети в

²⁵⁹ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. XI
XX, XXI.

²⁶⁰ Там же, p. XXI, XXVI.

школах, — в первый год самые маленькие по 4 — 8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8 — 10 часов вечера. «Комнаты, вообще говоря, обычные шилые каморки маленьких коттеджей, камин законопачен в предотвращение дыма, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной животной теплотой. В других случаях комнаты этих так называемых школ — помещения, похожие на маленькие чуланы, без приспособления для отоплений... Переполнение этих лагут и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стонов, отхожих мест, преюющих веществ и других нечистот, — обычного явления при входах в мелкие коттеджи». Относительно помещений: «В одной школе кружев 18 девушек и мастерица, 35 кубических футов на каждого человека; в другой, где вонь невыносима, 18 человек, по 24½ кубических футов на человека. Бывает, что в этой отрасли промышленности заставляют работать детей в 2½ лет»²⁶¹.

Там, где в сельских графствах Букингэма и Бедфорда нет плетения кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Гертфордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. плетением соломы и производством соломенных шляп было занято 40 043 человека, из них 3815 мужского пола всевозможных возрастов, остальных — женского пола, из них 14 913 до 20 лет, в том числе около 7000 детей.

Вместо школ кружев здесь появляются «straw plait schools» (школы плетения из соломы). Дети начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «parish schools» (естественные школы) в отличие от этих крошечных школ «workhouse schools», в которых их держат за работой просто для того, чтобы заставить их приготовить урок, заданный их полуголодными матерями и составляющий обыкновенно 30 ярдов в день. Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и ноги, которым они постоянно смачивают ее. Согласно общему мнению медицинских чиновников Лондона, резюмированному д-ром Ballard'ом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для сна и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в кружевных школах: 12⅔, 17, 18½ и меньше 22 кубических футов на человека. Многие из этих чисел, — говорит член комиссии White, — представляют меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, заключенный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям». Такую работу вынуждают делать дети до 12 — 14-летнего возраста. Бедные, опустившие родители только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно больше. Выросши, дети естественно не ставят родителей ни в грош и оставляют их. «Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеют незаконных детей, многие становятся матерями в таком незрелом возрасте, что перед лицом фактов останавливаются в изумлении даже знатоки уголовной статистики»²⁶². И родина этих образцовых семей — образцовая христианская

²⁶¹ Там же, р. XXIX, XXX.

²⁶² Там же, р. XL, XLI.

страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (исключительно высокая плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 ш.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-системы [расплаты товарами], получившей всеобщее распространение и особенности в округах с кружевным производством²⁶³.

е) Переход от современной мануфактуры и домашнего труда к крупной промышленности. Ускорение этой революции распространением фабричных методов на эти способы производства

Удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, посредством простого лишения труда всех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, посредством жестокой эксплуатации чрезмерного и ночного труда, в конце концов наталкивается на известные естественные границы, которых невозможно переступить, а вместе с тем наталкивается на эти границы построенное на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — бьет час введения машин и быстрого с этого момента превращения рассеянного домашнего труда (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый колоссальный пример этого движения дает производство «wearing apparel» [принадлежностей одежды]. По классификации «Children's Employment Commission» эта отрасль промышленности охватывает производителей соломенных и дамских шляп и колпаков, портных, milliners и dressmakers²⁶⁴, белошвеек и швей, корсетниц, перчаточниц, башмачников и кроме того многие мелкие отрасли, как, напр., фабрикация галстуков, воротничков и т. д. Женский персонал, занятый в этих отраслях промышленности Англии и Уэльса, составлял в 1861 г. 586 298, в том числе по меньшей мере 115 242 моложе 20 лет, 16 650 моложе 15 лет. Число этих работниц в Соединенном королевстве (1861 г.) 750 334. Число работников-мужчин, занятых в том же году в шляпном, башмачном, перчаточном и портновском производстве Англии и Уэльса, 437 969, в том числе 14 964 моложе 15 лет, 89 285 от 15 до 20 лет, 333 117 старше 20 лет. В этих данных отсутствуют многие относящиеся сюда сравнительно мелкие отрасли. Но если мы возьмем приведенные сейчас цифры, по переписи 1861 г., то лишь для Англии и Уэльса получится общая сумма в 1 024 267 человек, т. е. почти столько же, сколько занято земледелием и скотоводством. Мы начинаем понимать, для чего машины производят такую чудовищную массу продуктов и таким образом содействуют «освобождению» столь огромных масс рабочих.

Производство «wearing apparel» ведется в мануфактурах, просто или производящих у себя то разделение труда, membra disjecta [разрозненные]

²⁶³ «Children's Employment Commission. 1-st. Report 1863», p. 185.

²⁶⁴ Millinery — производство собственно головных уборов, но так же и дамских накидок и мантилий; dressmakers тождественны с нашими модистками.

часы] которого они находят уже готовыми; ведется мелкими ремесленными мастерами, которые однако работают уже не на отдельных потребителей, как раньше, а на мануфактуры и магазины, так что часто целые города и местности занимаются в качестве своей особой специальности такими отраслями производства, как, напр., сапожное дело и т. д., наконец производство «weaving apparatus» ведется в огромной степени так называемыми домашними рабочими, которые образуют внешние отделения мануфактур, магазинов и даже сравнительно мелких мастеров ²⁶⁵.

Массы материала труда, сырого материала, полуфабрикатов и т. д. доставляет крупная промышленность, масса же дешевого человеческого материала (*available à merci et miséricorde*, — отданного на милость и гнев) состоит из «влюбленных» крупной промышленностью и земледелием. Мануфактуры этой отрасли промышленности обязаны своим возникновением преимущественно потребности капиталистов иметь у себя под рукой готовую армию, которая могла бы приспособляться ко всякому движению спроса ²⁶⁶. Однако эти мануфактуры допускали рядом с собой дальнейшее существование разрозненного ремесленного и домашнего производства как своего широкого приложения.

Производство крупной прибавочной стоимости в этих отраслях труда, и в то же время прогрессивное удешевление производимых ими товаров, обусловлено преимущественно минимальными размерами заработной платы, едва лишь достаточной для жалкого прозябания и связанной с едва лишь возможным для человека максимумом рабочего времени. Как раз дешевизна человеческого пота и человеческой крови, превращаемых в товары, — вот что постоянно расширяло и каждый день расширяет рынок сбыта, для Англии в частности и колониальный рынок, на котором и без того царствуют английские франки и вкус. Наконец наступил поворотный пункт. Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала, в большей или меньшей мере воспроизводившаяся систематически развитым разделением труда, оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром росте конкуренции между капиталистами. Пробил час машины. И машиной, которая сыграла революционную роль, машиной, которая равномерно охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, напр., производство модных вещей, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как и машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устранились. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с домашними рабочими, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» (*the poorest of the poor*). Заработная плата находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать

²⁶⁵ Английские millinery и dressmaking ведутся обыкновенно в помещениях предпринимателей, отчасти живущих в них наемными работницами, отчасти живущими на стороне поденщицами.

²⁶⁶ Член комиссии White посетил одну мануфактуру военного платья, в которой было занято 1000 — 1200 человек, почти все женского пола, одну швейную мануфактуру с 1300 рабочих, из которых почти половина дети проститутки, и т. д. («Children's Employment Commission. 2-nd Report», p. XVII, n. 319).

машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно вуншки и молодые женщины. При содействии механической силы они удушают монополию мужского труда в более тяжелых работах и вытесняют массы старых женщин и малолетних детей из области более легких работ. Непреодолимая конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, работающих руками. Ужасный рост числа случаев голодной смерти (death from starvation) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья²⁶⁷. Новые работницы, работающие за швейной машиной, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, смотря по тяжести, величине и особому характеру машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно она короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, напр. при производстве башмаков, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает антигигиеническое влияние. «Впечатление, — говорит член комиссии Лорд, — которое испытываешь при входе в низкие мастерские, в которых одновременно работает за машинами по 30—40 человек, невыносимо... Жара, отчасти вызываемая газовыми печами для разогревания утюгов, ужасна... Даже в тех случаях, когда в таких мастерских установлено так называемое умеренное рабочее время, т. е. с 8 часов утра до 6 часов вечера, каждый день 3—4 человека обыкновенно падают в обморок»²⁶⁸.

Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт переворота в средстве производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм. Они изменяются в зависимости от того, в какой мере и насколько давно швейная машина уже захватила ту или иную отрасль промышленности; изменяются в зависимости от положения, в каком перед тем находились рабочие, от преобладания мануфактурного, ремесленного или домашнего производства, от наемных плат за мастерские и т. д.²⁶⁹. Напр. в области производства модных товаров, где труд по большей части уже был организован, преимущественно в форме простой кооперации, швейная машина является сначала лишь новым фактором мануфактурного производства. В портняжном промысле, производстве сорочек, башмаков и т. д. переорганизуются все формы. Здесь — собственно фабричное производство. Там посредники получают сырой материал от главного капиталиста и группируют в «каморках» и «мансардах» по 10—50 и более наемных рабочих при швейных машинах. Наконец, как это вообще бывает со всеми машинами, насколько они не образуют стройной, расчлененной системы и могут применит-

²⁶⁷ Вот пример: 26 февраля 1864 г. недельный отчет о смертности Registrar General указывает 5 случаев голодной смерти. В тот же день «Times» сообщает о новом случае голодной смерти. Шесть жертв голодной смерти одну неделю!

²⁶⁸ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. LXVII p. 406—9, p. 84, n. 124, p. LXXIII, n. 441, p. 66, n. 6, p. 84, n. 126, p. 85, p. 76, n. 69, p. LXXII, n. 483.

²⁶⁹ «Наемная плата за мастерские является, повидимому, обстоятельством, которое — как и следовало ожидать, в особенности в столицах — в конечном счете имело определяющее значение в том направлении, что старая система раздачи работы мелким предпринимателям и семействам удерживалась дольше всего и восстанавливалась быстрее всего» (там же p. 83, n. 123). Последняя фраза относится исключительно к башмачному промыслу.

в карликовых размерах, ремесленники или домашние рабочие, при помощи своей семьи или немногих посторонних рабочих, применяют принадлежащую им самим швейные машины²⁷⁰. В Англии в настоящее время фактически преобладает такая система, при которой капиталист концентрирует в своих помещениях сравнительно значительное число швейных машин, а для дальнейшей обработки распределяет машинный продукт между целой армией домашних рабочих²⁷¹.

Пестрота переходных форм не скрывает, однако, тенденции к превращению в собственно фабричное производство. Тенденция эта питается самым характером швейной машины, — разнообразие способов ее применения толкает к соединению разделенных ранее отраслей производства в одном помещении, под командой одного капитала; питается, далее, тем обстоятельством, что предварительное шивание и некоторые другие операции целесообразнее всего производить там, где находится машина; наконец в том же направлении действует неминуемая экспроприация [лишение собственности] ремесленников и домашних рабочих, которые производят при помощи собственной машины. Эта судьба постигла их отчасти уже в настоящее время. Постоянный рост массы капитала, вложенного в швейные машины²⁷², служит стимулом для расширения производства и порождает на рынке застои, которые заставляют домашних рабочих продавать свои швейные машины. Перепроизводство самих швейных машин побуждает производителей, нуждающихся в сбыте, отдавать их напрокат за недельную плату и таким образом создает губительную конкуренцию для мелких собственников машин²⁷³. Все еще не прекращающиеся постоянные перемены и удешевление машин столь же постоянно обесценивают старые экземпляры, благодаря чему прибыльно применять последние могут только крупные капиталисты, покупающие их массами по баснословно низким ценам.

Наконец, как и во всех подобных процессах переворота, решающее значение и здесь принадлежит замене человека паровой силой. Применение паровой силы наталкивается вначале на такие чисто технические препятствия, как сотрясание машин, затруднение в урегулировании их скорости, быстрое порча более легких машин и т. д., — все препятствия, с которыми практика скоро научается справляться²⁷⁴. Если, с одной стороны, концентрация многих рабочих машин в сравнительно крупных мануфактурах побуждает к применению паровой силы, то, с другой стороны, конкуренция паровыми мускулами человека ускоряет концентрацию рабочего персонала и рабочих машин на больших фабриках. Так, напр., в Англии колоссальные сферы производства «wearing apparel» [промышленность по производству готового платья], равно как и большая часть других производств, переживают в настоящее время революцию перехода мануфактуры, ремесла и домашнего труда в фабричное производство, но еще раньше этого перехода все упомянутые формы

²⁷⁰ Такого нет в перчаточном и т. п. производствах, в которых положение рабочих едва отличается от положения пауперов.

²⁷¹ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. 2, n. 122.

²⁷² В Лейстере, в одном сапожно-башмачном производстве, работающем на оптовую продажу, уже в 1864 г. применялось 800 швейных машин.

²⁷³ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. 84, n. 124.

²⁷⁴ Напр. в военно-обмундировочном депо в Pimlico (Лондон), на фабрике сорочек Tillie и Henderson в Лондондерри, на фабрике платья фирмы Tait & Лимерике, применяющей до 1200 «рук».

под воздействием крупной промышленности совершенно изменились, разломались, исказились и давным-давно воспроизвели и даже превзошли все бедность фабричной системы, не усвоив ее положительных моментов, моментов развития ²⁷⁵.

Это стихийно совершающаяся промышленная революция искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование рабочего дня со стороны продолжительности, перерывов, момента начала и окончания, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д., с одной стороны, побуждают к усиленному применению машин ²⁷⁶ и к замене мускулов как двигательной силы паром ²⁷⁷, а с другой стороны, с целью выиграть на помещении то, что теряется во времени, происходит расширение средств производства, подлежащих общему использованию, печей, построек и т. д., коротко говоря, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим уплотнение рабочих. Каждый раз, когда мануфактуре угрожает применение фабричного закона, страстно повторяется в сущности одно и то же главное возражение: необходимо будет затрата большого капитала для того, чтобы при подчинении фабричному закону продолжать дело в старых размерах. Что касается промежуточных форм между мануфактурой и домашним трудом и отсюда последнего, то с ограничением рабочего дня и детского труда они утрачивают почву. Безграничная эксплуатация дешевой рабочей силы составляет единственный базис их способности к конкуренции.

Существенным условием фабричного производства, в особенности с того времени, как на него распространяется урегулирование рабочего дня является обеспеченность нормального результата, т. е. уверенность в том, что в данный промежуток времени будет произведено определенное количество товара или достигнут желательный полезный эффект. Далее, установленные законом перерывы урегулированного рабочего дня предполагают, что внезапные и периодические остановки труда возможны без вреда для продукта,

²⁷⁵ «Тенденция к фабричной системе» (там же, р. LXVII). «Все производство находится в настоящее время в переходном состоянии и подвергается таким же переменам, как совершившиеся в кружевном производстве ткацком и т. д.» (там же, п. 405). «Полная революция» (там же, р. XI.VI п. 318). В эпоху «Children's Employment Commission» 1840 г. чулочное производство оставалось еще ручным трудом. С 1846 г. вводятся рукообразные машины, которые в настоящее время приводятся в движение паром. Общее число лиц обоего пола и различных возрастов, начиная с 3-летнего, занятых в английском чулочном-вязальном производстве, в 1862 г. почти 119 000. Из этого числа, согласно Parliamentary Return 11 февраля, в 1862 г. фабричному закону было подчинено всего лишь 4063 человека.

²⁷⁶ Так, напр., относительно гончарного производства фирма Cochrane «Britain Pottery, Glasgow» сообщает: «Чтобы удержать прежние размеры производства, мы прибегли к усиленному применению машин, при которых работают неквалифицированные рабочие, и каждый день мы убеждаемся в том, что можем производить большее количество продукта, чем при старом методе» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», р. 13). «Фабричный закон действует таким образом, что побуждает к дальнейшему применению машин» (там же, р. 13, 14).

²⁷⁷ Так, напр., после распространения фабричного закона на гончарное производство наблюдается большое увеличение числа механических гончарных станков взамен ручных.

продукта, находящегося в процессе производства. Эта обеспеченность результата и возможность прерывать труд, разумеется, легче осуществимы в чисто механических производствах, чем в таких, в которых известную роль играют химические и физические процессы, как, напр., в гончарном, белильном, красильном, пекарном промыслах, в большинстве металлургических мануфактур. Там, где царствует рутина неограниченного рабочего дня, ночного труда и свободного расточения человеческих сил, во всяком стихийном препятствии скоро начинают видеть «естественную границу» производства. Никакой яд не упитожает быстрее насекомых, чем фабричный закон такие «естественные границы». Никто громче господ из гончарного промысла не кричал о «невозможностях». В 1864 г. им был октроирован фабричный закон, и уже через 16 месяцев исчезли все невозможности.

Вызванные фабричным законом «усовершенствованные методы приготовления гончарной массы (slip) посредством прессовки вместо испарения, новые конструкции печей для просушивания необоженного товара и т. д., — все это события великой важности для гончарного искусства, означающие такой прогресс, равному которому нельзя указать за последнее столетие... Температура печей значительно понижена, при значительном сокращении потребления угля и более быстром действии на товары»²⁷⁸. Вопреки всем пророчествам повысились не издержки производства гончарных товаров, а масса продукта, так что вывоз за 12 месяцев с декабря 1864 г. по декабрь 1865 г. дал прирост стоимости в 138 628 ф. ст. над средней величиной вывоза за три предыдущие года.

В фабрикации зажигательных спичек считалось законом природы, что подростки, даже в то время, когда они проглатывали обед, должны были окунать спички в теплый фосфорный состав, ядовитые пары которого поднимались им в лицо. Принудив экономизировать время, фабричный закон (1864 г.) заставил внести «dipping machine» (машину для опускания спичек в фосфор), пары которой не могут доходить до рабочего²⁷⁹.

Точно так же относительно тех отраслей кружевной мануфактуры, которые еще не подчинены фабричному закону, в настоящее время утверждают, будто время для принятия пищи не может быть здесь регулярным, так как различные материалы для кружев требуют на просушку неодинакового времени, которое колеблется от 3 минут до одного часа и больше. На это члены «Children's Employment Commission» отвечают: «Условия такие же, как в печатании обоев. Некоторые из главных фабрикантов в этой отрасли энергично настаивали на том, что характер применяемых материалов и разнородность процессов, через которые эти материалы проходят, не позволяют, без опасения крупной потери, внезапных перерывов работ для принятия пищи... Согласно пункту шестому отдела шестого Factory Act's, Extension Act's* (1864 г.) им предоставляется после издания этого закона 18-месячный срок, по истечении которого им придется ввести перерывы для отдыха,

²⁷⁸ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 96, 127.

²⁷⁹ Введение этой и других машин на фабрике спичек вызвало в одном из отделений замещение 230 подростков 32 подростками и девушками 14—17 лет. Эта экономия на числе рабочих в 1865 г. была проведена еще дальше посредством применения паровой силы.

* [Закон о распространении фабричного закона на новую отрасль промышленности. — И. С.]

установленные фабричным законом»²⁸⁰. Едва лишь закон был самодвижимо принят парламентом, как господа фабриканты уже открыли: «Неудобства, которых мы ожидали от проведения фабричного закона, не наступили. Мы не находим, чтобы производство сколько-нибудь было ослаблено. В действительности в течение данного времени мы производим больше»²⁸¹. Таким образом английский парламент, которого никто не попрекнет гениальностью, путем опыта пришел к убеждению, что принудительный закон простым предписанием может устранить все так называемые естественные препятствия, которые производство будто бы ставит ограничению и регулированию рабочего дня. Поэтому при проведении фабричного закона в известной отрасли промышленности назначается срок от 6 до 18 месяцев, и уже дело фабриканта позаботиться о том, чтобы за это время устранить технические препятствия. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!» [«Нельзя-можно? Никогда не говорите мне этого глупого слова!»] приобретают особенное значение для современной технологии. Но, доводя таким образом до быстрого, как бы оранжерейного созревания те материальные элементы, которые необходимы для превращения мануфактурного производства в фабричное производство, фабричный закон, вызывая необходимость увеличения затрат капитала, ускоряет в то же время гибель более мелких мастеров и концентрацию капитала²⁸².

Оставляя в стороне чисто технические и технически-устраняемые препятствия, регулирование рабочего дня наталкивается на беспорядочные привычки самих рабочих, в особенности там, где господствует сдельная плата и прогул некоторой доли дня или недели может быть восполнен последующим экстраординарным или почным трудом: метод, притупляющий взрослого рабочего и разрушительно действующий на его малолетних товарищей и на женщин²⁸³. Хотя эта беспорядочность в расходовании рабочей силы представляет естественную грубую реакцию против тоскливой монотонности убийственного труда, однако в несравненно большей степени он вытекает из анархии самого производства, предпосылкой которой в свою очередь является необузданная эксплуатация рабочей силы капиталом. Наряду с общими

²⁸⁰ «Children's Employment Commission. 2-nd Report 1864», p. IX, n. 50.

²⁸¹ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 22.

²⁸² «Надо принять во внимание, что усовершенствования, полностью проведенные в некоторых предприятиях, тем не менее проведены не повсюду и во многих старых производствах не могут быть введены без затрат капитала, превышающих средства многих из их теперешних собственников... Преходящая дезорганизация необходима сопровождается введением фабричного закона. Размеры этой дезорганизации прямо пропорциональны размерам тех зол, которые должен устранить фабричный закон» (там же, p. 96, 97).

²⁸³ В доменных печах, напр., «к концу недели продолжительность работы обыкновенно сильно увеличивается вследствие привычки рабочих понеделничать, а иногда не работать и часть или даже весь вторник» («Children's Employment Commission. 3-rd Report», p. VI). «Часы работы мелких мастеров обыкновенно очень нерегулярны. Они теряют дня 2—3, потом, чтобы наверстать это, работают целую ночь... Они всегда заставляют работать своих детей, если у них есть таковые» (там же, p. VII). «Отсутствие регулярности в начале работы, поощряемое возможностью, — которая осуществляется и на практике, — наверстать это увеличением числа часов работы» (там же, p. XVIII). «Огромная потеря времени в Бирмингеме... безделье в течение одной части времени, каторжный труд до изнеможения — в другой» (там же, p. XI).

периодическими превратностями промышленного цикла и особыми колебаниями рынка для каждой отрасли производства на сцену выступает в особенности так называемый сезон и внезапность больших заказов, которые необходимо выполнить в самое короткое время, причем не имеет значения, обуславливаются ли эти сезонные работы периодичностью времен года, благоприятных для судоходства, или же модой. Внезапные заказы делаются тем обычнее, чем более распространяются железные дороги и телеграф. «Распространение железнодорожной системы по всей стране, — говорит, напр., один лондонский фабрикант, — сильно благоприятствовало обычаю краткосрочных заказов; покупатели из Глазго, Манчестера и Эдинбурга приезжают теперь один раз в 2 недели для оптовых закупок в больших магазинах Сити, которым мы поставляем товары. Вместо того, чтобы покупать на складах, они дают заказы, которые мы должны выполнять немедленно. В прежние годы мы всегда могли во время слабого спроса работать наперед, для удовлетворения спроса следующего сезона, но теперь никто не мог бы предсказать, что тогда будет и спросе»²⁸⁴.

На фабриках и мануфактурах, еще не подчиненных фабричному закону, господствует ужасающий чрезмерный труд: периодически, во время так называемых сезонов, и в неопределенные моменты, вследствие внезапных заказов. Во внешней сфере фабрики, мануфактуры и магазина, в сфере домашнего производства, и без того совершенно нерегулярного, стоящего по отношению к сырому материалу и заказам в полной зависимости от произвола капиталиста, который не связав здесь никакими соображениями об использовании помещений, машин и т. д. и ничем не рискует, кроме шкуры самих рабочих, — в этой внешней сфере систематически вырабатывается таким образом промышленная резервная армия, которая постоянно готова к услугам капиталиста, которая в одну часть года разрезается самым бесчеловечным гнетом труда, а в другую часть года низводится до босяцкого положения недостатком труда. «Предприниматели, говорит «Children's Employment Commission», эксплуатируют вошедшую в привычку нерегулярность домашнего труда, чтобы во времена, когда необходимы экстренные работы, растянуть его до 11, 12, 2 часов ночи, или, как гласит ходячая фраза, до «всякого часа», и это в помещениях, «где одной вони достаточно для того, чтобы ешибить вас с ног» (the stench is enough to knock you down). Может быть, вы дойдете до двери и откроете ее, но не решитесь войти дальше»²⁸⁵. «И чудачки же наши предприниматели, — говорит один из выслушанных свидетелей, сапожник, — они думают, будто подростку не причиняет никакого вреда, если одну половину года его истязают убийственным трудом, а другую половину года вынуждают бродить почти совершенно без дела»²⁸⁶.

Как о технических препятствиях, так и об этих так называемых «торговых обычаях» («usages which have grown with the growth of trade») заинтересованные капиталисты говорили и говорят как о «естественных границах» производства: излюбленная lamentация хлопчатобумажных лордов в ту

²⁸⁴ «Children's Employment Commission, 4-th Report», p. XXXII, XXXIII. Расширение железнодорожной системы, говорят, сильно содействовало этому обычаю внезапных заказов и имело последствием спешку, пренебрежение часами для еды и работу до поздних часов» (там же, p. XXXI).

²⁸⁵ Там же, p. XXXV, n. 235, 237.

²⁸⁶ Там же, p. 127, n. 56.

эпоху, когда им впервые начал угрожать фабричный закон. Хотя их промышленность более, чем всякая другая, опирается на мировой рынок, а потому и на судоходство, однако опыт избобил их во лжи. С того времени английские фабричные инспектора относятся к «торговым препятствиям» как к пустой отговорке²⁸⁷. В самом деле, основательные и добросовестные исследования «Children's Employment Commission» доказывают, что в некоторых отраслях промышленности урегулирование рабочего дня лишь равномернее распределило бы на весь год ту массу труда, которая уже применяется в них²⁸⁸; что оно послужило бы первой рациональной уздой для человекоубийственных, бессмысленных и по существу не согласующихся с системой крупной промышленности ветреных капризов моды²⁸⁹; что развитие океанского судоходства и средств сообщения вообще устранило собственно техническое основание сезонной работы²⁹⁰; что все другие будто не подчиняющиеся контролю условия устраняются расширением помещений, дополнительными машинами, увеличением числа одновременно занятых рабочих²⁹¹ и вытекающим из этого обратным влиянием на систему крупной торговли²⁹². Однако капитал, как он неоднократно заявлял устами своих представи-

²⁸⁷ «Что касается торговых убытков от неисполнения подлежащих морской перевозке заказов в надлежащий срок, то я припоминаю, что это было излюбленным аргументом фабричных предпринимателей в 1832 и 1833 гг. Все, что можно сказать теперь по этому предмету, не имеет такой силы, как в то время, когда пар еще не сократил вдвое всех расстояний и не создал новых приспособлений для перевозки. И в то время этот аргумент оказывался несостоятельным перед практическим опытом, а теперь он и совсем не выдержит испытания» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1862», p. 54, 53).

²⁸⁸ «Children's Employment Commission. 4-th Report», p. XVIII, n. 118.

²⁸⁹ Уже в 1699 г. John Bellers отмечает: «Непостоянство мод необходимо увеличивает число бедных. В нем два великих зла: 1) рабочие бедствуют зимой от недостатка работы, торговцы материями и предприниматели не рискуют затрачивать свои капиталы, чтобы поддержать рабочих заработком, пока не наступит весна и не выяснится, какая мода; 2) великой число рабочих оказывается недостаточным, и хозяева-ткачи должны привлекать многочисленных учеников, чтобы снабдить торговлю королевства на четверть или на половину года; это отнимает руки от земледелия, лишает деревню работников и в огромной степени переполняет города нищими; зимой те, кому совестно нищенствовать, умирают от голода» («Essays about the Poor, Manufactures etc.», p. 9).

²⁹⁰ «Children's Employment Commission. 5-th Report», p. 171, n. 31.

²⁹¹ Так, напр., в свидетельских показаниях экспортных торговцев Брандфорда говорится: «При таких обстоятельствах ясно, что нет нужды заставлять детей работать в магазинах дольше, чем с 8 часов утра до 7 или 7½ часов вечера. Это — вопрос исключительно добавочных затрат и добычных рук. Детям не приходилось бы работать до такой поздней ночи, если бы некоторые предприниматели не были так жадны до прибыли; добычная машина стоит всего 16 — 18 ф. ст., — сверхурочные работы происходят большею частью от недостаточности приспособлений и помещений» (там же, p. 171, n. 31, 36 и 38).

²⁹² Там же. Вот показание одного лондонского фабриканта, который в принудительном урегулировании рабочего дня видит средство защиты рабочих против фабрикантов и самих фабрикантов против оптовой торговли. «Давление на нашу отрасль оказывают экспортеры, которые намерены, напр., отправить товары на парусном судне; они к началу определенного сезона хотят быть на месте, — и в то же время положить в свои карманы разницу между парусным и паровым фрактом; или же из двух пароходов они выбирают более ранний, чтобы явиться на иностранном рынке раньше своих конкурентов».

телей, соглашается на такой переворот «лишь под давлением общего парламентского акта»²⁹³, который принудительным законом регулирует рабочий день.

9. Фабричное законодательство (постановления о санитарных условиях и воспитании). Всеобщее распространение его в Англии

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства, представляет, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф. Прежде чем говорить об общем распространении фабричного законодательства в Англии, необходимо кратко упомянуть о некоторых его постановлениях, не относящихся к числу часов рабочего дня.

Санитарные правила, не говоря уже об их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, до чрезвычайности скудны, фактически ограничиваясь предписаниями относительно беления стен и некоторыми другими правилами о мерах для поддержания чистоты, вентиляции и защиты от опасных машин. В третьей книге мы возвратимся к фанатической борьбе фабрикантов против постановления, которым были октроированы для них маленькие расходы с целью защитить члены их «рук». Здесь снова нашел себе блестящее подтверждение тот догмат фритредеров, что в обществе с антагонистическими интересами каждый, стремясь к своей собственной пользе, тем самым действует общему благу. Одного примера будет достаточно. Известно, что с половины сороковых годов в Ирландии сильно расширилась льняная промышленность, а вместе с ней и scutching mills (льнотрепальные фабрики). В 1864 г. там существовало до 1 800 этих mills. Осенью и зимой периодически отрываются от полевых работ, чтобы снабжать вальцовые машины scutching mills льном, совершенно незнакомые с машинами люди, главным образом подростки и женщины, сыновья, дочери и жены соседних мелких фермеров. Несчастные случаи, совершающиеся здесь, по количеству и интенсивности совершенно беспримерны в истории машин. На одной единственной scutching mills в Кильдинане (близ Корка) с 1852 по 1856 г. насчитывалось 6 смертных случаев и 60 тяжелых увечий, — и все их можно было бы предотвратить при помощи самых простых приспособлений, ценой в несколько шиллингов. Д-р White, certifying surgeon [врач, которому поручается выдача свидетельств] фабрик в Downpatrick'e, заявляет в официальном отчете от 15 декабря 1865 г.: «Несчастные случаи на scutching mills носят ужасный характер. Во многих случаях четвертая часть тела отрывается от туловища. Смерть или будущее, полное печальной неработоспособности и страданий, — вот обычные последствия ран. Увеличение фабрик в стране, конечно, вызовет рост числа таких страшных результатов. Я убежден, что надлежащим контролем государства за scutching mills были бы предотвращены огромные жертвы здоровьем и жизнью»²⁹⁴. Что еще могло бы лучше характеризовать капиталистический способ производства, чем

²⁹³ «Это можно было бы предотвратить, — говорит один фабрикант, — только расширением производств под давлением общего парламентского закона» (там же, р. X, л. 38).

²⁹⁴ Там же, р. XV, п. 72 и сл.

эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших гигиенических и санитарных правил? «Фабричный закон 1864 г. выбелил и вычистил в гончарном производстве более 200 мастерских, после того как они по 20 лет или даже совсем воздерживались от таких операций (вот оно «воздержание» капитала!). В этих заведениях занято 27 800 рабочих, дышавших до сих пор во время чрезмерной дневной, а часто и ночной работы отвратительным воздухом, благодаря которому это вообще сравнительно безвредное производство постоянно грозило болезнью и смертью. Закон заставил сильно увеличить приспособления для вентиляции»²⁹⁵.

В то же время эта область фабричных законов ярко показывает, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение. Мы уже несколько раз отмечали, что английские врачи единогласно признают 500 куб. футов воздуха на человека едва лишь достаточным минимумом при постоянной работе. Хорошо! Раз фабричный закон всеми своими принудительными мерами косвенно ускоряет превращение мелких мастерских в фабрики, а потому косвенно посягает на право собственности мелких капиталистов и обеспечивает крупным монополию, то, если бы закон обеспечил в мастерских необходимое количество воздуха на каждого рабочего, это одним ударом прямо экзепроприровало бы тысячи мелких капиталистов! Это поразило бы в самый корень капиталистический способ производства, т. е. самовозрастание капитала, и крупного и мелкого, при посредстве «свободной» купли и потребления рабочей силы. Потому-то перед этими 500 кубических футов воздуха у фабричного законодательства захватывает дух. Санитарные учреждения, комиссии по обследованию промышленности, фабричные инспекторы снова и снова повторяют о необходимости этих 500 кубических футов и невозможности вынудить их у капитала. Таким образом они фактически заявляют, что чахотка и другие легочные болезни — условие существования капитала²⁹⁶.

Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда²⁹⁷. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и

²⁹⁵ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 127.

²⁹⁶ Эмпирически установлено, что средний здоровый индивидуум при каждом вдыхании средней интенсивности потребляет около 25 кубических дюймов воздуха и делает около 20 вдыханий в минуту. Согласно этому потребление воздуха на одного человека должно было бы составлять около 720 000 кубических дюймов, или 416 кубических футов, в сутки. Но известно, что послуживший для дыхания воздух уже не пригоден для этого процесса, пока он не очистится в великой мастерской природы. Согласно опытам Valentin'a и Brunner'a здоровый человек выдыхает, по видимому, около 1 300 кубических дюймов угольной кислоты в час; это равносильно тому, как если бы легкие выбрасывали из себя в сутки до 8 унций твердого угля. «На каждого человека должно приходиться не менее 800 кубических футов» (Huxley).

²⁹⁷ Согласно английскому фабричному закону, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые», т. е. подчиненные фабричному закону фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. «Фабрикант ответствен за соблюдение закона. Обучению при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1863», p. 111).

гимнастики²⁹⁸ с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем обычных школьников, обучающихся днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. «Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы»²⁹⁹. Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, сказанной на социологическом конгрессе в Единбурге в 1863 г. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесполезно, но и с прямым вредом заставляя детей расточать время, здоровье и энергию»³⁰⁰. Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания все-сторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к известной

²⁹⁸ О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. Р. Сениора на седьмом годовичном конгрессе «National Association for the Promotion of Social Science», «Report of Proceedings etc. London 1863», p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., p. 118, 119, 120, 126 и сл.

²⁹⁹ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 118. Один наивный мелкий фабрикант заявляет члену следственной «Children's Employment Commission»: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением, начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталяющим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы у моих собственных детей был труд и игры в качестве отдыха от школы» («Children's Employment Commission». 5-th Report, p. 82, n. 36).

³⁰⁰ Senior в «Report of Proceeding» седьмого годовичного конгресса «National Association for the Promotion of Social Science», p. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, перестроила способ материального производства и в общественных отношениях производства совершила переворот и в голову, — яркий пример этого дает сравнение речи Н. В. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г., или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских частях Англии бедным родителям было даже запрещено под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, например, г. Snell сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его обязывают взять своих детей из школы. Так, г. Wollaston, священник из Feltham's, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали в материально во всяком существовании, «потому что они посылают своих детей в школу!»

частичной операции всего человека; напротив, капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более уродливом виде: на собственно фабрике посредством превращения рабочего в одаренный сознанием придаток частичной машины, повсюду — отчасти посредством спорадического применения машины и машинного труда³⁰¹, отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности насильственно прокладывает дорогу своему проявлению. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что огромная часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к элементарнейшим манипуляциям, целые годы подвергаются эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике.

Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно легких к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока они не делались обученными типографщиками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для вступления в ремесло. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двойного рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11 — 17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или принимать из нее отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду всего с двумя часами перерыва на еду и сон!³⁰² Огромная часть из них не умеет читать, они как общее правило совершенно одикие, ненормальные существа. «Чтобы сделать их способными к их работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя до известной степени и высокая для мальчиков, не повышается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной, потому что не

³⁰¹ В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена по отношению к рабочему, который приводит машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, когда они тоже осуждаются на это истязание. Так, член комиссии Лоуге наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, и, кроме того, еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это до чрезвычайности тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5-th Report 1860», р. 114, п. 6). Об ужасных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет, там же и сл. страницы.

³⁰² Там же, р. 3, п. 24.

каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка»³⁰³. Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большее 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия разбивались об их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную деградацию.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда в обществе. Пока ремесло и мануфактура образуют общий базис всего общественного производства, подчинение производителя исключительно одной известной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий³⁰⁴ являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически [посредством опыта] находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и быстро кристаллизует его, как только достигнута известная степень зрелости. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением инструмента труда. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, застывает и рабочий инструмент, как это показывает переход его в течение иногда тысячекратно из рук одного поколения в руки другого.

Характерно, что до XVIII века отдельные ремесла назывались *mysteries* (*mystères*), тайнами, в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный³⁰⁵. В знаменитом «*livre des métiers*» Ивгена Буало предписывается между прочим, чтобы подмастерье при приеме от мастера давал присягу «братски любить своих братьев, оказывать им поддержку, — каждый в своем ремесле, — добровольно не выдавать тайн ремесла».

Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал всю современную науку технологии. Пестрые, по видимому, лишенные внутренней связности и застывшие формы общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные в зависимости от желательного полезного эффекта, применения и т. д.

³⁰³ Там же, р. 7, п. 60.

³⁰⁴ «В некоторых горных частях Шотландии... многие пастухи овец и котлов [домовники] с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, работали в сапожничестве, которые они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, до которых не притрогивалась никакая другая рука, кроме их собственной, и материал для которых они сами стригли с овец и овцы для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли употреблялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, выкройки и очень немногих частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.» (D u g a l d S t e w a r t, Works ed. Hamilton vol. VIII, р. 307 — 28).

³⁰⁵ Он должен был даже давать присягу в том, что в интересах всего ремесла не станет обращать внимания покупателя на недостатки продуктов других, чтобы таким образом отрекомендовать свой собственный товар.

Точно так же технология открыла те немногие группы основных форм движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — совершенно так же, как механика, несматривая на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических средств.

Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен³⁰⁶. Переворотом машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, с вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую.

Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и средства существования³⁰⁷ и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие ведет к чудовищному факту возникновения промышленной резервной армии, которая должна существовать в нищете, чтобы всегда быть готовой и услугам капиталистического спроса; как оно находит свирепое выражение в непрерывных гекатомбах рабочего класса, немощном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией, которая влечет экономический прогресс превращает в общественное бедствие. Это — отрицательная сторона.

Но если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непродолимый закон природы и с слепой разрушительной силой закона природы, который

³⁰⁶ «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства, а следовательно, производственных отношений, а следовательно, и всех общественных отношений. Напротив, неизменное сохранение старого способа производства было первым условием существования всех прежних промышленных классов. Постоянный переворот в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предыдущих. Все прочные, покрытые ржавчиной отношения, с их свитой исстари представлялений и взглядов, разрушаются, все вновь образованные затвердевают, прежде чем успевают застыть. Все сословное и недвижимое разрушается, все святое лишается святости, и люди, наконец, вынуждаются смотреть своими глазами взглянуть на свое жизненное положение, на свои взаимные отношения» (F. Engels und Karl Marx, Manifest der Kommunistischen Partei, London 1848, S. 5). [К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест. Б-ка научного социализма. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз. 1930. Изд. 6-е. Стр. 52.]

³⁰⁷ «You take my life,

When you do take the means whereby I live».

(«Вы жизнь мою берете, когда берете мои средства к жизни»).

(Шекспир, Венецианский купец)

повсюду наталкивается на препятствия³⁰⁸, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности.

Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — промышленные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоеует надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоит в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam!» [«Сапожник, ший свой колодки!】. Эта вершина ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — придильную машину, ювелирный рабочий Фультон — парход³⁰⁹.

³⁰⁸ Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми профессиями, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не годюсь, кроме книгопечатания... Попав в подры этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем рубашку — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа считалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где в последовательном был типографщиком, кровельщиком, литейщиком и свином и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден для всяких работам, я менее чувствую себя моллоском и более человеком» (A. C o r b o n, De l'enseignement professionnel. 2-ème éd., p. 50).

³⁰⁹ John Bellers, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию [близозрению чрезмерное разрастание] и атрофию [захудание, уничтожение] на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает между прочим: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем useless праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни; потому что те неудовольствия, которых человек избегает леностью, постигают его как болезнь... Труд прибавляет масло в лампу жизни, а мысль

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемого домашнего труда³¹⁰ с самого начала выступает как прямое вторжение в *patria potestas* [в права отца], т. е., выражаясь современным языком, в родительскую власть: шаг, от которого деликатный английский парламент, как он лицемерил, долгое время отпашывался будто бы с содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей.

«К несчастью, — говорится в заключительном отчете «Children's Employment Commission» 1866 г., — из всех свидетельских показаний одно ясно: что ни от кого до такой степени не нуждаются дети обоего пола в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого удержки и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины, которые должны добиться такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо³¹¹.

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление.

Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства, за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нецелесообразно считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собою последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производ-

---

закликает ее... Пустой детский труд (это — пророческие возражения Базедоу и нашим современникам, которые тупо повторяют их) оставляет детским ум пустым» («Proposals for raising a Colledge of Industry of all useful Trades and Husbandry». London 1696, p. 12, 14, 18).

³¹⁰ Он, впрочем, носит тот же характер в значительной степени и в том случае, если совершается в мелких мастерских, как мы видели это на примерах кружевной мануфактуры и плетения из соломы и как можно бы обстоятельнее показать в особенности на примере металлических мануфактур и Шеффилде, Бирмингеме и т. д.

³¹¹ «Children's Employment Commission». 5-th Report, p. XXV, n. 162, и 2-nd Report, p. XXXVIII, n. 285, 289, p. XXXV, n. 191.

ства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития ³¹².

Необходимость превратить фабричный закон из исключительного закона для прядильных и ткацких фабрик, этих первообразований машинного производства, в общий закон всего общественного производства, вытекает, как мы видели, из хода исторического развития крупной промышленности, на заднем плане которой переживают полную революцию традиционные формы мануфактуры, ремесла и домашнего труда: мануфактура постоянно превращается в фабрику, ремесло постоянно становится мануфактурой, и, наконец, сферы ремесла и домашнего труда в поразительно короткое время превращаются в жалкие трущобы, в которых капиталистическая эксплуатация свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии. Два обстоятельства играют в конце концов решающую роль: во-первых, постоянно вновь повторяющееся наблюдение, что капитал, пока он подпадает под контроль государства только на некоторых пунктах общественной периферии, тем непомерно вознаграждает себя на других пунктах ³¹³; во-вторых, вопль самих капиталистов о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда ³¹⁴.

Выслушаем пару глубоких вздыханий на этот счет. Гр. W. Cooksley (фабриканты гвоздей, цепей и т. д. в Бристоле) добровольно провели в своем предприятии постановление фабричного закона. «Так как старая система неурегулированности продолжает существовать на соседних предприятиях, то им приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют (enticed) в каком-либо другом месте на то, чтобы они работали после 6 час. вечера. Это, — естественно заявляют они, — несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, барыш от которой целиком должен принадлежать нам» ³¹⁵. Г-н J. Simpson (фабрикант бумажных мешков и бумажных коробок в Лондоне) является членом «Children's Employment Commission»: «Он готов поддаться под какой угодно петлицей в пользу введения фабричных законов. При том-и-ином положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам (he always felt restless at night), по закрытии его мастерской, когда он подумает, что другие заставляют работать дольше и выхватывают у него заказы из-под носа ³¹⁶. «Было бы, — говорит «Children's Employment Commission», подводя итог, — несправедливо по отношению к крупным предпринимателям подчинить их фабрики регулированию, в то время как в их собственной отрасли предприятий мелкое производство не подвергается никакому непоколебительному ограничению рабочего времени. К несправедливости неравных условий конкуренции, вытекающей из того, что на мелкие мастерские не распространяется ограничение числа рабочих часов, для более крупных фабрикантов присоединяется еще та невыгода, что предложение труда подростков и женщин отклоняется от них к мастерским, пощаженным фабрич-

³¹² «Фабричный труд может быть столь же чист и приятен, как домашний труд, а вероятно даже в еще большей мере» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1865», p. 127).

³¹³ Там же, p. 27, 32.

³¹⁴ Многочисленные иллюстрации этого в «Reports of Insp. of Fact.».

³¹⁵ «Children's Employment Commission. 5-th Report», p. X, n. 35.

³¹⁶ Там же, p. IX, n. 28.

ными законами. Наконец это послужило бы толчком к увеличению числа мелких мастерских, которые почти сплошь наименее благоприятны в отношении здоровья, — удобства, воспитания и общего улучшения в положении народа»³¹⁷.

В своем заключительном отчете «Children's Employment Commission» (комиссия для обследования детского труда, созданная в 1862 г.) предлагает распространить фабричный закон более чем на 1 400 000 детей, подростков и женщин, из которых почти половина эксплуатируется мелким производством и системой домашнего труда³¹⁸. «Если, — говорит комиссия, — парламент примет наше предложение в полном объеме, то подобное законодательство окажет, несомненно, самое благотворное влияние не только на малолетних и слабых, которых оно касается в первую очередь, но и на огромную массу взрослых рабочих, которые прямо (женщины) или косвенно (мужчины) войдут в сферу его действия. Оно принудило бы их к урегулированному и сокращенному рабочему времени; оно стало бы сберегать и накапливать тот запас физической силы, от которого до такой степени зависит их собственное благосостояние и благосостояние страны; оно защитило бы подрастающее поколение от чрезмерного напряжения в раннем возрасте, которое расшатывает их организм и приводит к преждевременной дряхлости; оно, наконец, по крайней мере до 13 лет, дало бы детям возможность получить начальное обучение и таким образом положить конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и на которое можно смотреть лишь с мучительной болью и глубоким чувством национального унижения»³¹⁹.

Уже в 1840 г. была назначена парламентская комиссия для обследования детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. В. Сениора, возвратил «такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организмов детей и подростков, такую едва ли когда-либо видывал мир... Можно было бы утешиться, если бы отчет описывал ужасы прошлого времени. Но, к сожалению, перед нами сообщение о том, что эти ужасы продолжают с такой же интенсивностью, как и когда-либо раньше. Одна брошюра, два года тому назад изданная Hardwicke'ом, заявляет, что печальные злоупотребления 1842 г. остаются в полной силе и в настоящее время (1863)... Этот отчет (1842 г.)

³¹⁷ Там же, р. XXV, п. 165 — 167. О преимуществах крупного производства по сравнению с карликовым см. «Children's Employment Commission, 3-rd Report», р. 13, п. 144, р. 25, п. 121, р. 26, п. 125, р. 27, п. 140 и т. д.

³¹⁸ Отрасли промышленности, на которые следует распространить действие фабричных законов, таковы: кружевная мануфактура, чулочное-вязальное производство, соломоплетение, мануфактура принадлежностей одежды с ее многочисленными видами, производство искусственных цветов, производство башмаков, шляп и перчаток, портяжный промысел, все металлургические фабрики, от доменных печей и до фабрик иглолок и т. д., бумажные фабрики, стекольные мануфактуры, табачные мануфактуры, резиновое производство, фабрикация берд (для ткачества), ручное тканье ковров, зонтичная мануфактура, фабрикация веретен и шпулек, книгопечатание, переплетное дело, торговля писчебумажными принадлежностями (Stationery, причём сюда относится также приготовление бумажных коробок, карт, красок для бумаги и т. д.), канатное производство, мануфактура агатовых украшений, кирпичные заводы, шелковые мануфактуры с ручным трудом, солеваренные, свечные и цементные заводы, сахароваренное производство, производство сухарей, различные деревянные и другие смешанные работы.

³¹⁹ Там же, р. XXV, п. 169.

пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления ни о том, что мы называем моралью, ни о школьном образовании, религии, естественной семейной любви, — этим детям позволили «стать родителями теперешнего поколения»³²⁰.

Между тем общественное положение изменялось. Парламент не отважился отвергнуть требования комиссии 1862 г. так, как он в свое время отверг требования 1842 г. Поэтому уже в 1864 г., когда комиссия обнародовала лишь часть своих отчетов, промышленность изделий из земли (включая и гончарную), фабрикация обоев, зажигательных спичек, патронов и пистолетов, равно как стрижка бархата были подчинены законам, до того времени распространявшим свое действие на текстильную промышленность. В тронной речи 5 февраля 1867 г. тогдашний торийский кабинет возвестил дальнейшие биллы [законопроекты], основанные на заключительных предложениях комиссии, которая между тем в 1866 г. закончила свои работы.

15 августа 1867 г. Factory Acts Extension Act, а 21 августа того же года Workshops' Regulation Act получили королевское утверждение; первый закон регулирует крупные, последний — мелкие отрасли производства.

Factory Acts Extension Act подчиняет фабричному закону доменные печи, железо- и медеделательные заводы, литейные заведения, фабрики машины, металлургические мастерские, фабрики гуттаперчи, бумаги, стекла, табаку, далее печатные и переплетные заведения и вообще все промышленные мастерские этого рода, если в них 50 или более человек одновременно заняты не менее 100 дней в году^{320a}.

Чтобы дать некоторое представление о размерах области, охваченной этим законом, приведем некоторые из установленных им определений:

Р е м е с л о (handicraft) должно означать (в этом законе): всякий ручной труд, который производится как профессия или промысел для или по случаю изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

М а с т е р с к а я должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых известным «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина, и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

З а н я т ы й должно означать: работать в известном ремесле, за плату или без платы, у мастера или у одного из родителей, как подробнее определено ниже.

Р о д и т е л и должно означать: отец, мать, опекун или другое лицо, которому принадлежит опека или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком».

Статья 7 относительно наказаний за занятие детей, подростков и женщин вопреки постановлениям этого закона налагает денежные штрафы не только на собственника мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и «на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина, или которые извлекают прямую выгоду из их труда».

³²⁰ See also, Social Science Congress, p. 55, 56.

^{320a} К этому закону, к новому Mining Act'у 1872 г. и т. д. я возвращусь во втором томе.

Factory Acts Extension Act, распространяющийся на крупные заведения, далеко уступает основному фабричному закону вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

Workshops' Regulation Act, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение. Когда же в 1871 г. парламент освободил их от этого полномочия и передал его фабричным инспекторам, сфера контроля которых одним ударом увеличилась поэтому более чем на 100 000 мастерских и на 300 одних только кирпичных заводов, то персонал инспекторов был великодушно увеличен всего лишь на восемь помощников, хотя и до того времени он был слишком малочислен³²¹.

Таким образом в этом английском законодательстве 1867 г. бросается в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость признать в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против захватов капиталистической эксплуатации; а с другой стороны, половинчатость, неохота и нечестность, с которыми парламент потом осуществлял их на практике.

Следственная комиссия 1862 г. предложила также новое урегулирование горной промышленности, — промышленности, которая от всех остальных отличается тем, что в ней интересы землевладельцев и промышленных капиталистов идут рука об руку. Противоположность этих двух групп интересов благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствие этой противоположности достаточно для того, чтобы объяснить оттяжки и ухищрения в области горнопромышленного законодательства.

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал на всю Европу, что парламент должен был успокоить свою совесть Mining Act'ом (законом о рудниках) 1842 г., который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил работу под поверхностью земли.

Затем в 1860 г. явился Mines' Inspection Act (закон об инспекции за рудниками), согласно которому шахты подчиняются инспекции специально назначенных для того государственных чиновников и воспрещается принимать на работу мальчиков 10 — 12 лет, если у них нет школьного свидетельства, или если они не будут посещать школу в течение известного числа часов. Этот акт остался совершенно мертвой буквой вследствие курьезно ничтожного числа назначенных инспекторов, ничтожества их полномочий и других причин, которые будут более выяснены в дальнейшем ходе изложения.

Одна из новейших Синих книг о горной промышленности — «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence 23 July 1866». Это — работа комитета, составленного из членов нижней палаты и уполномоченного приглашать и выслушивать свидетелей; толстый том in folio, в котором сам «Report» (отчет) занимает всего пять строк такого содержания: комитет ничего не может сказать, необходимо допросить еще больше свидетелей! Остальное представляют свидетельские показания.

³²¹ Персонал фабричной инспекции состоял из 2 инспекторов, 2 помощников и 41 суб-инспектора. Новые 8 суб-инспекторов были назначены в 1871 г. Общая сумма расходов на осуществление фабричных законов в Англии, Шотландии и Ирландии составляла в 1871 — 1872 г. всего лишь 25 347 ф. ст., включая сюда и судебные издержки на процессы против нарушителей закона.

Способ допроса свидетелей напоминает cross examinations [перекрестный допрос] в английских судах, где адвокат бесстыдными, спутывающими, во всех направлениях задаваемыми вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова. Здесь же адвокаты — сами члены парламентской следственной комиссии, в том числе собственники и эксплуататоры рудников; свидетели — горнорабочие, по большей части из каменноугольных копей. Весь фарс настолько характерен для духа капитала, что невозможно не привести здесь несколько выдержек. Для облегчения обзора я распределяю результаты обследования и т. п. по рубрикам. Напомню, что вопросы и обязательные ответы в английских Синих книгах перенумерованы, и что свидетели, показания которых здесь цитируются, — рабочие каменноугольных копей.

1) Работа малолетних от 10-летнего возраста в копиях. Работа вместе с необходимым проходом до и от копей обыкновенно продолжается 14 — 15 час., в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4 — 5 вечера (п. 6, 83, 452). Взрослые рабочие работают в две смены, по 8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен (п. 80, 203, 204). Маленькими мальчиками пользуются преимущественно для открывания и закрывания дверей в разных отделениях копи, детьми постарше — для более тяжелых работ, перевозки угля и т. д. (п. 122, 739, 1747). Долгий рабочий день при подземных работах существует до 18 — 22-летнего возраста, когда совершается переход к собственно углекопной работе (п. 161). Детей и подростков теперь более сурово истязают работой, чем в какой-либо из прежних периодов (п. 1663 — 1667). Углекопы почти единогласно требуют парламентского акта, который воспретил бы труд в шахтах для недостижных 14-летнего возраста. И вот здесь Hussey Vivian (сам угольный эксплуататор) задает вопрос: «Не вызывается ли это требование большей или меньшей бедностью родителей?» — И потом Mr. Hussey: «Не жестоко ли было бы, если отец умер или искалечен и т. д., отнять у семьи этот источник дохода? А ведь надо предполагать, что воспрещение будет иметь общий характер... Желаете ли вы подземные работы детей до 14-летнего возраста воспретить во всех случаях?» Ответ: «Во всех случаях» (п. 107 — 110). Vivian: «Если работа до 14-лет будет воспрещена в шахтах, не станут ли родители посылать детей на фабрики и т. д.?» — «Как общее правило, нет» (п. 174). Рабочий: «Открывание и закрывание дверей кажется легким. Но это очень мучительная работа. Не говоря уже о постоянной тяге воздуха, дети посажены, точно в тюрьму, в какой-то темный карцер». Буржуа Vivian: «Не может ли ребенок, сидя у дверей, читать, если у него будет свечка?» — «Во-первых, ему пришлось бы потушить свечку. Да кроме того ему и не позволили бы этого. Его приставили затем, чтобы следить за своим делом, он должен исполнять известную обязанность. Я никогда не видал, чтобы какой-нибудь мальчик читал в копи» (п. 141 — 160).

2) Воспитание. Горнорабочие требуют закона об обязательном обучении детей, как это установлено на фабриках. Они заявляют, что статья закона 1860 г., которая школьное свидетельство делает необходимым условием для приема на работу мальчиков 10 — 12 лет, чисто иллюзорна. «Карательный» допрос капиталистическими следователями становится здесь поистине курьезным (п. 115). «Против кого более необходим закон, — против предпринимателей или против родителей? — Против тех и других» (п. 116). «Более

против одних, чем против других? — Что мне ответить на это?» (п. 137). «Обнаруживают ли предприниматели какое-либо стремление сообразовать часы труда с посещением школы? — Нет; рабочие часы никогда не сокращаются с этой целью» (п. 211). «Не пополняют ли потом горнорабочие свое воспитание? — В общем они становятся хуже; они приобретают плохие привычки, они получают пристрастие к пьянству, игре и т. п. и совсем опускаются» (п. 109). «Почему не посылают детей в вечерние школы? — В большинстве каменноугольных округов таких вовсе нет. А где таковые имеются и некоторые подростки хотели бы посещать их, они настолько изнурены чрезмерным долгим трудом, что глаза у них смыкаются от усталости». «Следовательно, — заключает буржуа, — вы против образования? — Восе нет, но», и т. д. (п. 443). «Не обяывает ли закон 1860 г. владельцев рудников и т. д. требовать школьные свидетельства, если они нанимают детей между 10 и 12 годами? — Закон — да, но предприниматели этого не делают» (п. 444). «Вы полагаете, что это постановление закона не всегда исполняется? — Оно вовсе не исполняется» (п. 717). «Сильно ли горнорабочие интересуются вопросом о воспитании? — Огромное большинство» (п. 718). «Заботит ли их проведение этого закона? — Огромное большинство» (п. 720). «Почему же они не настоят на его проведении? — Иной рабочий хотел бы мальчиков без школьного свидетельства не допускать до работы, но он будет за это на замечании (a marked man)» (п. 721). «У кого на замечании? У своего предпринимателя» (п. 722). Однако, неужели вы думаете, что предприниматели будут преследовать человека за подчинение закону? — Я думаю, они поступили бы так» (п. 723). «Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы рабочий отказывался посылать на работу ребенка 10 — 12 лет, если последний не умеет читать и писать? — Это не предоставлено их выбору» (п. 1634). «Вы требуете вмешательства парламента? — Чтобы достигнуть чего-либо действительного для воспитания детей горнорабочих, это необходимо провести принудительно, парламентским актом» (п. 1636). «Должно ли это распространяться на детей всех рабочих Великобритании или только на горнорабочих? — Я пришел сюда, чтобы говорить от имени горнорабочих» (п. 1638). «Чем дети горнорабочих отличаются от других. — Тем, что они — исключение из общего положения» (п. 1639). «В каком отношении? — В физическом» (п. 1640). «Почему бы такое воспитание представляло для них большую ценность, чем для мальчиков других классов? — Я не говорю, что оно для них ценнее, но вследствие чрезмерной работы в коях у них меньше возможности получать воспитание в дневных и воскресных школах» (п. 1644). «Не правда ли, ведь такие вопросы нельзя трактовать абсолютно?» (п. 1646). «Достаточно ли школ в округах? — Нет» (п. 1647). «Если бы государство потребовало, чтобы всех детей посылали в школу, откуда мы взяли школы для всех детей? — Я думаю, что, если обстоятельства потребуют этого, школы уж будут устроены. Огромное большинство не только детей, но и взрослых рудокопов не умеет ни писать, ни читать» (п. 700, 726).

3) Труд женщин. Хотя с 1842 г. работницы уже не допускаются к работам под землей, но они работают на поверхности при нагрузке угля и т. д., переноске ведер с углем к каналам и железнодорожным вагонам, сортировке угля и т. д. Применение женского труда сильно увеличилось в последние 3 — 4 года (п. 1727). Работницы — по большей части жены, дочери и вдовы горнорабочих, от 12 до 50 и 60-летнего возраста (п. 645, 1779).

648). «Что думают горнорабочие о женском труде при рудниках? — Все они против него». «Почему? — Они считают его унижительною для женского пола» (п. 649). «У них особенная одежда? — Да... они носят нечто в роде мужской одежды. Во многих случаях этим заглушается всякое чувство стыда. Некоторые женщины курят. Работа так же грязна, как и в самых конях. Притом у многих из них дети, и они не могут исполнять своих материнских обязанностей» (п. 651 и сл., 709). «Могли ли бы вдовы найти какое-либо другое занятие, столь же выгодное (8 — 10 ш. в неделю)? — Я ничего не могу сказать на этот счет» (п. 709). «И однако вы решаетесь (каменное сердце!) отнять у них этот источник существования? — Вне всяких сомнений» (п. 710). «Откуда такое настроение? — Общее мнение таково, что эта работа принижает женщин, и мы, горнорабочие, слишком уважаем прекрасный пол того, чтобы видеть, как он осужден на работу в угольных конях... Эта работа по большей части очень тяжелая. Многие из этих девушек поднимают до 10 тонн в день» (п. 1715, 1717). «Не думаете ли вы, что работницы, занятые в конях, безнравственнее занятых на фабриках? — Процент испорченных больше, чем среди фабричных девушек» (п. 1731). «Но вы ведь недовольны и состоянием нравственности на фабриках? — Нет» (п. 1733). «Не хотите ли вы запрещения женского труда и на фабриках? — Нет, я не хочу этого» (п. 1734). «Почему так? — Он более приличен и подходящ для женского пола» (п. 1735). «Однако он вреден для их нравственности, не так ли? — Нет, далеко не в такой мере, как на конях. Впрочем, я высказываюсь так не только по моральному, но также по физическим и социальным соображениям. Социальная деградация девушек ужасная, крайняя. Когда 400 — 500 этих девушек станут женами горнорабочих, мужья глубоко страдают от этой деградации, она их гонит из дома и к пьянству» (п. 1736). «Но не следует ли то же самое сказать о женщинах, занятых на железных заводах? — Я не могу говорить за другие отрасли производства» (п. 1737)? «Но какая же разница между женщинами, работающими на железных заводах и в конях? — Я не занимался этим вопросом» (п. 1740). «Не можете ли вы открыть какую-нибудь разницу между этими двумя категориями? — С полной уверенностью я ничего не могу сказать на этот счет, но, переходя из дома в дом, познакомился с позорным положением вещей в нашем округе» (п. 1741). «Нет ли у вас страстного стремления уничтожить работу женщин повсюду, где она оказывает принижющее действие? — Да... свои лучшие чувства англичанин получает только от материнского воспитания» (п. 1750). «Но это относится ведь и к земледельческой работе женщин? — Она продолжается только два времени года, а у нас они работают все четыре времени года (п. 1751). «Они часто работают днем и ночью, промокшие до костей, их организм ослабляется, их здоровье поддвигивается». «Вы не занимались общим изучением этого вопроса (о труде женщин)? — Я наблюдал вокруг себя и могу только сказать, что нигде не видел я чего-либо подобного тому действию, которое оказывает работа женщин при конях. Это — мужской труд, притом труд для сильных мужчин» (п. 1753, 1793, 1794). Лучшие из горнорабочих, которые хотят подняться и просветиться, в своих женах не находят себе никакой опоры, а напротив, благодаря им опускаются».

После того, как буржуа еще повопрошала вкривь и вкось, обнаружилась, наконец, тайна их «сострадания» к вдовам, бедным семьям и т. д.: «Собственник копей главный надзор поручает известным джентельменам; последние,

чтобы списать одобрение, придерживаются такой политики, что все стараются поставить на возможно экономную ногу, и работницы-девушки получают от 1 ш. до 1 ш. 6 п. в день за такую работу, за которую мужчине пришлось бы платить 2 ш. 6 п.» (п. 1816).

4) **Жюри для осмотра мертвых тел.** «По отношению к расследованиям лица, осматривающего мертвые тела в ваших округах, довольны ли рабочие судебной практикой, когда происходят несчастные случаи? — Нет они недовольны» (п. 360). «Почему нет? — В особенности потому, что присяжными назначают людей, которые абсолютно ничего не понимают в копах. Рабочих никогда не привлекают иначе, как только в качестве свидетелей. И в общем приглашают соседних лавочников, которые находятся под влиянием владельцев копей, их покупателей, и не понимают даже технических выражений свидетелей. Мы требуем, чтобы горнорабочие составляли часть присяжных. Обыкновенно приговоры противоречат показаниям свидетелей» (п. 361, 364, 366, 368, 371, 375). «Не должны ли присяжные быть беспристрастными? — Да» «А будут ли таковыми рабочие? — Я не вижу оснований, почему бы им не быть беспристрастными. У них во всяком случае больше знания дела» «Но не будут ли они склонны выносить несправедливо суровые приговоры в интересах рабочих? — Нет, я не думаю этого» (п. 378, 379, 380).

5) **Неправильная мера и вес и т. д.** Рабочие требуют ежонедельной расплаты вместо двухнедельной, измерения по весу, а не по емкости ведер, защиты против употребления неправильных весов и т. д. «Если ведра обманчивым образом увеличиваются, то ведь рабочий, известив за 14 дней, может оставить копь? — Но если он поступит на другое место, он и там встретит то же самое» (п. 1071). «Но все же он может оставить место, на котором учинена несправедливость? — Везде царит то же самое» (п. 1072). «Но рабочий во всякое время может оставить свое место, предупредив за 14 дней? — Да» (п. 1073). Конечно дело!

6) **Горная инспекция.** Рабочие страдают не только от несчастных случаев при взрыве газов. «Точно так же нам не менее приходится жаловаться на плохую вентиляцию угольных копей, благодаря чему рабочие едва могут дышать в них; вследствие этого они утрачивают способность ко всякого рода работе. Так, напр., как раз в настоящее время в той части копи, где я работаю, отвратительный воздух на недели свалил многих рабочих в постель. В главных ходах воздуха обыкновенно достаточно, но недостаточно как раз в местах, где мы работаем». «Почему вы не обращаетесь к инспектору? — Здесь многие, к сожалению, очень запуганы. Случалось, что горнорабочий делался жертвой и лишался работы, если он обращался к инспектору». «Как? За это он становился «отмеченным» человеком? — Да». «Не думаете ли вы, что контроль за копиями в вашем округе достаточный, так что проведение постановлений закона обеспечено? — Нет. Инспектора вообще не посещают копей... В течение 7 лет инспектор только один раз был в копи. В округе, к которому я принадлежу, число инспекторов недостаточно. Старый, более чем 70-летний человек не может контролировать более 130 угольных копей. Кроме большего количества инспекторов нам требуются суб-инспекторы» (п. 234, 241, 251, 254, 274, 275, 276, 193). «В таком случае правительство должно содержать такую армию инспекторов, чтобы они могли сами, без указаний со стороны рабочих, делать все, что вам требуется? — Это невозможно, но, чтобы получать указания, они должны являться на самые копей» (п. 277, 280). «Не думаете ли вы, что следствие было бы то, что отсутствовало

ность (!) за вентиляцию и т. д. с владельцев копей была бы свалена на правительственных чиновников? — Отнюдь нет; их дело должно заключаться в том, чтобы принудить к соблюдению уже существующих законов» (п. 285). «Говоря о суб-инспекторах, не имеете ли вы в виду людей с уменьшенным содержанием и низшего сорта по сравнению с теперешними инспекторами? — Я вовсе не за понижение, если вы дадите лучших» (п. 294). «Хотите ли вы большего числа инспекторов или людей пониженного класса по сравнению с инспекторами? — Нам нужны люди, которые сами толкались бы в копиях, которые не дрожали бы за свою шкуру» (п. 295). «Если бы ваше желание инспекторов ухудшенного сорта исполнилось, то не породит ли опасности недостаток умелости у них и т. д.? — Нет; дело правительства назначить подходящих людей» (п. 297).

Такой способ допроса показался, наконец, и самому президенту следственной комиссии слишком безумным. «Вы хотите, — вмешивается он, — людей-практиков, которые осматривали бы самые копи и доносили инспектору, который тогда может использовать свои более широкие знания» (п. 298, 299). Не потребует ли вентиляция всех этих старых копей слишком больших издержек? — Да, издержки, вероятно, возрастут, но жизнь людей будет спасена» (п. 531). Один углекоп протестует против 17 отдела закона 1860 г.: «В настоящее время, если горный инспектор находит какую-либо часть копи в непригодном для работы состоянии, он должен сообщать об этом владельцу копи и министру внутренних дел. После этого владельцу копи дается 20 дней на размышление; по истечении этих 20 дней он может отказаться от каких бы то ни было перемен. Если он именно так и делает, он должен написать министру внутренних дел и предложить ему 5 горных инженеров, из числа которых министр должен назначить третейских судей. Мы утверждаем, что в этом случае владелец копей фактически назначает судей в своем собственном деле» (п. 581). Буржуа-экзаменатор, сам владелец копей: «Это — чисто умозрительное возражение» (п. 586). «Следовательно, мы очень невысокого мнения о честности горных инженеров? — Я говорю, что это очень неправильно и несправедливо» (п. 588). «Не занимают ли горные инженеры такого в некотором роде официального положения, что их решения стоят выше партийности, которой вы опасаетесь? — Я отказываюсь отвечать на вопросы о личном характере этих людей. Я убежден, что во многих случаях они действуют очень партийно и что следует лишить их такой власти, где на карту ставится человеческая жизнь» (п. 589).

У того же буржуа хватает бесстыдства спросить: «Не думаете ли вы, что и владельцы копей терпят убытки от взрывов?» Наконец (п. 1042): «Не можете ли вы, рабочие, сами защитить свои интересы, не прибегая к помощи правительства? — Нет».

В 1865 г. в Великобритании было 3217 каменноугольных копей и — 12 инспекторов. Один владелец копей в Йоркшире («Times», 26 января 1867 г.) сам высчитывает, что инспектора, уже не говоря об их чисто бюрократических обязанностях, которые поглощают все их время, могли бы посетить каждую копь только один раз в 10 лет. Неудивительно, что в последние годы (особенно в 1866 и 1867) число и размеры катастроф все увеличивались (иногда количество жертв выражается в цифре 200 — 300 рабочих). Таковы прелести «свободного» капиталистического производства.

Во всяком случае акт 1872 г., какими бы недостатками он ни обладал, является первым, который регулирует число часов труда детей, занятых

в копейках, и до известной степени возлагает ответственность за так называемые несчастные случаи на эксплуататоров и владельцев копеек.

Королевская комиссия 1867 г. для исследования труда детей, подростков и женщин в земледелии опубликовала несколько очень важных отчетов. Сделано было несколько попыток применить к земледелию принципы фабричного законодательства, хотя бы и в модифицированной форме, но все они до сих пор оставались безрезультатными. На одно я должен обратить здесь внимание: на существование непреодолимой тенденции к всеобщему применению этих принципов.

Если, с одной стороны, всеобщее распространение фабричного законодательства, как средства физической и интеллектуальной защиты рабочего класса, сделалось неизбежным, то, с другой стороны, как уже указано выше, оно делает всеобщим и ускоряет превращение рассеянных процессов труда, ведущихся в карликовом масштабе, в комбинированные процессы труда в крупном, общественном масштабе, т. е. обобщает и ускоряет концентрации капитала и единодержавие фабричного режима. Оно разрушает все старинные и переходные формы, за которыми господство капитала еще отчасти прикрыто, и заменяет их прямым, неприкрытым господством капитала. Таким образом он придает всеобщий характер и прямой борьбе против этого господства. Принуждая отдельные мастерские к единообразию, регулярности, порядку и экономии, оно благодаря тому мощному толчку, который ограничение и урегулирование рабочего дня дает технике, увеличивает анархию и катастрофы капиталистического производства, взятого в целом, увеличивает интенсивность труда и конкуренцию машины с рабочим. Вместе с сферами мелкого производства и домашнего труда оно уничтожает последние убежища «избыточных» рабочих и, следовательно, существовавший до того времени предохранительный клапан всего общественного механизма. Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процессов производства оно приводит к созреванию противоречия и антагонизмы его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементы для образования нового и моменты переворота старого общества ³²².

³²² Роберт Оуэн, отец кооперативных фабрик и лавок, отнюдь не разделявший, как отмечено выше, иллюзий своих подражателей относительно значения этих изолированных элементов преобразования, в своих опытах не только фактически исходил из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции. Г-н Viner, профессор политической экономии в Лейдене, как будто предчувствуя нечто подобное и в своей «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde», Amsterdam 1860 — 1862, которая преподносит в самой подходящей форме пошлости вульгарной экономии, рьяно выступает за ремесленное производство против крупной промышленности. — [К 4 изданию Энгельс замечает: «Новый юридический клубок» (стр. 285), созданный английским законодательством посредством взаимно противоречащих Factory Act's, Factory Education Act и Workshops' Act, сделался, наконец, невыносимым, и потому в Factory and Workshop Act'e 1878 г. осуществлена кодификация всего законодательства в этой области. Конечно, здесь невозможно дать подробную критику этого и до сих пор остающегося в силе промышленного законодательства Англии. Ограничимся следующими замечаниями. Акт распространяется: 1) на текстильные фабрики. Здесь в общем остается все по-старому: разрешенное рабочее время для детей от 10 лет составляет 5½ часов в день или по 6 часов, но в таком случае суббота свободна; подростки и женщины работают по 10 часов, в субботу самое большее 6½ часов. — 2) Нетекстильные фабрики. Постановления для них теперь более приближены к постановлениям

10. Крупная промышленность и земледелие

Революция, которую крупная промышленность вызывает в земледелии и в общественных отношениях деятелей земледельческого производства, может быть изложена лишь впоследствии. Здесь будет достаточно, удерживая дальнейшее изложение, указать на некоторые ее результаты. Если употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему³²³, зато оно действует здесь еще интенсивнее и, не встречая сопротивления, делает рабочих «избыточными», как позже мы докажем это подробнее. В графствах Кембридж и Суффолк, напр., площадь возделываемой земли за последние двадцать лет сильно увеличилась, между тем как сельское население за тот же период уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Соединенных штатах Северной Америки земледельческие машины замещают рабочих пока только потенциально, т. е. они дают производителю возможность возделывать большую площадь, но фактически не прогоняют занятых рабочих. В Англии и Уэльсе число лиц, принимающих участие в фабрикации земледельческих машин, составляло в 1861 г. 1034, между тем как число земледельческих рабочих, занятых при паровых и рабочих машинах, составляло всего лишь 1205.

шим, отмеченным под 1), чем то было раньше, но все еще сохраняются некоторые благоприятные для капиталистов исключения, которые в известных случаях могут быть еще более расширены по специальному разрешению министра внутренних дел. — 3) Workshops [мастерские], определяемые приблизительно так же, как в прежнем акте; поскольку в них работают дети, подростки или женщины, workshops почти приравнены к нетекстильным фабрикам, однако опять-таки с послаблениями в деталях. — 4) Workshops, в которых нет детей и подростков, а работают лишь лица обоего пола от 18-летнего возраста; для этой категории установлены дальнейшие послабления. — 5) Domestic Workshops [домашние мастерские], в которых работают только члены семьи в ее квартире; еще более эластичные правила, и кроме того такое ограничение, что инспектор без особого министерского или судебного разрешения может посещать лишь такие помещения, которые не служат одновременно и жилыми помещениями; наконец, полная свобода соломоплетения, вязания кружев, перчаточного производства в семье. При всех своих недостатках этот акт наряду с швейцарским федеральным фабричным законом 23 марта 1877 г. все еще остается лучшим законом в соответствующей области. Сравнение его с только что упомянутым швейцарским федеральным законом представляет особый интерес потому, что оно делает весьма наглядным преимущество и недостатки двух законодательных методов, — английского, «исторического», вмешивающегося от случая к случаю, и континентального, построенного на традициях французской революции, более обобщающего метода. К сожалению, английский кодекс в его применении к мастерским по большей части все еще остается мертвой буквой, вследствие недостаточного персонала инспекторов.» — С того времени, как Гаммель написал это, в Англии издан ряд новых законов по охране рабочих; важнейший из них — акт 1901 г., воспрещающий работу детей до 12-летнего возраста на фабриках и в мастерских и сокращающий рабочее время в текстильных фабриках на 1 час по субботам, так что рабочее время за неделю составляет в общей сложности 55¼ часов. — К.]

323 Подробное описание машин, применяемых в английском земледелии, находится у Dr. W. Ham, Die Landwirthschaftlichen Geräte und Maschinen Englands, 2. Auflage 1856. В своем очерке развития английского земледелия г. Гамм слишком некритически следует за г. Léonce de Lavergne. Что это замечание устарело, это, как отметил Энгельс уже в 1890 г., теперь понятно само собою. — К.]

В сфере земледелия крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает сплот старого общества, «возделывателя» [«Bauer», крестьянина. — И. С.], и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребности социального переворота и антагонизмы становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального, нецелесообразного ведения дела выступает сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза, — союза земледелия и промышленности на основе их антагонистически развитых форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое оно сосредоточивает в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, силу исторического движения общества, а с другой стороны, оно препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Благодаря этому оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и интеллектуальную жизнь сельских рабочих³²⁴. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство вынуждает восстановить его уже систематически, в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека. Как в промышленности, и в земледелии капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время мартирологом [историей страданий] производителей, средство труда — средством порабощения, средством эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности. Рассеяние сельских рабочих на большой площади слабит силу их сопротивления, между тем как концентрация городских рабочих увеличивает ее. Как в городской промышленности, в современном земледелии повышение производительной силы и увеличение интенсивности труда покупается ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. И всякий прогресс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвергать рабочего ограблению, но вместе с тем и в искусстве ограбления почвы, всякий прогресс в временном повышении ее плодородия есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, напр., Соединенные штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности, как скрытого базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения³²⁵. Поэтому капиталистическое про-

³²⁴ «Вы разделяете народ на два враждебных лагеря: грубую деревенщину и изнеженных карликов. Небесный боже! Нация, разделяющаяся по различию земледельческих и торговых интересов, считает себя здоровой и даже именует себя просвещенной и цивилизованной не вопреки этому чудовищному и неестественному разделению, а будто бы как раз в силу его» (Ibid U r g u h a r t, Familiar Words, London 1855, p. 119). Это место обличает одновременно силу и слабость такой критики, которая умеет осуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее.

³²⁵ Сравни. Liebig, Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 7. Auflage 1862, в особенности «Einleitung in die Naturgeschichte».

изводство развивает технику и комбинирование общественного процесса производства лишь таким образом, что в то же время подрывает источники всякого богатства: землю и рабочего.

«*Das Feldbaues*» в первом томе. Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет одну из бесмертных заслуг Либиха. Его исторические экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже бросают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается на авось высказывать такие мнения, как следующее: «Проведенное далее измельчение и чистое вспахивание усиливает обмен воздуха внутри пористых частиц почвы, увеличивает и обновляет ту поверхность последних, на которую должно воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции». «Этот закон, — добавляет Либих, — впервые следующим образом выражен Дж. Ст. Миллем в его «*Principles of Political Economy*», т. I, р. 17: «Что продукт земли при прочих равных условиях возрастает в убывающей пропорции по сравнению с увеличением числа занятых рабочих (т-н Милль даже известный закон Рикардо интерпретирует здесь в неверной формулировке, так как «*the decrease of the labourers employed*», «уменьшение числа занятых рабочих» постоянно происходило в Англии прогресс земледелия, и потому закон, изобретенный для Англии и в А н г л и и, оказался бы совершенно неприменимым по меньшей мере в Англии), это — универсальный закон земледелия. Открытие достойно удивления, так как для Милля оставалась неизвестной причина, лежащая в основе этого закона» (L i e b i g в цитированной работе, Bd. I, S. 143 и примечание). Не говоря уже о неправильном толковании слова «труд», под которым Либих разумеет не что иное, чем политическая экономия, во всяком случае «достойно удивления», что он делает Дж. Ст. Милля первым провозвестником теории, которую Уэст развил в одно время с Андерсоном и независимо от него, которую Рикардо в 1817 г. связал с общей теорией стоимости, и которая с того времени под именем Рикардо обошла вокруг всего света, которая в 1820 г. была вульгаризирована Джеймсом Миллем (отцом Дж. Ст. Милля) и которая, наконец, была повторена между прочим и г. Дж. Ст. Миллем в качестве школьной догмы, превратившейся в общепризнанное. Бесспорно, что Дж. Ст. Милль обязан своим во всяком случае «достойным удивления» авторитетом почти только подобным заблуждениям.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Выше (см. пятую главу) мы рассматривали процесс труда абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то и средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства, а самый труд производительным трудом». В примечании 7 было добавлено: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства». Этот последний пункт и подлежит здесь дальнейшему исследованию.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. Он сам контролирует свое индивидуальное присвоение предметов природы для своих жизненных целей. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и рука принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются головной и ручной труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт коллективного рабочего, т. е. в продукт рабочего персонала, комбинированного таким образом, что различные члены стоят ближе или дальше от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом коллективного рабочего, выполнять одну из его подчиненных функций. Приведенное выше первоначальное опреде-

ление производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к коллективному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

Однако, с другой стороны, понятие производительного труда суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по своему существу есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производитель, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала. Так, напр., школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение нисколько не изменяется. Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие. В четвертой книге этой работы, где трактуется история теории, будет ближайшим образом показано, что классическая политическая экономия, частью инстинктивно, частью сознательно, с самого начала в производстве прибавочной стоимости видела характерный отличительный признак производительного рабочего. Поэтому с изменением взглядов ее на природу прибавочной стоимости изменяется и ее определение производительного рабочего. Так, по заявлению физиократов, производитель — только земледельческий труд, так как только он доставляет прибавочную стоимость. Для физиократов прибавочная стоимость существует исключительно в форме земельной ренты.

Удлинение рабочего дня за те границы, в пределах которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом, — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Этот процесс может совершаться и действительно совершается на основе таких способов производства, которые получены от истории без содействия капитала. В таких случаях происходит лишь формальный метаморфоз, или, говоря иначе, капиталистический способ эксплуатации отличается от прежних, как, напр., от рабочей системы и т. д., только тем, что в одном случае прибавочный труд отнимается прямым принуждением, а в другом в качестве посредствующего звена является «добровольная» продажа рабочей силы. Следовательно, производство абсолютной прибавочной стоимости предполагает лишь формальное подчинение труда капиталу.

Производство абсолютной прибавочной стоимости образует общую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. В этом последнем производстве рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд

посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки.

Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства; последний с характерными для него методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на почве формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному.

Здесь достаточно простого указания на убудочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплуатирующий их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков. Наконец, как показывает пример современного домашнего труда, известные убудочные формы воспроизводятся частично и на почве крупной промышленности, принимая однако совершенно иную физиономию.

Если, с одной стороны, для производства абсолютной прибавочной стоимости вполне достаточно формального подчинения труда капиталу, достаточно, напр., чтобы ремесленник, работавший прежде самостоятельно, на себя самого, или в качестве подмастерья цехового мастера, превратился в наемного рабочего, находящегося под непосредственным контролем капиталиста, — то, с другой стороны, методы производства относительной прибавочной стоимости являются, как мы видели, в то же самое время методами производства абсолютной прибавочной стоимости. Ведь чрезмерное удлинение рабочего дня представило перед нами как наиболее характерный продукт крупной промышленности. Вообще специфически капиталистический способ производства перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства. Он становится тогда всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса. Как особый метод производства относительной прибавочной стоимости, он действует теперь лишь постольку, поскольку, во-первых, охватывает отрасли промышленности, до того времени подчиненные капиталу лишь формально, следовательно, поскольку он все больше распространяется. Во-вторых, поскольку отрасли промышленности, уже попавшие в его власть, непрерывно революционизируются благодаря изменению методов производства.

С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она обуславливает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна,

так как она обуславливает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня. Но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, это кажущееся тожество исчезнет. Раз капиталистический способ производства возник и стал всеобщим способом производства, разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью дает себя знать, когда дело идет о повышении нормы прибавочной стоимости вообще. Предполагая, что рабочая сила оплачивается по ее стоимости, мы становимся перед такой альтернативой: если дана производительная сила труда и нормальная степень его интенсивности, то норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем абсолютного удлинения рабочего дня; с другой стороны, при данных границах рабочего дня норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем изменения относительной величины составных частей рабочего дня, т. е. необходимого и прибавочного труда, что, в свою очередь, предполагает изменение производительности или интенсивности труда, раз заработная плата не должна падать ниже стоимости рабочей силы.

Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников¹.

Таким образом можно говорить о естественном базисе прибавочной стоимости, но лишь в том совершенно общем смысле, что в природе не существует никакого абсолютного препятствия, мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания собственного существования. С тем же самым правом можно утверждать, напр., что и природе нет абсолютного препятствия, мешающего одному человеку употреблять в пищу мясо другого^{1а}.

Отнюдь не следует, как это делалось иногда, соединять мистические представления с этой непосредственно вырастающей производительностью труда. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда таким образом их труд уже до известной степени обобществлен, — лишь тогда наступают условия, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На зачаточных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе с средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих

¹ «Уже самое существование капиталистических предпринимателей как особого класса зависит от производительности труда» (Ramsay, An Essay on the Distribution of Wealth, London 1821, p. 206). «Если бы труд индивидуального человека был достаточен только для производства его собственного пропитания, то не могло бы существовать собственности» (Ravenstone, Thoughts on the Funding System, London 1824, p. 14, 15).

^{1а} По подсчету сделанному исчислению, в пределах только тех стран, которые уже обследованы европейцами, живет по меньшей мере 4 000 000 кабанов.

последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно¹. Впрочем, капитал, как общественное отношение, возникает на экономической почве, представляющей продукт длинного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой он исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей периоды не в столетия, а в тысячи столетий.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, какovy: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. На низших ступенях культуры первый род, на высших — второй род естественного богатства имеет решающее значение. Сравните, напр., Англию с Индией, или — в античном мире — Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян: «Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание их детей. Они варят для них первую попавшуюся простую пищу; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно зажарить на огне, кроме того корни и стебли болотных растений частью в сыром виде, частью вареные или жареные. Большинство детей ходят без обуви и без платья, так как воздух очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм [менее 20 марок. — К.]. Этим главным образом объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений»². В действительности, однако, грандиозные сооружения древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть последнего могла быть употреблена на это дело. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых средств существования, тем больше оставшаяся его часть, которую можно употребить на какое-либо другое дело.

² «Среди диких индейцев Америки почти все принадлежит работнику, 99 процентов продукта приходится отнести на долю труда; в Англии на долю рабочего, может быть, не приходится и $\frac{2}{3}$ » («The Advantages of the East-India Trade» etc., London 1720, p. 73).

³ Di o d o r u s S i c u l u s, Bibliotheca historica, lib. I, c. 80.

Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда, между прочим, и от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью ⁴. Не тропический климат с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и сменой тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте ⁵, Ломбардии, Голландии и т. д., или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна расцвета промышленности в Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в канализации ⁶.

⁴ «Первое (естественные богатства), будучи более благоприятным и выгодным, делает народ беззаботным, заносчивым и преданным всяким излишествам, в то время как второе способствует развитию бдительности, наук, искусств и политических учреждений» («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Thomas Mun, of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun». London 1669, p. 181, 182). «И я не могу представить себе большего проклятия для народа, как быть брошенным на клочок земли, где природа сама производит в изобилии средства существования и пищу, а климат не требует или не допускает значительных забот об одежде и защите от непогоды... Возможна и противоположная крайность. Почва, неспособная производить при помощи вложенного в нее труда, совершенно так же плоха, как почва, изобильно производящая без всякого приложения труда» («An Inquiry into the Present High Price of Provisions», London 1767, p. 10).

⁵ Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия. «Солнцезояние есть тот момент в году, когда начинается разлитие Нила, его египтяне должны были наблюдать с особым вниманием... Им важно было определить этот период года, чтобы регулировать свои сельскохозяйственные мероприятия. Они должны были поэтому искать на небе знака, указывающего на его возвращение» (Cuvier, Discours sur les révolutions du globe. Ed. Hoefer. Paris 1863, p. 141).

⁶ Одною из материальных основ государственной власти над несвязанными между собою мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения. Магометанские власти Индии понимали это лучше, чем их английские преемники. Мы напомним лишь о голоде 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индусов в округе Орисса Бенгальского президентства.

Благоприятные естественные условия доставляют всегда лишь возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по себе действительного прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей⁷, следовательно, к тому, что при прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность. Среди западно-европейского общества, где рабочий лишь при помощи прибавочного труда может купить себе позволение трудиться для поддержания собственного существования, легко возникает иллюзия, что человеческому труду прирождена способность доставлять прибавочный продукт⁸. Но возьмем, напр., жителей восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде. «Туземцы, пробуравши в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, выцарапывают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, совершенно годную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно 300 ф. и может дать от 500 до 600 ф. Там отправляются таким образом в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются за дровами»⁹. Допустим, что такому восточно-азиатскому хлебоколу требуется 12 рабочих часов в неделю для удовлетворения всех его потребностей. Благоприятные естественные условия дают ему непосредственно лишь одно — избыток свободного времени. Для того, чтобы он производителью употребил его на самого себя, необходим целый ряд исторических условий; для того, чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, требуется внешнее принуждение. Если бы там было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, может быть, работать шесть дней в неделю, чтобы иметь возможность употребить в свою пользу продукт одного рабочего дня. Щедрость природы отнюдь не объясняет, почему он работает теперь шесть дней в неделю или почему дает 5 дней прибавочного труда, т. е. громадный прибавочный продукт. Она объясняет

⁷ «Нет двух стран, которые доставляли бы одинаковое количество средств существования в одинаковом изобилии и с той же самой затратой труда. Нужды людей возрастают или уменьшаются в зависимости от суровости или умеренности климата, в котором они живут; следовательно, те размеры, в которых жители различных стран вынуждены вести свою промышленность, не могут быть одинаковыми, и нет возможности установить степени их вариаций иначе, как в связи со степенями тепла и холода; сюда может быть выведено то общее заключение, что количество труда, необходимого для поддержания жизни населения известной величины, наибольшее в холодном климате, наименьшее — в жарком; потому что в первом случае не только люди больше нуждаются в одежде, но и земля больше нуждается в обработке, чем во втором случае» («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest», London 1750, p. 60). Автор этого известного сочинения, составившего эпоху, — J. Massey. Юм заимствовал от него свою теорию процента.

⁸ «Всякий труд должен (надо думать, это тоже относится к правам и обязанностям гражданина) оставлять избыток» (П р у д о н).

⁹ F. S h o u w, Die Erde, die Pflanze und der Mensch. 2. Auflage, Leipzig 1854, S. 148.

лишь, почему его необходимое рабочее время ограничено одним днем в неделю. По его прибавочный продукт ни в каком случае не мог возникнуть из некоего таинственного свойства, прирожденного человеческому труду как таковому.

Производительные силы труда, — как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самою природою, — кажутся производительными силами капитала, когда последний овладевает трудом.

Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой всякого общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней. Между тем его школа громко провозгласила, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда. Это во всяком случае прогресс по сравнению с меркантилистами, которые с своей стороны выводят избыток цены продукта над издержками его производства из обмена, из продажи продуктов выше их стоимости. Однако и школа Рикардо лишь обошла проблему, а не разрешила ее. И это понятно: инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Но что сказать, когда господин Джон Стюарт Милль через пятьдесят лет после Рикардо повторяет в ухищренном виде негодные увертки первых вульгаризаторов Рикардо и на этом основании с миной, полной достоинства, констатирует свое превосходство над меркантилистами?

Милль говорит: «Причина прибыли заключается в том, что труд производит больше, чем необходимо для его содержания». Пока это лишь старые перспевы; но Милль хочет присоединить сюда и кое-что свое. «Или, выражаясь иначе, причина, по которой капитал приносит прибыль, состоит в том, что пища, платье, сырые материалы и средства труда существуют более продолжительное время, чем необходимо для их производства». Милль смешивает здесь продолжительность рабочего времени и продолжительность существования его продуктов. С этой точки зрения булочник, продукты которого существуют лишь один день, никогда не был бы в состоянии извлечь из своих наемных рабочих столько же прибыли, сколько выкачивает машиностроитель, продукты которого существуют двадцать лет и более. Несомненно во всяком случае, что если бы птичьи гнезда выдерживали лишь столько времени, сколько требуется для их устройства, птицам пришлось бы обходиться без гнезд.

Установив эту основную истину, Милль устанавливает далее свое превосходство над меркантилистами: «Мы видим таким образом, что прибыль возникает не из побочного факта обмена, а из производительной силы труда; совокупная прибыль данной страны определяется всегда производительной силой труда независимо от того, имеет ли место обмен, или нет. Если бы не было разделения занятий, не было бы ни купли, ни продажи, но прибыль не так осталась бы». Итак, здесь обмен, купля и продажа — эти общие условия капиталистического производства — объявляются совершенно побочным обстоятельством; прибыль остается даже в том случае, если нет ни купли, ни продажи рабочей силы!

Далее: «Если совокупность рабочих данной страны производит на 20% больше суммы их заработных плат, то прибыль будет 20%, каково бы ни было состояние товарных цен». — Это, с одной стороны, в высшей степени удачная тавтология, потому что, раз рабочие производят для своих капиталистов 20% прибавочной стоимости, то, само собой разумеется, прибыль капиталистов будет относиться к совокупной заработной плате рабочих, как 20 : 100. С другой стороны, совершенно не верно, что прибыль «будет 20%». Она неизбежно будет меньше, так как прибыль исчисляется на всю сумму авансированного капитала. Пусть, напр., капиталист авансировал 500 ф. ст., в том числе 400 ф. ст. в форме средств производства, 100 ф. ст. в форме заработной платы. Пусть норма прибавочной стоимости, как предположено выше, 20%. Тогда норма прибыли будет 20 : 500, т. е. 4%, а не 20%.

Милль продолжает: «Я предполагаю везде современное положение вещей, господствующее за немногими исключениями повсюду, где капиталисты и рабочие образуют различные классы, т. е. предполагаю, что капиталист делает все предварительные затраты, включая сюда и оплату рабочего». Конечно, как предполагает Милль, «нет абсолютной необходимости, чтобы так оно и было в действительности», — даже в тех случаях, «когда капиталисты и рабочие образуют различные классы». Напротив, «рабочий до полного окончания работы мог бы подождать платежа той части своей заработной платы, которая представляет избыток над тем, что требуется для приобретения необходимейших средств существования: и даже подождать уплаты всего своего заработка, если бы у него были необходимые средства существования в течение этого времени. Но в этом последнем случае он был бы до известной степени капиталистом, который вкладывал бы капитал в предприятие и доставлял бы часть фонда, необходимого для ведения последнего». Таким же правом Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только средствами существования, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим. Или, что американский крестьянин оказывается своим собственным рабом, отличающимся от обыкновенного раба лишь тем, что он отбывает барщину для самого себя, а не для господина.

Показав таким образом с полной ясностью, что если бы даже не существовало капиталистического производства, то оно все-таки существовало бы, Милль с той же последовательностью доказывает затем, что капиталистическое производство не существует даже в том случае, если оно существует, — даже и в последнем случае (т. е. если капиталист авансирует наемному рабочему все средства его существования) рабочего можно рассматривать с той же самой точки зрения (т. е. как капиталиста). Потому что, отдавая свой труд ниже его рыночной цены (!), он как бы авансирует своего предпринимателю разницу (?) и с процентами получает ее обратно²². В действительности рабочий даром авансирует капиталисту свой труд в течение недели и т. д. с тем, чтобы в конце недели и т. д. получить его рыночную цену. По Миллю это делает его капиталистом! На плоской равнине великий холм кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего изображается калибром ее «великих мыслителей».

²² J. S. t. M i l l, Principles of Political Economy, London 1868, p. 254 — *passim*.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЦЕНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И
ВЕЛИЧИНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как мы видели, стоимость рабочей силы определяется стоимостью при-
менно необходимых средств существования среднего рабочего. Масса этих средств
существования, несмотря на возможные изменения их формы, для данной
эпохи и данного общества дана и потому может быть рассматриваема
как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два
фактора оказывают определяющее влияние на стоимость рабочей силы. С одной
стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа
производства, с другой стороны, естественные различия между трудом муж-
ским и женским, взрослых рабочих и подростков. Потребление этих различ-
ных рабочих сил, обусловленное опять-таки способом производства, создает
крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости
взрослого рабочего мужчины. Однако оба эти фактора не принимаются в расчет
в дальнейшем исследовании.

Мы предполагаем: 1) что товары продаются по их стоимости; 2) что цена
рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает
ниже ее.

При таком предположении относительные величины цены рабочей силы
и прибавочной стоимости определяются, как было показано, тремя обстоятель-
ствами: 1) длиной рабочего дня, экстенсивной величиной труда; 2) нормаль-
ной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, указывающей
то количество труда, которое затрачивается в течение данного времени; 3) на-
копец, производительной силой труда, — тем, что в зависимости от степени
развития условий производства данное количество труда в течение данного
времени может дать большее или меньшее количество продукта. Очевидно
здесь возможны самые разнообразные комбинации, если один из этих трех
факторов постоянен, а два изменяются, или два постоянны, а один изменяется;
или же, наконец, все три изменяются одновременно. Число комбинаций увели-
чивается еще благодаря тому обстоятельству, что при одновременном изменении
различных факторов величина и направление изменений могут быть различны.
В дальнейшем исследованы лишь главнейшие комбинации.

1. Величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны,
производительность труда изменяется

При этом предположении стоимость рабочей силы и прибавочная стои-
мость определяется тремя законами:

1. Рабочий день данной величины всегда выра-
жается в одной и той же вновь произведенной стои-
мости, как бы ни изменялась производительность
труда и вместе с ней масса продуктов, а следова-
тельно, и цена единицы товара.

Если 1 рабочий час нормальной интенсивности производит стоимость в $1/2$ ш.,
то 1 рабочий день в 12 часов постоянно будет доставлять новую стои-

мость в 6 ш. Мы постоянно предполагаем, что стоимость денег остается неизменной. Если производительная сила труда увеличивается или уменьшается, то такой же рабочий день будет производить продуктов больше или меньше, так что стоимость в 6 ш. распределится на большее или меньшее количество товаров.

2. Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение изменяет стоимость рабочей силы в обратном направлении, прибавочную стоимость — в прямом направлении.

Вновь произведенная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость есть величина постоянная, напр., 6 ш. Эта постоянная величина равна сумме прибавочной стоимости плюс стоимость рабочей силы, которую рабочий заменяет эквивалентом. Само собой разумеется, что из двух слагаемых постоянной величины ни одно не может увеличиваться без того, чтобы другое не уменьшалось. Стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 ш. до 4, не вызывая понижения прибавочной стоимости с 3 ш. до 2, и, обратно, прибавочная стоимость не может повыситься с 3 ш. до 4, не вызывая понижения стоимости рабочей силы с 3 ш. до 2. Следовательно, при данных условиях невозможно изменение абсолютной величины стоимости рабочей силы или прибавочной стоимости без изменения их относительных или сравнительных величин. Они не могут повышаться или понижаться одновременно.

Далее, стоимость рабочей силы не может понизиться, и, следовательно, прибавочная стоимость не может повыситься, если не повышается производительная сила труда; так, в вышеприведенном примере стоимость рабочей силы может понизиться с 3 ш. до 2 лишь в том случае, если повышенная производительная сила труда позволяет произвести в течение 4 часов ту же самую массу средств существования, которая раньше требовала для своего производства 6 часов. Наоборот, стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 до 4 ш., если производительная сила труда упала, так что требуется 8 часов для производства той же самой массы средств существования, для которой раньше было достаточно 6 часов. Отсюда следует, что увеличение производительности труда понижает стоимость рабочей силы и, следовательно, повышает прибавочную стоимость, и, наоборот, уменьшение производительности труда повышает стоимость рабочей силы и понижает прибавочную стоимость.

Формулируя этот закон, Рикардо упустил из виду одно обстоятельство: хотя изменение величины прибавочной стоимости или прибавочного труда вызывает обратное изменение величины стоимости рабочей силы или необходимого труда, отсюда отнюдь не следует, что изменения эти пропорциональны. Здесь имеет место увеличение или уменьшение на одну и ту же величину. Но та пропорция, в какой увеличивается или уменьшается каждая из составных частей вновь произведенной стоимости или рабочего дня, зависит от первоначального разделения, имевшего место до изменения производительной силы труда. Пусть стоимость рабочей силы 4 ш., или необходимое рабочее время 8 часов, прибавочная стоимость 2 ш., или прибавочный труд 4 часа; если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы понизится до 3 ш., или необходимое рабочее

время до 6 часов, то прибавочная стоимость возрастет до 3 ш., или прибавочный труд до 6 часов. Одна и та же величина в 2 часа, или 1 ш., в одном случае прибавляется, в другом — отнимается. Но относительное изменение величин в обоих случаях различно. В то время как стоимость рабочей силы падает с 4 ш. до 3, следовательно, на $\frac{1}{4}$, или 25%, прибавочная стоимость повышается с 2 ш. до 3, т. е. наполовину, или на 50%. Отсюда следует, что та пропорция, в которой возрастает или уменьшается прибавочная стоимость вследствие данного изменения производительной силы труда, тем больше, чем меньше, и тем меньше, чем больше часть рабочего дня, выражающаяся в прибавочной стоимости.

3. Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы¹⁰.

Так как рабочий день есть величина постоянная, т. е. выражается в стоимости, неизменной по величине, так как, далее, каждому изменению величины прибавочной стоимости соответствует противоположное изменение стоимости рабочей силы и так как стоимость рабочей силы может изменяться лишь при изменении производительности труда, то отсюда, очевидно, следует, что при указанных условиях всякое изменение величины прибавочной стоимости возникает вследствие изменения величины стоимости рабочей силы в обратном направлении. Раньше мы видели, что никакое изменение абсолютных величин стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости невозможно без изменения их относительных величин. Из предыдущего следует, что, и обратно, никакое изменение их относительных величин невозможно без изменения абсолютной величины стоимости рабочей силы.

Согласно третьему закону, изменение величины прибавочной стоимости предполагает изменение стоимости рабочей силы, вызванное изменением производительной силы труда. Граница первого изменения дана новым уровнем стоимости рабочей силы. Однако даже при условии, что обстоятельства позволяют рассматриваемому закону обнаружить свое действие, возможны промежуточные изменения, которые противодействуют приспособлению цены рабочей силы к ее стоимости. Так, напр., вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы падает с 4 ш. до 3, или необходимое рабочее время — с 8 часов до 6, то цена рабочей силы может упасть всего до 3 ш. 8 п., 3 ш. 6 п., 3 ш. 2 п. и т. д.; и, следовательно, прибавочная стоимость поднимется лишь до 3 ш. 4 п., 3 ш. 6 п., 3 ш. 10 п. и т. д. Степень падения, предельной границей которого являются 3 ш., за

¹⁰ К этому третьему закону Мак Куллох делает, между прочим, то полезное добавление, что прибавочная стоимость может повышаться и без понижения стоимости рабочей силы, раз уничтожаются налоги, выплачивавшиеся раньше капиталистом. Уничтожение таких налогов абсолютно ничего не изменяет в количестве прибавочной стоимости, непосредственно высасываемой из рабочего промышленным капиталистом. Оно изменяет лишь ту пропорцию, в которой капиталист должен распределить прибавочную стоимость между своим карманом и третьими лицами. Таким образом, оно оставляет совершенно неизменным отношение между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью. Следовательно, исключением Мак Куллоха доказывает лишь непонимание им общего правила, — несчастье, постигающее его при вульгаризации Рикардо, столь же часто, как Ж. Б. Сэя при вульгаризации А. Смита.

висит от удельного веса, который имеет давление капитала с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью определенного количества средств существования. С изменением производительной силы труда меняется стоимость этих средств существования, а не их масса. При повышении производительной силы труда масса средств существования как рабочего, так и капиталиста может расти одновременно и в одной и той же пропорции, не вызывая никакого изменения в отношении величин цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Если первоначальная стоимость рабочей силы 3 ш., а необходимое рабочее время равно 6 часам, и если прибавочная стоимость также 3 ш., т. е. прибавочный труд равен также 6 часам, то удвоение производительной силы труда при прежнем разделении рабочего дня оставит цену рабочей силы и прибавочную стоимость без изменения. Допустим теперь, что каждая из них выражается в двойном количестве, но соответственно удешевленных потребительных стоимостей. Хотя цена рабочей силы осталась неизменной, она все же стоит теперь выше ее стоимости. Если бы цена рабочей силы упала, но не до минимальной границы в $1\frac{1}{2}$ ш., определяемой ее новой стоимостью, а до 2 ш. 10 п., 2 ш. 6 п. и т. д., то даже эта упавшая цена все же представляла бы возросшую массу средств существования. Таким образом при повышающейся производительной силе труда цена рабочей силы могла бы падать непрерывно наряду с непрерывным же ростом массы средств существования рабочего. Но при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста¹¹.

Рикардо первый строго формулировал три установленные выше закона. Недостатки его изложения следующие: 1) те особые условия, при которых имеют силу эти законы, он считает само собою разумеющимися, всеобщими и исключительными условиями капиталистического производства. Для него не существует изменений ни в длине рабочего дня, ни в интенсивности труда, так что производительная сила самого труда является для него единственным переменным фактором. — 2) Подобно всем другим экономистам, Рикардо никогда не исследовал прибавочную стоимость как таковую, т. е. независимо от ее особых форм, каковы: прибыль, земельная рента и т. д. И эта вторая неправильность внесла в его анализ ошибки гораздо более значительные, чем первая. Законы, касающиеся нормы прибавочной стоимости, он непосредственно сваливает в одну кучу с законами нормы прибыли. Между тем, как уже было сказано, норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, тогда как норма прибавочной стоимости есть отношение прибавочной стоимости к одной лишь переменной части этого капитала. Пусть капитал в 500 ф. ст. (K) разделяется на сырые материалы, средства труда и т. д., составляющие вместе 400 ф. ст. (c) и 100 ф. ст. заработной платы (v): пусть далее прибавочная стоимость = 100 ф.

¹¹ Когда наступает изменение в производительности промышленности и данным количеством труда и капитала производится больше или меньше продукта, относительная величина заработной платы может значительно изменяться, в то время как количество продуктов, представляемое этой относительной величиной, остается то же самое; или же может изменяться количество продуктов, в то время как относительная величина остается неизменной («*Outlines of Political Economy*»; London 1832, p. 67).

ст. (m). Тогда норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{100 \text{ ф. ст.}} = 100\%$.

Между тем норма прибыли $\frac{m}{K} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{500 \text{ ф. ст.}} = 20\%$. Очевидно, кроме

того, что норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, в третьей книге этой работы, я покажу, что при известных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости в одной и той же норме прибыли.

§. Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда изменяется

Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени. Более интенсивный рабочий день воплощается поэтому в большем количестве продуктов, чем менее интенсивный день той же продолжительности. Правда, и при повышении производительной силы тот же самый рабочий день доставляет больше продукта. Но в последнем случае понижается стоимость единицы продукта, так как вследствие возрастания производительности продукт стоит меньше труда, чем раньше; наоборот, в первом случае стоимость остается неизменной, так как продукт стоит того же труда, что и раньше. Количество продуктов возрастает здесь, не вызывая падения их цены. Вместе с их количеством растет и сумма их стоимости, тогда как при повышении производительности та же самая сумма стоимости выражается в возросшей массе продуктов. Таким образом при неизменном количестве рабочих часов более интенсивный рабочий день воплощается в более высокой вновь созданной стоимости, а следовательно, в большем количестве денег, раз стоимость последних не изменяется. Вновь созданная в течение рабочего дня стоимость изменяется с отклонением его интенсивности от нормального общественного уровня. Тот же самый рабочий день выражается теперь уже не в постоянной, а в переменной вновь произведенной стоимости, так, напр., двенадцатичасовой день повышенной интенсивности в 7 ш., 8 ш. и т. д. вместо 6 ш., в которых выражается двенадцатичасовой рабочий день обычной интенсивности. Очевидно, что раз вновь создаваемая в течение рабочего дня стоимость изменяется, напр., с 6 до 8 ш., то обе составные части этой вновь произведенной стоимости — цена рабочей силы и прибавочная стоимость — могут возрастать одновременно в той же самой или в различной пропорции. Цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут одновременно возрасти с 3 ш. до 4, раз вновь созданная стоимость возрастает с 6 ш. до 8. В данном случае возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее цены ниже стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного снашивания.

Нам известно, что за переходящими исключениями изменение производительности труда вызывает изменение в величине стоимости рабочей силы.

а следовательно, и в величине прибавочной стоимости лишь в том случае, если продукты рассматриваемой отрасли промышленности входят в обычное потребление рабочего. Это ограничение в данном случае отпадает. Изменяется ли количество затраченного труда экстенсивно или интенсивно, изменению этой величины во всяком случае соответствует изменение величины вновь создаваемой стоимости, какова бы ни была природа тех предметов, в которых эта стоимость воплощается.

Если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно-нормальным уровнем и, следовательно, уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина. Однако и в этом случае степени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций. Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации¹².

3. Производительная сила и интенсивность труда постоянны, рабочий день изменяется

Рабочий день может изменяться в двух направлениях. Он может сокращаться и удлиняться. При этих условиях мы получаем следующие законы:

1. Рабочий день воплощается в стоимости, величина которой изменяется в том же направлении, как рабочий день: увеличивается и уменьшается вместе с ним, т. е. представляет величину переменную, а не постоянную.

2. Всякое изменение в отношении величин прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы вытекает из изменения в абсолютной величине прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости.

3. Абсолютная стоимость рабочей силы может изменяться лишь благодаря тому обратному действию, которое удлинение прибавочного труда оказывает на снашивание этой силы. Следовательно, всякое изменение ее абсолютной стоимости есть следствие, но никогда не причина изменения абсолютной величины прибавочной стоимости.

В этой главе, как и в дальнейшем, мы постоянно предполагаем, что рабочий день первоначально составляет 12 часов, 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда; цена продуктов составляет 6 ш., из которых одна половина достается рабочему, другая — капиталисту.

Рассмотрим прежде всего сокращение рабочего дня, напр., с 12 до 10 часов. Теперь он дает стоимость только в 5 ш. Прибавочный труд понизился с 6 до 4 часов, прибавочная стоимость с 3 до 2 ш. Это уменьшение абсолютной величины ведет за собой уменьшение относительной величины прибавочного труда и прибавочной

¹² «При прочих равных условиях английский фабрикант может в течение данного промежутка времени произвести значительно большую сумму продуктов, чем иностранный фабрикант, благодаря чему уравновешивает разницу между 60-часовой рабочей неделей у нас и 72- или 80-часовой за три недели» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1885», p. 65). Более или менее значительное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках было бы самым действительным средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом.

стоимости. Последняя относилась к стоимости рабочей силы как 3 : 3, теперь уже только как 2 : 3. Зато стоимость рабочей силы, хотя по абсолютной величине она осталась такая же, возросла по своей относительной величине. Она повысилась с 3 : 3 до 3 : 2.

1) Сокращение рабочего дня при данных условиях, т. е. при неизменной производительной силе и интенсивности труда, оставляет без перемены стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращает прибавочный труд и прибавочную стоимость. С падением абсолютной величины последней падает и ее относительная величина, т. е. ее величина по сравнению с неизменной по величине стоимостью рабочей силы. Только путем понижения ее цены ниже стоимости мог бы в данном случае капиталист извратиться от потерь.

Все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что явление совершается при допущенных здесь условиях, между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует сокращению рабочего дня, или непосредственно следует за ним¹³.

2) При удлинении рабочего дня, напр., с 12 до 14 часов, прибавочная стоимость возрастает с 3 до 4 ш., если эти 2 часа составят дополнительный прибавочный труд в пользу капиталиста. Прибавочная стоимость возрастает абсолютно и относительно, между тем как величина стоимости рабочей силы абсолютно остается без изменения, относительная же падает, с 3 : 3 до 3 : 4. При условиях, предположенных в параграфе 1, относительная величина стоимости рабочей силы не могла бы изменяться без изменения ее абсолютной величины. Здесь, напротив, изменение относительной величины стоимости рабочей силы есть результат изменения абсолютной величины прибавочной стоимости.

Так как вновь произведенная стоимость, в которой выражается рабочий день, растет вместе с удлинением этого последнего, то цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрасти одновременно, — на одну и ту же или на различные величины. Этот одновременный рост возможен, следовательно, в двух случаях: при абсолютном удлинении рабочего дня и при растущей интенсивности труда без такого удлинения.

При удлинении рабочего дня цена рабочей силы может упасть ниже ее стоимости, хотя бы номинально она осталась неизменной или даже повысилась. Ведь дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, нормальной средней продолжительностью или нормальным периодом жизни рабочего и нормальным, свойственным человеческой природе, превращением живой субстанции в движение¹⁴. До известного пункта повышенное снашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано усиленным возмещением трат организма. За пределами этого пункта снашивание растет в геометрической прогрессии,

¹³ «Существуют компенсирующие обстоятельства... как это обнаружилось действием десятичасового фабричного закона» («Reports of Insp. of Fact. for 1-st December 1848», p. 7).

¹⁴ «Сумма труда, затраченного человеком в течение 24 часов, может быть приблизительно определена путем исследования химических изменений, имевших место в его теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы» (Grove, On the Correlation of Physical Forces, London 1864).

и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирование рабочей силы. С этого момента цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами.

4. Одновременные изменения продолжительности производительной силы и интенсивности труда

Очевидно, здесь возможно значительное число комбинаций. Могут одновременно изменяться все три фактора, или любые два при третьем неизменном. Они могут изменяться в одинаковой или в различной степени, в одном и том же или в противоположных направлениях, причем в последнем случае изменения компенсируются отчасти или вполне. Впрочем, после выводов параграфов I, II и III анализ всех возможных случаев не представляет затруднений. Результат любой комбинации отыскивается очень легко, если последовательно рассматривать каждый из факторов, как переменный, предполагая остальные постоянными. Поэтому здесь мы отметим вкратце лишь два важных случая.

1. Уменьшающаяся производительная сила труда при одновременном удлинении рабочего дня.

Говоря об уменьшающейся производительной силе труда, мы имеем здесь в виду те отрасли труда, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, так, напр., понижение производительной силы труда вследствие возрастающего неплодородия почвы и соответственного вздорожания продуктов земледелия. Пусть рабочий день продолжается 12 часов, а произведенная в течение его новая стоимость составляет 6 ш., из которых половина возмещает стоимость рабочей силы, а другая половина образует прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий день распадается на 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда. Пусть вследствие вздорожания земледельческих продуктов стоимость рабочей силы повышается с 3 до 4 ш., следовательно, необходимое рабочее время с 6 до 8 часов. Если рабочий день остается неизменным, то прибавочный труд падает с 6 до 4 часов, прибавочная стоимость с 3 до 2 ш. Если рабочий день удлиняется на два часа, т. е. с 12 до 14 часов, то прибавочный труд остается равным 6 часам, прибавочная стоимость — 3 ш. Но по сравнению со стоимостью рабочей силы, измеряемой необходимым трудом, величина прибавочной стоимости падает. Если рабочий день удлиняется на 4 часа, с 12 до 16 часов, то отношение прибавочной стоимости к стоимости рабочей силы, прибавочного труда к необходимому, остается без перемены, но абсолютная величина прибавочной стоимости возрастает с 3 до 4 ш., абсолютная величина прибавочного труда с 6 до 8 часов, следовательно, на $\frac{1}{3}$, или на $33\frac{1}{3}\%$. Таким образом при уменьшении производительной силы труда и одновременном удлинении рабочего дня абсолютная величина прибавочной стоимости может остаться без изменения, несмотря на то, что относительная величина ее падает; ее относительная величина может оставаться неизменной, в то время как абсолютная величина растет, и, наконец, при известной степени удлинении рабочего дня может одновременно расти и относительная и абсолютная величина прибавочной стоимости.

Этот результат достигается еще быстрее, если одновременно с продолжительностью возрастает и интенсивность труда.

В период с 1799 по 1815 г. рост цен на средства существования вызвал в Англии номинальное повышение заработной платы, хотя действительная, выраженная в средствах существования заработная плата упала. Отсюда West и Рикардо вывели заключение, что уменьшение производительности земледельческого труда вызвало падение нормы прибавочной стоимости, и сделали это существовавшее только в их фантазии предположение исходным пунктом важного анализа количественных соотношений между заработной платой, прибылью и земельной рентой. Но в действительности, благодаря возросшей интенсивности труда и вынужденному удлинению рабочего дня, рука об руку с которым шел ускоренный рост капитала и пауперизация рабочих, прибавочная стоимость возросла в то время и абсолютно и относительно¹⁵. Это был период, когда чрезмерное удлинение рабочего дня приобрело права гражданства¹⁶.

2. Интенсивность и производительная сила труда возрастают при одновременном сокращении рабочего дня.

Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно, и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство средств своего существования или их эквива-

¹⁵ «Главная причина возрастания капитала в течение войны проистекала из великих усилий и, быть может, еще больших лишений рабочих классов, наиболее многочисленных в каждом обществе. Большое количество женщин и детей силой обстоятельств было вынуждено заняться промышленным трудом; и прежние работники по той же самой причине должны были посвятить большую часть своего времени увеличению производства» («Essays on Political Economy in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress», London 1830, p. 248).

¹⁶ «Хлеб и труд (по своей цене) редко идут совершенно рука об руку. Но существует очевидная граница, за пределами которой они не могут быть разделены. Что касается тех необычайных усилий, которые рабочие классы делали в период дороговизны и которые вызвали падение заработной платы, установленное свидетельскими показаниями (а именно перед парламентскими комитетами 1814 — 15 г.), то они, конечно, делают честь отдельным лицам и способствуют росту капитала. Но ни один гуманный человек не пожелает, чтобы они остались постоянными и не ослабевающими. Они заслуживают всяческой похвалы как временное средство выхода; но если бы они сделались постоянными, то получились бы результаты, аналогичные тем, какие имеют место, когда разномыслие народа усиливается до крайних пределов, допускаемых средствами его существования» (Malthus, Inquiry into the Nature and Progress of Rent, London 1815, p. 48 прим.). Мальтус подчеркивает здесь удлинение рабочего дня, на которое он прямо указывает и в другом месте своего памфлета, тогда как Рикардо и др., несмотря на вопиющие факты этого рода, рассматривают во всех своих исследованиях рабочий день как величину постоянную. Это, конечно, делает честь Мальтусу. Но консервативные интересы, слугою которых был Мальтус, мешали ему видеть, что чрезмерное удлинение рабочего дня вместе с необычайным развитием машин и эксплуатацией женского и детского труда должно было сделать «избыточной» значительную часть рабочего класса, в особенности с прекращением созданного войной спроса и английской монополии на мировом рынке. Само собой разумеется, было гораздо удобнее, гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус воскурял фимиам с чисто поповским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно историческими естественными законами капиталистического производства.

лента. Абсолютная минимальная граница рабочего дня определяется вообще этой его необходимой, хотя и сократимой составной частью. Если бы к этой последней свелся весь рабочий день, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно при режиме капитала. Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом, однако, при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления (такого запаса средств производства и существования, который позволяет расширять производство и возмещать возможные убытки, между прочим и от несчастных случаев).

Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией [бережливим и хозяйственным его применением]. Последняя включает в себя не только экономию на средствах производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил наряду с массой функций, в настоящее время неустранимых, хотя по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой точки зрения абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством прекращения всей жизни масс в рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как мы видели, норма прибавочной стоимости выражается в следующих формулах:

1

$$\frac{\text{прибавочная стоимость } (m)}{\text{переменный капитал } (v)} = \frac{\text{прибавочная стоим.}}{\text{стоим. рабоч. силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$$

Две первые формулы выражают в виде отношения стоимостей то же самое, что третья формула выражает в виде отношения времен, в течении

которых эти стоимости производятся. Эти взаимно заместимые формулы обладают полной логической строгостью. Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу. Но зато мы встречаем в ней следующие производные формулы:

II^{16a}

$$\left(\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} \right) = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}} = \frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный продукт}}$$

Одно и то же отношение попеременно выражается здесь то в форме рабочих времен, то в форме стоимостей, в которых они воплощаются, то в форме продуктов, в которых существуют эти стоимости. Само собой разумеется, что под стоимостью продукта здесь следует понимать стоимость, вновь созданную рабочим днем, а постоянная часть стоимости продукта должна быть исключена.

Во всех этих формулах [под II] действительная степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, выражена неправильно. Пусть рабочий день равняется 12 часам. Сохранив все остальные допущения нашего прежнего примера, мы в таком случае выразим степень действительной эксплуатации труда в следующих отношениях:

$$\frac{6 \text{ часов прибавочного труда}}{6 \text{ часов необход. труда}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 ш.}}{\text{переменный капитал в 3 ш.}} = 100\%.$$

Между тем, применяя формулы II, мы получим:

$$\frac{6 \text{ часов прибавочного труда}}{\text{рабочий день в 12 часов}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 ш.}}{\text{вновь произвед. стоим. в 6 ш.}} = 50\%.$$

Эти производные формулы в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или произведенная им стоимость распределяется между капиталистом и рабочим. Но если они принимаются за непосредственное выражение степени самовозрастания капитала, то тем самым устанавливается ложный закон; прибавочный труд или прибавочная стоимость никогда не может достигнуть 100%¹⁷. Так как прибавочный труд всегда составляет

^{16a} Первую формулу мы заключаем в скобки, потому что в буржуазной политической экономии мы не находим ясно выраженного понятия прибавочный труд [примечание к французскому изданию].

¹⁷ Ср., напр., «Dritter Brief an v. Kirchman von Rodbertus. Widerlegung der Ricardoschen Theorie von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie». Berlin 1854. Я впоследствии вернусь к этой работе, которая, несмотря на ложную теорию земельной ренты, правильно улавливает сущность капиталистического производства. — [В примечании к 3-му изданию Энгельс говорит: «Читатель видит, как благожелательно относился Маркс к своим предшественникам, раз он находил у них действительный шаг вперед, какую-либо верную новую мысль. Между тем опубликованные за последнее время письма Родбертуса к Руд. Мейеру заставляют до известной степени ограничить вышеприведенную оценку Маркса. Мы читаем там: «Необходимо спасти капитал не только от труда, но и от самого себя, а это фактически лучше всего достигается тем, что деятельность предпринимателя-капиталиста рассматривается как народно- и государственно-хозяйственные функции, возложенные на него капиталистической собственностью, а его доход — как особый вид жалованья, ибо никакой иной социальной организации мы еще не знаем. Но жалованья должны быть урегулированы

лишь часть рабочего дня и прибавочная стоимость — лишь часть всей вновь произведенной стоимости, то прибавочный труд всегда необходимо должен быть меньше, чем весь рабочий день, или прибавочная стоимость меньше, чем вся вновь произведенная стоимость. Но для того, чтобы относиться друг к другу

как $\frac{100}{100}$, они должны быть равны между собой. Чтобы прибавочный труд мог охватить весь рабочий день (дело идет о среднем дне рабочей недели, рабочего года и т. д.), необходимый труд должен понизиться до нуля. Но раз исчезает необходимый труд, исчезает и прибавочный труд, потому что последний есть только функция первого [величина, зависящая от первой и необходимо с ней связанная]. Поэтому отношение $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} =$

$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{вся вновь произвед. стоимость}}$ никогда не может достигнуть предела $\frac{100}{100}$

и еще менее может подняться до $\frac{100 + x}{100}$. Но это вполне возможно для нормы прибавочной стоимости, выражающей действительную степень эксплуатации труда. Возьмем для примера вычисление господина L. de Lavergne, согласно которому английский земледельческий рабочий получает лишь $\frac{1}{4}$, а капиталист (арендатор) $\frac{3}{4}$ продукта¹⁸ или его стоимости, причем мы совершенно оставляем в стороне вопрос, каким образом распределяется затем эта добыча между капиталистом, земельным собственником и т. д. Согласно этому прибавочный труд английского сельскохозяйственного рабочего относится к его необходимому труду как 3 : 1, процентная норма эксплуатации равна 300%.

Схоластический метод рассматривать рабочий день как величину постоянную укрепился благодаря применению формул II, так как здесь прибавочный труд сравнивается всегда с рабочим днем данной величины. Тот же самый результат получается, если обращают внимание исключительно на распределение вновь произведенной стоимости. Рабочий день, уже воплощенный в произведенной стоимости, всегда является рабочим днем данной величины.

Когда прибавочная стоимость и стоимость рабочей силы изображаются в виде частей вновь произведенной стоимости, — впрочем, такой способ изображения естественно вырастает на почве капиталистического способа производства, и мы выясним впоследствии его значение, — то при этом

и понижены, раз они слишком много отнимают от заработной платы. Таким же образом следует отразить предпринятую Марксом атаку на общество, — так я назвал бы его книгу... Вообще книга Маркса представляет не столько исследование, посвященное капиталу, сколько полемику против современной формы капитала, которую он смешивает с самым понятием капитала, откуда и происходят все его ошибки» («Briefe etc. von Dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgegeben von Dr. Rud. Meyer». Berlin 1881, I Bd., S. 111, 48. Письмо Родбертуса). — В таких идеологических обих местах совершенно иссякают смелые задатки «Социальных писем» Родбертуса. — С того времени, как это написано Энгельсом, появились те соображения о теории земельной ренты Родбертуса, на которые выше ссылается Маркс (см. K. M a r x, Theorien über den Mehrwert, Bd. II, Kap. 1, S. 176, 208 ff.) и.)

¹⁸ Само собой разумеется, при этом вычисления вычтена та часть продукта, которая лишь возмещает затраты постоянного капитала. — Господин L. de Lavergne, слепой поклонник Англии, дает скорее слишком низкое, чем слишком высокое отношение.

скрадывается специфический характер капиталистического отношения, а именно тот факт, что переменный капитал обменивается на живую рабочую силу и, следовательно, рабочий **отстраняется от** продукта. Вместо того создается иллюзия ассоциации [товарищества], участники которой — капиталист и рабочий — распределяют между собой продукт пропорционально различным образующим его факторам¹⁹.

Впрочем, формулы II всегда могут быть обратно превращены в формулы I. Если, напр., мы имеем: $\frac{\text{прибавочный труд в 6 час.}}{\text{рабочий день в 12 час.}}$, то необходимое рабочее время = рабочему дню в двенадцать часов минус прибавочный труд в шесть часов. Получаем, следовательно:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 час.}}{\text{необходимый труд в 6 час.}} = \frac{100}{100}$$

Третья формула, которую я иногда уже приводил, забегая вперед, такова:

III

$$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$$

Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ могла бы дать повод подумать, что капиталисту приписывается здесь оплата труда, а не рабочей силы, но возможность такого недоразумения устранена предшествующим изложением. $\frac{\text{Неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ есть лишь популярное выражение для $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Капиталист оплачивает стоимость или отклоняющуюся от нее цену рабочей силы и при помощи обмена получает в свое распоряжение самую живую рабочую силу. Использование им этой рабочей силы распадается на два периода. В течение одного периода рабочий производит лишь стоимость, равную стоимости его рабочей силы, следовательно, лишь ее эквивалент. Таким образом вместо авансированной цены рабочей силы капиталист получает продукт такой же цены. Дело происходит так, как будто бы капиталист купил продукт в готовом виде на рынке. Наоборот, в период прибавочного труда использование рабочей силы создает для капиталиста стоимость, в возмещение которой он не затрачивает никакой стоимости²⁰. Здесь результаты деяте-

¹⁹ Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как отстраниться от свойственного им антагонистического характера и рассмотреть их в виде форм свободной ассоциации. Это проделал, напр., граф А. Дабригорд, «De l'Esprit de l'Association dans tous les intérêts de la Coopération». Paris 1818». Никол Н. Carey с таким же успехом выполняет порой эту функцию в применении к отношениям рабской системы.

²⁰ Хотя физиократы не раскрыли тайны прибавочной стоимости, им это же было ясно, по крайней мере, то, что прибавочная стоимость есть продукт, независимое и находящееся в свободном распоряжении собственника. — Богатство, которое он не купил, но продает» (T u r g o t's réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses, p. 11).

ности рабочей силы достаются ему даром. В этом смысле прибавочный труд может быть назван неоплаченным трудом.

Итак, капитал есть не только господство над трудом, как выражается А. Смит. Он в основе своей есть господство над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самому существу своему представляет воплощение неоплаченного рабочего времени. Разрешение тайны самовозрастания капитала состоит в том, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ, СООТВЕТСТВЕННО ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ, В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

При поверхностном рассмотрении буржуазного общества плата рабочего является ценой труда, определенным количеством денег, уплачиваемых за определенное количество труда. При этом говорят о стоимости труда и ее денежное выражение называют необходимой или естественной ценой труда. С другой стороны, говорят о рыночных ценах труда, т. е. о ценах, колеблющихся выше или ниже его необходимой цены.

Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного на его производство общественного труда. А чем измеряем мы величину этой стоимости? Величиной заключающегося в ней труда. Чем же могла бы определяться стоимость, напр., двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно, лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология²¹.

Для того, чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд, конечно, должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не самый труд²².

²¹ Рикардо довольно находчиво избегает затруднения, которое на первый взгляд грозит разрушить его теорию, что стоимость зависит от количества, затраченного на производство труда. Если применять этот принцип с полной строгостью, то из него следует, что стоимость труда зависит от количества труда, употребленного на его производство, — что, очевидно, нелепо. Поэтому ловким оборотом мысли Рикардо ставит стоимость труда и зависимость от количества труда, необходимого для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что стоимость труда определяется количеством труда, необходимого для производства заработной платы; причем под этим последним он разумеет количество труда, необходимого для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это — то же самое, что сказать: стоимость сукна определяется не количеством труда, затраченного на его производство, а количеством труда, затраченного на производство того серебра, на которое сукно обменивается. («A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 50, 51).

²² «Если вы и называете труд товаром, то он во всяком случае не похож на тот товар, который сначала производится с целью обмена, а затем вы-

Но и независимо от этих противоречий прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда на живой труд, уничтожил бы или закон стоимости, который достигает свободного развития как раз на основе капиталистического производства, или же само капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде. Пусть, напр., рабочий день в 12 часов выражается в денежной стоимости в 6 ш. Если обмениваются эквиваленты, рабочий получит за свой двенадцатичасовой труд 6 ш. Цена его труда была бы равна цене продукта труда. В этом случае он не произведет никакой прибавочной стоимости для покупателя своего труда, эти 6 ш. не превратятся в капитал, вместе с тем, исчезает самая основа капиталистического производства; но как раз на этой основе рабочий продает свой труд, как раз на этой основе его труд является наемным трудом. Или же рабочий получает за 12 часов труда менее 6 ш., т. е. менее, чем 12 часов труда: 12 часов труда обмениваются на 10, 6 и т. д. часов труда. Это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или формулировано в качестве закона²³.

Не поможет также делу попытка вывести обмен большего количества труда на меньшее из различия формы: из того, что в одном случае имеется овеществленный, в другом — живой труд²⁴. Это тем более нелепо, что стоимость товара определяется не количеством действительно овеществленного в нем, а количеством необходимого для его производства живого труда. Пусть товар представляет 6 рабочих часов. Если будут сделаны изобретения, благодаря которым его можно будет произвести в течение 3 часов, то и стоимость уже произведенного товара понизится наполовину. Теперь товар этот представляет уже только 3 часа необходимого общественного труда вместо прежних шести. Таким образом величина стоимости товара определяется количеством труда, необходимого для его производства, а не количеством уже овеществленного в нем труда.

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. Товар, продаваемый последним, есть его рабочая сила. Последняя уже не принадлежит рабочему в тот момент, когда действительно начинается его труд, и, следовательно, более не может быть им про-

---

носится на рынок, где должен быть обменен в определенных количествах на другие товары, имеющиеся одновременно на рынке; труд создается лишь тогда, когда он вынесен на рынок, или, точнее, он выносятся на рынок раньше, чем он создан» (*Observations on some verbal disputes etc.*, p. 75, 76).

²³ «Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар и если стоимости этих двух товаров определяются одинаковыми количествами труда, то данная сумма труда... будет обменяться на такое количество капитала, которое было произведено той же самой суммой труда; прошлый труд будет... обменяться на ту же самую сумму настоящего труда. Но стоимость труда определяется... не таким же количеством труда, как стоимость других товаров» (E. O. Wakefield в его издании А. Смита «Wealth of Nations. London 1830», т. I, p. 231, примечание).

²⁴ «Необходимо было, согласиться (еще одна разновидность «*contrat social*» [общественного договора]), что каждый раз, когда будет обмениваться прошлый труд на будущий труд, последний (капиталист) получит стоимость высшую, чем первый (рабочий)» (Simon de Sismondi, *De la Richesse Commerciale, Genève 1803, vol. I, p. 37*).

дела. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости²⁵.

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно аннулировано, но и превращено в свою противоположность. Это такое же мнимое [не соответствующее действительности] выражение, как, напр., стоимость помли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категория для форм проявления некоторых действительно существующих отношений. Что вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде, признано, как будто, во всех науках, на исключением политической экономии²⁶.

Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обманной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме ее изменения, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. Очевидно, цена труда при равенстве спроса и предложения должна быть определена независимо от отношения между спросом и предложением; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда как предмету, который собственно и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, напр., за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравновешиваются на некоторой средней, постоянной величине. Очевидно, эта средняя величина должна быть определена чем-нибудь иным, а не взаимно нейтрализующимися отклонениями от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая

²⁵ «Труд, исключительное мерило стоимости... создатель всякого богатства, сам не является товаром» (Th. Hodgskin, Popular Political Economy, p. 186).

²⁶ Напротив, попытки объяснять такие выражения как простые licentia poetica [поэтические вольности] свидетельствуют о бессилии анализа. По поводу фразы Прудона: «О труде говорят, что он имеет стоимость («value»), но в том смысле, как о собственно товаре, а имея в виду ту стоимость, которая предполагается заключенной в нем потенциально. Стоимость труда есть выражение фигуральное и т. д.», — я замечаю: «В труде-товаре, который обладает убийственной реальностью, он видит только грамматический вымысел. Итак, отныне все современное общество, основанное на товарном характере труда, объявляется основанным на поэтической вольности, на фигуральном выражении. И, если это общество захочет уничтожить все не-порядки, которые его терзают, — что же? нет ничего легче! пусть оно уничтожит только неудачные термины, пусть оно изменит язык, а для этого стоит лишь обратиться к академии с просьбой выпустить новое издание ее словаря» (K. Marx, Mém. de la Philosophie, p. 34, 35). [Русск. перев., стр. 56.] Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином «стоимость» совершенно ничего определенного. Тогда можно, смотря по обстоятельствам, подводить под эту категорию все, что угодно. Так поступает, напр., J. B. Say. Что такое «value» [«стоимость»]? Ответ: «То, чего стоит данная вещь». А что такое «price»? Ответ: «Стоимость данной вещи, выраженная в деньгах». А почему имеет стоимость... труд земли? «Потому что за него дают известную цену». Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет «стоимость», потому что стоимость ее «выражают в деньгах». Это во всяком случае очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей.

«необходимая цена» (физиократы) или «естественная цена» (А. Смит) труда может представлять, как и у других товаров, лишь стоимость, выраженную в деньгах.

Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства — рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической экономии бессознательно подменился первоначальный вопрос, так как при исследовании издержек производства труда, как такового, она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно, то, что она называет стоимостью труда (value of labour), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая реально существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, производимым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет их от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда в свою очередь свести к стоимости рабочей силы. Не дав себе отчета в этих результатах своего собственного анализа, некритически применяя категории «стоимость труда», «естественная цена труда» и т. д. как последнее адекватное выражение отношения стоимости, классическая политическая экономия запуталась, как мы увидим впоследствии, в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений.

Посмотрим, прежде всего, каким образом стоимость и цена рабочей силы выражаются в своей превращенной форме, в виде заработной платы.

Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня. Допустим, что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., представляющим денежное выражение стоимости, воплощающей в себе 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 ш., он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов. Выразив теперь эту дневную стоимость рабочей силы в виде стоимости дневного труда, мы получим формулу: двенадцатичасовой труд имеет стоимость в 3 ш. Стоимость рабочей силы определяет таким образом стоимость труда, или — в денежном выражении — его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от ее стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости.

Так как стоимость труда есть лишь иррациональное [противоречивое] выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. В приведенном выше примере стоимость рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов, равна 3 ш., — стоимости, для воспроизводства которой рабочая сила должна функционировать 6 часов. Между тем вновь

произведенная стоимость 6 ш., так как фактически рабочая сила функционировала 12 часов, а произведенная ею стоимость зависит не от ее собственной стоимости, а от продолжительности ее функционирования. Мы получаем таким образом тот на первый взгляд нелепый результат, что труд, создающий стоимость в 6 ш., сам обладает стоимостью в 3 ш.²⁷

Мы видим далее, что стоимость в 3 ш., в которой выражается оплаченная часть рабочего дня, т. е. шестичасовой труд, представляет стоимость или цену всего двенадцатичасового рабочего дня, включающего в себя шесть неоплаченных часов труда. Итак, форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Всякий труд представляется оплаченным трудом. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных средств существования, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом²⁸. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный или неоплаченный труд кажется оплаченным. Там отношение собственности скрывает работу раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего.

Поэтому поэтому, какое громадное значение имеет превращение стоимости в цену рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в форму стоимости и цены самого труда. На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии.

Если немирной истории потребовалось много времени, чтобы вскрыть тайну заработной платы, то, напротив, нет ничего легче, как понять необходимость [raison d'être, причины существования] этой внешней формы проявления.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает наличную сумму денег, продавец — вещь, отличную от денег. Юридическое сравнение видит здесь в лучшем случае лишь материальную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «Do ut des», «do ut facias», «facio ut des» и «facio ut facias» [т. е. «даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы

²⁷ Ср. «Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin 1859», стр. 40, где я объяснил, что исследование капитала должно разрешить следующую проблему: «Каким образом производство, основанное на меновой стоимости, и в котором меновой стоимостью исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?» (К. Маркс, Ницета философии. Б-ка марксиста. Гиз. 1928. Стр. 103).

²⁸ «Morning Star», шипящий до глупости орган лондонских фритредеров, во время транзитивной войны в Америке не устал обрушиваться со всем своим доверженным ценовому моральному негодования на тот факт, что негр работает в «Confederate States» [южных штатах] совсем даром. Жаль, что он не интересуется сравнить дневные издержки такого негра и дневные издержки свободного рабочего, напр., в лондонском East End'e.

ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал», — четыре основных формы римского обязательственного права. — К.].

Далее: так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем, напр., выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции платежного средства деньги *post factum* [впоследствии] реализуют стоимость или цену доставленного продукта, следовательно, в данном случае стоимость или цену доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, рассматриваемый с иной стороны, есть всеобщий созидающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания.

Если мы станем на точку зрения рабочего, который за свой двенадцати-часовой труд получает стоимость, произведенную шестичасовым трудом, скажем 3 ш., то для него двенадцати-часовой труд действительно есть лишь средство купить 3 ш. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных средств его существования: повыситься с 3 ш. до 4 или упасть с 3 ш. до 2, или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 4 ш. или упасть до 2 ш., — во всех этих случаях рабочий одинаково дает 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо предстает ему изменением стоимости или цены его 12 рабочих часов. Это же самое обстоятельство привело А. Смита, рассматривающего рабочий день как величину постоянную,²⁹ к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна, несмотря на то, что стоимость средств существования изменяется, и потому один и тот же рабочий день может выразиться для рабочего в большем или меньшем количестве денег. Оно говорит:

«Цена (выраженная в труде), получаемая рабочим, должна всегда оставаться одинаковой, как бы ни изменялось количество товаров, которые он получает за нее. На эту цену в одном случае можно купить большее количество их, в другом — меньшее; но в таком случае изменяется их стоимость, а не стоимость труда, покупающего их»^{29a}.

Возьмем, с другой стороны, капиталиста. Он, прежде всего, хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создает ее функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далек от понимания того обстоятельства, что, если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

²⁹ Лишь случайно, говоря о сдельной плате, А. Смит намекает на изменение рабочего дня.

^{29a} A. Smith, *Wealth of Nations*, b. I, ch. 5.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые, повидимому, доказывают, что оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда. Явления эти мы можем свести к двум крупным классам: 1. Изменение заработной платы вместе с изменением длины рабочего дня. С таким же правом можно было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, потому что и машину стоит дороже нанять на неделю, чем на один день. 2. Индивидуальные различия в заработных платах различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Но такие же индивидуальные различия мы находим в системе рабского труда, где уже не остается места никаким иллюзиям, где сама рабочая сила продается совершенно открыто без всяких прикрас. Разница сводится лишь к тому, что при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наемного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продается самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и об их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПОВРЕМЕННАЯ ПЛАТА

Сама заработная плата принимает в свою очередь очень разнообразные формы, о чем нет никаких сведений в руководствах политической экономии, которые в своей грубой заинтересованности материей пренебрегают всякими различиями формы. Однако исследование всех этих форм относится к специальному учению о заработной плате и, следовательно, не составляет задачи настоящего сочинения. Здесь будет уместно лишь краткое описание двух основных форм.

Как мы помним, рабочая сила продается всегда на определенный период времени. Следовательно, «повременная плата», напр., подневная, понедельная и т. д., является той превращенной формой, в которой непосредственно выражается дневная стоимость рабочей силы, недельная ее стоимость и т. д.

Заметим, прежде всего, что изложенные в пятнадцатой главе законы изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости превращаются в законы заработной платы посредством простого формального преобразования. Равным образом различие между меновой стоимостью рабочей силы и массой средств существования, в которые она превращается, представляется теперь в виде различия между номинальной и реальной заработной платой. Было бы излишне повторять в применении к данной частной форме проявления все то, что было изложено относительно этих законов в их основной и существен-

ной форме. Мы ограничимся поэтому указанием немногих черт, специально характеризующих повременную плату.

Та сумма денег ³⁰, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, т. е. заработной платы, оцененной со стороны ее стоимости. Очевидно, однако, что в зависимости от длины рабочего дня, т. е. в зависимости от доставляемого ежедневно количества труда, одна и та же почтенная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда ³¹. Таким образом в области повременной платы необходимо установить дальнейшее различие между общей суммой заработной платы, напр., почтенной, понедельной и т. д., и ценою труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, напр., дневная стоимость рабочей силы равняется 3 ш., или стоимости, созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда = $\frac{3 \text{ ш.}}{12} = 3 \text{ п.}$ Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда.

Отсюда следует, что почтенная, понедельная и т. п. заработная плата может оставаться неизменной, несмотря на постоянное падение цены труда. Так, напр., если обычный рабочий день продолжается 10 часов, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., то цена рабочего часа — $3\frac{3}{5}$ п.; последняя упадет до 3 п., если рабочий день возрастет до 12 часов, и до $2\frac{2}{5}$ п., если рабочий день возрастет до 15 часов. Тем не менее почтенная и понедельная плата останутся неизменными. Наоборот, почтенная или понедельная плата может возрастать, несмотря на то, что цена труда остается неизменной и даже падает. Так, напр., при десятичасовом рабочем дне и дневной стоимости рабочей силы в 3 ш. цена рабочего часа будет $\frac{3}{5}$ пенса. Если рабочий вследствие увеличения работы при той же самой цене труда станет работать 12 часов в день, то его заработная плата возрастает до 3 ш. $7\frac{1}{5}$ п. без всякого изменения в цене труда. Тот же результат получился бы, если бы увеличилась не экстенсивная, а интенсивная величина труда ³². Таким образом повышение номинальной почтенной или понедельной платы может сопровождаться неизменной и даже падающей ценой труда. То же самое можно сказать относительно доходов рабочего семейства, раз количество труда, доставляемое отцом, пополняется трудом

³⁰ Стоимость самих денег всюду предполагается здесь постоянной.

³¹ «Цена труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (Sir Edward West, Price of Corn and Wages of Labour, London 1826, p. 67). West — автор анонимного произведения, сделавшего эпоху в истории политической экономии: «Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of the University College of Oxford. London 1815».

³² Плата за труд зависит от цены труда и от количества продуктов, доставляемых трудом... Увеличение заработной платы не связано необходимо с возрастанием цены труда. При удлинении рабочего времени и при более сильном его напряжении заработная плата может значительно возрасти, несмотря на то, что цена труда остается та же самая (West, Price of Corn and Wages of Labour, London 1826, стр. 67, 68, 112). Впрочем, от главного вопроса, чем определяется «цена труда», West отделяется банальными фразами.

других членов семьи. Таким образом, существуют методы понижения цены труда, независимые от уменьшения номинальной поденной или понедельной заработной платы³³.

Общий закон следующий: при данном количестве труда в день, в неделю и т. д. размеры поденной или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется вместе с изменением стоимости рабочей силы или отклонением ее цены от стоимости. Если, наоборот, дана цена труда, то поденная или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда.

Единица повременной платы, или цена рабочего часа, есть частное от деления дневной стоимости рабочей силы на число часов обычного рабочего дня. Пусть рабочий день заключает в себе 12 часов труда, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 ш., или стоимости, произведенной в 6 рабочих часов. Цена рабочего часа будет при этих условиях 3 п., вновь созданная им стоимость 6 п. Если мы предположим далее, что рабочему приходится работать менее 12 часов в день (или менее 6 дней в неделю), напр., 6 или 8 часов, то он получит при той же самой цене труда всего 2 или $1\frac{1}{2}$ ш. поденной платы. Так как по нашему предположению он должен работать в среднем 6 часов в день, чтобы произвести поденную плату, соответствующую стоимости его рабочей силы, так как согласно тому же предположению он затрачивает на себя лишь половину каждого часа труда, а другую половину работает на капиталиста, то очевидно, что он может заработать созданную шестичасовым трудом стоимость лишь в том случае, если проработает не менее 12 часов. Раньше мы видели разрушительные последствия чрезмерного труда, — здесь перед нами раскрывается источник тех страданий, которые грозят рабочему, когда он вынужден работать по неполному времени³⁴.

Если фиксируется часовая плата, так что обязательство капиталиста состоит не в том, чтобы выдавать определенную поденную или понедельную

³³ Это чувствует фанатический представитель промышленной буржуазии XVIII столетия, неоднократно цитированный нами автор «*Essay on Trade and Commerce*», хотя он излагает вопрос чрезвычайно запутанно: «Количество труда, а не цена его (под последней разумеется номинальная поденная или понедельная заработная плата) определяется ценой средств существования. Понизьте в достаточной степени цену средств существования и тем самым вы уменьшите в соответственной пропорции количество труда... Фабриканты знают, что существуют различные пути повышения и понижения цены труда, независимые от ее номинального размера» (в указанной работе р. 48 и 61). N. W. Senior в своих «*Three Lectures on the Rate of Wages*. London 1830», где он многое заимствует у West'a, не ссылаясь, однако, на него, между прочим, говорит: «Рабочий, главным образом, заинтересован в размерах заработной платы» (р. 14). Итак, рабочего, главным образом, интересует то, что он получает, номинальная сумма заработной платы, а не то, что он отдает, не количество труда!

³⁴ Влияние такой ненормальной безработицы совершенно отлично от влияния всеобщего, принудительного, установленного законом, понижения рабочего дня. Первая совершенно не затрагивает абсолютных размеров рабочего дня и может одинаково легко наступить и при 15-часовом, и при 6-часовом дне. Нормальная цена труда исчисляется в первом случае, исходя из предположения, что рабочий в среднем трудится 15 часов, во втором случае — исходя из предположения, что средний рабочий день составляет 6 часов. Результат получится одинаковый, если в первом случае рабочий будет занят в течение $7\frac{1}{2}$, во втором — в течение только 3 часов в день.

плату, а лишь в том, чтобы оплачивать те рабочие часы, в течение которых ему угодно дать занятие рабочему, то капиталист может сократить время труда рабочего по сравнению с теми размерами рабочего дня, которые первоначально послужили для определения часовой платы или единицы измерения цены труда. Так как эта единица определяется отношением

$\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, то, разумеется, она теряет всякий смысл, раз рабочий день перестает заключать в себе определенное число часов. Тем самым уничтожается связь между оплаченным и неоплаченным трудом. Капиталист может теперь выколотить из рабочего определенное количество прибавочного труда, не доводя рабочее время до уровня, необходимого для поддержания существования рабочего. Он может уничтожить всякую регулярность труда и, руководствуясь исключительно своим удобством, прихотью и минутным интересом, сменять периоды чудовищного чрезмерного труда периодами относительной или даже полной безработицы. Уплачивая, якобы, «нормальную цену труда», он может удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без соответственной компенсации для рабочего. Поэтому лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав против попытки капиталистов навязать им такую часовую оплату (в 1860 г.). Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец такого рода безобразиям, хотя, конечно, отнюдь не уничтожает недостатки работ, вытекающей из конкуренции машин, изменений в квалифицированности рабочих, получающих работу, из частичных и всеобщих кризисов.

При растущей почасовой или недельной плате цена труда может номинально остаться неизменной и, несмотря на то, упасть ниже своего нормального уровня. Это случается каждый раз, когда при постоянной цене труда, т. е. рабочего часа, рабочий день увеличивается за пределы своей обычной продолжительности. Если в дроби $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день}}$ растет знаменатель, то числитель растет еще быстрее. Снашивание рабочей силы, а следовательно, и стоимость рабочей силы растет, если растет продолжительность ее функционирования, и притом ее дневная стоимость растет в пропорции более быстрой, чем продолжительность функционирования. Вследствие этого во многих отраслях производства, где господствует повременная плата при отсутствии законодательного ограничения рабочего времени, естественно, выработался обычай считать рабочий день нормальным лишь до известного пункта, напр., до истечения десятого часа труда (так называемый «normal working day», «the day's work», или «the regular hours of work»). Рабочее время, простирающееся за эту границу, образует сверхурочное время (overtime) и оплачивается, при расчете на каждый час труда, по оценке повышенной (extra pay), хотя повышенной часто в совершенно ничтожной степени³⁵. Нормальный рабочий день составляет здесь некоторую дробь от действительного рабочего дня,

³⁵ «Норма оплаты сверхурочного времени (в производстве кружек) настолько мала — $\frac{1}{2}$ и т. д. пени за час, — что она стоит в резком контрасте с тем громадным вредом, который сверхурочная работа причиняет здоровью и жизненной силе рабочего... К тому же небольшой избыток заработной платы, добытый таким образом, приходится целиком расходовать на добавочные подкрепляющие средства» («Children's Employment Commission. 2-nd Report», p. XVI, n. 117).

причем зачастую последний в течение всего года продолжительнее первого³⁶. (Возрастание цены труда с удлинением рабочего дня за известную нормальную границу носит в различных отраслях британской промышленности такой характер, что низкая цена труда в течение так называемого нормального времени вынуждает рабочего работать лучше оплачиваемое сверхурочное время, если он хочет вообще получить достаточную заработную плату³⁷. Законодательное сокращение рабочего дня кладет конец этому удовольствию³⁸).

Общезвестен факт, что заработная плата тем ниже, чем длиннее рабочий день в данной отрасли промышленности³⁹. Фабричный инспектор А. Redgrave иллюстрирует это сравнительным образом производств за двадцатилетие 1839 — 1859 г., причем оказывается, что в фабриках, на которые распространяется действие десятичасового закона, заработная плата поднялась, тогда как в фабриках, работающих 14 — 15 часов в день, она понизилась⁴⁰.

³⁶ Напр., в производстве обоев до недавнего проведения фабричного закона. «Мы работаем без обеденного перерыва, так что наш 10½-часовой рабочий день заканчивается в 4¼ часа пополудни, а вся дальнейшая работа есть сверхурочное время, которое редко заканчивается раньше 8 часов вечера; таким образом в действительности мы круглый год работаем сверхурочное время» (Mr. Smith's Evidence в «Children's Employment Commission 1-st Report», p. 125).

³⁷ Так, напр., в шотландских белильнях: «В некоторых частях Шотландии эта промышленность (до введения фабричного закона 1862 г.) практиковала систему сверхурочного времени, т. е. 10 часов труда считалось нормальным рабочим днем. За это время работник получал 1 ш. 2 п. Но если присоединялось ежедневно от 3 до 4 часов сверхурочного времени, за которое уплачивалось по 3 п. в час. Результат этой системы: рабочий, работавший только нормальное время, не мог получить более 8 ш. в неделю. Без сверхурочных часов его заработная плата оказывалась недостаточной» («Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1863», p. 10). «Повышенная оплата сверхурочного времени есть искушение, которому рабочий не в силах противостоять» («Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1848», p. 6). Переплетная в лондонском Сити применяет очень много молодых девочек 14 — 15 лет, и притом по ученическому контракту, которым устанавливается определенное число рабочих часов. Тем не менее они работают в последнюю неделю каждого месяца до 10, 11, 12 и даже до 1 часу ночи, вместе с рабочими более зрелого возраста, в очень смешанной компании. Девочки соблазняются (tempt) их повышенной оплатой и деньгами на хороший ужин, который они берут в соседних кабаках. Великий разврат, наблюдаемый таким путем среди этих «young immortals» [молодых бессмертных] («Children's Employment Commission, 5-th Report», p. 44, n. 191), переплетается тем, что они переплетают значительное количество библий и другие душевспасительных книг.

³⁸ См. «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1863», p. 5. Совершенно правильно оценили обстоятельства лондонские строительные рабочие, занявшие во время большой стачки и локаута 1860 г. о своем согласии принять частную плату лишь на следующих двух условиях: 1) наряду с ценой рабочего часа должна быть установлена норма рабочего дня в 9 и 10 часов, причем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового; 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оцениваться по повышенной оценке.

³⁹ «Общезвестен факт, что там, где длинный рабочий день представлял собой обычное правило, общим правилом является и низкая заработная плата» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1863», p. 9). «Труд, добывающий ничтожное количество средств существования, является обыкновенно чрезмерно продолжительным» («Public Health. 6-th Report 1864», p. 15).

⁴⁰ «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1860», p. 31, 32.

Выше мы формулировали закон: при данной цене труда поденная или понедельная заработная плата зависит от количества доставленного труда. Из этого закона вытекает, прежде всего, что чем ниже цена труда, тем большее количество труда или тем более длинный рабочий день требуется для того, чтобы рабочему была обеспечена хотя бы самая жалкая средняя плата. Низкий уровень цены труда подталкивает к удлинению рабочего времени⁴¹.

Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает с своей стороны понижение цены труда, а вместе с тем понижение поденной или понедельной платы.

Из определения цены труда дробью: $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабоч. день данного числа часов}}$ вытекает, что удлинение рабочего дня само по себе понижает цену труда, раз не происходит никакой компенсации. Но те же самые обстоятельства, которые позволяют капиталисту надолго удлинить рабочий день, позволяют ему, а в конце концов и вынуждают его понижать цену труда и номинально, пока не понизится совокупная цена возросшего числа рабочих часов, т. е. поденная или недельная плата. Здесь достаточно указать на два обстоятельства. Если один человек начинает выполнять работу $1\frac{1}{2}$ или 2 человек, то растет предложение труда, хотя бы предложение рабочей силы, находящейся на рынке, оставалось неизменным. Конкуренция, созданная таким образом среди рабочих, дает капиталисту возможность понизить цену труда, а падающая цена труда дает ему в свою очередь возможность еще более увеличить рабочее время⁴². Однако скоро возможность располагать этим ненормальным, т. е. превышающим средний общественный уровень, количеством неоплаченного труда становится орудием конкуренции среди самих капиталистов. Часть товарной цены состоит из цены труда. Но неоплаченная часть цены труда может и не учитываться в цене товара. Ее можно подарить покупателю. Таков первый шаг, совершаемый под давлением конкуренции. Второй шаг, к которому вынуждает та же конкуренция, заключается в том, чтобы исключить из продажной цены товара по крайней мере часть той ненормальной прибавочной стоимости, которая создается удлинением рабочего дня. Таким путем образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая сначала возникает спорадически, а затем мало-по-малу фиксируется и становится постоянной основой жалкой заработной платы и чрезмерного рабочего времени, под влиянием которых она первоначально возникла. Мы лишь намечаем здесь это движение, так как анализ конкуренции не входит пока в нашу задачу. Тем не менее мы предоставим на минуту слово самому капиталисту.

⁴¹ Так, напр., ручные рабочие английского гвоздарного производства вынуждены были благодаря низкой цене труда работать 15 часов в день, чтобы выручить самую ничтожную недельную плату. «Долгие, долгие часы должен он упорно трудиться каждый день, чтобы заработать 11 п. или 1 ш., причем $2\frac{1}{2}$ — 3 п. из этой суммы уходят на возмещение снашивания орудий, топлива, отбросов железа» («Children's Employment Commission. 3-rd Report», p. 136, n. 671). Женщины при том же рабочем времени зарабатывают всего 5 ш. в неделю (там же, p. 137, n. 674).

⁴² Если бы, напр., фабричный рабочий отказался работать установленное большое число часов, «он быстро был бы замещен кем-либо другим, готовым работать любое время, и таким образом был бы выброшен на улицу» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1848». Evidence, p. 39, n. 58). «Если один человек выполняет работу двух... норма прибыли обыкновенно повышается... вследствие того, что избыточное предложение труда понижает его цену» (Senior, Three Lectures on the Rate of Wages, London 1830, p. 14).

«В Бирмингеме конкуренция между хозяевами настолько велика, что многие из нас вынуждены в качестве работодателей решаться на такие поступки, каких мы сами устыдились бы при иных обстоятельствах; и все же этим не добывается большего количества денег (and yet no more money is made), и лишь публика получает выгоду»⁴³.

Вспомним две категории лондонских булочников, из которых одни продают хлеб по полной цене (the «fullpriced» bakers), а другие ниже его нормальной цены («the underpriced», «the undersellers»). «Fullpriced» в следующих выражениях разоблачают своих конкурентов перед парламентской следственной комиссией: «Они существуют лишь благодаря тому, что, во-первых, обманывают публику (фальсифицируя товар), и, во-вторых, благодаря тому, что выколачивают из своих людей 18 часов труда за двенадцатичасовую плату... Неоплаченный труд (the unpaid labour) рабочих — вот орудие, которым они борются с конкурентами... Конкуренция между хозяевами-пекарями затрудняет устранение ночного труда. Underseller, продающий свой хлеб ниже издержек производства, изменяющихся по величине вместе с изменением цены муки, возмещает свои потери тем, что извлекает из своих рабочих повышенное количество труда. Если я извлекаю из рабочих только двенадцать часов труда, а мой сосед 18 или 20, то, конечно, он побьет меня на продажной цене товара. Если бы рабочие могли настаивать на оплате сверхурочного времени, этому маневру был бы скоро положен конец... Значительное число рабочих, занятых underseller'ами, состоит из иностранцев, малолетних и т. д., которые вынуждены довольствоваться чуть ли не низкой заработной платой, какую им удастся получить»⁴⁴.

Эта иеремиада интересна между прочим в том отношении, что она показывает, как и мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений. Капиталисту неизвестно, что нормальная цена труда также предполагает известное количество неоплаченного труда и что именно этот неоплаченный труд образует нормальный источник его прибыли. Категория прибавочного рабочего времени для него вообще не существует, потому что прибавочное рабочее время включено в нормальном рабочем дне, который капиталист, по его мнению, целиком оплачивает в поденной плате. Но для него существует сверхурочное время, удлинение рабочего дня за границы, соответствующие обычной цене труда. Он настаивает даже на добавочной оплате (extra pay) этого сверхурочного времени, когда дело идет о его конкурентах, понижаящих продажную цену товара ниже обычного уровня. Но он опять-таки не знает, что эта добавочная оплата связана с неоплаченным трудом в такой же степени, как цена обычного рабочего часа. Напр., пусть цена одного часа двенадцатичасового рабочего дня составляет 3 п., т. е. равна стоимости, производимой $\frac{1}{4}$ часовым трудом, а цена сверхурочного рабочего часа 4 п., т. е. равна стоимости, производимой в $\frac{2}{3}$ рабочего часа. Тогда в первом случае капиталист бесplatно присваивает себе $\frac{1}{2}$ рабочего часа, во втором случае — одну треть.

⁴³ «Children's Employment Commission. 3-rd Report». Evidence, p. 66, n. 22.

⁴⁴ «Reports etc. relative to the Grievances complained of by the journeymen bakers. London 1862», p. LII, и там же, Evidence, n. 479, 359, 27. Впрочем, и fullpriced, как мы упоминали выше и как это признает сам защитник их Union, заставляют своих рабочих «начинать работу в 11 часов вечера или раньше и зачастую продолжают ее до 7 часов следующего вечера» (там же, p. 22).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОШТУЧНАЯ ПЛАТА

Попштучная плата представляет лишь превращенную форму повременной платы, точно так же, как сама повременная плата есть превращенная форма стоимости или цены рабочей силы.

При первом взгляде на поштучную плату может показаться, что в данном случае той потребительной стоимостью, которую продает рабочий, является не функция его рабочей силы, не живой труд, а труд, уже овеществленный в продукте, и что цена этого труда определяется не дробью: дневная стоимость рабочей силы / рабочий день данного числа часов как при повременной плате, а дееспособностью производителя ⁴⁵.

Уверенность в правильности такого взгляда должна была бы сильно пошатнуться уже ввиду одного того факта, что обе формы заработной платы существуют одновременно в одних и тех же отраслях промышленности. Так, напр., «лондонские наборщики обыкновенно получают сдельную плату, повременная плата является у них исключением. Наоборот, у провинциальных наборщиков повременная плата составляет правило, поштучная — исключение. Корабельные плотники лондонской гавани получают сдельную плату, во всех других английских гаванях — повременную» ⁴⁶. В Лондоне в одних и тех же шорных мастерских труд французов оплачивается зачастую поштучно, труд англичан — поденно. На фабриках, в собственном смысле этого слова, где, вообще говоря, господствует сдельная плата, отдельные рабочие функции по техническим соображениям изъемяются из этой оценки и оплачиваются повременно ⁴⁷. Очевидно, во всяком случае, что различия в формах выдачи

⁴⁵ «Система поштучной работы знаменует определенную эпоху в истории рабочего: она стоит на полпути между положением простого поденщика, зависящего от произвола капиталиста, и кооперативным работником, который в недалеком будущем обещает соединить в своем лице рабочего и капиталиста. Поштучные рабочие фактически сами себе хозяева, даже когда они работают при помощи капитала своего предпринимателя» (John Watts, Trade-Societies and Strikes, Machinery and Cooperative Societies, Manchester 1865, p. 52, 53). Я цитирую это произведение, потому что оно представляет истинную сточную трубу для всех давно уже сгнивших обихих мест апологетики. Тот же самый г-н Watts выступал раньше в качестве оуэниста и в 1842 г. опубликовал другое сочинение: «Facts and Fictions of Political Economy», где он, между прочим, Property [собственность] объявляет Robbery [грабежом]. Но это уже давно миновало.

⁴⁶ T. J. Dunning, Trades-Unions and Strikes, London 1860, p. 22.

⁴⁷ Вот образчик того, в какой степени совместительство этих двух форм заработной платы поощряет мошенничество фабрикантов: «Фабрика дает занятие 400 человек, половина которых работает сдельно и непосредственно заинтересована в сверхурочных работах. Остальные 200 человек оплачиваются поденно, работают столь же продолжительное время и ничего не получают за сверхурочные часы... Работа этих 200 человек в течение $\frac{1}{2}$ часа в день равна работе одного лица в течение 50 часов, или $\frac{5}{6}$ недельной работы одного лица, и представляет положительное приобретение предпринимателя» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1860», p. 9). «Работа сверх установленной законом нормы все еще господствует в обширных размерах, причем в большинстве случаев сам закон гарантирует невозможность раскрыть это злоупотребление и подвергнуть виновников его нака-

заработной платы сами по себе ничуть не меняют ее существа, хотя бы одна из этих форм более благоприятствовала развитию капиталистического производства, чем другая.

Пусть обычный рабочий день состоит из 12 часов, из которых 6 оплачены и 6 не оплачены. Произведенная в течение этого дня стоимость пусть будет равна 6 ш., следовательно, произведенная в один рабочий час стоимость — 6 п. Пусть далее опыт показал, что рабочий, работающий со средней степенью интенсивности и искусства, следовательно, употребляющий на производство продукта только общественно-необходимое рабочее время, доставляет в течение 12 часов 24 штуки продукта, причем в данном случае безразлично, представляют ли эти последние отдельные экземпляры, или измеримые части нераздельного продукта. При этих условиях стоимость этих 24 штук — за вычетом содержащейся в них постоянной части капитала — будет 6 ш., стоимость каждой отдельной штуки — 3 п. Рабочий получает $1\frac{1}{2}$ п. за штуку и, следовательно, зарабатывает 3 ш. в 12 часов. Подобно тому, как при повременной плате безразлично, допустим ли мы, что рабочий работает 6 часов на себя и 6 на капиталиста, или же, что он половину каждого часа работает на себя, а другую половину на капиталиста, — точно также и здесь мы можем с одинаковым правом сказать, что каждая отдельная штука наполовину оплачена, наполовину не оплачена или что цена 12 штук лишь возмещает стоимость рабочей силы, тогда как цена других 12 штук воплощает в себе прибавочную стоимость.

Форма поштучной платы иррациональна в такой же мере, как и форма повременной платы. Так, напр., две штуки товара представляют продукт одного рабочего часа и, следовательно, за вычетом стоимости потребленных средств производства, стоят 6 п., между тем как рабочий получает за них лишь 3 п. В действительности поштучная плата непосредственно не выражает собою никакого отношения стоимости. Здесь не стоимость штуки товара измеряется воплощенным в ней рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочий труд измеряется числом произведенных им штук товара. При повременной плате труд непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной плате — количеством того продукта, в котором ступился труд определенной продолжительности⁴⁸. Цена самого рабочего времени определяется в конце концов уравнением: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Таким образом поштучная плата есть лишь модифицированная [превращенная] форма повременной платы.

Рассмотрим несколько подробнее характерные особенности поштучной платы.

Качество труда контролируется здесь самим его продуктом, так как поштучная плата выдается полностью лишь в том случае, если продукт обладает средней добротой. Вследствие этого поштучная плата является обильнейшим источником урезываний заработной платы и капиталистического мошенничества.

В моих прежних отчетах я уже неоднократно показывал... какая несправедливость причиняется всем тем рабочим, которые оплачиваются не ежедневно, но получают недельную плату» (Leonard Horner в «Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1859», p. 8, 9).

⁴⁸ «Заработная плата может измеряться двумя способами: или продолжительностью труда или его продуктом» («Abrégé élémentaire des principes de l'Economie Politique», Paris 1796, p. 32). Автор этой анонимной работы — G. Garnier.

Она дает капиталисту совершенно определенную меру интенсивности труда. Лишь то рабочее время, которое воплощается в заранее определенном, установленном опытом количестве товара, считается общественно-необходимым рабочим временем и оплачивается как таковое. В более крупных портняжных мастерских Лондона определенная штука производимых продуктов, напр., жилет и т. п., носит название одного часа, получаса и т. д., причем за каждый час причитается по 6 п. Практикой установлена величина среднего продукта одного часа. При перемене моды, при починках и т. д. между предпринимателем и рабочим возникает спор, равна ли данная штука одному часу труда и т. д., пока и здесь опыт не решает дела. То же самое имеет место в лондонских мебельных мастерских и т. д. Если рабочий не обладает средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то он получает расчет⁴⁹.

Так как качество и интенсивность труда контролируются здесь самой формой заработной платы, то труд надзора становится в значительной мере излишним. Поэтому поштучная плата образует основу как описанной выше современной работы на дому, так и иерархически расчлененной системы эксплуатации и угнетения. Последняя представляет две основных формы. С одной стороны, поштучная плата облегчает внедрение паразитов между капиталистом и наемным рабочим, перепродажу труда посредниками (subletting of labour). Прибыль посредников образуется исключительно на счет разницы между ценой труда, уплачиваемой капиталистом, и той частью этой цены, которую посредники действительно оставляют рабочему⁵⁰. В Англии эта система носит характерное название «Sweating-System» («система выжимания пота», «потогонная система»). С другой стороны, поштучная плата позволяет капиталисту заключать контракт лишь с главным рабочим — в мануфактуре с главой группы, в рудниках — с углекопом и т. п., на фабрике — с собственно машинным рабочим. Контракт этот заключается на определенное число штук продукта по такой цене, которая дает главному рабочему возможность самостоятельно вербовать и оплачивать своих подручных. Эксплуатация труда капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим⁵¹.

Раз существует поштучная плата, то личный интерес рабочего требует, конечно, возможно более интенсивного напряжения рабочей силы, что,

⁴⁹ «Ему (прядылицыку) выдается столько-то фунтов хлопка и по истечении известного времени он должен вернуть взамен того столько-то фунтов ниток или пряжи определенной степени тонкости, причем он получает определенную плату за каждый доставленный им таким образом фунт продукта. Если работа его плохого качества, на него налагается штраф; если она по количеству меньше минимума, установленного для данного времени, он получает расчет и замещается более искусным работником» (Ure, *Philosophy of Manufacture*, p. 317).

⁵⁰ «Когда работа проходит через руки многих лиц, каждое из которых получает долю прибыли, но только последнее действительно прилагает свой труд, тогда плата, действительно получаемая работницей, чрезвычайно ничтожная» («Children's Employment Commission. 2-nd Report», p. LXX, n. 424).

⁵¹ Даже апологет Watts замечает: «Было бы существенным улучшением системы сдельной платы, если бы все лица, занятые данной работой, были, в соответствии со своими способностями, непосредственными участниками контракта, вместо того, чтобы один рабочий был заинтересован в чрезмерном труде своих товарищей, извлекая из него личную выгоду». Относительно гнусностей, связанных с этой системой, см. «Children's Employment Commission. 3-rd Report», p. 66, n. 22, p. 11, n. 124, p. XI, n. 13, 53, 59 и т. д.

в свою очередь, облегчает для капиталиста повышение нормального уровня интенсивности.^{51а} Точно так же личный интерес рабочего побуждает его удлинять свой рабочий день, так как тем самым повышается его подспинал или недельная заработная плата.⁵² Это вызывает реакцию, описанную при исследовании повременной платы, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня, даже при постоянной поштучной плате, неизбежно связано с падением цены труда.

При повременной заработной плате господствует за немногими исключениями одинаковая плата за одинаковые функции; при поштучной плате цена рабочего времени измеряется, правда, определенным количеством продукта, но поденная и недельная плата меняется в зависимости от индивидуальных различий между рабочими, один из которых доставляет в данное время минимум продукта, другой — среднюю норму, третий — больше средней нормы. Итак, величина действительного дохода рабочего в данном случае сильно колеблется, смотря по уровню искусства, силы, энергии, выносливости и т. п. индивидуальных рабочих.⁵³ Конечно, это ничуть не изменяет общего отношения между капиталом и наемным трудом. Во-первых, индивидуальные различия сглаживаются, если взять мастерскую в целом, так что эта последняя в течение определенного рабочего времени доставляет среднее количество продукта, и совокупная заработная плата, выданная рабочим мастерской, является средней заработной платой в данной отрасли производства. Во-вторых, отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью остается не-

^{51а} Этому естественному результату зачастую содействуют искусственными мерами. Так, напр., в машиностроительном производстве Лондона является обычным следующий прием: «Капиталист ставит во главе известного числа рабочих человека, выдающегося по своей физической силе или ловкости; каждую четверть года или в иные сроки он уплачивает ему дополнительную плату под условием, чтобы он употребил все усилия с целью побудить к самому горячему соревнованию своих товарищей по работе, получающих обычную плату. Это без всяких дальнейших комментариев объясняет происхождение жалобы капиталистов на трэд-юнионы, которые, будто бы, «парализуют энергию, выдающееся искусство и рабочую силу» («stinting the action, superior skill and working power»). (D u n n i n g, Trades-Unions and Strikes, London 1860, p. 22, 23). Так как автор — сам рабочий и секретарь трэд-юниона, то слова его могут показаться преувеличением. Но взгляните, напр., в «highly respectable» [высоко respectable] агрономическую энциклопедию J. Ch. Morton'a, — и вы увидите, что в статье «Labourer» арендаторам рекомендуется как испытанный этот же самый метод.

⁵² «Для всех, кто получает сдельную плату... выгодно увеличение продолжительности труда за установленные законом границы. Такая готовность работать чрезмерное время особенно часто наблюдается среди женщин ткачих и мотальщиц» («Reports of Insp. of Fact. for 30-th April 1858», p. 9). Эта система поштучной платы, столь выгодная для капиталиста, направлена непосредственно к тому, чтобы... побудить юного горшечника работать чрезвычайно продолжительное время в течение 4 или 5 лет, причем он получает поштучно, но по чрезвычайно низкой расценке. Это одна из главных причин, вызывающих физическую дегенерацию «горшечников» («Childen's Employment Commission. 1-st Report», p. XIII).

⁵³ «Если в каком-нибудь производстве труд оплачивается сдельно по столько-то за штуку, то... заработные платы различных рабочих могут очень значительно отличаться друг от друга по размерам... Но при повременной работе существует обыкновенно однообразная оценка... признанная и предпринимателем и рабочим нормой заработной платы для средних рабочих данного производства» (D u n n i n g, Trades-Unions and Strikes, London 1860, p. 17).

изменным, так как индивидуальной плате отдельного рабочего соответствует индивидуально произведенное им количество прибавочной стоимости. Поштучная плата, расширяя сферу индивидуальной деятельности, тем самым, с одной стороны, способствует развитию среди рабочих индивидуальности, духа свободы, самостоятельности и способности к самоконтролю, но, с другой стороны, порождает между ними взаимную конкуренцию. Она имеет поэтому тенденцию повышать индивидуальную заработную плату выше среднего уровня и в то же время понижать самый этот уровень. Однако там, где определенная поштучная плата прочно закреплена продолжительной традицией, и потому понижение ее представляет особые трудности, — в таких исключительных случаях хозяева прибегают иногда к насильственному превращению поштучной платы в повременную. Этим была вызвана, напр., в 1860 г. большая стачка среди рабочих ленточного производства в Ковентри.⁵⁴ Наконец, поштучная плата является главной опорой описанной выше часовой системы.⁵⁵

Из всего сказанного выше вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового, — поштучная плата наряду с повременной официально фигурирует между прочим во французских и английских законах о рабочих XIV века, — она, однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь в собственно мануфактурный период. В эпоху 1797 — 1815 гг., когда крупная промышленность пере-

⁵⁴ «Труд ремесленников-подмастерьев регулируется или поденно, или поштучно (à la journée ou à la pièce)... хозяева знают приблизительно, сколько работы могут выполнить ежедневно рабочие данного ремесла, и поэтому зачастую оплачивают их пропорционально выполняемой ими работе; при этом собственный интерес подмастерьев, без всякого дальнейшего надзора, побуждает их трудиться возможно больше» (Cantillon, *Essai sur la Nature du Commerce en général*, éd. Amsterdam 1756, p. 185 и 202. Первое издание вышло в 1755 г.). Таким образом Кантильон, из которого обильно заимствовали Кенз, сэр Джеймс Стюарт и А. Смит, изображает здесь поштучную плату просто как модифицированную форму повременной платы. Французское издание Кантильона имеет на заглавной странице пометку, как будто это перевод с английского, между тем английское издание («*The Analysis of Trade, Commerce etc. by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant*») не только вышло после французского (в 1759 г.), но и по самому содержанию своему несомненно представляет позднейшую переработку. Так, напр., во французском издании Юм еще не упоминается, наоборот, в английском Петти почти уже не фигурирует. Английское издание теоретически менее значительно, но зато содержит всякого рода специальные указания относительно английской торговли, торговли благородными металлами и т. д., чего нет во французском издании. Поэтому приходится, по-видимому, признать более чем простой выдумкой, обычной для того времени, фразу в заглавии английского издания, гласящую, что работа эта «taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased, and adapted etc.» («заимствована, главным образом, из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего и т. д.»).

⁵⁵ «Сколько раз приходилось нам видеть в известных мастерских скопление большего количества рабочих, чем это нужно для выполнения имеющейся там работы. Часто излишними рабочими запасаются на случай какой-либо непредвиденной работы, иногда существующей только в воображении; так как рабочим платят поштучно, то хозяин ничем не рискует, потому что при этом весь ущерб, происходящий от потери времени, ложится исключительно на остающихся без занятий рабочих» (H. Gregoir, *Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles, Bruxelles 1865*, p. 9).

живала юпопешскую пору бури и натиска, она послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения повременной платы. Очень важным материалом для движения заработной платы того времени мы находим в Сийих книгах: «Report and Evidence from the Select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (парламентская сессия 1813 — 14 гг.) и «Reports from the Lords' Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto» (сессия 1814 — 1815 гг.). Здесь находится документальные доказательства непрерывного понижения цены труда с того времени, как началась антиякобинская война. Напр. в ткацком деле сдельная плата упала до такой степени, что, несмотря на большое удлинение рабочего дня, поденная плата оказалась ниже, чем была раньше.

«Реальный доход ткача в настоящее время много меньше, чем был раньше: его преимущества по сравнению с чернорабочим, некогда очень значительные, теперь почти совершенно исчезли. В самом деле, разница между заработными платами обученного и необученного труда теперь гораздо меньше, чем в течение какого угодно из прежних периодов».⁵⁶

Как мало пользы извлек земледельческий пролетариат из возрастания интенсивности и экстенсивности труда под влиянием сдельной платы, показывает следующее место, взятое из партийного произведения, отстаивающего интересы лэндлордов и арендаторов.

«Подвляющая часть земледельческих операций выполняется людьми, оплачиваемыми поденно или сдельно. Их недельная плата равняется приблизительно 12 ш., и хотя можно с уверенностью предположить, что при сдельной плате, побуждающей трудиться более напряженно, рабочий выработает на 1 или 2 ш. более, чем при поденной плате, однако при рассмотрении его дохода в целом окажется, что этот избыток уравновешивается потерей, вызванной отсутствием занятий в известные периоды года... Мы в общем найдем далее, что заработные платы этих людей находятся в определенном отношении к цене необходимых средств существования, так что человек, имеющий двух детей, в состоянии заработать как раз столько, сколько ему требуется для того, чтобы содержать свое семейство, не прибегая к приходской благотворительности».⁵⁷ Следовательно, если у него было три детей, ему уже приходилось обращаться к общественной благотворительности.

Мальтус заметил тогда по поводу фактов, опубликованных парламентом: «Привинюсь, я с неудовольствием смотрю на широкое распространение практики сдельной платы. Тяжелый труд по 12 — 14 часов в день в течение более или менее продолжительного периода — это действительно слишком много для человеческого существа.»⁵⁸

В мастерских, подчиненных действию фабричного закона, сдельная плата становится общим правилом, так как здесь рабочий день может быть расширен только интенсивно.⁵⁹

При изменяется производительность труда, то изменяется рабочее время, представляемое одним и тем же количеством продукта. Следовательно, изме-

⁵⁶ «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain», London 1815, p. 48.

⁵⁷ «A Defence of the Landowners and of Farmers of Great Britain», London 1814, p. 4, 5.

⁵⁸ Malthus, «Inquiry into the Nature etc. of Rent», London 1815.

⁵⁹ «Рабочие, получающие сдельную плату, составляют, вероятно, $\frac{1}{5}$ всех фабричных рабочих («Rep. of Insp. of Fact. for 30-th April 1858», p. 9).

няется и поштучная плата, так как она выражает собою цену определенного рабочего времени. В нашем приведенном выше примере 24 штуки продукта производились в течение 12 часов, стоимость, вновь произведенная в 12 часов, была 6 ш., дневная стоимость рабочей силы 3 ш., цена рабочего часа 3 п. и заработная плата $1\frac{1}{2}$ п. за штуку. Каждая штука товара впитывала в себя $\frac{1}{2}$ рабочего часа. Если тот же самый рабочий день станет доставлять 48 штук продукта вместо 24, вследствие, напр., удвоения производительности труда, и если все остальные обстоятельства не изменятся, то поштучная плата упадет с $1\frac{1}{2}$ п. до $\frac{3}{4}$ п., так как каждая штука представляет теперь не $\frac{1}{2}$ рабочего часа, а только $\frac{1}{4}$ его. $1\frac{1}{2}$ п. $\times$ $\times$ 24 = 3 ш., и $\frac{3}{4}$ п. $\times$ 48 = 3 ш. Другими словами, поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение данного времени⁶⁰, и, следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на ту же самую штуку. Хотя в этих рамках изменение поштучной платы является чисто номинальным, тем не менее оно служит постоянным источником борьбы между капиталистом и рабочим: или потому, что капиталист пользуется номинальным понижением поштучной платы как предлогом для действительного понижения цены труда, или потому, что повышение производительной силы труда сопровождается повышением его интенсивности; или же потому, что рабочий всерьез принимает внешнюю форму поштучной платы, воображая, что при этом оплачивается продукт его труда, а не его рабочая сила, и ввиду этого противится всякому понижению заработной платы, раз оно не сопровождается соответственным понижением продажной цены товара. «Рабочие тщательно следят за ценой сырого материала и ценой фабрикатов и всегда в состоянии точно определить прибыли своих хозяев».⁶¹ Такие притязания капитал справедливо отвергает как основанные на грубом непонимании природы наемного труда.⁶² Он возмущается

⁶⁰ «Производительная сила его прядильной машины точно измерена, и размеры платы за труд, совершаемый при ее помощи, уменьшаются с ростом ее производительной силы, но не в той же пропорции» (Ure, Philosophy of Manufacture, p. 317). Последнее апологетическое замечание сам же Ure уничтожает в дальнейшем изложении. Он допускает, напр., что при удлинении мотки добавочный труд вызывается самым этим удлинением. Следовательно, труд уменьшается не в той степени, в какой растет его производительность. Далее: «При таком увеличении машины ее производительная сила возрастает на $\frac{1}{2}$. Если это действительно совершается, прядильщик уже не будет получать за данное количество труда ту плату, какую он получал раньше; но так как его плата не уменьшится на целую $\frac{1}{6}$, то это усовершенствование (машины) увеличит его денежный доход от данного числа рабочих часов», — но... но «вышесказанное требует известной поправки... прядильщик из своих добавочных шести пенсов должен уплатить кое-что на содержание малолетних подручных, которые вытесняют часть взрослых рабочих» (там же, p. 321), что отнюдь не свидетельствует о тенденции к возрастанию заработной платы.

⁶¹ H. Fawcett, The Economic Position of the British Labourer, Cambridge and London 1865, p. 178.

⁶² В лондонском «Standard» от 26 октября 1861 г. мы находим отчет о процессе фирмы John Bright et Co, привлечший в Рочдэле членов тред-юниона ткачей ковров (Carpet Weavers Trade Union) к суду по обвинению в «застрачивании». «Фирма Bright ввела новые машины, которые вырабатывают 200 ярдов ковра в такое же время и с такой же затратой труда (1), каких раньше требовало производство 160 ярдов. Рабочие не имеют основания претендовать на долю той прибыли, которая создается благодаря

претензий рабочих облагать в свою пользу налогом прогресс промышленности и категорически заявляет, что рабочим вообще нет никакого дела до производительности их собственного труда.⁶³

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

В пятнадцатой главе мы рассмотрели многочисленные комбинации, создаваемые изменением абсолютной или относительной (т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью) величины стоимости рабочей силы, причем оказалось, что количество средств существования, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые⁶⁴ или отличные от колебаний этой цены. Как уже было отмечено, путем простого перехода стоимости — соответственно цены — рабочей силы в экстерическую [явственно обнаруживающуюся, лежащую на поверхности] форму заработной платы все указанные там законы превращаются в законы движения заработной платы. То, что в пределах этого движения представляют сменяющие друг друга последовательные комбинации, в различных странах может явиться в виде одновременно существующих различий между национальными заработными платами. Следовательно, при сравнении национальных заработных плат необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически сформировавшихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведения средней заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания данных заработных плат повременная плата должна быть переведена на почасовую, так как только эта последняя дает мерило и для производительности, и для интенсивности труда.

В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней степени интенсивности, затрачивает на производство данного товара более времени, чем общественно-необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только

тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования. Исходя из этого, гг. Bright предложили понижение заработной платы с 1½ пенсов до 1 пенса за ярд, причем общая выручка рабочих в данном количестве труда остается совершенно такой же, как раньше. Но тут было только номинальное понижение платы, о котором, как утверждают, рабочие не были предупреждены заранее».

«Труд-юнионы, стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, стремятся добиться участия в прибыли, протекающей от улучшения машин» (Ужасно!..) «Они требуют повышения платы на том основании, что труд сокращается... другими словами, они стремятся облудить налогом промышленные усовершенствования» («On combination of Trades», New Edit. London 1834», p. 42).

«Но точно было бы сказать, что заработная плата возросла (речь идет о ее денежном выражении), раз она дает возможность купить большее количество продукта по уменьшенной цене» (David Buchanan в его сочинении A. Smith'a, «Wealth of Nations», 1814, v. I, p. 417, примечание).

та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, которому каждая отдельная страна противостоит как существенная часть целого. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют таким образом скалу, единица измерения которой представляет собою единицу среднего мирового труда. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает изменения еще более значительные благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, пока конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости.

Средняя интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны.⁶⁴ Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т. е. в денежных суммах, различных в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т. е. эквивалент рабочей силы, выраженный в деньгах, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь еще не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т. е. количество средств существования, находящихся в распоряжении рабочего.

Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, то все же зачастую окажется, что подневная, понедельная и т. д. заработная плата у одной нации, с более развитым капиталистическим способом производства, выше, чем у другой, тогда как относительная цена труда, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и с стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой.⁶⁵

⁶⁴ В другом месте мы исследуем, какие обстоятельства могут видоизменить действие этого закона для отдельных отраслей промышленности в его применении к производительности труда.

⁶⁵ Джемс Андерсон замечает, полемизируя с А. Смитом: «Следует также заметить, что, хотя кажущаяся цена труда обыкновенно ниже в бедных странах, где продукты земледелия и в особенности хлеб дешевле, тем не менее, действительная цена труда там обыкновенно выше, чем в других странах. Ибо не заработная плата, выдаваемая рабочему за день труда, образует истинную цену труда, хотя она и есть его кажущаяся цена. Действительная цена есть то, во что на деле обходится предпринимателю определенное количество готового продукта, и рассматриваемый с этой точки зрения труд почти во всех случаях оказывается более дешевым в богатых странах, чем в более бедных, несмотря на то, что цена хлеба и других средств существования в последних обыкновенно ниже, чем в первых... Труд, измеряемый подневно, значительно ниже в Шотландии, чем в Англии... Труд же при расчете на штуку товара в общем дешевле в Англии» (James

J. W. Covell, член фабричной комиссии 1833 г., тщательно исследовав прядильное производство, пришел к выводу, что «по существу дела в Англии заработная плата с точки зрения фабрикантов ниже, чем на континенте; хотя с точки зрения рабочих она может быть и выше» (Ure, Philosophie of Manufacture, p. 314). Английский фабричный инспектор Alexander Redgrave в фабричном отчете от 31 октября 1866 г. доказывает путем сравнения статистики Англии с континентальными странами, что континентальный труд, несмотря на более низкую плату и гораздо более длинный рабочий день, дороже по сравнению с продуктом, чем английский. Директор (manager) одной английской хлопчатобумажной фабрики в Ольденбурге заявляет, что там рабочее время продолжается ежедневно, не исключая и субботы, 14¹/₂ часов, с 5.30 часов утра до 8 часов вечера, и что тамошние рабочие под надзором инспекторов-англичан вырабатывают несколько меньше продуктов, чем английские рабочие в течение 10 часов, а под надзором немецких надсмотрщиков еще много меньше. Заработная плата там много ниже, чем в Англии, во многих случаях на целые 50%, и однако число рук, приходившееся на данное количество машин, гораздо больше; в некоторых отделениях оно относится в английскому как 5 : 3.

Г-н Redgrave приводит очень подробные данные относительно русских хлопчатобумажных фабрик. Данные эти сообщил ему один английский папакет (директор), еще совсем недавно работавший там. На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы. Управление, конечно, англичане, так как туземный русский капиталист совершенно непригоден для фабричного дела. Несмотря на чрезмерный труд, непрерывные дневные и ночные работы и мизерную оплату рабочих, русская фабрикантская косяк прозябает лишь благодаря препятствиям, создаваемым для иностранной конкуренции.

В заключение я приведу еще сделанный г. Redgrave'ом сравнительный обзор среднего числа веретен, приходящихся в разных странах Европы на одну фабрику и одного прядильщика. Г-н Redgrave сам замечает, что эти цифры относятся за несколько лет до 1866 г., и что с того времени возросли и размеры английских фабрик и число веретен, приходящееся на каждого рабочего. Но он предполагает, что прогресс перечисленных им континентальных стран двигался тем же самым темпом, так что его числовые данные сохраняют свое значение как относительные величины.

Среднее число веретен на фабрику.

В Англии	12 600	В Бельгии	4 000
В Швейцарии	8 000	Во Франции	1 500
В Австрии	7 000	В Пруссии	1 500
В Саксонии	4 500		

Anderson, Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc., Edinburgh 1777, p. 350, 351). — Наоборот, низкая заработная плата вызывает, в свою очередь, вздорное отношение к труду. «Труд дороже в Ирландии, чем в Англии, несмотря на то или как раз потому, что заработная плата там столь значительно ниже» (№ 2079 в «Royal Commission on Railways, Minutes. 1867»).

Среднее число веретен на рабочего.

Во Франции.....	14	В Бельгии.....	50
В России.....	28	В Саксонии.....	50
В Пруссии.....	37	В мелк. герман. государ.....	55
В Баварии.....	46	В Швейцарии.....	55
В Австрии.....	49	В Великобритании.....	74

«Это сопоставление, — говорит г. Redgrave, — неблагоприятно для Великобритании, не говоря уже о других обстоятельствах, потому в особенности, что там существует очень много фабрик, на которых машинное ткачество соединено с прядением (а между тем таблица не выключает ткачей). Напротив, иностранные фабрики обыкновенно только прядильные. Если бы было возможно найти вполне сравнимые данные, я был бы в состоянии назвать в моем округе много бумагопрядилен, где мюля с 2 200 веретенами управляется одним рабочим (minder) с двумя помощниками, которые ежедневно производят 220 фунтов пряжи, длиною в 400 миль (английских)» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1866», p. 31 — 37 passim).

Как известно, в Восточной Европе и в Азии английские компании взяли на себя постройку железных дорог и при этом наряду с туземными употребляют известное число английских рабочих. Практическая необходимость заставила их таким образом считаться с национальными различиями в интенсивности труда, — и это отнюдь не принесло им убытка. Их опыт научил их, что если высота заработной платы и соответствует более или менее средней интенсивности труда, то относительная цена труда (т. е. по сравнению с продуктом) изменяется обыкновенно в прямо противоположном направлении.

В «Опыте исследования уровня заработной платы»⁶⁶ — самом раннем из своих экономических произведений — Н. Сэгеу старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Сэгеу действительно обосновал свои посылки, вместо того, чтобы по своему обыкновению свалить в общую кучу случайный, некритически и слепо понадегренный отовсюду статистический материал. Но лучше всего то, что, по его собственному признанию, в действительности дело не обстоит так, как оно должно было бы обстоять, согласно теории. Вмешательство государства искажает это естественное экономическое отношение. Необходимо поэтому так исчислять национальные заработные платы, как будто часть их, причитающаяся государству в форме налогов, попадает в руки самих рабочих. Очень не мешало бы г. Сэгеу поразмыслить о том, не являются ли эти «государственные издержки» тоже «естественными плодами» капиталистического развития. Вышеприведенное рассуждение

⁶⁶ «Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population through out the World, Philadelphia 1835».

никогда достойно человека, который сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство способным лишь разрушить их свободную гармоническую игру, и затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, по видимому, не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, т. е. государственной защиты этих «законов природы и разума», т. е. необходимость протекционизма [охранительных таможенных пошлин]. Он открыл далее, что не теоремы Рикардо и других, формулировавших существующие общественные противоположности и противоречия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а, наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других! Он открыл наконец, что прелести и гармонии, приращенные капиталистическому способу производства, разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой колоссальной нескритичностью и такой ложной ученостью, мог, несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства. ⁶⁷

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

ВВЕДЕНИЕ

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке, в сфере обращения.

Вторая фаза этого движения, процесс производства, закончена, раз средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, т. е. содержит в себе первоначально авансированный капитал, увеличенный прибавочной стоимостью.

Эти товары должны быть затем снова брошены в сферу обращения. Надо продать их, реализовать их стоимость в деньгах, эти деньги снова превратить в капитал и так далее, опять с начала. Этот кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала.

Первое условие накопления выполнено, раз капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал большую часть полученных за них денег. В дальнейшем предполагается, что капитал совершает свой процесс обращения нормальным образом. Ближайший анализ этого процесса откладывается до второй книги. Реальные условия воспроизводства (возобновления производства), т. е. его непрерывного хода, отчасти проявляются лишь в сфере обращения, отчасти с ними можно познакомиться лишь после изучения процесса обращения.

Но и это еще не все. Капиталист, производящий прибавочную стоимость, т. е. высасывающий неоплаченный труд непосредственно из рабочих и фиксирующий его в товарах, первый присваивает себе прибавочную стоимость, но отнюдь не является ее последним собственником. Он должен затем поделиться ею с другими капиталистами, выполняющими иные функции в общественном производстве, рассматриваемом как целое, с земельным собственником и т. д. Следовательно, прибавочная стоимость расщепляется на различные части. Различные ее доли попадают в руки различных категорий лиц и приобретают различные, независимые друг от друга формы, каковы: прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и т. д. Эти превращенные формы прибавочной стоимости могут быть рассмотрены лишь в третьей книге.

Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по их действительной стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые приурочиваются к капиталу в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы принимаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников и долежее ее. Таким образом сначала мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент [стадию, переходный пункт] в непосредственном процессе производства.

Впрочем, поскольку накопление совершается, постольку очевидно, что капиталисту действительно удается продать произведенный товар и превратить вырученные от этой продажи деньги обратно в капитал. Далее: распадение прибавочной стоимости на различные доли ничуть не изменяет ее природы и тех необходимых условий, при которых она становится элементом накопления. В какой бы пропорции ни распадалась прибавочная стоимость на часть, удерживаемую самим капиталистическим производителем, и часть, которую он отдает другим, во всяком случае первоначально прибавочная стоимость присваивается ее капиталистическим производителем. Следовательно, то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления, предполагается самой фактической наличностью этого процесса. С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующие формы обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Общество не может перестать производить, как не может оно перестать потреблять. Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая обратно в средства производства, или элементы нового производства, известной части своего продукта. При прочих равных условиях оно может воспроизводить свое богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, т. е. средства труда, сырья и вспомогательные материалы, потребленные в течение, напр., года, замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода; это последнее должно таким образом отделиться от годовой массы продуктов и снова войти в процесс производства. Итак, определенное количество годового продукта принадлежит производству. Предназначенная с самого начала для производительного потребления, эта часть существует обыкновенно

в таких натуральных формах, которые уже сами по себе исключают индивидуальное потребление.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому, как процесс труда при капиталистическом способе производства является лишь средством для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство является лишь средством воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве возрастающей стоимости. Экономическая печать капиталиста лежит на данном лице лишь потому, что деньги его непрерывно функционируют как капитал. Если, напр., авансированная денежная сумма в 100 ф. ст. превратилась в этом году в капитал и произвела прибавочную стоимость в 20 ф. ст.; то она должна повторить ту же самую операцию в следующем году и т. д. Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала.¹

Если доход этот служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство. И хотя последнее есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее этот простой факт повторяемости и непрерывности придает процессу известные новые черты, или, скорее, устраняет видимость некоторых черт, которые кажутся характерными для него, если его рассматривать как единственный акт.

Рассмотрим прежде всего ту часть капитала, которая авансирована в форме заработной платы — переменный капитал.

Исходным пунктом процесса производства является купля рабочей силы на определенное время, и этот исходный пункт постоянно возобновляется, как только истекает срок, на который был куплен труд, а вместе с тем истекает и период производства определенной продолжительности, напр., неделя, месяц и т. д. Однако оплачивается рабочий лишь после того, как его рабочая сила проявила свое действие и реализовала в товарах как свою стоимость, так и прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий произвел как прибавочную стоимость, представляющую для нас пока только потребительный фонд капиталиста [запас стоимостей, который служит исключительно потребительским потребностям капиталиста], так и фонд для своей собственной оплаты, т. е. переменный капитал, — произвел раньше, чем этот последний притекает к нему обратно в виде заработной платы, и лишь до тех пор, пока

¹ «Богатые, потребляющие продукты чужого труда, получают эти последние лишь при помощи акта обмена (купли товаров). Между тем, если они возвращают обратно свое приобретенное и накопленное богатство с той целью, чтобы таким способом приобрести новые продукты, которые соответствуют их желаниям, то представляется, как будто они должны бы скоро исчерпать свой резервный фонд. Мы сказали, что они не работают и они могут совсем не работать; поэтому следует думать, что их прежнее богатство должно уменьшаться с каждым днем и что, — так как у них, в конце концов, ничего не останется, — им нечего будет предложить в обмен рабочим, работающим исключительно на них... Но в современном общественном строе богатство получило силу воспроизводиться посредством чужого труда... Богатство, подобно труду и при помощи труда, каждый год доставляет плод, который можно уничтожить в течение года, не делая беднее владельца богатства. Этот плод есть доход, возникающий из капитала» (Sismondi, *Nouveaux Principes d'Economie Politique*, vol. I, p. 81, 82).

он непрерывно воспроизводит его, он имеет работу. Отсюда упомянутая нами в шестнадцатой главе под цифрой «II» формула экономистов, изображающая заработную плату как долю в самом продукте.² Это та часть продукта, непрерывно воспроизводимого самим рабочим, которая непрерывно притекает к нему обратно в форме заработной платы. Конечно, капиталист выплачивает ему эту товарную стоимость деньгами. Но эти деньги есть лишь превращенная форма продукта труда, или вернее, некоторой части продукта труда. И то время как рабочий превращает часть средств производства в новый продукт, продукт его прежнего труда обращается на рынке, где он превращается обратно в деньги. Его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия, — вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия. Иллюзия, создаваемая денежной формой, точнее же исчезает, раз мы вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего будем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая взамен причитающуюся ему часть его собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют истинный характер этого процесса.

Итак, переменный капитал есть лишь особая историческая форма, в которой проявляется фонд средств существования или рабочий фонд (labour-fund), как говорят англичане, которые разумеют под ним, конечно, не запас труда, а запас для труда. Это запас, который необходим рабочему для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всякой системе общественного производства он должен производить и воспроизводить.³ Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме платежных средств за его труд, так как собственный продукт рабочего постоянно удаляется от него в форме капитала. Однако эта историческая форма осуществления рабочего фонда ничуть не изменяет того факта, что капиталистом авансируется рабочему его собственный овеществленный труд.³

Возьмем крепостного крестьянина, отбывающего барщину. Он работает при помощи собственных средств производства на собственном поле в течение, скажем, 3 дней в неделю. В течение остальных 3 дней недели он выполняет барщинную работу на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы платежного средства, авансированного в обмен на его труд третьим лицом. Зато и его неоплаченный принудительный труд никогда

² «Заработную плату точно так же, как и прибыль, можно рассматривать как действительную долю готового продукта» (G. Ramsay, An Essay on the Distribution of Wealth, Edinburgh 1836, p. 142). «Доля продукта, принадлежащая рабочему в форме заработной платы» (James Mill, Elements of Political Economy. Французский перевод Parissot, Paris 1823, p. 34).

³ Переменный капитал рассматривается здесь исключительно как фонд для оплаты паемных рабочих. Как известно, он становится переменным лишь с того момента, когда купленная им рабочая сила начинает функционировать в процессе производства. (Примечание к французскому изданию.)

⁴ Когда капитал употребляется на авансирование рабочим их заработной платой, он ничего не прибавляет к фонду, предназначенному для поддержания труда» (Cazeau в прим. к его изданию работы Мальтуса. Definitions in Political Economy, London 1853, p. 22).

не получает формы добровольного и оплаченного труда. Но если помещик присвоит себе поле, рабочий скот, семена, — одним словом, средства производства барщинного крестьянина, то отныне этому последнему придется продавать свою рабочую силу помещику. Между тем при прочих равных условиях он и теперь, как прежде, будет работать 6 дней в неделю, — 3 дня на себя, 3 дня на бывшего помещика, превратившегося теперь в нанимателя. И теперь, как раньше, он будет потреблять средства производства как таковые, перенося их стоимость на продукт. И теперь, как раньше, определенная часть продукта будет входить в процесс воспроизводства. Но подобно тому, как барщинный труд принимает при этом форму наемного труда, точно так же и рабочий фонд, производимый и воспроизводимый теперь, как и раньше, самим крестьянином, принимает форму капитала, авансированного крестьянину бывшим помещиком. Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состо, нии отличать форму проявления от того, что в ней проявляется, закрывает глаза на тот факт, что даже в настоящее время рабочий фонд выступает в форме капитала только в исключительно редких пунктах земного шара.⁴

Как бы то ни было, переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста,^{4а} лишь в том случае, если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства в ходе его непрерывного возобновления. Но где-нибудь и когда-нибудь оно должно было начаться. Следовательно, при той точке зрения, на которой мы стояли до сих пор, не приходится ли предположить, что капиталист в известный момент превратился во владельца денег при посредстве некоторого первоначального накопления, независимого от чужого неоплаченного труда, напр., при посредстве сбережений кое-чего из результатов своего собственного труда, и благодаря этому мог выступить на рынке, в качестве покупателя рабочей силы? Примем на время такое решение этой проблемы, к которой мы обратимся ближайшим образом в главе о первоначальном накоплении.

Между тем уже простая непрерывность капиталистического процесса производства, или простое воспроизводство, предполагает и другие своеобразные изменения, касающиеся не только переменной части капитала, но и всего капитала в целом.

Если прибавочная стоимость, создаваемая периодически, напр., ежегодно, капиталом в 1 000 ф. ст., равняется 200 ф. ст., и если эта прибавочная стоимость потребляется без остатка в течение года, то ясно, что после повторения этого процесса в течение пяти лет сумма потребленной прибавочной стоимости будет равна 200×5 , или первоначально авансированной капитальной стоимости в 1 000 ф. ст. Если бы годовая прибавочная стоимость потреблялась лишь частично, напр., лишь наполовину, то указанный результат получился бы лишь после повторения производственного процесса и

⁴ «Средства существования рабочих авансируются капиталистами мено, чем на одной четверти поверхности земного шара» (Richard Jones, Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations, Hertford 1852, p. 16)

^{4а} «Хотя промышленный рабочий получает свою заработную плату авансом от хозяина, он в действительности не стоит последнему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно сохраняется вместе с прибылью в возросшей стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (A. Smith, Wealth of Nations, Book II, ch. III).

течения десяти лет, потому что $100 \times 10 = 1000$. Вообще авансированная капитальная стоимость, деленная на потребляемую ежегодно прибавочную стоимость, даст число лет, или число периодов воспроизводства, по истечении которых первоначально авансированный капитал потребляется капиталистом и, следовательно, исчезает.

Представление капиталиста, что он потребляет лишь продукт чужого присвоенного труда, прибавочную стоимость, оставляя неприкосновенной первоначальную капитальную стоимость, ничуть, конечно, не изменяет этого факта. По истечении известного числа лет принадлежащая ему капитальная стоимость равна сумме прибавочной стоимости, присвоенной им без эквивалента к точное того же самого числа лет, а потребленная им сумма стоимости равна первоначальной капитальной стоимости.

Правда, в его руках сохраняется капитал, неизменный по величине, причем часть этого капитала, строения, машины и т. д., уже имелась в наличии, когда он приступил к своему предприятию. Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях. Если кто-нибудь расточил все свое имущество, наделав долгов на сумму, равную стоимости этого имущества, то все его имущество представляет как раз только общую сумму его долгов. Равным образом, если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одной частицы старого капитала уже не существует.

Итак, совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, необходимо превращает по истечении более или менее продолжительного периода великий капитал в накопленный капитал или в капитализированную прибавочную стоимость. Хотя бы даже собственность, вложенная в производственный процесс при начале предприятия, была лично заработана владельцем, во всяком случае рано или поздно она становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, воплощением — в денежной или иной форме — чужого присвоенного труда.

Как мы видели в начале нашего исследования, в четвертой главе, для того, чтобы превратить деньги в капитал, недостаточно наличности товарного производства и товарного обращения. Для этого необходимо, прежде всего, чтобы владелец денег мог найти на рынке людей, свободных, но вынужденных продавать свою рабочую силу, так как у них нет ничего иного для продажи. Следовательно, отделение продукта труда от самого труда; отделение категории лиц, располагающих всем необходимым для того, чтобы труд мог реализоваться, от другой категории лиц, все имущество которых ограничивается их собственной рабочей силой, было фактически данной основой, исходным пунктом капиталистического процесса производства.

Но что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии, благодаря простому воспроизводству, становится снова и снова самовозобновляющимся результатом. С одной стороны, процесс производства постоянно превращает вещественное богатство в капитал и в средства потребления для капиталиста. С другой стороны, рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишённый всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого. Так как до его вступления в процесс его собственный труд был отчужден от него, присвоен капиталистом и включен в состав капитала, то

этот труд по мере хода производства непрерывно овеществляется в чуждом продукте. Так как процесс производства есть в то же время процесс потребления рабочей силы капиталистом, то продукт рабочего непрерывно превращается не только в товар, но и в капитал, в стоимость, высасывающую ту силу, которая создает стоимость, в средства существования, покупающие лиц, в средства производства, распоряжающиеся производителем.⁵ Таким образом рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу, как субъективный источник богатства, отделенный от условий своего воплощения и осуществления, абстрактный, связанный лишь с самым фактом физического существования рабочего, — коротко говоря, производит рабочего как наемного рабочего.⁶ Это постоянное воспроизводство и увековечение наемного рабочего есть *conditio sine qua non* капиталистического производства.

Потребление рабочего двойного рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это его производительное потребление. Это в то же время потребление его рабочей силы капиталистом, купившим последнюю. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при покупке его рабочей силы, на приобретение предметов потребления, на которые он существует и воспроизводится. Это его индивидуальное личное потребление. Следовательно, производительное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В области первого он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; в области второго он принадлежит самому себе и выполняет свои индивидуальные жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

При рассмотрении рабочего дня [в восьмой главе] и машин и крупной промышленности [в тринадцатой главе] на многочисленных примерах выяснилось, что зачастую рабочий вынужден превращать свое индивидуальное потребление в простой случайный эпизод производственного процесса. В этом случае он потребляет средства существования лишь для того, чтобы поддерживать в деятельности свою рабочую силу, как паровой машине дают уголь и воду, как колесу дают смазочное масло. Здесь его средства потребления являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление — непосредственно производительным потребле-

⁵ «В этом особенно замечательное свойство производительного потребления. Потребляемое производителем есть капитал и становится капиталом при помощи потребления» (James Mill, *Elements d'Economie Politique*. Французский перевод Parissot, Paris 1823, p. 242). Но Джеймс Милль так и не выяснил, в чем состоит это «особенно замечательное свойство».

⁶ «Это правда, конечно, что вновь введенная мануфактура дает работу многим беднякам; но последние не перестают быть бедными, между тем дальнейшее ведение мануфактурных предприятий многих других делает бедняками» («Reasons for a limited Exportation of Wool», London 1677, p. 10). «Наши фермеры говорят нелепость, утверждая, что они содержат бедных. На самом деле бедные содержатся в нищете» («Reasons for the late increase of the Poor Rates, or a comparative view of the prices of labour and provisions», London 1777, p. 37).

нем. Однако рассматриваемый случай представляется злоупотреблением, не связанным с сущностью капиталистического процесса производства⁷.

Иначе выглядит дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его течении и в его общественном объеме.

Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает стоимость всего своего капитала. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает последнему.

Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, обменивается рабочим классом на средства существования, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение средств существования, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, и рабочую силу, подлежащую новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство самого необходимого для капиталиста средства производства самого рабочего. Таким образом индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, внутри или вне процесса труда, — подобно тому как ристка машины есть составная часть производства независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего.

Дело несколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства от того, что скот сам потребляет то, что он ест. Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, он очень далек от южно-американской грубости, с которой рабочих насильно заставляют есть более питательную пищу вместо менее питательной⁸.

Поэтому капиталист и его идеолог, экономист, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечения рабочего класса, которая

⁷ Росси не декламировал бы по этому поводу с такой энергией, если бы он действительно проник в тайну «производительного потребления».

⁸ «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневная работа которых (быть может, самая тяжелая в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах на поверхность земли груз руды в 180 — 200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются лишь хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа обращаются с ними как с лошадьми: видя, что при одном хлебе они не могут работать так интенсивно, они принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче костяной золой, чем хлеб» (Liebig, Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie, 7 Auflage 1862, 1 Theil, p. 194, примечание).

действительно должна быть потреблена рабочим, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного удовольствия, есть непроизводительное потребление⁹. Если бы накопление капитала вызывало повышение заработной платы и, следовательно, возрастание средств потребления рабочего, не приводя к увеличенному потреблению рабочей силы капиталом, то добавочный капитал был бы потреблен непроизводительно¹⁰. В самом деле, индивидуальное потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума, нуждающегося в средствах потребления; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство¹¹.

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая средства существования, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Но только этот собственник не отдельный капиталист, а класс капиталистов.

В прежние времена капитал там, где ему представлялось нужным, осуществлял свое право собственности на свободного рабочего путем принудительного закона. Так, напр., до 1815 г. машиностроительным рабочим Англии эмиграция была воспрещена под угрозой тяжелого наказания.

Воспроизводство рабочего класса предполагает также передачу и накопление искусства от поколения к поколению¹². До какой степени капиталист склонен рассматривать существование такого искусного рабочего класса как одно из принадлежащих ему условий производства, как реальное существование его переменного капитала, обнаруживается с особенной яркостью, когда

⁹ James Mill, *Éléments d'Économie Politique*. Французский перевод Parissot, Paris 1823, p. 238 и сл.

¹⁰ «Если бы цена труда возросла настолько сильно, что, несмотря на прирост капитала, нельзя было бы приложить к производству большего количества труда, то я сказал бы, что такой прирост капитала потребляется непроизводительно» (Ricardo, *Principles of Political Economy*, 3-rd ed. London 1821, p. 163).

¹¹ Производительное потребление в собственном смысле этого слова есть только «потребление или разрушение богатства (он имеет в виду потребление средств производства) капиталистом с целью воспроизводства... Рабочий... производительный потребитель для лица, применяющего его труд, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (Malthus, *Definitions in Political Economy*, London 1853, p. 30).

¹² «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается и подготавливается заранее, есть искусство рабочего... Накопление и сохранение искусного труда, эта важнейшая операция, осуществляется по отношению к преобладающей массе рабочих без всякой затраты капитала» (Hodgskin, *Labour Defended etc.*, p. 13) [сравни. «Verteidigung der Arbeit», übersetzt von Dr. Friedrich Raffel. Leipzig 1909, S. 39, 40].

Ирландия начинает угрожать утратой этого условия производства. Как известно, под влиянием гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и др. местах было выброшено на улицу. Из недр самого рабочего класса и из других слоев общества раздался призыв организовать с помощью государства или добровольных национальных сборов эмиграцию «избыточных» рабочих в английские колонии или Соединенные штаты. «Times» опубликовала тогда (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, бывшего президента манчестерской торговой палаты. В нижней палате письмо это было справедливо названо «манифестом фабрикантов»¹³. Мы приведем здесь из этого письма несколько характерных мест, в которых взгляд на рабочую силу как на собственность капитала высказан с полной откровенностью.

«Рабочим хлопчатобумажного производства внушают, что предложение им труда слишком велико... что его следует уменьшить, быть может, на целую треть, чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на эмиграции... Хозяин (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) не может добровольно согласиться на то, чтобы предложению его рабочих рук было уменьшено; он придерживается того взгляда, что это было бы столь же несправедливо, сколь и неправильно... Если эмиграция поддерживается на счет общественного фонда, он имеет право требовать, чтобы его выслушали, и, быть может, протестовать». Тот же самый Поттер рассказывает далее, как полезна хлопчатобумажная промышленность, как она «иссоменно оттянула население из Ирландии и английских земледельческих округов», как колоссальны ее размеры, как она в 1860 г. дала $\frac{5}{13}$ всего английского экспорта, и как она через немного лет снова увеличится благодаря расширению рынка, особенно индийского, и принудительному «ввозу достаточного количества хлопка по 6 п. за фунт». Он продолжает: «Время — один, два, быть может, три года — создаст необходимое количество... Я хотел бы потому поставить вопрос, не стоит ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? Не стоит ли труда содержать в порядке машины (имеются в виду живые рабочие машины) и не является ли величайшей глупостью вывалить их вон? Я думаю, что это так. Я готов согласиться, что рабочие не собственность («I allow that the workers are not a property»), но собственность Ланкашира и хозяев; но они сила их обоих; они — интеллектуальная и обученная сила, которой не заместить в течение жизни одного поколения: напротив, другие машины, — те, на которых они работают («the other machinery which they work»), можно в значительной их части с успехом заместить и даже улучшить в течение двенадцати месяцев¹⁴. Если эмиграция рабочей силы будет поощряться или даже просто разрешаться (1), то что станется с капиталистами? («Encourage or allow the wor-

¹³ Письмо это можно рассматривать как манифест фабрикантов (F e r r a r i s, продолжение по поводу хлопкового голода, заседание палаты общины 27 апреля 1863 г.).

¹⁴ Читатель помнит, что тот же самый капитал поет совсем другую песню при обычных обстоятельствах, когда задача состоит в понижении заработной платы. Тут «хозяева» единогласно заявляют (см. отдел четвертый, прим. 188): «Путем непрерывного напоминания в рабочих следовало бы закрепить специальное убеждение, что труд их в действительности есть лишь низкий сорт обученного труда; что никакой вид труда не усваивается с такой легкостью и не оплачивается лучше, если принять во внимание

king power to emigrate, and what of the capitalist?» Этот крик сердца напоминает гофмаршала Кальба)... Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет до крайности обесценен, оборотный капитал не выдержит борьбы с недостаточным предложением труда ухудшенного сорта... Нам говорят, что рабочие сами желают эмигрировать. Это очень естественно с их стороны... Сократите, подавите хлопчатобумажное производство, отняв у него его рабочие силы (by taking away its working power), уменьшите, скажем, на $\frac{1}{3}$, или на 5 миллионов, сумму уплачиваемых им заработных плат, и что станется тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станется с земельной рентой, с квартирной платой за коттеджи?... С мелкими фермерами, этим лучшим слоем домовладельцев и земельных собственников? Итак, скажите, может ли быть какой-либо более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабить нацию путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и обесценения части ее наиболее производительного капитала и богатства? Я рекомендую заем в 5 — 6 миллионов, разложенный на два или три года; деньги должны расходоваться под наблюдением особых комиссаров, подчиненных администрации призрения бедных в хлопчатобумажных округах; следует регулировать это дело специальным законом, установив известный принудительный труд для поддержания моральной ценности рабочих, получающих милостыню... Может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев («can anything be worse for landowners or masters»), чем лишиться своих лучших рабочих и посеять деморализацию и недовольство среди остальных путем широкой опустошительной эмиграции и обесценения капитала в целой провинции?»^{14a}.

Поттер, этот несравненный представитель хлопчатобумажных фабрикантов, различает два вида «машин», одинаково принадлежащих капиталисту: одни постоянно находятся на его фабрике, другие по ночам и по воскресеньям перемещаются в коттеджи. Первые мертвые, вторые живые. Мертвые не только с каждым днем ухудшаются и обесцениваются, но благодаря техническому прогрессу значительная часть их наличной массы является до такой степени устарелой, что могла бы быть с выгодой замещена более новыми машинами в продолжение нескольких месяцев. Живые машины, наоборот, тем лучше, чем долее они служат, чем более искусства, накопленного поколениями, они впитали в себя. «Times» в своем ответе этому фабричному магнату между прочим писал:

«Господин Э. Поттер до такой степени проникнут сознанием чрезвычайной и абсолютной важности хозяев хлопчатобумажных предприятий, что он для поддержания этого класса и увековечения его промысла готов насиль-

его качество; что никакой другой вид труда не может быть доставлен в такое короткое время и в таком избытке путем краткого обучения самых неподготовленных людей. Машины хозяев (которые, как нам говорят теперь, могут быть с успехом замещены лучшими в 12 месяцев) в действительности играют гораздо более важную роль в производстве, чем труд и искусство рабочих (нам говорят теперь, что последнее не может быть восстановлено даже в течение 30 лет), которым может обучиться каждый сельский батрак в 6 месяцев».

^{14a} В обычные времена капиталист, напротив, утверждает, что рабочим не пришлось бы страдать от деморализации и мучений вследствие голода, если бы они были достаточно предусмотрительны и, уменьшив свою численность, повысили бы цену труда. (Примечание к французскому изданию.)

стоично запереть полмиллиона рабочих в огромный моральный рабочий дом. Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? — спрашивает г. Поттер. Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами. Стоит ли труда содержать в порядке машины? — снова спрашивает г. Поттер. «Да», мы останавливаемся в недоумении. Под машинами господин Поттер подразумевает человеческие машины; он клянется, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны сознаться, что считаем «стоимостью труда» и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. запереть их и смазывать, пока не явится в них надобность. Человеческая машина имеет свойство ржаветь от бездействия, сколько бы вы ее ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как нас учит опыт, способны самопроизвольно разводить пары и взрываться или безумствовать на улицах наших больших городов в дикой витовой пляске. Может быть, г. Поттер и прав, утверждая, что для воспроизводства рабочих требуется более значительное время, но, имея под руками опытных машинистов и деньги, мы всегда найдем достаточно предприимчивых, настойчивых, трудолюбивых людей, из которых можно наделать более, чем нужно, фабрикантов... Г-н Поттер болтает о новом оживлении промышленности через 1, 2, 3 года и требует от нас не поощрять эмиграции рабочей силы или даже не разрешать ее! Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700 000 лиц, принадлежащих к их семьям, вопреки их желанию, в хлопчатобумажных округах и, — неизбежное последствие — подавляя силой их недовольство, поддерживать их существование раздачей милостыни, все это ввиду того, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Наступило время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту рабочую силу от тех, кто хочет обращаться с ней так, как они обращаются с углем, железом и хлопком» («to save this «working power» from those, who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton») ¹⁵.

Читая «Times'a» была только jeu d'esprit [пустая игра ума]. «Великое общественное мнение» в действительности разделяло мнение г. Поттера, что фабричный рабочий есть лишь подвижной придаток фабрики. Эмиграции рабочих воспрепятствовали ¹⁶. Их заперли в «моральном рабочем доме» хлопчатобумажных округов, и они попрежнему составляли «силу (the strength) хлопчатобумажных фабрикантов в Ланкашире».

Итак, капиталистический процесс производства самым своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Он воспроизводит и ускоривает тем самым условия эксплуатации рабочего. Он постоянно

¹⁵ «Times», 24 марта 1863 г.

¹⁶ Парламент не вотировал ни одного фартинга на эмиграцию, но лишь принял законы, уполномочившие муниципалитеты держать рабочих между жизнью и смертью или эксплуатировать их, не уплачивая нормального вознаграждения. Когда затем, три года спустя, разразился падеж скота, парламент немедленно, не взирая даже на грубое нарушение парламентского этикета, вотировал миллионы на возмещение убытков миллионеров лэнд-оуэров, фермеры которых и без того не несли никаких убытков благодаря повышению цены на мясо. Звержный рев земельных собственников при открытии парламентом 1866 г. доказал, что не надо быть ни индусом, чтобы поклоняться корове Сабале, ни Юпитером, чтобы превратиться в быка.

принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться¹⁷. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Железный ход самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода¹⁸ одновременно и обусловливается и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменою лиц, хозяйничающих над ним, и колебаниями рыночных цен его труда¹⁹.

Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение; капиталиста с одной стороны, наемного рабочего — с другой²⁰.

¹⁷ «Рабочий требовал средств существования, чтобы жить, хозяин требовал труда, чтобы иметь выгоду» (Sismondi, Nouveaux Principes d'Economie Politique, vol. I, p. 91).

¹⁸ Грубо мужицкая форма этой зависимости существует в графстве Дуртэм. Это — одно из тех немногих графств, в которых местные условия не обеспечивают за арендатором бесспорного права собственности на сельскохозяйственных батраков. Существование горного дела оставляет последним возможность выбора. Поэтому здесь, в противоположность общему правилу, фермер берет в аренду лишь те земли, на которых находятся коттеджи рабочих. Наемная плата за коттедж составляет часть заработной платы. Эти коттеджи называются «hind's houses» [«дома слуг»]. Они сдаются рабочим под условием выполнения известных феодальных повинностей, по договору, который носит название «bondage» [«крепостная зависимость»] и, между прочим, обязует рабочего на то время, когда он занят в другом месте, посылать на работу вместо себя дочь и т. д. Сам рабочий называется *bondsman*, т. е. крепостной. Это отношение с совершенно новой стороны показывает нам индивидуальное потребление рабочего как потребление для капитала, или производительное потребление. «Интересно отметить, что даже испражнение этого *bondsman*'а причисляется его расчетливым повелителем к своему доходу... Фермер не разрешает устраивать никаких отхожих мест, кроме тех, которые устроены им самим, и не терпит ни малейшего нарушения своих сюзеренных прав в этой области» («Public Health. 7-th Report 1864», p. 188).

¹⁹ Припомним, что при продаже труда детей и т. п. исчезает даже формальность самопродажи.

²⁰ «Капиталом предполагается наемный труд, наемным трудом предполагается капитал. Они взаимно обусловливают друг друга; они взаимно вызывают друг друга. Рабочий хлопчатобумажной фабрики, — производит ли он только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы распоряжаться его трудом и при посредстве последнего создавать новые стоимости» (Karl Marx, Lohnarbeit und Kapital в «Neue Rheinische Zeitung», № 206, 7 апреля 1849 г.). Статьи, опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» под этим заглавием, представляют отрывки лекций, читанных мною на эту тему в 1847 г. в брюссельском союзе немецких рабочих; печатание их было прервано Февральской революцией. [Сравни Karl Marx, Lohnarbeit und Kapital. Neu herausgegeben von K. Kautsky. Berlin 1907, S. 27, 28.] [Ср. К. Маркс, Наемный труд и капитал. Перев. И. Степанова. Изд. «Крестьянская Новь». М. 1922. Стр. 51.]

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

I. Капиталистический процесс производства в расширенном масштабе. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения

Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости. Если собственник применяет полученную им прибавочную стоимость не на удовлетворение своих личных потребностей, а в качестве капитала, то образуется и присоединяется к прежнему, накопляется новый капитал. Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала²¹.

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста. Пусть, напр., прядильный фабрикант авансирует капитал в 10 000 ф. ст., в том числе $\frac{4}{5}$ в виде хлопка, машин и т. д. и $\frac{1}{5}$ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240 000 ф. прямой стоимостью в 12 000 ф. ст. При норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость заключена в прибавочном или чистом продукте, составляющем 40 000 ф. пряжи, или одну шестую валового продукта, всего продукта; стоимость прибавочного продукта, 2000 ф. ст., реализуется при продаже. Этот прибавочный продукт имеет стоимость в 2000 ф. ст., которая будет реализована его продажей. Если эти 2000 ф. ст. будут снова авансированы в качестве капитала, то первоначальный капитал возрастет с 10 000 до 12 000 ф. ст., или будет наоболен.

Сумма стоимости в 2000 ф. ст. есть сумма стоимости в 2000 ф. ст. и ничего больше. Ни по виду, ни по запаху этих денег нельзя узнать, что они прибавочная стоимость. Характер прибавочной стоимости указывает лишь, каким путем данная стоимость попала в руки ее собственника, но несколько не изменяет самой природы стоимости или денег.

Таким образом прядильный фабрикант, чтобы превратить в капитал эту вновь поступившую к нему сумму в 2000 ф. ст., должен при прочих равных условиях авансировать $\frac{4}{5}$ ее на закупку хлопка и т. д. и $\frac{1}{5}$ на заработную плату рабочих-прядильщиков, причем последние должны найти для рынка те средства существования, стоимость которых он им авансировал. Тогда этот новый капитал в 2000 ф. ст. будет функционировать в прядильном деле и, с своей стороны, принесет прибавочную стоимость в 200 ф. ст.

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость сначала существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продается, пре-

²¹ Накопление капитала: употребление части дохода в качестве капитала (Malthus, Definitions etc. ed. Cazenove, p. 11). «Превращение дохода в капитал» (Malthus, Principles of Political Economy. 2nd ed. London 1830, p. 319).

вращается в деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свой первоначальный способ существования. Однако, начиная с этого момента, обе они, и капитальная стоимость, и прибавочная стоимость, представляют денежные суммы, и их обратное превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом. И ту, и другую стоимость капиталист затрачивает на покупку товаров, благодаря чему получает возможность снова начать изготовление своего продукта и на этот раз уже в расширенном масштабе. Но, чтобы закупить эти товары, он должен найти их на рынке.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что он выносит свой годовой продукт на рынок, как это делают со своими товарами и все другие капиталисты. Но прежде, чем она явилась на рынок, она уже заключалась в фонде годового производства, т. е. в общей массе всякого рода предметов, в которые превращается в течение года сумма единичных капиталов, или совокупный общественный капитал: тот капитал, от которого лишь небольшая доля находится в руках каждого отдельного капиталиста. Процессы, совершающиеся на рынке, осуществляют лишь обращение этих отдельных составных частей годового производства, посылают их из рук в руки, но не могут ни увеличить суммы годового производства, ни изменить природу произведенных предметов. Следовательно, то употребление, которое может быть сделано из совокупного годового продукта, зависит от собственного состава последнего, а отнюдь не от его обращения.

Прежде всего годовое производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), на счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За исключением этой части остается чистый или прибавочный продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов, — предметов, входящих таким образом в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена до последнего гроша, и мы имели бы перед собой простое воспроизводство.

Для того, чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. средства существования. Следовательно, часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и существования, избыточных по сравнению с тем их количеством, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала ^{21a}.

^{21a} Мы оставляем здесь в стороне внешнюю торговлю, которая туземные сорта товаров замещает заграничными и при помощи которой можно может превратить предметы роскоши в средства производства и существования, или наоборот. Для того, чтобы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побоч-

Но чтобы заставить эти элементы фактически функционировать в качестве капитала, класс капиталистов нуждается в добавочном количестве труда. Если эксплуатация уже занятых рабочих не может быть увеличена существенно или интенсивно, то, очевидно, должны быть применены к делу добавочные рабочие силы. Но об этом также позаботился самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключенными в продукте годового производства, — и превращение прибавочной стоимости в капитал готово. Итак, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства обменивается и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль ^{21b}.

Перейдем теперь опять к нашему примеру. Это — старая история: Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова и т. д. Первоначальный капитал в 10 000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 2000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капитал в 2000 ф. ст., который мы назовем дополнительным капиталом, приносит прибавочную стоимость в 400 ф. ст., если разделить на постоянную и переменную части капитала и норма прибавочной стоимости остаются такие же, как в первоначальном капитале; эта прибавочная стоимость в свою очередь капитализируется, т. е. превращается во второй дополнительный капитал, в добавочный капитал II, который опять-таки приносит новую прибавочную стоимость в 80 ф. ст., и т. д.

Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая потребляется самим капиталистом. Столь же мало интересует нас в настоящее время вопрос, присоединяется ли добавочный капитал к первоначальному, или же отделяется от него, чтобы самостоятельно порождать прибавочную стоимость; использует ли его тот же самый капиталист, который его накопил, или же он перейдет в другие руки. Мы не должны только забывать, что карьеру с монообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к данному им добавочному капиталу.

Первоначальный капитал образовался путем авансирования 10 000 ф. ст. Откуда их достал их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают представители политической экономии ^{21c}, и это их предположение действительно представляется единственным, согласным с законами товарного производства, согласно которым,

без обязательств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну индустрию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства.

^{21b} Анализ накопления, произведенный Сисмонди, имеет тот крупный недостаток, что автор слишком поспешно успокаивается на фразе: «превращение дохода в капитал», и не исследует материальных условий этой операции.

^{21c} Первоначальный труд, которому его капитал обязан своим воспроизведением» (S i s m o n d i, Nouveaux Principes d'Economie Politique, éd. 1804, vol. I, p. 109).

в общем выводе эквивалент обменивается на эквивалент, и каждый может купить товар только на товар.

Совершенно иначе обстоит дело с добавочным капиталом в 2000 ф. ст. Процесс его возникновения нам известен с полной точностью. Это капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего зарождения он не заключал в себе ни одного атома стоимости, возникшей помимо чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и средства существования, при помощи которых она поддерживает самое себя, представляют лишь составные части прибавочного продукта, — той дани, которая классом капиталистов ежегодно вырывается у класса рабочих. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по полной цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то все же он поступает в этом случае по старому рецепту завоевателя, покупающего товары побежденных на их же собственные, у них же награбленные деньги.

Если добавочный капитал применяется к делу тем самым рабочим, который произвел его, то этот последний должен прежде всего продолжать увеличивать стоимость первоначального капитала и, кроме того, должен обратно покупать продукт своего прежнего неоплаченного труда при помощи большего, добавочного труда, чем он стоил ему самому. Раз мы рассматриваем это как сделку между классом капиталистов и классом рабочих, то суть дела нисколько не изменится от того, что на счет неоплаченного труда рабочих, занятых до того времени, получают занятие новые добавочные рабочие. Ведь возможно также, что капиталист использует дополнительный капитал на покупку машины, которая выбросит производителя этого добавочного капитала на мостовую и заместит его несколькими детьми. Во всяком случае рабочий класс своим прибавочным трудом в течение данного года создал капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда²². Вот в чем суть того, что называют: «порождать капитал капиталом».

Предпосылкой накопления первого добавочного капитала в 2000 ф. ст. была наличность стоимости в 10 000 ф. ст., авансированной капиталистом и принадлежащей последнему в силу его «первоначального труда». Напротив, предпосылкой второго добавочного капитала в 400 ф. ст. является не что иное, как предшествующее накопление первого, этих 2000 ф. ст., капитализированную прибавочную стоимость которых и представляют эти 400 ф. ст. Собственность на прошлый неоплаченный труд оказывается теперь единственным условием текущего присвоения в растущем масштабе живого неоплаченного труда. Чем больше накопил капиталист раньше, тем больше он может накапливать теперь.

Поскольку прибавочная стоимость, из которой состоит добавочный капитал № I, есть результат покупки рабочей силы на часть первоначального капитала, — покупки, которая вполне соответствовала законам товарного обращения и с юридической точки зрения предполагает лишь, что рабочий свободно распоряжается своими собственными способностями; а владение денег или товаров — принадлежащими ему стоимостями; поскольку добавочный капитал № II и т. д. является простым результатом добавочного пр-

²² «Труд создает капитал, прежде чем капитал дает занятие труду» (E. O. Wakefield, England and America, London 1833, v. II, p. 110).

питала № I, т. е. следствием тех же самых отношений; поскольку каждая единичная сделка постоянно совершается здесь в полном согласии с законом товарного обмена, т. е. поскольку капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий всегда ее продает и притом — допустим даже и это — по ее действительной стоимости, — постольку очевидно, что закон присвоения или закон чистой собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращается путем собственной, внутренней, неустрашимой диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, представлявший нам основной первоначальной операцией, претерпел такие изменения, что в результате обмен оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама представляет лишь часть продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым прибавочным продуктом. Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится таким образом простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его действительный смысл. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присвоенного им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности казалось нам основным на собственном труде. По меньшей мере мы должны были принять его допущение, так как на рынке противостоят друг другу лишь равноправные товароладельцы, причем средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого послужило, по видимому, их тожество²³.

Но, как ни велико противоречие между основными законами товарного производства и капиталистическим методом обогащения, последний порождается отнюдь не нарушением этих законов, а, напротив, точным их применением. Краткий повторный обзор тех последовательных фаз развития, заключительным пунктом которых является капиталистическое накопление, еще лучше уяснит нам это.

Мы видели, прежде всего, что первоначальное превращение данной суммы стоимости в капитал совершалось безусловно в согласии с законами обмена. Один из обменивающихся продает свою рабочую силу, другой покупает ее. Первый получает стоимость своего товара и, следовательно, отчуждает его потребительную стоимость, т. е. труд, в руки другого. Тогда второй превращает средства производства, уже принадлежащие ему, при помощи этого также принадлежащего ему труда, в новый продукт, который тоже по праву принадлежит ему

²³ Собственность капиталиста на продукт чужого труда «есть необходимое последствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого рабочего на продукт своего собственного труда» (Cherbuliez, Riche ou Pauvre, Paris 1841; стр. 89). Впрочем, диалектика этого превращения развита здесь неправильно).

Стоимость этого продукта заключает в себе прежде всего стоимость потребленных средств производства. Полезный труд не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт; но рабочая сила найдет себе покупателя лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд в той отрасли промышленности, где имеется в виду ее применить.

Далее, стоимость нового продукта заключает в себе эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. И это как раз потому, что рабочая сила, проданная на определенный срок — на день, на неделю и т. д. — обладает меньшей стоимостью, чем та стоимость, которую создаст ее потребление в течение данного срока. Но рабочему оплачена меновая стоимость его рабочей силы и тем самым от него отчуждена ее потребительная стоимость, — как это имеет место при каждой купле и продаже.

Общий закон товарного производства ничуть не затрагивается тем обстоятельством, что своеобразная потребительная стоимость данного товара — рабочей силы — состоит в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. Итак, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только восстанавливается в продукте, но восстанавливается в нем, приращенная прибавочной стоимостью, то причина этого — отнюдь не обман продавца, который полностью получил стоимость своего товара, а лишь потребление этого товара покупателем.

Закон обмена обуславливает лишь равенство меновых стоимостей обмениваемых друг на друга товаров. Он кроме того с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей и не имеет абсолютно никакого отношения к самому процессу их потребления, который начинается лишь тогда, когда акт торговли вполне закончен и завершился.

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

- 1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;
- 2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила, и тем не менее составляет правомерную собственность последнего;
- 3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение этой первой операции; при этом каждый раз деньги снова превращаются в капитал. Таким образом здесь закон отнюдь не нарушается, — напротив, создается лишь возможность его постоянного проявления. («Несколько последовательных обменов лишь сделали из последнего представителя первого»)²⁴.

И тем не менее простого воспроизводства, как мы видели, достаточно для того, чтобы в корне изменить тот характер этой операции — превращения денег в капитал, которым она обладала, — поскольку мы рассматривали ее как изолированный процесс. «Среди лиц, между которыми распределяется национальный доход, одни (рабочие) ежегодно приобретают на него новую

²⁴ S i s m o n d i, Nouveaux Principes d'Economie Politique, vol. I, p. 70.

право при помощи затраты нового труда; другие (капиталисты) уже раньше приобрели на него постоянное право при помощи первоначальной затраты труда». Труд, как известно, не единственная область, где первообразование творит чудеса.

Дело ничуть не изменится, если простое воспроизводство будет заменено расширенным в расширенном масштабе, или накоплением. В первом случае капиталист прокучивает всю прибавочную стоимость, во втором он обнаруживает свою гражданскую добродетель в том, что потребляет лишь часть прибавочной стоимости, превращая остальное в деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда не принадлежит кому-либо другому. Если он авансирует ее на производство, то делает это авансирование из того, чем он сам владеет, совершенно так же, как в тот день, когда он впервые вступил на рынок. Что на этот раз его собственность произошла из неоплаченного труда его рабочих, не имеет абсолютно никакого значения. Если рабочий *B* занимается за счет прибавочной стоимости, произведенной рабочим *A*, то, во-первых, *A* создал эту прибавочную стоимость, получив до последней копейки всю справедливую цену за свой товар, во-вторых, это дело вообще ничуть не касается рабочего *B*. Все, чего *B* требует и имеет право требовать, — это, чтобы капиталист уплатил ему сумму авансированы плоды его труда (следовало сказать: неоплаченного труда других рабочих) раньше, чем последний был выполнен (следовало сказать: раньше, чем его труд принес свои плоды); хозяин потому, что труд этого рабочего стоил больше, чем его заработная плата» (следовало сказать: прибавочная стоимость, чем стоимость заработной платы)^{24b}.

Природа, дело выглядело бы совершенно иначе, если бы мы рассмотрели капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления, и в нем вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего взяли их совокупность, класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы изменили бы точку зрения, совершенно чуждую товарному производству.

В товарном производстве противостоят друг другу лишь взаимно независимо продавец и покупатель. Все отношения между ними обрываются, всегда истекает срок заключенного ими договора. Если сделка возобновляется, то уже на основе нового договора, который не имеет ничего общего с предыдущим и лишь случайно может опять свести того же самого покупателя к тому же самому продавцу.

Итак, если товарное производство или какое-либо принадлежащее к нему явление рассматривать с точки зрения экономических законов, присутствующих в этой области, то придется каждый акт обмена брать отдельно, без всякой связи с предшествующими и последующими актами обмена. А так как купли и продажи совершаются лишь между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами.

Какой бы длинный ряд последовательных воспроизводств и предшествующих им накоплений ни проделал функционирующий в настоящее время капитал, во всяком случае он сохраняет свою первоначальную действительность. Даже при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы

^{24a} Там же, стр. 111.

^{24b} Там же, стр. 135.

обмена, способ присвоения не может совершенно изменить своего характера, не затрагивая так или иначе права собственности, соответствующего товарному производству. Одно и то же право собственности действует и вначале, когда продукт принадлежит производителю, а этот последний, обмениваясь эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счет собственного труда, и в капиталистический период, когда общественное богатство все более и более становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно присваивать себе новые порции неоплаченного чужого труда.

Этот результат неизбежен, раз рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но лишь отсюда товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь отсюда каждый продукт начинает производиться на продажу, и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себе всему обществу; но лишь при этом условии может развернуть оно все скрытые в нем силы. Сказать, что появление наемного труда искажает истинный характер товарного производства — все равно, что сказать: для того, чтобы истинный характер товарного производства остался неискаженным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство, равнявшись сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения. Нельзя удивляться поэтому остроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве весь авансированный капитал, каково бы ни было его первоначальное происхождение, превращается в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Но в общем потоке производства весь первоначально авансированный капитал представляет величину исчезающе-малую (*magnitudo evanescenti* в математическом смысле) по сравнению с непосредственно накопленным капиталом, т. е. с прибавочной стоимостью или прибавочным продуктом, в свою очередь превращенными в капитал, причем безразлично, функционирует ли он в руках того, накопил его, или в чужих руках. Поэтому политическая экономия характеризует капитал вообще как «накопленное богатство (превращенную прибавочную стоимость или доход), которое снова применяется для производства прибавочной стоимости»²⁵, а капиталиста — как «владельца прибавочного продукта»²⁶. Этот же взгляд, но лишь в иной форме, выражают, когда говорят, что весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент, — потому что процент составляет лишь часть прибавочной стоимости²⁷.

²⁵ «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» (Malthus, Principles of Political Economy, p. 282). «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода, и употребляется с целью получения прибыли» (R. Jones, An Introductory Lecture on Political Economy, London 1833, p. 16).

²⁶ «Владельцы избыточного продукта, или капитала» («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russell. London 1821»).

²⁷ «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала до такой степени возрос, что все богатство мира, дающее доход, давно уже стало просто процентом на капитал» («London Economist»).

В. Ошибочное понимание политической экономией воспроизводства в расширенном масштабе

Прежде чем мы приступим к ближайшему определению накопления, или обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, необходимо устранить двусмысленность, высиженную классической политической экономией.

Несколько товаров, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить ему в качестве средств производства и возрастания стоимости, настолько же труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Покупая такого рода товары или труд, капиталист не превращает затраченной на них прибавочной стоимости в капитал, а, наоборот, потребляет или расходует ее как доход. В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличности» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала существенно важным неустанно проповедывать накопление капитала как первый долг гражданина: не может накапливать тот, кто продает весь свой доход, вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на плем добавочных производительных рабочих, приносящих более, чем они стоят. С другой стороны, политической экономии приходилось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ²⁸ и считает поэтому накопленное богатство за богатство, огражденное от разрушения в его данной натуральной форме и, следовательно, изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения. В действительности изъятие денег из сферы обращения было бы прямою противоположностью их употребления в качестве капитала, и накопление товаров в смысле собирания сокровищ — бессмысленно²⁹. Накопление значительных масс товаров есть результат приостановки процесса обращения или результат перепроизводства²⁹. Как бы то ни было, в народном представлении встает, с одной стороны, картина накопленных и медленно потребляющихся благ, составляющих потребительный фонд богатых, с другой стороны, образование запасов, — явление, которое свойственно всем способам производства, и на котором мы еще остановимся при анализе процесса обращения.

10 июля 1859 г.). Действительно, «Economist» еще слишком скромно. Следуя за стоиим д-ра Price, он точными вычислениями мог бы доказать, что, если бы отдать капиталу все, что подобает ему, то к земному шару пришлось бы присоединить еще и другие планеты.

²⁸ «Но один экономист нашего времени не может под сбережением разуметь простое накопление сокровищ; но вне этой ограниченной и недостаточной операции для данного термина в его применении к народному богатству можно представить себе только одно значение, а именно то, которое исходит из различного употребления сбереженного и основывается на различии между видами труда, оплачиваемого на счет сбережений» (Mullhus, Principles of Political Economy, p. 38, 39).

²⁹ Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скудости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впадшим в детство в тот период, когда он начинает собирать в своих кладовых накопленные товары.

³⁰ Накопление капитала... приостановка обмена... перепроизводство» (H. Corbet, An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals, London 1841, p. 14).

Следовательно, в этих пределах классическая политическая экономия вполне права, когда она подчеркивает как характерный момент процесса накопления то обстоятельство, что прибавочный продукт потребляется рабочими производительными, а не рабочими непроизводительными. Но здесь же начинается и ее ошибка. А. Смит ввел в моду изображать накопление как простое потребление прибавочного продукта производительным рабочим, изображать капитализацию прибавочной стоимости как простое превращение ее в рабочую силу.

Послушаем хотя бы Рикардо: «Необходимо понять, что все продукты страны потребляются; но величайшее различие, какое только можно себе представить, состоит в том, потребляются ли они теми, кто воспроизводит новую стоимость, или же теми, кто ее не воспроизводит. Если мы говорим, что доход сберегается и присоединяется к капиталу, то мы разумеем под этим, что та часть дохода, о которой говорится, что она присоединяется к капиталу, потребляется производительными, а не непроизводительными рабочими. Нет большей ошибки, как предполагать, что капитал может быть увеличен тем, что перестают потреблять»³⁰.

Нет большей ошибки, чем это выставленное А. Смитом и повторяемое затем Рикардо и всеми позднейшими экономистами утверждение, будто «та часть дохода, о которой говорится, что она превратилась в капитал, потребляется производительными рабочими». Согласно этому представлению вся прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал, должна стать переменным капиталом. В действительности она, как и первоначально авансированная стоимость, разделяется на постоянный капитал и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, в которой переменный капитал существует в процессе производства. В этом процессе она сама потребляется капиталистом. Она же потребляет в свою очередь средства производства при помощи своей функции — труда. Наряду с этим деньги, уплаченные на покупку рабочей силы, превращаются в средства существования, потребляемые не «производительным трудом», а «производительным рабочим». При помощи ошибочного в самой основе своей анализа А. Смит приходит к тому нелепому результату, что, если каждый индивидуальный капитал и разделяется на постоянную и переменную составные части, то общественный капитал целиком состоит только из переменного капитала, т. е. весь затрачивается на выдачу заработной платы. Например, фабрикант сукон превращает 2000 ф. ст. в капитал. Одну часть этих денег он затрачивает на наем ткачей, другую часть на покупку шерстяной пряжи, машин и т. д. Но люди, у которых он купил пряжу и машины, опять-таки затрачивают часть полученных ими денег на труд и т. д., пока, наконец, все 2000 ф. ст. не будут затрачены на заработную плату, или весь продукт, представленный этими 2000 ф. ст., не будет потреблен производительными рабочими. Как видим, вся сила этого аргумента заключается в словах «и т. д.», которые отсылают нас от Понтия к Пилату. Адам Смит обрывает свое исследование как раз там, где начинается его трудность³¹.

³⁰ Ricardo, Principles of Political Economy. 3-rd. ed., London 1821, p. 163, примечание.

³¹ Несмотря на свою «Логик», г. Джон Стюарт Милль никогда не открывает ошибок в анализе своих предшественников, не замечает и таких погрешностей, которые вопиют об исправлении уже просто с точки зрения специалиста, хотя бы он всецело вращался в пределах буржуазного гуманизма.

Нока мы рассматриваем сумму годового производства в целом, ежегодный процесс воспроизводства очень понятен. Но составные части годового производства должны быть выписаны на товарный рынок, — и вот тут-то налицо трудности. Движения отдельных капиталов и личных доходов переплетаются, смешиваются, теряются в том хаосе всеобщих перемещений, который представляет собою обращение общественного богатства; предмет наблюдения нинутно скрывается с глаз, и все исследование наталкивается здесь на очень запутанные задачи. В третьем отделе второй книги в два ювелиза наблюдающихся здесь действительных соотношений. Там Барт поклянуо, что догма, унаследованная от А. Смита всеми последователями, служила помохой тому, чтобы понять хотя бы элементарный механизм общественного процесса воспроизводства. — Большая заслуга физиократов заключается в том, что они в своем «Tableau économique» впервые сделали попытку дать картину годового производства в том виде, в каком оно выводит из обращения³².

И само собой разумеется, что политическая экономия не преминула использовать в интересах класса капиталистов положение А. Смита, что вся превращенная в капитал часть чистого продукта потребляется рабочим классом.

В. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Теория воздержания

В прошлой главе мы рассматривали прибавочную стоимость, соответственно прибавочный продукт, лишь как индивидуальный погребительный фонд капиталиста, и этой главе мы рассматривали ее до сих пор лишь как фонд накопления. В действительности прибавочная стоимость не есть ни первый, ни второй фонд в отдельности, но совокупность их обоих. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталистом как доход³³, другая часть ее применяется для прироста, или накапливается.

Он всегда лишь регистрирует с догматизмом школьника путаницу в своих учителях. Так поступает он и в данном случае: «Сам капитал в течение длинного процесса в конце концов целиком уходит на заработную плату, и даже когда он возмещает при продаже продукта, он затем снова превращается в заработную плату».

А. Смит в своем изображении процесса воспроизводства, а следовательно, и накопления, во многих отношениях не только не сделал шага вперед, но сделал даже решительный шаг назад по сравнению со своими предшественниками, особенно с физиократами. В связи с его иллюзией, употребленной в тексте, стоит одна поистине баснословная догма, унаследованная от него политической экономией и заключающаяся в том, что цена товаров определяется из заработной платы, прибыли (процента) и земельной ренты, т. е. складывается из заработной платы и прибавочной стоимости. Исходя из такого предположения, Штерх по крайней мере признается с полной наивностью: «Нет возможности разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (Schterch, Cours d'Economie Politique. Ed. Pétersbourg 1815, vol. I, p. 164 ff.). Но, примечание). Хороша экономическая наука, объявляющая невозможным разложить цену товаров на ее простейшие элементы! Более подробно об этом мы будем говорить в третьем отделе второй и седьмом отделе третьей книги [См. также «Theorien über den Mehrwert». Bd. I, S. 164 ff.].

Читатель заметит, что слово доход употребляется в двойном смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, «периодически выходящего из капитала, во-вторых, для обозначения части этого

Раз масса прибавочной стоимости дана, величина накопления, очевидно, зависит от распределения прибавочной стоимости между фондом накопления и потребительным фондом, между капиталом и доходом. Чем больше одна часть, тем меньше другая. Поэтому масса прибавочной стоимости или прибавочного продукта, следовательно, то свободное богатство страны, которое может быть превращено в капитал, всегда больше, чем действительно превращаемая в капитал часть прибавочной стоимости. Чем выше развито капиталистическое производство известной страны, чем быстрее и в больших массах совершается накопление, чем богаче страна, чем колоссальнее поэтому роскошь и расточательство, тем больше эта разница между общей массой прибавочной стоимости и той частью ее, которая превращается в капитал.

Если оставить в стороне ежегодный прирост богатства, то окажется, что и богатство, составляющее потребительный фонд капиталистов и подвергающееся лишь постепенному уничтожению, отчасти обладает такой натуральной формой, в которой оно могло бы непосредственно функционировать как капитал. Из личным элементам богатства, которые могли бы функционировать в процессе производства, относятся и все рабочие силы, которые остаются совсем без применения или уцелбляются на чисто условные личные, часто псевдо-службы.

Отношение, в котором прибавочная стоимость разделяется на капитал и доход, непрерывно изменяется и определяется обстоятельствами, на которых мы здесь не можем останавливаться. Поэтому капитал, применяемый в известной стране, представляет величину не постоянную, а переменную, — ту постоянно изменяющуюся долю наличного богатства, которая может функционировать как капитал.

Во всяком случае разделение прибавочной стоимости на капитал и доход производит капиталист. Следовательно, оно является актом его доброй воли. Относительно той части собранной им даки, которую он накапливает, говоря что он сберегает ее, так как он ее не продает, так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, функцию самобогащения.

Лишь постольку, поскольку капиталист есть воплощенный капитал, он имеет историческую ценность и то историческое право на существования, которое, по замечанию остроумного Лихновского, «keinen Datum nicht hat» (не имеет даты). И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования совпадает с преходящей необходимостью капиталистического способа производства. Но в этих пределах основным мотивом его деятельности является не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик самовозрастания стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно, к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, покоящейся на принципе полного и свободного развития каждого индивидуума. Лишь во воплощение капитала капиталист пользуется почетом. В этой своей роли он разделяет с собирателем сокровищ самодовлеющую страсть к обогащению. Но то, что у первого было индивидуальной манией, у второго представля-

продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду. Я сохраняю этот двойкий смысл, терминологически с обычной терминологией английских и французских экономистов.

Детство общественного механизма, одним из колесиков которого он является. Правда того, развитие капиталистического производства создает необходимость постоянного возрастания капитала, вложенного в данное промышленное предприятие, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешне принудительные законы. Она не позволяет ему сохранить свой капитал, если он постоянно не увеличивает его, но увеличивать его он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поэтому, поскольку все поведение капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на общественный капитал; ведь в итальянской бухгалтерии частные расходы так и выписываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Напротив есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с массой эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и личного господства капиталиста³⁴.

На природный грех действует везде. С развитием капиталистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Ветхий Адам его собственной плоти трогает его собственным чувством, к тому же он достаточно образован для того, чтобы сознательно отвергнуть аскетизм, как предрасудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как классический капиталист бичует индивидуальное потребление как грех против своей священной функции «воздержания», модернизированный капиталист возвысился до точки зрения, с которой накопление представляется «отречением» от потребления. *«Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust, die eine will sich von andern trennen!»* («Ах, две души живут в моей груди, друг другу чуждые». Гёте, Фауст, ч. I, пер. Холодковского.)

При возникновении капиталистического способа производства в истории — каждый капиталистический новичок индивидуально преодолевает эту историческую студию — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства не только создает новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной сту-

³⁴ На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно воспроизводимой формы капиталиста — Лютер очень хорошо показывает, что человек влечет к себе есть один из элементов страсти к обогащению. «Язычники могли почитать своим человеческим разумом, что ростовщик четырежды вор и убийца. А мы, христиане, столь высоко чтим ростовщиков, что почти готовы на них ради их денег... Тот, кто утаскивает у другого его пищу, крадет и ворует, совершает убийство столь же гнусное (насколько это от него зависит), как и тот, кто голодом терзает и замучивает до смерти другого. Ростовщик делает все это и в полной безопасности сидит на своем стуле; если бы он должен был висеть на виселице, где его терзали бы столько же раз, сколько он украл гульденов, и должен бы иметь столько же раз на посты, чтобы каждый из этих воронов мог урвать себе хороший кусок. А мелких воров вешают... Мелких воров сажают в темницы и бьют плетью, и правда воры ходят в золоте и красуются в шелках... Итак, нет сомнения, что человек на земле (после дьявола), как скряга и ростовщик, не так важен людям, но все же они должны давать людям жить и сознают, что они должны и праги, и могут, даже должны иногда сжалиться над тем или другим. Но ростовщик и скряга всеми силами стараются весь мир поразить

пени развития определенный обычный уровень расточительности, являясь выставкой богатства и, следовательно, гарантией кредитоспособности, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в издержки представительства капитала. К тому же капиталист обогащается не пропорционально своему личному труду или урезыванию своего личного потребления, как собиратель сокровищ, но пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он эксплуатирует, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает того откровенного характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и скрупулезная расчетливость; тем не менее, расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему. Вместе с тем в благородной груди воплощенного капитала развертывается фаустовский конфликт между страстью к накоплению и жаждой наслаждений.

«Промышленность Манчестера, — гласит одно сочинение, опубликованное в 1795 г. доктором Aikin'ом, — можно разделить на четыре периода. В течение первого периода фабриканты были вынуждены сурово трудиться для поддержания своего существования». В особенности сильно наживались они при помощи надувательства родителей, которые отдавали им своих детей в качестве apprentices (учеников) и должны были дорого платить за обучение, в то время как этих учеников морили голодом. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили как скряги-собиратели сокровищ и далеко не потребляли даже процентов с своего капитала. «Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплуатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику над рабами, — «и жили в том же самом скромном стиле, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия стали расширяться благодаря рассылке всадников (конных коммивояжеров) за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 г. существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капиталов в 3000 — 4000 ф. ст., добытых в промышленности. Но при-

голодом и жаждой, печалью и нуждой, чтобы одному иметь все и чтобы каждый получал все от него, как от бога, и стал навеки его крепостным... Он носит пышную мантию, золотые цепи, кольца, холит свою рожу, хочет казаться и слыть добрым, благочестивым человеком... Ростовщик громадным, ужасное чудовище, — это волк, все опустошающий, хуже Какуса, Горгона или Антуса. Но он наряжается и делает благочестивый вид, чтобы никто не заметил, куда деваются те быки, которых он задом втаскивает в свою логовище. Но Геркулес должен слышать рев быков и крики пленников, должен искать Какуса также среди скал и ущелий, должен освободить быков от негодая. Ибо Какус значит негодай, и этот негодай — благочестивый ростовщик, который все ворует, похищает и пожирает. И все-таки он как будто ничего дурного не сделал, и никто не может открыть его злодеяний, потому что быки втаскиваются задом в его логовище и оставляют только следы, как будто бы они были выпущены. Так и ростовщик хочет пнуть мир, будто он приносит пользу и дает миру быков, а сам в одиночку терзает и пожирает их... И раз дорожных грабителей и разбойников колосуют и отрубают им головы, то во сколько раз больше следовало бы колосовать ростовщиков, вымывать из них жилы... изгонять, проклинать их и отрубать им головы» (Martin Luther, An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen, Wittenberg 1540).

раньше, но в это время или несколько позднее промышленники уже начали деньги и стали строить себе каменные дома вместо деревянных или глиняных... В Манчестере еще в первые десятилетия XVIII века фабрикант, приглашавший своих гостей кружкой иностранного вина, вызывал толки и пересуды среди всех соседей». До появления машинного производства фабриканты, подобно, по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан вина на 6 п. и пачку табаку за 1 п. Лишь в 1758 г. увидели в первый раз — и это составило эпоху — «лицо, занятое промышленностью, в расширенном экипаже!» «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий»³⁵. Что сказал бы добрый доктор Aikin, если бы он влез в окошко и взглянул на теперешний Манчестер!

Накопляйте, накаплийте! В этом Моисей и пророки! «Бережливость, а не производительность (industry) является непосредственной причиной накопления богатства. Впрочем, труд доставляет тот материал, который накапливает бережливость». Итак, сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую прибавочную стоимость или прибавочного продукта обратно в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства, — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода. Она ни на минуту не обманывалась на тот счет, насколько велики муки родов богатства³⁷; но какой смысл имеют все жалобы пред лицом исторической необходимости?

Может ли пролетарий в глазах классической политической экономии представлять лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капитал — в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в прибавочный капитал.

Она относится к его исторической функции со всею серьезностью. Чтобы отвести сердце капиталиста от злосчастного конфликта между жадной наживой и страстью к обогащению, Мальтус в начале двадцатых годов текущего столетия изобрел особый вид разделения труда, согласно которому дело производства присваивается капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стоимости: земельной аристократии, лицам, получающим содержание от государства и церкви, и т. д. В высшей степени важно, — говорит он, — «разделение страсти к расходам и страсти к накоплению» (the passion for expenditure and the passion for accumulation)³⁸. Господа капиталисты, давно уже превратившиеся в бонвиванов и светских людей, возопили. Как, — воскликнул один рикардиец, выступивший их адвокатом, — господин Мальтус проповедует высокие земельные ренты, высокие налоги и т. д.; чтобы успокоить промышленников, он хочет увеличить над ними гнет непродуцируемых потребителей! Конечно, производство, производство в постоянно расширяющемся масштабе — таков лозунг, однако «таким путем производ-

³⁵ In Aikin, Description of the Country from 30 to 40 milles round Manchester, London 1795, p. 182 и сл.

³⁶ A. Smith, Wealth of Nations, b. II, ch. III.

³⁷ James J. B. Say говорит: «Сбережения богатых составляются за счет пролетариев. Римский пролетарий жил почти всецело на счет общества... Можно быть уверенным, что современное общество живет на счет пролетариев, на счет тех частей, которую оно отнимает у них из продукта труда» (Sismond, Histoire etc., vol. I, p. 24).

³⁸ Malthus, Principles of Political Economy, p. 319, 320.

ство можно скорее затормозить, чем развить. Не совсем справедливо таким (not is it quite fair) поддерживать в праздности группу лиц лишь для того, чтобы подхлестывать других, по характеру которых можно думать (who are likely, from their characters), что они были бы способны успешно заниматься делом, если их к этому принудить»³⁹. Но хотя он считает несправедливым побуждать промышленного капиталиста к накоплению, снимая жир с его супа, тем не менее ему представляется необходимым свести к возможному минимуму заработную плату рабочего, «чтобы поддерживать трудолюбие последнего». Он ничуть не скрывает также, что тайна получения прибыли (добыча прибавочной стоимости) состоит в присвоении неоплаченного труда. «Усиление спроса со стороны рабочих означает лишь их готовность брать себе меньшую долю своего собственного продукта и большую долю его оставлять предпринимателям; и если говорят, что при этом вследствие понижения потребления (рабочих) происходит «glut» (переполнение рынка, перепродажа продукта), то я могу ответить лишь, что «glut» есть синоним высокой прибыли»⁴⁰.

Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить вырванную у рабочих добычу между промышленным капиталистом и праздным землевладельцем и т. д., смолкла перед июльской революцией (1830 г.). Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пухляк красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону канала рос обнищание, по ту его сторону — сен-симонизм и фуьрьеризм. Тогда пробил час вульгарной политической экономии. Ровно за год до того, как Nassau W. Senior из Манчестера открыл, что прибыль (со включением процента) на капитал есть продукт неоплаченного «последнего двенадцатого часа труда», он возвестил миру другое свое открытие. «Я, — торжественно изрек он, — заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом воздержание»⁴¹. Истинне недосыгаемый образец «открытий» вульгарной экономики! Определяющая экономическая категория подменяется сикофантской фразой. Это все.

«Если дикарь, — поучает Сениор, — делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания». Это объясняет нам, как

³⁹ «An Inquiry into those principles respecting the Natur of Demand etc» p. 67.

⁴⁰ Там же, p. 50.

⁴¹ Senior, Principes fondamentaux de l'Economie Politique. Trad. Arrivabene. Paris 1836, p. 308. Для сторонников старой классической школы это было несколько слишком глупо. «Господин Сениор подменяет выражения труд и капитал выражениями труд и воздержание... Воздержание есть простое отрицание. Источником прибыли является не воздержание, а потребление производительно применяемого капитала» (John Cairnes в его издании Мальтуса, «Definitions in Political Economy. London 1864», стр. 130, примечание). Напротив, г. Джон Ст. Милль на одной странице сводит рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Плоские противоречия столь же привычны ему, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики.

Добавление ко 2 изд. Вульгарному экономисту не приходит в голову простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба воздержание от стояния на месте, труд воздержание от праздности, праздность воздержание от труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: Determinatio est negatio [«Всякое определение есть отрицание»].

«почему при прежних формах общества средства труда создавались «без воздержания» капиталиста. «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно»⁴², а именно со стороны тех, труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт. Все условия процесса труда превращаются таким образом в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы объясняем воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста!⁴³ Капиталист грабит свою собственную плоть, когда он «ссужает (1) рабочему орудия труда», — т. е., соединив их с рабочей силой, употребляет свой капитал, — вместо того, чтобы пожирать паровые машины, хлопок, железные дороги, удобрения, упряжных лошадей и т. д. или, как наивно изображает дело вульгарный экономист, прокутить «их стоимость», обратив их в предметы роскоши и другие средства потребления⁴⁴. Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго охраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста, этого современного поклонника Вишну [индийского бога]. Не только накопление, но и простое «сохранение капитала требует постоянного напряжения сил для того, чтобы противостоять искушению потратить его»⁴⁵. Итак, уже простая экономия очевидно требует, чтобы капиталист был освобожден от этих мучительных искушений тем же самым способом, каким отмена рабства освобождает иудео-шампанского рабовладельца от тяжелой дилеммы: прокутить свой капитал, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и индусов.

В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно, больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста, пока рабочему средства его производства, а следовательно, его продукт и его средства существования не противостоят еще

⁴² Molitor, там же, p. 342.

⁴³ Ничего... не стал бы сеять, напр., своей пшеницы, бросая ее на два-три месяца в землю, или на целые годы оставлять свое вино в бутылке вместо того, чтобы сразу самому потратить эти вещи или их продавать, если бы он не рассчитывал получить добавочную стоимость в т. л. (Scrope, Political Economy. Edit. A. Potter. New-York 1841, p. 133, 134).

⁴⁴ Лишние, которому подвергает себя капиталист, ссужая свои орудия производства рабочему, вместо того, чтобы обратить их стоимость в свое личное потребление, превратив ее в предметы потребления или «потратить» (G. de Molinari, Etudes Economiques, Paris 1846, p. 49). Вышеупомянутое выражение «ссужать» употреблено для того, чтобы согласно вульгарной манере вульгарных экономистов отождествить наемного рабочего, эксплуатируемого промышленным капиталистом, с самим промышленным капиталистом, который пользуется деньгами, ссужаемыми другим капиталистом).

⁴⁵ Courceuil-Seneuil, Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. 2-ème éd. Paris 1857, p. 57.

в форме капитала. Умерший несколько лет тому назад [в 1855 г.] Ричард Джонс, преемник Мальтуса на кафедре политической экономии в ост-индском колледже в Haileybury, удачно иллюстрирует это двумя крупными фактами. Так как большинство индийского народа составляют крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство, то их продукт, средства их труда и существования никогда не принимают «формы» («the shape») фонда, сбереженного из чужого дохода («saved from revenue»), и, следовательно, вовсе не прodelывают «предварительного процесса накопления» («a previous process of accumulation») ⁴⁷. С другой стороны, в провинциях, где английское господство наименее разрушило старую систему, неземледельческие рабочие получают работу непосредственно у знати, в руках которой сосредоточивается часть сельскохозяйственного прибавочного продукта в форме дани или земельной ренты. Часть этого прибавочного продукта потребляется знатью в патриархальном виде, другая часть превращается для нее рабочими в предметы роскоши и др. средства потребления, тогда как остальное составляет заработную плату рабочих, являющихся собственниками орудий своего труда. Производство и воспроизводство в расширенных размерах совершается здесь вполне благополучно без всякого вмешательства этого удивительного светлого, этого рыцаря печального образа, «воздерживающегося» капиталиста.

4. Обстоятельства, определяющие размеры накопления независимо от той пропорции, в которой прибавочная стоимость распадается на капитал и доход. Степень эксплуатации рабочей силы. Производительная сила труда. Рост применяемого капитала по сравнению с потребляемым. Величина авансированного капитала

До сих пор мы рассматривали величину прибавочной стоимости, как величину данную. В таком случае размер накопления определяется ее разделением на доход и добавочный капитал. Но этот размер изменяется и независимо от такого разделения, — изменяется с изменением величины самой прибавочной стоимости. Допустим, что 80% капитализируются, 20% потребляются непосредственно; тогда накопленный капитал будет 2400 ф. ст. или 1200 ф. ст. смотря по тому, равняется ли общая сумма прибавочной стоимости 3000 или только 1500 ф. ст. Таким образом в определении величины накопления участвуют все те обстоятельства, которые определяют массу прибавочной стоимости. Эти обстоятельства подробно изложены в главе о производстве прибавочной стоимости. Мы возвращаемся к ним здесь лишь постольку, поскольку они дают новые точки зрения относительно накопления.

⁴⁶ «Особые классы дохода, наиболее сильно поддерживающие прогресс национального капитала, изменяются на различных стадиях развития и поэтому совершенно различны у наций, занимающих различные ступени прогресса... Прибыль... есть незначительный источник накопления по сравнению с заработной платой и рентой на ранних стадиях общественного развития... Когда развитие сил национального труда делает действительно значительный шаг вперед, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (R i c h a r d J o n e s, Textbook etc., p. 16, 21).

⁴⁷ Там же, p. 36 и сл. [В примечании к 4-му изданию Энгельс отмечает, что соответственное место из Джонса не было найдено ни на указанной, ни на других страницах.]

Как мы помним, норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от степени эксплуатации рабочей силы. Политическая экономия так высоко оценивает это обстоятельство, что иногда смешивает ускоренный рост накопления под влиянием повышения производительной силы труда и ускоренный рост его под влиянием повышенной эксплуатации рабочего⁴⁸. В отделе о производстве прибавочной стоимости мы постоянно предполагали, что заработная плата по меньшей мере равна стоимости рабочей силы. Однако на практике насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости играет слишком важную роль для того, чтобы хотя вкратце остановиться на нем. В известных границах оно фактически превращает необходимый фонд потребления рабочего в фонд накопления капитала.

«Заработная плата, — говорит Дж. Ст. Милль, — не имеет производительной силы; это цена производительной силы; заработная плата, как и цена земли, отнюдь не участвует в производстве товаров наряду с самим трудом. Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишней»⁴⁹. Но если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы считать ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть граница в математическом смысле этого слова: к ней всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая ее. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы приблизить рабочих до этого нигилистического уровня.

Часто цитируемый мною писатель XVIII века, автор «*Essay on Trade and Commerce*», выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что политическая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня французских или голландских⁵⁰. Он, между прочим, наивно говорит: «Если наши бедняки (символическое обозначение рабочих) хотят жить в роскоши... то, конечно, их труд должен быть дорог... ведь волосы становятся дыбом, когда подумаешь о тех невероятных излишествах («*hear of superfluties*»), которыми отличается потребление наших мануфактурных рабочих; тут и водка, и джин [можжевело-

⁴⁸ Рикардо говорит: «На различных ступенях общественного развития норма прибыли капитала или средств для применения труда (т. е. для эксплуатации) может быть более или менее быстрым и во всяком случае должно зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда, вообще говоря, всего больше там, где существует избыток плодородной почвы. Если в этой фразе под производительными силами труда разумеется фактическая величина той части каждого продукта, которая попадает в руки тех, производящих его своим трудом, то утверждение Рикардо есть просто табулогия, потому что на счет остальной части фонда может, конечно, претендовать капитал, если это угодно его собственнику («if the owner pleases»). Но обыкновенно это не имеет места как раз там, где страна всего плодороднее» («*Observations on certain verbal disputes etc.*», p. 74, 75).

⁴⁹ J. St. Mill, *Essays on some unsettled Questions of Political Economy*, London 1844, p. 90.

⁵⁰ «*An Essay on Trade and Commerce*», London 1770, p. 44. Равным образом «*Times*» в декабре 1866 и январе 1867 г. поместил сердечные излияния в адрес бедноты английских рудников, в которых описывалась блаженная жизнь бельгийских рудокопов, получающих ровно столько, сколько нужно, чтобы обеспечить свое существование на пользу «хозяев», и не желающих ничего лишнего. Бельгийские рабочие долго терпят, но все же «*Times*» слишком долго не соглашался аттестовать их как образцовых рабочих. Стачка бельгийских рудокопов (близ Marchienne) в феврале 1867 г., подавленная свинцом и железом, дала ответ на эту аттестацию.

вая водка], и чай, и сахар, заграничные плоды, крепкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табак и т. д.»⁵¹.

Автор цитирует далее сочинение одного нортгэмптонширского фабриканта, который, благочестиво вперив взор свой в небо, вопит: «Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии: либо французские бедные несут тяжелый труд, умеренны в пище и одежде, и главные предметы их потребления суть хлеб, плоды, травы, корни и сушеная рыба; они очень редко едят мясо и, когда дорога пшеница, очень мало едят хлеба»⁵². «К тому же, — продолжает этот эссеист, — их питье составляет вода и подобные слабые напитки, так что они действительно тратят поразительно мало денег... Такого положения вещей, конечно, трудно достигнуть, однако его возможно достигнуть, как это доказывает его существование и во Франции, и в Голландии»⁵³.

Ныне [1873 г.], благодаря иностранной конкуренции, которой вследствие развития капиталистического способа производства подпали рабочие всего земного шара, мы значительно подвинулись в этом вопросе. В настоящее время дело идет уже не о том, чтобы английские заработные платы понизить до уровня заработных плат на европейском континенте, а о том, чтобы европейский уровень в более или менее близком будущем спустить до китайского уровня. Такие перспективы развернул перед своими избирателями г. Stapleton, член английского парламента, в речи о цене труда в будущем. «Если Китай, — говорил он, — станет великой промышленной страной, то я вижу, каким образом промышленное население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («Times», 3 сентября 1873 г.).

Два десятилетия после появления цитированного Essay 1770 г. один американский шарлатан, возведенный в баронское звание янки Бенжамин Томсон (alias граф Румфорд), развивал те же филантропические планы, снискав себе ими величайшее благоволение бога и людей. Его «Essays» представляют поваренную книгу, наполненную всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорого стоящие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами. Вот особенно удачный рецепт этого удивительного «философа»: 5 ф. ячменя, 5 ф. кукурузы, на 3 п. селедок, на 1 п. соли, на 1 п. уксуса, на 2 п. перца и зелени, итого на сумму $20\frac{3}{4}$ п., получается суп на 64 человека, при этом при средних ценах хлеба стоимость этого может быть еще понижена до $\frac{1}{4}$ п. (немного более копейки) на голову»⁵⁴. С развитием капита-

⁵¹ Там же, р. 44, 46.

⁵² Фабрикант из Нортгэмптоншира совершает здесь благочестивый обман, вполне извинительный, если принять во внимание терзания его сердца. Он сравнивает будто бы жизнь французского и английского мануфактурного рабочего, а между тем в цитированном месте описывает, как он и сам впоследствии сознается, жизнь французского сельскохозяйственного рабочего.

⁵³ Там же, р. 70, 71.

⁵⁴ Benjamin Thomson, Essays political, economical and philosophical etc. 3 volumes. London 1796 — 1802, vol. I, p. 288. В своей работе «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» сэр F. M. Eden особенно усиленно рекомендует румфордскую болтушку начальникам работных домов и с упреком указывает английским рабочим на то, что «в Шотландии многие семейства в течение целых месяцев питаются исключительно овсяной и ячменной мукой, смешанной с водой и солью, не потребляя ни пшеницы, ни ржи, ни мяса, и, тем не менее, живут здо-

ического производства фальсификация товаров сделала такие успехи, что цены Томсона стали излишни. ⁵⁶

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английские фермеры и лорды добились понижения заработка рабочих до крайнего низшего предела, выплачивая в форме заработной платы меньше необходимого для существования минимума и добавляя остальное в форме пособий приходской благотворительности. В те прекрасные времена английским юнкерам еще принадлежало право устанавливать «законные» тарифы заработной платы за земледельческий труд. Вот пример того паясничания, с которым они тогда действовали: «Когда (в 1795 г.) сквайры [провинциальные помещики] Spreenhamland'a устанавливали тариф заработной платы, они как раз сидели за обедом, но очевидно предполагали, что рабочие не нуждаются ни в чем подобном... Они решили, что недельная плата должна быть 3 ш. на человека, когда коврига хлеба в 8 ф. 11 унций стоит 1 ш., и должна правильно повышаться; пока цена ковриги не достигнет 1 ш. 5 п. При еще более значительном возрастании цены хлеба заработная плата должна относительно уменьшаться, так что, когда цена ковриги будет 2 ш., потребление работника должно стать на одну пунтовую меньше, чем было раньше» ⁵⁶.

В 1814 г. перед следственной комиссией палаты лордов давал показание лорд А. Bennet, крупный фермер, мировой судья, управляющий дома для бедных, и число обязанностей которого входило регулирование заработной платы. На вопрос: «Соблюдается ли какое-либо определенное соотношение между стоимостью дневного труда и размерами приходского пособия рабочим?» — он ответил: «Да. Ежедневный доход каждого семейства доводится сверх его номинального заработка до стоимости галлоновой ковриги хлеба (8 ф. 11 унций) и 3 п. на голову... Мы полагаем, что галлоновой ковриги достаточно для поддержания жизни каждого члена семейства в течение недели; 3 п. выдаются на одежду; если же рабочий предпочитает сам выдавать одежду, эти 3 п. вычитаются из пособия. Эта практика господствует не только везде на запад от Уилтшира, но, как я полагаю, и во всей стране» ⁵⁷. «Таким образом, — восклицает один буржуазный писатель того времени, — фермеры в течение ряда лет способствовали зарождению заслуживающего уважения класса своих соотечественников,

которым комфортно» («and that very comfortably too») (там же, Book II, p. 503). Аналогичные «указания» делались и в XIX веке. «Английские сельскохозяйственные рабочие, — читаем мы, напр., — не хотят есть хлеба из самых низших сортов муки. В Шотландии, где воспитание лучше, нет пристрастия, вероятно, отсутствует» (Charles H. Paddy, M. D., *The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered*, London 1816, p. 69). Тот же самый Paddy жалуется, однако, что английский рабочий в настоящее время (т. е. в 1815 г.) сильно опустился по сравнению с временами Eden'a (1797 г.).

Из отчетов последней парламентской следственной комиссии относительно фальсификации средств существования оказывается, что даже фальсификация лекарств является для Англии не исключением, а правилом. Так, напр., исследование 34 проб опиума, взятых из 34 аптек, показало, что в 31 случае продукт был фальсифицирован примесью маковых головок, пшеничной муки, камеди, глины, песку и т. д., причем во многих пробах обнаружилось и следов морфина.

⁵⁶ G. B. Newham (barrister at law), *A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws*, London 1816, p. 28, прим.

⁵⁷ Там же, p. 19, 20.

принуждая последних находить убежище в работных домах... Фермер уличил свой собственный доход, воспрепятствовав накоплению среди рабочих даже самого необходимого потребительного фонда»⁵⁸.

Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели, например, при рассмотрении так называемой домашней промышленности (см. гл. XIII, 8, d). Дальнейшие факты этого рода будут приведены ниже в настоящем отделе.

Хотя во всех отраслях промышленности часть постоянного капитала, состоящая из средств труда (машин, орудий, аппаратов, средств транспорта, сооружений и т. д.), должна быть достаточна для того, чтобы дать занятие известному числу рабочих, определяемому величиной этой затраты капитала, тем не менее она вовсе не обязательно растет пропорционально числу занятых рабочих. Пусть на данной фабрике 100 рабочих при восьмичасовом труде составляют 800 рабочих часов. Если капиталист хочет увеличить эту сумму на половину, он может приставить к делу 50 новых рабочих, но тогда ему необходимо авансировать новый капитал не только на заработную плату, но и на средства труда. Однако он может также заставить этих прежних 100 рабочих работать 12 часов вместо 8, и тогда он может обойтись с наличными средствами труда, которые лишь быстрее будут снашиваться. Таким образом добавочный труд, созданный повышенным напряжением рабочей силы, может увеличить субстанцию накопления, т. е. прибавочный продукт и прибавочную стоимость, без соответственного предварительного увеличения постоянной части капитала.

В добывающей [занятой добычей сырых материалов] промышленности, напр., в горном деле и т. п., сырые материалы не составляют ни малейшей доли авансированного капитала. Здесь предмет труда не является продуктом производящего труда, но даруется безвозмездно самой природой. Такими руды, каменный уголь, камни и т. д. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, к которым очень легко приложить увеличенное количество труда (напр., путем установления дневных и ночных смен рабочих). Однако при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первоначальные фактора, создающие продукт, а вместе с тем создающие и вещественные элементы капитала: человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала.

Правда, в земледелии семена и удобрения играют такую же роль, как сырой материал в промышленности, и невозможно было бы увеличить площадь посева, если не имеется большего количества семян. Но раз сырой материал и средства труда имеются, даже чисто механическая обработка, как известно, изумительно повышает количество продукта. Увеличение

⁵⁸ Ch. H. Parry, The Question of the Necessity of the existing Corn laws considered, London 1816, p. 77, 69. Господа лэндлорды с своей стороны не только «вознаградили» себя за потери антиякобинской войны, которую они вели от имени Англии, но и колоссально обогатились. «За 18 лет ренты их удвоились, утроились, учетверились, а в исключительных случаях увеличились в шесть раз» (там же, p. 100, 101).

ное количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает таким образом плодородие почвы, не требуя никаких новых затрат на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, которое становится непосредственным источником повышенного накопления без всякого участия нового капитала.

Наконец, в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает соответственную добавочную затрату на сырые материалы, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как земледелие и добывающая промышленность доставляют фабрикующей промышленности ее собственные сырые материалы и сырые материалы для ее орудий труда, то на пользу последней идет и то добавочное количество продуктов, которое создается первыми, без добавочной затраты капитала.

Общий итог будет таков: овладевая двумя первоначальными факторами богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширяться, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется форма капитала.

Другой важный фактор накопления капитала есть уровень производительности общественного труда.

С ростом производительной силы труда растет и та масса продуктов, в которой выражается определенная стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость определенной величины. Чем больше увеличивается производительная сила труда, тем большее количество средств потребления и накопления охватывает прибавочная стоимость. Масса прибавочного продукта растет при неизменной и даже при падающей норме прибавочной стоимости, если только последняя падает медленнее, чем увеличивается производительная сила труда. Поэтому при неизменном расходе прибавочного продукта на доход и добавочный капитал потребление капиталиста может расти, не уменьшая фонда накопления. Возможен даже и такой случай, что относительная величина фонда накопления растет за счет фонда потребления, в то время как удешевление товаров отдает в распоряжение капиталиста столько или даже больше предметов потребления. Но рука об руку с ростом производительности труда идет, как мы видели, процесс удешевления рабочей силы, и следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости, — даже в том случае, если реальная заработная плата повышается. Никогда эта последняя не увеличивается в том же отношении, как производительность труда. Так, та же самая переменная капитальная стоимость приводит в движение столько же рабочей силы, а следовательно, и больше труда. Та же самая постоянная капитальная стоимость выражается в большем количестве средств производства, т. е. большем количестве орудий труда, материалов труда и вспомогательных материалов, и, следовательно, доставляет больше элементов, образующих продукт и стоимость или впитывающих в себя труд. Таким образом при неизменной и даже понижающейся стоимости добавочного капитала имеет место ускоренное накопление. Не только вещественно расширяются размеры воспроизводства, но производство прибавочной стоимости растет быстрее, чем стоимость добавочного капитала.

Изменение производительной силы труда оказывает влияние также и на первоначальный капитал, т. е. на капитал, уже вошедший в процессе

производства. Часть функционирующего постоянного капитала состоит из средств труда, каковы машины и т. д., которые могут быть потреблены, следовательно, воспроизведены или замещены новыми экземплярами того же рода лишь в течение более или менее продолжительных периодов. Но ежегодно часть этих средств труда отмирает, т. е. достигает конечной цели своей производительной функции. Следовательно, эта часть ежегодно находится в стадии своего периодического воспроизводства или своего замещения новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда, — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники, — то место старых машин, инструментов, аппаратов и т. д. заступают новые, более дееспособные и, сравнительно с размерами своей дееспособности, более дешевые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянном изменении отдельных деталей в наличных средствах труда.

Другая часть постоянного капитала, сырой и вспомогательный материал, воспроизводится непрерывно в течение года, — материал, ведущий свое начало из области земледелия, обыкновенно раз в год. Следовательно, всякое улучшение методов и т. д. воздействует здесь почти одновременно и на добавочный капитал, и на капитал уже функционирующий. Каждое завоевание в области химии не только умножает число полезных веществ и число полезных применений уже известных веществ, вызывая таким образом рост капитала и расширение сферы его приложения. Прогресс химии научает также вводить экскременты [отбросы] процесса производства и потреблением обратно в кругооборот процесса воспроизводства и создает, таким образом, материю нового капитала без предварительной затраты капитала. Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины. Они оказывают влияние также на ту часть первоначального капитала, которая вступила в стадию своего возобновления. В своей новой форме возобновленная часть капитала даром усваивает обществственный прогресс, совершившийся за спиной ее старой формы. Правда, это развитие производительной силы сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов. Например, капитал, вложенный в машину, теряет свою стоимость, если появляются усовершенствованные машины того же рода. Поскольку это обесценение дает себя остро чувствовать при посредстве конкуренции, главная тяжесть его обрушивается на рабочего, повышенной эксплуатацией которого капиталист старается возместить свои убытки.

Труд переносит на продукт стоимость потребленных им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимые в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, если данное количество труда присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительной силы труда растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт.

Так, напр., если английский и индийский прядильщики работают равное число часов и с равной интенсивностью, то в течение недели они создадут разные стоимости. Однако, несмотря на это равенство, существует колоссальное различие между стоимостью недельного продукта англичанина, который

работает с помощью мощных автоматов, и стоимостью недельного продукта швейца, который имеет в своем распоряжении только ручную прялку. Английский прядильщик в течение одного дня превращает в пряжу во много раз большие массы хлопка, прядильных инструментов и т. д. И сохраняет он в своем продукте во много раз большую капитальную стоимость. Если бы даже вновь созданная его дневным трудом стоимость, т. е. стоимость, вновь присоединенная этим трудом к средствам производства, была равна стоимости, произведенной индийцем, однако его дневной труд выражается не только в большем количестве продуктов, но и в бесконечно большей стоимости этих продуктов, в той старой стоимости, которую он переносит на новый продукт и которая снова может функционировать в качестве капитала.

«В 1782 г., — сообщает нам Ф. Энгельс, — весь сбор шерсти за последние три года (в Англии) лежал необработанным из-за недостатка рабочих, да так и должен бы остаться необработанным, если бы не выступили на помощь вновь изобретенные машины, давшие возможность выпрясть его»⁵⁹. Труд, материализованный в форме машин, не создал, конечно, ни одного нового рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой дополнительного живого труда производительно потребить шерсть, присоединить к ней новую стоимость и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. Живому труду по самой его природе присуща способность, присоединяя новую стоимость, сохранять старую. С течением времени, с развитием средств производства, т. е. с развитием накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах все нарастающую капитальную стоимость⁶⁰. При системе наемного труда эта естественная спо-

⁵⁹ F. Engels, Lage der arbeitenden Klasse in England, Leipzig 1845, S. 13.

⁶⁰ Историческая политическая экономия, благодаря своему неудовлетворительному анализу процесса труда и процесса возрастания стоимости, не могла правильно не понимать этого важного момента воспроизводства. Однако может послужить Рикардо. Он говорит, напр.: «Как бы ни изменялась производительная сила, миллион людей на фабриках всегда производят одну и ту же стоимость». Это справедливо, раз дана экстенсивная и неизменная величина их труда. Но это ничуть не препятствует тому, что различной производительной силе труда один миллион людей превращает продукт очень различные массы средств производства, сохраняет в продукте очень различные количества прежней стоимости и, следовательно, производит продукты очень различной стоимости. И вот это-то обстоятельство Рикардо упускает из виду в некоторых своих выводах. Заметим мимоходом, что на этом примере Рикардо тщетно пытался разъяснить Ж. Б. Сэю разницу между потребительной стоимостью (которую он называет здесь: «материальное богатство») и меновой стоимостью. Сэй отвечает: «Что такое та трудность, на которую указывает г. Рикардо, говоря, что миллион человек при усовершенствованных способах производства может произвести вдвое, втрое больше богатства, не производя однако большей стоимости, то это трудность исчезает, если мы будем, как это и следует, рассматривать производство как обмен, в котором отдаются производительные услуги труда, земли, капиталов с целью получить взамен продукты. В производстве этих производительных услуг мы приобретаем все существующее в мире продукты. Другими словами: мы тем более богаты, наши различные услуги имеют тем более стоимости, чем больше полезных продуктов получаем мы за них в обмене, именуемом производством»

способность труда кажется способностью к самосохранению, присущей тому капиталу, который овладевает трудом, — совершенно так же, как общественные производительные силы труда кажутся свойствами капитала, а постоянное присвоение прибавочного труда капиталистом — процессом постоянного самовозрастания капитала. Все свойства труда представляются в виде свойств капитала, как все формы стоимости товара в виде форм денег.

Та часть постоянного капитала, которую А. Смит называет основной, средства труда, как, напр., сооружения, машины и т. п., всегда полностью функционирует в процессе производства, но снашивается лишь постепенно и лишь мало-по-малу переносит свою стоимость на товары, производству которых она мало-по-малу содействует. Она является истинным показателем развития производительных сил. С ростом этой части капитала растет разница между применяемым капиталом и тем, который потребляется в каждый момент. Другими словами: растет материальная масса и стоимость средств труда, каковы: строения, машины, дренажные трубы, рабочий скот, земледельного рода аппараты и т. п.; в течение более или менее продолжительного периода в постоянно возобновляющихся процессах производства, эти средства труда функционируют, т. е. служат для достижения определенного полезного

(J. B. Say, *Lettres à M. Malthus*, Paris 1820, p. 168, 169). «Трудности которую хочет устранить Сэй, — она существует лишь для него, но отнюдь не для Рикардо, — состоит в следующем. Почему не увеличивается стоимость потребительных стоимостей, когда растет их количество под влиянием выросшей производительной силы труда? Ответ: трудность будет устранена, если мы будем столь любезны, что потребительную стоимость назовем меновой стоимостью. Меновая стоимость есть вещь, связанная так или иначе с обменом. Итак, назовем производство «обменом» труда и средств производства на продукт, — и тогда станет яснее дня, что меновая стоимость мы получим тем больше, чем больше потребительных стоимостей будет создано в производстве. Другими словами, чем больше потребительных стоимостей, напр., чулок, доставляет фабриканту рабочий день, тем больше фабрикант чулками. Но тут г. Сэй внезапно приходит мысль, что с увеличением количества» чулок их «цена» (не имеющая, конечно, ничего общего с меновой стоимостью) падает, «так как конкуренция заставляет производителей отдавать продукты за столько, сколько они им стоят». Откуда берется прибыль, если капиталист продает свои товары по цене, которую они ему стоят? Однако, стоит ли смущаться такими пустяками! Сэй заявляет, что вследствие повышенной производительности каждый получает теперь в обмен на тот же самый эквивалент две пары чулок вместо одной пары, как это было прежде, и т. д. Результат, к которому он таким образом пришел, есть как раз то самое положение Рикардо, которое он хотел отвергнуть. После такого мощного напряжения мысли он, торжествуя, обращается к Мальтусу с следующими словами: «Такова, милостивый государь, эта стройная доктрина; без нее, — я заявляю это, — немислимо вынести труднейшие вопросы политической экономии и в особенности вопрос, на наш образ, несмотря на то, что богатство составляется из стоимостей, почему делается более богатой, когда стоимость продуктов падает» (там же, p. 110). Один английский экономист замечает по поводу подобного рода кулицистских в «Lettres» Сэя: «Эта аффектированная манера болтовни («those affected ways of talking») и составляет то, что г. Сэй угодно назвать своей доктриной и что он рекомендует Мальтусу преподавать в Гертфорде, как это уже делается во многих местах Европы». Он говорит: «Если кое-что в этих положениях покажется вам парадоксальным, взгляните в те вещи, которыми мы выражаемся, и я смею думать, что они покажутся вам чрезвычайными простыми и понятными». Без сомнения, — но только то, что мы увидим в результате этого процесса, покажется нам чем угодно, но только не оригинальным или значительным» («An Inquiry into those Principles governing the Nature of Demand etc.», p. 116, 110).

эффекта, в полном своем объеме, тогда как снашиваются они постепенно и, следовательно, теряют свою стоимость по частям, и также по частям переносят ее на продукт. Поскольку эти средства труда, участвуя в создании продукта, не присоединяют к нему новой стоимости, т. е. поскольку они приносятся целиком, а потребляются лишь частями, поскольку они, как мы уже упоминали выше, оказывают даровые услуги подобно силам природы: воде, пару, воздуху, электричеству и т. д. Эти даровые услуги прошлого труда, охваченного и одушевленного живым трудом, накаплиются с увеличением масштаба накопления.

Так как прошлый труд выступает всегда в одежде капитала, т. е. пассив труда рабочих *A, B, C* и т. д. превращается в актив неработающего лица *X*, то буржуа и экономисты не находят слов для восхваления заслуг прошлого труда; голландский гений Мак Куллох полагает даже, что прошлому труду должно причитаться известное вознаграждение (процент, прибыль и т. д.)⁶¹. Итак, непрерывно растущее значение прошлого труда, участвующего в форме средств производства в живом процессе труда, приписывается не самому рабочему, а промывай и неоплаченный труд которого здесь функционирует, а отчужденному рабочему воплощению этого труда, его воплощению в капитале. Практические деятели капиталистического производства и пустомели, идеологи же, совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той общественно антагонистической, покоящейся на противоречиях маски, которая надета на них в настоящее время, — подобно тому, как фабрикант не способен представить себе рабочего, как такового, отделившись от тех его черт, которые делают его рабочим.

Среди обстоятельств, которые, независимо от разделения прибавочной стоимости на доход и капитал, оказывают большое влияние на расширение накопления, следует еще указать, наконец, на всю величину авансированного капитала.

При данной степени эксплуатации рабочей силы масса прибавочной стоимости определяется числом одновременно эксплуатируемых рабочих, а это последнее соответствует, хотя и в изменяющейся пропорции, величине капитала. С общей суммой капитала возрастает также и его переменная составная часть, хотя и не в той же мере. Чем шире тот масштаб, в котором производит отдельный капиталист, тем больше число рабочих, одновременно эксплуатируемых им, или масса присваиваемого им неоплаченного труда⁶². Итак, чем больше растет капитал благодаря непрерывному накоплению, тем сильнее возрастает и та сумма стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накопления. Капиталист может поэтому жить более роскошно и в то же время удлинять свое «воздержание». И в конце концов все движущие пружины производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расширяется вместе с массой авансированного капитала масштаб производства.

⁶¹ Мак Куллох взял патент на «wages of past labour» [«вознаграждение за прошлый труд»] гораздо раньше, чем Сензор взял свой патент на «wages of abstinence» [«вознаграждение за воздержание»].

⁶² В третьей книге мы увидим, что средняя норма прибыли для различных сфер производства не затрагивается свойственным для каждой из них разделением капитала на постоянный и переменный элемент, и увидим в то же время, что это явление только по видимости противоречит изложенным нами законам относительно природы и производства прибавочной стоимости.

5. Так называемый рабочий фонд

Капиталисты, а также другие участники в прибавочной стоимости, или, напр., землевладельцы, их свита и их правительства, ежегодно расточают значительную часть годового прибавочного продукта. Кроме того, они отбывают в своем потребительном фонде известное количество вещей, которые расходуются медленно и которые были бы пригодны для применения к производству, и, далее, употребляют известное количество рабочих сил для своих личных услуг и таким образом делают их бесплодными для производства.

Поэтому та часть богатства, которая капитализируется, никогда не бывает настолько велика, как она могла бы быть. Ее величина по отношению ко всей совокупности общественного богатства изменяется при каждой перемене в разделении прибавочной стоимости на личный доход и дополнительный капитал, отношение же, в котором совершается это разделение, непрерывно изменяется под влиянием обстоятельств, на которых мы здесь не можем останавливаться подробнее. Будет достаточно просто констатировать здесь, что капитал представляет не постоянную величину, а очень эластичную часть общественного богатства, постоянно изменяющуюся в зависимости от того или другого распределения прибавочной стоимости на доход и добавочный капитал.

Мы видели далее, что даже при данной величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней мы понимаем все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) составляют его эластичные потенции и в известных границах расширяют его арену действий независимо от его собственной величины. При этом мы совершенно отвлекались от условий процесса обращения, благодаря которым одна и та же масса капитала может действовать в очень неодинаковой степени. Так как мы предполагали далее, что процесс производства не выходит из границ, определяемых его капиталистической формой, следовательно, предполагали чисто стихийно выросший данный строй прогресса общественного производства, то мы совершенно не считались с возможностью непосредственно и планомерно осуществить какую-либо более рациональную комбинацию, исходя из наличных средств производства и рабочих сил. Классическая политическая экономия искони пыталась пристрастно рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот встал в непререкаемую догму лишь благодаря Иеремии Бентamu, — этому трезво-педагогичному, тоскливо-болтливому оракулу пошлого буржуазного рассудка XIX века⁶³. Бентам среди философов то же самое, что Мартин Туррет среди поэтов. Оба они могли быть сфабрикованы только в Англии⁶⁴.

⁶³ Ср., между прочим, J. Bentham, *Théorie des Peines et des Récompenses*, trad. Et. Dumont. 3-ème éd. Paris 1826, vol. II, liv. IV, ch. 2.

⁶⁴ Иеремия Бентам — явление чисто английское. Ни в какую страну в какой стране не было еще философа — не исключая даже нашего Христиана Вольфа, — который с такой помпой извещал бы обыкновеннейшую полезности. Утилитарный принцип не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и др. француз XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, напр., для собак, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть конструирована, исходя из «принципа пользы». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим с точки зрения пользы описать

С точки зрения догмы, согласно которой общественный капитал во всякий данный момент есть величина постоянная, совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, напр., его высшие расширения и сокращения и даже самый факт накопления⁴⁶. Догма эта применяется как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак Куллодом и т. д. с апологетическими целями, а именно с целью представить в виде постоянной величины переменный капитал, т. е. часть капитала, превращаемую в рабочую силу. Была сочинена басня, что вещественное существо переменного капитала, т. е. та масса средств существования, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть совершенно обобщающая часть общественного богатства, определяемая неизменными и непреодолимыми силами самой природы.

Чтобы привести в движение ту часть общественного богатства, которая должна функционировать как постоянный капитал, или — вещественно — как средство производства, необходима, конечно, определенная масса живого труда. Количество это есть величина, определяемая техникой производства. Но так как степень эксплуатации индивидуальной рабочей силы меняется, то остается неопределенным число рабочих, необходимое для того, чтобы привести в движение данную массу труда; далее остается неопределенной цена рабочей силы, так как дана только ее минимальная, да к тому же очень эластичная граница. Факты, лежащие в основе рассматриваемой догмы, таковы: с одной стороны, рабочий не имеет голоса при распределении общественного богатства на средства потребления нерабочих и на средства производства. С другой стороны, рабочий лишь в исключительно счастливых случаях может расширить так называемый «рабочий фонд» на счет «дохода» богатых. «Воля богатого, — говорит Сисмонди, — имеет определяющее значение для бедного... потому что

мы неслышны, неслышны человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую историческую данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов он не ощущает. С самой деревенной наивностью он отождествляет современного филистера — и притом в частности английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека в окружающем его мире, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее. Напр., христианская религия «полезна», так как она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное законодательство осуждает юридически. Художественная критика «вредна», так как она мешает почтенным людям наслаждаться произведениями Мартина Туппера и т. д. Таким образом этот расторопный господин, девиз которого — «nulla dies sine linea» (каждый строчку в день), наполнил горы книг. Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, я назвал бы господина Иеремию гением буржуазной культуры».

⁴⁶ «Экономисты слишком склонны рассматривать определенное количество капитала и определенное число рабочих как орудия производства данной однообразной силы, действующие с известной однообразной интенсивностью... Те, кто говорит, что товары суть единственные факторы производства, утверждают тем самым, что производство вообще не может быть расширено, так как для такого расширения должны быть заранее увеличены средства существования, сырые материалы и орудия; фактически это равносильно утверждению, что никакой рост производства не может иметь места без его предварительного роста или, другими словами, что никакой рост его невозможен» (S. Bailey, Money and its Vicissitudes, p. 111 и 70). Bailey критикует догму, главным образом, с точки зрения производственного обращения.

он сам производит распределение годового продукта. Все, что он называет доходом, он оставляет у себя для своего собственного потребления. То, что он называет капиталом, он отдает обратно бедному с той целью, чтобы тот произвел для него доход (точнее, чтобы он, пользуясь этим, произвел для него дополнительный доход)⁶⁶.

К каким плоским тавтологиям приводит попытка превратить капиталистические границы рабочего фонда в границы, определяемые природой общества как такового, показывает пример профессора Fawcett'a. «Оборотный капитал⁶⁷ страны. — говорит он, — есть ее рабочий фонд. Следовательно, чтобы узнать среднюю денежную плату, получаемую каждым рабочим, надо просто разделить этот капитал на число рабочего населения»⁶⁸. Итак, мы сначала вычисляем сумму всех действительно выгладенных индивидуальных заработных плат, затем объявляем, что результат этого сложения представляет стоимость «рабочего фонда», установленного богом и природой. Наконец, полученную таким путем сумму мы делим на число рабочих, чтобы снова открыть, сколько в среднем выпадает на долю каждого единичного рабочего. Процедура чрезвычайно хитроумная. Она не мешает господину Fawcett'у заявить, во перевода духа: «Совокупное богатство, ежегодно накапливаемое в Англии, разделяется на две части. Одна часть применяется в самой Англии для поддержания нашей собственной промышленности. Другая часть вывозится за границу. Часть, применяемая в нашей промышленности, образует незначительную долю ежегодно накапливаемого в этой стране богатства⁶⁹. Итак, большая часть ежегодно нарастающего прибавочного продукта, отбираемого у английских рабочих без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в других странах. Но ведь вместе с вывезенным за границу добавочным капиталом вывозится и часть «рабочего фонда», изобретенного богом и Бентамом⁷⁰.

⁶⁶ Sismondi, *Nouveaux Principes d'Economie Politique*, vol. I, p. 107, 108. — Дж. Ст. Милль говорит в своих «Principles of Political Economy», b. II, ch. 1, § 3: «Продукт труда разделяется в настоящее время в обратном отношении к труду: наибольшую его часть получают те, кто никогда не трудится, следующую по величине часть — те, труд которых почти всецело номинален, и т. д. по нисходящей скале, вознаграждение становится все меньше и меньше, по мере того, как труд делается тяжелее и неприятнее. Человек, занимающийся наиболее утомительным и изнурительным физическим трудом, не может с уверенностью рассчитывать лишь на получение самых необходимых средств существования». Чтобы устранить недоразумение, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия их старомодных экономических догм с их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо смешивать их в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами.

⁶⁷ Я напоминаю здесь читателю, что категории переменный капитал и постоянный капитал впервые введены в употребление мною. Политическая экономия со времен А. Смита постоянно смешивает заключающиеся в них определения с различием форм основного и оборотного капитала, порождаемым процессом обращения. Более подробно об этом см. второй отдел второй книги [«Капитал», т. II, глава десятая. Сравн. также «Theorien über den Mehrwert», Bd. III].

⁶⁸ H. Fawcett, *Prof. of Political Economy at Cambridge*, «The Economic Position of the British Labourer», London 1865, p. 120.

⁶⁹ Там же, p. 122, 123.

⁷⁰ Можно сказать, что не только капитал, но и рабочие ежегодно вывозятся из Англии в форме эмиграции. Однако в тексте не имеется в виду

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

I. Увеличение спроса на рабочую силу параллельно накоплению, при неизменяющемся составе капитала

В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое увеличение капитала оказывает на судьбу рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования — состав капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления.

Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны стоимости, состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общему сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первый я называю составом капитала по стоимости, второй — техническим составом капитала. Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение, я называю органическим составом капитала его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава. В тех случаях, где говорится просто о составе капитала, всегда следует подразумевать его органический состав.

Многочисленные индивидуальные капиталы, вложенные в определенную отрасль производства и функционирующие в руках многочисленных независимых друг от друга капиталистов, более или менее отличаются по своему составу друг от друга. Средняя из их индивидуальных составов дает нам состав всего капитала данной отрасли производства. Наконец, общая средняя из этих средних составов всех отраслей производства дает нам состав общественного капитала данной страны, и только об этом в последнем счете будет речь в дальнейшем изложении.

Теперь, после этих предварительных замечаний, обратимся опять к накоплению капитала.

Возрастание капитала предполагает возрастание его переменной или превращаемой в рабочую силу, составной части. Часть прибавочной стоимости, превращаемой в добавочный капитал, постоянно должна претерпевать обратное превращение в переменный капитал, или в добавочный рабочий фонд. Предположим, что в числе прочих неизменных условий остается без изменения и

множество переселенцев, которые в значительной своей части не принадлежат к рабочему классу. Крупную долю их составляют сыновья фермеров. Американский добавочный капитал, ежегодно вывозимый за границу с целью инвестиций из него прибыли, представляет гораздо более значительную величину по сравнению с ежегодным накоплением, чем ежегодная эмиграция по сравнению с ежегодным приростом населения.

состав капитала, т. е. что попрежнему требуется все та же масса рабочей силы для того, чтобы привести в движение определенную массу средств производства, или постоянного капитала; в таком случае спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, возрастает пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Так как капитал ежегодно производит прибавочную стоимость, часть которой ежегодно присоединяется к первоначальному капиталу; так как само это приращение ежегодно возрастает по мере увеличения размеров уже функционирующего капитала, и так как, наконец, подгоняемое особенно сильным стремлением к обогащению, напр., при открытии новых рынков, новых сфер приложения капитала вследствие вновь развившихся общественных потребностей и т. д., накопление может быстро расширять свой масштаб вследствие одного лишь изменения в разделении прибавочной стоимости или прибавочного продукта на капитал и доход, то потребности, вызываемые накоплением капитала, могут опередить возрастание рабочей силы или числа рабочих, спрос на рабочих опередит их предложение, и таким образом может произойти повышение заработной платы.

Не только может, это в конце концов и должно произойти, раз указанные выше условия сохраняются без изменения. Так как каждый год требуется больше занятых рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наемные рабочие сохраняются и размножаются, несколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит и само капиталистическое отношение, — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе или накопление воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом. Как мы видели уже раньше, воспроизводство рабочей силы, которая постоянно должна входить в состав капитала как средство увеличения его стоимости и не может отрешиться от него, и подчинение которой капиталу маскируется лишь сменой индивидуальных капиталистов, которым она продает себя, — это воспроизводство является в действительности моментом воспроизводства самого капитала. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата⁷¹.

⁷¹ Karl Marx, Lohnarbeit und Kapital [ср. с. К. Маркс, Плано-ный труд и капитал; перев. И. Степанова. Изд. «Красная Новь». М. 1900. Стр. 51]. — «При одинаковой степени угнетения масс, чем больше в стране пролетариев, тем она богаче» (Colins, L'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes. Paris 1857, vol. III, p. 331). Под «пролетарием» в экономическом смысле следует разуметь исключительно наемного рабочего, который производит «капитал» и увеличивает его стоимость и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей самовосрастания «господина капитала», как называет эту персону Пекер. «Немощный пролетарий первобытных лесов», — это милая фантазия Рощера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом как с своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплуатир-

Классическая политическая экономия настолько хорошо понимает это положение, что А. Смит, Рикардо и т. д., как упомянуто раньше, даже отождествляли ошибочным образом накопление с потреблением всей капитализуемой части прибавочного продукта производительными рабочими, или с превращением ее в добавочных наемных рабочих.

Уже в 1696 г. Джон Беллерс говорит: «Если бы у кого-либо было 100 000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же голов скота, чем был бы богатый человек без рабочих, как не рабочим? И так как рабочие обогащают людей, то чем больше рабочих, тем больше богатых... Труд бедных — рудники для богатых»⁷².

Точно так же Bernard de Mandeville говорит в начале XVIII столетия: «Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить с деньгами, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?... Как следует ограждать рабочих от голодной смерти, так следует сделать так, чтобы они не получили ничего, что стоило бы сбережения. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен ставить ему в этом никакое-либо препятствие: ведь бесспорно, что жить бережливо, это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы большая часть бедных никогда не оставалась без дела, и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование неизбежным трудом, побуждается к работе исключительно своими нуждами, которые благотворно смягчают, но было бы глупо исцелять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая делает его ленивым и ленивым... Из всего до сих пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для укомплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать производительности страны. Чтобы сделать общество (которое, конечно, состоит из нерабочих) счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Познание расширяет и умножает наши желания, а чем меньше жаждет человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности»⁷².

Вот это, а не он этот лес. Что касается состояния его здоровья, то он в этом отношении выдержал бы сравнение не только с современным пролетарием, но и с сифилитическими и золотушными «почтенными людьми». Однако над первобытным лесом Рюшер, по всей вероятности, разумеет свою родную Lippburger Heide.

⁷² John Bellers, Proposals for raising a Colledge of Industry, London 1696, p. 2.

⁷³ B. de Mandeville, The Fable of the Bees. 5-th ed. London 1728, Remarks, p. 212, 213, 323. «Умеренная жизнь и постоянный труд представляют для бедных путь к материальному счастью (под которым здесь разумеется возможно длинный рабочий день и возможно меньшее количество средств существования) и к богатству для государства» (т. е. для земельных собственников, капиталистов и их политических агентов, и сановников) («An Essay on Trade and Commerce», London 1770, p. 54).

Mandeville, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления вместе с капиталом увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и тем самым увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, воплощенного в капиталисте. Об этом отношении зависимости сэр Ф. М. Эден замечает в своем «Положении бедных или истории рабочего класса Англии»: «Природный продукт нашей земли недостаточен для того, чтобы полностью содержать нас; поэтому без предпринятого труда мы не могли бы снабдить себя ни одеждой, ни жилищем, ни пищей. И потому хотя бы часть общества должна неустанно работать... Другие, которые «не сеют и не прядут», имеют, однако, в своем распоряжении продукты трудолюбия. Таким освобождением от труда они обязаны исключительно цивилизации и порядку; они — всецело творение гражданских учреждений⁷⁴. Ибо они признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием почти целиком обязаны своим состоянием труду других, а не своим собственным способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других; не владение землей и деньгами, а господство над трудом («the command of labour») — вот что отличает богатых от работающей части общества... Этот [приветствуемый Эден'ом] план дал бы собственникам большое, но во всяком случае не чрезмерное влияние и власть над теми... кто работает на них, и этих рабочих он поставил бы не в положение рабства, а в состояние приятной и мягкой зависимости... Такое отношение зависимости, как известно всякому знатоку человеческой природы, необходимо для блага самих рабочих»⁷⁵. Кстати сказать, сэр Ф. М. Эден — единственный из учеников Адама Смита, совершивший в XVIII веке нечто значительное⁷⁶.

⁷⁴ Эдену следовало бы поставить вопрос: где же творение «гражданские учреждения»? Стоя на точке зрения юридических иллюзий, он видит не в законе продукт материальных отношений производства, а, наоборот, в отношениях производства продукт закона. Linguet всего одним словом опрокинул иллюзорный «Esprit des lois» [Дух законов] Монтескье: «L'Esprit des lois, c'est la propriété» [«Дух законов, это — собственность»].

⁷⁵ Эден, *The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England*, vol. I, b. 1, ch. 1, p. 1, 2, XX.

⁷⁶ Если читатель вспомнит о Мальтусе, «Essay on Population» которого появился в 1798 г., то я напомню, что эта работа в своей первоначальной форме есть не что иное, как ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат [литературная кража] из De Foe, Sir James Stewart, Townsend, Franklin, Wallace и т. д. и не содержит ни одного самостоятельного придуманного положения. Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников; «принцип населения», медленно вырабатывавшийся в XVIII веке, потом с трубными звуками и барабанным боем возведенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию. Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принял тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был однако не открыт, а просто присвоен Мальтусом. — Кстати сказать, Мальтус, поп английской церкви, тем не менее дал монашеский обет безбрачия. Это — одно из условий fellowship (членства) в протестантском Кембриджском университете.

При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Eden, «приятные и мягкие» формы. Вместо того, чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится лишь экстенсивнее, т. е. сфера эксплуатации и господства капитала просто расширяется параллельно его собственной величине и числу его подданных. Наибольшая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме платежных средств, благодаря чему они могут расширять круг своих потребностей, лучше обставлять свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и образовать даже небольшой дежурный запасный фонд. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и

Мы не допускаем того, чтобы женатые делались членами коллегии. Напротив, женатый должен немедленно выйти из числа членов» («Reports of Cambridge University Commission», p. 172). Это обстоятельство выгодно отличает Мальдуса от других протестантских попов, которые, страхнув с самих себя католическую заповедь безбрачия священников, усвоили заповедь «плодитесь и множитесь» как свою специфически-библейскую миссию в такой мере, что повсюду поистине в неприличной степени содействуют увеличению населения, — и в то же время проповедают рабочим «принцип населения». Характерно, что экономическая пародия грехопадения, Адамово яблоко, «urgent appetite» [«непреборимое желание»], «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» («препятствия, которые стремятся притушить стрелы Купидона»), как весело говорит поп Townsend, что этот щекотливый пункт был монополизирован и теперь монополизируется господами представителями протестантской теологии или, вернее, церкви. За исключением венецианского монаха Ortes'a, оригинального и остроумного писателя, большинство проповедников «принципа населения» — протестантские попы. Таковы: Bruckner, «Théorie du Système animal, Leyde 1667», в которой исчерпана вся современная теория населения и идеи которой вызвали мимолетный спор на эту тему между Кэнэ и его учеником, Мирабо-ириши [одним деятеля революции]; затем поп Wallace, поп Townsend, поп Malthus и его ученик архиепископ Th. Chalmers, не говоря уже о мелких попахивающих in this line [в том же направлении].

Первоначально политической экономией занимались философы, как Hobbes, Locke, Hume, коммерческие и государственные люди, как Thomas Mornis, Temple, Sully, de Witt, North, Law, Vanderlint, Cantillon, Franklin, и в особенности теорией ее, притом с величайшим успехом, медики, как Pott, Barbon, Mandeville, Quesnay. Еще в половине XVIII столетия священник Josiah Tucker, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся мамоном. Позже, именно одновременно с «принципом населения», пробудил час протестантских попов. Как бы предчувствуя понижение этих знахарей, Петти, считающий население основой богатства и, подобно Адаму Смиту, непримиримый враг попов, говорит: «Религия больше всего процветает там, где у священников больше всего умерщвляется плоть, как право — там, где адвокаты умирают от голода». Поэтому протестантским священникам, раз они не хотят следовать апостолу Павлу и «умерщвить плоть» безбрачием, он советует «не производить по крайней мере попов больше [«not to breed more Churchmen»], чем могли бы поглотить различные приходы (benefices); т. е. если в Англии и Уэльсе имеется всего 12 000 приходов, то было бы неразумно произвести 24 000 попов («it will not be safe to broed 24 000 ministers»), ибо 12 000 непристроенных постоянно будут искать средств к существованию, и как же легче могли бы они найти эти средства, если не таким способом: пойти в народ и втолковать ему, что эти 12 000 имеющих приходы губят души, доводят эти души до голода и указывают им скользкий путь, по которому они не дойдут до неба?» (Pett, A Treatise on Taxes and Contributions, London 1667, p. 57). Отношение Адама Смита к протестантским попам его времени характеризуется следую-

более или менее значительное *rescuium*^{70a} не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего. Повышение цены труда, являющееся следствием накопления капитала, в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряженнее менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно *differentia specificis* [отличительный признак] капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала. Производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая тем не менее реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или обогащение — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может находить покупателей лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в необлагоденном труде доставляет источник добавочного капитала.

шим. В «A Letter to A. Smith, LL. D. On the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume. By One of the People called Christians. 4-th ed, Oxford 1784», англиканский епископ из Norwich'a Dr. Horne обрушивается на А. Смита за то, что тот в одном открытом письме к г. Strahan'у «бальзамирует» своего друга Давида» (г. е. Юма), что он рассказывает публике о том, как Юм на своем смертном одре развлекался Луккианом и вистом, и что он даже имел дерзость написать: «Я всегда считал Юма, как при его жизни, так и после его смерти, настолько близким к совершенному идеалу мудрого и добродетельного человека, насколько это допускает слабость человеческой природы». Епископ с негодованием восклицает: «Хорошо ли это с вашей стороны, милостивый государь, описывать нам, как совершенно мудрый и добродетельный характер и образ жизни человека, который был одержим непримиримой антипатией ко всему, что называется религией, и напрягал все нервы для того, чтобы, поскольку это зависело от него, изгладить из памяти человеческой даже самое название религия?» (там же, p. 8). «Но не удивляйтесь, друзья истины, атеизм недолговечен (там же, p. 17). Адам Смит столь гнусно нечестив («the atrocious wickedness»), что пропагандирует в стране атеизм (именно посредством своей «Theory of moral sentiments») ... Мы анализируем ваши пройки, господин доктор! Вы хорошо задумали, да на этот раз ошиблись в расчете. Примером Давида Юма вы хотели вразумить, что атеизм единственное подкрепление («cordial») упавшего духа и единственное противоядие против страха смерти... Смейтесь же над развалинами Вавилона и привествуйте ослепленного злодея фараона!» (там же, p. 21, 22). Один из ортодоксальных слушателей А. Смита пишет по смерти последнего: «Друзья А. Смита с Юмом помешала ему быть христианином... Во всем он верил Юму на слово. Если бы Юм сказал ему, что луна — зеленый сыр, он поверил бы ему. Поэтому он верил также ему, что нет бога и чудес... По своим политическим принципам он приближался к республиканизму» («The Bee». By James Anderson. 18 volumes. Edinburgh 1791 — 93, vol. III, p. 164, 165). Поп Th. Chalmers подозревает А. Смита в том, что он выдумал категорию «непроизводительных рабочих» просто по злобе, специально имея в виду протестантских проповедников, несмотря на их благословенные труды в вертеграде господнем.

^{70a} Римское право называет «*rescuium*» отдельное имущество, представлявшееся главой дома в самостоятельное распоряжение самостоятельным лицам, именно рабам, которые не могли приобретать собственность. — К.

Следовательно, самые условия ее продажи, будут ли они более или менее благоприятны для рабочих, предполагают необходимость постоянного повторения ее продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Зарботная плата, как мы видели, по самой своей природе постоянно предполагает, что рабочий доставляет определенное количество неоплаченного труда. Не говоря уже о таких случаях, как повышение заработной платы одновременно с понижением цены труда и т. д., увеличение ее означает даже в лучшем случае просто количественное уменьшение того неоплаченного труда, который приходится исполнять рабочему. Это уменьшение никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы самому существованию капиталистической системы, т. е. капиталистическому характеру производственного процесса и воспроизводству условий его собственного существования; воспроизводству, с одной стороны, средств производства и существования как капитала, а с другой стороны, рабочей силы как товара, — на одном полюсе капиталиста, на другом полюсе — наемного рабочего. Оставляя в стороне решающиеся силой конфликты из-за уровня заработной платы, — а уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином, — повышение цены труда, вытекающее из накопления капитала, предполагает следующую альтернативу.

Или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует процессу накопления: в этом нет ничего удивительного, потому что, говорит А. Смит, «даже при понижении прибыли капиталисты не только продолжают возрастать, но они возрастают даже быстрее... Большой капитал даже при небольшой прибыли в общем возрастает быстрее, чем мелкий капитал при большой прибыли» («Wealth of Nations», II, p. 189). В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда несколько не препятствует распространению господства капитала, — напротив, это явление притягивает рабочего к тому, чтобы все свое спасение видеть в обогащении своего хозяина.

Или, — и это другая сторона альтернативы, — накопление вследствие понижения цены труда ослабевает, потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения, а именно несообразность между капиталом и подлежащей эксплуатации рабочей силой, чрезмерность капитала по сравнению с предложением рабочей силы. Следовательно, самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те преходящие препятствия, которые он создает. Цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала, будет ли уровень этот ниже, выше или равен тому, который был нормальным перед началом повышения заработной платы.

Итак, в первом случае не замедление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал избыточным, а, наоборот, увеличение капитала делает недостаточной доступную для эксплуатации рабочую силу. Во втором случае не усиление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а, наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную для эксплуатации рабочую силу и понижает ее цену. Как раз эти абсолютные движения накопления капитала и отражаются в виде относительных движений массы доступной эксплуатации рабочей силы, благодаря чему кажется, как будто они вызываются собственным движением последней. Упот-

ребля математическое выражение, величина накопления есть независимая переменная, величина заработной платы — зависимая, а не наоборот. Таким же образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая ситгенсу-школа делает из этого тот вывод, что при высоких ценах и обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов⁷⁷ находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом — слишком много денег рабочих.

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона населения», сводится просто к следующему: отношению между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращаемым в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение дополнительный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя независимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и количеством рабочего населения — с другой: напротив, это в последнем счете отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе⁷⁸. Иначе оно и быть не может при таком способе

⁷⁷ Сравн. Karl Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, p. 166 и сл. [Ср. русск. перевод. Стр. 232.]

⁷⁸ Прим. ко 2 изд. «Однако предел занятий промышленных и земледельческих рабочих один и тот же: именно возможность для предпринимателя извлекать прибыль из продукта их труда. Если уровень заработной платы повысится настолько, что прибыль хозяина упадет ниже средней прибыли, то он перестает давать им работу или дает лишь на том условии, чтобы они согласились на понижение заработной платы» (John Wade, History of the Middle and Working Classes. 3rd ed. London 1835, p. 241).

производства, при котором рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей вместо того, чтобы, наоборот, вещественное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук ^{77b}.

2. Относительное уменьшение переменной части капитала, с прогрессом накопления и сопровождающей его централизации

По мнению самих экономистов, не размеры уже существующего общественного богатства, не величина уже приобретенного капитала приводят к повышению заработной платы, а исключительно лишь непрерывный рост накопления и степень быстроты этого роста (A. Smith, *Wealth of Nations*, b. I, ch. 8). До сих пор мы рассматривали лишь одну особенную фазу этого процесса, именно ту, на которой увеличение капитала совершается при неизменном техническом составе капитала. Но процесс идет дальше этой фазы.

Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления всегда наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится самым мощным рычагом накопления. «Та самая причина, говорит А. Смит, — которая приводит к повышению заработной платы, именно увеличение капитала, побуждает к повышению производительных способностей труда и дает меньшему количеству труда возможность производить большее количество продуктов».

Оставляя в стороне естественные условия, как плодородие почвы и т. д., и ловкость независимых, изолированно работающих производителей, которая притом и проявляется более качественно, в доброте продуктов, чем количественно, в размерах их массы, степень общественной производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт в течение определенного времени при данном напряжении рабочей силы. Масса средств производства, с помощью которых он функционирует, возрастает вместе с производительностью его труда. Эти средства производства играют здесь двоякую роль. Возрастание одних есть следствие, возрастание других — условие увеличения производительности труда. Напр., при мануфактурном разделении труда и применении машин в данный промежуток времени перерабатывается больше сырого материала, следовательно, большая масса сырого материала и вспомогательных веществ вступает в процесс труда. Это — следствие повышения производительности труда. С другой стороны, применение массы

^{77b} «Но возвратимся к нашему первому исследованию, где было показано, что сам капитал есть только произведение человеческого труда... в таком случае представляется совершенно непонятным, как человек мог попасть под господство своего собственного продукта — капитала — и оказаться подчиненным ему; а так как в действительности дело бесспорно обстоит именно так, то невольно навязывается вопрос: как рабочий из владельца капитала — как творец капитала — мог сделаться рабом капитала?» (Von Thünen, *Der isolierte Staat. Zweiter Teil. Zweite Abteilung*. Rostock 1863, S. 5, 6). Заслуга Тюнена в том, что он поставил вопрос. Ответ же его совершенно детский.

машин, рабочего скота, минерального удобрения, дренажных труб и т. д. есть условие увеличения производительности труда. То же следует сказать и о массе средств производства, сконцентрированных в виде построек, домашних печей, средств транспорта и т. д. Но будет ли возрастание размер средств производства по сравнению с присоединяемой к ним рабочей силой условием или следствием, — оно и в том и в другом случае является выражением увеличения производительности труда.

Но времени возникновения крупной промышленности в Англии был открыт способ правратить чугун с коксом в ковкое железо. Этот метод, называемый пудлингованием и основывающийся на том, что в печи известного устройства из расплавленного чугуна удаляется углерод, вызвал огромный рост доменных печей, устройство приспособлений для нагревания воздуха и т. д., короче, такое увеличение средств труда и перерабатываемых материалов, хотя применялись они при прежнем количестве труда, — что скоро стало возможным производить железо в достаточно крупных количествах и достаточно дешево для того, чтобы вытеснить камень и дерево из целого ряда сфер их применения.

Однако рабочий-пудлинговщик, занятый тем, чтобы освободить чугун от углерода, должен выполнять ручной труд такого рода, что величина печи, которую он в состоянии обслуживать, ограничивается его личными способностями, и эта граница задерживает в настоящее время [1874 г.] тот изумительный подъем, который начался в металлургической промышленности с 1780 г., со времени изобретения пудлингования.

«Факт тот, — жалуются «The Engineering», орган английских инженеров, — что старый способ пудлингования немного лучше, чем какой-нибудь осколок варварства... Стремление нашей промышленности направлено к тому, чтобы на различных ступенях фабрикации перерабатывать все большие массы материала. Поэтому мы видим, что в различных отраслях переработки металлов с каждым годом вырастают все более гигантские доменные печи, все более тяжелые паровые молоты, все более мощные прокатные станы, все более исполинские орудия. Среди этого всеобщего роста, — рост средств производства по сравнению с применяемым трудом, — метод пудлингования оставался почти неизменным, и в настоящее время он ставит совершенно невыносимые помехи движению промышленности... Поэтому задумываем во всех крупных производствах заменить его печами с автоматическим прокатыванием, которое может справиться с колоссальной нагрузкой печей, применимой для какого бы то ни было ручного труда»^{77с}.

Итак, после того, как пудлингование революционизировало железную промышленность и вызвало огромное увеличение средств труда и массы сырого материала, перерабатываемого определенным количеством труда, оно в ходе развития превратилось в экономический тормоз, и освободиться от этого препятствия в настоящее время стараются новыми методами, которые должны привести к дальнейшему увеличению материальных средств производства по сравнению с применяемым трудом. Такова, как мы уже показали, когда обрисовывали ход современной промышленности с ее возникновением и до нашего времени^{77д}, история всех открытий и изобретений.

^{77с} «The Engineering», 13 Juni 1874.

^{77д} Сравни, четвертый отдел о производстве относительной прибавочной стоимости.

Итак, в ходе накопления мы наблюдаем не только количественный и одновременный рост различных элементов капитала: развитие производительных сил общественного труда, приносимое этим движением, выражается также и в качественных изменениях, в постепенных изменениях технического состава капитала. Объективный, вещественный фактор процесса труда увеличивается по сравнению с субъективным, личным фактором, т. е. масса средств труда и сырых материалов увеличивается по сравнению с суммой рабочих сил, применяющих эти средства и материалы. В той мере, как капитал делает труд более производительным, его спрос на труд уменьшается по сравнению с его величиной.

Это изменение технического состава капитала, это возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь отражается и на составе капитала по стоимости, на увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части. Пусть, напр., первоначально 50% какого-либо капитала затрачивалось на средства производства и 50% на рабочую силу; позже, с развитием степени производительности труда, 80% затрачивается на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д.

Этот закон постоянного увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной частью подтверждается на каждом шагу (как уже показано выше) сравнительным анализом товарных цен, будем ли мы сравнивать различные экономические эпохи у одной и той же нации или различные нации в одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цены, который заступает лишь стоимость потребленных средств производства или постоянную часть капитала, вообще говоря, прямо пропорциональна, относительная же величина другого элемента цены, оплачивающего труд или представляющего переменную часть капитала, обратно пропорциональна прогрессу накопления.

Однако уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной части, или изменение состава стоимости капитала служит лишь приблизительным показателем изменения в составе его материальных составных частей. Если, напр., в настоящее время капитальная стоимость, вложенная в прядильное дело, на $\frac{7}{8}$ состоит из постоянного и на $\frac{1}{8}$ из переменной части капитала, а в начале XVIII века состояла из $\frac{1}{2}$ постоянного и $\frac{1}{2}$ переменной части капитала, то, напротив, та масса сырого материала, средств труда и т. д., которую в настоящее время производительно потребляет определенное количество прядильного труда, во много сотен раз больше, чем была соответствующая масса в начале XVIII столетия. Причина заключается просто в том, что с увеличением производительности труда не только возрастает размер потребляемых им средств производства, но и стоимость их по сравнению с их количеством понижается. Таким образом стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя.

Итак, во избежание недоразумений необходимо заметить, что, хотя прогресс накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то этим он вовсе не исключает увеличения ее абсолютной величины,

Предположим, что капитальная стоимость сначала распадалась на 50% постоянного и 50% переменного капитала, впоследствии — на 80% постоянного и 20% переменного. Если за это время первоначальный капитал, составлявший, скажем, 6000 ф. ст., повысился до 18 000 ф. ст., то и его переменная составная часть увеличилась на $\frac{1}{5}$. Прежде она составляла 3000 ф. ст., теперь составляет 3600 ф. ст. Но если прежде было достаточно увеличения капитала на 20% для того, чтобы повысить спрос на труд на 20%, то теперь для этого требуется утроение первоначального капитала.

В четвертом отделе было показано, что развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе, что только при наличии этой предпосылки могут быть организованы разделение и комбинация труда, экономизированы посредством массовой концентрации средств производства, вызваны к жизни такие средства труда, которые уже по своей материальной природе допускают лишь применение сообща, напр., система машин и т. д., подчинены потребностям производства колоссальные силы природы и процесс производства превращен в технологическое приложение науки. На основе товарного производства, при котором средства производства являются собственностью частных лиц, при котором ручной рабочий поэтому или изолированно и самостоятельно производит товары, или продает свою рабочую силу как товар, потому что у него нет средств для самостоятельного производства, указанная предпосылка реализуется лишь посредством возрастания индивидуальных капиталов, или в той мере, как общественные средства производства и существования превращаются в частную собственность капиталистов. На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым капиталистическим видом производства, или специфически капиталистическим способом производства^{77e}. Таким образом мы должны предположить наличие такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать первоначальным накоплением, потому что оно — не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт. Но все методы повышения общественной производительной силы труда, развивающиеся на этой основе, суть в то же время методы увеличения производства прибавочной стоимости или прибавочного продукта, который в свою очередь служит созидательным элементом накопления. Таким образом они суть в то же время методы производства капитала капиталом или методы его ускоренного накопления. Непрерывное обратное превращение прибавочной стоимости в капитал выражается в возрастании величины капитала, входящего в процесс производства. В свою очередь оно становится основой расширения масштаба производства, сопровождающих его методов повышения производительной силы труда и ускоренного

^{77e} «Предшествующее накопление капитала безусловно необходимо для того, чтобы могло происходить это огромное увеличение производительных сил труда» (Adam Smith, Wealth of Nations, book II, введение).

производства прибавочной стоимости. Следовательно, если известная степень накопления капитала является условием специфически капиталистического способа производства, то последний, обратно, обуславливает ускоренное накопление капитала. Поэтому с накоплением развивается специфически капиталистический способ производства, а со специфически капиталистическим способом производства — накопление капитала. Эти два экономических фактора, в силу того сложного взаимоотношения, благодаря которому каждый от одного из них сообщается другому, производят то изменение в техническом составе капитала, благодаря которому переменная составная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной.

Всякий индивидуальный капитал представляет большую или меньшую концентрацию [соединение, сосредоточение в одних руках] средств производства и соответствующее господство над большей или меньшей армией рабочих. Каждое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства. Возрастание общественного капитала совершается посредством роста многих индивидуальных капиталов. При прочих равных условиях индивидуальные капиталы, а вместе с ними концентрация средств производства возрастают в пропорции, соответствующей той доле, какую каждый из них образует от всего общественного капитала. В то же время от первоначальных капиталов отрываются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. Крупную роль играет при этом между прочим раздел состояний в семействах капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно происходящую на накоплении или даже тождественную с ним.

1. Рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничивает темп возрастания общественного богатства. 2. Каждая из тех частей общественного капитала, которые вложены в особые сферы производства, разделяется между многими капиталистами, которые противостоят один другому, как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов пересекается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому накопление, выступая перед нами, с одной стороны, как возрастающая концентрация средств производства и господства над трудом, является, с другой стороны, взаимным отталкиванием многих индивидуальных капиталов.

Этому раздроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и господства над трудом. Это — концентрация уже сложившихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталистом капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно, арена

его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь, в одних руках, капитал сосредоточивается в огромных массах, потому что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно централизация в отличие от накопления и концентрации.

Законы этой централизации капиталов, или притяжения капитала капиталом, не могут быть изложены здесь. Достаточно будет кратких фактических указаний. Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит, при прочих равных условиях, от производительности труда, а последняя от масштаба производства. Поэтому мелкие капиталы побиваются более крупными. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью их многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают.

Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила, — кредит; в начале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит, — эти два наиболее мощных рычага централизации. Наряду с этим прогресс накопления увеличивает материал для централизации, т. е. индивидуальные капиталы, между тем как расширение капиталистического производства создает, с одной стороны, общественную потребность, а с другой стороны, технические средства для тех громадных промышленных предприятий, осуществление которых связано с предшествующей централизацией капитала. Благодаря этому в настоящее время виднее, чем когда бы то ни было раньше. Но хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяется достигнутой уже величиной капиталистического богатства и превосходством экономического механизма, однако прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иной способ выражения воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количества группировки составных частей общественного капитала. Капитал здесь, в одних руках, может возрасти до огромных размеров, потому что там, в другом месте, он ушел из множества рук. В каждой данной отрасли предпринимательская централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все выходящее в нее капиталы слились в один единственный капитал. В каждом данном об-

этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов ⁷⁷¹.

Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершенно ли централизация насильственным способом присоединения, причем известные капиталы становятся центрами столь непреодолимого тяготения к другим, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессивного превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно-комбинированные и научно-направляемые процессы производства.

Но очевидно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, представляет крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке отдельных взаимно друг друга дополняющих составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые единичные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация, посредством акционерных обществ, достигла этого так бы по одному мановению руки. И усиливая и ускоряя таким образом действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те процессы в техническом составе капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и, следовательно, относительно уменьшают спрос на труд.

Массы капитала, быстро сплавляемые процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как другие капиталы, только быстрее, и таким образом в свою очередь становятся мощными рычагами общественного движения. Следовательно, когда говорят о прогрессе общественного накопления, то — в настоящее время — под ним молчаливо подразумевают и действие централизации.

Увеличение размеров массы индивидуальных капиталов становится материальным базисом постоянной революции в самом способе производства. Капиталистический способ производства непрерывно завоевывает такие отрасли производства, которые еще вовсе не

⁷⁷¹ По поводу этого предвидения, высказанного 40 лет тому назад (в 1859 г. — это место взято из французского издания), Энгельс уже в 1890 г. мог заметить: «Новейшие английские и американские «трэсты» уже стремятся к этой цели, стараясь соединить по меньшей мере все крупные производства той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией». С того времени хозяйство картелей распространилось по всей Европе, а в Америке форма трэста фактически уже сделалась формой крупного капитала вообще. — К.

подчинены ему или подчинены только отчасти, или лишь формально. Кроме того, на этой почве возникают новые отрасли труда, с самого начала прилежащие капиталистическому способу производства. Наконец, в уже капиталистически построенных отраслях труда с темпичною быстротой вырастает производительная сила труда. Во всех этих случаях число рабочих сокращается по сравнению с массой перерабатываемых ими средств производства. Все большая часть капитала превращается в средства производства, все меньше — рабочую силу. С ростом концентрации и технической дееспособности средств производства, они все в меньшей мере являются средствами, дающими работу рабочим. Паровой плуг — несравненно более действительное средство производства, чем обыкновенный плуг, но израсходованная на него капитальная стоимость в неимоверно меньшей мере даст средства для занятия рабочих, чем если бы она была реализована в обыкновенном плуге. На первых порах при присоединении нового капитала к старому дает возможность расширить вещественные условия производственного процесса и технически революционизировать его. Но скоро изменение состава и техническая перестройка в большей или меньшей мере захватывает весь старый капитал, для которого наступил срок воспроизводства и который поэтому возмещается заново. Этот переворот в старом капитале в известном смысле так же независим от абсолютного роста общественного капитала, как централизация. Но последнее только иначе распределяя существующий общественный капитал и сводя многие старые капиталы в один, в свою очередь действуют как мощная движущая сила в этом процессе преобразования старого капитала.

Итак, с одной стороны, добавочный капитал, образующийся в ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих по сравнению с своей величиной. С другой стороны, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом составе, все больше и больше отталкивает рабочих, которые раньше были заняты им.

3. Возрастающее производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии

Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь количественным расширением, сопровождается, как мы видели, неформальным качественным изменением его состава, постоянным увеличением его постоянной составной части за счет переменной ^{77g} и таким образом относительно увеличивает спрос на труд. Какое же действие оказывает этот процесс на положение класса наемных рабочих?

Специфически капиталистический способ производства, соответствующий ему развитие производительной силы труда, вызываемое им изменение органического состава капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления или с возрастанием общественного богатства: они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление, или абсолютное увеличение

^{77g} В собственном экземпляре Маркса здесь пометка на полях: «Для позднейшего времени следует отметить: если расширение исключительно количественное, то для больших и меньших капиталов одной и той же отрасли производства прибыли относятся как величины авансированных капиталов. Если количественное расширение ведет к качественному изменению, то и величина прибыли для большего капитала одновременно повышается».

временного капитала, сопровождается централизацией его индивидуальных моментов, а технический переворот в добавочном капитале — техническим переворотом в первоначальном капитале. С прогрессом накопления отношение постоянной к переменной части капитала изменяется таким образом, что, если первоначально оно составляло 1 : 1, то потом оно превращается в 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., так что по мере возрастания капитала в рабочую силу превращается не $\frac{1}{2}$ его общей стоимости, а лишь $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$ и т. д., в средства же производства — $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала вместо того, чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, в сравнении с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины.

Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она и постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Ускоряющееся в растущей прогрессии отношение всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглощать определенное добавочное число рабочих, и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохраняли работу. Мало того, это возрастающее накопление и централизация в свою очередь сами превращаются в источник нового изменения состава капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной. Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное увеличение рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание первоначального капитала или средств для занятия этого населения. В действительности капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население, или переизбыток.

Рассматривая весь общественный капитал, мы видим, что процесс его накопления то вызывает периодические изменения, то его отдельные моменты одновременно распределяются между различными сферами производства. В различных сферах изменение состава капитала происходит без возрастания его абсолютной величины, просто вследствие концентрации; в других абсолютное возрастание капитала связано с абсолютным уменьшением его переменной составной части, или поглощаемой ею рабочей силы; в третьих капитал возрастает на данной технической основе и пропорционально своему возрастанию привлекает добавочную рабочую силу, то происходит органическое увеличение капитала, и сокращается его переменная часть; во всех сферах возрастание переменной части капитала и вместе с тем числа занятых рабочих всегда связано с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, принимает ли оно более заметную форму оттапливания уже занятых рабочих или не так заметную, но не менее действительную

Форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его общими отводными каналами⁷⁸. Вместе с величиной уже функционирующего общественного капитала и степенью его возрастания, с расширением масштабов производства и массы функционирующих рабочих, с развитием производительной силы их труда, с расширением и увеличением изобилия источников богатства расширяются и размеры того явления, что усиление притяжения рабочих капиталом связано с усилением отталкивания их, ускорением изменения органического состава капитала и его технической формы и расширяется круг тех отраслей производства, которые то одновременно, то одна за другой охватываются этим изменением. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением⁷⁹. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения, как и всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек.

Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение в свою очередь становится рычагом капиталистического накопления

⁷⁸ Перепись в Англии и Уэльсе показывает, между прочим:

Всех лиц, занятых в земледелии (включая сюда собственников, фермеров, садовников, пастухов и т. д.) было в 1851 г. 2 011 447, в 1861 г. 1 924 110, уменьшение 87 337. Шерстяное производство: в 1851 г. 102 714, в 1861 г. 79 242; шелковые фабрики: в 1851 г. 111 940, в 1861 г. 101 678; ситцепечатники: в 1851 г. 12 098, в 1861 г. 12 556, — это ничтожное увеличение, несмотря на колоссальное расширение дела, знаменует огромное относительное уменьшение числа занятых рабочих; шляпочники: в 1851 г. 15 957, в 1861 г. 13 814, производство соломенных и дамских шляп: в 1851 г. 20 300, в 1861 г. 18 176; семеновщики: в 1851 г. 10 566, в 1861 г. 10 077, в свечном производстве: в 1851 г. 4 949, в 1861 г. 4 636 (примечной этого уменьшения является, между прочим, распространение газового освещения); гребенщики: в 1851 г. 2088, в 1861 г. 1478; пильщики дерева: в 1851 г. 30 552, в 1861 г. 31 647 (ничтожное увеличение вследствие распространения пильных машин); гвоздари: в 1851 г. 26 940, в 1861 г. 26 130 (уменьшение вследствие конкуренции машин); рабочие в оловянных и медных рудниках: в 1851 г. 31 300, в 1861 г. 32 041. Напротив, в бумагопрядильных и бумаготкацких заведениях: в 1851 г. 371 777, в 1861 г. 456 646; в каменных угольных коях: в 1851 г. 183 389, в 1861 г. 246 613. «В общем увеличение числа рабочих после 1851 г. больше всего в таких отраслях, в которых до сих пор еще не было успешного применения машин» («Севиль in England and Wales for 1861», vol. III. London 1863, p. 36).

⁷⁹ Некоторые выдающиеся экономисты классической школы скорее утверждали, чем понимали закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и его влияние на положение класса промышленных рабочих. Величайшая заслуга в этом отношении принадлежит John Barton'у, хотя и он, как все остальные, смешивает постоянный капитал с основным, переменный капитал с оборотным. Он говорит: «Спрос на труд зависит от возрастания оборотного капитала, а не основного. Если бы было верно, что отношение между этими двумя видами капитала одинаково во всякое время и при всех обстоятельствах, то из этого в самом деле следовало бы, что число занятых рабочих пропорционально богатству страны»

лике условием существования капиталистического способа производства, но образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая также абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она создает для него изменяющиеся потребности самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения.

С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастает эластичность функционирующего капитала и то абсолютное количество, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, но только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычную часть этого богатства в качестве авансового капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д. делают возможным в величайшем масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребности в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно

было такое предположение не имеет и видимости правдоподобия. Поэтому, того, как промыслы совершенствуются, и цивилизация распространяется, основной капитал составляет все большую и большую долю по сравнению с оборотным капиталом. Сумма основного капитала, вложенная в производство штуки английского муслина, по крайней мере, в сто раз может быть и в тысячу раз больше, чем основной капитал, который вложен в такую же штуку индийского муслина. Доля же оборотного капитала в сто или тысячу раз меньше... Если бы вся сумма годовых сбережений была обращена к основному капиталу, это не вызвало бы никакого увеличения спроса на труд» (John Barton, Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society, London 1817, p. 16, 17). Рикардо в общем согласен с этими соображениями, но, цитируя их, замечает: «Нелегко представить себе, что могли бы наступить условия при которых увеличение капитала не сопровождалось бы увеличением спроса на труд. Можно сказать, что этот спрос, самое большее, относительно уменьшится» (Ricardo, Principles of Political Economy, 3rd ed. London 1821, глава 31, о машинах, стр. 480, прим.). Однако в другом месте, в начале 31 главы, он пишет: «Фонд, из которого землевладельцы и капиталисты получают свой доход, может увеличиться, и в то же время рабочий фонд, тот, от которого, главным образом, зависит рабочий класс, может уменьшиться. Если это справедливо, то из этого следует, что та самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, в то же время может сделать население избыточным и ухудшить положение рабочих» (там же, p. 469). «Сумма капитала, предназначенная на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в общей сумме капитала... Большие колебания в количестве работы и большие страны могут становиться более частыми по мере того, как сам капитал становится более изобильным» (Richard Jones, An Introductory Lecture on Political Economy, London 1833, p. 13). «Спрос (на труд) не увеличивается пропорционально накоплению всего капитала... Поэтому всякое увеличение национального капитала, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее влияние на положение рабочих» (G. R a m s a y, An Essay on the Distribution of Wealth, Edinburgh 1836, p. 90, 91).

было разом и без сокращения размеров производства в других сферах брошены в важнейшие пункты огромные массы людей. Их доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застою покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и снова образовании промышленной резервной армии, или перенаселении. Превратности промышленного цикла в свою очередь увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, который мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно и совершенствование техники, и еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно. Следовательно, его накопление соответствовало в общем пропорциональное возрастанию спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступной эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является прерывистой посылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое, но первое невозможно без доступной эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Это увеличение совпадает простым процессом, который постоянно «освобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полужанятые руки. Поверхностность капиталистической экономики обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как беснующееся тело, раз они признаны в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременно расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Только с того времени, когда механическая промышленность достигла столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность; когда благодаря ей внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открылся для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными, — только с того времени выступили те всеобщие и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывали годы и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от десяти до одиннадцати лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным. Напротив, изложенные нами законы капитализма

основания предполагать, что это — число изменяющееся, и что оно мало-по-малу сократится.

Раз периодичность цикла кризисов упрочилась, то даже политическая экономия начинает понимать, что производство относительного перенаселения, перенаселения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в возмозрастании, является условием существования современной промышленности.

Предположим, — говорит Н. Merivale, раньше профессор политической экономии в Оксфорде, впоследствии чиновник английского министерства колоний, — предположим, что нация по случаю кризиса сделает напряжение своих сил с той целью, чтобы посредством эмиграции освободиться от миллионов сотен тысяч избыточных бедняков, что было бы следствием этого? Что при первом же возрождении спроса на труд в последнем оказался бы остаток. Как быстро ни приходило бы воспроизводство людей, для возвращения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени одного поколения. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности эксплуатировать благоприятный момент оживленного спроса и вознаградить себя таким образом за период его ослабления. Эта же возможность обеспечивается для них только господством над машинами и над ручным трудом. Необходимо, чтобы они могли найти свободные руки, они должны быть способны по мере необходимости напрягать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, — иначе они явно не могли бы устоять в бешеной конкуренции удержать то преобладание, на котором основано богатство этой страны»⁸⁰.

Даже Мальтус в перенаселении, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, — тем, что оно делается относительно избыточным, — признает необходимость современной промышленности. Он говорит: «Благоразумные привычки в отношении к браку, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее. По самой природе населения, прирост работников, вызываемый особенным спросом, не может быть доставлен раньше, чем через 16 — 18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»⁸¹.

Указав таким образом постоянное производство относительного перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, которая и является-то на этот раз во образе старой экономии, впадает в уста своего «идеала» — хорошего капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавоч-

⁸⁰ Н. Merivale, Lectures on Colonization and Colonies, London 1841 and 1842, vol. I, p. 146.

⁸¹ Malthus, Principles of Political Economy, p. 254, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасную причину капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти три наиболее дорогих для него чудовища! Сравн. F. Engels, Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie in «Deutsch-Französische Jahrbücher», издававшихся Арнольдом Пуге и Карлом Марксом, Paris 1844, S. 107 ff. [сравн. также «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels» Stuttgart 1902, Bd. I, S. 453 ff.].

ным капиталом, их собственным созданием: «Мы, фабриканты, увеличили капитал, которым вы должны существовать, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свое число с средствами существования»⁸².

Для капиталистического производства отнюдь не достаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, независимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа рабочих.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе рабочих переменный капитал, господствующий над ними, возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда, и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем большего количества труда, а не большего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его важность возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплуатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение большее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он покупает большее количество рабочих сил, все более и более вытесняя искусных рабочих рабочими искусными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления больший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих, с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы. Наконец, вытесняя рабочие силы высшего качества, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего качества.

Производство относительного перенаселения или освобождение рабочих поэтому еще быстрее, чем совершается технический переворот производственного процесса, и без того ускоряемый прогрессом накопления, — еще быстрее, чем происходит соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и дееспособностям, все в убывающей степени становятся средством занятия рабочих, то самое это отношение модифицирует

⁸² Harriet Martineau, The Manchester Strike, 1842, p. 101.

и по следующей причине: по мере возрастания производительной силы труда капитал скорее создает увеличенное предложение труда, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд важной части рабочего класса усиливает его резервные ряды, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, припуждает их к чрезмерному труду и подчинению велениям капитала. Обречение одной части рабочего класса к вынужденной праздности чрезмерным трудом другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов⁸³ и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии в масштабе, соответствующем прогрессу общественного накопления.

Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, показывает, напр., Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров, и для различных слоев рабочего класса были бы введены традиции сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «производительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «непроизводительных».

И общим и целом широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем из-

⁸³ Даже во время хлопкового голода 1863 г. в одном памфлете бумагопрядильщиков Blackburn'a мы находим сильные жалобы на чрезмерный труд, который вследствие фабричного закона падал, конечно, только на рабочих рабочих-мужчин. «От взрослых рабочих этой фабрики требовали, чтобы они работали 12 — 13 часов в день, между тем как сотни вынужденны становились праздными и охотно согласились бы работать неполное время, если бы поддерживали свои семейства и спасти своих товарищей от предвечной могилы вследствие чрезмерного труда». «Мы, — говорится там, — хотели бы спросить, оставляет ли эта практика сверхурочных какую-нибудь возможность сносных отношений между хозяевами и рабочими? Жертвы чрезмерного труда также чувствуют несправедливость, и обреченные им на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Если бы работа распределялась справедливо, ее в этом округе было бы достаточно для того, чтобы всем дать частичные занятия. Мы требуем только своего права, предлагая хозяевам вообще ввести неполное время работы, по крайней мере до тех пор, пока сохранится настоящее положение вещей; между тем как теперь одна часть должна совершать чрезмерный труд, другая за недостатком работы вынуждена владеть свое существование за счет благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1863», p. 8). — Автор «Essay on Trade and Commerce» с своим обычным инстинктом буржуазным понимает влияние относительного перенаселения на занятых рабочих. «Другая причина лени (idleness) в этом королевстве заключается в недостаточности числа рабочих рук. Если лишь вследствие необыкновенного спроса на какие-либо фабрикалы труд становится недостаточной, как рабочие начинают чувствовать свое собственное значение и хотят дать почувствовать его и своим хозяевам; но головы этих субъектов столь испорчены, что в таких случаях группы рабочих вступают в соглашения с целью поставить своих хозяев в затруднительное положение тем, что они целый день прохватаются за шило» («An Essay on Trade and Commerce, London 1770, p. 27, 28»). Эти рабочие требовали ничего иного, как повышение заработной платы.

меняющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова возобновляется. В самом деле, хорош был бы закон, который ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения численности населения и от того, чтобы регулировать спрос и предложение труда расширением и сокращением капитала, следовательно, в соответствии с его изменяющимися потребностями самовозрастания, — регулировать таким образом, что рабочий рынок вследствие сокращения капитала представляется относительно переполненным, а вследствие расширения капитала недостаточно полным, хорош был бы этот закон для современной промышленности с ее десятилетним циклом и его периодическими фазами, которые притом прерываются иррегулярными колебаниями, с прогрессом накопления все чаще и чаще следующие одно за другим. Однако этот закон — догмат политической экономии. Согласно ему вследствие накопления капитала заработная плата повышается. Повышенная заработная плата служит стимулом для более быстрого размножения рабочего населения, и это продолжается до тех пор, пока рабочий рынок не переполнится, т. е. пока капитал не сделается относительно недостаточным в сравнении с предложением рабочих. Зарботная плата падает, и тогда перед нами оборотная сторона медали. Вследствие понижения заработной платы рабочее население мало-по-малу разрежается, так что по отношению к нему капитал опять становится избыточным, или же, как это истолковывают другие, понижение заработной платы и соответствующее этому повышение эксплуатации рабочих опять ускоряют накопление, в то время как низкий уровень заработной платы задерживает возрастание рабочего класса. Таким образом снова складываются условия, при которых предложение труда меньше спроса на труд, заработная плата повышается и т. д. Что за прекращает метод движения для развитого капиталистического производства! Притом чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно с понижением хлебных цен, произошло фактически чисто номинальное повышение заработной платы в английских земледельческих округах; напр., в Wiltshire'е недельная плата возвысилась с 7 до 8 ш., в Dorsetshire'е с 7 или 8 до 9 ш. и т. д. Это было следствием необычного отлива избыточного земледельческого населения, который был вызван потребностями войны, громадным расширением железнодорожного оружия, фабрик, горного дела и т. д. Чем ниже заработная плата, тем выше те процентные числа, в которых выражается всякое ее повышение, и наоборот, незначительно оно ни было. Напр., если заработная плата составляла 20 ш. в неделю и повысилась до 22, то повышение составляет 10%; напротив, она была всего 7 ш. и повышается до 9, то это составляет 28%, что звучит очень значительно. Во всяком случае фермеры подняли вопль, и «London Economist» по поводу этих голодных заработков совершенно естественно стал болтать об «a general and substantial advance»⁸⁴ [об общем и

⁸⁴ «Economist», 1860, Januar 21.

постоянном повышении заработной платы]. Что же предприняли фермеры? Или они стали дожидаться, пока вследствие такой блестящей сельскохозяйственной работы рабочие не размножатся до такой степени, что их плата понизится, как представляет себе это дело догматически-экономическая голова? Они ввели больше машин, и рабочие быстро снова оказались «лишними» в такой мере, которая удовлетворила даже фермеров. Больше и земледелие было вложено «больше капитала», чем прежде, и вложено в более производительной форме. Вместе с тем спрос на труд оказался не только относительно, но и абсолютно.

Законы, регулирующие общее движение заработной платы или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и между совокупным индивидуальным капиталом, указанная экономическая гипотеза смешивает законы, регулирующими распределение рабочего населения между различными сферами производства. Если, напр., вследствие благоприятной конъюнктуры [положения дел] накопление в известной сфере производства обществу оживленно, прибыль выше средней прибыли, и добавочный капитал устремляется туда, то, разумеется, увеличивается спрос на труд и повышается плата. Повышенная заработная плата увеличивает приток рабочего населения в эту сферу, находящуюся в благоприятных условиях, пока она не будет вытеснена рабочей силой; тогда заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Тогда приток рабочих к данной отрасли производства не только прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удастся наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих — понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рабочего рынка одной отдельной сферы производства, он наблюдает только явления распределения рабочего населения между различными сферами производства, в зависимости от изменяющихся потребностей производства.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды зстоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и обуздывает ее притязания в период перепроизводства (кризисов [лихорадочной деятельности]). Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает размах этого закона в границы, абсолютно независимые с жаждой эксплуатации и стремлением к господству, свойственными капиталу.

Цель будет уместно возвратиться к одному из великих деяний экономической апологетики. Напомним, что, если благодаря введению новых машин к распространению старых часть переменного капитала превращается в постоянный, то эту операцию, «связывающую» капитал и тем самым «освобождающую» рабочих, экономист-апологет истолковывает таким образом, что она, наоборот, освобождает капитал для рабочих (сравни Глава тринадцатая, §: «Теория компенсации» и т. д.). Только теперь мы можем по достоинству оценить бесстыдство апологета. Освобождаются в действительности только рабочие, непосредственно вытесняемые машиной, но и контингент их заместителей и тот добавочный контингент, который регулярно возникла бы, если бы происходило простое расширение предприятия на

его старом базисе. Все они теперь «освобождены», и каждый новый функционирующий капитал может располагать ими. Привлекает именно этих рабочих или других, и в том и в другом случае общий спрос на труд испытывает действие, равное нулю, раз этого нового капитала было достаточно только на то, чтобы освободить рынок как раз от такого количества рабочих, какое выброшено на него машинами. Если он привлекает большее число рабочих, то количество избыточных возрастает; если привлечены больше рабочим, то общий спрос на труд возрастает на величину разности между числом занятых и «освобожденных». Таким образом, то увеличение спроса на труд, которое вообще могли бы вызвать инициативные добавочные капиталы, во всяком случае нейтрализуется той мерой, в какой оно покрывается рабочими, выброшенными машинами на улицу.

Следовательно, механизм капиталистического производства таков, что, чтобы абсолютное увеличение капитала не сопровождалось соответствующим увеличением общего спроса на труд. И это — апологетическая компенсация за нищету, страдания и за возможность гибели вытесненных рабочих в те переходные периоды, которые бросают их в ряды промышленной резервной армии!

Спрос на труд не тождествен с возрастанием капитала, предложение труда не тождественно с возрастанием рабочего класса; так что здесь нет никакого воздействия двух сил, независимых друг от друга. Les dés sont tirés [карты подделаны]. Капитал одновременно действует на обе стороны. Если накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих посредством их «освобождения» и давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и таким образом делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих. Своим движением на этом базисе закон спроса и предложения труда довершает действие капитала.

Поэтому, когда рабочие раскрывают тайну того, каким образом могло случиться, что чем больше они работают, чем больше производят чуждого богатства и чем больше возрастает производительная сила их труда, тем более ненадежной становится для них даже их функция как средство самовоспроизводства капитала; когда они открывают, что степень интенсивности конкуренции определяется самими всецело зависит от давления относительного перенаселения; когда они ввиду этого стараются посредством тред-юнионов и т. д. организовать умеренное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства, — тогда капитал и экономист, адвокат, поднимают вопль о нарушении «вечного» и, так сказать, «священного» закона спроса и предложения. Ведь всякая связь между капиталом и незанятыми нарушает «чистое» проявление этого закона. А с другой стороны, если в колониях, напр., неблагоприятные обстоятельства препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с тем и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капиталисты и его Санчо-Панса, наполненный общими местами, возмущаются против «священного» закона спроса и предложения и стараются справиться с ним посредством принудительных мер.

Различные формы существования относительного перенаселения. Общий закон капиталистического накопления

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, пока он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым, как во время кризисов, то хроническим, как во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, мы получаем три постоянных формы перенаселения: текучую, скрытую и постоянную.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, больших заводах, рудниках и т. д. — рабочие то оттапливаются, то притягиваются в более значительном количестве, благодаря чему в конечном выводе они широким увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме.

Как на собственно фабриках, так и во всех крупных мастерских, где машина играют известную роль или по меньшей мере проведено современное разделение труда, требуется масса рабочих-мужчин в ювенильном возрасте. По наступлении совершеннолетия только очень немногие из них находят себе помещение в прежних отраслях производства, большинство же обыкновенно отправляется на улицу. Они образуют такой элемент текучего перенаселения, который возрастает по мере возрастания промышленности. Часть их эмигрирует, т. е. в действительности просто отправляется вслед за эмигрирующим капиталом. Одним из следствий этого является более быстрый рост женского населения по сравнению с мужским, пример чего дает Англия. Это противоречие, как естественный прирост рабочего населения не удовлетворяет потребностям накопления капитала, хотя в то же время превосходит их, — противоречие самого движения капитала. Для него требуются большие массы рабочих в раннем возрасте, меньшие — в зрелом возрасте. Противоречие — не более вопиющее, чем другие, заключающееся в том, что жалобы на недостаток рабочих рук раздаются в то самое время, когда многие тысячи отправляются на улицу, потому что разделение труда приковало их к определенной отрасли производства⁸⁵. К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется на нижнюю ступени на низшую, в то время как его место занимает более свежая рабочая сила. Как раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни.

Д-р Лок, санитарный врач Манчестера, установил, что в этом городе продолжительность жизни для состоятельного класса составляет

⁸⁵ В то время, как во вторую половину 1866 г. в Лондоне было от 80 до 100 тысяч безработных, в фабричном отчете за это самое полугодие говорится: «Несомненно не может претендовать на абсолютную правильность статистические, будто спрос почти в тот самый момент, когда это необходимо, вымывает предложение. По отношению к труду дело обстояло не так, как в прошлом году за недостатком рабочих рук многие машины простаивали» («Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1866», p. 81).

38 лет, для рабочего класса — всего 17 лет. В Ливерпуле она составляет 35 лет для первого, 15 лет для второго класса. Из этого следует, что привилегированный класс получает от жизни ассигновку (*have a leave of life*) вдвое большую, чем класс их сограждан, находящихся в менее благоприятных условиях»^{85a}.

При таких обстоятельствах абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря на быстрое изнашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон утрачивает свое значение для остальных классов населения.) Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация.

Когда капиталистическое производство овладевает земледелием, или в той мере, в какой оно овладевает земледелием, спрос на сельское рабочее население параллельно накоплению функционирующего здесь капитала абсолютно уменьшается; отталкивание рабочего населения не дополняется другим большим притяжением, как это наблюдается в неземледельческой промышленности. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в ряды городского или мануфактурного пролетариата и выжидает условий благоприятных для этого превращения (под мануфактурой здесь подразумевается вся неземледельческая промышленность)⁸⁶. Следовательно, этот источник относительного перенаселения течет непрерывно. Но непрерывное течение к городам предполагает, что и в самой деревне постоянно имеется скрытое перенаселение, размеры которого становятся заметными, едва лишь открываются исключительно широкие отводные каналы. Поэтому плато городского рабочего низводится к минимуму, и он всегда стоит одной ногой в области пауперизма.

Третья категория относительного перенаселения, застойное перенаселение, образует часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий. Таким образом, она составляет для капитала неисчерпаемое хранилище свободной рабочей силы. Ее жилищный уровень — ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как раз это и делает ее для капитала широким базисом особых отраслей эксплуатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Мы уже познакомились под рубрикой домашнего труда с ее главной формой. Она рекрутируется постоянно из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибавших

^{85a} Речь, произнесенная при открытии конференции санитарной комиссии в Бирмингеме 15 января 1875 г. Дж. Чемберленом, в то время министром города [впоследствии министром].

⁸⁶ По переписи 1861 г. в Англии и Уэльсе числилось «781 городов с населением больше 10 000 жителей, между тем как в деревнях и сельских приходских общинах считалось только 9 105 226». В переписи 1851 г. фигурировало 580 городов с населением которых почти равнялось населению прилегающих к ним сельских округов. Но в то время, как в сельских округах население увеличилось в течение следующего десятилетия только на полмиллиона, в 580 городах оно возросло на 1 554 067. Прирост населения в сельских приходских общинах составляет 6,5%, в городах 17,3%. Разница в норме прироста обусловлена переселением из деревни в город. Три четверти общего прироста приходится на долю городов» («Census etc.», vol. III, p. 11, 12).

чуждой промышленности, в которых ремесленное производство побеждается мануфактурным, мануфактурное — машинным производством. Размер ее увеличивается по мере того, как с размерами и энергией накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самопроизводящийся и самоувековечивающийся элемент рабочего класса, — элемент, принимающий относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе средств существования, которую располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает нам о многовом размножении животных видов, индивидуально слабых и подверженных жестокому преследованию⁸⁷.

Нищенец, низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма. Оставшая в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, коротко говоря, весь пролетариат босняков (*Lumpenproletariat*) в собственном смысле этого слова, — этот слой общества состоит из трех категорий. 1. Работоспособные. Стоит только поверхностно посмотреть статистику английского пауперизма, и мы увидим, что масса его увеличивается при каждом кризисе и уменьшается при каждом оживлении дел. 2. Сироты и дети пауперов — это кандидаты промышленной резервной армии; в период большого промышленного подъема, как, напр., в 1860 г., они входят и массами вступают в ряды активной рабочей армии. 3. Опустившиеся, обнищавшие, неработоспособные. Это именно те лица, которые погибают от своей малой подвижности, создаваемой разделением труда, или те, которые вырываются за нормальную продолжительность жизни рабочего; это, наконец, жертвы промышленности, число которых все увеличивается с распространением опасных машин, горного дела, химических фабрик и т. д., калеки, больные, вдовы и т. д. Пауперизм представляет инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии. Производство его производится относительно перенаселения, необходимым условием его существования — необходимостью второго; вместе с относительным перенаселением он представляет условие существования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к *faux frais*^{87a} капиталистического производства, которые капитал умеет, однако, в большей части сваливать на себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии.

⁸⁷ «Бедность, повидимому, благоприятствует размножению» (A. Smith, *Wealth of Nations*, b. I, ch. 8). По мнению галантного и остроумного аббата Галиани это является даже особенно мудрым установлением божьим: «Бог требует так, что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» (Galiani, *Della Moneta*, vol. III, собрание Scrittori Classici italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano 1894, p. 78). «Нищета, до крайних границ голода и эпидемий, не задерживает роста населения, а имеет тенденцию увеличивать его» (S. L a i n g, *Millions in Distress*. 1844, p. 69). После статистических иллюстраций этого положения L a i n g продолжает: «Если бы все жили в благоприятных условиях, мир скоро обезлюдел бы».

^{87a} *Faux frais*, — дословно «ложные издержки», — такие расходы предприятия, которые ничего не приносят в его результат, но при данных обстоятельствах неизбежны. — К.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, умелость и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширенного капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше промышленная резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна умелости его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления. Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многосложными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

Можно понять глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соразмерять свою численность с потребностями капитала в самовозрастании. Как будто механизм капиталистического производства и накопления не приводит всегда к этому процессу приспособления. Первое слово требуемого приспособления — создание относительного перенаселения или промышленной запасной армии, последнее слово — нищета возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому, вследствие прогресса производительности общественного труда, все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражаются в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочего на средства их занятия, следовательно, тем ненадежнее необходимое условие их существования: продажа собственной силы для увеличения чужого богатства или для самовозрастания капитала. Таким образом возрастание средств производства и производительности труда, более быстрое, чем возрастание производительного населения, получает капиталистическое выражение, но оборот, в том, что рабочее население постоянно возрастает быстрее, чем потребность в самовозрастании капитала.

В четвертом отделе при анализе производства относительной прибавочной стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда развиваются из индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машины, с тяжестью труда отнимают и его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука соединяет с последним как самостоятельную силу; они извращают условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере то...

как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, тот закон, что относительно перенаселение, или промышленная резервная армия, постоянно поддерживается в состоянии равновесия с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковывал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Этот антагонистический характер капиталистического накопления⁸⁸ в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ними отчасти аналогичные, но тем не менее существенно различные явления предкапиталистических способов производства.

Венецианский монах Ортес, один из величайших писателей-экономистов XVIII столетия, рассматривает антагонизм капиталистического производства как всеобщий естественный закон общественного богатства. Экономическое добро и экономическое зло во всякой нации постоянно взаимно уравниваются (*il bene ed il male economico in una nazione sempre all' istessa misura*), избыток благ у одних всегда равносильно недостатку благ у других (*la copia dei beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di essi in altri*). Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным отсутствием необходимого у несравненно большего количества других». Богатство нации соответствует ее населению, а бедность ее соответствует ее богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других. Бедные и праздные — необходимый плод богатых и деятельных и т. д.⁸⁹

Почти через 10 лет после Ортеса англичанско-протестантский поп Т о w n s e n d с полной грубостью возвеличивал бедность как необходимое условие богатства. «Правовое принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод представляет не только мирное, тихое, непрестанное давление, но и вызывает, как наиболее естественное побуждение к промышленности и труду, самое сильное принуждение». Следовательно, все сводится к тому, чтобы сделать голод потопным для рабочего класса, и, по мнению Townsend'a, об этом заботится принцип населения, в особенности деятельный среди бедных. «Повидимому, законы природы таковы, что бедные до известной степени непредусмотрительны (*unprovided*) (т. е. непредусмотрительны до такой степени, что являются

⁸⁸ «С каждым днем становится яснее, что отношения производства, в которых движется буржуазия, носят не целостный, простой, а двойственный характер; что в той самой мере, как производится богатство, производится и нищета; что в той самой мере, как совершается развитие производительных сил, развивается и сила угнетения; что эти отношения производят буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь таким способом, что они постоянно уничтожают богатство отдельных членов этого класса и создают все возрастающий пролетариат» (Karl Marx, *Manuale de la Philosophie*, p. 116). [Русск. перевод. Изд. 1928. Стр. 118—119.]

⁸⁹ G. Ortes, *Della Economia Nazionale libri sei 1777*, у Custodi, *Parigi Moderna*, vol. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc. Ортес там же, стр. 32, говорит: «Вместо того, чтобы измышлять бесполезные системы того, как сделать нацию счастливыми, я ограничусь исследованием причин их несчастий».

на свет без золотой ложки во рту), так что в обществе постоянно имеются люди (hat there always may be some) для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья (the fund of human happiness) благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди (the more delicate) освобождаются от тягостей и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д... Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа». ⁹⁰

Если венецианский монах в жребии судьбы, увековечивающем нищету, видел оправдание существования христианской благотворительности, Общества духовенства, монастырей и богоугодных заведений, то протестантский обладатель прихода, напротив, открывает в этом предлог для осуждения английских законов о бедных, в силу которых бедный имел право на жалкое общественное вспомоществование.

«Прогресс общественного богатства, — говорит Шторх, — порождает полезный класс общества... который исполняет самые скучные, нисколько и отвратительнейшие работы, одним словом, возлагает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и поработощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное (это хорошо!) достоинство характера (dignité conventionnelle) и т. д.» ⁹¹. Шторх ставит вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности!

Благодаря прогрессу промышленности и науки, — говорит Сисмонди, — каждый рабочий может производить ежедневно много больше, чем требуется ему для собственного потребления. Но хотя его труд производит богатство, то же самое богатство, если бы он сам был призван потреблять его, сделало бы его мало способным к труду. По его мнению, «люди (т. е. нерабочие), вероятно отказались бы от всяких усовершенствований искусств, равно как и от всех наслаждений, доставляемых им промышленностью, если бы им пришлось покупать это ценою столь же упорного труда, каким является труд рабочего». В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой должен отдыхать... Следовательно, бесконечное умножение производительных сил труда не может иметь никакого иного результата, кроме увеличения роскоши и наслаждений правящего

⁹⁰ «A Dissertation on the Poor Laws. By a Wellwisher of Mankings (The Reverend Mr. J. Townsend), 1786», republished London 1817, p. 15, 39, 41. Этот «утонченный» поп, — у которого из только что названной работы, а также из путешествия по Испании Мальтус часто списывает страницы подрыва, заимствовал большую часть своих теорий у Sir J. Steuart'a, которого он, однако искажает. Напр., когда Steuart говорит: «Здесь, при рабстве, способом принуждать людей к труду (на неработающих) было насилие... Люди тогда принуждали к труду (т. е. к даровому труду на других), потому что они были рабами других; теперь люди принуждаются к труду (т. е. к даровому труду на неработающих) тем, что они — рабы своих собственных потребностей», — если он говорит это, то однако он отнюдь не делает, как жирный приходский поп, того вывода, что наемные рабочие всегда должны голодать. Наоборот, он хочет расширить их потребности и сделать в то же время рост их потребностей стимулом к труду на «более утонченных».

⁹¹ S t o r c h. Cours d'Economie Politique, éd. Pétersbourg 1815, vol. III, p. 223.

бедней⁹². Шербюлье, ученик Сисмонди, дополняет его, присовокупляя: «Там рабочие... содействуя накоплению производительных капиталов, способствуют созданию того положения, которое раньше или позже отнимает у них часть их заработной платы»^{92а}.

Наконец, Destutt de Tracy, холодный буржуазный доктринер, грубо заключает: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден»⁹³.

А. Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления

а) Англия 1846—1866 г.г.

Ни один период в развитии современного общества не является до такой степени благоприятным для изучения капиталистического накопления, как период последних 20 лет^{93а}. Он производит такое впечатление, как будто он вошел суму фортуны. Но из всех стран классический пример представляет опять-таки Англия, так как она занимает первое место на мировом рынке, так как только здесь капиталистический способ производства достиг полного развития и так как, наконец, водворение тысячелетнего царства свободной торговли в 1846 г. отняло у вульгарной политической экономии ее последнюю лавину. Титанический прогресс производства, благодаря которому последняя половина двадцатилетнего периода опять-таки далеко превосходит первую, уже достаточно был отмечен у нас в четвертом отделе.

Хотя абсолютный прирост английского населения был очень велик в последние полвека, однако, относительный прирост, или норма прироста, во время понижался, как показывает следующая таблица, заимствованная из официальной переписи.

Ежегодный процентный прирост населения Англии и Уэльса составляет по десятилетиям:

1811—1821	1,533 %
1821—1831	1,446 %
1831—1841	1,326 %
1841—1851	1,216 %
1851—1861	1,141 %

Рассмотрим теперь, с другой стороны, рост богатства. Самый надежный пункт опоры дает здесь движение прибыли, земельной ренты и т. д., обложенных подоходным налогом. Прирост прибыли, подлежащей налогу (не включая земли фермеров и некоторых других рубрик), за годы 1853—1864 составил для Великобритании 50,47% (или 4,58% в среднем выводе за год)⁹⁴, прирост населения за тот же период приблизительно 12%. Увеличение обложен-

⁹² Sismondi, Nouveaux Principes d'Economie Politique, vol. I, p. 79, 80, 85.

^{92а} Cherbuliez, Riche ou Pauvre, p. 146.

⁹³ Destutt de Tracy, Traité de la Volonté et de ses effets. Paris 1800, p. 231.

^{93а} Это было написано в марте 1867 г.

⁹⁴ «Tenth Report of the Commissioners of H. Mis. Inland Revenue», London 1866, p. 38.

ной налогом земельной ренты (включая сюда дома, железные дороги, рудные рыбные ловли и т. д.) за годы 1853 — 1864 составило 38%, или 3¹/₁₀ в год, причем наибольшее увеличение дали следующие рубрики ⁹⁵:

	Увеличение ежегодного дохода с 1853 по 1864 г.	Увеличение за год.
С домов	38,60 %	3,50 %
» каменоломен	84,76 %	7,70 %
» копей	63,85 %	6,26 %
» чугуноплавильных заводов	39,92 %	3,63 %
» рыбных ловель	57,87 %	5,21 %
» газовых заводов	126,02 %	11,45 %
» железных дорог	83,29 %	7,57 %

Если в пределах периода 1853 — 1864 гг. мы произведем сравнение по четырехлетиям, то увидим, что степень возрастания доходов все увеличивается. Напр., для доходов, происходящих от прибыли, это возрастание составляет в 1853 — 1857 гг. 1,73% в год, в 1857 — 1861 гг. — 2,74% в год и в 1861 — 1864 гг. — 9,30% в год. Общая сумма доходов, облагаемых подоходным налогом, составляла в Соединенном королевстве в 1853 г. 307 068 898 ф. ст., в 1859 г. — 328 127 416 ф. ст., в 1862 г. — 351 745 241 ф. ст., в 1863 г. — 359 142 897 ф. ст., в 1864 г. — 362 462 279 ф. ст., в 1865 г. — 385 530 020 ф. ст. ⁹⁶.

Накопление капитала сопровождалось в то же время его концентрацией и централизацией. Хотя в Англии нет официальной земельной статистики (в Ирландии она существует), однако 10 графств доставили ее по собственной инициативе. Здесь обнаружился тот результат, что с 1861 по 1861 г. число аренд, менее 100 акров каждая, уменьшилось с 31 567 до 26 567, т. е. 5 016 аренд было соединено с более крупными ⁹⁷. В период 1815 — 1825 гг. оказалось, что в числе движимых имуществ, обложенных налогом на наследство, не было ни одного выше 1 миллиона ф. ст., а против, с 1825 по 1855 гг. таковых было 8, с 1856 по июль 1860 г. т. е. за 4½ года, — 4 ⁹⁸. Однако лучше всего обнаруживается централизация кратким анализом подоходного налога под рубрикой D (прибыль за исключением фермерской и т. д.) за годы 1864 и 1865. Замечу прежде всего, что доходы, получающиеся из этого источника, лишь начиная с 60 ф. ст., уже

⁹⁵ «Tenth Report of the Commissioners of H. Mis. Inland Revenue, London 1866, p. 38.

⁹⁶ Для сравнения эти цифры достаточны, но, как абсолютные, они неверны, потому что ежегодно «утаивается», вероятно, до 100 миллионов ф. ст. доходов. Жалобы членов комиссии of Inland Revenue на систематический обман, особенно со стороны купцов и промышленников, повторяются в каждом их отчете. Так, напр., в отчете говорится: «Одно акционерное общество определило свою подлежащую обложению прибыль в 6 000 ф. ст., оценщик определил ее в 88 000 ф. ст., и налог был в конце концов уплачен за эту сумму. Другая компания показала доход в 190 000 ф. ст., но была вынуждена сознаться, что действительная сумма дохода 250 000 ф. ст.» (там же, p. 42).

⁹⁷ «Census etc.», vol. III, p. 29. Утверждение Джона Брафта, что 150 землевладельцам принадлежит половина английской земли и 12 землевладельцам половина шотландской, до сих пор не был опровергнут.

⁹⁸ «Fourth Report etc. of Inland Revenue», London 1860, p. 17.

income tax [подходный налог]. Эти подлежащие налогу доходы составляли в Англии, Уэльсе и Шотландии в 1864 г. 95 844 222 ф. ст. и в 1865 г. — 105 435 579 ф. ст.⁹⁹, число обложенных налогом составило в 1864 г. 308 416 при общей цифре населения в 23 891 009, в 1865 г. — 382 431 при общей цифре населения в 24 127 003. О распределении этих доходов за оба года дает представление следующая таблица:

	Год, заканч. 5 апреля 1864 г.		Год, заканч. 5 апреля 1865 г.	
	Доходы от прибыли	Число лиц	Доходы от прибыли	Число лиц
Общая сумма доходов	95 844 222 ф. ст.	308 416	105 435 738 ф. ст.	382 431
И том числе	57 028 289 » »	23 234	64 554 297 » »	24 265
» » »	66 415 225 » »	3 619	42 535 576 » »	4 021
» » »	22 809 781 » »	832	27 555 313 » »	978
» » »	8 744 762 » »	91	11 077 288 » »	107

В 1855 г. в Соединенном королевстве было произведено 61 453 079 тонн каменного угля стоимостью в 16 113 167 ф. ст.; в 1864 г. — 92 787 873 тонны стоимостью в 23 197 968 ф. ст.; в 1855 г. — 3 218 154 тонны чугуна стоимостью в 8 045 335 ф. ст.; в 1864 г. — 4 767 951 тонна стоимостью в 11 919 877 ф. ст. В 1854 г. длина эксплуатируемых железных дорог в Соединенном королевстве составляла 8 054 милл, вложенный в них капитал — 286 068 794 ф. ст.; в 1864 г. длина в миллах — 12 789, вложенный капитал — 425 719 513 ф. ст. В 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединенного королевства составляла 268 210 145 и в 1865 г. — 489 923 285 ф. ст. Следующая таблица показывает движение вывоза:

1846 г.	58 842 377 ф. ст.
1849 »	63 596 052 » »
1856 »	115 826 948 » »
1860 »	135 842 817 » »
1865 »	165 862 402 » »
1866 »	188 917 563 » » ¹⁰⁰

После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора [представителя по гражданским делам] английского

⁹⁹ Это — чистые доходы, следовательно за исключением известных deductions законом вычетов.

¹⁰⁰ В настоящий момент, март 1867 г., индийско-китайский рынок уже почти совершенно переполнен товарами английских хлопчатобумажных фабрикантов. В 1866 г. началось повышение заработной платы хлопчатобумажных рабочих на 5%, в 1867 г. вследствие таковой операции стачка в (или) рабочих в Престоне. [«Это было прологом кризиса, который разразился вскоре за этим», — добавляет здесь Энгельс. — К.]

народа: «Как ни быстро возрастало население, оно не попевало за прогрессом промышленности и богатства»¹⁰¹.

Обратимся теперь к непосредственным деятелям этой промышленности, или к производителям этого богатства, к рабочему классу. «Одна из самых печальных черт социального положения страны, — говорит Гладстон, — заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса. И в то же время совершается постоянное накопление богатства в высших классах, увеличение пышности их жизни и их наслаждений»¹⁰².

Так говорил этот елейный министр в палате общин 13 февраля 1843 г. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося свой бюджет, он говорил: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основную доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... по оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились»¹⁰³.

Как слаба утешительная часть речи! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее» увеличение богатства и мощи для класса собственников, то это значит, что относительно он остался попрежнему беден. Если крайности бедности и уменьшались, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления средств существования, то официальная статистика, напр., данные лондонского сиротского приюта (Orphan Asylum), обнаруживает за трехлетие 1860 — 1862 г. вздорожание их на 20% по сравнению с трехлетием 1851 — 1853 г. В следующие три года — 1863 — 1865 — прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и целой массы других необходимых средств существования¹⁰⁴. Следующая бюджетная речь Гладстона, 7 апреля 1864 г., представляет нищадковский дифирамб прогрессу обогащения и счастью народа, умерляющему «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отрясах производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих выражениях: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»¹⁰⁵.

¹⁰¹ «Census etc.», vol. III, p. 11.

¹⁰² Гладстон в палате общин, 13 февраля 1843 г. («Times», 14 February 1843. — «Hansard», 13 Februar).

¹⁰³ Гладстон в палате общин, 16 апреля 1863 г. («Morning Star», 17 April).

¹⁰⁴ См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the United Kingdom. Part VI. London 1866», p. 260 — 273, passim. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декларации министерских газет, когда они выступали на защиту выдачи приданого детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне средств существования.

¹⁰⁵ Гладстон в палате общин, 7 апреля 1864 г. — Постоянные вошши

Профессор Fawcett, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, без всяких околичностей заявляет: «Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала (за последние десятилетия), но этот кажущийся выигрыш в значительной степени уничтожается тем, что многие необходимые средства существования все дорожают (по моему мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов)... Богатые быстро становятся все богаче (the rich grow rapidly richer), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, которым они задолжали!»¹⁰⁶

В отделах о рабочем дне и машинах перед нами раскрылись те условия, при которых британский рабочий класс создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для имущих классов. Однако рабочий занимал нас тогда преимущественно во время его общественной функции. Для полного освещения законов капиталистического накопления необходимо иметь в виду и его положение вне мастерской, условия его питания и жилища. Рамки этой книги заставляют нас обратиться здесь прежде всего к наиболее плохо оплачиваемой части промышленного пролетариата и земледельческих рабочих, т. е. к большей части рабочего класса^{106a}.

Но сначала еще несколько слов об официальном пауперизме или о той части рабочего класса, которая утратила условие своего существования, возможность продавать рабочую силу, и прозябает за счет общественной милостыни. По официальным данным в Англии¹⁰⁷ числилось пауперов в 1855 г. 851 369, в 1856 г. — 877 767, в 1865 г. — 971 433. Вследствие голода число это разраслось в 1863 и 1864 гг. до 1 079 382 и 1 014 978. Кризис 1866 г., всего тяжелее поразивший Лондон, вызвал в этом центре мирового рынка, с большим числом жителей, чем в королевстве Шотландии, увеличение количества пауперов на 19,5% в 1866 г. по сравнению с 1865 г. и на 24,4% по сравнению с 1864 г. и еще большее увеличение в первые месяцы 1867 г., чем наблюдалось в 1866 г. При

этом противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Мольера:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.

Il condamne au matin ses sentiments du soir.

Importun à tout autre, à soi même incommode,

Il change à tous moments d'esprit comme de mode.»

[«Пот каков человек в самом деле. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту переменяет настроения как моду»]. («The Theory of Exchanges etc.», London 1864, p. 135).

¹⁰⁶ H. Fawcett, The Economic Position of the British Labourer, London 1865, p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в их занятиях.

^{106a} Здесь в 1 и 2 изданиях было примечание: «Следует надеяться, что Ф. Энгельс вскоре обогатит свою работу о положении английского рабочего класса периодом после 1844 г. или даже издает описание последнего в виде особого второго тома». В своем экземпляре «Капитала» Энгельс отметил здесь: «Это сделал сам Маркс в этом первом томе «Капитала». В подготовленных им изданиях «Капитала» он выбросил это примечание Маркса. — К.

¹⁰⁷ К Англии всегда причисляется Уэльс, к Великобритании Англия, Уэльс и Шотландия, к Соединенному королевству эти три страны и Ирландия.

анализе статистики пауперизма необходимо обратить внимание на один пункт. С одной стороны, уменьшение и увеличение количества пауперов является отражением периодических превратностей промышленного цикла. С другой стороны, официальная статистика становится все более обмалчивающим показателем действительных размеров пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и чувство собственного достоинства рабочих. Напр., варварство в обращении с пауперами, о чем за последние два года так громко кричала английская пресса («Times» «Pall Mall Gazette» и т. д.), — явление старое. В 1844 г. Ф. Энгельс констатирует совершенно такие же ужасы и такое же преходящее лицемерное возмущение, относящееся к сфере «сенсационной литературы». Но ужаснее еще увеличение числа случаев смерти от голода («deaths by starvation») в Лондоне за последнее десятилетие безусловно доказывает рост отравления рабочих и рабству рабочих домов¹⁰⁸, этих карательных учреждений для нищеты.

б) Плохо оплачиваемые слои британского промышленного рабочего класса

Обратимся теперь к плохо оплачиваемым слоям промышленного рабочего класса. Во время хлопкового голода в 1862 г. Privy Council [тайный совет, или государственный совет, разрешающий государственные дела, не выходящие до парламента. — К.] поручил Dr. Smith'у произвести исследование состояния питания постигнутых нищетой хлопчатобумажных рабочих в Ланкашире и Чешпире. Многолетние прежние наблюдения привели его к заключению, что «для предотвращения болезней, происходящих от голода (starvation diseases), в ежедневном количестве пищи женщины должно содержаться в среднем выводе по меньшей мере 3900 гран углерода и 180 гран азота, в ежедневной пище мужчины — по меньшей мере 5100 гран углерода и 200 гран азота, т. е. для женщины приблизительно столько питательных веществ, сколько их содержится в двух фунтах хорошего пшеничного хлеба, для мужчины на $\frac{1}{3}$ более; в среднем выводе для взрослых мужчин и женщин по меньшей мере 28 600 гран углерода и 1330 гран азота в неделю. Его вычисление нашло поразительное подтверждение на практике обнаружившей его согласованность с тем жалким количеством пищи, до которого было понижено нуждой потребление хлопчатобумажных рабочих. В декабре 1862 г. они получали 29 211 гран углерода и 1296 гран азота в неделю.

В 1893 г. Privy Council предпринял исследование бедственного положения наиболее плохо питающейся части английского рабочего класса. Dr. Simon, официальный врач Privy Council, избрал для этой работы упомянутого выше Dr. Smith'a. Его исследование охватывает, с одной стороны, сельскохозяйственных рабочих, с другой стороны, шелкоткачей, швей, ра-

¹⁰⁸ Своеобразный свет на прогресс, который совершился со времени А. Смита, бросает то обстоятельство, что для него слово *workhouse* [фабричный дом] иногда еще равнозначное с словом *manufactory* [мануфактура]. Напр., в начале главы о разделении труда: «в одном и том же рабочем доме часто могут быть собраны лица, занятые в различных отраслях труда» [«those employed in every different branch of the work can often be collected into the same workhouse»].

ных в производстве кожаных перчаток, чулочников, вязальщиков перчаток и сапожников. Последние категории, за исключением чулочников: — в значительной мере городские рабочие. При исследовании было принято за правило отбирать в каждой категории наиболее здоровые и относительно лучшие составленные семейства.

Общий вывод был таков, что «только в одной из исследованных категорий городских рабочих количество потребляемого азота немного превышало тот абсолютный минимум, ниже которого наступают болезни от голода; что в двух категориях наблюдается недостаток — в одной из них очень большой недостаток — потребления как азотистой, так и углеродистой пищи; что более одной пятой исследованных земледельческих семейств получают углеродистой пищи в количестве, меньшем необходимого, более одной трети получают менее необходимого количества азотистой пищи, и что в трех графствах (Berkshire, Oxfordshire и Somersetshire) общим явлением был недостаток минимального количества азотистой пищи»¹⁰⁹. Среди земледельческих рабочих земледельческие рабочие Англии, богатейшей частью Свободного королевства, принадлежали к числу наиболее плохо питающихся¹¹⁰. Среди земледельческих рабочих недостаточное питание вообще являлось главным образом на женщин и детей, так как «мужчина должен есть, чтобы выполнять свою работу». Еще большая нужда свирепствовала среди городских категорий рабочих, на которые распространилось исследование. Они питаются так плохо, что во многих случаях неминуемо происходят жестокие и разрушающие здоровье лишения» (все это — «самоотречение» капиталиста! т. е. отречение от оплаты средств существования, необходимых просто для прозябания его рабочих рук!)¹¹¹.

Следующая таблица сравнивает условия питания упомянутых выше пяти городских категорий рабочих с тем количеством, которое Dr. Smith признает минимальным, и с условиями питания хлопчатобумажных рабочих во время их величайшей нужды¹¹².

Оба пола	Средн. еженедельн. колич. углерода	Средн. еженедельн. колич. азота
Пять городских отраслей промышленности	28 876 грам.	1 192 грам.
Переработные ланкаширск. фабричные рабочие	28 211 »	1 295 »
Минимум, предложенный для ланкаширских рабочих в среднем выводе для мужчин и женщин	28 600 »	1 330 »

Половина, ⁶⁰/₁₂₅, из числа исследованных категорий промышленных рабочих совершенно не потребляла мяса, 28% — молока. Среднее еженедельное

¹⁰⁹ «Public Health, 6-th Report etc. for 1863. London 1864», p. 13.

¹¹⁰ Там же, p. 17.

¹¹¹ Там же, p. 13.

¹¹² Там же, Appendix.

количество жидких пищевых веществ колебалось от 7 унций на семью у швей до $24\frac{3}{4}$ унций у чулочников. Большую часть тех, кто совершенно не потреблял молока, дали лондонские швеи. Количество ежедневного потребляемого хлеба изменялось от $7\frac{3}{4}$ ф. у швей до $11\frac{1}{4}$ ф. у сапожников и в среднем выводе давало 9,9 ф. в неделю на взрослого. Количество сахара (сиропа и т. д.) изменялось от 4 унций в неделю у производителей кожаных перчаток до 11 унций у чулочников; среднее еженедельное количество для всех категорий — 8 унций на каждого работника. Общая средняя пища еженедельного потребления масла (жир и т. д.) была на взрослого. Среднее еженедельное количество мяса (сало и т. д.) колебалось при расчете на взрослого, от $7\frac{1}{4}$ унций у шелкоткачей до $18\frac{1}{4}$ унций у производителей кожаных перчаток; в среднем выводе для различных категорий 13,6 унций. Еженедельный расход на пищу для взрослого выражался в следующих средних числах: шелкоткачи 2 ш. $2\frac{1}{2}$ п., швеи 2 ш. 7 п., производители кожаных перчаток 2 ш. $9\frac{1}{2}$ п., сапожники 2 ш. $7\frac{1}{2}$ п., чулочники 2 ш. $6\frac{1}{4}$ п. Для шелкоткачей Macclesfield'a средний расход дал только 1 ш. $8\frac{1}{2}$ п. в неделю. Наиболее плохо питались категории были швеи, шелкоткачи и производители кожаных перчаток ¹¹³.

В своем общем санитарном отчете Dr. Simon так говорит об этих условиях питания: «Всякий, кто знаком с медицинской практикой среди бедных или с пациентами госпиталей, живут ли они в госпиталях или вне их, утверждает, что в многочисленных случаях недостаток питания порождает и обостряет болезни... Но с санитарной точки зрения сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятельство... Следует вспомнить, что лишение питательных средств переносится лишь после упорных попыток противодействия и что огромная скудость питания обыкновенно лишь следует за другими препятствующими лишениями. Задолго до того времени, как недостаток питания окажет свое действие на здоровье, задолго до того времени, как финансы начнут взвешивать те грани азота и углерода, между которыми складывается жизнь и голодная смерть, — задолго до этого времени домашнее хозяйство лишается всех материальных удобств. Одежда и отопление становятся более скудными, чем пища. Нет достаточной защиты от суровой погоды: уменьшение жилого помещения до размеров, при которых оно становится причиной болезни или их обострения; жалкие остатки домашней утвари и мебели даже поддержание чистоты становится слишком дорогим или затруднительным. Если еще из чувства собственного достоинства и делаются попытки поддержать ее, то всякая такая попытка ведет к новым мукам голода. В кварталах, где меры санитарной полиции приносят наименьшие результаты, где самые отвратительные стоки, самое плохое сообщение, больше всего нечистот, самое жалкое или плохое водоснабжение и, поскольку дело касается городов, величайший недостаток света и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которым неминуемо подвергается беднота, если ее бедность соединена с недостаточным питанием. Если сумма этих зол имеет страшное значение для жизни, то простая недостаточность питания ужасна, уже сама по себе... Это — мучительные мысли, особенно, если вспомнить, что дело здесь не о бедности, которая сама в ней виновата вследствие нравственных

¹¹³ Там же, р. 232, 233.

Это — бедность рабочих. Более того: что касается домашних рабочих, то труд, ценой которого они покупают это скудное количество пищи, обыкновенно удлиняется свыше всякой меры. И, однако, лишь в очень условном смысле можно сказать, что труд этот дает рабочему возможность существовать, не попадая в зависимость от помощи со стороны... В очень большой мере это номинальное поддержание существования собственными силами представляет лишь более или менее длинный окольный путь к социализму»¹¹⁴.

Только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых, основанной на капиталистическом накоплении. Совершенно иначе с жилищными условиями. Здесь всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на данной небольшой площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие прогресс богатства «улучшения» и «усовершенствования» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, устройства дворцов для банкиров, универсальных магазинов и т. д., посредством проложения улиц для деловых сношений и роскошных экипажей, проведения городских железных дорог и т. д., быстро вытесняет бедноту все в худшие и худшие, все в более непригодные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дорогостоящие жилищные помещения обратились пропорционально их качеству и что рудники нищеты эксплуатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплуатировались когда бы то ни было серебряные рудники Итози.

Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно и отношений капиталистической собственности вообще¹¹⁵ здесь до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому предмету переполнены еретическими нападками на «собственность не по праву». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «украшением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «чистой публике», с 1847 по 1864 г. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламентских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т. д., вмешалась в эту область посредством своих муниципалитетов.

Однако, — восклицает Dr. Simon в своем отчете за 1865 г., — «вообще говоря, это зло в Англии остается совершенно вне надзора». По распоряжению Privy Council в 1864 г. произведено исследование жилищных условий сельских рабочих, в 1865 г. — беднейших классов в городах. Предварительные работы Dr. Julian Hunter'a напечатаны в седьмом и восьмом отчете (1865 г.) «Public Health». К сельским рабочим я перейду позже. Относительно же городских жилищных условий я предположу следующее общее замечание Dr. Simon'a: «Хотя моя официальная точка зрения, —

¹¹⁴ Там же, р. 14, 15.

¹¹⁵ «Нигде еще права личности не приносятся так открыто и так бесцеремонно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город, это — место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи для Молоха жажды» (S. Laing, National Distress, 1844, p. 159).

говорит он, — исключительно медицинская, однако, самое простое чувство гуманности не позволяет игнорировать и другую сторону этого зла. Доход до высокой степени, оно (переполнение жилищ) почти неизбежно обуславливает такое отрицание всяких приличий, такое грязное смешение тел и физических отравлений, такую наготу полов, что все это носит звериный, а не человеческий характер. Подвергаться таким влияниям, это — унижение, которое тем глубже, чем дольше оно продолжается. Для детей, родившихся под этим проклятием, оно служит крещением к позору (*birth into infamy*). И свыше всякой меры безнадежно было бы желание, чтобы люди поставленные в такие условия, в других отношениях стремились к той же сфере цивилизации, существо которой заключается в физической и моральной чистоте»¹¹⁶.

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений и даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья. Не сомненны два обстоятельства, — говорит Dr. Hunter, — 1) в Лондоне имеется около 20 больших поселков, каждый приблизительно по 10 000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что только было видано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ; 2) переполненность и ветхость домов в этих поселках теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад»¹¹⁷. «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкстла адская»¹¹⁸.

Но и лучше поставленная часть рабочего класса, а также мелкие земледельцы и другие элементы мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают под проклятию этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с тем снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и приток людей в метрополию, — по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата. «Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что даже немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты»¹¹⁹. В Лондоне почти ни одного домовладения, которое не было бы окутано огромным количеством *middlemen* («посредников»). Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее ежегодной доходностью, в особенности потому, что каждый покупатель спекулирует на то, чтобы раньше или позже разделаться с ней по *Jury Price* (по таксе, устанавливаемой при эскроу-процессах присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости вследствие соседства с каким-нибудь крупным предприятием. Следовательно является постоянная скупка контрактов о найме, срок которых близится к окончанию. «От джентльменов, занимающихся этим делом, можно ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, выполняя»

¹¹⁶ «Public Health. 8-th Report. London 1866», p. 14; примечание.

¹¹⁷ Там же, p. 89. Относительно детей в этих поселках Dr. Hunter говорит: «Мы не знаем, как устранились с детьми до этой эпохи тысячи скучивания бедных, но не надо быть смелым пророком, чтобы предсказать все, чего можно ожидать от детей, которые при условиях, не имеющих равных в этой стране, теперь подготовляются воспитанием к тому, что они сделаются членами опасных классов, воспитываются, проводя дни и ночи с людьми разных возрастов, пьяными, непристойными и свирепыми» (там же, p. 56).

¹¹⁸ Там же, p. 62.

¹¹⁹ «Reports of the Officer of Health of St. Martin's in the Fields, 1866»

«...возможное из квартирантов и передавать дома своим преемникам в таком же состоянии, как только возможно»¹²⁰.

Квартирная плата еженедельная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Вследствие постройки железных дорог в черте города «недавно в один субботний вечер в восточной части Лондона можно было видеть множество семейств, изгнанных из своих старых жилищ; они скитались с своими жалкими пожитками за спиной и нигде не могли найти пристанища, кроме работного дома».¹²¹ Работные дома были уже переполнены, а «улучшения», уже разрешенные парламентом, только еще в начале осуществления. Если рабочие выгоняются вследствие сноса их старых домов, то они не покидают своего прихода, или, самое большее, поселяются на его границе, в ближайшем приходе «Естественно, они стараются поселиться как можно ближе к месту своей работы. Результат тот, что вместо двух комнат семейство вынуждено поселиться в одной. Даже при повышенной квартирной плате жилое помещение оказывается хуже, чем то плохое, из которого семейство выгнали. Уже в половине рабочих на Strand'e требуется проходить две мили пути до места работы».

Этот Strand, главная улица которого производит на иностранца впечатляющее впечатление богатством Лондона, может служить примером того, как люди упаковываются в Лондоне. В одном приходе Strand'a санитарный чиновник насчитал 581 человек на акр, хотя к этому пространству относится и половина ширины Темзы.

Сим же собою разумеется, что всякая санитарно-полицейская мера, которая, как было до сих пор в Лондоне, разрушением негодных домов изгоняет рабочих из одного квартала, на практике приводит лишь к тому, что они лишь там теснее скучиваются в другом. «Или, — говорит Dr. Hunter, — вся эта процедура, как совершенно нелепая, должна прекратиться, или же должны предвидеться общественные симпатии (!) к тому, что теперь можно без увеличения назвать национальным долгом, именно — к доставлению крова бедным, которые по недостатку капитала не могут его сами приобрести, но могли бы за сдачу его вознаградить периодическими платежами»¹²². Удивительная это вещь капиталистическая справедливость! Земельный собственник, домовладелец, коммерсант при всякой экспроприации по случаю «улучшений» шир, при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение. Мало того, за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен помимо того еще хорошею прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу и, если они слишком большими массами направляются в те городские кварталы, в которых муниципалитет особенно следит за благоприличием, то их преследует санитарная полиция!

Кроме Лондона в начале XIX столетия в Англии не было ни одного города, в котором насчитывалось бы 100 000 жителей. Только в пяти насчитывалось более 50 000. Теперь существует 28 городов более чем с 50 000 жителей каждый. «Результатом этой перемены был не только огромный прирост городского населения, но и то, что старые скученные мелкие города сделались теперь центрами, которые обстроены со всех сторон, без всякого

¹²⁰ Public Health. 8-th Report. London 1865», p. 91.

¹²¹ Там же, p. 88.

¹²² Там же, p. 89.

доступна для свежего воздуха. Так как они уже не доставляют приятной жизни для богатых, то последние переселились из них в более веселые предместья. Преемники этих богатей расселяются в больших домах, по семейству наемнату, и часто еще пускают к себе жильцов. Таким образом население спускается в домах, предназначенных не для него, совершенно непригодных для него в обстановке, поистине унижительной для взрослых и гибельной для детей»¹²³.

Чем быстрее в известном промышленном или торговом городе накапливается капитал, тем быстрее прилив доступного эксплуатации человеческого материала, тем хуже на скорую руку и неудовлетворительно построенные здания помещают рабочих.

Повтому Ньюкастль на Тайне, как центр непрерывно развивающегося каменноугольного и горнопромышленного округа, занимает за Лидсом второе место в жилищном аду. В отдельных каморках живет там по 34 000 человек. Ввиду абсолютной опасности для общественного здоровья в Newcastle'e и Gateshead'e по распоряжению полиции недавно разрушено значительное количество домов. Постройка новых домов подвигается очень медленно, промышленность развивается очень быстро. Поэтому в 1866 г. город был более переполнен, чем прежде. Едва ли сдавалась хотя одна каморка. Dr. Embleton, врач ньюкастльского госпиталя для тифозных, говорит: «Вне всякого сомнения, причина существования и распространения тифа лежит в чрезмерном скоплении людей и нечистоте их жилых помещений». Дома, в которых обыкновенно живут рабочие, расположены в глухих переулках и во дворах. По отношению к свету, воздуху, пространству и чистоте это — истинные образцы неудовлетворительности и негигиеничности, позор для всякой цивилизованной страны. По ночам мужчины, женщины и дети лежат вперемежку. Что касается мужчин, то ночная смена в непрерывном потоке следует за дневной, и дневная за ночной, так что постели едва успевают остыть. Дома плохо снабжены водой, еще хуже — чистыми местами, грязны, не вентилируются, от них несет заразой. Недельная плата за такие трущобы составляет от 8 п. до 3 ш. «Ньюкастль на Тайне, — говорит Dr. Hunter, — служит примером того, как одно из самых красивых племен среди наших земляков вследствие таких жилищных условий, как устройство жилых помещений и улиц, часто опускается почти до варварского состояния»¹²⁵.

Вследствие постоянных приливов и отливов капитала и труда жилищные условия известного промышленного города сегодня могут быть сногсшибательными, а завтра сделаются отвратительными. Или городские власти принуждены наконец, к устранению наиболее вопиющих безобразий. Завтра же появляются как туча саранчи ирландские оборванцы или опустившиеся английские деревенские рабочие. Их спроваживают в подвалы и амбары или превращают в порядочный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой перемена сменяется так же быстро, как солдатские постои во время тридцатилетней войны. Пример — Bradford. Там муниципальные филистеры как раз попались городской реформой. К тому же там еще в 1861 г. оставался 17% без жильцов. Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило гово-

¹²³ Там же, р. 55, 56.

¹²⁴ Там же, р. 149.

¹²⁵ Там же, р. 50.

сладко-либеральный г. Форстер, друг негров. С улучшением дел, конечно, выходящие потоками постоянно волнуемой «резервной армии» или «относительного перенаселения». Отвратительные подвальные помещения и каморки, зарегистрированные в списке¹²⁶, полученном Dr. Hunter'ом от агента одного страхового общества, были заняты по большей части хорошо оплачиваемыми рабочими. Они заявляли, что были бы готовы заплатить за лучшие помещения, если бы могли найти таковые... Они со своими семьями все более нищают и подвергаются заболеваниям, в то время как сладко-либеральный Форстер, член парламента, проливает слезы умиления перед благодеяниями свободы торговли и барышами, которые получают на шерстяных делах выходящая голова Брадфорда.

В отчете от 5 сентября 1865 г. Dr. Bell, один из брадфордских врачей для бедных, объясняет ужасную смертность от лихорадки в его округе жилищными условиями: «В одном подвале в 1500 кубических футов живет 40 человек... На Vincentstreet, Green Air Place и the Leys нагромождено 221 дома с 1450 обитателями, 435 постелями и 36 отхожими местами... На каждую постель, а под постелью я разумно всякую грудку грязного тряпья или кучу стружек, приходится средним числом 3,3 человека, иногда 5 и 6 человек. Многие, не раздеваясь, спят без постели на голом полу, — молодые мужчины и женщины, женатые и холостые, без разбора скученные вместе. Надо ли

¹²⁶ Список, составленный агентом одного общества страхования рабочих в Брадфорде:

Vulcanstreet № 122	1 комната.	16 человек.
Gunleystreet № 13	1 »	11 »
Bowerstreet № 41	1 »	11 »
Polandstreet № 112	1 »	10 »
Hardystreet № 17	1 »	10 »
Northstreet № 18	1 »	16 »
» № 17	1 »	13 »
Wymerstreet № 19	1 »	8 взрослых.
Lowellstreet № 56	1 »	12 человек.
Georgestreet № 150	1 »	3 семьи.
Hills-Court, Marygate № 11	1 »	11 человек.
Marshallstreet № 28	1 »	10 »
» № 49	3 комнаты.	3 семьи.
Georgestreet № 128	1 комната.	18 человек.
» № 130	1 »	16 »
Edwardstreet № 4	1 »	17 »
Yorkstreet № 34	1 »	2 семьи.
Balt Prieststreet	2 комнаты.	26 человек.
Regent Square	1 подвал.	8 »
Acreslret	1 »	7 »
Robert's Court № 33	1 »	7 »
Back Prattstreet, помещение служит мастерской медняков	1 »	7 »
Benzerstreet № 27	1 »	6 »

(Там же, стр. 111).

еще добавлять, что эти помещения в большинстве случаев представляли темные, сырые, грязные и вонючие лачуги, совершенно непригодные для человеческого жилья? Это — центры, из которых распространяются болезни и смерть, выхватывающие свои жертвы и среди зажиточных (of good circumstances), которые допускают, чтобы такие чумные нарывы гноились в нашей среде»¹²⁷.

По жилищной нужде за Лондоном третье место занимает Бристоль, «один из богатейших городов Европы, величайший избыток пелюхрихи и нищеты («blanc poverty») и жилищной нужды»¹²⁸.

с) Бродячие рабочие. Горнорабочие

Обратимся теперь к тому слою населения, который по своему происхождению является деревенским, по своим занятиям — главным образом промышленным. Он образует легкую инфантерию капитала, которую в зависимости от своих потребностей бросает то на один пункт, то на другой. Когда она не в походе, она «стоит лагерем». Труд переходящих рабочих употребляется при различных строительных и канализационных операциях: производстве кирпичей, обжигании извести, постройке железных дорог и т. д. Как столп, указующий дорогу заразе, эти рабочие приносят оспу, тиф, холеру, скарлатину и т. д. во все места, по соседству с которыми они раскидываются лагерями¹²⁹. В предприятиях с значительными затратами капитала, как при постройке железных дорог и т. д., предприниматель обыкновенно доставляет своей армии деревянные бараки и т. п., — быстро создаваемые деревни без всяких санитарных приспособлений, не подчиненные контролю местных властей, очень выгодные для господина подрядчика, который едва не эксплуатирует рабочих: и как промышленных солдат и как наемников. Смотря по тому, сколько конур помещается в деревянной постройке, одна, две или три, жильцу, т. е. землекопу и т. п., приходится платить за нее 1, 3, 4 ш. в неделю¹³⁰.

Достаточно будет одного примера. В сентябре 1864 г. — сообщает Sir Simon, — министром внутренних дел сэром Джорджем Греем было получено следующее донесение от председателя Nuisance Removal Committee [комитет по устранению антисанитарных условий] в приходе Sevenoaks: «Еще 12 месяцев тому назад оспа была совершенно неизвестна в этом приходе. Незадолго до этого времени открылись работы по постройке железной дороги от Lewisham до Tunbridge. Не говоря уже о том, что главная работа производилась в непосредственном соседстве с этим городом, в нем был устроен также и главный склад всего предприятия. Поэтому здесь было занято большое число рабочих. Так как невозможно было всех их поместить в коттеджах, то подрядчик, г. Jay, распорядился построить вдоль дороги на различных пунктах бараки для расквартирования рабочих. В этих бараках не было ни вентиляции, ни стоков, и притом они были по необходимости не реполюнены, потому что каждому нанимателю приходилось брать других жильцов, как бы многочисленна ни была его собственная семья и как бы

¹²⁷ Там же, p. 114.

¹²⁸ Там же, p. 50.

¹²⁹ «Public Health. 7-th Report. London 1865», p. 18.

¹³⁰ Там же, p. 165.

то, что в каждом бараке было всего две комнаты. Согласно медицинскому отчету, полученному нами, следствием было то, что этим несчастным приходилось по ночам подвергаться всем мукам удушения, чтобы предохранить себя от вонючих испарений грязных луж и отхожих мест, расположенных прямо под окном. Наконец, нашему комитету была подана жалоба одним врачом, который имел случай посетить эти бараки. Он в самых горьких выражениях говорил о положении этих так называемых жилых помещений и описал очень серьезные последствия в том случае, если не будут приняты некоторые санитарные меры. Почти год тому назад упомянутый Жау обязался построить дом, в который немедленно следует удалять занятых у него рабочих при заболевании заразными болезнями. В конце прошлого июля он повторил это обещание, но для исполнения его он не предпринял ни малейшего шага, хотя с того времени было несколько случаев оспы и два смертных случая от нее. 9 сентября врач Kelson сообщил мне о новых случаях оспы в этих бараках, положение в которых, по его описанию, ужасное. К вашему (министра) сведению я должен добавить, что в нашем приходе имеется изолированный дом, так называемый заразный дом, в котором лечат прихожан, страдающих заразными болезнями. Вот уже несколько месяцев, как этот дом постоянно переполнен больными. В одной семье пять детей умерло от оспы в Анхоради. С 1 апреля по 1 сентября текущего года было не меньше 10 смертных случаев от оспы, в том числе 4 в упомянутых бараках, источниках заразы. Число случаев заболеваний определить невозможно, потому что семейства, в которых они происходят, стараются скрывать их насколько возможно»¹³¹.

Жилище в каменноугольных и других шахтах принадлежит к наилучшим различным категориям британского пролетариата. Какой ценой покупают они свою заработную плату, уже было показано в другом месте¹³². Я брошу здесь быстрый взгляд на их жилищные условия. Эксплуататор шахт, будет ли то собственник или арендатор, обыкновенно устраивает известное число cottages для своих рук. Они получают коттеджи и уголь для отопления «даром», т. е. это составляет часть заработной платы, выдаваемую натурой [предметами потребления]. Если некоторые не могут быть расквартированы таким образом, они получают взамен этого 4 ф. ст. в год. Горнопромышленные округа быстро привлекают большое население, состоящее из самих горнорабочих и группирующихся вокруг них ремесленников, лавочников и т. д. Как и повсюду, где плотность населения велика, земельная рента стоит здесь на высоком уровне. Поэтому горнопромышленник старается на самом тесном строительном участке при входе в шахту поставить по воз-

¹³¹ Там же, р. 18, примечание. Попечитель о бедных в Chapel-en-le-Val Union (в Дербишире) доносит генеральному регистратору: «В Dove Valley сделано много мелких пещер в большом холме известкового шлама. Эти пещеры служат жилищами землекопам и другим рабочим, занятым при постройке железной дороги. Пещеры тесны, сыры, без стоков для нечистот и без отхожих мест. В них нет никаких приспособлений для вентиляции, но исключением отверстия в своде, которое служит в то же время и дымовой трубой. Оспа свирепствует и уже была причиной нескольких смертных случаев» (между троглодитами, пещерными обитателями). (Там же, примечание 2.)

¹³² Подробности, приведенные на стр. 385 и сл., относятся, главным образом, к рабочим в каменноугольных шахтах. Относительно положения в рудниках, которое еще хуже, см. добросовестный отчет Royal Commission 1861 г.

возможности больше коттеджей, как раз столько, сколько необходимо для того, чтобы втиснуть все свои рабочие руки вместе с их семьями. Если в близости открываются новые копи или вновь начинают разрабатываться старые, то теснота возрастает. При постройке коттеджей решающее значение имеет лишь одна точка зрения: «самоотречение» капиталиста от всяких абсолютно неизбежных затрат наличными.

Жилые помещения шахтеров и других рабочих, связанных с копями Northumberland'a и Durham'a, — говорит Dr. Julian Hunter, — в общем являются, быть может, наиболее плохим и дорогим из всего, что по этой части представляет в крупном масштабе Англия, за исключением, однако, таких же округов в Monmouthshire'e. Крайне плохое состояние их обуславливается большим количеством лиц, переполняющих каждую комнату теснотой строительного участка, на котором разбросано множество домов, недостатком воды и отсутствием отхожих мест, нередко применяемым методом ставить дома один над другим или разделять их на flats [так что отдельные коттеджи образуют этажи, в вертикальном направлении расположенные один над другим]... Предприниматель смотрит на всю колонию таким образом, как будто она просто стоит лагерем, а не живет постоянно»¹³⁰

«Во исполнение полученных мною инструкций, — говорит Dr. Slaveno, — я посетил большую часть крупных горнозаводских селений Durham Union. За очень малым исключением следует сказать, что нигде не принимаются таких бы то ни было мер для охраны здоровья жителей... Все горно-рабочие прикреплены (bound — выражение, как и bondage, относимое к эпохе крепостного права) на 12 месяцев к арендатору (lessee) или собственнику копей. Если они обнаружат свое неудовольствие или иным способом досадят надсмотрщику («viewer»), то он против их имени в своей книге ставит только значок или пометку и увольняет их при заключении нового годового контракта... Мне думается, что ни один из видов *strike* тем'ы не может быть хуже того, который господствует в этих густо населенных округах. Рабочий вынужден получать в качестве части своей заработной платы дом, находящийся среди заражающей обстановки. Он не в состоянии сам помочь себе. Он во всех отношениях крепостной (he is to all intents and purposes a serf). Да и вообще приходится сомневаться, чтобы кто-либо сумел помочь ему кроме его собственника, а этот собственник спринуется прежде всего со своим балансом, и результат этого нетрудно предугадать. От собственника же получает рабочий и воду. Хорошая она или плохая, ставляется ему или нет, он во всяком случае должен платить за нее или, точнее сказать, допускать соответствующий вычет из заработной платы»¹³¹.

В конфликте с «общественным мнением» или даже с санитарной службой капитал нисколько не стесняется отчасти опасные, отчасти унизительные условия, в которые он ставит труд и домашнюю жизнь рабочих, оправдывая тем соображением, что это необходимо для более выгодной эксплуатации рабочего. Таково положение дел, когда он самоотрывается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, самоотрывается от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т. д. Таково же положение здесь, в случае с жилыми помещениями горнорабочих.

¹³⁰ Там же, р. 180, 182.

¹³¹ Там же, р. 515, 517.

В оправдание недостойных жилищных условий, — говорит в своем официальном отчете Dr. Simon, медицинский чиновник Privy Council, — оказывается на то, что шахты обыкновенно эксплуатируются на арендных началах; что продолжительность арендного договора (в каменноугольных шахтах по большей части 21 год) слишком коротка для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошо приспособленные жилища для рабочих, мастеров и т. д., которых привлекает предприятие; если бы даже он и захотел быть щедрым в этом отношении, то землевладелец разрушил бы его планы. Он постарался бы немедленно получить чрезвычайно высокую добавочную ренту за ту привилегию, что на поверхности построено приличное и комфортабельное селение с жилыми помещениями для рабочих, извлекающих его подземную собственность. Эта цена, равносильная воспрещению всякого улучшения, если только не прямое запрещение, во всяком случае устрашила бы тех, кто при иных условиях был бы склонен приступить к устройству селений... И не буду подробно останавливаться на вопросе об основательности этого оправдания, а также о том, на кого упали бы в последнем счете добавочные отбиты по постройке приличных жилых помещений: на землевладельца, арендатора копей, рабочих или на общество... Но ввиду тех позорных фактов, которые разоблачаются в прилагаемых отчетах (Dr. Hunter'a, Stevens'a и др.), необходимо принять меры для их устранения... Правами земельной собственности пользуются здесь таким образом, что совершают большую общественную несправедливость. В качестве собственника копей землевладелец приглашает промышленную колонию для работы в своих владениях, а потом в качестве собственника поверхности делает невозможным для привлеченных им рабочих отыскать удовлетворительное помещение, необходимое для их жилья... Арендатор копей (капиталистический эксплуататор) денежно несколько не заинтересован в том, чтобы противодействовать такому умножению торговых операций, так как ему хорошо известно, что, если притязания землевладельца непомерны, то последствия падут не на него, что рабочие, на которых падут они, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самые отвратительные жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужат поводом для стачки»¹³⁵.

d) Влияние кризисов на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса

Прежде чем перейти к собственно земледельческим рабочим, я покажу еще на одном примере, какое влияние оказывают кризисы даже на наилучше оплачиваемую часть рабочего класса, на его аристократию. Напомним, что в 1847 г. принес один из тех крупных кризисов, которыми каждый раз завершается промышленный цикл. Следующий кризис пришелся на 1866 г. Это предвосхищенный в собственно фабричных округах хлопковым голодом, который прогнал много капитала из обычной сферы вложения в крупные центры денежного рынка, кризис принял на этот раз преимущественно финансовый характер. Сигналом его начала послужил в 1866 г. крах одного из огромных лондонских банков, за которым быстро последовало крушение многочисленных спекулянтских финансовых обществ. Одной из крупных лондонских отраслей производства, на которые распространилась катастрофа, было судостроение из железа. Крупнейшие производства этой отрасли про-

¹³⁵ Там же, р. 16.

мышленности в период спекуляции не только перепроизвели сытые меры, но кроме того и взяли на себя огромные поставки, спекулируя на том, что источник кредита и впредь будет течь с прежним изобилием. Теперь наступила страшная реакция, которая в других отраслях лондонской промышленности¹⁸⁶ продолжается до настоящего момента (конец марта 1867 г.).

Для характеристики положения рабочих приведем следующее место из подробного сообщения одного корреспондента «Morning Star», посетившего в начале 1867 г. главные центры бедствия. «В восточной части Лондона в округах Poplar, Malwall, Greenwich, Deptford, Limehouse и Spinning Town по меньшей мере 15 000 рабочих с семьями находятся в положении крайней нужды, и в этом числе более 3000 искусных ремесленников. Их резервные фонды исчерпаны вследствие шести-восьмимесячной безработицы... Большого труда стоило мне протискаться к воротам рабочего дома (в Poplar'e), потому что он был осажден изголодавшейся толпой. Она была дала билетов на получение хлеба, но время их раздачи еще не настало. Дом образует большой квадрат с навесом, который тянется вокруг его стен. Поверх площади были отгорожены, подобно загонам для овец, ивовыми плетнями, в них в хорошую погоду работают мужчины. В день моего посещения двора были настолько засыпаны снегом, что никто не мог в них сидеть. Тем не менее под защитой выступа крыши мужчины занимались расколкой крупных камней для мостовой. Каждый, сидя на большом камне, тяжелым молотом расколачивал обледенелый гранит, пока не набьет 5 бушелей щебня. Тогда его дневная работа кончалась, он получал 3 п. (26 пфеннигов) и билет на получение хлеба. В другой части двора стоял жалкий деревянный домик. Открыв дверь, мы увидели, что он наполнен мужчинами, прижавшимися друг к другу, чтобы согреться. Они щипали паклю и спорили друг с другом, кто из них при минимуме питания может проработать дольше всех, потому что выпослать билет была здесь делом чести. В одном этом рабочем доме получали поддержку 7000 человек, в том числе многие сотни таких, которые за 6 или 8 месяцев перед тем получали наивысшую в нашей стране заработную плату за искусный труд. Их число было бы вдвое больше, если бы не то обстоятельство, что многие из них даже по истощении всех своих денежных сбережений все же избегают помощи прихода, пока у них еще остается что-нибудь для заклада... Оставив рабочий дом, я прошелся по улицам с одноэтажными в большей части домами, которых так много в Poplar'e. Моим проводником был член комитета безработных. Первый дом, в который мы вошли, был

¹⁸⁶ «Массовое голодание бедных в Лондоне! («Wholesale starvation in the London Poor!»)... В последние дни на стенах лондонских домов были расклеены огромные плакаты со следующими замечательными объявленными: «Жирные быки, голодающие люди! Жирные быки покинули хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей в их роскошных поместьях, в то время как голодающие люди гибнут и умирают в своих жалких помещениях. Плакаты с этой злоедейской надписью постоянно возобновляются. Едва один плакат заклеймил одну партию, как уже на том же или не менее заметном месте появляется новая... Это напоминает о злоедейских предзнаменованиях, которые готовили французский народ к событиям 1789 г... В это голодное время, когда английские рабочие со своими женами и детьми умирают от голода и голода, миллионы английских денег, продукт английского труда вкладываются в русские, испанские, итальянские и другие иностранные займы» («Reynolds Newspaper», 20 Januar 1867).

...от железодельного завода; он уже 27 недель оставался без работы. Он сидел со всем его семейством в задней комнате. В комнате еще оставалась кое-какая мебель, она еще отапливалась. Это было необходимо для того, чтобы защитить голые ноги маленьких детей от холода, — день был ужасно холодный. На тарелке против огня лежала пахла, которую жоны и дети щипали и рисплату за хлеб из работного дома. Муж работал в одном из только что описанных дворов и получал билет на хлеб и 3 п. в день. Теперь он пришел домой обедать, очень голодный. Как сказал он нам с горькой усмешкой, его обед состоял из нескольких ломтиков хлеба с салом и чашки чаю без молока. Следующую дверь, в которую мы постучались, открыла женщина средних лет, которая, не говоря ни слова, провела нас в маленькую заднюю комнату, где молча сидело все ее семейство, устремив глаза на быстро тлеющий огонь. Такое запустение, такая безнадежность виднелись на лицах этих людей и в их маленькой комнате, что я не хотел бы еще раз увидеть подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь, — сказала женщина, указывая на своих детей, — ничего в продолжение 26 недель, и все наши деньги вышли, все 20 ф. ст., которые я и отец отложили в лучшие времена мечтая перебиться с ними в плохие времена. Вот посмотрите, — почти низким голосом воскликнула она, доставая банковую книжку со всеми официальными записями внесенных и взятых обратно денег; по ней мы можем видеть, как маленькое состояние началось с первого вклада в 5 ш., как оно мало-по-малу выросло до 20 ф. ст., а потом начало таять, с 20 фунтов стерлингов до шиллингов, пока последняя запись не привела к тому, что теперь книжка так же не имеет никакой цены, как ключок белой бумаги. Эти семья получает один скудный обед в день из работного дома. Следующий наш визит был к жене одного ирландца, который работал на корабельной верфи. Мы нашли ее больной от недостатка пищи; нераздетая она лежала на матраце, едва прикрытая доскутом ковра, потому что все постельные принадлежности были заложены. Несчастные дети ухаживали за ней, но было видно, что сами они нуждаются в материнском уходе. Девятнадцать недель шпужденной праздности довели ее до этого положения, и, рассказав нам историю своего горького прошлого, она стонала так, как будто утратила всякую надежду на лучшее будущее... Когда мы вышли из дома в нем подбежал какой-то молодой человек и просил нас зайти в его дом и посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать для него. Молодая жена, двое красивых ребят, куча квитанций ссудной кассы и совершенно холодная комната, — вот то, что он мог показать нам».

Вот еще извлечение из одной торийской газеты о бедствиях, которые происходят отголоском кризиса 1866 г. Не следует забывать, что Истэнд, вошедшая часть Лондона, о которой здесь идет речь, является не только местом, где живут рабочие, занятые при постройке железных судов и в прочих отраслях крупной промышленности, но и центром так называемого «домашнего рынка», оплата которого всегда стоит ниже минимума. [О нем говорит следующее место, заимствованное из «Standard», главного органа тори, консервативов]: «Ужасное зрелище развернулось вчера в одной части столицы. Хотя тысячи безработных Истэнда с черными знаменами и не устроили никакой демонстрации, тем не менее толпа была довольно внушительная. Напомним, как страдает это население. Оно умирает от голода. Это — простой ужасный факт. Их 40 тысяч... На наших глазах, в одном из кварталов этой обширной метрополии, царяду с громадным накоплением богат-

ства, какое только выдвигал свет, рядом с этим 40 000 человек без помощи умирают от голода! Теперь эти тысячи вторгаются в другие районы; всегда полуголодные, они кричат нам в уши о своих страданиях, вопиют о них к небу, они рассказывают нам о своих едва сколоченных щипках, о том, что им невозможно найти работу и бесполезно просить милостыню. Коммунальные плательщики налога на бедных в свою очередь бегут к пауперизму вследствие все новых и новых требований со стороны правительства («Standard», 5 April 1866).

Среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что «свобода труда», или, что то же самое, «свобода капитала» не нарушается там ни деспотизмом трэд-юнионов, ни фабричными законами; поэтому следует сказать несколько слов о «счастье» «свободного» бельгийского рабочего, которого одурачивают только духовенство, землевладельцы, аристократия, либеральная буржуазия и бюрократия, но отнюдь не трэд-юнионы и не фабричные законы. Вероятно, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г. Дискретиаux, главный инспектор бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член центрального статистической комиссии. Обратимся к его работе: «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique, Bruxelles 1855». Здесь мы находим, между прочим, бельгийское среднее рабочее семейство, ежедневные расходы которого вычислены на основании очень точных данных и условия питания которого сравниваются потом с условием питания солдата, флотского матроса и арестанта. Семья «состоит из отца, матери и четырех детей». Из этих шести лиц «четверо могут круглый год заниматься полезным трудом»; предполагается, что между ними нет больных и неработоспособных, что не производится «расходов на религиозные, нравственные и питательные потребности, за исключением самого маленького расхода на оплату мест в церкви», не производится «взносов в сберегательные кассы и в кассы призрения в старости», нет «расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов». Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить целых 86 сантимов в неделю. «Из общей сводки заработной платы, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует... что средняя заработная плата составляет в среднем выводе: 1 франк 56 сантимов для мужчин, 89 сантимов для женщины, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек. При таком расчете приходы семьи составят самое большее 1 000 франков в год... В семействе, которое мы признали типичным, мы подсчитали общую сумму всех возможных доходов. Но если мы предположим, что отец и мать получают заработную плату, мы тем самым отнимаем у домохозяйки руководительницу; кто позаботится тогда о доме, о маленьких детях? Кто будет стирать, стирать, штопать? Этот вопрос каждый день встает перед рабочим».

Так получается следующий бюджет семейства:

Отец	300 рабочих дней по 1,56 фр.	468 фр.
Мать	» » » 0,89 »	267 »
Старший сын	» » » 0,56 »	168 »
Старшая дочь	» » » 0,55 »	165 »

Итого . . . . . 1 068 фр.

Годовой расход семьи и ее дефицит составляли бы, если бы рабочий ел такую пищу:

Флотского матроса	1828 фр.	Дефицит	760 фр.
Солдата	1478 »	»	405 »
Арестанта	1112 »	»	44 »

Из этого видно, что лишь немногие рабочие семейства могут питаться бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах. В среднем выводе каждый бельгийский арестант обходился в 1847—49 гг. 10 сантимов в день, что по сравнению с ежедневными издержками рабочего на пропитание дает разницу в 13 сантимов. Издержки управления и надзора равносильваются тем, что арестант не платит за квартиру... Но как сказать, что большое число, — мы могли бы сказать огромное большинство, — рабочих живет еще в более скудных условиях? Только тем, что рабочие прибегают к средствам, тайна которых известна им одним; они урезают свою ежедневную порцию; едят ржаной хлеб вместо пшеничного; едят меньше мяса или совсем не едят его; то же с маслом и овощами; семья обитает в одной или двух каморках, в которых вместе спят девочки и мальчики, часто на одном и том же соломенном тюфяке; они экономят на одежде, еде, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, коротко говоря, идут на самые тягостные лишения. Раз рабочий вышел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены средств существования, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету рабочего и доводят его до полного разорения. Долги растут, кредит иссякает, кровати, самая необходимая мебель отправляются в ссудную кассу, и все кончается тем, что семейство обращается с просьбой внести его в список бедных». ¹³⁷ В самом деле, в этом «рае капиталистов» за малейшим изменением цены необходимейших средств существования следует изменение числа смертных случаев и преступлений! [См. манифест Maatschappij: «De Vlaanderen Vooruit! Brussel 1860», p. 15, 16.] Во всей Бельгии числятся 100 000 семейств, из них по официальной статистике: 90 000 богатых (владельцев) = 450 000 человек; 190 000 семейств мелкой буржуазии, городской и деревенской, значительная часть которой постоянно переходит в ряды пролетариата = 950 000 человек. Наконец, 450 000 рабочих семейств = 2 250 000 человек, из числа которых образцовые семейства наслаждаются счастьем, описанным Discrétiaux. Из 450 000 рабочих семейств только 200 000 в списке бедных!

е) Британский земледельческий пролетариат

Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского земледелия (включая сюда и скотоводство) и в регрессе английского сельскохозяйственного рабочего. Прежде чем перейти к его современному положению, бросим беглый взгляд назад. Современное земледелие в Англии берет свое начало с половины XVIII века, хотя переворот в отношениях зе-

¹³⁷ Discrétiaux, Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique, Bruxelles 1855, p. 151, 154, 155.

мельной собственности, из которого как из своей основы исходило изменение способа производства, относится к много более раннему времени.

Если мы обратимся к Артуру Юнгу, точному наблюдателю, но поверхностному мыслителю, и возьмем у него данные о сельских рабочих в 1771 г., то окажется, что они играют очень жалкую роль по сравнению со своими предшественниками конца XIV века, «когда они могли жить среди изобилия и накапливать богатства»¹³⁸; мы уже вовсе не говорим о XV столетии, «золотом веке английских рабочих в городе и деревне». Однако нам нет необходимости возвращаться так далеко назад. В одной очень содержательной работе 1777 г. мы читаем: «Крупный фермер поднялся почти до уровня джентльмена, между тем как бедный сельский рабочий придавлен почти до земли. Его несчастное положение выступает с полной ясностью, если сравнить условия его жизни в настоящее время и 40 лет тому назад... Земельный собственник и фермер действуют в полном согласии для угнетения рабочего»¹³⁹. Затем автор обстоятельно показывает, что реальная заработная плата в деревне в период с 1737 по 1777 г. понизилась почти на $\frac{1}{4}$, или на 25%. «Современная политика, — говорит в то же самое время Dr. Richard Price, — покровительствует высшим классам народа; следствием будет то, что раньше или позже все население королевства будет состоять только из джентльменов и нищих, из грандов и рабов»¹⁴⁰.

Тем не менее положение английского сельского рабочего в 1770 — 1780 гг. посмотрим ли мы на условия его питания и жилища, или на развитие чувства собственного достоинства, развлечения и т. д., представляет идеал, который впоследствии никогда не был достигнут. Его средняя заработная плата, выраженная в пинтах пшеницы, составляла в 1770 — 1771 гг. 80 пинт, во времена Eden'a (1797 г.) уже только 65, в 1808 г. всего 60¹⁴¹.

Мы уже раньше говорили о положении сельских рабочих в конце шестилетней войны, во время которой так необыкновенно обогащались землевладельцы, аристократы, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики армии и т. д. Номинальная заработная плата повысилась отчасти вследствие обесценения банковых билетов, отчасти вследствие

¹³⁸ James E. Th. Rogers, Prof. of Political Economy in the University of Oxford: «A History of Agriculture and Prices in England. Oxford 1886, vol. I, p. 690. Это тщательно разработанное сочинение в двух полных томах до настоящего времени охватывает пока только период 1250 — 1400 гг. Второй том содержит только статистический материал. Это первая работа, посвященная на первоисточниках история цен, какой мы располагаем для этого времени.

¹³⁹ «Reasons for the late Increase of the Poor Rates, or a comparative view of the price of labour and provisions» London 1777», p. 5, 11.

¹⁴⁰ Dr. Richard Price, Observations on Reversionary Payments, 6-th ed. By W. Morgan, London 1805, vol. II, p. 158, 159. На стр. 159 Price замечает: «Номинальная цена рабочего дня в настоящее время не больше, чем в четыре раза или, самое большее, в пять раз превышает номинальную цену его в 1514 г. А цена хлеба теперь выше в семь раз, мяса и одежды — в пятнадцать раз. Таким образом, цена труда повышалась настолько, насколько ответственно возрастанию издержек на существование, что теперь она, сама по себе, не дает возможности производить и половины тех изделий, которые раньше делал рабочий».

¹⁴¹ Barton, Observations on the circumstances which influence the condition of the Labouring Classes of Society, London 1817, p. 26. Для сравнения XVIII столетия сравн. Eden, The State of the Poor.

зависимого увеличения цены предметов первой необходимости. Но действительное движение заработной платы можно установить очень простым способом, не прибегая к деталям, которые были бы здесь неуместны. Закон о бедных и соответствующая администрация в 1795 и 1814 гг. были одни и те же. Вспомним, как этот закон применялся в деревне: в форме подачи прихода пополняет номинальную заработную плату до такой номинальной суммы, которая необходима просто для прозябания рабочего. Отношение между заработной платой, выдаваемой фермером, и тем дефицитом ее, который восполняется приходом, раскрывает перед нами, во-первых, понижение заработной платы ниже ее минимума и, во-вторых, показывает, в какой мере сельский рабочий слатался из наемного рабочего и паупера, или в какой мере его успели превратить в крепостного своего прихода.

Мы остановимся на графстве, которое представляет среднюю для всех остальных графств. В 1795 г. средняя недельная заработная плата в Northamptonshire составляла 7 ш. 6 п., общая сумма годовых расходов семьи из 6 человек 36 ф. ст. 12 ш. 5 п., общая сумма ее приходов 29 ф. ст. 18 ш., восполняемый приходом дефицит составлял 6 ф. ст. 14 ш. 5 п. В том же графстве недельная заработная плата составляла в 1814 г. 12 ш. 2 п., общая сумма годовых расходов семьи из 5 человек 54 ф. ст. 18 ш. 4 п., общая сумма ее приходов 36 ф. ст. 2 ш., восполняемый приходом дефицит 18 ф. ст. 16 ш. 4 п.¹⁴²; следовательно, в 1795 г. дефицит составлял менее $\frac{1}{4}$ заработной платы, в 1814 г. больше половины. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах к 1814 г. исчезли и те небольшие удобства, которые еще Eden наблюдал в коттедже сельского рабочего¹⁴³. Из всех животных, которых держит фермер, с этого времени рабочий, *instrumentum vocale* [говорящее орудие], оказывается таким, которое больше всего мучат, хуже всего кормят и с которым грубее всего обращаются.

Такое положение вещей спокойно сохранялось до тех пор, пока «бурные бунты 1830 г. не раскрыли перед нами (т. е. перед господствующими классами) при свете пылающих хлебных ткирд, что под поверхностью земледельческой Англии скрывается такая же нищета и тлеет такое же глухое мятельное недовольство, как под поверхностью промышленной Англии»¹⁴⁴. Sadler окрестил тогда в нижней палате сельских рабочих «белыми рабами» (*white slaves*), один епископ повторил этот эпитет в верхней палате. E. G. Wakefield, наиболее выдающийся экономист этого периода, говорит: «Сельский рабочий южной Англии не раб и не свободный человек, он — паупер»¹⁴⁵.

Время, непосредственно предшествующее отмене хлебных законов, бросило новый свет на положение сельских рабочих. С одной стороны, было интересно буржуазных агитаторов показать, как мало охранительные пошлины защищают действительных производителей хлеба. С другой стороны, промышленная буржуазия вскипала от негодования на разоблачение земельными аристократами состояния фабрик, на деланную симпатию этих испорченных до мозга костей, бессердечных и знатных бездельников к стр-

¹⁴² Parry, *The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered*, London 1816, p. 86.

¹⁴³ Там же, p. 213.

¹⁴⁴ S. L a i n g, *National Distress*, 1844, p. 62.

¹⁴⁵ «England and America, London 1833», vol. I, p. 47.

даниям фабричного рабочего на их «дипломатическую рьяность» по отношению к фабричному законодательству. Существует старинная английская поговорка, что, если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда выйдут что-нибудь полезное. И в самом деле, шумный, страстный спор между двумя фракциями господствующего класса по вопросу о том, какал из них с наибольшим бесстыдством эксплуатирует рабочих, и справа и слева содействовал выяснению истины. Граф Shaftesbury, иначе лорд Ashley, стоял во главе аристократическо-филантропического похода против фабрик. Поэтому в 1844 и 1845 гг. он сделался излюбленной темой для «Morning Chronicle» в ее разоблачениях о положении земледельческих рабочих. Эта газета, в то время самый значительный либеральный орган, отправляла в сельские округа собственных комиссаров, которые, не довольствуясь общими описаниями и статистикой, опубликовали имена как подвергшихся исследованию рабочих семейств, так и соответствующих землевладельцев. В следующей таблице ¹⁴⁶ приведена заработная плата, получаемая жителями трех деревень по соседству с Blanford, Wimbourne и Poole. Деревни эти — собственность Mr. G. Bankes и графа Shaftesbury. Следует отметить, что глава «low church» [низкой церкви] ^{146а}, этот глава английских протестантов, равно как и его сотоварищ Bankes, из нищенских заработков своих рабочих выгнали еще значительную часть под предлогом платы за помещение.

Первая деревня.

а) Число детей	б) Число членов семейства	в) Недельная заработная плата мужчин	г) Недельная заработная плата детей	е) Недельный доход всего семейства	д) Недельная квартальная плата	е) Недельный заработок за вычетом квартирной платы	ж) Недельный заработок на одного человека
2	4	8 ш.	—	8 ш.	2 ш.	6 ш.	1 ш. 0 п.
3	5	8 »	—	8 »	1 » 6 п.	6 » 6 п.	1 » 2 1/2 п.
2	4	8 »	—	8 »	1 »	7 »	1 » 0 п.
2	4	8 »	—	8 »	1 »	7 »	1 » 0 п.
6	8	7 »	1 ш.—1 ш. 6 п.	10 » 6 п.	2 »	8 » 6 п.	1 » 1/2 п.
3	5	7 »	1 ш. 2 п.	8 » 2 »	1 » 4 »	6 » 10 »	1 » 1 1/2 п.

Вторая деревня.

6	8	7 ш.	1 ш.—1 ш. 6 п.	10 ш.	1 ш. 6 п.	8 ш. 6 п.	1 ш. 1/2 п.
6	8	7 »	—	7 »	1 » 3 1/2 п.	5 » 8 1/2 п.	— 0 1/2 п.
8	10	7 »	—	7 »	1 » 3 1/2 »	5 » 8 1/2 »	— 7 п.
4	6	7 »	—	7 »	1 » 6 1/2 »	5 » 5 1/2 »	— 11 п.
3	5	7 »	—	7 »	1 » 6 1/2 »	5 » 5 1/2 »	1 ш. 1 п.

¹⁴⁶ «London Economist», 29 марта 1845 г., р. 290.

^{146а} Особое течение в английской государственной церкви. — К.

Третья деревня.

	б) Число членов семейства	с) Недельная заработная плата мужчин	д) Недельная заработная плата детей	е) Недельный доход всего семейства	ф) Недельная квартирная плата	з) Недельный заработок за вычетом квартирной платы	и) Недельный заработок на душу
4	6	7 ш.	—	7 ш.	1 ш.	6 ш.	1 ш.
5	6	7 »	1 ш.—2 ш.	11 » 6 п.	— 10 п.	10 » 8 п.	2 » 1 1/2 п.
6	5 »	5 »	—	5 »	1 »	4 »	2 »

Отмена хлебных законов дала английскому земледелию чрезвычайно сильный толчок. Дренажные работы в величайшем масштабе ¹⁴⁷, новая система стойлового содержания скота и искусственного возделывания кормовых трав, введение механических аппаратов для удобрения, новые способы обработки глинистой почвы, усиленное употребление минеральных удобрений, применение паровой машины и всякого рода новых рабочих машин и т. д., вообще более интенсивная культура, — вот чем характеризуется эта эпоха. С. Husey, президент королевского общества сельского хозяйства, утверждает, что (относительные) хозяйственные издержки, благодаря введению новых машин, уменьшились почти вдвое. С другой стороны, абсолютная урожайность быстро увеличилась. Основным условием применения новых методов было увеличение затрат капитала на акр, а следовательно, и ускоренная концентрация аренд ¹⁴⁸. В то же время площадь возделывания с 1846 по 1866 г. расширилась на 464 119 акров, не говоря уже об огромных площадях в восточных графствах, которые как бы волшебством превратились из загородной для кроликов и скудных пастбищ в роскошные хлебные поля. Мы уже знаем, что одновременно с этим общее число лиц, занятых в земледелии, сократилось. Что касается собственно земледельцев обоего пола различных возрастов, то число их упало с 1 241 269 в 1851 г. до 1 163 227 в 1861 г. ¹⁴⁹. Поэтому, если генеральный регистратор справедливо замечает: «Прирост числа фермеров и сельскохозяйственных рабочих с

¹⁴⁷ Земельная аристократия сама ссужала себе для этой цели фонды из государственной кассы, конечно, через парламент, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойне.

¹⁴⁸ Уменьшение числа средних фермеров можно заметить в особенности по рубрикам переписи: «Сыновья фермеров, внуки, братья, племянники, дочери, внуки, сестры, племянницы», коротко говоря, члены семейства самого фермера, работающие у него. По этим рубрикам числилось в 1851 г. 216 851 человек, в 1861 г. только 176 151 человек. — Добавление к французскому изданию: с 1851 по 1871 г. число фермерских участков размером меньше 20 акров уменьшилось более чем на 900, число участков от 50 до 75 акров сократилось с 8253 до 6370; то же самое и со всеми участками меньше 100 акров. Напротив, в течение тех же 20 лет число крупных аренд увеличилось; число аренд от 300 до 500 акров повысилось с 7771 до 8410, число аренд более чем в 500 акров — с 2755 до 3914, число аренд свыше 1000 акров — с 492 до 582.

¹⁴⁹ Число пастухов овец возросло с 12 517 до 25 559.

1801 г. не стоит ни в каком соответствии с «увеличением сельскохозяйственного продукта»¹⁵⁰, — то это несоответствие в несравненно большем объеме наблюдается в последний период, когда абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением возделываемой площади, интенсификацией культуры, неслыханным накоплением капитала, вложенного в землю и посвященного ее возделыванию, беспримерным в истории английской агрономии повышением количества сельскохозяйственного продукта, небывалым увеличением ренты земельных собственников и мощным ступнем богатства капиталистических фермеров. Если ко всему этому прибавить еще непрерывное быстрое расширение городских рынков сбыта и господство свободной торговли, то покажется, что сельский рабочий *post tota ista stigmata tegum* [после столь многих злоключений], наконец, был привлечен в такие условия, которые *secundum artem* [согласно теории] должны были сделать его безумно счастливым.

Профессор Роджерс приходит, напротив, к тому заключению, что положение современного нам сельского рабочего до чрезвычайности ухудшилось не только по сравнению с положением его предшественников в последние десятилетия XIV столетия и в XV веке, но даже и с положением его предшественников в период 1770 — 1780 гг., что «он опять стал крепостным», причем крепостным, который получает плохую пищу и жилище¹⁵¹. Dr. Julian Hunter в своем составившем эпоху отчете о жилищах сельских рабочих говорит: «Индержки существования *hind'a* (название сельского рабочего, относящееся к временам крепостной зависимости) фиксированы на таком же низком уровне, при котором он только мог бы прожить... Его заработная плата и жилище не стоят ни в каком соответствии с той прибылью, какую должны извлечь из него. Он — круглый нуль в расчетах фермера¹⁵²... Средства его существования всегда рассматриваются как величина постоянная»¹⁵³. «Что касается дальнейшего сокращения его дохода, то он может сказать: *nihil habeo, nihil ergo* [ничего не имею, ни о чем не забочусь]. Он не боится за будущее, потому что у него нет ничего, кроме абсолютно необходимого для его существования. Он достиг точки замерзания, и все расчеты фермера исходят из этого факта. Будь что будет, счастье или несчастье его не касается»¹⁵⁴.

В 1863 г. было предпринято официальное исследование условий питания и работы преступников, приговоренных к ссылке в уголовную колонию и к принудительным общественным работам. Результаты его напечатаны в двух толстых Синих книгах. «Тщательное сравнение, — говорится там между прочим, — пищи английских преступников, заключенных в тюрьмы, с пищей пауперов в рабочих домах и свободных сельских рабочих

¹⁵⁰ «Census etc.», vol. III, p. 36.

¹⁵¹ Rogers, A History of Agriculture and Prices in England. Oxford 1866, vol. I, p. 693, 10. Роджерс принадлежит к либеральной школе, а личный друг Кобдена и Брайта, следовательно, отнюдь не *laudator temporis acti* [не из числа прославляющих доброе старое время].

¹⁵² «Public Health. 7-th Report. London 1865», p. 242. Поэтому нет ничего необычного в том, что или домовладелец повышает квартирную плату, или он услышит, что рабочий стал зарабатывать несколько больше, или фермер понижает плату рабочему на том основании, что «его жена нашла другую работу» (там же).

¹⁵³ Там же, p. 135.

¹⁵⁴ Там же, p. 134.

они же страды, неоспоримо доказывает, что первые питаются много лучше, чем какая бы то ни было из двух остальных категорий»¹⁵⁵, а «количество работы, которое требуется от присужденных к принудительным общественным работам, составляет приблизительно половину того, что выполняет обыкновенный сельский рабочий»¹⁵⁶. Вот некоторые характерные свидетельства. John Smith, директор эдинбургской тюрьмы, показывает — № 5056: «Пища в английских тюрьмах много лучше, чем пища обыкновенных сельских рабочих». № 5075: «Факт, что обыкновенные земледельческие рабочие Шотландии очень редко получают какое-либо мясо». № 3047: «Не знаете ли вы каких-либо оснований в пользу того, что преступником необходимо кормить много лучше (much better), чем обыкновенных сельских рабочих? Конечно нет». № 3048: «Не считаете ли вы целесообразным производить дальнейшие эксперименты для того, чтобы пищу арестантов, присужденных к принудительным работам, приблизить к пище свободных сельских рабочих?»¹⁵⁷ «Сельский рабочий, — говорится там, — мог бы сказать: Я несу суровый труд и не могу получить достаточного количества пищи. Когда я был в тюрьме, работа была не так тяжела, а питался я хорошо, и потому мне лучше быть в тюрьме, чем на воле»¹⁵⁸. Из таблиц, приложенных к первому тому отчета, составлена следующая сравнительная таблица.

Недельное количество пищи^{158а}

	Азотистые сост. части	Безазотист. сост. части	Минералы, сост. части	Общая сумма
Преступника в портландской тюрьме . . .	Унций 28,95	Унций 150,06	Унций 4,68	Унций 183,69
Матроса королевского флота	29,63	152,91	4,52	187,06
Солдата	25,55	114,49	3,91	143,98
Каретника (рабочего)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика	21,24	100,88	3,12	125,19
Сельского рабочего	17,73	118,06	3,29	139,08

Общий результат исследования медицинской комиссии 1863 г. о состоянии питания тех классов народа, которые питаются хуже, уже известен читателю. Он помнит, что питание большей части семейств сельских рабочих стоит ниже той минимальной меры, которая необходима «для предотвращения болезни от голода». Так обстоит дело в особенности во всех чисто земледель-

¹⁵⁵ «Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude, London 1863», p. 42, 50.

¹⁵⁶ Там же, p. 77. Memorandum by the Lord Chief Justice.

¹⁵⁷ Там же, vol. II, Evidence.

¹⁵⁸ Там же, vol. I, Appendix, p. 280.

^{158а} Там же, p. 274, 275.

ческих округах: Cornwall, Devon, Somerset, Wilts, Stafford, Oxford, North и Herts.

«Количество пищи, которое получает сельский рабочий, — говорит Dr. Simon, — больше, чем можно судить по средней величине, так как сельский рабочий получает много больше, чем остальные члены его семьи, частью средств существования, потому что это необходимо ввиду его труда; и более бедных округах на его долю приходится почти все мясо или сало. То количество пищи, которое достается на долю жены, а также детей в период их быстрого роста, во многих случаях и почти во всех графствах недостаточно, в особенности по содержанию азота»¹⁵⁹.

Ватраки и работницы, квартирующие у самих фермеров, питаются хорошо. Число их с 288 277 в 1851 г. понизилось до 204 962 в 1861 г. «Труд женщин в поле, — говорит Dr. Simon, — какими бы вредными последствиями вообще ни сопровождался он, при данных условиях представляет большую выгоду для семейства, потому что он дает средства на обувь, одежду, плату за наем жилища и таким образом дает возможность лучше питаться»¹⁶⁰. Одним из замечательнейших результатов этого исследования было раскрытие того факта, что сельский рабочий Англии питается хуже, чем сельский рабочий в других частях Соединенного королевства («is considerably the worst fed»); это показывает следующая таблица¹⁶¹.

Недельное потребление углерода и азота в среднем выводе на одного сельского рабочего.

	Углерода	Азота
Англия	40 678 грам	1 591 грам
Уэльс	48 354 »	2 031 »
Шотландия	48 980 »	2 848 »
Ирландия	43 366 »	2 439 »

¹⁵⁹ «Public Health. 6-th Report 1863», p. 238, 249, 261, 262.

¹⁶⁰ Там же, p. 262.

¹⁶¹ Там же, p. 17. Английский сельский рабочий получает лишь 1/3 того количества молока и лишь 1/2 того количества хлеба, какое получают ирландский сельский рабочий. Уже в начале XIX столетия А. Юнг в своей «Tour through Ireleand» отметил, что условия питания ирландского рабочего лучше, чем богатый английский фермер. Что касается Уэльса, то приведенные в тексте данные не относятся к его юго-западной части. «Все те мощные врачи единогласно признают, что интенсивное возрастание смертности от туберкулеза, золотухи и т. д. связано с ухудшением физического состояния населения, и все приписывают это ухудшение бедности. Дневное содержание рабочего определяется там в 5 п., во многих случаях фермер (который и сам бедствует) платит еще меньше. Кусок солонины, полужесткий до твердости красного дерева и едва ли окупающий тяжелый процесс пищеварения, или кусок сала служат приправой к большому количеству похлебки из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет

«Каждая страница отчета Dr. Hunter'a, — говорит Dr. Simon в своем официальном санитарном отчете, — свидетельствует о недостаточном количестве и жалком качестве жилищ наших сельских рабочих. И вот уже много лет, как их состояние в этом отношении прогрессивно все ухудшается. Теперь для сельских рабочих много труднее найти жилое помещение, а если и удастся найти, то эти помещения несравненно менее соответствуют их потребностям, чем то было в течение, пожалуй, нескольких столетий. И особенности быстро возрастает это зло за последние 30 или 20 лет, и жилищные условия сельского жителя в настоящее время в высшей степени печальные. Он совершенно беспомощен в этом отношении, если только того обогащает его труд, не сочтут стоящим делом обращаться с ним с известного рода сострадательной снисходительностью. Найдет ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно жилым помещением для человека или для свиней, окажется ли при нем маленький садик, который так облегчает гнет бедности, — все это зависит

только от обед сельского рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканное сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более дорогие напитки — «номинальным» чаем... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, составленных из глины и отбросов каменного угля и дающих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса расстрепанной, ничем не скрепленной соломы. Всякая цель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто вынужденный просушивать на своем теле свою единственную одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязном земляном полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробурывать отверстие в стене, чтобы хоть немного передохнуть свежим воздухом. Многочисленные свидетели с разнообразным общественным положением показывают, что недостаточно питающийся (underfed) крестьянин каждую ночь подвергается этим и другим вредным для здоровья влияниям, и нет недостатка в доказательствах того, что результат этого — слабое и золотушное население... Сообщение приходских служащих в Caermarthenshire'е и Cardiganshire'е убедительно свидетельствует о таком же положении вещей. К этому присоединяется еще большее зло — распространение идиотизма. Теперь несколько слов о климатических условиях. Сильные юго-западные ветры пронизывают всю страну в течение 8 — 9 месяцев в году, им сопутствуют проливные дожди, которые раздражаются в особенности на западных склонах холмов. Деревья редки, встречаются лишь в закрытых местах; оставаясь незащищенными, они уничтожаются ветром. Хижины ютятся под какой-нибудь горной террасой, часто в выемке или каменоломне, только старые мелкие овцы и туземный рогатый скот могут жить на этих пастбищах... Молодые люди уходят в восточные горнопромышленные округа Carmorgan и Monmouth... Caermarthenshire — рассадник рудокопов и их шпильчатый дом... Население лишь с трудом удерживает неизменную численность. Так, в Cardiganshire'е числилось:

	1851 г.	1861 г.
Мужского пола	45 155	44 446
Женского »	52 459	52 955
	97 614	97 401

(Dr. Hunters Report в «Public Health. 7-th Report 1864, London 1865», p. 498—502, passim).

не от его готовности или способности платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать «из своего права располагать своей собственностью как им вздумается». Как бы велик ни был арендный участок, нет такого закона, который предписывал бы, чтобы на нем было определенное количество жилых помещений для рабочих, — о приличных жилищах нечего и говорить; закон не предоставляет также рабочему никакого права на ту землю, для которой его труд столь же необходим, как дождь и солнечный свет... Еще одно дополнительное обстоятельство бросает на чашку весов тяжелый груз против него... Это влияние закона о бедных с его постановлениями о праве жительства и наложения в пользу бедных¹⁶². Под его влиянием каждый приход денежно заинтересован в том, чтобы свести к минимуму число живущих в нем сельских рабочих, потому что сельскохозяйственный труд, вместо того, чтобы гарантировать трудящемуся в поте лица сельскому рабочему и его семейству верную и постоянную независимость, к несчастью, в большинстве случаев более или менее окольным путем ведет его к пауперизму, — пауперизму, к которому на всем протяжении пути рабочий настолько близок, что всякая болезнь или хотя бы проходящий недостаток работы заставляет его тотчас же обращаться к помощи прихода; и потому расселение сельскохозяйственных рабочих в известном приходе очевидно, каждый раз знаменует увеличение для него налога в пользу бедных... Стоит лишь крупным земельным собственникам¹⁶³ репнуть, что в их владениях не должно быть низких жилищ для рабочих, — и они немедленно освобождаются от половины своей ответственности за бедных. Несмотря на то, сколько в намерения английской конституции и законов входило утонченное влияние такого рода безусловной земельной собственности, которая дает возможность лорду возможность «делать с своей собственностью, что он хочет», и относиться к возделывателям земли как к чужестранцам и стонать их со своей территории, это — вопрос, обсуждение которого не входит в задачу настоящего отчета... Эта власть изгонять — не одна только теория. Она осуществляется на практике в самом крупном масштабе. Это — одно из обстоятельств, вызывающих решающее влияние на жилищные условия сельского рабочего. О размерах зла можно судить по последней переписи, которая показала, что в последние 10 лет, несмотря на увеличение местного спроса на дома, расселение последних прогрессировало в 821 различных округах Англии; таким образом в 1861 г. население, увеличившееся по сравнению с 1851 г. на 5 $\frac{1}{3}$ %, было втиснуто в помещения, уменьшившиеся на 4 $\frac{1}{2}$ %, — мы при этом совсем оставляем в стороне лиц, которые вынуждены утратить оседлость в тех приходах, где они работают... Когда процесс обожествления деревни (show-village), где число коттеджей сокращено до незначительного количества и где никому не разрешается жить кроме пастухов овец, дощечников и сторожей дичи, — этой постоянной челяди, которая пользуется

¹⁶² В 1865 г. этот закон несколько улучшен. Опыт скоро показывает, что подобного рода штопанье нисколько не помогает.

¹⁶³ К уразумению последующего: close villages (закрытыми деревнями) называются такие, земельными собственниками которых являются один или два крупных лэндлорда; open villages (открытыми деревнями) — те, где большинство домов принадлежит многим мелким собственникам. Как раз в подобных местах и могут строительные спекулянты возводить коттеджи и небольшие дома.

хорошим отношением милостивых господ, обычным для этого класса¹⁶⁴. Но земля нуждается в возделывании, и мы видим, что рабочие, занятые этим, живут не у земельного собственника, а приходят из открытой деревни, находясь на расстоянии, быть может, трех миль, из деревни, в которую их принесли многочисленные мелкие домовладельцы после того, как коттеджи рабочих в закрытых деревнях были разрушены. Там, где все направлено к достижению этого результата, коттеджи своим жалким видом обыкновенно говорят о судьбе, на которую они обречены. Они находятся на различных ступенях естественного разрушения. Пока кровля держится, рабочему позволяют платить квартирную плату, и часто ему приходится радоваться, что ему это позволяют, хотя бы он был вынужден платить такую цену, как за хорошее жилое помещение. Но при этом никакого ремонта, никаких починок, кроме тех, которые сумеет сделать сам нищенски бедный жилец. Когда же дом, наконец, делается совершенно непригодным для жилья, то это означает лишь, что одним разрушенным коттеджем стало больше, а налог в пользу бедных будет соответственно меньше. В то время как крупные собственники таким образом сбрасывают с себя налог в пользу бедных, удаляя население с прилегающей им земли, ближайшие городки или открытые местечки принимают выброшенных рабочих; ближайшие, говорю я, но эти «ближайшие» могут лежать в 3—4 милях от фермы, на которой рабочий должен ежедневно работать. Таким образом к его дневному труду, как будто это — сущий пустяк, присоединяется еще необходимость ежедневного прохода в 6—8 миль для того, чтобы заработать свой хлеб насущный. Все сельские работы, производимые его женой и детьми, происходят теперь при таких же тяжелых условиях. Но и это еще не все зло, причиняемое отдаленностью от мест работы. В открытых местах строительные спекулянты скупают клочки земли, которые они стараются как можно теснее покрыть самыми дешевыми, насколько возможно, лачугами. И в этих-то жалких жилищах, которые, если даже они выходят в открытое поле, характеризуются отвратительнейшими чертами худших городских жилищ, ютятся сельскохозяйственные рабочие Англии...¹⁶⁵ С другой стороны, отнюдь не следует думать, будто даже ра-

¹⁶⁴ Такая показная деревня имеет очень привлекательный вид, но она так же переальна, как деревни, которые созерцала Екатерина II во время своего путешествия в Крым. В последнее время и пастух овец нередко изгоняется из этих show-villages. Напр., близ Market-Harborough находится пастбище для овец, занимающее почти 500 акров; здесь требуется труд всего одного человека. Для сокращения длинных переходов через эти обширные равнины, прекрасные пастбища Лейстера и Нортгемптона, пастуху обыкновенно предоставляли коттедж на ферме. Теперь ему дают тринадцатый номерик на квартиру, которую ему приходится отыскивать в какой-нибудь отдаленной открытой деревне.

¹⁶⁵ «Дома рабочих (в открытых местечках, которые, конечно, всегда перенаселены) обыкновенно построены рядами, задворками к крайней черте того клочка земли, который строительный спекулянт называет своим. Поэтому свет и воздух может проникать к ним только со стороны фасада» (The Hunter's Report в «Public Health. 7-th Report 1864. London [1865], p. 135). Очень часто владелец пивной или лавочник в селе занимается также и сдачей домов. В таких случаях наряду с фермером он является владельцем господином для сельского рабочего. Последний должен в то же время все забирать у него. «Получая 10 ш. в неделю, минус 4 ф. ст. квартирной платы в год, он обязан покупать определенное количество чая, сахара, муки, мыла, свечей и пива по ценам, которые заблагорассудится назначить лавочнику» (там же, p. 132). Эти открытые деревни действительно

бочий, обитающий на возделываемой им земле, находит там жилище, которого заслуживает его жизнь, полная производительного труда. Даже в княжеских владениях коттеджи рабочих часто находятся в самом жалком виде. Существуют лэндлорды, которые полагают, что и конюшня будет достаточно хороша для их рабочих с семьями, и которые, однако, не пытаются выколачивать как можно больше денег за сдачу таких помещений¹⁶⁶. Пусть это будет совершенно развалившаяся хижина с одной каморкой для спальни, без очага, без отхожего места, с неоткрывающимися окнами, без водоснабжения, если не считать какого-нибудь рва, без сада, — рабочий ничего не может поделать с таким безобразием. А наши санитарно-полицейские законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Применение их возложено на тех самых собственников, которые сдают в наем такие берлоги. Не следует допускать, чтобы нас ослепляли более светлые картины, заключающиеся в исключениях, и закрывали от нас факты, которые представляют поворное пятно английской цивилизации. Действительно, ужасным должно быть положение вещей, если, несмотря на очевидную чудовищность теперешних жилищ, компетентные наблюдатели единогласно приходят к тому окончательному выводу, что даже повсеместно отвратительное состояние жилых помещений является бесконечно менее тяжелым злом, чем чисто материальный недостаток жилищ. Вот уже много лет, как переполнение жилищ сельских рабочих составляет предмет глубокой скорби не только для людей, которые заботятся о здоровье, но и для всех вообще, кто ценит приличную и нравственную жизнь. В самом деле, в совершенно однообразных, превратившихся в стереотипные, выражениях авторы отчетов о распространении

представляют «исправительные колонии» английского земледельческого пролетариата. Многие из коттеджей являются настоящими ночлежными домами, через которые проходит весь бродячий окрестный сброд. Живут здесь отец и его семейство, которые часто поистине поразительно сохраняют чистоту и честность характера среди отвратительнейших условий, другие неизбежно погибают. Среди знатных Шейлоков вошло в моду фарисейски пожимать плечами по адресу строительных спекулянтов, мелких собственников и открытых местечек. Разумеется, им превосходно известно, что не «закрытые деревни и покосные деревни» — родина «открытых деревень», не могли бы существовать без последних. «Без мелких собственников и открытых селений большей части сельских рабочих пришлось бы спать под деревьями тех имений, в которых они работают» (там же, р. 135). Считая «открытым» и «закрытым» деревень господствует во всей средней и во всей восточной Англии.

¹⁶⁶ «Лицо, сдающее дом (фермер или лэндлорд), прямо или косвенно обогащается трудом человека, которому он платит 10 ш. в неделю, и потом опять отнимает у этого бедняка 4 или 5 ф. ст. годовой квартирной платы за дома, которые при продаже на открытом рынке не стоят и 10 ф. ст., но которые удерживают свою искусственную цену лишь потому, что собственнику принадлежит власть сказать: «Бери мой дом или убирайся со своими пожитками и попробуй без всякого аттестата от меня найти себе другое пристанище». Если человек хочет улучшить свое положение и отправляется на железную дорогу укладывать рельсы или в каменоломню, та же самая власть ни на шаг не отстает от него: «Убирайся на меня за такую низкую плату или же убирайся после предупреждения за неделю; забирай свою свинью, если у тебя таковая имеется, и потом посмотри, что выручишь ты от картофеля, который растет в твоем огороде». Если же интерес диктует собственнику другие меры, то он (или фермер) часто предпочитает в таких случаях просто повысить квартирную плату, что послужит впоследствии карой рабочему за уход с места» (H a n t e r, там же, р. 132.)

эпидемических болезней в сельских округах снова и снова указывают на неисполнение домов как на причину, которая совершенно разрушает все попытки задержать развитие раз появившейся эпидемии. Снова и снова отмечается также то обстоятельство, что, вопреки благоприятному во многих отношениях влиянию деревенской жизни на здоровье, скученность населения, так сильно ускоряющая распространение заразных болезней, содействует возникновению и незаразных болезней. И лица, раскрывшие подобное положение, не умалчивают и о дальнейших бедствиях. Даже в тех случаях, когда их первоначальной темой была исключительно гигиена, они почти вынужденно сфокусировались еще с одной стороны предмета. Указывая на то, насколько часто случается, что взрослые люди обоего пола, женатые и неженатые, скучены (huddled) в тесных спальнях, их отчеты должны были приводить к убеждению, что при описанных обстоятельствах чувство стыда и приличия нарушается самым грубым образом, и что нравственность разрушается почти неизбежно¹⁶⁷. Напр., в приложении к моему последнему отчету Dr. Ord в своем докладе о вспышке лихорадки в Wing'e и Buckinghamshir'e упоминает о том, как туда проехал из Wingrave'a один молодой человек, больной лихорадкой. В первые дни своей болезни он спал в одной комнате с 9 другими лицами. В течение двух недель некоторые из них тоже заболели, в несколько недель заболело лихорадкой 5 из 9 человек, и один умер! В то же время Mr. Harvey, врач госпиталя St. George, посещавший Wing во время эпидемии по случаю своей частной практики, делает однородное сообщение: «Одна молодая женщина, больная лихорадкой, по ночам спала в одной и той же комнате с отцом, матерью, своим внебрачным ребенком, двумя молодыми людьми, ее братьями, и с двумя сестрами, у каждой из которых было по внебрачному ребенку, итого 10 человек. Несколькими неделями раньше в той же комнате спало 13 детей»¹⁶⁸.

Dr. Hunter исследовал 5375 коттеджей сельских рабочих не только в чисто земледельческих округах, но и во всех графствах Англии. Из числа этих 5375 коттеджей в 2195 было только по одной спальне (часто это одновременно и жилая комната), в 2930 только по две и в 250 более двух. И привожу здесь краткую выборку из описания положения в дюжине графств.

1) Bedfordshire.

Wrestlingworth: Спальни около 12 футов длины и 10 футов ширины, а многие меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто разделяется

¹⁶⁷ «Новобрачная чета не представляет ничего назидательного для взрослых братьев и сестер, которые спят в той же комнате; и хотя эти примеры не могут быть зарегистрированы, однако имеются достаточные данные, подтверждающие утверждение, что большие страдания и часто смерть выводит на долю женщин, совершивших преступление кровосмешения» (Dr. Hunter, там же, p. 137). Один сельский полицейский чиновник, говоривший в течение многих лет был сыщиком в худших частях Лондона... Он говорил следующее о девушках своей деревни: «Такой грубой безнравственностью с раннего возраста, такой распушенности и бесстыдства я никогда не видел во всю мою полицейскую жизнь в наихудших частях Лондона... Они «опушут, как свиньи, взрослые парни и девушки, матери и отцы, — все спят вместе в одной и той же комнате» («Children's Employment Commission. 6-th Report. London 1867», Appendix, p. 77, n. 155).

¹⁶⁸ «Public Health. 7-th Report 1867», p. 9 — 14 passim

досчатой переборкой на две спальни, одна кровать часто помещается в кухне 5 футов 6 дюймов вышины. Наемная плата 3 ф. ст. Жильцы должны сами строить для себя отхожие места, собственник дома дает только яму. Часто бывает так, что едва лишь один построит отхожее место, последним начинают пользоваться все соседи. Дом, обитаемый одной семьей по имени Richardson, недосыгаемой красоты. «Его известковые стены топорщатся, как дамское платье при реверансе. Одна часть кровли выпуклая, другая вогнутая, и на последней стояла, к несчастью, дымовая труба, — кривая труба из глины и дерева, напоминающая хобот слона. Длинная жердь служит подпоркой, чтобы труба не упала, дверь и окна ромбической формы». Из 17 осмотренных домов только в 4 более чем по одной спальне, и эти четыре дома переполнены. В одном из домов с одной спальней помещалось 11 взрослых и 3 детей, в другом супружеская чета и 6 детей и т. д.

Dunton: Высокая квартирная плата, от 4 до 5 ф. ст., недельная плата мужчин 10 ш. Они надеются покрывать квартирную плату выручкой от плетения из соломы, которым занимается семья. Чем выше квартирная плата, тем большее число лиц должно жаться в одном помещении, чтобы уплачивать ее. Шесть взрослых, которые спят в одной комнате с 4 детьми, платят за нее 3 ф. ст. 10 ш. Самый дешевый дом в Dunton по наружной стороне 15 футов длины, 10 футов ширины, сдается за 3 ф. ст. Только в одном из 14 обследованных домов было две спальни. Несколько впереди деревни дом, снаружи загаженный жильцами, нижние 5 дюймов двери исчезли, так как они совершенно сгнили, дверь — просто отверстие, которое по вечерам остроумно прикрывается изнутри несколькими приваленными кирпичами и завешивается цыновкой. Полонные окна, и стекло, и рама, бесследно погибла. Здесь без мебели жились 3 взрослых и пять детей. Dunton не хуже, чем остальная часть Biggleswade Union.

2) Berkshire.

Wenham: В июне 1864 г. в одном соф (одноэтажном коттедже) жили муж, жена, 4 детей. Одна дочь пришла с своего места домой болящей скарлатиной. Она умерла. Один ребенок заболел и умер. Мать и один ребенок были больны тифом, когда к ним был приглашен Dr. Hunter. Отец и один ребенок спали во дворе, но насколько трудно было обеспечить здесь изоляцию, видно уже из того, что на битком набитом рынке несчастной деревни лежала в ожидании стирки белье из зараженного дома. Квартирная плата дома Н. 1 ш. в неделю; единственная спальня для супружеской четы и 6 детей. Один дом сдается за 8 п. (в неделю), 14 футов 6 дюймов длины, 7 футов ширины, кухня 6 футов вышины; спальня без окна, очага, дверей, без всякого отверстия, кроме выхода, никакого садика. Недавно здесь жил один человек с двумя взрослыми дочерьми и одним взрослым сыном; отец и сын спали на кровати, дочери на крыльце. Пока семейство жило здесь, каждая из них родила по ребенку, но одна отправилась в рабочий дом, чтобы родить, и потом возвратилась домой.

3) Buckinghamshire.

В 30 коттеджах — на 1000 акров земли — живет здесь приблизительно 130 — 140 человек. Приход Bradenham занимает 1000 акров; в 1861 г.

в нем было 36 домов с населением из 84 мужчин и 54 женщин. Это несоответствие в количестве лиц обоего пола смягчилось в 1861 г., когда насчитывалось 98 человек мужского и 87 женского пола; в течение 10 лет появилось 14 мужчин и 33 женщины. В то же время число домов уменьшилось на один.

Winslow: Значительная часть его перестроена заново в хорошем стиле; сирок на дома, повидимому, значительный, потому что очень жалкие одноэтажные коттеджи сдаются по 1 ш. и 1 ш. 3 п. в неделю.

Water Eaton: Здесь собственники ввиду роста населения сломали около 20% существовавших домов. Один бедный рабочий, вынужденный ходить на работу почти за 4 мили, на вопрос, неужели он не мог бы найти коттедж поближе, ответил: «Нет, они очень поостереглись бы принять человека с таким большим семейством, как мое».

Tinker's End, близ Winslow: Одна спальня, в которой помещается 4 взрослых и 4 детей, 11 футов длины, 9 футов ширины, 6 футов 5 дюймов вышины в самом высоком пункте; в другой, 11 футов 3 дюйма длины, 9 футов ширины, 5 футов 10 дюймов вышины, помещается 6 человек. На каждое из этих семейств приходится меньше пространства, чем на одного каторжника. Ни в одном доме нет больше одной спальни, ни в одном нет черного хода, водой они снабжены в очень редких случаях. Квартирная плата от 1 ш. 2 п. до 2 ш. в неделю. Из жильцов обследованных 16 домов только один единственный человек зарабатывает 10 ш. в неделю. Количество воздуха, приходящееся в упомянутом случае на каждого человека, соответствует тому, что досталось бы на долю каждого, если бы на ночь он был заперт в ящик по 4 фута по всем трем измерениям. Конечно, старые хижины в изобилии снабжены естественной вентиляцией.

4) Cambridgeshire.

Gamblingay принадлежит различным собственникам. Он состоит из таких жалких cottages, какие только где-либо можно встретить. Многие занимаются плетением из соломы. Смертельная усталость, безнадежное примирение с жизнью в грязи господствует в Gamblingay. Заброшенность, заметная и в центре, превращается в настоящую пытку на окраинах, на севере и юге, где дома постепенно разваливаются. Отсутствующие лэндлорды изобильно высасывают соки из бедного гнезда. Квартирная плата очень высокая; в одну спальную комнату набивается 8—9 человек; в двух случаях в маленькой спальне помещается по 6 взрослых, каждый с одним или двумя детьми.

5) Essex.

Во многих приходах этого графства уменьшение числа коттеджей идет рука об руку с уменьшением населения. Однако не менее чем в 22 приходах разрушение домов не задержало роста населения или не вызвало его изгнания, которое происходит повсеместно под названием: «передвижение в города». В Ringinghoe, приходе, занимающем 3443 акра, в 1851 г. было 145 домов, в 1861 г. уже только 110, но население не хотело уходить и не оставилось перед тем, чтобы даже при этих жилищных условиях увеличиваться. В Ramsden Crags в 1851 г. 252 человека жили в 61 доме, а в 1861 г. 262 человека теснилось уже в 49 домах. В Basilden в 1851 г. на 1827

акрах жило 157 человек в 35 домах, в конце этого десятилетия — 111 человек в 27 домах. В приходах Fingringhoe, South Farnbridge, Wainford, Basilden и Ramsden Stags в 1851 г. на пространстве в 8449 акров жило 1239 человек в 316 домах, в 1861 г. на той же площади — 1111 человека в 249 домах.

6) Herefordshire.

Это маленькое графство больше всякого другого в Англии пострадало от «духа изгнания». В Nadby переполненные коттеджи, обыкновенно с 2 спальнями, по большей части принадлежат фермерам. Последние платят за них по 3 или за 4 ф. ст. в год и платят заработную плату в 10 ф. ст. в неделю!

7) Huntingdonshire.

В Hartford'e в 1851 г. было 87 домов, вскоре после того в этом маленьком приходе, пространством в 1720 акров, было разрушено 10 коттеджей; число жителей составляло: в 1831 г. 452 человека, в 1842 г. 332 человека, в 1861 г. 341 человек. Обследованы 14 cots, с одной спальней в каждом. В одном из них живут: одна супружеская чета, 3 взрослых сына, одна взрослая девушка, 4 детей, итого 10; в другом — 3 взрослых и 10 детей. Одна из этих комнат, в которой спало 8 человек, 12 футов 10 дюймов длины, 12 футов 2 дюйма ширины, 6 футов 9 дюймов вышины; средним числом, не вычитая пространства выступов, на каждого приходилось около 130 куб. футов. В 14 спальнях 34 взрослых и 33 детей. Около этих коттеджей редко имеются садики, но жильцам предоставляется арендовать маленькие клочки земли по 10 или 12 ш. за год ($\frac{1}{4}$ акра). Эти участки расположены далеко от домов; при последних нет отхожих мест. Членам семьи приходится или отправляться на свою парцеллу и там испражняться, или, — как это, с позволения сказать, делается здесь, — наполнять ими выдвигной ящик шкафа. Когда он полон, его выдвигают и опоражнивают там, где требуется, его содержимое. В Японии круговорот жизни совершается опрятнее.

8) Lincolnshire.

Langtoft: Один человек живет здесь в доме Wright'a со своей женой, ее матерью и 5 детьми; в доме кухня-передняя, чулан, спальня над кухней, кухня и спальня 12 футов 2 дюйма длины, 9 футов 5 дюймов ширины, и площадь под домом 21 фут 2 дюйма длины, 9 футов 5 дюймов ширины. Спальня — чердачное помещение, стены подобно голове сахара суживаются к потолку, с фасада открывается слуховое окно. Из-за чего живет он в Langtoft? Нет, он чрезвычайно маленький. Квартирная плата? Тоже нет. Она высокая, 1 ш. 3 п. в неделю. Близость к месту работы? Нет, на расстоянии 6 миль, так что ежедневно ему приходится делать по 12 миль туда и обратно. Он живет здесь потому, что этот cot сдавался, а он хотел найти cot-особняк, где бы то ни было, по какой бы то ни было цене, в каком бы то ни было состоянии. Следующая таблица — статистические данные о 12 домах в Langtoft'e с 12 спальнями. 38 взрослых людьми и 36 детьми:

12 домов в Langtoft'e.

Дом	Спальни	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов	Дом	Спальни	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов
№ 1	1	3	5	8	№ 7	1	3	3	6
» 2	1	4	3	7	» 8	1	3	2	5
» 8	1	4	4	8	» 9	1	2	—	2
» 4	1	5	4	9	» 10	1	2	3	5
» 5	1	2	2	4	» 11	1	3	3	6
» 6	1	5	3	8	» 12	1	2	4	6

9) Kent.

Kennington был крайне переполнен в 1859 г.; когда появился дифтерит, и приходский врач произвел официальное обследование положения более бедного класса населения. Он открыл, что в этой местности, где требуется большое количество труда, несколько cots разрушено, а новые вместо них не построены. В одном участке было 4 дома, так называемые birdcages (птичьи клетки); в каждом было по 4 комнаты следующих размеров в футах и дюймах:

кухня	9,5	×	8,11	×	6,6
чулан	8,6	×	4,6	×	6,6
спальня	8,5	×	5,10	×	6,3
спальня	8,3	×	8,4	×	6,3

10) Northamptonshire.

Brinworth, Pickford и Floor'e: в этих деревнях зимой бродят по улицам 20 — 30 рабочих, которые не находят работы. Фермеры не всегда достаточно обрабатывали землю под хлеб и свекловицу, и лэндлорд нашел целесообразным соединить все сдаваемые в аренду участки в два или три. Отсюда недостаток работы. Во время, как по одну сторону рва поля требуют обработки, с другой стороны лишённые работы рабочие бросают на них жадные взгляды. Нисколько не удивительно, что истощенные лихорадочным чрезмерным трудом летом и полуголодные зимой рабочие говорят на своем своеобразном диалекте, что «the parson and gentlefolks seem frit to death at Floor'e»^{168a}.

В Floor'e — примеры, когда супружеская чета с 4, 5, 6 детьми помещается в спальне самых малых размеров, или 3 взрослых с 5 детьми, или супружеская чета с дедом и 6 детьми, большими скарлатиной, и т. д., в 2 домах с 2 спальнями 2 семьи, каждая из 8 и 9 взрослых.

^{168a} «Поп и дворянин как будто составили заговор замучить их до-смер-
ти».

11) Wiltshire.

Stratton: Обследованы 31 дом, из них 8 каждый только с одной спальней. Pentill в том же приходе: один сот сдается за 1 ш. 3 п. в неделю, живут в нем 4 взрослых и 4 детей; кроме хороших стен в нем ничего нет хорошего, начиная с пола из плохо отесанных камней и кончая гнилой соломенной крышей.

12) Worcestershire.

Разрушение домов не имело здесь такого жестокого характера, однако с 1851 по 1861 г. количество жильцов на дом увеличилось с 4,2 до 4,6.

Badsey: Здесь много домов и садилов. Некоторые фермеры заявляют, что «cots a great nuisance here, because they bring the poor» [«cots — большое зло, потому что они привлекают бедных»]. Один джентльмен заявляет: «Бедные от этого нисколько не выигрывают; если построить 500 сот, их раскватают так же быстро, как булки; в самом деле, чем больше их строят, тем больше их требуется», — следовательно, по его мнению, дома производят жильцов, которые, разумеется, дают на «средства расквартирования». В ответ на это Dr. Hunter заявляет: «Но ведь должны же эти бедные откуда-нибудь взяться, а так как в Badsey нет ничего такого, что особенно привлекало бы их сюда, как, напр., благотворительность, то из этого следует, что сюда гонит их отталкивание из какого-нибудь еще более неудобного места. Если бы каждый мог найти близ места своей работы сот и клочок земли, то, несомненно, он оказал бы этому месту предпочтение перед Badsey, в котором он платит за свой клочок земли вдвое дороже, чем фермер».

Постоянная эмиграция в города, постоянное создание «избыточного» населения в деревне, благодаря централизации ферм, превращению полей в выгоны, применению машин и т. д. и постоянное изгнание сельского населения вследствие разрушения коттеджей идут рука об руку. Чем резже население данного округа, тем больше в нем «относительное перенаселение», тем больше его давление на средства заработка, тем больше относительный избыток сельского населения над средствами расквартирования, и, следовательно, тем больше в деревнях местное перенаселение и грозящая постоянной заразой скученность людей. Скученность масс людей в разбросанных мелких деревнях и местечках соответствует насильственному разрежанию населения на поверхности страны. Непрерывное превращение сельских рабочих в «избыточных», несмотря на уменьшение их числа, сопровождающееся увеличением массы их продукта, является колыбелью пауперизма. Пауперизм, жертвой которого они становятся при всякой случайности, служит мотивом их изгнания и является главным источником их жилищной нужды, которая окончательно сламывает их способность к сопротивлению и делает их настоящими рабами землевладельцев¹⁶⁹ и фермеров, так что минимум заработной платы становится для них естественным законом.

¹⁶⁹ «Исконное занятие hind'a (земледельческого батрака) придает достоинство даже его положению. Он не раб, но солдат мира, и достоин того, чтобы лэндлорд обеспечил его помещением, подобающим женатому человеку, так как лэндлорд требует от него такого же принудительного труда,

С другой стороны, несмотря на свое постоянное «относительное перенаселение», деревня в то же время и недостаточно населена. Это обнаруживается не только как местное явление, в таких пунктах, из которых население слишком быстро отливает к городам, рудникам, железнодорожным постройкам и т. д., — это обнаруживается повсюду как во время жатвы, так и весной и летом, в те многочисленные моменты, когда очень тщательное и интенсивное английское земледелие нуждается в добавочных руках. Сельских рабочих всегда оказывается слишком много для средних и слишком мало для исключительных или временных потребностей земледелия¹⁷⁰. Поэтому мы видим, что в официальных документах регистрируются противоречивые жалобы из одних и тех же местностей на одновременный и недостаток труда и избыток труда. Временный или местный недостаток рабочих не вызывает повышения заработной платы, но приводит лишь к тому, что к земледелию принуждаются женщины и дети, и возраст рабочих все понижается. Когда эксплуатация женщин и детей принимает крупные размеры, она в свою очередь становится новым средством превращения взрослых сельских рабочих-мужчин в избыточных рабочих и средством понижения их заработной платы. На востоке Англии процветает прекрасный плод этого пагубного кругообращения — так называемая система артелей или банд, о которой и скажу здесь несколько слов¹⁷¹.

как страна от солдата. Он, как и солдат, не получает рыночной цены за свою работу. Подобно солдату, его берут молодым, невежественным, знакомым только с своим ремеслом и своей местностью. Ранние браки и действие различных законов об оседлости для него то же, что набор и военно-уголовное уложение для солдата» (Dr. Hunt в «Public Health, 7-th Report 1864. London 1865», p. 132). Иногда какой-нибудь исключительно мягкосердечный лэндлорд охватывается печалью перед опустошением, которое создано им самим. «Очень печальная вещь быть одному в своих владениях, — говорит граф Лейстерский, когда его поздравляли с окончанием постройки Hooikham 'a. — Я оглядываюсь кругом и не вижу ни одного дома, кроме своего собственного. Я — исполн башни великанов и пожрал всех своих соседей».

¹⁷⁰ Подобное явление наблюдается в последние десятилетия и во Франции по мере того как капиталистическое производство овладевает земледелием и гонит «избыточное» сельское население в города. Равно как наблюдается и ухудшение жилищных и прочих условий у самого источника образования «избыточных». О своеобразном земельном пролетариате «proletariat foncier», созданном парцеллярной системой, см., между прочим, ранее цитированную работу Colin's 'a, L'Economie Politique, и Karl Marx, Der Achtzehnte Brumaire der Louis Bonaparte, New-York 1852, S. 56 ff. [К а р л М а р к с, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта. Б-ка марксиста. М. Гиз. 1926.] В 1846 году городское население во Франции составляло 24,42%, сельское 75,58%, в 1861 г. городское 28,26%, сельское 71,74%. За последние годы уменьшение процентной доли сельского населения еще значительнее. Уже в 1846 г. Pierre Dupont поет в своих «Ouvriers»:

«Mal vêtus, logés dans des trous,
Sous les combles, dans les décombres,
Nous vivons avec les hiboux
Et les larrons, amis des ombres».

[«Плохо одетые, мы живем в лачугах, на чердаках, в развалинах, вместе с совами и ворами, друзьями темноты»].

¹⁷¹ Шестой и заключительный «Report of Children's Employment Commission», опубликованный в конце марта 1867 г., говорит лишь о системе земледельческих артелей.

Система банд встречается почти исключительно в Lincolnshire'o, Huntingdonshire'e, Cambridgeshire'e, Norfolk'e, Suffolk'e и Nottinghamshire'o, спорадически — в соседних графствах Northampton, Bedford и Rutland. В качестве примера мы возьмем здесь Lincolnshire. Значительная часть этого графства представляет новую землю, отвоеванную от прежних болот или, как в других перечисленных восточных графствах, отвоеванную у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушительных работах. На месте прежних топей и сыпучих песков теперь видны роскошные пашни и получают самые высокие ренты. То же самое следует сказать об исключительно полученной наносной почве, как, напр., на острове Axholme и в других приходах на берегу Трента. С возникновением новых ферм не только не строятся новых коттеджей, но и сносятся старые, рабочие привлекаются из открытых деревень, отстоящих за несколько миль и расположенных вдоль проселочных дорог, которые извиваются по склонам холмов. Раньше население только там и находило защиту от продолжительных зимних наводнений. Рабочие, постоянно живущие на фермах размером в 400 — 1000 акров (их называют здесь confined labourers [«прикрепленные рабочие»]), служат исключительно для постоянных тяжелых земледельческих работ, выполняемых с помощью лошадей. На каждые 100 акров едва лишь приходится средним числом по одному коттеджу. Один фермер, арендующий прежний болотный участок, показывает, напр., перед следственной комиссией: «Моя ферма составляет более 320 акров, все это пахотная земля. Коттеджей нет. Теперь у меня живет один рабочий. Четыре рабочих, которые ухаживают за моими лошадьми, живут в окрестностях. Легкая работа, для которой требуется много рабочих рук, выполняется артелями»¹⁷². Земля требует много легких полевых работ, как, напр., выпалывание сорных трав, скашивание, некоторые операции по удобрению, удаление камней и т. д. Это производится бандами или организованными артелями, которые живут в открытых селениях.

Банда состоит из 10 — 40 или 50 человек, главным образом из женщин и подростков обоого пола (13 — 18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют банды, и, наконец, из детей обоого пола (6 — 13 лет). Во главе находится gangmaster (артельный староста); это всегда обыкновенный сельский рабочий, по большей части так называемый ловкач, распутный бродяга, пьяница, но одаренный некоторым духом предприимчивости и деловитости. Он наwerbовывает банду, которая работает от него, а не от фермера. С последним он по большей части договаривается постольно, и его доход — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельского рабочего¹⁷³ — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей банды в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье, — между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и таким образом работает

¹⁷² «Children's Employment Commission. 6-th Report». Evidence, p. 37 и 19.

¹⁷³ Однако некоторые артельные старосты превращаются в фермеров, арендующих до 500 акров земли, или в собственников целого ряда домов.

своей бандой 6 — 8 месяцев в году. Поэтому работать на него для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем на отдельного фермера, который дает детям лишь временные занятия. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых селениях, что во многих детей невозможно нанять иначе, как при его посредничестве. Сдача детей в одиночку, отдельно от банд, составляет для него побочный промысел.

«Темные стороны» этой системы составляют чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация «банды». Хотя артельный староста в некоторых местностях называется «the driver» (погонщик), вооружен длинной палкой, однако он очень редко пускает ее в ход, и жалобы на жестокое обращение являются исключением. Он — демократический император или нечто в роде гамельского крысолова.* Следовательно, он нуждается в популярности среди своих подданных и привлекает их к себе процветающими под его покровительством цыганскими нравами. Грубая непринужденность, неслая распушенность и самое наглое бесстыдство господствуют в банде. Артельный староста обыкновенно расплачивается в кабаке и потом возвращается во главе банды домой, конечно, пошатываясь, поддерживаемый справа и слева двумя дюжими бабами; дети и подростки безобразничают сзади и распевают юмористические и скабрзные песни. На обратном пути обычное явление то, что Фурье называет «фанерогамией» [публично совершаемый половой акт]. Нередко случается, что тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников. Открытые деревни, поставляющие контингент для банд, превращаются в Содом и Гоморру¹⁷⁴ и дают вдвое большее число внебрачных рождений, чем все остальное королевство. Мы уже раньше указывали, что могут дасть в нравственном отношении воспитанные в такой школе девушки, когда они становятся замужними женщинами. Их дети, если только опиум не приведет их к смерти, рождаются кандидатами в банды.

Банда в своей только что описанной классической форме называется общественной, обыкновенной или бродячей бандой (public, common or tramp-gang). Встречаются кроме того и частные банды (private gangs). Состав их таков же, как общественных артелей, но число членов в них меньше, и работают они под руководством не артельного старосты, а какого-нибудь старого батрака, для которого фермер не находит иного, лучшего применения. Цыганские нравы здесь исчезают, но по всем снисходительским показаниям оплата труда и обращение с детьми ухудшаются.

Система артелей, которая за последние годы распространяется все больше¹⁷⁵, существует, конечно, не для артельного старосты. Она существует

* [Легенда о крысолове, который игрой на свирели заманивает крыс, при случае может увлечь за собой и детей. Ибсен в одной из пьес использовал отзвуки этой легенды. — И. С.]

¹⁷⁴ «Половина девушек в Ludford'e погибла благодаря бандам» (там же, Appendix, p. 6, n. 32).

¹⁷⁵ «Эта система очень распространилась за последние годы. В некоторых местностях она недавно только что введена, в других, где она существует дольше, в банды вербуются все больше детей, и возраст их все понижается» (там же, p. 79, n. 174.)

для обогащения крупных фермеров¹⁷⁶ или лэндлордов¹⁷⁷. Для фермера нет более остроумного метода поддерживать свой рабочий персонал на нормальном уровне и в то же время постоянно располагать на случай добавочной работы добавочными руками, при помощи возможно меньшей суммы денег выколачивать возможно больше труда¹⁷⁸ и делать взрослых рабочих-мужчин «избыточными». После всего этого легко понять, каким образом, с одной стороны, признают, что сельский рабочий в большей или меньшей мере страдает от безработицы, и, с другой стороны, заявляют, что система банд «необходима» вследствие недостатка рабочих-мужчин и переселения их в города¹⁷⁹. Поле, очищенное от плевел, и человеческие племени Линкольншира и т. д., — вот противоположные полюсы капиталистического производства¹⁸⁰.

f) Ирландия

В заключение этого отдела мы должны еще остановиться некоторое время на Ирландии. Прежде всего приведем относящиеся сюда факты.

Население Ирландии возросло в 1841 г. до 8 222 664 человек, в 1851 г. сократилось до 6 623 985, в 1861 г. до 5 850 309, в 1866 г. до 6 1/2 миллионов, т. е. упало почти до уровня 1801 г. Уменьшение началось с голодного 1846 г. и шло таким образом, что менее чем в 20 лет Ирландия

¹⁷⁶ «Мелкие фермеры не применяют труда банд». «Он не применит на плохой земле, применяется же на такой, которая приносит ренту от 1 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 ш. с акра» (там же, р. 17 и 14).

¹⁷⁷ Одному из этих господ его ренты настолько приходится по вкусу, что он с негодованием заявил перед следственной комиссией, будто рента крик поднялся только из-за названия системы. Если бы «банды» перекрестились в «юношеские промышленно-земледельческо-кооперативные ассоциации для самостоятельного заработка», то все было бы в полном порядке.

¹⁷⁸ «Труд банд дешевле всякого другого труда, потому-то он и применяется», говорит один бывший староста банды (там же, р. 17, п. 14). «Система банд безусловно самая дешевая для фермера и столь же безусловно самая пагубная для детей», говорит один фермер (там же, р. 16, п. 3).

¹⁷⁹ «Несомненно, многие из работ, выполняемых теперь в бандах детьми, раньше выполнялись мужчинами и женщинами. Там, где в настоящее время применяется труд женщин и детей, безработных мужчин больше, чем было раньше» (там же, р. 43, п. 202). Но с другой стороны: «Рабочий вопрос во многих земледельческих округах, особенно в производящих хлеб, принимает столь серьезный характер вследствие эмиграции и той логики переселения в большие города, которая обуславливается железными дорогами, что я (этот «я» — сельский агент одного крупного лэндлорда) считал детский труд абсолютно необходимым» (там же, р. 80, п. 180). Рабочий вопрос в английских земледельческих округах, в отличие от остального цивилизованного мира, представляет вопрос лэндлордов и фермеров: каким образом, несмотря на постоянно возрастающий отлив сельского населения, увековечить в деревне достаточное «относительное перенаселение», и вместе с тем и «минимум заработной платы» для сельского рабочего?

¹⁸⁰ Раньше цитированный у меня «Public Health Report», в котором по поводу смертности детей мимоходом говорится о системе банд, остался неизвестным прессе, а следовательно, и английской публике. Напротив, последний отчет «Children's Employment Commission» дал прессе желанную «сенсиационную» пищу. В то время как либеральная пресса спрашивала, каким образом благородные джентльмены и леди и священники государственной церкви, которым кишит Линкольншир, каким образом эти перенаселенные, посылавшие к антиподам свои особые «миссии» для смягчения нравов дикарей Южного океана, — как могли они допустить развитие подобной

потеряла более $\frac{5}{16}$ своего населения¹⁸¹. Общее число эмигрантов с мая 1851 г. по июль 1865 г. составило 1 591 487 человек, эмиграция за последние 5 лет, с 1861 по 1865 г., дала более полумиллиона. Число обитаемых домов уменьшилось в период 1851—1861 гг. на 52 990. С 1851 по 1861 г. число ферм размером в 15—30 акров возросло на 61 000, число ферм больше 30 акров — на 109 000, между тем как общее число всех ферм разных размеров уменьшилось на 120 000, — уменьшение, вызванное исключительно уничтожением ферм ниже 15 акров, т. е. их централизацией.

Уменьшение численности населения, разумеется, сопровождалось в общем уменьшением массы продуктов. Для нашей цели достаточно рассмотреть пятилетие 1861—1865 гг., в течение которого эмигрировало более полумиллиона и абсолютная численность населения понизилась более чем на $\frac{1}{3}$ миллиона (см. таблицу А).

Таблица А.

Количество голов скота.

Годы	Лошадей		Рогатого скота		
	Общее число	Уменьшение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	619 811	—	3 606 374	—	—
1861	614 232	5 998	3 471 688	138 316	—
1862	602 894	11 338	3 254 890	216 798	—
1863	579 978	22 916	3 144 231	110 695	—
1864	562 158	17 820	3 262 294	—	118 063
1865	547 867	14 291	3 493 414	—	231 120

системы в своих имениях, на глазах у себя, — в это самое время аристократическая пресса занималась исключительно рассуждениями о грубой историчности этих сельских жителей, способных продавать своих детей в подобное рабство! Между тем, при тех проклятых условиях, на которые «благородные» обрекли сельского жителя, было бы понятно, если бы даже он пожирал своих детей. Если чему и приходится удивляться, так это тем достоинствам характера, которые он по большей части сохраняет. Авторы официальных отчетов указывают, что даже в округах, где применяется система банд, родители относятся к ней с отвращением. «В собранных нами свидетельских показаниях можно найти обильные доказательства того, что родители во многих случаях были бы благодарны за принудительный закон, который дал бы им возможность противостоять тем искушениям и давлению, которым они часто подвергаются. То приходский чиновник, то хозяин, угрожая им увольнением, заставляет их посылать детей на работу вместо школы. Всякое расточение времени и сил, все страдания, причиняемые земледельцу и его семейству чрезмерным и бесполезным утомлением, всякий случай, когда родители могут приписать нравственную гибель своего ребенка переполюнению коттэджей или развращающим влияниям системы банд, — все это вызывает в груди трудящихся бедняков чувства, которые легко понять и которые нет необходимости описывать подробнее. Они сознают, что им причиняется много физических и нравственных мучений условиями, за которые они никоим образом не ответственны, на которые они, если бы это было в их власти, никогда не дали бы своего согласия и против которых они бессильны бороться» (там же, р. XX, п. 82, XXIII, п. 96.)

¹⁸¹ Население Ирландии: в 1801 г. 5 319 867 человек, в 1811 г. 6 084 996, в 1821 г. 6 869 544, в 1831 г. 7 828 347, в 1841 г. 8 222 664.

Годы	Овец			Свиней		
	Общее число	Уменьшение	Увеличение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	3 542 080	—	—	1 271 072	—	—
1861	3 556 050	—	13 970	1 107 042	169 030	—
1862	3 456 132	99 918	—	1 154 324	—	52 282
1863	3 808 204	147 982	—	1 067 458	86 866	—
1864	3 366 941	—	58 737	1 058 480	8 978	—
1865	3 688 742	—	321 801	1 299 893	—	241 410

Из предыдущей таблицы следует, что в количестве скота произошли такие изменения ¹⁸².

Лошадей	Рогатого скота	Овец	Свиней.
Абсолютное уменьшение.	Абсолютное уменьшение	Абсол. увеличение	Абсол. увеличение
72 358	116 626	146 608	23 819

Обратимся теперь к земледелию, которое доставляет средства существования для скота и людей. В следующей таблице вычислено уменьшение или увеличение для каждого отдельного года по сравнению с непосредственно предшествующим. К зерновому хлебу отнесены: пшеница, овес, ячмень, рожь, бобы и горох, к овощам — картофель, репа, свекловица, капуста, морковь, пастернак, вика и т. д.

Таблица В.

Увеличение или уменьшение площади запашек и лугов (или пастбищ).

Годы	Зерн. хлеб	Овощи		Луга и клевер		Лен		Общ. количество земли, служащей для земледелия и скотоводства	
	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение
	Акры	Акры	Акры	Акры	Акры	Акры	Акры	Акры	Акры
1861	15 701	36 974	—	47 939	—	—	19 271	81 873	—
1862	72 734	74 785	—	—	6 623	—	2 055	138 841	—
1863	144 719	19 358	—	—	7 724	—	63 922	92 431	—
1864	122 437	2 317	—	—	47 486	—	87 761	—	10 400
1865	72 450	—	25 241	—	68 970	50 159	—	28 218	—
1861—1865	428 041	107 984	—	—	82 834	—	122 850	330 860	—

¹⁸² Результат оказался бы еще неблагоприятнее, если бы мы возвратились еще дальше назад. Так, овец в 1865 г. 3 688 742, а в 1856 г. 3 694 294; свиней в 1865 г. 1 299 893, а в 1858 г. 1 409 883.

В 1865 г. под рубрикой «луга» к этому присоединились 127 470 акров, главным образом по той причине, что площадь под рубрикой «невозделанные пустоши и торфяные болота» уменьшилась на 101 543 акра. Если мы сравним 1865 г. с 1864, то уменьшение зерновых хлебов составит 246 667 кварталов, в том числе пшеницы 48 999 кварталов, овса 166 605 кварталов, ячменя 29 892 квартера и т. д.; уменьшение количества картофеля, хотя площадь его возделывания в 1865 г. увеличилась, составило 446 398 тонн и т. д. (см. таблицу С, стр. 562).

От движения населения и земледельческого производства Ирландии перейдем к движению в кошельках ее лэндлордов, крупных фермеров и промышленных капиталистов. Оно находит себе отражение в уменьшении и увеличении подоходного налога. Для понимания следующей таблицы D надо отметить, что рубрика D (прибыль за исключением прибыли фермеров) охватывает и так называемую «профессиональную» прибыль, т. е. доходы адвокатов, врачей и т. д., а не перечисленные здесь особо рубрики С и Е заключают доходы чиновников, офицеров, получателей государственных синекур, владельцев государственных фондов и т. д.

Таблица D.

Доходы в Ирландии, подлежащие подоходному налогу в ф. ст.¹⁸⁴

	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Рубрика А.						
Земельная рента .	13 893 829	13 003 554	13 398 938	13 494 091	13 470 700	13 801 616
Рубрика В.						
Приб. фермеров . .	2 765 387	2 773 644	2 937 899	2 938 823	2 930 874	2 946 072
Рубрика D.						
Промышленная и т. п. прибыль . .	4 891 652	4 836 203	4 858 800	4 846 497	4 546 147	4 850 199
Сумма всех рубрик от А до Е.	22 962 885	22 998 394	23 597 574	23 658 631	23 236 298	23 930 340

Под рубрикой D увеличение дохода в среднем выводе за 1853 — 1864 гг. составляло только 0,93%, между тем как в Великобритании оно выросло за тот же период в 4,58%. Следующая таблица (таблица Е, стр. 563) показывает распределение прибылей (за исключением фермерской прибыли) в 1864 и 1865 гг.

¹⁸⁴ «Tenth Report of the Commissioners of Ireland Revenue. London 1866».

Таблица С.

Увеличение или уменьшение площади возделываемой земли, количества продукта и общего количества продукта в 1865 г. по сравнению с 1864 г.¹³³

Название продукта	Колличество акров возделываем. земли		Увеличение или уменьш. в 1865 г.	Количество продукта на акр		Увелич- или сни- жение в 1865 г. в отно- шении	Общее количество продукта			
	1864	1865		1864	1865		1864	1865	Уменьшен. 1865	
Пшеница	276 483	266 989	—	9 494	13,3	0,3	875 782	826 783	—	48 999 кв.
Овес	1 814 886	1 745 228	—	69 658	12,1	0,2	7 826 832	7 639 727	—	166 605 »
Ячмень	172 700	177 102	4 402	—	15,9	1,0	761 909	732 017	—	29 892 »
Веге (ячм.)	8 894	10 091	1 197	—	16,4	1,6	15 160	13 989	—	1 171 »
Рожь				—	8,5	1,9	12 680	18 364	5 684 кв.	—
Картофель	1 039 724	1 066 260	26 536	—	4,1	0,5	4 312 388	3 865 990	—	446 398 тонн
Рена	337 355	334 212	—	3 143	10,3	0,4	3 467 659	3 101 683	—	165 976 »
Свекловича	14 073	14 839	816	—	10,5	2,8	147 284	191 937	44 653 тонн	—
Калуства	31 831	33 622	1 801	—	9,3	1,1	297 375	350 252	52 877 »	—
Лен	301 493	251 433	—	50 260	34,2	9,0	64 506	39 561	—	24 945 »
Сено	1 600 569	1 678 493	68 924	—	1,6	1,3	2 607 153	3 068 707	461 554 »	—

¹³³ Данные текста составлены по материалу следующих изданий: «Agricultural Statistics, Ireland. General Abstracts, Dublin», за годы 1860 и след., и «Agricultural Statistics, Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin 1866». Известно, что это — официальная статистика, ежегодно представляемая парламенту.

Примечание ко 2 изд. Официальная статистика показывает для 1872 г. уменьшение площади возделываемой земли на 134 915 акров по сравнению с 1871 г. «Увеличение» произошло по культуре корнеплодов — репы, свекловичи и т. п.; «уменьшение» площади возделываемой земли на 16 000 акров под культурой пшеницы, на 14 000 акров овса, 4 000 акров ячменя и ржи, 66 682 акра карто- феля, 34 667 акров льна и на 30 000 акров меньше под лугом, клевером, викой и сурепицей. Площадь земли, находящейся под культурой пшеницы, за последние 5 лет уменьшалась в такой последовательности: 1868 г. — 285 000 акров, 1869 г. — 280 000 акров, 1870 г. — 259 000 акров, 1871 г. — 244 000 акров, 1872 г. — 228 000 акров. Для 1872 г. увеличение составило в круглых цифрах 200 тысяч 500 гектаров земли, 500 тысяч 500 тонн сена, 250 тысяч тонн

Таблица Е.

Рубрика D¹⁸⁵. Доходы от прибылей разного рода (выше 60 ф. ст.) в Ирландии.

	1864		1865	
	Фунты стерлингов		Фунты стерлингов	
Общий годовой доход	4 368 610 распр. между 17 467 ч.		4 669 979 распр. между 18 081 ч.	
Годовой доход выше 60 ф. ст. и ниже 100 ф. ст.	288 626 »	» 5 015 »	222 575 »	» 4 703 :
Из общ. годового дохода	1 979 066 »	» 11 321 »	2 023 471 »	» 12 184 »
Остаток общего годового дохода	2 150 818 »	» 1 131 »	2 418 933 »	» 1 194 »
	1 083 906 »	» 910 »	1 097 937 »	» 1 044 »
	1 066 912 »	» 121 »	1 320 996 »	» 183 »
	430 535 »	» 105 »	584 458 »	» 122 »
В том числе	646 377 »	» 26 »	736 448 »	» 28 »
	262 610 »	» 3 »	274 528 »	» 3 »

Англия, страна капиталистического производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью от кровопускания, подобного тому, которому подвергся народ Ирландии. Но Ирландия представляет в настоящее время лишь земледельческий округ Англии, отделенный от нее широким каналом и доставляющий ей хлеб, шерсть, скот, промышленных и военных рекрутов.

Обезлюдение повело к тому, что много земли остается без обработки, количество земледельческого продукта сильно уменьшилось¹⁸⁶ и, несмотря на расширение площади, предназначенной для скотоводства, последнее обнаруживает в некоторых из своих отраслей абсолютное уменьшение, в других — едва заметное развитие, постоянно прерываемое попятными шагами. Однако, несмотря на уменьшение количества населения, земельная рента и фермерская прибыль все время возрастали, последняя, впрочем, не так постоянно, как первая. Причина совершенно понятна. С одной стороны, благодаря централизации ферм и превращению пахотной земли в пастбище, все большая

¹⁸⁵ Общий годовой доход под рубрикой D отклоняется здесь от цифр предыдущей таблицы (D), так как закон допускает известные вычеты.

¹⁸⁶ Если продукт уменьшается также и по расчету на акр, то не следует забывать, что Англия в течение 1 1/2 веков косвенно ввозила к себе почву Ирландии и не оставляла земледельцам средств на возмещение составных частей почвы.

часть совокупного продукта превращалась в прибавочный продукт. Прибавочный продукт возрастал, хотя совокупный продукт, часть которого он составляет, все уменьшался. С другой стороны, денежная стоимость этого прибавочного продукта возрастала еще быстрее, чем его масса, так как английские рыночные цены мяса, шерсти и т. д. за последние 20, в особенности же за последние 10 лет, все повышались.

Раздробленные средства производства, которые служат для самого производителя средствами труда и существования, причем для их использования к ним не присоединяется чужой труд, точно так же не составляют капитала, как продукт, потребляемый самим производителем последнего, не есть товар. Хотя масса средств производства, применяемых в земледелии, и уменьшилась вместе с уменьшением количества населения, тем не менее масса капитала, применяемого в земледелии, увеличилась, потому что часть раздробленных прежде средств производства была превращена в капитал.

Весь капитал Ирландии, вложенный вне земледелия в промышленность и торговлю, накоплялся в последние два десятилетия медленно и с постоянными крупными колебаниями. Напротив, тем быстрее развивалась централизация его индивидуальных составных частей. Наконец, как ни слабо было его абсолютное возрастание — относительно, по сравнению с сокращающейся численностью населения, он увеличивался.

Таким образом здесь, на наших глазах, в крупном масштабе развергивается процесс, лучше которого ортодоксальная экономия и желать не может для проверки своего догмата, что бедность возникает из абсолютного переизбытка населения и что равновесие восстанавливается снова уменьшением населения. Это эксперимент куда поучительнее, чем столь прославленная мальтузианцами чума половины четырнадцатого столетия. Кстати сказать, если и само по себе ограниченно-наивно прилагать к отношениям производства и соответствующим отношениям населения в XIX веке мерку XIV столетия, то эта ошибка, кроме того, просмотрела, что, если по эту сторону канала, в Англии, за чумой и сопровождавшим ее уменьшением населения следовало освобождение и обогащение сельского населения, то по другую сторону канала, во Франции, следом за ней шли еще большее порабощение и возрастание нищеты ^{186a}.

Голод 1846 г. в Ирландии уничтожил более миллиона человек, но все исключительно бедняков. Он не причинил ни малейшего ущерба богатству страны. Последовавшее за тем двадцатилетнее и все еще усиливающееся выселение не уничтожило, в противоположность Тридцатилетней войне, вместе с людьми их средств производства. Ирландский гений изобрел совершенно новый метод переносить как бы волшебством бедный народ на тысяч миль от места его нищеты. Эмигранты, переселившиеся в Соединенные Штаты, ежегодно высылают домой деньги, — средства для переселения оставшихся. Каждая партия, эмигрировавшая в этом году, в следующем году влечет за собою новую партию. Таким образом эмиграция не только ничего

^{186a} Так как Ирландия считается обетованной землей «принципа населения», то Th. Sadler, прежде чем опубликовать свою работу о народонаселении, издал свою знаменитую книгу: «Ireland, its Evils and their Remedies», 2-nd ed. London 1829, в которой он, сопоставляя статистические данные по отдельным провинциям, а для каждой провинции по отдельным профессиям, показывает, что бедность там не прямо пропорциональна, как тогда хотелось Мальтусу, а обратно пропорциональна численности населения.

ме стоит Ирландии, но еще образует одну из доходнейших статей ее экспортных операций. Наконец, она представляет систематический процесс, который не просто производит переходящие и местные пустоты в данной массе населения, а напротив, ежегодно отнимает больше людей, чем возмещается ежегодным приростом, и таким образом приводит к ежегодной убыли абсолютной численности населения.^{186b}

Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне угрожает новым кризисом. Причины очень простые. Переворот в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения. Беглый взгляд на таблицу В показывает, что превращение пахотной земли в пастбища должно производить в Ирландии еще более острое действие, чем в Англии. В последней вместе со скотоводством возрастает культура кормовых трав, в Ирландии она сокращается. В то время как крупные массы возделывавшихся прежде полей оставляются без обработки или превращаются в постоянные луга, значительная часть оставшихся раньше неиспользованными пустошей и торфяных болот служит для расширения скотоводства. Мелкие и средние аренды, — я отпошу к их числу все, при которых возделывается не более 100 акров земли, — все еще составляют почти $\frac{4}{5}$ общего числа.^{186c} Конкуренция капиталистического земледельческого производства давит на них сильнее, чем то было в прежнее время, и потому они постоянно доставляют классу наемных рабочих все новых и новых рекрутов.

Единственная крупная промышленность Ирландии, фабрикация полотна, требует сравнительно мало взрослых рабочих-мужчин и, несмотря на ее расширение после вздорожания хлопка в 1861 — 66 гг., вообще дает заработок лишь относительно небольшой части населения. Подобно всякой другой крупной промышленности, она постоянными колебаниями в своей собственной сфере все время производит относительное перенаселение, даже в том случае, если поглощаемая ею масса рабочих абсолютно увеличивается. Нищета сельского населения служит фундаментом для колоссальных фабрик белья и т. д.; рабочая армия которых большею частью рассеяна по деревне. Здесь мы снова встречаемся с раньше описанной системой домашнего труда, которая в недостаточной оплате и чрезмерном труде обладает средствами систематически создавать «избыточных» рабочих. Наконец, хотя уменьшение населения не имеет здесь таких разрушительных последствий, как в стране с развитым капиталистическим производством, однако и здесь оно не проходит без постоянного обратного воздействия на внутренний рынок. Эмиграция оставляет по себе не только пустые дома, но и разоренных сдатчиков домов. Те пробелы, которые создает эмиграция, сокращают не только местный спрос на труд, но и доходы мелких лавочников, ремесленников, вообще мелких промышленников. В этом лежит причина сокращения доходов от 60 до 100 ф. ст. в таблице Е.

^{186b} В период 1851 — 1874 гг. общее число эмигрантов составило 2 325 922.

^{186c} Согласно одной таблице у М у р н у, «Ireland, Industrial, Political and Social, 1870» 94,6% всех земель составляют фермы до 100 акров каждая и 5,4% — фермы более 100 акров.

Ясное изображение положения сельских наемных рабочих в Ирландии мы находим в отчетах инспекторов ирландских попечительств о бедных (1870)^{186d}. Чиновники правительства, которое держится только помощью штыков и то явного, то скрытого осадного положения, должны соблюдать такую осмотрительность в выражениях, которой их коллеги в Англии могут пренебрегать; и тем не менее они не позволяют своему правительству предаваться иллюзиям.

Согласно их данным, уровень заработной платы, и до сих пор все еще очень низкий в деревне, за последние 20 лет все же повысился на 50 — 60% и составляет теперь в среднем 6 — 9 ш. в неделю. Но за этим кажущимся повышением скрывается действительное понижение заработной платы, потому что оно не уравновешивает даже совершившегося за это время повышения цены необходимых средств существования; доказательство — следующее извлечение из официальных отчетов одного ирландского рабочего дома.

Средний еженедельный расход на содержание одного человека.

Г о д ы	П и щ а	О де ж да	И т о г о
29 сент. 1848 г.—29 сент. 1849 г.	1 ш. 3 ¹ / ₄ п.	0 ш. 3 п.	1 ш. 6 ¹ / ₄ п.
29 » 1868 »—29 » 1869 »	2 » 7 ¹ / ₄ »	0 » 6 »	3 » 1 ¹ / ₄ »

Итак, цена необходимых средств существования повысилась почти вдвое, а цены одежды ровно вдвое по сравнению с тем, что было двадцать лет тому назад.

Но даже оставляя в стороне такое несоответствие, одно сравнение уровней заработной платы, выраженной в деньгах, далеко еще не дает верного вывода. До голода крупная доля заработной платы в деревне выдавалась *in natura*, деньгами уплачивалась лишь наименьшая часть; в настоящее время денежная оплата представляет общее правило. Уже из этого следует, что каково бы ни было движение реальной заработной платы, ее денежное выражение должно было повыситься. «До голода у сельскохозяйственного рабочего был клочок земли, на котором он возделывал картофель и держал свиней и птицу. В настоящее время ему не только приходится покупать все средства своего существования, но от него отходят также те доходы, которые он получал от продажи свиней, птиц и яиц»¹⁸⁷.

В самом деле, сельские рабочие раньше сливались с мелкими фермерами и обыкновенно составляли только как бы арьергард средних и крупных ферм, на которых они находили работу. Только со времени катастрофы

^{186d} «Reports from the Poor Law Inspectors on the wages of Agricultural Labourers in Dublin, 1870». — Сравни также «Agricultural Labourers (Ireland) Return etc. dated 8-th March 1861». London 1862.

¹⁸⁷ Там же, р. 29.

1846 г. они начали составлять часть класса чисто наемных рабочих, особое сословие, связанное с нанимателями исключительно денежными отношениями.

Мы уже знаем, каковы были их жилищные условия до 1846 г. С того времени они еще больше ухудшились. Некоторая часть сельских рабочих, впрочем, день ото дня уменьшающаяся, живет еще на земле фермеров в переполненных хижинах, отвратительное состояние которых далеко, превосходит все наихудшее, что только представляют в этом отношении английские земледельческие округа. И такое положение повсеместно, за исключением некоторых местностей в Ulster'e; таково оно на юге в графствах Cork, Limerick, Kilkenny и т. д.; на востоке в Wicklow, Wexford и т. д.; в центре Ирландии в King's и Queen's County, в графстве Dublin и т. д.; на севере в Down Antrim, Tyrone и т. д.; наконец, на западе в Sligo, Roscommon, Mayo, Galway и т. д. «Хижины сельских рабочих, — восклицает один из инспекторов, — позор для религии и цивилизации нашей страны»^{187a}. Чтобы сделать для поденщиков жизнь в их берлогах более привлекательной, у них систематически отнимают участки земли, которые с незапамятных времен принадлежали к жилищам. «Создание этого рода опалы, которой они подвергнуты лэндлордами и их управляющими, вызвало у сельских рабочих соответствующее чувство антагонизма и ненависти к тем, кто обращается с ним как с бесправной расой»^{187b}.

Первым актом революции в земледелии было то, что в колоссальном масштабе и как бы по данному свыше лозунгу совершилось уничтожение хижин, расположенных на месте работ. Многие рабочие были вынуждены искать прибежища в деревнях и городах. Там их, как какой-нибудь хлам, рассовали по чердакам, конурам, подвалам и вертепам наихудших кварталов. Тысячи ирландских семейств, которые даже по свидетельству англичан, проникнутых национальными предрассудками, характеризуются своей редкостной привязанностью к домашнему очагу, своей беззаботной веселостью и чистой семейных нравов, вдруг оказались перенесенными в рассадники порока. Мужчинам пришлось теперь искать работы у соседних фермеров, которые нанимают их только поденно, т. е. на основе самой ненадежной формы заработной платы; при этом «они вынуждены теперь проходить длинные расстояния до фермы и обратно, часто мокнуть до костей под дождем и подвергаться другим невзгодам, которые нередко ведут за собой упадок сил, болезнь и, следовательно, нужду»^{187c}.

«Городам из году в год приходилось принимать тех рабочих, которые считаются излишними и в сельских округах»^{187d}, и после этого еще удивляются тому, «что в городах и местечках наблюдается избыток рабочих, а в деревне — недостаток или угрожающий недостаток рабочих»^{187e}. Истина заключается в том, что недостаток этот ощущается лишь «во время неотложных земледельческих работ, во время жатвы или весной, в остальное же время года многие руки остаются незанятыми»^{187f}; «что после сбора картофеля, главного хлеба, с октября до начала весны, едва ли найдется для

^{187a} Там же, р. 12.

^{187b} Там же, р. 12.

^{187c} Там же, р. 25.

^{187d} Там же, р. 27.

^{187e} Там же, р. 26.

^{187f} Там же, р. 1.

них какая-нибудь работа»^{187g}, и что и в то время, когда у них есть работа, «они часто теряют целые дни, и их работа подвергается перерывам всевозможного рода»^{187h}.

Эти последствия революции в земледелии, т. е. превращения пахотной земли в пастбища, применения машин, строгой экономии в труде и т. д., еще более обостряются теми образцовыми лэндлордами, которые вместо того, чтобы потреблять свои ренты за границей, благоволят жить в Ирландии, в своих владениях. Чтобы сохранить ненарушимое действие закона спроса и предложения, эти господа извлекают «теперь почти весь необходимый для них труд из своих мелких фермеров, которые таким образом вынуждены, когда бы от них этого ни потребовали, трудиться на своих лэндлордов за такую заработную плату, которая часто ниже заработной платы обычных поденщиков, не говоря уже о неудобствах и потерях, возникающих вследствие того, что фермеру приходится оставлять свои собственные поля в критическое время сева или уборки»¹⁸⁷ⁱ.

Таким образом необеспеченность и непостоянство занятий, частая и продолжительная безработица, — все эти симптомы относительного перенаселения фигурируют в отчетах инспекторов попечительств о бедных как тягости, обрушивающиеся на ирландский земледельческий пролетариат. Мы вспоминаем, что подобные же явления мы наблюдали и среди английского сельского пролетариата. Но различие в том, что в Англии, промышленной стране, промышленная резервная армия рекрутируется в деревне, между тем как в Ирландии, земледельческой стране, земледельческая резервная армия рекрутируется в городах, убежище изгнанных сельских рабочих. В Англии избыточные рабочие земледелия превращаются в фабричных рабочих; в Ирландии изгнанные в города, хотя они оказывают давление и на заработную плату в городах, тем не менее остаются сельскими рабочими и в поисках работы постоянно отправляются в деревню.

Авторы официальных отчетов следующим образом резюмируют свои выводы о материальном положении земледельческих рабочих: «Хотя они живут с крайней бережливостью, однако их заработной платы едва хватает на то, чтобы достать пищу и снять жилище для себя и своего семейства; чтобы одеть себя, жену и детей, требуются дополнительные доходы... Атмосфера их жилищ, в связи с другими лишениями, сделала этот класс в особенности подверженным заболеванию тифом и чахоткой»^{187k}. После этого несколько не удивительно, что, по единодушному свидетельству авторов отчетов, мрачное недовольство охватывает ряды этого класса, что он призывает назад прошлое, ненавидит настоящее, отчаивается в будущем, «поддается пагубным влияниям агитаторов» и питается только одной мечтой — эмигрировать в Америку. Вот в какую страну с молочными реками, с кисельными берегами превратила зеленый Эрин великая мальтузианская панацея, уменьшение населения!

Как благоденствуют даже искусные ирландские промышленные рабочие, это достаточно покажет один пример.

«Во время недавней моей инспекторской поездки по северу Ирландии, — говорит английский фабричный инспектор Robert Baker, — меня поразило,

^{187g} Там же, р. 32.

^{187h} Там же, р. 25.

¹⁸⁷ⁱ Там же, р. 30.

^{187k} Там же, р. 21, 13.

как один искусный ирландский рабочий старался на свои самые лучшие средства дать образование своим детям. Я буквально воспроизвожу его рассказ, как я слышал из его собственных уст. Что он действительно искусный фабричный рабочий, видно из того, что им пользовались для производства товаров на манчестерский рынок. Johnson: По профессии я beelger, и работаю с 6 часов утра до 11 часов ночи, с понедельника до пятницы; по субботам мы кончаем в 6 часов вечера и имеем 3 часа на обед и отдых. У меня пять человек детей. За эту работу я получаю 10 ш. 6 п. в неделю; моя жена тоже работает и зарабатывает 5 ш. в неделю. Старшая девочка, двенадцати лет, присматривает за домом. Она наша кухарка и единственная помощница. Она готовит младших к школе. Моя жена встает одновременно со мной и уходит одновременно со мной. Одна девушка, которая проходит мимо нашего дома, будит меня в 5½ часов утра. Перед тем, как идти на работу, мы ничего не едим. В течение дня двенадцатилетняя смотрит за младшими детьми. Завтракаем мы в 8 часов и для этого приходим домой. Чай мы пьем один раз в неделю; вообще же у нас бывает кисель (stirabout), иногда из овсяной муки, иногда из кукурузной муки, смотря по тому, что мы в состоянии купить. Зимой к нашей кукурузной муке мы прибавляем немного сахара и воды. Летом мы собираем немного картофеля, который мы сами сажаем на клочке земли, а когда картофель придет к концу, опять возвращаемся к киселю. Так тянется изо дня в день, по воскресеньям и будням, круглый год. Закончив работу, я всегда чувствую вечером большую усталость. Кусочек мяса мы видим в исключительных случаях, очень редко. Трое из наших детей ходят в школу, за что мы платим по 1 п. в неделю за каждого. Наша квартирная плата составляет 9 п. в неделю, торф и отопление стоят по меньшей мере 1 ш. 6 п. в две недели¹⁸⁸. Вот она ирландская заработная плата, вот она ирландская жизнь!»

В самом деле, нищета Ирландии опять сделалась в Англии злободневной темой. В конце 1866 и в начале 1867 г. один из ирландских земельных магнатов, лорд Dufferin, принялся на страницах «Times'a» за решение этого вопроса. «Wie menschlich von solch grossem Herrn!» [«Как это гуманно со стороны такого важного господина!»].

Из таблицы E мы видели, что в 1864 г. из общей прибыли в 4 368 610 ф. ст. всего три капиталиста получили 262 610 ф. ст., а в 1865 г. те же три виртуоза «самостречения» из 4 669 979 ф. ст. общей прибыли положили в свой карман уже 274 448 ф. ст.; в 1864 г. 26 капиталистов получили 646 377 ф. ст., в 1865 г. 28 капиталистов — 736 448 ф. ст.; в 1864 г. 121 капиталист — 1 066 912 ф. ст., в 1865 г. 186 капиталистов — 1 320 996 ф. ст.; в 1864 г. 1 131 капиталист — 2 150 818 ф. ст., почти половину общей годовой прибыли, в 1865 г. 1 194 капиталиста — 2 418 933 ф. ст., — более половины общей годовой прибыли. Но та львиная доля годового национального дохода, которую поглощает ничтожная кучка земельных магнатов Англии, Шотландии и Ирландии, настолько чудовищна, что английская государственная мудрость находит целесообразным не давать относительно распределения земельной ренты такого статистического материала, какой она дает относительно распределения прибыли. Лорд Dufferin — один из этих земельных магнатов. Чтобы рента и прибыль могли быть когда-либо «избыточными», или чтобы

¹⁸⁸ «Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1866», p. 96.

их изобилие стояло каким-либо образом в связи с изобилием народной нищеты, — это представление, разумеется, столь же «непочтительное», сколь и «нездоровое» (unsound). Лорд держится за факты. Факт же таков, что, когда численность ирландского населения уменьшается, ирландские земельные аренды растут, что уменьшение населения «благодетельно» для земельного собственника, а следовательно, и для земли, а потому и для народа, который является лишь принадлежностью земли. Итак, он заявляет, что Ирландия все еще перенаселена и что поток эмиграции течет все еще слишком медленно. Чтобы достигнуть совершенного счастья, Ирландия должна расстаться еще по меньшей мере с $\frac{1}{3}$ миллиона рабочих. Не подумайте, что этот, помимо всего прочего, и поэтический лорд — врач из школы Санградо, который раз он не замечал у своего больного улучшения, предписывал кровопускание, потом опять кровопускание, пока, наконец, у больного вместе с его кровью не исчезала и болезнь. Лорд Dufferin требует нового кровопускания всего в $\frac{1}{3}$ миллиона вместо почти 2 миллионов, без удаления которых на Эрине действительно не водворится тысячелетнее блаженное царство. Доказательство не трудно представить.

Число и размер аренд в Ирландии в 1864 г.

1 Аренды до 1 акра		2 Аренды от 1 до 5 акров		3 Аренды от 6 до 15 акров		4 Аренды от 16 до 30 акров	
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь
48 653	25 394	82 037	288 916	176 368	1 836 310	136 578	3 051 848
5 Аренды от 31 до 50 акров		6 Аренды от 51 до 100 акров		7 Аренды более 100 акров.		8 Общая площадь ¹⁸⁶²	
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь		
71 961	2 906 274	54 247	3 983 880	31 927	9 227 807	20 319 924 акра	

Централизация в период 1851 — 1861 гг. уничтожила преимущественно аренды первых трех категорий, менее 1 и не свыше 15 акров. Они должны, исчезнуть прежде всего. Это дает 307 058 «избыточных» фермеров и, полагая на семью по низкому среднему расчету 4 человека, в общей сложности 1 228 232 человека. При невероятном предположении, что по завершении земельной революции $\frac{1}{4}$ из них будут снова поглощены, все же оказывается, что 921 174 лицам приходится эмигрировать. Категории 4, 5 и 6, свыше 15 и не более 100 акров, как давным-давно известно в Англии, для капиталистического зернового хозяйства слишком мелки, для овцеводства же — совсем ничтожные величины. Следовательно, при предыдущем предположении эмигрировать придется еще 788 761 человеку, что дает в сумме 1 709 932

¹⁸⁶² Общая площадь включает также «торфяные болота и невозделанные пустоши».

человека. А так как *l'appetit vient en mangeant* [аппетит приходит с едой], то глаза землевладельцев скоро откроют, что Ирландия и при $3\frac{1}{2}$ миллионах населения все еще нищенская страна, а бедна она потому, что перенаселена, и, следовательно, уменьшение ее населения должно пойти еще много дальше, чтобы она могла выполнить свое истинное предназначение — страны овец и пастбищ для Англии ^{188b}.

У этого прибыльного метода, как и у всего хорошего в сем мире, имеется своя дурная сторона. Параллельно с накоплением земельной ренты в Ирландии идет накопление ирландцев в Америке. Ирландец, вытесненный овцами и быками, воскресает по ту сторону океана, как фений. И против старой владычицы морей все более и более грозно восстает исполинская юная республика.

*Acerba fata Romanos agunt
Scelusque fraternae necis.*

[«Суровая судьба и злодейское братоубийство преследует римлян». Ногаз, Eropden, 7].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

1. Тайна первоначального накопления

Мы видели, каким образом деньги превращаются в капитал, каким образом из капитала образуется прибавочная стоимость и из прибавочной стоимости увеличение капитала. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличность значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом все это движение вращается, повидимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» А. Смита), — накопление,

^{188b} В третьей книге этой работы, в отделе о земельной собственности, я подробнее покажу, как отдельные земельные собственники и английское законодательство планомерно использовали голод и сопровождавшие его обстоятельства с той целью, чтобы насильственно провести революцию в земледелии и свести население Ирландии к размерам, выгодным для лэндлордов. Там же я возвращусь также к положению мелких фермеров и сельских рабочих. Здесь только одна цитата, *Nassau W. Senior* в одном из своих посмертных сочинений: *Journals, Conversations and Essays relating to Ireland. 2 volumes. London 1868, vol. II, p. 282*, говорит между прочим: «Dr. G. справедливо отметил, что в нашем законе о бедных мы располагаем сильным орудием для того, чтобы доставить победу лэндлордам; другое орудие — эмиграция. Ни один друг Ирландии не пожелает, чтобы война (между лэндлордами и мелкими кельтскими фермерами) затянулась, — и подавно не пожелает, чтобы она закончилась победой фермеров... Чем быстрее она (эта война) закончится, чем быстрее превратится Ирландия в пастбище (*grazing country*) с сравнительно небольшой численностью населения, которая требуется для пастбищ, — тем лучше для всех классов». — Английские хлебные законы 1815 г. обеспечивали Ирландии монополию

являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом.

Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как первородный грех в теологии, Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Возникновение известного явления объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности. В незапамятные времена существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранных и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивающих все, что у них было, и даже больше того. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. С того времени существует широкая масса бедноты, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и горсточка богачей, богатство которых постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать.

Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, каким образом люди были осуждены есть хлеб в поте лица своего; наоборот, история экономического грехопадения восполняет слишком болезненно чувствовавшийся пробел, раскрывая, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом.

Такие нелепые детские побасенки все еще пережевываются снова и снова. Г-н Тьер, напр., в книге, в которой, как ему думается, он в пух и прах развеял злополучные нападки социализма на собственность, считает возможным с торжественно-серьезной миной государственного человека преподнести это французам, некогда столь остроумным. Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития^{188с}. Как известно, в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в краткой политической экономии искони царствовала идиллия.

свободного ввоза хлеба в Великобританию. Таким образом, они искусственно покровительствовали возделыванию зерновых хлебов. В 1846 г. с отменой хлебных законов эта монополия была внезапно уничтожена. Не говоря уже о всех других обстоятельствах, одного этого события было достаточно для того, чтобы дать мощный размах превращению ирландской пахотной земли в пастбища, концентрации ферм и изгнанию мелких крестьян. После того, как в период 1815 — 1846 гг. прославил плодородие ирландской почвы и во всеулышанье заявили, что она самой природой предназначена единственно к возделыванию пшеницы, — теперь английские агрономы, экономисты, политики вдруг открыли, что она ни на что более не пригодна, как только на производство кормовых трав! Г-н Leonce de Lavergne поспешил повторить это по ту сторону канала. Надо быть таким «серьезным» человеком, как Lavergne, чтобы поддаться на такие детские рассказы.

^{188с} Гете, раздраженный таким фиглярством, высмеивает его в следующей «катехизации»:

Учитель: Подумай, дитя, откуда все эти блага? Сам по себе ты ничего не можешь получить.

Ребенок: Да, я все получил от папы.

Учитель: А папа, от кого получил папа?

Ребенок: От дедушки.

Учитель: Да нет же! От кого в таком случае получил дедушка?

Ребенок: Он взял всё это.

Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «текущий момент». В действительности методы первоначального накопления — все, что угодно, но только не идиллия.

Деньги и товары, точно так же как средства существования и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различные сорта товаровладельцев должны вступить между собой в соприкосновение, — с одной стороны, собственник денег, средств производства и существования, которому требуется закупить рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободный рабочий, продавец своей собственной рабочей силы и, следовательно, продавец труда. Свободный рабочий в двояком смысле: он не должен сам принадлежать непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не должны принадлежать ему, как это имеет место у крестьян и т. д., ведущих самостоятельное хозяйство, — он должен быть свободен от средств производства, освобожден от них, лишен их. Вместе с этим расщеплением товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на средства осуществления труда отделена от самих рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в непрерывно растущем масштабе. Таким образом процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предъисторию капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура [хозяйственный строй] капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, одна сторона того исторического процесса, который превращает производителя в наемного рабочего, заключается в освобождении производителя от феодального и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но имеется и другая сторона, состоящая в том, что освобожденные лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации

основывается не на простых догадках. Она вписана в летописи человечество пламенеющим языком меча и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые владельческие особы, должны были, с своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой точки зрения их возвышение есть плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают эти последние на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в том, что порабощение изменило свою форму, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того, чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветочек средневековья — свободные города.

В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда ввиде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса. Его-то мы и должны рассмотреть прежде всего. Его история в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера ¹⁸⁹.

2. Экспроприация земли у сельского населения

В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собствен-

¹⁸⁹ В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной эмансипировался здесь прежде, чем успел обеспечить за собою какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне общества пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранивших по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание северной Италии, на-

ность¹⁹⁰. В более крупных помещичьих имениях бурмистр (bailiff), некогда сам крепостной, вытеснен свободным фермером. Земледельческию помещице рабчие состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого класса наемных рабочих в собственном смысле этого слова, — класса, относительно и абсолютно немногочисленного. К тому же даже они фактически были и самостоятельными крестьянами, так как наряду с заработной платой получали коттэдж и 4—5 акров пахотной земли. Кроме того, совместно с настоящими крестьянами они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали материалы для отопления: дрова, торф и т. п.¹⁹¹.

Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством ленно зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство¹⁹². Хотя земля Англии была разделена после норманского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включали в себя до 900 старых англосаксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими последними залегали крупные господские поместья. Такой строй деревни при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создал возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Fortescue в своих «Laudibus Legum Angliae», — но возможность капиталистического богатства этим строем исключалась.

чалось движение в обратном направлении. Рабочие массы вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства.

¹⁹⁰ «Мелкие землевладельцы, обрабатывавшие собственные поля собственным трудом и пользовавшиеся скромным благосостоянием... составляли тогда гораздо более значительную часть нации, чем теперь... Не менее 160 000 земельных собственников, составлявших вместе с семействами, вероятно, более одной седьмой всего населения, жили обработкой своих мелких freehold-участков (freehold — полная собственность на землю). Средний доход этих мелких землевладельцев оценивается в 60—70 ф. ст. Вычислено, что лиц, обрабатывавших собственную землю, было больше, чем арендаторов чужой земли» (M a s a u l a y, History of England. 10-th ed. London 1854, vol. I, 333, 334). Еще в последнюю треть XVII столетия $\frac{1}{6}$ английского народа занимались земледелием (там же, p. 413). — Я цитирую Макколея, потому что он, как систематический фальсификатор истории, по возможности «замазывает» такого рода факты.

¹⁹¹ Не следует забывать, что даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обязанными платить оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и участниками в коллективной собственности на общинные земли. «Крестьянин там (в Силезии) — серв». И, однако, эти «сервы» владеют общинными землями. «До сих пор не удалось склонить силезцев к разделу общинных земель, тогда как в Новой Марке уже не осталось деревни, где бы этот раздел не был осуществлен с величайшим успехом» (M i r b e a u, De la Monarchie Prussienne, Londres 1788, vol. II, p. 125, 126).

¹⁹² Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелко-крестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками. Быть «либеральным» насчет средневековья слишком удобно.

Пролог переворота, создавшего основу для капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне общества пролетариев была выброшена на рабочий рынок благодаря уничтожению феодальных дружин, которые, по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта, «везде беспомешно переполняли дома и дворы». Правда, королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к абсолютизму насильственно ускоряла разложение этих дружин, однако она отнюдь не была его единственной причиной. Сами крупные феодалы, стоявшие в самом реакционном антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав [присвоив вопреки праву] общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков, на которые крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы.

Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской текстильной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была дитя своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец стало лозунгом феодалов. Гаррисон в своей «Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles», описывает, какое разрушительное влияние на страну оказывает эта экспроприация мелких крестьян.

Но, пишет он, «what care our great incroachers!» [какое дело до этого нашим великим узурпаторам!]. Жилища крестьян и коттеджи рабочих несильно разрушены или брошены на произвол судьбы. «Если мы, — говорит Гаррисон, — сравним теперешнее состояние каждого рыцарского имени со старыми описями, то увидим, что исчезли бесчисленные дома и мелкие крестьянские хозяйства; что земля прокармливает теперь гораздо меньшее количество людей; что многие города пришли в упадок, хотя наряду с этим процвели новые... Я мог бы порассказать кое-что о городах и деревнях, которые были разрушены и превращены в пастбища для овец и от которых остались только помечичьи дома».

Жалобы таких старых хроник все же несколько преувеличены, но они точно рисуют то впечатление, которое совершившаяся в то время революция производственных отношений произвела на современников. Сравнивая сочинение канцлера Fortescue и Томаса Мора, мы ясно видим ту пропасть, которая отделяет XV век от XVI. По справедливому замечанию Торнтона, английский рабочий класс из своего золотого века без всяких переходных ступеней попал в железный век.

Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой «Wealth of the Nation» [национальное богатство], т. е. созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народной массы, считается последним словом всякой государственной мудрости. Бэкон в своей истории Генриха VII говорит: «Около этого времени (1489 г.) умножились жалобы на превращение пахотных земель в пастбища (для овец и т. д.), требующие лишь присмотра немногих пастухов, земли, сдаваемые в аренду пожизненную или погодную (погодной арендой жила большая часть «уэмен'ов» [свободных земледельцев]), были превращены в господские имения. Это привело к упадку народа, а следовательно, к упадку городов, церквей, десятин... Король и парламент с мудростью, достойной изумления, стремились к уврачеванию этого зла».

Они приняли меры против опустошающей населения узурпации общинных земель (deropulating inclosures), против опустошающего населения пастбищного хозяйства (deropulating pasture), по пятам следующей за этой узурпацией».

Акт Генриха VII, 1489, с. 19, воспрещает разрушать крестьянские дома, к которым принадлежит не менее 20 акров земли. Акт 25 Генриха VIII возобновляет этот закон. Так говорится, между прочим, что «значительное число арендных земель и большие стада скота, в особенности овец, скопляются в немногих руках, вследствие чего земельные ренты очень возросли, а обработка пашни (tillage) пришла в большой упадок, церкви и дома разрушились и поразительно громадные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семьи». Закон предписывает поэтому восстановить запущенные крестьянские дворы, устанавливает отношение между пашней и пастбищем и т. д. Один акт 1533 г. скорбит о том, что многие собственники имеют до 24 000 овец, и ограничивает допустимое число двумя тысячами.¹⁰³

Одинаково бесплодны были и народные жалобы, и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII. Тайну их бесплодности непреднамеренно выдал нам сам Бэкон. «В акте Генриха VII, — пишет он в своих «Essay, civil and moral», Sect. 20, — глубоким и достойным удивления было то, что он создал земледельческие хозяйства и дворы определенной нормальной величины, т. е. удержал за ними такое количество земли, при котором они могли давать подданных, достаточно обеспеченных, не приниженных рабской зависимостью, при котором, с другой стороны, плугом водила рука самого собственника, а не наемника» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings»)^{193a}.

Но капиталистическое производство, наоборот, требовало именно рабского положения народных масс, их превращения в наемников и превращения средств их труда в капитал. В течение этого переходного периода законо-

¹⁰³ В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где овцы пожирают людей» («Utopia, transl. Robinson, ed. Arber. London 1869», p. 41).

^{193a} Бэкон разъясняет связь, существующую между свободным земледельческим крестьянством и хорошей пехотой. «Для поддержания могущества и прав в королевстве было в высшей степени важно сохранить достаточные размеры аренды, чтобы обеспечить безбедное существование здоровым способным людям и закрепить большую часть земли королевства во владении yeomanry, т. е. людей среднего состояния между благородными и бобылями (cottagers) и батраками... Ибо все наиболее компетентные знатоки военного дела согласны между собою в том, что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы образовать хорошую инфантрию, необходимы люди, которые выросли не в рабском унижении или нищете, а на свободе и среди известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахары состоят лишь из рабочих или батраков, а также из бобылей, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях, быть может, и возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую, стойкую пехоту... Мы видим это во Франции и Италии и в некоторых других иностранных землях, где действительно все население состоит из дворянства и нищих крестьян... в такой степени, что они вынуждены применять для своих пехотных батальонов наемные банды швейцарцев и т. п.; отсюда и происходит, что эти нации имеют многочисленное население, но мало солдат» («The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kenilworth in England, ed. 1719. London 1870», p. 308).

дательство старалось также закрепить минимум 4 акра земли за каждым коттеджем земледельческого рабочего и воспрещало последнему принимать в свой коттедж жильцов. Еще в 1627 г., при Иакове I, Роджер Крокер из Фронт-Милля был осужден за то, что выстроил в своем имении Фронт-Милль коттедж и не отвел для него 4 акров земли; еще в 1638 г., при Карле I, была назначена королевская комиссия с целью добиться соблюдения старых законов, в особенности закона о 4 акрах земли; еще Кромвель запретил на расстоянии меньше, чем в 4 мили от Лондона, строить дома, при которых не было бы 4 акров земли. Еще в первую половину XVIII века сельскохозяйственный рабочий жаловался в суд, если к его коттеджу не отводилось от 1 до 2 акров. А теперь он счастлив, если при коттедже имеется маленький садик или недалеко от него можно снять несколько квадратных сажен земли. «Землевладельцы и арендаторы действуют здесь рука об руку, — говорит Dr. Hunter. — Несколько акров при коттедже сделали бы рабочих слишком независимыми»¹⁰⁴.

Насильственная экспроприация народных масс получила новый ужасный толчок в XVI столетии благодаря реформации и сопровождавшему ее колоссальному расхищению церковных имений. Ко времени реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части английской земли. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Самые церковные имения были в значительной своей части отданы в подарок хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулянтам, фермерам и горожанам, которые массами стогнали с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних. Гарантированное законом право обедневших земледельцев на известную часть церковной десятины было у них молчаливо снято.¹⁰⁵ «Raper ubique jacob» [«бедняки везде»], — воскликнула Елизавета после одного путешествия по Англии. На 43 году ее царствования правительство вынуждено было, наконец, официально признать науперизм, введя налог в пользу бедных. «Инициаторам этого закона было стыдно открыто высказать его мотивы, и потому они вопреки всем обычаям пустили его в свет без всякого пояснительного предисловия («preamble»)»¹⁰⁶. Акт 16 Карла I, 4 объявил этот закон постоянным, и лишь в 1834 г. ему была придана новая, более строгая форма¹⁰⁷. Эти непосредственные последствия реформации не были,

¹⁰⁴ Dr. Hunter в «Public Health, 7-th Report 1864. London 1865», p. 134 — «Количество земли, предписываемое (старыми законами), рассматривается теперь как слишком значительное для рабочих, способное превратить их в мелких фермеров» (George Roberts, The Social History of the People of the Southern Counties of England in past centuries, London 1856, p. 184, 185).

¹⁰⁵ «Право бедных на часть церковной десятины прямо установлено древними статуями». (J. D. Tuckett, A History of the Past and Present State of the Labouring Population, London 1846, vol. II, p. 804, 805).

¹⁰⁶ William Cobbett, A History of the Protestant Reformation § 471.

¹⁰⁷ Как проявлялся при этом протестантский «дух», видно, между прочим, из следующего. Несколько землевладельцев и зажиточных фермеров южной Англии, собравшись и совместно пошевелив мозгами, выработали десять вопросов относительно того, как всего правильное толковать аликвинтский закон о бедных. Эти вопросы они подали на заключение знаменитому юристу того времени Sergeant Snigge (впоследствии, при Якове I, судья). Девятый вопрос гласит: «Некоторые богатые фермеры приходят на мысль мудрый план, при помощи которого могли бы быть устранены все замешательства при выполнении акта. Они предлагают выстроить а

однако, самым длительным ее результатом. Церковные имущества составляли религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения¹⁹⁸.

Еще в последние десятилетия XVII века уотмангу, независимое крестьянство, было многочисленнее, чем класс арендаторов. Оно было главной силой Кромвеля и по признанию самого Маколея представляло выгодный контраст по сравнению с кутилами-дворянчиками и их слугами, сельскими попами, на обязанности которых лежало покрывать брачным венцом грехи отставных барских любовниц. Даже и наемные земледельческие рабочие были все еще совладельцами общинных земель. Приблизительно в половине XVIII века исчезает уотмангу¹⁹⁹, а в последние его десятилетия изглаживаются всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем

приходе тюрьму. Каждому бедному, который не согласится подвергнуться заключению в означенной тюрьме, должно быть отказано в помощи. Далее, соседние селения должны быть оповещены, что если там найдется какое-либо лицо, склонное заарендовать бедных этого прихода, то пусть оно присылает в определенный день запечатанное прошение с указанием самой низкой цены, за которую оно согласно взять к себе и содержать наших бедных. Авторы этого плана думают, что в соседних графствах имеются лица, не желающие работать и не обладающие достаточным состоянием или кредитом, чтобы взять в аренду землю или корабль в таком образом жить не трудясь («so as to live without labour»). Такие лица, по всей вероятности, будут склонны сделать приходу очень выгодные предложения. Если же и будет случиться порою, что бедные, отдаленные на попечение такого начальника, погибнут, то грех падет на голову последнего, так как приход исполнил свой долг по отношению к этим бедным. Мы опасаемся однако, что настоящий акт не допустит подобного рода мудрых мероприятий (prudential measure); но вы должны знать, что все остальные ирелайдер'ы [свободные мелкие землевладельцы] нашего и соседних графств присоединятся к нам и побудят своих представителей в палате общин внести законопроект, разрешающий подвергать бедных тюремному заключению и принудительным работам, так чтобы ни одно лицо, не согласное подвергнуться заключению, не имело права на вспомоществование. Это, надеемся мы, отобьет у лиц, впадших в нищету, охоту просить вспомоществования («will prevent persons in distress from wanting relief») (R. B l a k e y, The History of Political Literature from the earliest times, London 1855, vol. II, p. 84, 85). — В Шотландии крепостное право было уничтожено на несколько столетий позже, чем в Англии. Еще в 1698 г. Флетчер из Salhoun'a заявил в шотландском парламенте: «Нищих в Шотландии насчитывается не менее 200 000. Единственное средство против этого, которое я, республиканец по принципу, могу предложить, — это восстановление крепостного права и превращение в рабов всех тех, кто способен самостоятельно обеспечить свое существование». У E d e n, The State of the Poor, vol. 1, ch. I, p. 60, 61: «Сужение крепостных отношений, повидимому, неизбежно приносит с собою пауперизм. Мануфактуры и торговля — вот истинные родители наших бедных». Еден и цитированный выше шотландский республиканец по принципу ошибаются лишь в одном: земледелец сделался пролетарием или паупером не потому, что было уничтожено крепостное право, а потому, что была уничтожена его собственность на землю. — Во Франции, где экспроприация совершилась иным способом, английскому закону о бедных соответствует ординанс Мопиан's а 1571 г. и эдикт 1636 г.

¹⁹⁸ Г-н Роджерс, несмотря на то, что он был профессором политической экономии в оксфордском университете, этом центре протестантской ортодоксии, указывает в своем предисловии к «History of Agriculture» на пауперизацию народных масс реформацией.

¹⁹⁹ «A Letter to Sir T. C. Banbury, Bnt: On the High Price of Provisions, By a Suffolk Gentleman. Ipswich 1795», p. 4. Даже фанатический защитник крупного фермерства, автор «Inquiry into the Connection of large farms etc.

здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные орудия.

Во время реставрации [по восстановлении] Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию [расхищение], которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «вознаградил» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право, и, наконец, октроировали сельским рабочим Англии законы о поселении («law of settlement»), которые сделали из них придаток общины точно так же, как указ татарина Бориса Годунова превратил русских крестьян в придаток их земельных участков.

«Glorious Revolution» (славная революция) вместе с Вильгельмом III Оранским²⁰⁰ поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в подарок, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации²⁰¹. Все это — без малейшего соблюдения форм законности. Присвоенное таким мошенническим способом государственное имущество шараду с землями, награбленными у церкви, поскольку они не были снова утеряны во время республиканской революции, и составляют основу современных княжеских владений английской олигархии²⁰². Буржуазные капиталисты покровительствовали этой операции, между прочим, для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни

London 1773» (стр. 133), говорит: «Я больше всего скорблю об исчезновении нашего yeomanry (йоменов), этой группы людей, которые действительно поддерживали независимость нашей нации; мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках монополистов-лордов и снимаются в аренду мелкими фермерами, которые получают свои участки на условиях, почти столь же тяжелых, как вассалы, и при первом же злосчастном случае могут быть прогнаны».

²⁰⁰ О моральном облике этого буржуазного героя дает представление следующее: «Обширные земли в Ирландии, подаренные в 1695 г. лэди Оркней, вот общеизвестный образец того, как сильно была любовь короля и как велико влияние лэди... Ценные услуги лэди Оркней по всей вероятности были — foeda laborum ministeria» [грязные услуги любви] (в Sloane Manuscript Collection, в Британском музее, № 4224. Манускрипт озаглавлен: «The character and behaviour of King William, Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Strewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.». Он полон курьезов).

²⁰¹ «Незаконное отчуждение коронных земель, частью путем продажи, частью путем дарения, составляет скандальную главу английской истории... гигантское надувательство нации (gigantic fraud on the nation)» (F. W. Neuman, Lectures on Political Economy, London 1851, p. 129, 130). — Здесь Энгельс делает такое указание: «Подробные данные относительно того, как крупные землевладельцы современной Англии приобрели свою теперешнюю собственность, см. в «Our old Nobility. By Nobless Oblige. London 1879». — К.

²⁰² См., напр., памфлет E. Burke'a о герцогском доме Бедфорд, отпрыском которого является лорд Джон Рессель, «the tomtit of liberalism» («хороший молодчик либерализма»).

оказавшихся вне общества пролетариев и т. д. К тому же новая земельная аристократия была естественной союзницей новой бюрократии, только что вылупившейся из яйца финансовой знати и крупных мануфактуристов, опиравшихся в то время на покровительственные пошлины. Английская буржуазия защищала здесь лишь свои собственные интересы и с этой точки зрения поставила столь же правильно, как и шведские горожане, которые преследовали противоположную задачу и, соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, — поддерживали королей, насильственно отбиравших у аристократии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI).

Общинная собственность — совершенно отличная от государственной собственности, о которой только что шла речь, — была старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма. Мы уже видели, что насильственная узурпация ее, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя независимо от этого крупные фермеры не отказываются применять и свои собственные маленькие методы²⁰³. Парламентской формой этого грабежа являются «Bills for inclosures of commons» [законы об огораживании общинной земли], т. е. декреты, при помощи которых земельные собственники сами себе подарили народную землю на правах частной собственности, — декреты, экспроприирующие народ. Сэр Ф., М. Еден, изображающий общинную собственность как частную собственность крупных землевладельцев, заступивших место феодалов, сам опровергает свою хитро построенную адвокатскую речь, требуя, «общего парламентского акта об огораживании общинных земель», признавая, следовательно, что для их превращения в частную собственность необходим парламентский *супр д'етат*, и, с другой стороны, настаивая на законодательном «возмещении убытков» для экспроприированных бедных²⁰⁴.

Когда на место независимых *yeomen's* стали *tenants-at-wille*, мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно, толпа людей, рабски приниженных, всецело зависящих от произвола лэндлорда, то систематическое расхищение общинных земель наряду с грабежом государственных имуществ особенно помогло образованию тех крупных ферм, которые в XVIII веке назывались «капитальными фермами»²⁰⁵ или «купеческими фермами»²⁰⁶; эти же причины

²⁰³ «Фермеры запрещают коттэджерам держать каких бы то ни было живых существ, кроме их самих, под тем предлогом, что, если бы у них были скот и птица, они стали бы воровать корм из закромов. Они говорят также: если хочешь, чтобы коттэджер был трудолюбив, держи его в бедности. В действительности все дело сводится к тому, что фермеры узурпируют, таким образом, все права на общинные земли» («A Political Enquiry into the Consequences of enclosing Waste Lands», London 1785, p. 75).

²⁰⁴ E d e n, The State of the Poor, предисловие.

²⁰⁵ «Capital farms» («Two Letters on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business. London 1767», p. 19, 20).

²⁰⁶ «Merchant-farms» («An Inquiry into the Present High Prices of Provisions», London 1767, p. 11. Примечание). Автором этой хорошей работы, вышедшей в свет анонимно, является Reverend Nathaniel Forster.

способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его «освобождению» для промышленности.

Для XVIII века не было еще в такой степени ясно, как для XIX, что национальное богатство тождественно с народной бедностью. Отсюда энергичнейшая полемика в экономической литературе того времени относительно «inclosure of commons» [огораживания общинных земель]. Из огромного материала, лежащего передо мной, я приведу только немногие места, особенно ярко иллюстрирующие положение того времени.

«Во многих приходах Герфордшира, — пишет одно возмущенное перо, — 24 фермы по 50 — 150 акров в каждой соединены в 3 фермы»²⁰⁷. «В Нортгэмптоншире и Линкольншире очень распространилось огораживание общинных земель, и большинство новых лордств, получившихся путем огораживания, превращены в пастбища; вследствие этого во многих лордствах не распаивается и 50 акров, хотя раньше распаивалось до 1 500 акров... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, коношен, — вот единственные следы, оставшиеся от прежних жителей. «В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего... 8 или 10... В большинстве приходов, где огораживание началось всего 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех земельных собственников, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко не редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов узурпируют большие недавние огороженные лордства, которые раньше находились в руках 10 — 20 фермеров и такого же количества мелких собственников и бобылей. Все эти лица с семействами изгнаны из своих владений, вместе с ними и много других семейств, которые находили у них работу и пропитание»²⁰⁸.

Под предлогом огораживания лэндлорды присваивали не только пустующие соседние земли, но зачастую также земли, обрабатываемые или самими общинниками или лицами, сглажившими их у общины за определенную плату. «Я говорю здесь об огораживании неогороженных до того времени полей и земель, которые уже были обработаны. Даже писатели, защищающие монопольное положение крупных ферм, которые повышают цены на средства существования и разрежают население... даже огораживание пустошей, в том виде, как оно практикуется в настоящее время, лишает бедняков части их средств существования и вздувает размеры ферм, и без того уже слишком крупных»²⁰⁹.

«Если земля, — пишет доктор Прайс, — попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... (раньше он говорил о «массе мелких собственников

²⁰⁷ Thomas Wright, A short address to the Public on the Monopoly of large farms, 1779, p. 2, 3.

²⁰⁸ Reverend A d d i n g t o n, Inquiry into the Reasons for or against enclosing open fields, London 1772, p. 37 — 43 passim.

²⁰⁹ Dr. R. P r i c e, Observations on Reversionary Payments. 6-th ed. By W. Morgan. London 1805, vol. II, p. 155. Прочтите Форстера, Аддингтона, Кента, Прайса и Джемса Андерсона и сравните, с другой стороны, жалкую сифофанскую болтовню Мак Куллоха в его каталоге: «The Literature of Political Economy. London 1845».

и фермеров, которые существуют вместе с своими семьями на счет продукта обрабатываемой ими земли, — овец, птицы, свиней и т. д., прокармливающих на общинной земле, — так что им почти не приходится покушать средства существования на рынке)... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда гонят все большее количество людей, вынужденных искать себе заработка. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет»²¹⁰.

Общие последствия inclosures он резюмирует следующим образом: «В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемщиков; а между тем этим последним также стало гораздо труднее добывать средства к жизни».²¹¹

Действительно, захват общинной земли и сопровождавшая его революция в земледелии отразились так резко на положении сельскохозяйственных рабочих, что, по словам самого Eden'a, заработная плата их в 1765 — 1780 гг. стала падать ниже минимума, вследствие чего ее приходилось дополнять из средств официальной благотворительности. Их заработная плата, говорит он, «была достаточна лишь для удовлетворения абсолютно необходимых жизненных потребностей».

Послушаем теперь одного защитника inclosures [огораживаний] и противника доктора Прайса. «Неправильно заключение, что страна обезлюдела, потому что население не расточает более своего труда на открытых полях... Если после превращения мелких крестьян в людей, вынужденных работать на других, приведено в движение большее количество труда, то это только выгодно и желательно для нации (к которой потерпевшие превращение крестьяне, разумеется, не относятся)... Продукта получается больше, если их комбинированный труд применяется на одной ферме: таким путем создается прибавочный продукт для мануфактур и, следовательно, мануфактуры —

²¹⁰ Там же, р. 147.

²¹¹ Там же, р. 159. Это напоминает древний Рим. «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверяя благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земля эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей. При этом для земледельческих работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы взяты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать. Обладание рабами приносило им еще ту крупную выгоду, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли спокойно размножаться, доставляя хозяевам массу детей. Таким образом, сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Итальянцев же становилось все меньше благодаря свирепствовавшей среди них нищете, налогам и военной службе. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые обладали всей землей и вместо свободных людей употребляли рабов для возделывания земли» (A r i a n, Römische Bürgerkriege, книга I, глава 1, 7). Это место относится к эпохе предшествовавшей закону Лициния. Военная служба, так сильно ускорившая разорение римского плебса, для Карла Великого была главным средством ускорить превращение свободных немецких крестьян в феодально-зависимых и крепостных.

это золотое дно нашей нации — возрастают численно соответственно количеству производимого хлеба».²¹²

Сэр F. Eden, человек торийского направления и к тому же «филантроп», дает нам между прочим образчик того стоического спокойствия духа, с которым экономисты рассматривают самые наглые нарушения «священного права собственности» и самые грубые насилия над личностью, раз они требуются для того, чтобы заложить основы капиталистического способа производства. Бесконецный ряд грабежей, жестокостей и всякого рода насилий, сопровождавший насильственную экспроприацию народа, начиная с последней трети XV и до конца XVIII столетия, приводит его лишь к следующему «утешительному» заключительному размышлению: «Необходимо было установить надлежащую (due) пропорцию между пашней и пастбищем. Еще в течение всего XIV и большей части XV столетия один акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни. В середине XVI столетия пропорция эта изменилась таким образом, что 2 акра пастбища стали приходиться на 2, позднее на 1 акр пашни, пока, наконец, не была достигнута надлежащая пропорция: 3 акра пастбища на один акр пашни».

В XIX веке исчезло, конечно, и самое воспоминание о связи между земледельцем и общинной собственностью. Не говоря уже о позднейшем времени, получило ли сельское население хоть копейку вознаграждения за те 3 511 770 акров общинной земли, которые были у него отняты между 1801 и 1831 гг. и подарены лэндлордам парламентом, состоящим из лэндлордов?

Наконец, последний крупный процесс экспроприации земли у земледельцев известен под именем «Clearing of Estates» («Очистка имений, — в действительности очистка их от людей»). Очистка представляет кульминационный пункт всех рассмотренных выше английских методов экспроприации. Как мы видели в прошлом отделе, где рассматривались современные отношения, в настоящее время, когда уже не осталось независимых крестьян, которых можно было бы выместить, дело доходит до «очистки» земли от коттэджей, так что сельские рабочие уже не находят себе необходимого места для жилья на обрабатываемой ими земле. Что такое «Clearing of Estates» в собственном смысле этого слова, мы можем узнать, лишь обратившись к горной Шотландии, этой обетованной земле современных романов. Там процесс этот отличается своим систематическим характером, широкою масштаба, при котором он совершается разом (в Ирландии землевладельцы сносят по нескольку деревень сразу; в горной Шотландии сразу «очищаются» участки земли величиною с германские герцогства) — и, наконец, особой формой экспроприуемого землевладения.

Кельты горной Шотландии состояли из кланов, каждый из которых был собственником занятой им земли. Представитель клана, глава его, или «большой человек», был лишь номинальным собственником этой земли, совершенно так же, как английская королева является номинальной собственницей всей национальной территории. Когда английскому правительству

²¹² «An Inquiry into the Connection between the present Prices of Provisions etc.» p. 124, 129. Подобные же рассуждения, но окрашенные противоположной тенденцией, мы находим у другого автора: «Рабочие выгнаны из их коттэджей и вынуждены устремиться в города в поисках занятий, но при этом получается больше добавочного продукта, и, таким образом, капитал возрастает» («The Perils of the Nation. 2-nd ed. London 1843» p. XIV).

удалось подавить внутренние войны между этими «большими людьми» и их постоянные набеги на жителей равнинной Шотландии, тогда главы кланов последне не отказались от своего старого разбойничьего ремесла; только форма последнего изменилась. Собственной своей властью они превратили свое номинальное право собственности на землю в реальное право частной собственности, и так как они увидали, что рядовые члены клана, — пролития крови которых для них уже не требовалось, — оказывают сопротивление их стремлениям к обогащению, то решили согнать их с земли путем открытого насилия. «С таким же основанием король Англии мог бы претендовать на право согнать своих подданных с государственной территории в море», — говорит профессор Newnan²¹³. Эта революция, начавшаяся в Шотландии вслед за последним восстанием претендента, продолжена в ее первых фазах сэром Джеймсом Стюартом²¹⁴ и Джеймсом Андерсоном²¹⁵. От Стюарта мы узнаем, что в его время, в последней трети XVIII века, горная Шотландия в малом масштабе еще представляла картину того состояния, в каком Европа находилась за 400 лет. Когда во времена Стюарта гелов начали согнать с земли, им в то же время воспрещалась эмиграция, так как хотели насильно загнать их в Глазго и другие фабричные города²¹⁶.

Как пример метода, господствующего в XIX столетии²¹⁷, мы приведем здесь «очистки», произведенные герцогиней Sutherland. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в области политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было ниведено до 15 000 человек. С 1814 по 1820 г. эти 15 000 жителей — около 3000 семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их

²¹³ F. W. Newnan. Lectures on Political Economy, London 1851, p. 132.

²¹⁴ Steuart говорит: «Ренты с этих земель (он ошибочно подводит под экономическую категорию земельной ренты дани, уплачиваемые вассалами главе клана) безусловно незначительны по сравнению с размерами последних; что же касается числа лиц, живущих арендой, то, быть может, окажется, что клочок земли в горных местностях Шотландии прокармливает в десять раз больше людей, чем земля такой же стоимости в самых богатых провинциях» («Works etc. ed. by General Sir James Steuart, his son. London 1801», vol. I, ch. 16, p. 104).

²¹⁵ James Anderson, Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc., Edinburgh 1777.

²¹⁶ В 1860 г. насильственно экспроприированные были вывезены в Канаду, причем им давали заведомо ложные обещания. Некоторые из них бежали в горы и на соседние острова. За ними была наряжена погоня из полицейских, от которых они скрылись после рукопашной свалки с ними.

²¹⁷ «В горных областях, — пишет в 1814 г. Buchanan, комментатор А. Смита, — старая система собственности ежедневно насильственно опровергается... Лэндлорд, не обращая внимания на наследственных арендаторов (в данном случае эта категория также неправильно применена), отдает землю тому, кто предлагает за нее высшую плату, и если этот последний улучшает возделывание, он тотчас же вводит новую систему культуры. Земля, раньше усеянная мелкими крестьянами, была населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта; при новой системе улучшенной культуры и увеличенной ренты стараются добыть возможно больше продукта с возможно меньшими издержками и ради этой цели удаляют все руки, ставшие бесполезными... Люди, изгнанные из родной земли, ищут средств существования в фабричных городах и т. д.»

деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794 000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавших клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6000 акров земли, по 2 акра на семейство. Эти 6000 акров представляли пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 ш. 6 п. за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна единственная семья, большую часть английские арендаторы-батраки. В 1825 г. 15 000 гэлов уже были заменены 131 000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование.²¹⁸

Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжелое испытание за их горно-романтическое преклонение перед «большими людьми» клана. Запах рыбы бросился в нос «большим людям». Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыбороторгвцам. Гэлы были изгнаны вторично.²¹⁹

Но в конце концов и часть пастбищ для овец в свою очередь превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дичь, обитающая в парках аристократов, есть конституционное домашнее живот-

---

(David Buchanan, Observations on etc. A. Smith's Wealth of Nations. Edinburgh 1814, vol. IV, p. 144). «Шотландская знать экспроприировала крестьянские семьи, выбросив их как сорную траву: она обращается с деревнями и их населением как индейцы, охваченные мстью, с берлогами диких зверей... Человек продается за овчину, за баранью ногу, даже еще дешевле... При одном набеге на северные провинции Китая в совете монголов было предложено уничтожить обитателей и превратить их землю в пастбище. Многие лэндлорды горной Шотландии выполнили этот проект в собственной стране по отношению к своим соотечественникам» (George E. P. S. An Inquiry concerning the Population of Nations, London 1818, p. 215, 216).

²¹⁸ Когда нынешняя герцогиня Sutherland устроила в Лондоне пыльную встречу мистрисс Бичер-Стоу, автору «Uncle Tom's Cabin» («Хижина дяди Тома»), с целью продемонстрировать свою симпатию к неграм-рабам американской республики, — об этой симпатии она вместе с другими аристократками благоразумно забыла во время гражданской войны, когда все «благородные» английские сердца сочувствовали рабовладельцам, — рассказал в «New-York Tribune» о том, как живут рабы самой Sutherland. (Часть моей статьи цитирована у Сагеу в «The Slave Trade, London 1853», p. 202, 203). Статья эта была перепечатана одной шотландской газетой и вызвала энергичную полемику между этой последней и сикофантами Sutherland.

²¹⁹ Интересные данные об этой рыбной торговле мы находим у David Urquhart'a, «Portfolio. New Series». — Nassau W. Senior в своем выше цитированном посмертном сочинении: «Journals, Conversations and Essay relating to Ireland. London 1868», квалифицирует «мероприятия» Сутерлендшире как одну из самых благодетельных «очисток» (clearings), какие только знает человечество».

ное, она жирна как лондонские альдермены [члены городского совета]. Шотландия представляет последнее убежище этой благородной страсти.

«В горных областях, — пишет Somers в 1848 г., — площадь, занятая лесом, значительно расширилась^{219a}. Здесь, по одну сторону Gaisk'a, вы видите новый лес Glenfeshie, там, по другую его сторону, новый лес Ardvorikie. Там же расстилается перед вами Blak-Mount, огромная недавно запущенная пустошь. С востока к западу, от окрестностей Aberdeen'a до скал Oban'a тянется в настоящее время непрерывная линия лесов, между тем как в других частях горной страны новые леса находятся в Loch Archaig, Glengarry, Glenmoriston и т. д.... Превращение земли в пастбище для овец... выгнало гэлов на менее плодородные земли. Теперь красная дичь начинает вытеснять овец, что повергает гэлов в еще более безвыходную нищету... Охотничий парк и народ не могут ужиться вместе. Тот или другой должны очистить место. Если в ближайшую четверть века места для охоты будут численно и по своим размерам возрастать в такой же степени, как они возрастали в прошлую четверть века, то ни одного гэла не останется более на родной земле. Это движение среди землевладельцев горных местностей вызвано отчасти модой, аристократической причудой, страстью к охоте и т. п., отчасти же они ведут торговлю дичью, имея в виду исключительную выгоду. Ибо фактически участок горной земли, отведенный для охоты, оказывается во многих случаях несравненно более доходным, чем тот же участок, превращенный в пастбище для овец... Любитель, ищущий места для охоты, готов предложить такую цену, какую только позволяют размеры его кошелька... Бедствия, постигшие горную Шотландию, не менее ужасны, чем те, которые постигли Англию благодаря политике норманских королей. Дичь получила больше простора, но зато людей суживают в пределах все более и более тесных... У народа отнимают одну волюность за другой... И гнет ежедневно возрастает. Очистка и изгнание населения практикуются собственниками как твердо установленный принцип, как чисто техническая земледельческая мера; подобно тому как на девственных землях Америки и Австралии сводятся деревья и кусты, так тут поступают с людьми, совершая эту операцию спокойным деловым образом»²²⁰.

^{219a} В шотландских «deer forests» (охотничьих парках) нет ни одного дерева. Овец угоняют прочь, на место их сгоняют оленей на голые горы и называют это «deer forest». Таким образом здесь нет даже лесоразведения.

²²⁰ Robert Somers, Letters from the Highlands; or the Famine of 1847. London 1848, p. 12 — 18 passim. Эти письма появились первоначально в «Times». Английские экономисты, само собой разумеется, объясняли голод, постигший гэлов в 1847 г., их перенаселением. Во всяком случае последние, видите ли, «давили» на средства своего существования. — В Германии «Clearing of Estates» или, как оно называлось здесь, Bauernlegen (холощение крестьян), развившись с особенной силой после Тридцатилетней войны и еще в 1790 г. вызвало крестьянские восстания в курфюрстве Саксонии. Оно господствовало преимущественно в восточной Германии. В большинстве провинций Пруссии право собственности было гарантировано крестьянам только Фридрихом II. Завоевав Силезию, он принудил ее землевладельцев восстановить крестьянские избы, амбары и т. п. и снабдить крестьянские хозяйства скотом и орудиями. Ему нужны были солдаты для армии и плательщики налогов для казначейства. Насколько приятна была жизнь крестьянина при Фридрихе II с его безобразной финансовой политикой и его системой управления, представляющей смесь деспотизма, бюрократизма и феодализма, об этом свидетельствуют следующие слова Мирабо, горячего поклонника Фридриха: «Лен составляет одно из главных богатств

Разграбление перковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность, осуществленное узурпаторами с беспощадным терроризмом, — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата.

3. Кровавое законодательство против экспроприированных с конца XV века

Законы с целью понижения заработной платы

Люди, выгнанные вследствие распушения феодальных дружин и оторванные от земли насильственной экспроприацией, эти объявленные вне закона пролетарии поглощались развивающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой они появлялись на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной новой своей обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг, — частью добровольно, в большинстве случаев

земледельца северной Германии. Но, к несчастью для рода человеческого это — только средство против крайней нищеты, а не источник благосостояния. Прямые налоги, дворовые службы, разнообразные барщины разоряют крестьянина, который к тому же платит косвенные налоги на все, что он покупает... и к довершению бедствия он не смеет продавать свой произведения там, где хочет, и за столько, за сколько хочет; он не смеет покупать необходимые ему продукты у тех купцов, которые согласны продать их за наиболее выгодную цену. Все эти обстоятельства мало-по-малу разоряют его, и он не мог бы платить прямых налогов, если бы не занимался прядением; это последнее доставляет ему необходимое подспорье, давая возможность использовать силы его жены, его детей, слуг и служанок и его самого. Но такая жалкая жизнь, даже с этим подспорьем! Летом он работает, как каторжник; в периоды обработки полей и сбора урожая он ложится в 9 часов и встает в 2, чтобы управиться с тяжелой работой; зимой он должен бы восстановить свои силы, пользуясь более продолжительным отдыхом; но у него не хватает зерна на хлеб и на семена, если он отдаст ту часть урожая, которую необходимо продать для уплаты налогов. Итак, приходится прядь, чтобы заполнить эту прореху... приходится заниматься прядением с величайшим напряжением. Поэтому крестьянин зимой ложится в полночь или в час ночи и встает в пять или шесть часов утра, или же ложится в девять и встает в два, — и так ежедневно в течение всей своей жизни за исключением воскресных дней... Это чрезмерно продолжительное бодрствование и этот чрезмерно интенсивный труд истощает организм человека; вот почему в деревне мужчины и женщины состариваются гораздо скорее, чем в городах» (Mirabeau, De la Monarchie Prussienne, Londres 1788, vol. III, p. 212 и сл.).

Добавление ко 2 изд. В апреле 1866 г. 18 лет спустя после опубликования цитированной выше работы Роберта Сомерса, профессор Леоне Леви читал в Society of Arts доклад о превращении пастбищ в охотничьи парки. Он рассказывал, насколько подвинулось вперед превращение горной Шотландии в пустыню, и, между прочим, говорит: «Изгнание населения и превращение земли в пастбища для овец послужило самым удобным средством для получения дохода без соответственных затрат... Земли пастбищ для овец охотничьими парками стала обычной в горной Шотлан-

под давлением необходимости. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях.

В Англии это законодательство началось при Генрихе VII.

Согласно акту Генриха VIII от 1530 г. старые и неспособные к труду нищие получают разрешение собирать милостыню. Но наказание плетью и тюремное заключение грозят работоспособным бродягам. Закон предписывает привязывать их к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по телу, и затем брать с них клятвенное обещание возвратиться на родину или туда, где они провели последние три года, и «приняться за труд» (to put himself to labour). Какая жестокая прония! Акт 27 Генриха VIII подтверждает этот закон и усиливает его кары новыми добавлениями. При рецидиве бродяжничества наказание плетью повторяется и кроме того отрезывается половина уха; если же бродяга попадает в третий раз, то он подвергается смертной казни как тяжкий преступник и враг общества.

Эдуард VI в 1547 г. — в первый же год своего царствования — издает закон, по которому всякий, уклоняющийся от работы, отдается в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося.

дип. Овцы изгоняются дикими зверями, подобно тому, как раньше изгонялись люди, чтобы очистить место для овец...

В Форфаршире вы можете пройти от поместий графа Dalhousie вплоть до поместий John o'Groat, не выходя из района охотничьих лесов.—Во многих (из этих лесов) давно уже живут лисицы, дикие кошки, куницы, хорьки, ласки и альпийские зайцы; кролики же, белки и крысы лишь за последнее время появились там. Огромные земельные площади, фигурирующие в Шотландской статистике как луга, необычно богаты и обширны, изъяты в настоящее время от всякой культурной обработки и посвящены исключительно охотничьей забаве немногих лордов, — забаве, продолжающейся лишь немногие дни в году.

Лондонский «Economist» от 2 июня 1866 г. пишет: «Одна шотландская газета в числе повостей последней недели, между прочим, сообщает: «Одна из лучших овечьих ферм в Сутерлендшире, за которую недавно по истечении срока контракта было предложено 1200 ф. ст. годовой ренты, превращена в «deer forest!» Феодалные инстинкты проявляются так же... как во времена норманнского завоевания... когда было разрушено 36 деревень, чтобы создать на их месте лес New Forest... Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших участков Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Glen Tilt, считалась наиболее питательным кормом в графстве Perth; охотничий парк в Ben Alder давал самую лучшую траву в обширном округе Badenoch; часть леса Black Mount представляла самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустоши ради любителей охоты, можно себе составить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Perth. Как много средств производства теряет страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что почва леса Ben Alder могла бы прокормить 15 000 овец, и что площадь этого леса составляет лишь $\frac{1}{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля пропадает совершенно даром для производства... результат тот же, как если бы она погрузилась в воды Северного моря. Сильная рука закона должна бы положить конец этому вытекающему из причуд создания пустошей и пустырей».

Хозяин должен кормить своего раба хлебом и водой, давать ему слабые напитки и такие мясные отбросы, какие ему заблагорассудится. Он имеет право плетью и наложением цепей принуждать его ко всякой работе, как бы отвратительна она ни была. Если раб самовольно отлучается на 2 недели, то он осуждается на пожизненное рабство и на его лоб или на щеку кладут клеймо «S»; если он убегает в третий раз, его казнят как государственного преступника. Хозяин может его продать, завещать по наследству, отдать внаем как раба, как всякое движимое имущество или скот. Если рабы замыслили что-либо против своих господ, то они также подлежат смертной казни. Мировые судьи обязаны разыскивать беглых рабов по заявлению господ. Если окажется, что беглый бродяга три дня шатался без дела, то его отправляют на родину, выжигают раскаленным железом на его груди клеймо «V» и, заковав в цепи, употребляют для дорожных и других работ. Бродяга, неправильно указавший место своего рождения, в наказание за это обращается в пожизненного раба соответствующего селения, его жителей или корпорации и получает клеймо «S». Всякий имеет право отнять у раба его детей и держать их при себе в качестве учеников, — юношей до 24 лет, девушек до 20 лет. Если они убегают, то до наступления указанного возраста обращаются в рабов своих хозяев-воспитателей, которые получают право по произволу злочинить на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться²²¹. В последней части этого закона предусматриваются случаи, когда бедные должны работать на тот округ или тех лиц, которые берутся их кормить, поить и снабжать работой. Такого рода рабы — рабы приходов — сохранились в Англии вплоть до XIX века под именем *groundsmen* (приходчики).

Закон Елизаветы от 1572 г.: нищие старше 14 лет, не имеющие разрешения собирать милостыню, подвергаются жестокому наказанию кнутом и наложением клейма на левое ухо, если никто не соглашается взять их в услужение на два года; в случае рецидива нищие старше 18 лет подвергаются смертной казни, раз никто не соглашается взять их на 2 года в услужение; при третьем рецидиве их казнят без всякой пощадки как государственных преступников. Аналогичные предписания содержат законы: 18 Елизаветы с. 13 и закон 1597 г.^{221a}

²²¹ Автор «*Essay on Trade etc.*» замечает: «В царствование Эдуарда VI англичане с полной, повидимому, серьезностью принялись за поощрение мануфактур и доставление бедным занятий. Это видно из одного замечательного закона, в котором говорится, что на всех бродяг должно быть наложено клеймо» и т. д. («*An Essay on Trade and Commerce*», London 1770, p. 8).

^{221a} Томас Мор говорит в своей «Утопии»: «Так-то и случается, что жадный и ненасытный обжора, настоящая чума своей родины, собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, донимают их, и они, наконец, вынуждены выселиться. Эти бедные, простые, несчастные люди! Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, объятые отчаянием матери с грудными детьми, все домоладны, бедные средствами к жизни, но многочисленны, так как все население требовало много рабочих рук. Они бредут прочь, говоря: покидают свои привычные родные места и нигде не находят приюта. Продажа всей домашней утвари, хотя и не имеющей большой цен-

Согласно закону Иакова I, лицо, праздношатающееся и просящее милостыню, считается бродягой. Мировые судьи, — конечно, сплошь землевладельцы, промышленники, духовные, на которых возложено судебное дело, — в Petty Sessions [васедание суда с участием двух или нескольких мировых судей. — К.] уполномочены подвергать таких бродяг публичному наказанию плетьюми и заключать в тюрьму попавшихся первый раз на 6 месяцев, попавшихся второй раз на 2 года. Во время тюремного заключения они подвергаются наказанию плетьюми так часто и в таких размерах, как это заблагорассудится мировым судьям... Неисправимых и опасных бродяг предписывается клеймить, выжигая на левом плече букву «R», и употреблять на принудительные работы; если же они еще раз попадают в нищезствие, их казнят без милосердия. Эти предписания закона действовали вплоть до начала XVIII века и были отменены лишь актом 12 Анны с. 23.

Подобные законы и во Франции, где в половине XVII века парижские бродяги основали так называемые «королевства бродяг» (royaume des truands). Еще в начале царствования Людовика XVI был издан ординас (от 13 июля 1777 г.), который предписывал ссылать на галеры здоровых людей в возрасте от 16 до 60 лет, если они не имели средств существования и определенной профессии. Аналогичные меры предписываются законом Карла V для Нидерландов (октябрь 1537 г.), первым эдиктом штатов и городов Голландии от 19 марта 1614 г., «плакатом» Соединенных Провинций от 25 июня 1649 г. и т. д.

Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетьюми, клеймами, пытками.

Мало того, что условия труда выступают на одном полюсе как капитал, на другом полюсе как люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Не достаточно также принудить их добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства раз-

ности, могла бы при других условиях оказать им некоторую помощь, но, внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрачено все до последней копейки, то скажите, бога ради, что же им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона. Или просить милостыню? Но тогда их заключают в тюрьму как бродяг за то, что они шатаются без дела: их обвиняют в бездельничестве, — их, которым ни одна душа не хочет дать работы, как бы рожисто они ее нидобивались». Из числа этих бедных изгнанников, которых, по словам Томаса Мора, прямо-таки принуждали к воровству, «в царствование Генриха VIII было казнено 72 000 больших и малых воров (Hollinshed, Description of England, vol. I, p. 186). Во времена Елизаветы «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте не было повешено их 300 или 400 человек» (Strype, Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurrences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign. 2-nd ed. 1725, vol. II). Согласно тому же самому Strype'у, в Сомерсетшире в течение одного только года было казнено 40 человек, на 35 наложены клейма, 37 подвергнуто наказанию плетьюми и 183 «отчаянных негодяев» выпущено на волю. Тем не менее, говорит этот друг человечества, «это значительное число обвиняемых не составляет и 1/3 всех подлежащих наказанию преступников, благодаря попустительству мировых судей и нелепому состраданию народа». Он добавляет: другие графства Англии были не в лучшем положении, чем Сомерсетшир, а многие даже в гораздо худшем.

вивается рабочий класс, который по своему воспитанию; традициям, привычкам признает условия капиталистического способа производства самоочевидными естественными законами. Организация развитого капиталистического производственного процесса сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а следовательно, и заработную плату в границах, соответствующих потребности капитала в самовозрастании; слепой гнет экономических отношений укрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное насилие, правда, еле продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникало. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выкалыванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления.

Класс наемных рабочих, возникший в последнюю половину XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии очень ничтожную часть народа; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал при каждом приращении капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта, превратившегося позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего.

Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу²²², начинается в Англии при Эдуарде III статутом о рабочих (Statute of Labourers), изданным в 1349 г. Во Франции ему соответствует ординанс 1350 г., изданный от имени короля Жана. Английское и французское законодательства развиваются параллельно и по содержанию своему тождественны. Поскольку рабочие стараются добиться удлинения рабочего дня, я не стану их касаться, так как этот пункт уже рассмотрен выше (глава восьмая, 5).

Statute of Labourers [закон о рабочих] был издан вследствие настоятельных жалоб палаты общин. «Прежде, — наивно замечает один торь, — бедные требовали столь высокой заработной платы, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь заработная плата их настолько низка, что это

²²² «Всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать сферу между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева», говорит А. Смит. «L'esprit des lois, c'est la propriété» [«Собственность — вот дух законов»], — говорит Linguet.

опять-таки угрожает промышленности и богатству, хоть в ином и, быть может, еще более опасном смысле, чем тогда»²²³. Законом устанавливается тариф заработной платы для города и деревни, для сдельной и поденной работы. Сельские рабочие должны наниматься на год, городские же — на произвольные сроки, «на вольном рынке». Под страхом тюремного наказания воспрещается выдавать плату более высокую, чем указанная в статутах, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются сильнее, чем уплатившие ее. Так, напр., еще в Елизаветинском законе об учениках отдели 18 и 19 назначают десятидневное тюремное заключение для того, кто выдал плату сверх нормы, и трехнедельное заключение для того, кто ее принял. Закон 1360 г. назначал еще более суровые наказания и даже уполномочивал хозяев заставлять рабочих путем физического принуждения работать согласно установленному законом тарифу. Все союзы, договоры, клятвы и т. п., которыми обязывали друг друга каменщики и плотники, были объявлены недействительными. Коалиции [объединения] рабочих рассматривались как тяжкое преступление, начиная с XIV века и вплоть до 1825 г., когда были отменены законы против коалиций. Дух рабочего закона 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум.

В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой упала цена денег и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала. Тем не менее законы, направленные к понижению заработной платы, продолжали действовать; неукоснительно отрезывались уши и налагались клейма на тех, «кого никто не соглашался взять в услужение». Закон об учениках 5 Елизаветы с. 3 уполномочивает мировых судей устанавливать определенные заработные платы и видоизменять их «сообразно временам года и товарным ценам. Иаков I распространил это регулирование труда на ткачей, прядильщиков и всякие иные категории рабочих»²²⁴; Георг II распространил законы против рабочих коалиций на все мануфактуры.

В собственно мануфактурный период капиталистический способ производства достаточно окреп для того, чтобы сделать законодательное регулирование заработной платы и невыполнимым и ненужным, но, несмотря на то, все же хотели удерживать на всякий случай это оружие из старого арсенала. Еще акт 8 Георга II воспрещает давать подмастерьям портным Лондона и окрестностей более 2 ш. 7¹/₂ п. поденной платы за исключением случаев всенародного траура; еще акт 13 Георга III с. 68 предоставляет мировым судьям регулировать заработную плату шелкоткачей; еще

²²³ «Sophisms of Free Trade. By a Barrister. London 1850», p. 53. Он ехидно прибавляет: «Мы всегда были готовы вмешаться в пользу предпринимателей; неужели мы ничего не можем сделать в пользу рабочих?»

²²⁴ Из одного пункта статута 2, Иакова I, с. 6, видно, что некоторые судьи, бывшие в то же время мировыми судьями, позволяли себе официально устанавливать тариф заработной платы в своих собственных мастерских. В Германии очень часто издавались статуты для понижения заработной платы, — особенно после Тридцатилетней войны. «Помещиков очень тяготил недостаток слуг и рабочих в обезлюдевших местностях. Всем деревенским жителям было воспрещено сдавать в наем комнаты холостым мужчинам и женщинам; обо всех такого рода постояльцах приказано доносить начальству, и они должны быть заключены в тюрьму, если не пожелают пойти в услужение, хотя бы они поддерживали свое существование какими-либо другими занятиями, работами на крестьян за поденную плату»

в 1796 г. потребовалось два постановления высших судебных учреждений для того, чтобы решить, распространяются ли нормы заработной платы, предписанные мировыми судьями, на сельскохозяйственных рабочих: еще в 1799 г. парламентским актом было подтверждено, что плата углекопов Шотландии регулируется статутом Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 гг. Насколько радикально изменились к этому времени условия, показывает один случай, неслыханный в английской палате общин. Здесь, где в течение 400 лет фабриковались законы, устанавливающие исключительно тот максимум, которого ни в коем случае не должна превышать заработная плата, Whitbread предложил в 1796 г. определить законом минимум заработной платы для сельскохозяйственных рабочих. Питт воспротивился этому, соглашаясь, однако, что «положение бедных ужасно (stuel)». Наконец, в 1813 г. законы относительно регулирования заработной платы были отменены. Они стали смешной аномалией в эпоху, когда капиталист регулировал труд на своей фабрике посредством своего личного законодательства и при помощи налога в пользу бедных дополнил до необходимого минимума плату сельскохозяйственных рабочих. Но и по это время сохранились в полной неприкосновенности предписания рабочих законов, касающиеся договоров между хозяином и рабочими, сроков предупреждения и т. д., — предписания, согласно которым к хозяину, нарушившему контракт, может быть предъявлен лишь гражданский иск, тогда как рабочий, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности¹²⁴⁰).

Жесткие законы против коалиции пали в 1825 г., когда поведение пролетариата стало угрожающим. Тем не менее они пали только отчасти. Некоторые милые остатки старых статутов исчезли лишь в 1859 г. Наконец, 29 июня 1871 г. был издан парламентский акт, направленный, повидимому, к уничтожению последних следов классового законодательства, так как он даровал юридическое признание тред-юнионам. Но другой парламентский акт, изданный в тот же день (an act to amend the criminal law relating to violence, threats and molestation), фактически восстановил прежнее положение в новой форме. При помощи такого парламентского фокуса все средства, которыми могли бы воспользоваться рабочие во время стачки или локаута [т. е. стачки объединенных фабрикантов, прибегающих к одновременному закрытию своих фабрик], были изъяты из ведения общего законодательства и подчинены исключительно уголовному закону, истолкование которого всецело зависело от мировых судей, т. е. от фабрикантов. Дважды годами раньше в той же самой нижней палате и тот же самый господин Гладстон с известным благородством внес законопроект об отмене всех исключительных законов, направленных против рабочего класса. Но далее, чем

или даже торговали деньгами и хлебом (Kaiserliche Privilegien und Sanctionen für Schlesien I. 125). В течение всего столетия в указах государей не прекращаются горькие жалобы на истощенную и распушенную челядь, которая не подчиняется строгому режиму, не довольствуется установленной законом платой; отдельно помещику воспрещается выдавать более высокую плату, чем установлено таксой, выработанной для всей округы. И все же после войны условия, в которых находились слуги, были иногда лучше, чем сто лет спустя; в Силезии слуги еще в 1652 г. получали мясо два раза в неделю, тогда как в настоящем столетии в той же Силезии имеются места, где слуги получают мясо лишь три раза в год. И заработная плата была после войны выше, чем в последующие столетия» (G. F r e i t a g).

²²⁴⁰ Отменены в 1875 г., сравн. глава тринадцатая, прим. 190. — Л.

до второго чтения этого законопроекта, дело не пошло, проект был по-ложен под сукно, пока, наконец, «великая либеральная партия», соединившись с тори, не набралась смелости решительно выступить против того самого пролетариата, который поставил ее у власти. Не довольствуясь этим предательством, «великая либеральная партия» позволила английским судьям, всегда пресмыкавшимся перед господствующими классами, откопать старый закон против «конспирации» (заговоров) и пустить его в ход для подавления рабочих коалиций. Как видим, лишь против воли, лишь под давлением масс английский парламент отказался от законов против стачек и трэджюнонов, после того как сам этот парламент с циническим бесстыдством в течение пятисот лет занимал положение постоянного трэджюниона капиталистов, направленного против рабочих.

С другой стороны, французская буржуазия в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Законом от 14 июня 1791 г. она объявила, что все рабочие коалиции — «преступление против свободы и декларации прав человека», караемое штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год²²⁵. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из Code Pénal [уголовного уложения].

В высшей степени характерна мотивировка этого буржуазного государственного переворота. Шателье, который выступил докладчиком перед Национальным Собранием и которого Камиль Демулен называет «жалким спорщиком» (*ergoteur misérable*)^{225a}, говорил: «Хотя и желательно повышение заработной платы выше теперешнего уровня, дабы тот, кто получает эту плату, избавился от абсолютной, почти рабской зависимости, обусловленной недостатком необходимых средств существования, тем не менее рабочие не должны сговариваться между собой относительно своих интересов, не должны действовать совместно с целью смягчать свою «абсолютную, почти рабскую зависимость», так как этим «они нарушили бы свободу своих бывших хозяев, теперешних предпринимателей» (свободу держать рабочих в рабстве!) и так как коалиция против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть восстановление цехов, отмененных французской конституцией²²⁶.

²²⁵ Первая статья этого закона гласит: «Так как уничтожение всякого рода корпораций лиц одного состояния или одной профессии... составляет одну из коренных основ французской конституции, то воспрещается восстанавливать таковые корпорации под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме.» Статья IV заявляет, что, «если граждане, занятые одной и той же профессией, искусством или ремеслом, створятся между собой или составят соглашение, направленное к тому, чтобы отказатья скопом или не соглашаться ниже известной платы оказывать услуги своею промышленною деятельностью и своими работами, то вышеназванные створы и соглашения должны быть объявлены... противоконституционными, преступлением против свободы и декларации прав человека и т. д.», т. е. государственным преступлением, совершенно так же, как и в старых рабочих статутах («*Révolutions de Paris*», Paris 1791, vol. III, p. 523).

^{225a} «*Révolutions de France*», Nr. LXXVII.

²²⁶ Buchez et Roux, Histoire Parlementaire, vol. X, p. 193—195.

4. Возникновение капиталистических фермеров

Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высокочудовищные меры, которые, усиленная степень эксплуатации труда, тем самым полицейскими способами повышали накопление капитала. Спрашивается теперь: откуда же возникли первоначально капиталисты? Ведь экспроприация сельского населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается возникновения фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, прокатывающийся через многие столетия. Имущественные отношения среди самих крепостных, не говоря уже о существовавших рядом с ними свободных мелких земельных собственниках, были очень различны, а потому и эмансипация их совершилась при очень различных экономических условиях.

В Англии первой формой фермера является сам крепостной bailiff [управляющий, бурмистр господского имения]. По своему положению он напоминает древнеримского villicus'a, но с более узким кругом деятельности. Во второй половине XIV столетия на место bailiff'a становится фермер, которого лэндлорд снабжает семенами, скотом и сельскохозяйственными орудиями. Положение его почти не отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда. Скоро он становится «metayer», половником-арендатором. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лэндлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который увеличивает свой собственный капитал, применяя наемных рабочих, и отдает лэндлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты.

В течение XV века, пока труд независимых крестьян шел в их собственную пользу, а сельскохозяйственные рабочие наряду с наемным трудом вели самостоятельное хозяйство, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера в такой же степени быстро, как разоряла сельское население²²⁷. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как применение большего количества скота в земледелии, а также продажа дают ему более высокую прибыль, и к тому же этот скот доставляет обильное удобрение для его земли.

В XVI столетии сюда присоединяется еще один решающе важный момент. В то время арендные договоры заключались на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а

²²⁷ Harrison в своей «Description of England» пишет: «Хотя прежняя рента в 4 ф. ст. возросла, может быть, до 40 ф., однако фермер по истечении срока аренды полагает, что он сделал плохую операцию, если только на руках у него не останется ренты за шесть-семь лет, т. е. 50 — 100 ф. ст.»

следовательно, и денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть той суммы, на которую понижалась плата, превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все земледельческие продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всякого содействия с его стороны, между тем, земельную ренту ему приходилось уплачивать на основе старых договоров, заключенных при прежней стоимости денег²²⁸. Таким образом он обогащался одновременно и на счет своих наемных рабочих, и на счет своего лэндлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров»²²⁹.

²²⁸ О влиянии обесценения денег в XVI столетии на различные классы общества см.: «A Compendious or Briefe Examination of Certaine Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days. By W. S. Gentleman» (London 1581). Диалогическая форма этого сочинения способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло в свет под его именем. Автор его — Вильям Стаффорд. В одном месте рыцарь (knight) рассуждает следующим образом:

Рыцарь: «Вы, мой сосед, земледелец, вы, господин торговец, и вы, мой добрый медник, вы, как и другие ремесленники, можете сравнительно легко отстоять свои интересы. Ибо чем больше становится цена всех предметов по сравнению с тем, что они стоили раньше, тем сильнее повышаете вы цены на ваши товары и продукты вашего труда, которые вы продаете. Но у нас нет ничего такого, что мы могли бы продать по повышенной цене и, таким образом, уравновесить тот убыток, который мы получаем, покупая продукты». В другом месте рыцарь спрашивает доктора: «Скажите, пожалуйста, кого вы имеете в виду? И прежде всего, кто, по вашему мнению, не терпит при этом никаких потерь?» *Доктор*: «Я имею в виду тех, которые живут покупкой и продажей и, если дорого покупают, то столь же дорого продают». *Рыцарь*: «А из кого состоит та категория людей, которая, по вашим словам, выигрывает от этого?» *Доктор*: «Ну, конечно, это все арендаторы или фермеры, которые платят за обрабатываемую ими землю старую ренту, ибо платят они по старой норме, а продают по новой, т. е. платят за свою землю очень дешево, а все, что вырастает на ней, продают дорого»... *Рыцарь*: «Ну, а кто же те, которые, по вашим словам, теряют от этого больше, чем выигрывают эти люди?» *Доктор*: «Это все дворяне, джентльмены, и все вообще люди, которые живут твердо установленной рентой или жалованьем, или не сами обрабатывают свою землю, или не занимаются торговлей».

²²⁹ Во Франции régisseur, бывший в начале средних веков управляющим и сборщиком феодальных повинностей в пользу феодала, скоро превращается в homme d'affaires [дельца], который при помощи вымогательства, обмана и т. п. и вырастает в капиталиста. Эти régisseurs сами принадлежали иногда к благородному сословию. Например: «Сей отчет представляет Jacques de Thoraine, рыцарь кастелян в Безансоне, своему штрону, держащему отчет в Дижоне перед государем, герцогом и графом Бургонским, относительно рент, причитающихся с означенного кастелянства с 25 декабря 1359 г. по 28 декабря 1360 г.» (Alexis Monteil, Histoire de Matériaux manuscrits etc., p. 244). Уже тут видно, какая львиная доля попадает в руки посредников во всех сферах общественной жизни. Так, напр., в экономической области сливки с предприятий снимают финансисты, биржевики, кушцы, лавочники; в области гражданского права адвокат оплетает тяжущиеся стороны; в политике депутат значит больше, чем его избиратели, министр — больше, чем государь; в религии бог отодвигается на задний план святыми «заступниками», а эти последние — понами, которые в свою очередь являются неизбежными посредниками между «пластичным добрым» и его стадом. — Во Франции, как и в Англии, крупные феодальные территории были разделены на бесчисленное множество мел-

5. Обратное влияние сельскохозяйственной революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала

Осуществлявшийся толчками, постоянно возобновлявшийся процесс экспроприации сельского населения и изгнание его с земли доставлял, как мы видели, городской промышленности все новые и новые массы пролетариев, стоящие совершенно вне всяких цеховых отношений, — обстоятельство, заставившее старика А. Андерсона (не следует смешивать с Джемсом Андерсоном) в его истории торговли уверовать в непосредственное вмешательство провидения. Мы должны еще остановиться на минуту на этой стороне первоначального накопления. Разрежению самостоятельно хозяйствующего, независимого сельского населения соответствовало не только сгущение промышленного пролетариата, подобно тому, как сгущение мировой материи в одном месте объясняется по Жоффруа Сент-Илеру²³⁰ ее разрежением в другом. Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше. Так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д., и так как, с одной стороны, сельскохозяйственные наемные рабочие принуждались к более интенсивному труду²³¹, с другой стороны, все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом вместе с освобождением части сельского населения освобождаются и его прежние средства существования. Они превращаются теперь в вещественный элемент переменного капитала. Оказавшийся между небом и землей крестьянин должен купить их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы. Туземный сырой материал, доставляемый для промышленности сельским хозяйством, постигла та же судьба, как и средства существования. Он превратился в элемент постоянного капитала.

Представим себе, например, что часть вестфальских крестьян, которые во времена Фридриха II все занимались прядением, хотя не шелка, но льна, насильственно экспроприрована и прогнана с земли, в то время как оставшаяся их часть превращена в батраков крупных фермеров. Наряду с этим растут крупные льнопрядильные и ткацкие предприятия, в кото-

---

ких хозяйств, но они находились в условиях, гораздо менее благоприятных для сельского населения. В течение XIV века сильно развились аренды, фермы или так называемые *terriers*. Число их постоянно росло и значительно превысило 100 000. Они уплачивают в виде земельной ренты от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{6}$ продукта деньгами или натурой. *Terriers* назывались ленами, поленами (*iefs, arrière-iefs*) и т. д. смотря по величине площади, которая иногда состояла всего из нескольких арпанов. Все владельцы этих *terriers* обладали в той или иной степени судебной властью по отношению к населению своих участков; таких степеней было четыре. Легко представить себе, каким гнетом ложилась на сельское население власть этих бесчисленных мелких тиранов. *Monteil* говорит, что в те времена во Франции было 160 000 судов там, где теперь существует всего 4000 судебных учреждений (включая сюда и мировые суды).

²³⁰ См. его «*Notions de Philosophie Naturelle*», Paris 1838.

²³¹ Этот пункт подчеркивает сэр Джемс Стюарт.

рых «освобожденные» от земли находят себе работу в качестве наемных рабочих. Лен имеет совершенно такой же вид, как раньше. Ни одно волокно его не изменилось, но в его материальное тело внедрилась теперь новая социальная душа. Он составляет теперь часть постоянного капитала владельца мануфактуры. Распределенный раньше между массой мелких производителей, которые сами выращивали его и выпрядали маленькими порциями, работая вместе со своими семьями, он теперь сосредоточен в руках одного капиталиста, который заставляет других людей ткать и прясть на себя. Добавочный труд, расходуемый в льнопрядильне, раньше реализовался в виде добавочного дохода бесчисленных крестьянских семейств, а также — во времена Фридриха II — в виде налогов, взимаемых *pour le roi de Prusse*^{231a}. Теперь он реализуется в виде прибыли немногих капиталистов. Прядки и ткацкие станки, разбросанные прежде по деревням, теперь сосредоточиваются в немногих больших рабочих казармах подобно самим рабочим и сырому материалу. И прядки, и ткацкие станки, и сырой материал из средств, обеспечивающих независимое существование прядильщиков и ткачей, превращаются в средства, обеспечивающие господство²³² над прядильщиками и ткачами и высасывание из них неоплаченного труда. По внешнему виду крупных мануфактур, точно так же как и крупных ферм, отнюдь нельзя сказать, что они образовались из соединения многих мелких производственных единиц, при помощи экспроприации многих мелких независимых производителей. Однако беспристрастного наблюдателя не обманет этот внешний вид.

Во времена Мирабо — этого льва революции — крупные мануфактуры еще назывались *manufactures réunies*, соединенными мастерскими, подобно тому как в настоящее время мы говорим о соединенных полях. «Обращают внимание, — говорит Мирабо, — лишь на крупные мануфактуры, в которых сотни людей работают под управлением одного директора и которые обыкновенно называют объединенными мануфактурами (*manufactures réunies*). Напротив, не удостоивают и взглядом те мастерские, в которых работает разбедленно большое число рабочих, каждый за свой собственный риск и страх. Эти последние совершенно отодвигаются на задний план. И это — большая ошибка, так как только они образуют действительно важную составную часть народного богатства... Соединенная фабрика (*fabrique réunie*) может чрезвычайно сильно обогатить одного или двух предпринимателей, но рабочие, это — лишь поденщики, оплачиваемые выше или ниже и во всяком случае не принимающие участия в благосостоянии предпринимателя. Напротив, изолированные фабрики (*fabriques séparées*) никого не обогащают, но зато поддерживают благосостояние целой массы рабочих... Число прилежных хозяйственных рабочих будет расти, ибо в благоразумном образе жизни, в трудолюбии они усматривают средство существенно улучшить свое положение, вместо того, чтобы добиваться маленького повышения заработной платы, которое никогда не может иметь важных последствий для будущего

^{231a} «Travailler pour le roi de Prusse», дословно: «работать на короля прусского», — поговорка, означающая: «работать за скаредную плату или ни за что, ни про что». — К.

²³² «Я предоставлю вам, — говорит капиталист, — честь служить мне, под условием, что вы отдадите мне то немногое, что вы еще имеете, за труд командовать вами, который я беру на себя» (J. J. Rousseau, *Discours sur l'Economie Politique*, Genève 1756).

и в самом благоприятном случае позволяет рабочим немного лучше жить в данный момент. Отдельные индивидуальные мануфактуры, обыкновенно соединенные с мелким сельским хозяйством, обеспечивают свободу»²³³. Если Мирабо полагает, что разрозненные мастерские и с экономической точки зрения более производительны, чем мастерские «объединенные», если он в этих последних усматривает лишь искусственные тешильные рабства, взрошенные заботами правительства, то это объясняется тогдашним состоянием большинства мануфактур на европейском континенте.

Те самые события, которые превращают мелких крестьян в наемных рабочих, а средства их существования и труда в вещественные элементы промышленного капитала, создают в то же время для этого последнего внутренний рынок. Прежде крестьянская семья сама производила и перерабатывала средства существования и сырые материалы, которые по большей части сама же и потребляла. Эти сырые материалы и средства существования превратились теперь в товары. Крестьянин массами продает их; мануфактуры являются его рынком. Пряжа, холст, грубые шерстяные изделия, вещи, сырые материалы которых имелись в распоряжении каждой крестьянской семьи, выпрядались и ткались ею для собственного потребления, — превратились теперь в мануфактурные произведения, рынок для сбыта которых образуют как раз земледельческие округа. Многочисленные рассеянные там и сям потребители, обслуживавшиеся до сих пор массой мелких работающих на собственный риск и страх производителей, концентрируются теперь в одно крупное целое, образуют рынок, снабжаемый промышленным капиталом²³⁴. Таким образом рука об руку с экспроприацией самостоятельного прежде крестьянства, с его отделением от средств производства совершается уничтожение сельской подсобной промышленности, процесс разделения производства может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства.

Однако период мануфактур, в собственном смысле этого слова, еще не приводит к радикальному преобразованию. Напомним, что мануфактура лишь очень и очень частично овладевает национальным производством и всегда покоится на городском ремесле и деревенской и домашне-подсобной промышленности как своей широкой основе. Если мануфактура уничтожает городское ремесло и сельскую домашнюю промышленность в одной форме, в особых отраслях производства в определенных пунктах, то она снова

²³³ Mirabeau, De la Monarchie Prussienne, Londres 1788, vol. III, p. 20 — 109 passim.

²³⁴ «Если двадцать фунтов шерсти превращаются понемногу, в течение года, в одежду для семи рабочего собственным трудом этой семьи, и промежуток между другими ее работами, — то здесь все обстоит очень просто. Но вынесите эту шерсть на рынок, отправьте ее фабриканту, чистый продукт фабриканта маклеру, затем купцу, — и вы получите крупную торговую операцию, причем номинальный капитал, необходимый для нее, будет в двадцать раз больше стоимости той шерсти... Рабочий класс эксплуатируется таким образом для того, чтобы поддерживать жалкое фабричное население, паразитический класс землевладельцев и фиктивную коммерческую, денежную и финансовую систему» (David Urehart, Families Words, London 1855, p. 120).

создает их в других формах и в других местах, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала. Она создает поэтому новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру. Это одно из тех обстоятельств — хотя и не самое важное из них, — которые прежде всего могут спутать человека, изучающего английскую историю. Начиная с последней трети XV века, мы встречаемся там с непрерывными, только иногда смолкающими жалобами на рост капиталистического хозяйства в деревне и на прогрессивное уничтожение крестьянства. Но, с другой стороны, исследователь видит, что крестьянство существует все время, правда, в уменьшенном количестве и при все более ухудшающихся условиях ²³⁵.

Главная причина этого состоит в следующем: в Англии попеременно преобладают то зерновое хозяйство, то скотоводство, и в зависимости от этого колеблются размеры крестьянского производства.

Только крупная машинная промышленность доставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприрует подавляющее большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней деревенской промышленности, вырывая корни последней: прядение и ткачество ²³⁶. А следовательно, только она завоевывает для промышленного капитала весь внутренний рынок ²³⁷.

²³⁵ Исключение представляет время Кромвеля. Пока сохранялась республика, все слои английской народной массы оправились от того упадка, жертвой которого они стали при Тюдорах.

²³⁶ Tuckett знает, что из мануфактур в собственном смысле этого слова и из продуктов разложения сельских или домашних мануфактур возникла с введением машин крупная шерстяная промышленность (Tuckett, A. History of the Past and Present State of the Labouring Population, London 1846). «Плуг, ярмо были изобретением богов и занятием героев: разве ткацкий станок, веретено и прялка менее благородного происхождения? Вы отделаете прялку от плуга, веретено от ярма, и получаете фабрики и рабочие дома, кредит и кризисы, две враждебные нации, сельскую и промышленную» (David Urquhart, Familiar Words, London 1855, p. 122). Но вот является Carey и обвиняет Англию, конечно, не без оснований, в том, что она стремится стать фабрикантом мира, превратив все остальные страны в исключительно земледельческие. Он утверждает, что этим путем разорена Турция, так как там «землевладельцам и земледельцам никогда не разрешалось (Англией) укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» («The Slave Trade», p. 125). По его мнению, Urquhart сам является одним из главных виновников разорения Турции, где он, в интересах Англии, пропагандировал идею свободы торговли. Но лучше всего то, что Carey — между прочим большой холоп России — хочет воспрепятствовать этому процессу разделения при помощи системы протекционизма, которая в действительности его ускоряет.

²³⁷ Филантропически настроенные английские экономисты, вроде Милля, Роджерса, Гольдина Смита, Фаусетта и т. д., и либеральные фабриканты, вроде Джона Брайта с компанией, вопрошают английских земельных аристократов, как бог Каина о брате его Авеле: куда делись тысячи наших фригольдеров [самостоятельных крестьян]? Да вы-то сами откуда выжили? Из разложения этих фригольдеров. Почему не спрашиваете вы филлер, куда девались наши самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?

6. Возникновение промышленного капиталиста

Процесс возникновения промышленного ²³⁸ капиталиста не отличался той постепенностью, какую характеризует развитие фермера. Без сомнения, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в аграрных капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов *sans phrase* [вообще]. В младенческий период капиталистического производства, точно так же, как и в младенческий период средневековой городской жизни, вопрос о том, кто из беглых крепостных должен быть хозяином и кто слугой, решался обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал от своих господ.

Но необычайная медлительность этого метода отнюдь не соответствовала торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века. Средние века завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом вообще: **ростовщический капитал и купеческий капитал.**

«В настоящее время, — говорит один английский писатель, который, однако, не останавливается на роли купеческого капитала, — все общественное богатство попадает сначала в руки капиталиста... он уплачивает ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и десятину — правительственному сборщику и удерживает в свою собственную пользу значительную, даже преобладающую и притом непрерывно растущую часть годового продукта труда. Капиталиста можно рассматривать в настоящее время, как первоначального собственника всего общественного богатства, хотя нет такого закона, который обеспечивал бы за ним право на эту собственность... Этот переворот в сфере собственности совершился благодаря взимаемым процентам на капитал... и не менее знаменательно, что законодатели всей Европы стремились воспрепятствовать этому путем законов против ростовщичества... Власть капиталистов над всем богатством страны есть результат полнейшей революции в праве собственности: на основании какого же закона или ряда законов совершилась эта революция?» ²³⁹ Автору не следовало упускать из виду, что революции никогда вообще не совершаются на основании законов.

Превращению денежного капитала, создавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй деревне, цеховой строй в городе ²⁴⁰. Ограничения эти пали, когда были разрушены феодальные дружины, когда сельское население было экпро-

²³⁸ «Промышленный» употреблено здесь как антитеза «земледельческому». В смысле экономической «категории» фермер — такой же промышленный капиталист, как и фабрикант.

²³⁹ «The Natural and Artificial Rights of Property Contrasted», London 1820, p. 98, 99. Автор этого анонимного труда Th. Hodgskin.

²⁴⁰ Еще в 1794 г. мелкие мастера-сукожники из Лидса посылали в парламент депутацию с петицией об издании закона, воспрепятствующего купцам делаться фабрикантами (Dr. A i k i n, Description of the Country from thirty to forty miles round Manchester London 1795).

ировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах деревенской части страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточенная борьба английских *corporate towns* [старых городов с цеховым корпоративным строем] против этих новых питомников промышленности.

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее.

Различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, — а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией, — и притом более или менее в известной исторической последовательности. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беремно новым. Само насилие есть экономическая потенция.

Относительно христианской колониальной системы W. Howitt, человек, сделавший христианство своей специальностью, говорит: «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас по отношению ко всяким ивоверцам и иноплеменникам, которых им удавалось поработить себе, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных»²⁴¹. История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — развешивает бесподобную картину предательства, подкупов, убийств и подлостей²⁴². Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения кадров рабов на острове Яве. С этой целью подготавливались особые воры людей. Вор, переводчик и

²⁴¹ William Howitt, *Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies*. London 1838, p. 9. Относительно обращения с рабами хорошая сводка данных имеется у Charles Comte, *Traité de la Législation*, 3-me éd. Bruxelles 1837. Следует детально изучить эту работу, чтобы увидеть, во что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию.

²⁴² Thomas Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of that island: *Java and its dependencies*, London. 1817.

продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебескии тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на кораблях, нагруженных рабами. Один официальный отчет гласит: «Например, этот город Макассар полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности и тирании, закованными в цепи, вырванными насильственно из своих семейств». Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он выпустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы иметь возможность «воздержаться» от уплаты условной суммы подкупа в 21 875 ф. ст. Опустошение и обезлюдение следовало за ними везде, куда только ни ступала их нога. Бангьюанги, провинция Явы, насчитывала в 1760 г. 80 000 жителей, в 1811 г. всего 8000. Это *doux commerce* [приятная торговля].

Как известно, англо-ост-индская компания кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем и вообще на торговлю с Китаем, и кроме того в ее же руках сосредоточилась монополия транспортировки товаров из Европы и в Европу. Но судоходство у берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополии на соль, опиум, бетель и другие товары стали неисчерпаемыми источниками богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по произволу обдирали несчастных индусов. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Warren Hastings'a полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был дарован некоему Sullivan'у в момент его отъезда — по официальному поручению — в часть Индии, далеко отстоящую от района производства опиума. Sullivan продает свой контракт за 40 000 ф. ст. некоему Binn'у, а Binn перепродает его в тот же день за 60 000 ф. ст. Последний покупатель и исполнитель контракта объявляет, что он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, между 1757 и 1766 гг. компания и ее должностные лица заставили индийцев подарить себе 6 миллионов ф. ст. В 1769 — 1770 гг. англичане искусственно устроили голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам²⁴³.

Обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, работавших, как, напр., в Вест-Индии, исключительно для вывозной торговли, а также в богатых и густо населенных странах, ставших жертвою грабежа и разбоя, как Мексика и Ост-Индия. Однако и в настоящих колониях не преминул обнаружиться христианский характер первоначального накопления. Пуритане Новой Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма

²⁴³ В 1866 г. в одной только провинции Орисса более миллиона индусов умерли голодной смертью. Тем не менее все усилия были направлены к тому, чтобы обогатить государственную кассу Индии путем продажи голодающим средств существования по повышенным ценам.

из — в 1703 г. постановили на своей Assembly [законодательном собрании] выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индийский скальп и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скальп была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после того как Massachusetts-Bay объявил одно племя бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скальп мужчины 12 лет и выше 100 ф. ст., в новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребенка 50 ф. ст., за скальп женщины или ребенка 50 ф. ст.! Несколько десятилетий спустя колониальная система отомстила за себя потомкам этих благочестивых pilgrim fathers [отцов-пилигримов — так назывались первые пуритане, переселившиеся из Англии. — К.], ставшим в свою очередь бунтовщиками. Благодаря подкупам и наущению англичан, они были tomahawked (перебиты томагавками). Британский парламент заявил, что убийство и скальпирование «суть средства, дарованные ему богом и природой».

Колониальная система способствовала тепличному росту торговли и судоходства. «Gesellschaften Monopolia» [«общества-монополии», выраженные Лютера] были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для вновь возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1649 г. достигла высшей точки своего торгового могущества. «В ее почти безраздельном владении находилась ост-индская торговля и торговые сношения между европейским юго-западом и северо-востоком. Ее рыбные ловли, судоходство, мануфактуры не имели себе равных ни в какой другой стране. Капиталы этой республики были, быть может, значительнее, чем совокупность капиталов всей остальной Европы». Gulich, автор этих строк, забывает прибавить: народные массы Голландии уже в 1648 г. более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы.

В настоящее время промышленная гегемония [преобладание] влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который воссел на алтаре наряду со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним толчком выкинул их всех из святилища. Колониальная система провозгласила обогащение последней и единственной целью человечества. Здесь же зародилась система государственных займов и кредита.

Система общественного кредита, т. е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами послужила для нее топливом. Прежде всего эта последняя пустила корни в Голландии. Государственный долг, т. е. отчуждение государства — все равно: деспотического, конституционного или республиканского — накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных

народов, это — их государственные долги^{243a}. Вполне последовательно по этому современная доктрина, что народ тем богаче, чем сильнее его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу.

Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Слово прикосновением волшебного жезла он одаряет непроезжие деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали кроме того акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж — одним словом биржевую игру и современную банкротскую [госпож-ство банков].

С самого своего зарождения банки, подкрепленные национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать им деньги. Поэтому самым непогрешимым мерилom накопления государственного долга является прогрессивное повышение акций этих банков, расцвет которых начинается с момента учреждения Английского банка (1694 г.). Английский банк начал свою деятельность ссудами правительства денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он таким образом еще раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать [покупать до истечения срока] векселя, давать ссуды под товары, закупать благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал Английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал счет государства проценты по государственным займам. Давал одной рукой, банк получал другой гораздо больше; по этому мало; даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-по-малу он стал неустрашимым обладателем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита. В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьмы, они начали вешать подделывателей банкнот. Какое впечатление произвело на современников внезапное возвышение этой шайки банкротов, финан-

^{243a} William Cobbet замечает, что в Англии все общественные учреждения называются «королевскими», но зато там имеются «национальные» долги (national debts).

стов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, хотя бы, например, сочинения Bolingbroke'a^{243b}.

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет один из скрытых источников первоначального накопления для того или другого народа. Так, напр., гнусности венецианской хищнической системы составили такое скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция сужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и голландцы перестали быть господствующей торговой и промышленной нацией. В период 1701 — 1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке Англии. Подобные же отношения сохранились в настоящее время между Англией и Соединенными штатами. Многие непомнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных штатах, представляют лишь вчера капитализированную¹ в Англии кровь рабочих-детей.

Так как государственные долги опираются на государственные доходы, на счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система возникла как необходимое дополнение системы национального кредита. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что плательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют в конце концов повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное накоплением последовательных займов, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам. Таким образом современная фискальная система [финансовая система государства], ось которой составляет обложение необходимейших средств существования (и, следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайное уклонение, а скорее самый ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот De Witt прославляет ее в своих «Максимах», как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на самих наемных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников, — одним словом всех составных частей мелкой буржуазии. Здесь нет двух мнений, даже среди буржуазных экономистов. Экспроприрующее действие фискальной системы еще усиливается благодаря протекционизму [системе «охраны национального труда»], который сам представляет одну из неотъемлемых составных частей фискальной системы.

Та крупная роль, которую государственные долги и современная фискальная система играют в превращении общественного богатства в капитал, в экспроприации самостоятельных производителей и в угнетении наемных рабочих, ввела в заблуждение некоторых писателей: Коббетта, Дубльде

^{243b} «Если бы татары в наши дни заполнили Европу, было бы очень трудно расположить им то значение, которое принадлежит среди нас финансисту» (Montesquieu, *Esprit des lois*, éd. Londres 1769, vol. IV, p. 33).

и других писателей, увидевших здесь главную причину современной народной нищеты.

Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприровать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и существования, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному. Европейские государства дрались из-за патента на это изобретение и, раз попав на службу к рыцарям наживы, не довольствовались уже тем, что с этой целью облагали данью свои собственные народы, косвенно — путем покровительственных пошлин, прямо — путем экспортных премий и т. п. Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них второстепенных странах, как, напр., была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии. На европейском континенте процесс этот, по примеру Кольбера, был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства. «Зачем, — восклицает Мирабо, — так далеко искать причин мануфактурного расцвета Саксонии перед Семилетней войной? Достаточно обратить внимание на 180 миллионов государственного долга!»²⁴⁴

Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны и т. д., — все эти отпрыски собственно-мануфактурного периода гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности. Зарождение этой последней ознаменовано колоссальным родовым избиением младенцев. Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот своих матросов, при посредстве насилия [насильственной вербовки]. Мы видели, с каким равнодушием взирал сэр Ф. М. Eden на те примелькавшиеся ему ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земель у сельского населения, начиная с последней трети XV столетия и вплоть до его времени, до конца XVIII столетия; мы видели, с каким самодовольством он приветствует этот процесс, «необходимый» для создания капиталистического земледелия и «установления правильного соотношения между пашней и пастбищем»; но даже сэр Eden не возвышается до столь же хладнокровного признания экономической необходимости похищать и порабощать детей, для того, чтобы превратить мануфактурные производства в фабричные и установить правильное соотношение между капиталом и рабочей силой.

Он говорит: «Быть может, внимания публики заслуживает следующий вопрос. Промышленность, которая может успешно функционировать, лишь похищая из коттеджей и работных домов бедных детей, которые, сменяясь по группам, должны работать большую часть ночи, не зная отдыха; промышленность, которая к тому же смешивает в общую кучу лиц обоего пола, разных возрастов и наклонностей, что неизбежно должно повести к испорченности и развращению молодежи благодаря заразительным дурным примерам, — может ли такая промышленность увеличивать сумму национального и индивидуального счастья?»²⁴⁵

«В Дербишире, Ноттингамшире и особенно в Ланкашире, — пишет Fielden, — недавно изобретенные машины были применены на крупных фабриках, построенных близ потоков, способных приводить в движение водное колесо. В эти места, находящиеся вдали от городов, внезапно потребовались

²⁴⁴ Mirabeau, De la Monarchie Prussienne, London 1788, vol. VI, p. 101.

²⁴⁵ Eden, The State of the Poor, b. II, ch. 1, p. 421.

тысячи рабочих рук; и как раз в Ланкашире, неплодородном и до сего времени слабо населенном, настоятельно сказалась эта потребность в увеличении населения. Особенно сильный спрос был на маленькие, проворные пальцы детей. Тотчас же вошло в обычай набирать учеников (!) из различных лондонских, бирмингемских и других приходских работных домов. Многие, многие тысячи этих маленьких беспомощных созданий в возрасте от 7 до 13 или 14 лет были тогда транспортированы на север. У хозяев (т. е. у похитителей детей) вошло в обычай одевать, кормить и помещать своих учеников в домах, расположенных близ фабрик. Были наняты надсмотрщики, чтобы надзирать за их работой. В интересах этих надсмотрщиков за рабами было заставлять детей работать возможно больше, так как оплата их зависела от количества продукта, выжатого из каждого ребенка. Жестокость была естественным последствием. Во многих фабричных округах, в особенности в Ланкашире, эти невинные беззащитные создания, отданные во власть фабрикантам, подвергались самым возмутительным истязаниям. Их до смерти замучивали чрезмерным трудом... били, заковывали в цепи, подвергали самым изысканным и жестоким пыткам; истощенные голодом до последней степени, превратившиеся в скелеты, они зачастую плетью принуждались к труду... Иногда их доводили до самоубийства!.. Прекрасные романтические долины Дербишира, Ноттингамшира и Ланкашира, укрытые от всякого общественного контроля, сделались мрачным убежищем истязаний и часто убийств!.. Прибыли фабрикантов были огромны. Это лишь разжигало их волчью жадность. Они стали практиковать ночную работу, т. е. с наступлением ночи, когда группа рабочих, изнуренных дневным трудом, уходила спать, ее место на фабрике заступала другая группа рабочих; дневная группа отправлялась в постели, только что покинутые ночной группой, и обратно. Народное предание в Ланкашире гласит, что постели никогда не остывали»²⁴⁶.

С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков

²⁴⁶ John Fielden, *The Curse of the Factory System*, London 1836, p. 5, 6. О безобразиях, практиковавшихся первоначально на фабриках, ср. Dr. Aikin, *Description of the Country from thirty to forty miles round Manchester*, London 1795», p. 219, и G i s b o u r n e, *Enquiry into the duties of men*, 1795, vol. II.—Когда паровая машина перенесла фабрики от уединенных сельских водопадов в центры городов, детский рабочий материал оказался под руками склонного к «воздержанию» капиталиста, и насильственная транспортировка рабов из работных домов оказалась излишней. — Когда сэр Роберт Пиль (отец «министра Plausibilität» [«благопристойной внешности»]) внес в парламент в 1815 г. билль для защиты детей, Фрэнсис Горнер — светило «комитета о слитках» (Bullion-Committee) и интимный друг Рикардо — заявил в нижней палате: «Несомненно установлено, что вместе с ценностями одного банкрота была назначена к продаже с публичного торга и действительно продана, как часть имущества, банда фабричных детей, если позволительно употребить это выражение. Два года тому назад (в 1813 г.) один возмутительный случай разбирался перед King's Bench [«судом королевской скамьи», — высшее судебное учреждение]. В деле фигурировала группа мальчиков. Один лондонский приход отдал их одному фабриканту, который в свою очередь переуступил их другому. В конце концов несколько филантропов нашли их в состоянии полного истощения от голода (absolute famine). С другим случаем, еще более отвратительным, он познакомился, как член парламентской анкетной комиссии. Несколько лет тому назад один лондонский приход заключил договор с ланкаширским фабрикантом, причем последний обязался в закупаемых им детских партиях принимать на 20 здоровых детей одного идиота».

стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала. Прочтите, например, наивную летопись торговли, составленную филистером А. Андерсоном. Здесь превозносится, как высший триумф английской государственной мудрости, тот факт, что Англия при заключении Утрехтского мира [1713 г.], вынудила у Испании по договору *азIENTO* [договор относительно работорговли] привилегию, разрешающую ей негров, закупленных в Африке, продавать в испанских владениях Америки, тогда как до сих пор торговля неграми допускалась лишь между Африкой и английской Вест-Индией. Англия получила право вплоть до 1743 г. доставлять в испанскую Америку 4800 негров ежегодно. Этим было создано в то же время официальное прикрытие для британской контрабанды. Ливерпуль вырос на почве торговли рабами. Последняя есть его метод первоначального накопления. И до наших дней высшее общество Ливерпуля осталось Пиндаром торговли рабами, которая — сравн. цитированное выше сочинение доктора Aikin'a, вышедшее в 1795 г. — «превращает дух коммерческой предприимчивости в страсть, создает славных моряков и приносит колоссальные деньги». В 1730 г. занималось торговлей рабами 15 ливерпульских кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96 и в 1792 году — 132 корабля.

Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англию рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных штатов, более или менее патриархального до того времени, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще скрытое рабство наемных рабочих в Европе пользовалось как основанием для себя незамаскированным рабством в Новом Свете²⁴⁷.

Tantae molis erat [таких трудов стоило] создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов» капиталистического способа производства, совершить процесс отделения рабочих от средств их труда, на одном полюсе превратить общественные средства производства и существования в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих, в свободную «рабочую армию», — этот шедвр современной истории²⁴⁸. Если деньги, по словам Augier, «рождаются на свет

²⁴⁷ В 1790 г. в английской Вест-Индии 10 рабов приходилось на 1 свободного, во французской — 14 на одного, в голландской — 23 на одного (Henry Brougham, *An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers*, Edinburgh 1803, vol. II, p. 74).

²⁴⁸ Выражение «labouring poor» [«рабочие бедняки»] встречается в английском законодательстве с того момента, когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры. «Рабочие бедняки» противопоставляются, с одной стороны, «idle poor» [«ленивым беднякам»], нищим и т. д., с другой стороны, тем рабочим, которые еще не совсем освободились от собственности, еще владеют средствами своего труда. Из законодательства выражение «labouring poor» перешло в политическую экономию, где оно употребляется, начиная с Culoerq'a, J. Child'a и т. д. вплоть до А. Смита и Eden'a. Можно судить по этому, какова добросовестность Эдмунда Бурка, этого «рыночного торговца» «execrable political cantmonger» [ужаснейшим политическим изворотами], «когда он называет выражение «labouring poor» «execrable political cant» [«ужаснейшим политическим извращением»]. Этот литературный лакей, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, состоя на содержании северо-американских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала против английской олигархии; в действительности же он был самым обыкновенным

с кровавым пятном на одной щеке»²⁴⁹, то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят²⁵⁰.

7. Историческая тенденция капиталистического накопления

Итак, к чему же сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический источник? Поскольку оно не представляет непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих, поскольку оно, следовательно, не ограничивается простой сменой формы, оно сводится к экспроприации непосредственных производителей, т. е. к разложению частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, в противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки, встречающиеся в области этой последней, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обоими этими крайними случаями.

Частная собственность рабочего на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого рабочего. Правда, этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает классическую соответствующую ему форму лишь там, где рабочий является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет, как виртуоз.

буржуа: «Законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога» (E. Burke, *Thoughts and Details on Scarcity*. Ed. London 1800, p. 31, 32). Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке! Хорошую характеристику этого Эдмунда Бёрка в период его либеральничанья можно найти в сочинениях Туккера. — Туккер был попом и тори, но в остальном это вполне порядочный человек и хороший экономист. Принимая во внимание ту позорную беспринципность, которая господствует в политической экономии наших дней, с неизменным благочестием укрепляя веру в «законы торговли», необходимо снова и снова клеймить Бёрков, отличающихся от своих преемников только одним — талантом!

²⁴⁹ Marie Augier, *Du Crédit Public*.

²⁵⁰ «Капитал, — говорит *Quarterly Reviewer*, — избегает шума и брани и отличается бояливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (T. J. Dunning, *Trades-Unions and Strikes*, London 1860, p. 36).

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Рёкнеу'а, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше только самые важные, составившие эпоху методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти. Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужого, хотя формально и свободного труда ²⁵¹.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплуатирующий многих рабочих капиталист.

Эта экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов. Один капиталист убивает многих. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, выработка таких средств труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного, общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка, и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима. На-

²⁵¹ «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (S i m o n d i, Nouveaux Principes de l'Economie Politique, vol. II, p. 434).

ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизировать все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несоместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а потому и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы порождает отрицание себя самого. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность рабочего, но индивидуальную собственность на основе завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом.

Превращение раздробленной, покоящейся на собственном труде отдельных лиц, частной собственности в собственность капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов²⁵².

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ

Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и развивается лишь на его могиле.

На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился. Капиталистический режим пли прямо подчинил себе здесь все национальное производство, или, где отношения менее развиты, он по меньшей мере косвенно управляет теми еще сохраняющи-

²⁵² «Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неминуемы... Из всех классов, которые в настоящее время противостоят буржуазии,

мися наряду с ним и разрушающимися общественными слоями, которые относятся к старому способу производства. К этому готовому миру капитала экономист с тем большим усердием и умилением прилагает юридические представления и собственнические представления, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии [мира его представлений].

Иначе обстоит дело в колониях ²⁵³. Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде. Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сифофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тожество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь «to make a clean breast of it» [очистить свою совесть в этом отношении] и громко провозгласить противоположность этих способов производства. С этой целью он показывает, что развитие общественной производительной силы труда, — кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и т. д. — невозможно без экспроприации рабочих и соответствующего превращения средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он ищет искусственных средств для создания народной бедности. Его апологетический панцырь рассыпается здесь на куски, как дряблый трут.

Великая заслуга E. G. Wakefield'a заключается не в том, что он сказал нечто новое о колониях ²⁵⁴, а в том, что в колониях он раскрыл истину о капиталистических отношениях в метрополии. Как система протекционизма при своем возникновении ²⁵⁵ стремится к фабрикации капиталистов в метрополии, так теория колонизации Wakefield'a, которую Англия в течение некоторого времени старалась осуществлять законодательным путем, стремится

только пролетариат есть действительно революционный класс. Остальные классы падают и погибают с развитием крупной промышленности, тогда как пролетариат есть специфический продукт этого развития... Средние сословия, мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне, все они борются против буржуазии с целью отстоять свое существование в качестве средних сословий... они реакционны, потому что они хотят повернуть назад колесо истории» (Karl Marx und Engels, Manifest der Kommunistischen Partei, London 1847, S. 11, 9). [К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест. 2-е изд. М. 1923. Стр. 77, 75.]

²⁵³ Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизируемой свободными иммигрантами. Соединенные штаты, в экономическом смысле, все еще представляют колонию Европы. Впрочем, сюда это относится и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корень преобразовало все отношения.

²⁵⁴ Немногие лучи света, брошенные Wakefield'ом на сущность самих колоний, полностью предвосхищены Мирабо-отцом, физиократами и еще много раньше английскими экономистами.

²⁵⁵ Позже она становится временною необходимостью в международной конкурентной борьбе. Но, каковы бы ни были ее мотивы, последствия ее остаются одни и те же.

к фабрикации наемных рабочих в колониях. Это он называет «systematic colonization» [систематической колонизацией].

Прежде всего Wakefield открыл в колониях, что обладание деньгами, средствами существования, машинами и другими средствами производства еще не делает человека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий, другой человек, который вынужден добровольно продавать себя самого. Он открыл, что капитал не есть вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами²⁵⁶. Господин Пиль, — жалуется он, — взял с собою из Англии на Лебяжий берег в Новой Голландии средств существования и средств производства в общей сумме на 50 000 ф. ст. Господин Пиль был настолько предусмотрителен, что кроме того захватил с собою 3000 человек из рабочего класса, — мужчин, женщин и детей. Но по прибытии на место назначения «у господина Пили не осталось даже ни одного слуги, который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки»²⁵⁷. Несчастный господин Пиль! Он все предусмотрел, но забыл только экспортировать английские производственные отношения на Лебяжий берег!

Для понимания следующих открытий Wakefield'a два предварительных замечания. Мы знаем, что, если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными супружескими узами с их материальной субстанцией, что он при всяких обстоятельствах называет их капиталом даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала. Так обстоит дело и у Wakefield'a. Далее: раздробление средств производства, составляющих индивидуальную собственность многих независимых друг от друга, самостоятельно хозяйствующих рабочих, он называет равным распределением капитала. С экономистом выходит то же, что с феодальным юристом. Последний даже на чисто денежные отношения наклеивал свои феодальные юридические этикетки.

«Если бы, — говорит Wakefield, — капитал равными долями был распределен между всеми членами общества, то ни один человек не был бы заинтересован в том, чтобы накоплять капитала больше, чем он может применить к делу при помощи своих собственных рук. Это до известной степени и наблюдается в новых американских колониях, где страсть к земельной собственности препятствует существованию класса наемных рабочих»²⁵⁸.

Следовательно, пока рабочий может накапливать для себя самого, — а это он может, пока остается собственником своих средств производства, — до тех

²⁵⁶ «Negр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для прядения из хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе — деньгами или сахар — ценой сахара... Капитал есть общественно-производственное отношение. Он — историческое производственное отношение» (K a r l M a r x, Lohnarbeit und Kapital). В «Neue Rheinische Zeitung» № 226, 7 апреля 1849 г. [K. M a r x, Наемный труд и капитал. Пер. И. Степанова. М. 1922. Стр. 45, 47.]

²⁵⁷ F. G. W a k e f i e l d. England and America, London 1833, vol. II, p. 33.

²⁵⁸ Там же, т. I стр. 17, 18.

пор капиталистическое накопление и капиталистический способ производства возможны. Отсутствует необходимый для этого класс наемных рабочих. Но в таком случае как же в старой Европе была произведена экспроприация рабочего от условий его труда, каким образом были созданы капитал и наемный труд? Посредством *contrat social* [общественного договора] очень оригинального свойства.

«Человечество... усвоило простой метод содействовать накоплению капитала», которое, разумеется, со времен Адама казалось ему последней и единственной целью существования; «оно разделилось на собственников капитала и собственников труда... это разделение было результатом добровольного соглашения и стовора»²⁵⁹.

Коротко говоря: масса человечества сама себя экспроприировала во славу «накопления капитала». Следует думать, что этот самоотверженный фанатизм должен бы во всей своей силе проявиться как раз в колониях, где только и существуют такие люди и такие обстоятельства, которые могли бы перенести этот *contrat social* из царства мечты в царство действительности. Но к чему бы тогда вообще предлагаемая Wakefield'ом «систематическая колонизация» в противоположность естественной колонизации? Но, однако: «сомнительно, принадлежит ли в северных штатах американского союза хотя бы десятая доля населения к категории наемных рабочих... В Англии... большая масса народа состоит из наемных рабочих»²⁶⁰.

Более того: стремление к самоэкспроприации во славу капитала, существующее среди трудящегося человечества, настолько ничтожно, что рабство, даже по Wakefield'у, единственная естественная основа колониального богатства. Его систематическая колонизация просто неизбежное зло, которое обуславливается тем, что ему приходится иметь дело с свободными людьми, а не с рабами. «У первых испанских поселенцев на Сан-Доминго не было ни одного рабочего из Испании. Но без рабочих (т. е. без рабства) капитал погиб бы или по крайней мере сократился бы до таких мелких размеров, при которых каждый индивидуум мог бы применять его с помощью исключительно своих собственных рук. Так оно и случилось в действительности в последней основанной англичанами колонии, где большой капитал в семенах, скоте и орудиях погиб вследствие недостатка наемных рабочих и где ни у одного поселенца нет капитала, превышающего размеры, при которых поселенец может применять его исключительно своим личным трудом»²⁶¹.

Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободных колоний, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом²⁶². В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала. «Где земля очень дешева, и все люди свободны,

²⁵⁹ Там же, стр. 18.

²⁶⁰ Там же, стр. 42, 43, 44.

²⁶¹ Там же, т. II, стр. 6.

²⁶² «Для того, чтобы сделаться элементом колонизации, земля не только должна быть невозделанной, но должна кроме того представлять общественную собственность, которая может быть превращена в частную собственность» (там же, т. II, стр. 125).

где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, принимая во внимание долю, получаемую рабочим из его продукта, но там в вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену»²⁶³.

Так как в колониях еще нет отделения рабочего от условий труда и от земли, основы последних, или такое отделение встречается лишь в виде единичных исключений или на слишком ограниченном пространстве, то в колониях нет еще и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же там внутренний рынок для капитала?

«В Америке, если оставить в стороне рабов и их хозяев, которые комбинируют капитал и труд для крупных предриятий, нет ни одной части населения, которая занималась бы исключительно земледелием. Свободные американцы, которые сами возделывают землю, занимаются в то же время и многими другими работами. Сами они обыкновенно изготовляют часть необходимой для них мебели и орудий. Сами же они нередко строят дома для себя и доставляют продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они одновременно прядильщики и ткачи, они сами фабрикуют мыло и свечи, обувь и одежду для своего собственного потребления. В Америке земледелие часто является побочным промыслом кузнеца, мельника или лавочника»²⁶⁴. Где же остается среди таких чудачков область для «самостоятельного» капиталиста?

Великая прелесть капиталистического производства состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит, всегда параллельно накоплению, относительное перенаселение наемных рабочих. Благодаря этому закон спроса и предложения труда удерживается в надлежащей колее, колебания заработной платы становятся в пределы, желательные для капиталистической эксплуатации, и, наконец, гарантируется столь необходимая социальная зависимость рабочего от капиталиста, — та абсолютная зависимость, которую экономист у себя дома, в метрополии, может размалевать и размазать таким образом, как будто это — свободное договорное отношение между покупателем и продавцом, между двумя одинаково независимыми товаровладельцами, владельцем товара капитал и владельцем товара труд. Но в колониях эта прекрасная иллюзия рушится. Абсолютный рост населения здесь много быстрее, чем в метрополии, так как многие рабочие здесь уже взрослыми появляются на свет и, однако, рабочий рынок здесь всегда снабжен недостаточно. Закон спроса и предложения труда терпит крушение. С одной стороны, старый мир постоянно выбрасывает туда жаждущий эксплуатации, одержимый стремлением к самоотречению капитал; с другой стороны, регулярное воспроизводство наемных рабочих как наемных рабочих наталкивается на самые неприятные и отчасти непреодолимые препятствия. До производства ли тут избыточных наемных рабочих соответственно накоплению капитала! Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рабочего рынка, но только не в рабочий дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на

²⁶³ Там же, т. I, стр. 247.

²⁶⁴ Там же, стр. 21, 22.

капитал, а на самих себя, и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рабочего рынка. Дело не только в том, что степень эксплуатации наемного рабочего остается неприлично низкой. Последний кроме того утрачивает вместе с своей зависимостью от предающегося самоотречению капиталиста и чувство зависимости от него. Отсюда все те печальные явления, которые так открыто, так красноречиво и так трогательно описывает наш E. G. Wakefield.

Предложение наемного труда, — жалуется он, — непостоянно, неправильно, недостаточно. Оно «не только всегда слишком мало, но и не обеспечено»²⁶⁵. «Хотя продукт, подлежащий разделению между рабочим и капиталистом, велик, но рабочий берет себе столь большую долю, что он быстро становится капиталистом... Напротив, лишь немногие, даже если они живут необыкновенно долго, могут накопить крупные массы богатства»²⁶⁶. Рабочие ни под каким видом не позволяют капиталисту самоотречься от оплаты большей части их труда. Ему нисколько не поможет, если он настолько предусмотрителен, что вместе с своим капиталом импортирует из Европы и своих собственных наемных рабочих. «Они скоро перестают быть наемными рабочими, они скоро превращаются в независимых крестьян или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда»²⁶⁷. Представьте себе ужас подобного положения! Бравый капиталист на свои кровные деньги импортировал из Европы своих собственных конкурентов! Ведь это — конец всему! Неудивительно, что Wakefield жалуется на недостаток зависимости и чувства зависимости у наемных рабочих в колониях. «Вследствие высокой заработной платы, — говорит его ученик Merivale, — в колониях существует страстное желание более дешевого и более покорного труда, потребность в таком классе, которому капиталист мог бы диктовать свои условия, вместо того, чтобы, наоборот, условия предписывались ему самому рабочим... В странах цивилизации рабочий, хотя и свободен, но в силу естественных законов зависит от капиталиста; в колониях эта зависимость должна быть создана искусственными мерами»²⁶⁸.

²⁶⁵ Там же, т. II, стр. 116.

²⁶⁶ Там же, стр. 131.

²⁶⁷ Там же, т. II, стр. 5.

²⁶⁸ Merivale, Lectures on Colonisation and Colonies, London 1841 and 1842, vol. II, p. 235 — 314 passim. Даже сладкий вульгарный экономист-фрирэддер Молилари говорит: «В колониях, где рабство было уничтожено без замены принудительного труда соответствующим количеством свободного труда, мы видели нечто противоположное тому, что наблюдаем каждый день. Мы видели, как простые рабочие с своей стороны эксплуатировали промышленных предпринимателей и требовали такой заработной платы, которая значительно выше приходящейся на их долю законной части продукта. Плантаторы, лишенные возможности получать за свой сахар такую цену, которая покрывала бы увеличение заработной платы, были вынуждены покрывать дефицит сначала за счет своей прибыли, а потом и за счет своего капитала. Многие плантаторы таким образом разорились, другим пришлось прекратить свои предприятия, чтобы предотвратить неизбежное разорение... Без сомнения, лучше, если погибнут накопленные капиталы, чем погибать поколениям людей (какое великодушие со стороны господина Молилари!); но не лучше ли было бы, если бы не погибали ни те, ни другие» (M o l i n a r i, Etudes Economiques, Paris 1846, p. 51, 52). Господин Молилари, господин Молилари! Что будет с десятью заповедями, с Моисеем и пророками, с законом спроса и предложения, если в Европе

Каковы же, по Wakefield'у последствия такого печального положения колоний? «Отбрасывающая к варварству тенденция раздробленности» производителей и национального имущества.²⁶⁹ Раздробление средств производства между многочисленными, самостоятельно хозяйствующими собственниками уничтожает вместе с централизацией капитала и все основы комбинированного труда. Всякое предприятие, рассчитанное на продолжительное время, охватывающее многие годы и требующее затраты крупного основного капитала, наталкивается при своем осуществлении на препятствия. В Европе капитал ни минуты не медлит, потому что рабочий класс составляет там его живой придаток, постоянно имеется в изобилии, всегда готов к его услугам. Но в колониях!

Wakefield рассказывает в высшей степени прискорбный анекдот. Он беседовал с некоторыми капиталистами из Канады и штата Нью-Йорк, где — что следует отметить — волны иммиграции часто задерживаются и оставляют осадок «избыточных» рабочих. «Наш капитал, — вздыхает один персонаж мелодрамы, — наш капитал был наготове для многих операций, которые для своего выполнения требуют значительного промежутка времени; но могли ли мы начать такие операции с рабочими, которые — мы знали это — скоро показали бы нам спину? Если бы мы были уверены, что можем удержать у себя труд этих переселенцев, мы с радостью немедленно наняли бы их, и притом по высокой цене. Более того: даже при полной уверенности, что мы их утратим, несмотря на то, мы наняли бы их, если бы могли надеяться на предложение новых переселенцев, соответствующее нашим потребностям»²⁷⁰.

После того, как Wakefield великолепно изобразил контраст между английским капиталистическим земледелием с его «комбинированным» трудом и между разбросанным американским крестьянским хозяйством, у него вырывается признание и оборотной стороны медали. Американская народная масса в его изображении зажиточная, независимая, предприимчивая и сравнительно образованная, между тем как «английский земледельческий рабочий — жалкий босик (a miserable wretch), паупер... В какой другой стране, кроме Северной Америки и некоторых новых колоний, плата за свободный труд, применяемый в земледелии, сколько-нибудь значительно превышает самые необходимые средства существования рабочего?.. Несомненно, земледельческие лошади в Англии получают много лучшее питание, чем английский земледelec, потому что они представляют более ценную собственность»²⁷¹. Но какая же в том беда? Национальное богатство оказывается теперь по самой своей природе тождественным с народной нищетой.

Однако каким же образом излечить колонии от антикапиталистической язвы? Если бы разом превратить всю землю из народной собственности в частную

«entrepreneur» [предприниматель] может урезывать part légitime [законную долю] рабочего, а в Вест-Индия рабочий — part légitime предпринимателя! И скажите пожалуйста, что это за «part légitime» [законная доля], которой по вашему признанию капиталист в Европе не доплачивает каждый день! Господина Молилари разбирает сильный зуд: там, в колониях, где рабочие так «простоваты», что эксплуатируют капиталистов, полицейскими мерами дать надлежащее действие закону спроса и предложения, который в других случаях действует автоматически.

²⁶⁹ Wakefield, England and America, London 1883, vol. II, p. 52.

²⁷⁰ Там же, стр. 191, 192.

²⁷¹ Там же, т. I, стр. 47, 246.

собственность, то это хотя и уничтожило бы корень зла, но вместе с ним уничтожило бы и колонии. Искусство заключается в том, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Необходимо, чтобы правительство придало действительной земле искусственную цену, независимую от закона спроса и предложения; она заставит поселенца сравнительно долгое время работать в качестве наемного рабочего, пока он не заработает такого количества денег, которое позволит ему купить участок земли²⁷² и превратиться в независимого крестьянина. Земельные участки должны продаваться по цене, которая делала бы их приобретение трудно осуществимым для наемного рабочего. Тот фонд, который образуется благодаря продаже этих земель, т. е. тот денежный фонд, который выжимается из заработной платы нарушением священного закона спроса и предложения, правительство должно в свою очередь употреблять по мере его образования на то, чтобы ввозить голяков из Европы в колонии и таким образом поддерживать для господ капиталистов рынок наемного труда в состоянии полноты. При таких условиях «tout sera pour le mieux dans le meilleur de mondes possibles» [«все будет к лучшему в этом лучшем из миров»].

В этом — великая тайна «систематической колонизации». «По этому плану, — торжествующе восклицает Wakefield, — предложение труда будет постоянным и регулярным; потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие, — так как ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не поработает известное время за деньги, — сообщая рабства бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда; потому, во-вторых, что каждый, кто бросает наемный труд и становится земельным собственником, как раз куплей земли обеспечивает известный фонд на доставку в колонии свежего труда»²⁷³.

Отсироированная государством цена земли, конечно, должна быть «достаточной» (sufficient price), т. е. настолько высокой, «чтобы воспрепятствовать рабочим превращаться в независимых крестьян, пока не окажутся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда»²⁷⁴. Эта «достаточная цена земли» есть не что иное, как смягченное обозначение выкупной суммы, которую рабочий уплачивает капиталисту за разрешение удалиться с рынка наемного труда на свой участок земли. Сначала он должен создать для господина капиталиста «капитал» для эксплуатации еще большего количества рабочих, а потом должен поставить на рабочий рынок «заместителя», которого за счет его правительство транспортирует из-за моря для его бывшего господина капиталиста.

В высшей степени характерно, что английское правительство в течение нескольких лет осуществляло этот метод «первоначального накопления», рекомендованный господином Wakefield'ом, для применения собственно

²⁷² «Вы говорите, что человек, у которого нет ничего, кроме собственных рук, благодаря присвоению земли и капиталов находит работу и создает для себя доход... напротив, только благодаря индивидуальному присвоению земли находятся люди, у которых нет ничего, кроме их рук... Стави человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания. Точно так же поступаете вы, завладевая землей... Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу» (C o l i n s, L'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes, Paris 1857, vol. III, p. 268—271 passim.

²⁷³ Wakefield, England and America, London 1833 vol. II, p. 102.

²⁷⁴ Там же, стр. 45.

в колониях. Неудача была, конечно, столь же позорна, как провал банкнотного акта Пилля. Следствием было только то, что поток эмиграции от английских колоний был отклонен к Соединенным штатам. Между тем прогресс капиталистического производства в Европе, сопровождавшийся усилением правительственного гнета, сделал рецепт Wakefield'a излишним. С одной стороны, колоссальный и непрерывный поток людей, из года в год ширившийся в Америку, оставляет на востоке Соединенных штатов настоящие орудия, так как волна эмиграции из Европы быстрее выбрасывает людей туда на рабочий рынок, чем другая волна успевает унести их на запад. С другой стороны, американская гражданская война принесла за собой колоссальный национальный долг и вместе с ним гнет налогов, возникновение самой пышной финансовой аристократии, раздачу огромной части общественных земель обществам спекулянтов, возникшим с целью эксплуатации железных дорог, рудников и т. д., — коротко говоря, принесла самую быструю концентрацию капитала. Таким образом великая республика перестала быть обетованной землей для эмигрирующих рабочих. Капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейского нормального уровня.

Бесстыдное расточение неводеланных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам, — что громко перещелкает даже Wakefield, — в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, — все это породило, особенно в Австралии²⁷⁵, достаточное «относительное перенаселение рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рабочего рынка — *glut of the Australian labour-market*, — и проституция расцветает там местами так же пышно, как на лондонском *Haymarket*.

Однако здесь нас занимает не положение колоний. Нас интересует здесь только тайна, открытая в Новом Свете и громко возвещенная политической экономией Старого Света: капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность обуславливают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. обуславливают экспроприацию рабочего.

²⁷⁵ Как только Австралия сделалась своей собственной законодательницей, она, конечно, начала издавать законы, благоприятные для переселенцев, но расточение земель, уже произведенное англичанами, стоит поперек дороги. «Первая и главная цель, к которой стремится новый земельный закон 1862 г., заключается в том, чтобы облегчить народу возможность расселения» («*The Land Law of Victoria by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands, London 1862*»).